ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛIОТЕКА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБРОНИКЪ.

ТОМЪ V.

ИЗДАНIЕ.

А. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типогр. и литогр. А. Е. Ландау. Ср. Мѣщ., д. № 12.
1875.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie imer neu;
Und wem sie just passiret
Dem bricht das Herz entzwei.

Heine.

На оберткѣ предлагаемаго нынѣ *пятаго* тома „Еврейской Библіотеки" читатель уже не найдетъ стереотипной фразы: „Приготовляется къ печати *слѣдующей* томъ", не найдетъ потому, что весьма можетъ быть, что этотъ *пятый* томъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ и *послѣдній.*

Да, любезный читатель! Это старая, вѣчно повторяющаяся исторія съ еврейско-русскими изданіями! Приступаешь къ нимъ полный силъ и энергіи, полный жажды къ дѣятельности, полный надеждъ и упованій... И что же? Проходитъ нѣкоторое время, и смотришь—вся эта сила и энергія, всѣ эти свѣтлыя упованія надломлены и разбиты о равнодушіе тѣхъ, отъ кого слѣдовало ожидать радушный пріемъ и глубокое сочувствіе!

Такъ было съ „*Разсвѣтомъ*", съ „*Сіономъ*", съ „*Днемъ*", такъ оно, повидимому, будетъ и съ нашей „*Еврейской Библіотекой*".

Сегодня ровно четыре года, какъ мы выпустили въ свѣтъ первый томъ нашей „Библіотеки". Мы сказали тогда, что продолженіе нашего изданія зависитъ отъ того сочувствія, которое ему окажетъ русская и еврейская

публика. По тому радушнему пріему, съ которымъ „Еврейская Библіотека" была встрѣчена со стороны печати, и по тѣмъ заявленіямъ, которыя намъ лично были сдѣланы людьми, искренно интересующимися такъ называемою русско-еврейскою литературою, мы никакъ не думали, что намъ придется такъ скоро остановиться. Но что же дѣлать, пришлось разочароваться и—остановиться.

И мы пріостанавливаемся.

А пріостанавливаемся мы не потому, чтобы у насъ не хватало силъ и энергіи продолжать начатое дѣло, не потому, чтобъ у насъ не было желанія продолжать его.— Напротивъ, мы глубоко скорбимъ, что вынуждены остановиться, и остановиться тогда, когда нѣтъ никакого другого подобнаго изданія, и когда такъ много, много есть еще что сказать. Мы пріостанавливаемся, къ сожалѣнію, по очень прозаичной причинѣ, по той простой причинѣ, что не видимъ возможности въ матеріальномъ отношеніи продолжать это изданіе безъ искусственной поддержки. А искусственная поддержка, въ видѣ субсидіи и пособія, это вещь чрезвычайно шаткая и въ добавокъ—стѣснительная. Онѣ стѣснительны не только для тѣхъ, кто пользуется ими, но—какъ оказывается—и для тѣхъ, къ кому приходится обращаться за ними.

При такихъ обстоятельствахъ, не лучше-ли остановиться тѣмъ раньше. Достаточно съ насъ, если мы продержались четыре года, и если мы, при подобномъ положеніи—смѣемъ думать—вели наше изданіе не въ ущербъ тѣмъ интересамъ, для которыхъ оно было предпринято, и сдѣлали изъ него то, что можно было сдѣлать.

Грустно, печально, и если хотите, и стыдно, что слишкомъ два милліона русскихъ евреевъ не въ состояніи поддержать единственное еврейское изданіе, но оно такъ, и мы съ глубокимъ прискорбіемъ кладемъ наше перо.

Съ глубокимъ прискорбіемъ мы разстаемся съ тѣми, которые постоянно выражали намъ свое искреннее, горячее сочувствіе, и съ тѣми, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ содѣйствовали намъ своими трудами и совѣтами. Приносимъ имъ за это нашу задушевную благодарность и надѣемся, что, если обстоятельства измѣнятся, они не откажутся снова подать намъ руку помощи и по прежнему работать вмѣстѣ съ нами.

Мы пріостанавливаемъ наше изданіе, но не прекращаемъ его окончательно. Мы возобновимъ его, если къ тому окажется малѣйшая возможность *).

А. Л.

---

*) Въ случаѣ если намъ удастся возобновить наше изданіе, мы, въ виду того, что въ настоящее время нѣтъ ни одного еврейско-русскаго органа, будемъ выпускать его *два* раза въ годъ, въ опредѣленные сроки, заведемъ въ „Библіотекѣ" современный отдѣлъ для обозрѣнія всѣхъ касающихся евреевъ событій внутри и внѣ нашего отечества, а равно и всѣхъ литературныхъ явленій.

ІУДА МАККАВЕЙ.

Драма Лонгфелло.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДВОРЕЦЪ АНТІОХА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

СЦЕНА I.

Антіохъ и Язонъ.

АНТІОХЪ.

О, городъ мой, моя Антіохія,
Восточная царица! Услажденье
Моей души! О, я еще сильнѣе
Люблю тебя теперь, — теперь, когда
Ты, бывшая приданымъ Клеопатры,
Моей сестры, мнѣ вновь возращена!
Люблю тебя я всей душой и жажду
Быть вновь въ тебѣ, сидѣть въ кругу твоихъ
Артистовъ сладкозвучныхъ и красавицъ
Танцующихъ и тѣло освѣжать
Въ Оронтесѣ, твоей рѣкѣ прекрасной!
Язонъ, мой жрецъ верховный, видѣлъ ты
Когда нибудь ее, Антіохію,
Красавицу?

ЯЗОНЪ.

Ни разу, государь.

АНТІОХЪ.

Такъ, стало быть, ты никогда не видѣлъ
Чудеснѣйшаго чуда. Передъ ней
Іерусалимъ — ничтожное селенье,
А жители его, когда сравнить

Ихъ съ греками—какіе-то медвѣди
И неучи.

ЯЗОНЪ.

Такъ точно, государь,
Все неучи.

АНТІОХЪ.

Образовать ихъ должно;
Заставить ихъ имѣть не одного,
А нѣсколькихъ боговъ и, къ нимъ въ добавокъ,
Еще богинь.

ЯЗОНЪ.

И будетъ по сему.

АНТІОХЪ.

У нихъ должны устроиться театры,
Ристалища, и шумные пиры,
И игры Діонисьевы.

ЯЗОНЪ.

Все это
Устроится.

АНТІОХЪ.

Свидѣтель Геркулесъ!
Хотѣлъ бы я увидѣть поскорѣе,
Какъ эти всѣ евреи, увѣнчавъ
Себя плющемъ, подъ масками сатировъ,
Съ свирѣлями и тирсами въ рукахъ,
Безчинствуютъ въ своемъ священномъ градѣ,
На улицахъ торжественныхъ его!
Ха, ха, ха, ха! Ужъ думая объ этомъ,
Я хохочу!.. Ты не смѣешься, жрецъ?

ЯЗОНЪ.

О, искренно, мой государь великій,
Смѣюсь — въ душѣ!

АНТІОХЪ.

Въ израильскую тьму
Свѣтъ греческій проходитъ постепенно...
Неправда-ли, вѣдь я преобразилъ
Ихъ древній храмъ и эллинствомъ наполнилъ
Его, когда поставилъ на алтарь
Зевеса Олимпійскаго статую?

ЯЗОНЪ.

Да, государь, ты это совершилъ.

АНТІОХЪ.

И точно такъ, какъ ты изъ Іереміи
Язономъ сталъ и изъ еврея — грекомъ, —
Всю націю израильскую я
Преображу, — я измѣню ихъ свойства
И имена, — духъ эллинскій внесу
Во всю ихъ жизнь.

ЯЗОНЪ.

Твое желанье будетъ
Исполнено.

АНТІОХЪ.

Обычаи, обряды,
Законы ихъ — все греческимъ должно
Содѣлаться. Пускай они забудутъ
Языкъ отцевъ и говорить начнутъ
Прелестнымъ языкомъ Антіохіи...
Гдѣ пропадалъ сегодня утромъ ты?

ЯЗОНЪ.

Въ гимназіи я и жрецы другіе
Играли въ дискъ.

АНТІОХЪ.

Вотъ это хорошо.
Для васъ, жрецовъ бездѣльныхъ, нѣтъ занятья
Полезнѣе игры съ народомъ въ дискъ...
Скажи, Язонъ, какъ эти всѣ евреи
Зовутъ меня, когда у нихъ заходитъ
Рѣчь обо мнѣ?

ЯЗОНЪ.

Великимъ, величайшимъ,
Мой государь!

АНТІОХЪ.

Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то!
Я знать хочу, какое мнѣ прозванье
Даютъ они, толкуя межъ собой
И думая, что ихъ никто не слышитъ?

ЯЗОНЪ.

Тогда у нихъ ты—Антіохъ безумный...

АНТIОХЪ.

Ого, вотъ какъ!.. Безумный!.. Ну, а кто-жъ
Впервые въ ходъ пустилъ такую шутку?

ЯЗОНЪ.

Семь сыновей помѣшанныхъ вдовы
Такой же сумасшедшей...

АНТIОХЪ.

Вотъ такъ храбрость
Примѣрная! Но только ихъ она
Не выручитъ;—иль ѣсть свиное мясо
Заставлю ихъ, иль смерть мерзавцамъ!.. Гдѣ
Они теперь?

ЯЗОНЪ.

Въ темницѣ подземельной
Сего дворца.

АНТIОХЪ.

Ну, пусть же тамъ сидятъ
И съ голоду, какъ псы, околѣваютъ,
Покамѣсть я за благо разсужу
По своему ихъ передѣлать въ грековъ.

ЯЗОНЪ.

Все въ точности исполню. Государь,
Послы изъ Самарiи тамъ въ прiемной
Ждутъ милости монаршей.

АНТIОХЪ.

Отчего-же
Немилости не ждутъ они? Пословъ
Не очень-то люблю я; эти люди
Работаютъ для личной пользы только —
Не для моей; отъ нихъ не жду себѣ
Я помощи... Пусть тѣ, что̀ тамъ въ прiемной,
Меня не безпокоятъ лично; можешь
Отправить ихъ къ Филиппу, моему
Сатрапу Самарiи... Что̀ имъ нужно?

ЯЗОНЪ.

За санкцiею твоею, государь,
Они пришли, для имени, которымъ
Хотятъ назвать самаритяне храмъ,
Стоящiй на Геризимѣ.

АНТIОХЪ.

Вотъ это
Мнѣ нравится... Пускай они войдутъ...
Намѣреньямъ моимъ благопрiятны
Желанiя такiя... Пусть войдутъ!

СЦЕНА II.

Антiохъ, Язонъ, Самаритянскiе Посланники.

АНТIОХЪ.

Приблизьтесь... Ну, что̀ стали на порогѣ,
Какъ нищiе?.. Поближе! Вы послы —
Ведите же себя, какъ подобаетъ
Посланникамъ... Что̀ нужно?

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Соизволь
Насъ выслушать, Великiй!

АНТIОХЪ.

Говорите,
Да поскорѣй! Въ цвѣтистой болтовнѣ
Вы времени не тратьте; дѣло—дѣло,
А слово—вздоръ!

ПОСОЛЪ (*читая*).

«Монарху Антiоху,
Великому, Божественному; просьба
Отъ племени сидо̀нянъ»...

АНТIОХЪ.

Отъ сидонянъ?

ПОСОЛЪ.

Такъ, государь!

АНТIОХЪ.

Ну, дальше, дальше!.. Мнѣ
Нѣтъ времени смотрѣть, какъ ваши спины
Сгибаются и кланяются...

ПОСОЛЪ (*продолжая читать*).

«Мы —
Коллонiя отъ мидо-персовъ...»

АНТIОХЪ.

Лжете!
Евреи вы — евреи одного
Изъ десяти колѣнъ; Сидона-ль, Самарiи

Вы жители,—мнѣ это все равно:
Вы всѣ израильтяне, всѣ евреи.
Когда дѣла евреевъ хороши—
Вы къ нимъ въ родство навязываетесь; плохо
Имъ станетъ жить—и мидо-персы вы...
Я хорошо васъ знаю!

ПОСОЛЪ (*продолжая читать*).

«Наши предки,
По древнему завѣту суевѣрья,
Привыкли чтить своимъ священнымъ днемъ
Тотъ, что̀ еврей субботой называетъ,
И въ храмѣ безъименномъ, на горѣ
Геризимѣ построенномъ, свершали
Свое богослуженье. Нынѣ мы,
Сидоняне, тебя, нашъ благодѣтель,
Спаситель нашъ, смиренно молимъ — насъ
Не смѣшивать съ евреями—народомъ
Испорченнымъ, и повелѣнье дать
Сановникамъ твоимъ самаритянскимъ,
Чтобъ дольше насъ не притѣсняли; молимъ
Мы вмѣстѣ съ тѣмъ о дозволеньи — храмъ,
Безъ имени стоящій, храмомъ Зевса
Впредь называть».

АНТІОХЪ.

Быть по сему. Душевно
Я радуюсь, что не евреи вы,
Что греками вы стали. Храмомъ Зевса
Отнынѣ пусть вашъ наречется храмъ.

(*Послы уходятъ*).

СЦЕНА III.

Антіохъ *и* Язонъ.

АНТІОХЪ.

Дѣла идутъ, какъ я не ждалъ, признаться...
Замѣтилъ ты, какъ эти самарійцы
Здѣсь отреклись отъ всякаго родства
Съ евреями? Они, вотъ, и сидонцы,
И мидяне, и персы, все, что̀ хочешь,
Да только не евреи! Это добрый,

Отличный знакъ! За ними скоро всѣ
Послѣдуютъ, и эллинству еврейство
Уступитъ постепенно.

ЯЗОНЪ.

Государь,
Ушедшіе отсюда — самарійцы.
Іудино колѣно далеко
Не таково, и съ ними сладить будетъ
Не такъ легко.

АНТІОХЪ.

Язонъ, я не люблю,
Чтобъ мнѣ противорѣчили.

ЯЗОНЪ.

Упорство
Еврейское мнѣ хорошо знакомо.
Еще вчера, Элеазаръ, старикъ
Почти ста лѣтъ, вкушенію свинины
Смерть предпочелъ на страшной пыткѣ.

АНТІОХЪ.

Я
Всю кровь изъ нихъ по каплѣ выжму, если
Не сдѣлаю ихъ греками!

ЯЗОНЪ.

Толпами
Они бѣгутъ въ глубь Ефраимскихъ горъ,
Гдѣ Маккавей Іуда поднялъ знамя
Возстанія.

АНТІОХЪ.

Я въ пепелъ превращу
Столицу ихъ; я сдѣлаю пустыней
Безлюдною ихъ нивы и луга;
Засыплю я всѣ ихъ жилища солью,
Какъ нѣкогда въ Содомѣ! Этотъ годъ
Сто пятьдесятъ второй Олимпіады
Запишется кровавыми словами
Въ исторію, и имя Антіоха,
Великаго, божественнаго, будетъ
Лежать на немъ, какъ страшная печать
Послѣдняго возмездія!.. Гдѣ эти
Семь сыновей?

ЯЗОНЪ.

Ждутъ воли своего
Властителя...

АНТІОХЪ.

Недолго ждать придется!

ДѢЙСТВІЕ II.

ТЕМНИЦА ВО ДВОРЦѢ.

СЦЕНА I.

Мать Семи Сыновей.

МАТЬ (*прислушиваясь*).

Не унывай, о, сердце! Не разбейся,
Пока они, семь сыновей моихъ,
Еще живутъ... Когда жъ не станетъ милыхъ,—
Умри и ты, и пусть моя душа,
Разбитая страданьями, изъ тѣла
Летитъ скорѣй... О, дѣти дорогія!
Тотъ самый Богъ, что̀ создалъ небеса,
И здѣшній міръ, и есть всего начало,
Всему конецъ,—дыханіе и жизнь
Вложилъ и въ васъ, и нынѣ хочетъ снова
Ихъ взять къ себѣ... Я не ропщу, о, нѣтъ,
Благодарю Тебя за то, Всевышній,
Что ты меня и сыновей моихъ
Достойными призналъ мученій, ради
Тебя, Господь, закона Твоего
И за грѣхи Израиля потомковъ!..
Чу! слышу я удары плети!.. О,
Я слышу ихъ живѣе и сильнѣе,
Чѣмъ сами вы, страдальцы дорогіе,—
Но не могу прійти на помощь... Я,
Привыкшая при вашемъ первомъ крикѣ
Баюкать васъ въ часы ночные,—я,
Малѣйшіе ушибы ваши нѣжно
Лечившая,—я не могу теперь,
Въ объятіяхъ моихъ, страданья ваши
Жестокія утишить... Но Господь

Возьметъ васъ всѣхъ, и тамъ, въ Его пріютѣ,
Найдете вы забвенье и покой!

ГОЛОСЪ (*за сценой*).

Чего отъ насъ ты хочешь? Мы готовы
Идти на смерть, но никогда законъ
Своихъ отцовъ не переступимъ!..

МАТЬ.

Это
Мой старшій сынъ!.. Я узнаю тебя,
Духъ доблестный... Ты братъ перворожденный
И умереть имѣешь право первымъ!

ТОТЪ ЖЕ ГОЛОСЪ (*за сценой*).

Богъ видитъ насъ и Богъ утѣшенъ нами,
Какъ нѣкогда изрекъ Моисей, что Онъ
Въ Своихъ слугахъ утѣшенъ будетъ...

МАТЬ (*прислушиваясь*).

Голосъ
Его умолкъ... Туда, гдѣ нѣтъ страданій,
Онъ перешелъ навѣки...

АНТІОХЪ (*за сценой*).

Если ты
Не станешь ѣсть, всѣ члены тѣла пыткой
Страшнѣйшею я истерзаю... Ну,
Согласенъ?

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ (*за сценой*).

Нѣтъ.

МАТЬ.

Адаіи это голосъ.
Я за него дрожу. Его характеръ,
Измѣнчивый, живой, какъ вѣтеръ, мнѣ
Давно знакомъ... Будь твердъ, о, сынъ мой!

ТОТЪ ЖЕ ГОЛОСЪ (*за сценой*).

Дико
И бѣшено отымешь ты у насъ
Жизнь здѣшнюю, но Богъ, Правитель міра,
Въ замѣнъ ея намъ дастъ другую жизнь—
Жизнь вѣчную.

МАТЬ.

Благодарю, о Боже,
За то, что Ты душѣ несмѣлой этой

Рѣшимость далъ—погибнуть за Тебя...
О, ежели и тотъ, за чье геройство
Боялась я, встрѣчаетъ смерть съ такимъ
Безстрашіемъ,—мнѣ нечего бояться
За остальныхъ: всѣ устоятъ они.

третій голосъ (*за сценой*).

Царь Антіохъ! Какія-бъ ты мученья
Ни выдумалъ, какой бы пыткой насъ
Ни истязалъ,—мы будемъ непреклонны.

МАТЬ.

О, Авиналъ! Твой милый голосъ!.. Слышу
Въ послѣдній разъ... Но нѣтъ,—въ послѣдній разъ
Лишь на землѣ! Надъ смертью и надъ пыткой
Смѣется онъ,—призывомъ изъ другаго,
Заоблачнаго міра онъ звучитъ
Въ моихъ ушахъ, и муки здѣшней жизни
Мнѣ кажутся ничтожествомъ.. Прощай,
Мой Авиналъ! Нѣтъ, нѣтъ! Вѣрнѣе: здравствуй,
Мой Авиналъ!—вѣдь ранѣе тебя
Я умерла, и мы теперь за гробомъ
Встрѣчаемся... Что-жъ медлятъ остальные?
Я жду и ихъ!..

четвертый голосъ (*за сценой*).

Блажены тѣ, о царь,
Которые, пріявъ свою кончину
Отъ рукъ людскихъ, вновь получаютъ жизнь
Изъ божьихъ рукъ. Но ты, сойдя въ могилу,
Ужъ изъ нея не выйдешь никогда.

МАТЬ.

Четыре, ужъ четыре! Только трое
Еще живутъ!.. Нѣтъ, нѣтъ,—всѣ живы, всѣ!
Часть—здѣсь, часть—тамъ... Ну, Антіохъ, спѣши-же
Насъ съединить: тотъ самый мечъ, которымъ
Ты прободишь намъ бренныя тѣла,
Откроетъ входъ туда, гдѣ наши души,
Найдя давно желаемый покой,
Въ объятія другъ къ другу устремятся!

пятый голосъ (*за сценой*).

Всесиленъ ты, на все наводишь ужасъ;

Но часъ придетъ—и узришь предъ собой
Ты божью власть, и упадешь подъ карой
Великою за страшные грѣхи!

МАТЬ.

О, поскорѣй, не медли! Ты, убившій
Ужъ тысячи еврейскихъ матерей,
Ты, вѣшавшій дѣтей ихъ умерщвленныхъ
На шеи къ нимъ,—убей же и меня:
Я тоже мать, и юноши всѣ эти—
Мои. Спѣши убить насъ всѣхъ, и ихъ,
Безжизненныхъ, повѣсь ко мнѣ на шею!

шестой голосъ (*за сценой*).

Царь Антіохъ, дерзнувшій встать на Бога
Израиля,—не думай избѣжать
Достойнаго возмездья; гнѣвъ Іеговы
Сразитъ тебя и твой кровавый домъ!

МАТЬ.

Еще одинъ,—мой Сиріонъ,—и будетъ
Все кончено!.. Всѣхъ дѣтокъ уложивъ,
Улягусь я и также непробудно,
Какъ и они, усну... Мой Сиріонъ,
Мой дорогой, послѣдній мой ребенокъ!
Подъ пыткою терзаешься и ты!
И кудри золотыя, что̀ такъ часто
На эти пальцы навивала я,
Теперь въ крови, въ пыли, какъ шерсть ягненка,
Убитаго на бойнѣ!.. Тишина...
Все замерло... О, это гробовое
Безмолвіе страшнѣе для меня,
Чѣмъ всякій звукъ, чѣмъ всякій вопль страданья
Въ предсмертную минуту!.. Неужли
Онъ изнемогъ? Не вынеся мученій,
Отъ Господа отпалъ?.. Не можетъ быть!..
О, Сиріонъ! Подобно братьямъ, долженъ
Ты умереть, ты жить не можешь дольше!

СЦЕНА II.

Мать, Антіохъ *и* Сиріонъ.

МАТЬ.

Всѣ умерли?

АНТІОХЪ.

Изъ всѣхъ семи одинъ
Еще живетъ... Взгляни-ка, тамъ вотъ трупы
Валяются; картинка хороша,
Не правда ли?

МАТЬ.

О, Судія Небесный!
Возможно ли, чтобъ человѣкъ свершилъ
Такія злодѣянья—и не умеръ
Отъ одного сознанія своей
Грѣховности?... О, трупы дорогіе,
Истерзанные пыткой и въ крови
Лежащіе,—вы, бывшіе недавно
Моими сыновьями,—я смотрю
На васъ безъ слезъ: такой прекрасной смертью
Вы умерли, что ваша мать должна
Не сѣтовать, а радостно гордиться!...
Но почему ты, Сиріонъ, одинъ
Остался живъ? Ужели малодушно
Ты смерти испугался?

АНТІОХЪ.

Для тебя
Я пощадилъ его: онъ такъ прекрасенъ
И нѣженъ такъ; я поклялся ему
Всѣмъ сонмищемъ боговъ, что увѣнчаю
Я жизнь его почетомъ безпримѣрнымъ;
Что будетъ онъ и первымъ другомъ мнѣ,
И тайнъ моихъ хранителемъ; что щедро
Осыплю я его богатствомъ, счастьемъ,
Когда законъ Моисеевъ отъ себя
Отброситъ онъ и сдѣлается нашимъ...
Но юноша упорствуетъ...

МАТЬ.

Мой милый,
Достойный сынъ!

АНТІОХЪ.

И потому-то я
Прошу тебя, какъ мать, съ упрямцемъ этимъ
Поговорить и убѣдить его.
Отъ крови я ужъ боленъ...

МАТЬ.

Да, конечно,
Я говорить съ нимъ буду. Сиріонъ,
Мой милый сынъ, о, сжалься надо мною,
Носившею, вскормившею тебя,
Съ заботливостью нѣжной за тобою
Слѣдившею отъ первыхъ дней твоихъ
До нынѣшней минуты,—будь душою,
Какъ братья, твердъ! Взгляни на небеса
Надъ головой твоей, взгляни на землю
Подъ нашими ногами и подумай,
Что это все Всевышній сотворилъ
Изъ ничего и точно также созданъ
Имъ человѣкъ;—и съ мыслію такой
Жестокаго мучителя не бойся,
Но, слѣдуя примѣру братьевъ, будь
Достоинъ ихъ, подобно имъ, кончину
Свою пріими, чтобъ я могла тебя
Благословить, какъ ихъ благословила.

СИРІОНЪ (*Антіоху*).

Чего жъ ты ждешь? Предъ волею твоей
Я головы не преклоню; священнымъ
Я признаю законъ единый—тотъ,
Что принесенъ Моисеемъ къ нашимъ предкамъ.
А ты, злодѣй, безбожный человѣкъ,
Преступнѣйшій изъ всѣхъ преступныхъ,—тщетно
Надеждами непрочными себя
Ласкаешь ты, вставая смертоносно
На слугъ Творца: не избѣжать тебѣ
Суда Того, кто видитъ все на свѣтѣ!

АНТІОХЪ.

Вашъ Богъ—не мой; я не боюсь его.

СИРІОНЪ.

Подъ пыткою мои погибли братья;
Но ты, о царь, ты кару понесешь
Надменности жестокой. Богу въ жертву
Я приношу и плоть свою, и духъ,
Моля Его, чтобъ надъ народомъ нашимъ
Онъ сжалился и чтобъ довелъ тебя
Мученьями и пытками къ сознанью,
Что Онъ одинъ есть Богъ.

АНТІОХЪ.

И ты, и мать,
Погибнете отъ мукъ гораздо злѣе,
Страшнѣй чѣмъ все, что̀ для меня въ запасѣ
Хранитъ вашъ Богъ.

МАТЬ.

Какъ я горжусь тобой,
Мой Сиріонъ!

АНТІОХЪ.

Молчать! Ступай на пытку
Въ ту комнату, безчувственная мать,
Гдѣ крѣпкимъ сномъ уже почило столько!...
Ступай туда! Ни шумъ твоихъ шаговъ,
Ни голосъ твой ихъ больше не разбудятъ,
И ты сама, въ полночный часъ, среди
Тревожныхъ грезъ, ужъ не услышишь крика
Твоихъ дѣтей, зовущихъ мать...

МАТЬ.

О, Смерть!
Тѣхъ блѣдныхъ рукъ, что̀ ты ко мнѣ простерла,
Я не страшусь,—я прижимаю ихъ
Къ моимъ губамъ, такимъ же блѣднымъ, блѣднымъ,
Какъ и твои: сама я тоже Смерть;
Нѣтъ—Смерти мать, глядящая на трупы
Всѣхъ сыновей... Пойдемъ, мой Сиріонъ!

ДѢЙСТВІЕ III.

ПОЛЕ СРАЖЕНІЯ.

СЦЕНА I.

Іуда Маккавей (*вооруженный, передъ своею палаткой*).

ІУДА.

Труба звучитъ; ей отвѣчаетъ эхо
Окрестныхъ горъ, межъ тѣмъ какъ возстаетъ
Субботняя заря надъ Беѳорономъ,
Гдѣ Іисусъ Навинъ, великій вождь
Служителей Господнихъ, уничтожилъ
Полки аморитянскіе. Съ тѣхъ поръ,
И до того, дня славнаго такого
Не видѣлъ свѣтъ, и не увидитъ больше.
Остановилось солнце, и владыки
Могучіе лежали подъ ногами
Израильскихъ солдатъ, какъ будешь ты,
О, Антіохъ, чудовище злодѣйства,
Валяться подъ пятою у меня!
Смотри сюда,—смотри, какъ блещетъ солнце
На буквахъ золотыхъ, что̀ начерталъ я
На знамени: «*Бе Элогимъ Іегова!*»
О, Господи, кто изъ боговъ съ Тобою
Осмѣлится сравнить себя?... Увы!
Я не Навинъ, я не имѣю силы
Сказать, какъ онъ: «остановись ты, солнце,
И ты, луна!» Но я не изъ тѣхъ,
Что̀ тратятъ дни въ стенаніяхъ безплодныхъ...
Я жизнь мою несу открыто въ бой,
Чтобъ иль спасти ее, иль съ ней разстаться,
Какъ хочетъ Онъ, мнѣ давшій эту жизнь!

СЦЕНА II.

Іуда Маккавей, Еврейскіе бѣглецы.

ІУДА.

Кто вы? Зачѣмъ межъ нашими шатрами
Вы крадетесь, какъ воры?

БѢГЛЕЦЫ.

Мы евреи,
Сограждане твои, о, Маккавей,
И бѣглецы, какъ ты, которымъ небо
Позволило уйти изъ оскверненныхъ
Стѣнъ города и смерти избѣжать.

ІУДА.

Никто не избѣгаетъ смерти. Если
Вы скажете, что умереть пришли
За свой народъ—привѣтъ мой вамъ. Какія
Вы принесли мнѣ вѣсти?

БѢГЛЕЦЫ.

Вѣсти горя
Великаго. Опустошенъ врагомъ
Священный храмъ. Сосуды дорогіе,
Кадильницы, и ризы, и вѣнцы
Изъ золота литаго, украшенья
Изъ мрамора, и яшмы, и порфира,
И скрытыя сокровища,—все, все
Унесено рукою святотатца;
И тѣ мѣста, гдѣ падали мы ницъ
Съ молитвою, осквернены распутствомъ
И оргіями дикими.

ІУДА.

Все это
Предвидѣлъ я.

БѢГЛЕЦЫ.

На алтаряхъ святыхъ
Поставлены предметы, строго нашимъ
Закономъ запрещенные; субботу
И праздники другіе больше чтить
Не смѣемъ мы,—за то должны позорно
На пиршествахъ въ честь Діониса, въ гнусной
Процессіи, идти, неся въ рукахъ
Вѣнцы изъ лозъ для пьянаго ихъ бога!

ІУДА.

И это я предвидѣлъ.—Что же мнѣ
Разскажете вы про евреевъ? Это
Несчастіе какъ дѣйствуетъ на нихъ?

БѢГЛЕЦЫ.

О, тяжело оно въ сердцахъ еврейскихъ
Отозвалось. Наполнена страна
Великою печалью. Горько плачутъ
Старѣйшины и князи; на устахъ
У юношей и дѣвушекъ исчезла
Веселая улыбка; съ женскихъ лицъ
И красота, и свѣжесть быстро сходитъ...

ІУДА.

И неужли тамъ нѣтъ ни одного,
Готоваго идти на смерть во славу
Израиля? Скорбить и плакать—мало.
О бѣдствіяхъ народныхъ слезы льетъ
Пусть женщина; мужъ умирать обязанъ.

БѢГЛЕЦЫ.

И женщины, и мужи, старики
И юноши, всѣ умираютъ;—старецъ
Элеазаръ, Магала и ея
Семь сыновей погибнули подъ пыткой.

ІУДА.

О, Антіохъ, твой каждый шагъ кладетъ
Кровавый слѣдъ на улицахъ священныхъ,
И божья месть тебя настигнетъ грозно
По тѣмъ слѣдамъ!.. Довольно. Лагерь нашъ
Вамъ дастъ пріютъ. Оружіе, какое
Найдете вы, возьмите, и пусть будетъ
Вашъ лозунгъ неизмѣнный: „Съ нами Богъ!"

(*Бѣглецы уходятъ*).

СЦЕНА III.

Іуда Маккавей *и* Никаноръ.

НИКАНОРЪ.

Привѣтъ и миръ Іудѣ Маккавею!

ІУДА.

Привѣтъ тебѣ! Кто ты, пришедшій такъ
Таинственно въ нашъ лагерь?

НИКАНОРЪ.

Никанора
Посланникъ я.

ІУДА.

Посланники не ходятъ
Съ такими ухищреньями. Отъ ногъ
До головы укутанный въ свой панцырь,
Ты крадешься змѣею. Почему
Свое лице скрываешь ты? Посланникъ
Идетъ къ врагу съ челомъ открытымъ. Ты—
Шпіонъ.

НИКАНОРЪ.

Къ чему скрываться? Вотъ открыто
Мое лице; смотри—я Никаноръ.

ІУДА.

Да, это ты. Привѣтъ тебѣ. Но что же
Нежданно такъ могло привесть тебя
Въ враждебный станъ?

НИКАНОРЪ.

Довѣрье къ полководцу.
Всѣ доблести народа твоего,
Безъ примѣси живущихъ въ немъ пороковъ,
Сошлись въ тебѣ. Ты строгъ, но безъ тиранства,
Ты справедливъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не чуждъ
Терпимости. И потому пусть будетъ
Межъ нами миръ.

ІУДА.

Что значитъ миръ? Склонять
Передъ врагомъ побѣдоносным шею
Безропотно? Смотрѣть, какъ грабитъ онъ
У насъ въ домахъ,—какъ убиваетъ нашихъ
Соотчичей иль въ рабство продаетъ
Дѣтей и женъ,—какъ выжигаетъ села
И города,—какъ оскверняетъ храмъ
Языческими идолами?—Это-ль
Ты миромъ называешь?

НИКАНОРЪ.

Это все
Есть грустная войны необходимость,
И именно затѣмъ, чтобъ положить
Предѣлъ огню, мечу, опустошенью,
Я здѣсь теперь. Іуда Маккавей!

Пусть межъ тобой и Антіохомъ будетъ
Отнынѣ миръ.

ІУДА.

До той поры, пока
Водружено языческое знамя
На крѣпости іерусалимской,—нѣтъ.
Не можетъ быть о мирѣ даже рѣчи
Межъ мной и Антіохомъ.

НИКАНОРЪ.

Въ двухъ шагахъ
Отъ твоего шатра нашъ грозный лагерь
Раскинулся громадною стѣною;
Его хранятъ пѣхоты сорокъ тысячъ
И конницы—пятнадцать. Противъ нихъ
Чтò можешь ты поставить?

ІУДА.

Силу Бога,
Котораго дыханье размететъ
Шатры врага, какъ вѣтеръ хлопья снѣга
По воздуху разноситъ.

НИКАНОРЪ.

Вашъ Господь
Въ субботній день, день своего покоя,
Сражаться не захочетъ.

ІУДА.

Замолчи,
Надменный богохульникъ! Отправляйся
Къ своимъ шатрамъ.

НИКАНОРЪ.

Чтò жъ уношу я: миръ
Или войну?

ІУДА.

Войну, войну, и только
Войну. Ступай къ твоимъ палаткамъ; ихъ
Мы разметемъ, какъ съ дерзкимъ святотатствомъ
Вы размели по улицамъ страницы
Священнаго закона.

НИКАНОРЪ.

Храбрый врагъ,
Прощай.

ІУДА.

Прощай. Эй, офицеры! Дайте
Листъ пропускной по лагерю ему,
Послу отъ Никанора, и идите
Потомъ сюда.—Путь добрый, Никаноръ.

СЦЕНА IV.

Іуда, Офицеры и Солдаты.

ІУДА.

Часъ наступилъ. Готовьте войско къ битвѣ.
Вы слышите: при громкихъ звукахъ трубъ
И съ пѣснями солдаты Никанора
Идутъ на насъ. Спѣшимъ же встрѣтить ихъ,
Молясь въ сердцахъ и дѣйствуя руками.

ОФИЦЕРЫ.

Но посмотри: на золотыхъ щитахъ,
На копьяхъ ихъ играетъ ярко солнце,
И горы всѣ окрестныя блестятъ,
Облитыя такою массой свѣта!
Такъ какъ же мы, столь малые числомъ,
Столь бѣдные оружьемъ, такъ жестоко
Измученные голодомъ,—пойдемъ
На бой съ врагомъ безсчетнымъ и могучимъ?

ІУДА.

Побѣду доставляетъ не число
Дерущихся, а сила, что́ нисходитъ
На нихъ съ небесъ. Богъ запрещаетъ мнѣ
Передъ врагомъ склониться малодушно;
И ежели нашъ часъ пробилъ,—умремъ,
Не запятнавъ позоромъ нашей чести.

ОФИЦЕРЫ.

Сегодня день субботній; Маккавей,
Ужели ты въ субботу драться станешь?

ІУДА.

Мы—воины за Господа, и я
Въ день нынѣшній, какъ и во всѣ другіе,
Пойду на бой. Иль позабыли вы
Тѣхъ бѣглецовъ, что́ нѣкогда искали
Спасенья здѣсь и скрылись глубоко

Въ пещерахъ подземельныхъ? Тутъ-же лагерь
Разбили ихъ гонители и въ битву
Въ субботній день ихъ звали; но они
Молчаніе, какъ мертвецы, хранили,
Ни камешка не кинули, меча
Не вынули,—и всѣ, какъ были, мужи,
И женщины, и дѣти,—безъ борьбы
Погибнули. Мы, вышедшіе въ битву
За нашъ законъ,—мы малодушно такъ
Не встрѣтимъ смерть.

ОФИЦЕРЫ.

Веди насъ въ бой, Іуда!

ІУДА.

И лозунгъ нашъ пусть будетъ: «Съ нами Богъ»!
Сегодня мнѣ приснился сонъ: Оніасъ,
Верховный жрецъ былыхъ временъ, стоялъ
Передо мной, воздѣвши руки къ небу
Съ молитвой за евреевъ. И когда
Окончилъ онъ, другой явился старецъ,
Исполненный величьемъ неземнымъ,
Священнымъ вдохновеньемъ. И Оніасъ
Мнѣ говорилъ: «Передъ тобой стоитъ
Евреевъ другъ, пророкъ Іеремія,
Молившійся такъ много, такъ тепло
За свой народъ и за священный городъ».
И тутъ пророкъ, десницу протянувъ,
Мечъ золотой мнѣ подалъ и такія
Слова сказалъ: «Возьми священный мечъ;
То Божій даръ,—и съ нимъ ты одолѣешь
Своихъ враговъ»!

ОФИЦЕРЫ.

Впередъ—и съ нами Богъ!

ІУДА.

Чу! Звуки трубъ несутся съ Беѳорона,
Прославленнаго поля, гдѣ Навинъ
Смялъ войско аморитянъ, смялъ царей
Геброна, Лахиша, Іерусалима,
Эглона, Ярмута,—какъ мы сметемъ

Въ день нынѣшній фаланги Никанора,
На вѣчную намъ славу!

ВСѢ.

Съ нами Богъ!

ІУДА.

Бе Элогимъ Іегвва! О, Всевышній!
Въ былые дни, когда Сеннахеримъ
Возсталъ на Езекію,—для спасенья
Израиля ты ангела послалъ
И подъ его мечомъ во прахѣ пали
Несмѣтные ряды... Пошли-жъ и намъ
Защитника небеснаго и грозно,
Десницею всесильной, порази
Толпы враговъ, идущихъ святотатно
Въ твой день святой на твой святой народъ!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ПЕРЕДЪ СТѢНАМИ ІЕРУСАЛИМСКАГО ХРАМА.

СЦЕНА I.

Іуда Маккавей, Офицеры, Евреи.

ІУДА.

Разсѣянъ врагъ; Іерусалимъ спасенный
У насъ въ рукахъ, и на стѣнахъ его
Развѣялся нашъ флагъ, а на воро̀тахъ
Страшилищемъ чернѣетъ голова
Отъ трупа Никанора...

ОФИЦЕРЫ.

Но, Іуда,
Еще стоитъ надменно крѣпость та,
Гдѣ Антіохъ замучилъ мать со всѣми
Ея дѣтьми.

ІУДА.

Повремените.

ОФИЦЕРЫ.

Намъ
Видъ этихъ стѣнъ глубоко ненавистенъ:

Онѣ позоръ кидаютъ намъ въ лице,
О дняхъ другихъ вѣщая...

ІУДА.

Подождите.
Какъ облако, исчезнутъ и онѣ.
Сперва должны мы тщательно очистить
Святилище. Смотрите, вѣдь оно—
Печальная пустыня. Золотыя
Его врата разбиты, сожжены;
Дворъ, точно лѣсъ, заросъ глухой травою;
На алтарѣ—изображенья гнусныхъ
Языческихъ боговъ, а на полу—
Священныхъ книгъ валяются страницы,
Изорваны, грязны, осквернены
Рисунками кумировъ...

ЕВРЕИ.

Горе! Горе!
Растоптана вся наша слава, все
Величіе! Преступно осквернили
Язычники священныя мѣста!

(*Слышны вопли и звуки трубъ*).

ІУДА.

Звукъ этихъ трубъ и эти вопли—вопли
Еврейскаго народа къ небесамъ,
Въ моей душѣ усиливаютъ жажду
Кроваваго отмщенья... Дольше васъ,
Товарищи, я сдерживать не стану:
Ступайте, разгромите цитадель
Язычника, а мы, межъ тѣмъ, разрушимъ
Его боговъ и алтари его!

СЦЕНА II.

Іуда Маккавей, Язонъ, Евреи.

ЕВРЕИ.

Іуда, вотъ кого мы отыскали
Въ развалинахъ святаго храма; тамъ
Скрывался онъ, какъ воръ.

ІУДА.

Кто ты,—не стану

Я спрашивать. Давно знакомо мнѣ
Твое лице, на коемъ ложь и низость
Начертаны, какъ образы боговъ
Языческихъ—на этихъ оскверненныхъ
Писанія страницахъ. Прежде ты
Былъ Господа слугою, нынче служишь
Ты Сатанѣ. Измѣнникъ, ты Язонъ.

ЯЗОНЪ.

Я плѣнникъ твой, Іуда,—такъ пристало-ль
Скрываться мнѣ передъ тобою?

ІУДА.

Тамъ,
На воротахъ, я голову повѣсилъ
Язычника; что́-жъ помѣшаетъ мнѣ,
Какъ думаешь, повѣсить съ нею рядомъ
И голову того, кто былъ еврей
И сдѣлался язычникъ?

ЯЗОНЪ.

Справедливость.

ІУДА.

Вотъ какъ! Ее *ты* смѣешь призывать,—
Ты, человѣкъ, чью душу запятнали
Всѣ, всѣ грѣхи, на кои грозно шлетъ
Судья—законъ карающіе громы?

ЯЗОНЪ.

Коль не она, то жалость, какъ ея
Прислужница.

ІУДА.

А ты, злодѣй-отступникъ,
Ты сжалился-ль хоть разъ, единый разъ,
Надъ юношей, надъ женщиной, надъ бѣднымъ
Младенцемъ въ колыбели?

ЯЗОНЪ.

Исполнялъ
Я только то, что́ исполнять велѣлъ мнѣ
Царь Антіохъ.

ІУДА.

Да, правда, былъ ты бичъ,
Которымъ онъ стегалъ,—но бичъ столь гибкій,

Такъ по рукѣ пришедшійся ему,
Что бить тобой охота разбирала
Еще сильнѣй... Ну, гдѣ жъ теперь твой царь?
Опять въ своей Антіохіи,—снова
Средь женъ своихъ, и черни изъ окна
Вновь золото швыряетъ на потѣху?

ЯЗОНЪ.

Нѣтъ, вышелъ онъ оттуда; съ войскомъ онъ
Направился къ востоку.

ІУДА.

Отчего же
Ты здѣсь,—не съ нимъ?

ЯЗОНЪ.

Служить во храмѣ я
Оставленъ имъ.

ІУДА.

Храмъ осквернять, евреевъ
И заражать, и портить?.. Люди есть,
Присутствіе которыхъ—злая порча,
Сообщество—позорное пятно.

ЯЗОНЪ.

Я никогда не хвастался, какъ это
Случается со многими, своей
Высокой добродѣтелью,—я также
Не отрицалъ той слабости души,
Что́ дѣлала меня всегда орудьемъ
Другихъ людей.

ІУДА.

Въ сей самый день, въ число
Дванадесять четвертое Кислева,
Нашъ храмъ святой грѣховно осквернили
Язычники—царь Антіохъ и ты,
Его палачъ. И въ сей же день онъ будетъ
Торжественно очищенъ. Человѣкъ,
Участіе принявшій въ оскверненьи,
Не можетъ быть свидѣтелемъ торжествъ
Во славу очищенья. Невозможна
Тамъ чистота, гдѣ ты стоишь... Народъ

Каменьями убилъ ужъ Калисфена,
Который сжегъ ворота храма; если
Тебя найдутъ, конечно и тебѣ
Не сдобровать. Чтобъ сдѣлать наказанье
Твое страшнѣй, жизнь жалкую твою
Я пощажу. Блуждать отнынѣ будешь
Среди чужихъ народовъ. Ты, столь многихъ
Изъ родины изгнавшій, сгибнешь самъ
Въ чужой землѣ. Ты, столькихъ послѣ смерти
Оставившій безъ погребенья, самъ
Останешься никѣмъ не схороненный,
Никѣмъ и не оплаканный, вдали
Отъ всѣхъ своихъ, далеко отъ могилы
Твоихъ отцевъ, какъ звѣрь нечистый... Вопъ!

(Музыка. Входитъ процессія изъ жрецовъ и народа, съ арфами, цитрами и кимвалами. Іуда Маккавей становится во главѣ ихъ и входитъ съ ними во храмъ).

СЦЕНА III.

Язонъ (*одинъ*).

ЯЗОНЪ (*смотря за сцену*).

Торжественно идутъ они... Съ вѣтвями
Зелеными родимыхъ пальмъ,—идутъ
Въ свой храмъ... Увы! И я бы могъ за ними
Послѣдовать, я могъ бы тоже быть
Однимъ изъ нихъ... Я могъ... Но въ часъ проклятый,
Часъ слабости грѣховной, я отъ вѣры
Отцевъ отпалъ, а къ новой не присталъ...
Сродниться съ ней душа была не въ силахъ,
Какъ съ прививнымъ растеніемъ—и вотъ,
Я не еврей, не эллинъ,—какъ отступникъ
Межъ тѣми и другими я стою,
И ни въ боговъ, ни въ человѣка вѣры
Ужъ нѣтъ во мнѣ... Какимъ же колдовствомъ,
Какою же таинственною чарой
Прикованъ я къ священнымъ симъ мѣстамъ,
Гдѣ свой алтарь теперь воздвигли снова
Священники? Вотъ о кремень они

Ударили кремнемъ и добываютъ
Себѣ огонь, и возжигаютъ свѣчи
Въ большомъ паникадилѣ,—на алтарь
Священные покровы возложили
И жертвенные хлѣбы... фиміамъ
Въ кадильницахъ горитъ... знакомый запахъ
Летитъ ко мнѣ, будя воспоминанье
О прежнихъ дняхъ, и мнится мнѣ, что вновь
Я средь моихъ... Ребяческія грезы,
Прочь отъ меня!.. Вотъ, вотъ,—они поютъ,
Подъ звуки трубъ, бряцаніе кимваловъ,
И весь народъ повергнулся во прахъ
Съ горячею молитвой прославленья!
Бѣжать! Бѣжать! Уйду я на востокъ,
Гдѣ Антіохъ, мой новый царь, свершаетъ
Походъ побѣдоносный... О, чего-бъ
Не отдалъ я, чтобъ въ этотъ день увидѣть
Передъ собой привѣтной дружбы взглядъ
И услыхать единый звукъ участья!..

ДѢЙСТВІЕ V.

ВЪ ГОРАХЪ ЭКБАТАНЫ.

СЦЕНА I.

Антіохъ, Филиппъ, Свита.

АНТІОХЪ.

Здѣсь отдохнемъ. Гдѣ мы теперь, Филиппъ?
Какая это мѣстность?

ФИЛИППЪ.

Въ Экбатанскихъ
Горахъ теперь мы, государь, а вонъ
Оронтскія.

АНТІОХЪ.

Оронтомъ называютъ
Мою рѣку въ Антіохіи. Ахъ,
Зачѣмъ ее оставилъ я? Зачѣмъ
Польстился я на блескъ Элимаиды,

На золото несмѣтное ея?
Чтобъ гордый врагъ изъ стѣнъ своихъ жестоко
Погналъ меня, какъ вѣтеръ гонитъ дымъ?..

ФИЛИППЪ.

Судьба людьми играетъ прихотливо,
Мой Государь!

АНТІОХЪ.

О, что̀ за странный день!
Какой уронъ!.. Какъ вихорь налетѣли
Персидскіе наѣздники и насъ
Разсѣяли, развѣяли, какъ листья,
Какъ мелкія песчинки...

ФИЛИППЪ.

Государь,
Не огорчай себя: вѣдь ты утратилъ
Теперь лишь то, что̀ не было твоимъ.

АНТІОХЪ.

Я, предъ собой заставившій евреевъ
Склониться, какъ былинку,—я теперь
Самъ голову склоняю между камней,
Въ глухой степи.

ФИЛИППЪ.

Утѣшься, государь!
Сирійская монархія осталась
Подъ скипетромъ твоимъ; она твоя
По прежнему; она сильна, какъ прежде.

АНТІОХЪ.

О, гдѣ мой дворъ съ несмѣтными его
Богатствами, съ его великимъ блескомъ
И пышностью? Гдѣ вы, мои пѣвцы,
И пляшущія жены, и атлеты,
И музыка,—все, все, что̀ въ оны дни
Такъ тѣшило, такъ восхищало душу?
Увы, увы! великій Антіохъ—
Посмѣшище и людямъ, и животнымъ!
Уродъ-верблюдъ, и тотъ въ мое лице
Глядитъ теперь съ язвительной насмѣшкой!..

ФИЛИППЪ.

Нѣтъ, государь, все это лишь игра
Разстроенной фантазіи. Отдайся
Немного сну—и все исчезнетъ.

АНТІОХЪ.

Сонъ
Отъ глазъ моихъ бѣжитъ упорно; сердце
Сокрушено, разбито... Ахъ, Филиппъ,
Ты помнишь-ли, разсказывали въ дѣтствѣ
Намъ сказочку, какъ разъ пошелъ медвѣдь
За медомъ въ лѣсъ и, опрокинувъ улей,
Былъ пчелами заѣденъ? Вотъ и я—
Такой медвѣдь, заѣденный роями
Персидскихъ пчелъ...

ФИЛИППЪ.

Когда вернешься ты
Въ свою Антіохію, эти мысли
Печальныя исчезнутъ, какъ слѣды
Отъ колесницъ тяжелыхъ исчезаютъ
Въ египетскихъ пескахъ.

АНТІОХЪ.

Ахъ, этотъ день
Настанетъ-ли? Мою Антіохію
Увижу-ль я? О, горе, горе мнѣ!..

СЦЕНА II.

Прежніе *и* Гонецъ.

ГОНЕЦЪ.

Да здравствуетъ великій царь на вѣки!

АНТІОХЪ.

Кто ты и кѣмъ ты присланъ?

ГОНЕЦЪ.

Государь,
Намѣстникомъ твоимъ антіохійскимъ
Съ письмомъ къ тебѣ я присланъ.

АНТІОХЪ.

Грудь мою
Предчувствіе какого-то несчастья

Сдавило вдругъ... Съ еврейскимъ языкомъ
Я не знакомъ и не читалъ писанья
Еврейскаго, но, помнится, Язонъ,
Верховный жрецъ, мнѣ объ одномъ пророкѣ
Разсказывалъ, что разъ увидѣлъ тучку,
Изъ моря выходившую и видъ
Людской руки имѣвшую,—увидѣлъ,—
И небо почернѣло вдругъ совсѣмъ,
И хлынулъ дождь изъ всѣхъ небесныхъ хлябей...
Читай, Филиппъ; я не могу читать.
Передъ собой я вижу эту тучу;
Она въ глазахъ туманитъ свѣтъ...

ФИЛИППЪ (*читаетъ*).

,,Царю
Великому и богу Антіоху".

АНТІОХЪ.

О, горькая насмѣшка! Даже онъ,
Мой Лизіасъ, глумится!... Дальше, дальше!

ФИЛИППЪ (*продолжая читать*).

„Мы молимъ униженно твой возвратъ
„Къ намъ ускорить. Въ твоихъ владѣньяхъ царскихъ—
„Уныніе и бунты. Съ той поры,
„Какъ ты отъ насъ уѣхалъ,—безпрестанно
„Приходятъ къ намъ подробности побѣдъ
„Іуды Маккавея. Уничтожилъ
„Твои войска при Беѳоронѣ онъ
„И снова взялъ Іерусалимъ, и дальше
„Пошелъ побѣдоносно, и предъ нимъ
„Все въ ужасѣ склоняется..."

АНТІОХЪ.

Довольно!
Довольно!.. Въ путь, скорѣе въ путь, Филиппъ.
И будемъ мы идти безъ остановки,
Безъ устали, пока въ Антіохію
Не явимся. Мои всѣ полководцы—
И Лизіасъ, и Горгій, и Серонъ,
И Никаноръ—какіе то ребята
Безсильные, и этотъ страшный жидъ

Лишитъ меня моей короны царской,
Лишитъ всего... Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть!
Я растопчу негоднаго ногами
Моихъ слоновъ, я весь его народъ
Смету съ земли, я превращу надменный
Іерусалимъ въ кладбище, каждый домъ
Въ его стѣнахъ я сдѣлаю могилой!...

(*Падаетъ въ изнеможеніи на руки окружающихъ; они кладутъ его на скамейку*).

ФИЛИППЪ.

О, горе намъ! Съ нимъ дурно... Государь,
Приди въ себя... что сдѣлалось съ тобою?

АНТІОХЪ.

Нѣтъ, ничего... Такъ, на минуту, боль
Внезапная и рѣзкая... какъ будто
Въ мозгъ молнія ударила, иль ножъ
Разбойника вонзился прямо въ сердце...
Теперь прошло... Въ дорогу.

ФИЛИППЪ.

Поскорѣй
Сбирайтесь тамъ. Мы ѣдемъ.

АНТІОХЪ.

Погодите
Еще одну минуту. Не могу
Я на ногахъ держаться... Какъ ребенокъ
Я ослабѣлъ... Придется вамъ меня
Взять подъ руки... О, ты властитель міра—
Зевесомъ ли, Іеговою-ль, иначе-ль
Тебя зовутъ,—мнѣ все равно,—когда-бъ
Молиться я умѣлъ, какъ униженно
Молить бы сталъ—позволить мнѣ немного
Еще прожить!..

ФИЛИППЪ.

О, государь, къ чему
О смерти мысль? Мы здѣсь—и не допустимъ,
Чтобъ умеръ ты.

АНТІОХЪ.

Нѣтъ, не въ твоихъ рукахъ

Спасеніе! Охъ, какъ болитъ жестоко!..
Нѣтъ, мой Филиппъ, ты не найдешь щита,
Чтобъ отразить незримое оружье!..
Іегова, Богъ Израиля! Теперь,
Когда меня всѣ остальные боги
Оставили,—спаси меня! Спаси—
И я возстановлю священный городъ,
Богатыми дарами надѣлю
Священный храмъ, и твоему народу,
Который я презрительно топталъ,
Дамъ всѣ права антіохійскихъ гражданъ.
Я сдѣлаюсь евреемъ, и вездѣ,
Гдѣ человѣкъ живетъ, я славить буду
Величіе и мощь Твою!..

ФИЛИППЪ.

Онъ силъ
Лишается... Лице покрыла блѣдность
Предсмертная... Носилки поскорѣй!
Пока онъ живъ, его снесемъ мы въ лагерь...

АНТІОХЪ.

Филиппъ, Филиппъ! Смотри, какъ жалокъ я!..
Ахъ! предо мной встаютъ теперь зловѣщимъ
Видѣніемъ всѣ муки, пытки всѣ,
Которыми я истязалъ евреевъ!
И бѣдствіе великое мое—
Возмездіе за нихъ... я погибаю
Въ чужой землѣ, съ растерзанной душой,
Поруганный...

ФИЛИППЪ.

О, государь!..

АНТІОХЪ.

Я больше
Не государь. Возьми мою печать,
Корону, скипетръ и царскую порфиру
И передай все это моему
Наслѣднику и сыну Антіоху
Эвпатору, а гражданамъ моимъ—
Возлюбленнымъ евреямъ, пусть объявятъ,

Что ихъ монархъ, отъ міра отходя,
Желалъ имъ всѣмъ спокойствія, здоровья
И счастія. Я, въ слѣпотѣ своей
Надменности мечтавшій, что къ любому
Изъ царствъ земныхъ мнѣ руку протянуть
Достаточно, чтобъ взять его безъ спора,—
Я встрѣтился теперь лицемъ къ лицу
Съ владыкою—сильнѣй, грознѣй меня,
Съ воителемъ непобѣдимымъ—Смертью!..

(*Умираетъ*).

Петръ Вейнбергъ.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ ВЪ СОЗДАНІЯХЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ИСКУССТВА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

VII.

Въ своей первой статьѣ я сказалъ, что не буду касаться художественныхъ произведеній на сюжеты евангельскіе. И дѣйствительно, для многихъ читателей „Еврейской Библіотеки“ они не могли имѣть интереса. Содержаніе такихъ задачъ чуждо міровоззрѣнію еврея, а исполненіе собственно-художественное мало способно было завлекать его, коль скоро личности, мѣстности и событія изъ этого періода еврейской исторіи постоянно изображались, рукою европейскихъ художниковъ, въ такой формѣ, которая ни въ какомъ отношеніи не могла быть любопытна для еврея: все еврейское являлось тутъ безъ малѣйшей еврейской окраски, безъ какихъ-бы то ни было еврейскихъ типовъ, безъ всякаго еврейскаго характера, безъ всѣхъ особенностей еврейской народности; вмѣсто того, наперекоръ здравому смыслу, тутъ вездѣ присутствовали какія-то условныя формы, наполовину заимствованныя у грековъ и римлянъ, и наполовину обязанныя происхожденіемъ собственной выдумкѣ художественныхъ школъ и ихъ разнообразныхъ знаменитостей.

Но теперь пришло другое время. Новое поколѣніе художниковъ съ удивленіемъ смотритъ на странности своихъ дѣдовъ и отцовъ, и на изумительныя ихъ иллюстраціи всего историческаго, между прочимъ Библіи и Евангелія. Оно убѣждено теперь, что ни до чьей національности не должно дотрогиваться художеству иначе, какъ съ твердымъ намѣреніемъ — и умѣньемъ — представлять сцены изъ жизни извѣстнаго народа въ томъ самомъ видѣ, какой онѣ дѣйствительно когда-то носили, и вотъ поэтому-то нынѣшніе художники употребили все стараніе, чтобъ дѣйствующія лица евангельскихъ событій получили наконецъ свой настоящій типъ и характеръ, чтобъ они сдѣлались наконецъ тѣмъ, чѣмъ давно имъ пора было сдѣлаться — евреями; чтобъ мѣстность, гдѣ происходитъ дѣйствіе, была въ самомъ дѣлѣ мѣстностью еврейскою; наконецъ, чтобъ не было и помина о всемъ безличномъ, безхарактерномъ и выдуманномъ, чѣмъ только и умѣло пробавляться старинное искусство.

*) См. Евр. Библ. Т. III, стр. 286.

Значитъ, теперь совсѣмъ уже другое дѣло, теперь для еврея становятся интересны и важны художественныя произведенія на темы евангельскія. Пускай ему остается по-прежнему чуждо христіанское настроеніе, пускай для него индеферентны или далеки задачи, со стороны трактованія ихъ съ христіанской точки зрѣнія, но онъ уже не можетъ долѣе оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ элементамъ, которые послужили для выполненія задачъ христіанскихъ. Тутъ онъ находитъ теперь *свою* исторію, *своихъ* дѣдовъ, *свою* родину, такъ долго забытую художествомъ, *свои* типы, *свои* физіономіи и личности, наконецъ, во многихъ случаяхъ, *свои* ближайшіе интересы, славы и радости. Оттого-то мнѣ и кажется умѣстнымъ говорить нынѣ, въ „Еврейской Библіотекѣ“, про новѣйшія созданія живописи и скульптуры на сюжеты евангельскіе.

Какъ и въ первой статьѣ своей, я не стану перечислять все до сихъ поръ сдѣланное. Мало ли сколько тутъ можно встрѣтить незначительнаго и вовсе не важнаго — но я попробую провести передъ глазами моихъ читателей все самое характерное, все самое главное.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ, по времени, художниковъ, рѣшившихся внести еврейскій элементъ въ изображенія евангельскія, я считаю Овербека. Но его рисунки и картины представляютъ странное явленіе. Въ нихъ старыя условности умѣстились рядомъ съ новыми пробами чего-то, въ самомъ дѣлѣ историческаго, и эти двѣ враждебныя половины никакъ не сходятся вмѣстѣ, никакъ не могутъ наладиться на одинъ общій тонъ. Въ первой статьѣ я говорилъ о томъ, какъ французы первые попытались по-новому взяться за представленіе библейскихъ сценъ. Послѣ нихъ, въ Европѣ скоро явилось много охотниковъ, даже внѣ Франціи, дать еврейскій характеръ и поворотъ изображеніямъ библейскимъ. Но все еще очень немногіе осмѣливались быть послѣдовательными, т. е. требовать въ искусствѣ того же самаго и для Евангелія, чего требовали для Библіи. Большинству казалось необходимымъ слѣдовать какимъ-то совершенно другимъ правиламъ и держаться какой-то совершенно иной логики, когда дѣло шло о Евангеліи.

Художники, а вмѣстѣ съ ними и публика, воображали, что пускай себѣ идутъ о національности какіе угодно толки, и пускай себѣ вносятъ ее даже въ картины Библіи, а все-таки самый прилич-

ный, самый достойный и самый настоящій способъ представленія евангельскихъ личностей и сценъ тотъ, который твердо установился въ Европѣ, въ теченіи послѣднихъ 300 или 350 лѣтъ, по примѣру Италіи, давно почему-то считающейся законодательницей по части художества. Имъ дѣла не было до того, что этотъ способъ плохъ и давно уже устарѣлъ, что онъ выражаетъ собою только младенчество понятій и неумѣнье лучше справляться съ задачей; имъ не было дѣла до того, что тутъ ничего уже нѣтъ пригоднаго для разсуждающаго ума и воспитаннаго чувства: они продолжали дѣлать свои картины и статуи по прежнимъ привычкамъ. Отъ этого, даже всѣ лучшія попытки перваго времени полны были колебаній и нерѣшительности: одной ногой люди шагали уже впередъ, другой продолжали твердо стоять за старыми перегородками и шлагбаумами. Въ этомъ отношеніи, Овербекъ можетъ служить поразительнымъ примѣромъ, одинъ за всѣхъ своихъ товарищей.

Просмотрите, картинку за картинкой, весь рядъ его иллюстрацій къ Евангелію („Darstellungen aus den Evangelien"), вамъ вездѣ бросятся въ глаза изображенія Христа, апостоловъ, вообще всѣхъ личностей, требуемыхъ текстомъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей—совершенно на манеръ старыхъ итальянскихъ живописцевъ. Овербекъ изъ всѣхъ силъ старается превратиться то въ Рафаэля, то въ Перуджино, то въ Фра-беато-Анджелико. Кажется, у него только и сидитъ въ головѣ одна мысль: какъ бы получше заморить свою собственную художественную физіономію, исчезнуть, уничтожиться и подойдти подъ условно-изящный или ребячески-набожный тонъ фаворитныхъ его оригиналовъ. Онъ не боится быть поддѣлкой, фальшивой монетой: итальянскія мысли и выраженія стараго времени кажутся ему чѣмъ-то до того священнымъ и великимъ, что только бы на нихъ быть похожимъ хоть однимъ краемъ своихъ собственныхъ созданій, и Овербеку уже ничего болѣе не нужно. Онъ тутъ совершенно счастливъ. Вотъ первое впечатлѣніе отъ евангельскихъ картинъ и рисунковъ художника, однажды перешедшаго даже изъ протестантовъ въ католики, оттого, что слишкомъ великъ былъ его энтузіазмъ къ старымъ художественнымъ созданіямъ и слишкомъ громадно подобострастіе къ католическо-итальянскому настроенію, продиктовавшему ихъ. Но преодолѣйте первое непріятное чувство, производимое видомъ взрослаго человѣка, хлопочущаго притвориться ребенкомъ, или, что все равно, художника нашего времени, старающагося напялить на себя узкій и ограниченный кафтанчикъ живописца XV или XVI вѣка,—и вы начнете различать у Овербека, въ его евангельскихъ сценахъ, что-то болѣе серьезное и дѣльное: черты въ самомъ дѣлѣ историческія, углубленіе въ типы и характеры прошлой дѣйствительности, выраженія. Какая пестрая смѣсь, какая непостижимая логика! Отчего надъ одной и той же картиной или рисункомъ работала тутъ всякій разъ не одна голова, а цѣлыхъ двѣ,—одна та, что обсуждала и создавала одну половину, однѣ личности, а другая та, что обсуждала и создавала—вторую половину, остальныя присутствующія тутъ личности? Отчего Овербекъ находилъ нужнымъ представлять евреями, по физіономіи и одеждѣ, только однихъ старцевъ, первосвященниковъ, книжниковъ и фарисеевъ, и лишалъ всякаго еврейства всѣ другія дѣйствующія лица своихъ евангельскихъ сценъ—вотъ вопросъ, котораго кажется н[illegible] не разрѣшитъ. Развѣ апостолы, ученики и послѣдователи Х[illegible]ы, наконецъ вся тогдашняя палестинская публика были, по н[illegible]ости и жизни, не точно такими же евреями, какъ и эти перво[illegible]щенники, книжники и фарисеи? Такъ нѣтъ же, этого соображенія не хотѣлъ знать Овербекъ, и однихъ онъ дѣлаетъ у себя въ картинахъ и рисункахъ условными куколками итальянскихъ живописцевъ, а другихъ—евреями. Точно будто ему надо было отдѣлить два міра одинъ отъ другаго, поставить между ними цѣлую пропасть: «Вотъ эти, дескать, люди—люди незначительные, темные, только что касающіеся извѣстной эпохи, времени и мѣстности, а потому ихъ и можно, пожалуй, рисовать со всѣми спеціальностями и отмѣтинами національности. Но вотъ тѣ—о, то совсѣмъ другое дѣло! Они имѣютъ значеніе всемірно-историческое, а потому не надо ихъ рядить въ какую бы то ни было національность, они должны красоваться въ чертахъ и типахъ, не принадлежащихъ никакому времени и мѣсту въ особенности. Они должны стоять, даже и въ живописи, внѣ общихъ законовъ дѣйствительности и жизни». Но вѣдь что же такое, всѣ подобныя разсужденія, какъ не диковинныя фантазіи набожнаго католика, насилующаго исторію въ честь своихъ выдумокъ и топчущаго ногами логику во славу своего ограниченнаго упрямства?

Не удивительны ли, напримѣръ, слѣдующія сочиненія Овербека, въ его евангельскихъ «Darstellungen»: *Обрѣзаніе Іоанна Крестителя*: еврейскій священникъ, съ небольшимъ ножомъ въ рукѣ, сидитъ и ждетъ въ правомъ углу картины, чтобъ ему поднесли младенца Іоанна; въ немъ нѣтъ ровно ничего идеальнаго, онъ настоящій еврей, онъ полонъ натуры; онъ сидитъ-себѣ, согнувшись, совсѣмъ живымъ старичкомъ, съ благодушною, немного глуповатою старческою улыбкою; его маленькіе глазки, еврейскій носъ крючкомъ и рѣдкая общипанная бородка выглядываютъ по-еврейски изъ подъ полосатаго покрывала, накрывшаго ему голову и обмотаннаго вокругъ шеи. Это въ самомъ дѣлѣ историческая, національная фигура. Но что за неподходящій антуражъ вокругъ него! Итальянская мадонна—вмѣсто св. Елисаветы; рафаэлевскія (впрочемъ очень красивыя и граціозныя) дѣвушки и дѣти; перуджиніевскій св. Захарія, и наконецъ, какъ мѣсто сцены, какія-то небывалыя аркады, стоящія рядкомъ, и между нимъ балюстрады итальянскихъ виллъ—что это за чудная путаница и каша! *Младенецъ Іисусъ среди книжниковъ въ храмѣ:* опять старики-евреи прекрасны, характерны. Одни изъ нихъ сухіе, холодные буквоѣды,

съ злыми или мрачными глазами подъ оріентальными своими капюшонами; другіе — равнодушные, разжирѣвшіе жуиры, съ отвислыми подбородками и расплывшимися щеками; на лбу у нихъ узорчатые вѣнчики; они какъ-то нехотя, лѣниво прислушиваются изъ середины толпы, пока болѣе энергическіе товарищи ихъ, вооруженные громадными фоліантами, протягиваютъ жилистые пальцы къ молодому Христу, и что-то доказываютъ или требуютъ съ него какихъ-то объясненій. Все это вмѣстѣ давало бы прекрасную, характерную картину, если бы самъ младенецъ Христосъ не былъ бы [illegible]ымъ итальянскимъ «общимъ мѣстомъ», а апостолъ Петръ, и другіе будущіе апостолы, а также появляющіеся вдали Іосифъ съ Маріей, наконецъ весь дальній пейзажъ, изъ тоненькихъ кипарисовъ и жиденькихъ деревецъ, не были совершенно въ стилѣ дорафаэлевской итальянской школы. *Исцѣленіе Христомъ больныхъ и увѣчныхъ*: здѣсь все условно и притворно на старый ладъ, здѣсь нѣтъ ни въ одномъ человѣкѣ ни единой черточки живой натуры, на картинѣ не стоило бы ни секунды останавливать глаза и вниманіе, еслибы въ лѣвомъ углу картины, у самаго края рамки, не являлась фигура, которая поправляетъ все дѣло, и отвѣчаетъ за всѣхъ остальныхъ (очень многочисленныхъ) товарищей своихъ въ картинѣ. Но кто это такой? Какой-то еврей старикъ, съ уморительною, улыбающеюся физіономіею — должно быть веселый, добрый человѣкъ, съ круглою вышитою шапочкой на головѣ, сѣдыми заброшенными назадъ волосами и выдвинутой впередъ, по всегдашнему, бородкой. Этотъ добрый весельчакъ ласково останавливаетъ больнаго юношу, видно черезчуръ ревностно и не въ очередь проталкивающагося къ Христу, исцѣляющему въ эту самую секунду, посреди картины, слѣпаго. Старикъ въ шапочкѣ, даромъ что только половиной тѣла вырѣзался изъ картины, а только одинъ и придаетъ значеніе и интересъ этому сочиненію. *Обличеніе фарисеевъ*: Христосъ, сидящій у колонны, при входѣ въ храмъ, по всегдашнему слабъ и обыкновененъ. Онъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, точно также и молодые и старые ученики, сидящіе у ногъ его, или прислонившіеся къ колоннѣ; за то, группа книжниковъ и фарисеевъ, стоящая насупротивъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, полна силы и характера. Во первыхъ, это все красивые энергическіе люди, въ длинныхъ плащахъ, по которымъ полосами вдоль вышиты еврейскіе крупные тексты, такъ чтобы толпа народная издали ужъ замѣчала ученыхъ, важныхъ мудрецовъ, и кланялась имъ съ почтеніемъ; обувь и подолы платья наполнены орнаментами, шапочки и налобники тоже, края плащей вырѣзаны фестонами; но гораздо болѣе еще еврейства въ типахъ этихъ наклоненныхъ головъ, въ этихъ угрюмыхъ или коварныхъ глазахъ, въ этихъ приподнятыхъ отъ изумленія бровяхъ, въ этихъ бородахъ, сердито трясущихся, пока руки подпираютъ подбородки, или постукиваютъ по плечу товарища: «слышь, братъ, точно говорятъ они,

что тотъ-то распѣваетъ!» Столько же характера и физіономіи въ еврейскихъ старцахъ, жалующихся первосвященнику на Христа, вверху картины «Отреченіе Петра», или въ священникахъ картины «Распятіе», прибѣжавшихъ къ Пилату требовать, чтобы онъ написалъ подпись надъ крестомъ такъ, какъ *они* хотятъ, а не такъ, какъ онъ было собирался: вездѣ тутъ на лицо фанатическіе, упорные люди, стоящіе за что-то, осужденное и ниспровергнутое исторіей; но при всемъ своемъ ослѣпленіи, они отстаиваютъ свою національность и то, что̀ имъ въ ту минуту казалось правымъ и священнымъ.

Но лучше всего этого, со стороны правдиво выраженной еврейской національности, вотъ какія двѣ картины въ «Darstellungen aus den Evangelien» Овербека. Первая — «Дружба Ирода съ Пилатомъ». Тщетно вы станете искать этого сюжета во всѣхъ извѣстныхъ вамъ картинахъ и рисункахъ на евангельскіе тексты: никто до сихъ поръ не бралъ его. Но если бы даже и бралъ, то, кажется, никто никогда не превзошелъ бы этого мягкаго ханжу, этого сентиментальнаго кописта прежнихъ оригиналовъ, въ томъ выраженіи, которое онъ съумѣлъ вложить тутъ въ два главныя свои дѣйствующія лица. Римскіе воины, еврейскія (совершенно рафаэлевскія) ликующія дѣвушки, съ вѣнками на головѣ и подбоченясь идущія въ плясъ отъ радости: «Нашъ-молъ царь съ римскимъ губернаторомъ наконецъ-то, наконецъ-то мировую и ладъ уставилъ!», архитектурный фонъ, состоящій изъ городской зубчатой стѣны и горъ, обстроенныхъ башнями — все это, еще разъ, плохо и казенно, но что и не плохо и не казенно, а полно правды, и новизны, и жизни — это двѣ фигуры, идущія другъ къ другу на встрѣчу и встрѣтившіяся на самой серединѣ картины. Слѣва двигается тихо, не торопясь, твердо и прочно шагая по плитамъ, какъ наторѣлый въ своемъ дѣлѣ казенный чиновникъ — Пилатъ. У него холодное, оффиціальное лицо, изношенное и строгое; пергаментныя щеки всѣ въ морщинахъ, маленькіе сухіе глазки, выдвинувшіяся впередъ скулы, лавровый вѣнокъ на головѣ (тогдашняя мода, со временъ Юлія Кесаря), голыя руки и ноги, военная тога поверхъ всего тѣла — вотъ передъ вами, стоитъ живьемъ, настоящій римлянинъ того времени, съ деревяннымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ духомъ. Съ противуположной стороны бѣжитъ къ нему на встрѣчу, безпокойной и неровной походочкой, ловя его руку и заглядывая въ глаза начальнику — Иродъ, только по имени царь, а въ сущности вѣрный рабъ и послушникъ всякаго римскаго начальства. Онъ трусъ и предатель народнаго дѣла, онъ на половину отступился бы отъ всей своей еврейской національности, только бы усидѣть на престолѣ и всласть объѣдаться всѣмъ тѣмъ, что нравится и что щекочетъ его восточные сладострастные нервы. Этотъ слабый, и все-таки свирѣпый владыка-намѣстникъ угомонилъ на эту минуту, и запряталъ куда-то подальше, всѣ свои деспотическія и сибаритскія чувства, стеръ ихъ прочь съ лица своего, оставилъ

тамъ одну только сладкую, льстивую улыбку, ту самую улыбку, какою встрѣчаютъ опасное начальство, не дающее спуска: все тѣло его изогнутое дугой, и на быстромъ ходу стремится впередъ, прямо къ Пилату; глаза полузакрыты, остроконечная бородка выставилась впередъ, за одно съ рукой, граціозно и подобострастно пожимающей руку начальника. Онъ точно совсѣмъ забылъ, что на немъ богатое царское платье, все вышитое богатыми узорами на груди и подолѣ, что у него на головѣ, поверхъ чалмы, надвинута зубчатая корона. Вотъ они, сошлись вдругъ, совершенно неожиданно, эти два полюса: побѣдитель-европеецъ, столпообразный римлянинъ, похожій неподвижностью на статую, человѣкъ, въ которомъ ни одинъ мускулъ не двигается, и—побѣжденный восточникъ, подвижный и извивающійся еврей, заискивающій милости и права свободно дышать, за какую бы то ни было цѣну. Эта картина, на мои глаза, одно изъ лучшихъ созданій живописи, даромъ что Овербекъ давнымъ-давно повсюду, во всѣхъ книгахъ и исторіяхъ, осужденъ, какъ неспособный притворщикъ и ханжа, ничего не понимающій, кромѣ своей несносной набожности, и ни на что болѣе не способный, кромѣ повторенія старыхъ итальянскихъ классиковъ во всемъ томъ, что у нихъ по-сахарнѣе и по-мягче. Такой приговоръ—сама справедливость, и я всегда былъ съ нимъ согласенъ. И однако же, все-таки на этотъ разъ скажу, что много надо истиннаго таланта и глубины для того, чтобы схватить, какъ онъ тутъ сдѣлалъ, цѣлыхъ два полнѣйшихъ народныхъ типа и исчерпать ихъ до конца. За такую правду и вѣрность историческую, многое можно простить.

Другая картина, подъ стать этой, хотя немного слабѣе ея—это „Положеніе Христа во гробъ". Въ общемъ, она состоитъ только изъ красоты линій и позъ, имѣющихъ огромное значеніе для живописи и никакого для еврейства. Группа людей, поспѣшно несущихъ на плечахъ мертвое тѣло Христа и слѣдующихъ позади, прелестна и выразительна, какъ лучшія созданія Рафаэля. Одежды развѣваются отъ скораго хода; горныя скалы, около двери въ склепъ, со всѣхъ сторонъ, стоятъ угрюмо насупившись, и общій мракъ прорѣзываетъ лишь факелъ, впереди, отъ котораго тонкая струя дыма протянулась змѣйкой надъ изящно лежащимъ мертвымъ тѣломъ съ пробитыми ладонями, и надъ двигающимся позади кортежемъ изъ учениковъ и женщинъ съ понуренною головою: все это безспорно красиво, чудесно, все это дѣлаетъ картину эту едва-ли не лучшимъ изображеніемъ «Положенія во гробъ», изъ числа всѣхъ извѣстныхъ. И все-таки тутъ нѣтъ ничего еврейскаго, ни единаго еврейскаго типа, физіономіи, подробности, даже платья: все тутъ общепринятое, общеупотребительное изъ арсенала и гардеробной итальянскаго классическаго искусства, и, значитъ, вовсе не идетъ къ цѣли настоящей статьи. Но есть тутъ же, въ этой самой картинѣ, что-то такое, что придаетъ ей глубокую важность и интересъ въ глазахъ еврея. Это — фигура Никодима. Она всего болѣе останавливаетъ на себѣ глаза зрителя. Никодимъ тоже, какъ и всѣ, идетъ быстрымъ шагомъ, онъ тоже торопится поскорѣе укрыть въ горной пещерѣ тѣло усопшаго своего Учителя, пока еще его не отняли враги, и не помѣшали благочестивому ихъ дѣлу; у него тоже, какъ у всѣхъ, озабоченное лицо и тяжкое выраженіе; но, пока правая его поднятая рука протягиваетъ впередъ, какъ погребальную свѣчу, дымный факелъ, освѣщающій ночное торопливое шествіе, прекрасная еврейская голова его, въ клобукѣ и покрывалѣ, тихо обернулась назадъ и съ безконечными благодушіемъ и сожалѣніемъ смотритъ на изящное, благородное тѣло Учителя. Тутъ цѣлая драма, цѣлый историческій моментъ въ этомъ привлекательномъ, столь серьезно глядящемъ человѣкѣ: по своей наружности онъ еще принадлежитъ старому завѣту и преданію, но внутреннимъ чувствомъ онъ потихоньку переходитъ уже на сторону новаго нарождающагося міра. Двѣ волны историческаго океана, старая и новая, столкнулись и слились тутъ вмѣстѣ. На мои глаза, это одинъ изъ самыхъ значительныхъ типовъ, созданныхъ новымъ европейскимъ искусствомъ.

VIII.

Тотчасъ вслѣдъ за Овербекомъ, надо сказать нѣсколько словъ про одного художника, находившагося въ молодые свои годы подъ сильнымъ вліяніемъ Овербека, и даже получившаго, въ извѣстной долѣ, направленіе отъ него. Это нашъ Ивановъ. Изъ его писемъ въ Общество поощренія художниковъ (до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, не напечатанныхъ) и устныхъ сообщеній его самаго, мы знаемъ, что въ первыя времена пребыванія въ Римѣ, Ивановъ былъ большимъ поклонникомъ Овербека. Оно и понятно: нѣмецъ піетистъ, только и мечтавшій, что о служеніи искусства цѣлямъ религіознымъ, и нехотѣвшій знать другихъ сюжетовъ, кромѣ евангельскихъ, долженъ былъ сильно приходиться по вкусу нашему художнику, съ фантазіею мало развитою, даже бѣдною, съ художественными планами, исключительно вращавшимися въ предѣлахъ сюжетовъ евангельскихъ, съ творчествомъ, удовлетворявшимся очень немногимъ. Къ тому же, въ этомъ Овербекѣ, тогдашней римской славѣ, Ивановъ встрѣчалъ безпредѣльное поклоненіе передъ формами и женственными изяществами Рафаэля, а это опять-таки совершенно сходилось съ его собственными понятіями, вкусами и симпатіями: нерѣдко Овербекъ самъ въ картинахъ и рисункахъ своихъ создавалъ цѣлыя фигуры и группы, носившія отпечатки красоты и граціи истинно-рафаэлевской или старыхъ итальянскихъ мастеровъ, такъ сильно нравившихся Иванову за наивность и религіозный складъ; наконецъ, этотъ самый Овербекъ создавалъ и что-то новое, свое: онъ вводилъ невиданный прежде до того ни у кого въ Римѣ элементъ еврейскій. Я говорю — въ Римѣ—потому что раньше Овербека французы дѣлали попытки

въ этомъ же родѣ, но кто зналъ о нихъ въ препрославленной столицѣ искусствъ, которая имя-то носила громкое, а все-таки ничего не вѣдала о томъ, что новаго думалось, предпринималось и совершалось въ Европѣ? Вырвавшійся изъ петербургскихъ академическихъ классовъ, Ивановъ, не читавшій и не видавшій ничего европейскаго, еще менѣе другихъ былъ затронутъ какимъ бы то ни было уголкомъ просвѣщенія, и еще болѣе другихъ долженъ былъ съ нѣмымъ обожаніемъ смотрѣть на нѣмецкаго художника, читающаго книги, водящагося съ иностранными учеными, въ разговорахъ своихъ произносящаго чуть не цѣлыя лекціи и трактаты о томъ: какъ быть искусству на свѣтѣ, и тутъ-же вмѣстѣ—строгаго поклонника всѣхъ признанныхъ классиковъ. Извѣстная всей Россіи картина Иванова «Явленіе Христа народу» сильно отозвалась этимъ Овербековскимъ вліяніемъ. Правда, съ точки зрѣнія художественной, Ивановъ стоитъ въ сто разъ выше Овербека по рисунку тѣла и по драпировкамъ одеждъ, по индивидуальности формъ, по естественности многаго, по красотѣ группировки, по отсутствію трусливаго, дѣтскаго до-Рафаэлевскаго пошиба — и все-таки онъ дальше Овербека и Овербекова взгляда и понятія не пошелъ. Какъ у Овербека, типы у него мало разнообразны, мало идутъ въ глубь; какъ у Овербека, краски его неестественны, тусклы и сухи, и отталкиваютъ противнымъ своимъ, безвкуснымъ сочетаньемъ; какъ всегда у Овербека, у него царствуетъ въ картинѣ, отъ головы и до ногъ, совершеннѣйшая Аркадія, повсюду глядитъ, стоитъ и сидитъ цѣлая коллекція добрыхъ агнцевъ, непорочныхъ, спокойныхъ и благодушныхъ до того, что зритель иной разъ выходитъ наконецъ изъ терпѣнія и готовъ послать картину богъ знаетъ куда; какъ у Овербека, все у него добродѣтельно и безстрастно до тошноты (одинъ Іоаннъ Креститель дѣлаетъ исключеніе). Живописецъ Ивановъ былъ самый, что только можно вообразить себѣ, крайній антиподъ живописцу Брюллову, живой протестъ противъ всего гнилаго, фейерверочнаго и балетнаго, чѣмъ тотъ жилъ въ своихъ созданіяхъ. Слава Богу! Ивановъ, словно здоровая, освѣжающая душъ пролился надъ русскимъ искусствомъ послѣ треска и хлопанья разноцвѣтныхъ ракетъ брюлловскихъ—пора же было отъ нихъ немножко и отвыкать, для замѣны чѣмъ-нибудь лучшимъ; а все-таки у Иванова не было, къ сожалѣнію, хорошихъ сторонъ Брюллова: кипучести, страстности, живаго нерва, и если тотъ былъ черезъ чуръ итальянецъ съ оперными финалами, то этотъ являлся за то черезъ-чуръ нѣмцемъ съ мирно-продѣлываемыми демонстраціями. Картина Иванова—сущая лекція, съ приступомъ, серединой и выводомъ. Такія вещи никого не увлекутъ и никогда не подѣйствуютъ ни на чью фантазію. А что же художеству и нужно, если не это? Вотъ, по такимъ-то соображеніямъ, и приходится сказать, что Ивановъ былъ натура, родственная Овербеку, что онъ былъ человѣкъ, по несчастію попавшій въ Италію какъ разъ во время его великой

тамъ славы и назаретской пропаганды. Будь Ивановъ настоящій художникъ, истинно живой и страстный человѣкъ, не усидѣлъ бы онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, какъ какой-то художественный рыцарь Тогенбургъ, передъ недоконченной и необозримыми годами тянущейся все одной и той же картиной. Возможна ли въ наше время такая безстрастность, такое отсутствіе художественнаго порыва, художественнаго нетерпѣнія, такое апатичное сученіе жизни? Тутъ передъ глазами у васъ словно человѣкъ временъ давно прошедшихъ, безъ нынѣшней крови и нервовъ. А еще находились люди, которые именно эту безстрастность и холодъ ставили Иванову въ высшую заслугу!

Таковы, на мои глаза, недочеты и недохватки въ натурѣ и жизни Иванова; вотъ то, что мѣшало ему сдѣлаться великимъ художникомъ и создать произведенія капитальныя. И однакоже, не смотря ни на что, онъ, точно также, какъ его двойникъ, Овербекъ, оставилъ послѣ себя что-то такое, что заставляетъ иногда извинять громадные и многочисленные недостатки мысли и художества: картины и того и другаго носятъ печать искренняго убѣжденія и несокрушимой привязанности къ предметамъ ихъ обожанія. Оба эти художника бѣдны духомъ, ограниченны, и все-таки ярко и выпукло высказываютъ, посредствомъ художества, свою слабую, безпомощную, но до извѣстной степени все-таки симпатичную душу.

Казалось бы, какъ ожидать отъ такихъ художниковъ, обращенныхъ всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами къ одной морали и добродѣтели, какъ отъ нихъ ожидать чего-то новаго въ искусствѣ, какихъ-то иныхъ противъ прежняго формъ. Казалось бы, что имъ за дѣло до національностей, до этнографіи и исторіи, вѣдь вся ихъ забота была всегда только о внутреннемъ мірѣ и его добрыхъ ангельски-кроткихъ событіяхъ; казалось бы, для этого съ нихъ совершенно достаточно было формъ и типовъ рафаэлевскаго времени и школы. Итальянская безразличность и условность тѣхъ формъ и типовъ могла бы, кажется, вполнѣ удовлетворять ихъ при созданіи ихъ кроткихъ видѣній и сердечныхъ сценъ. Такъ нѣтъ же! На дѣлѣ выходило совсѣмъ другое, и ни Овербекъ, ни Ивановъ, вопреки всему своему рафаэлевскому фанатизму, не остановились на однихъ только боготворимыхъ ими рафаэлевскихъ формахъ и типахъ. Имъ понадобилось прибавить туда что-то еще другое—выраженіе національности еврейской. Совершенно непонятное явленіе! Еще болѣе изумительное, когда сравнишь этихъ двухъ живописцевъ съ тѣми художниками, которые на видъ были гораздо шире, развитѣе и смѣлѣе ихъ.

Возьмемъ напримѣръ, хоть француза Делароша. Этого не сжимали въ тѣсномъ корсетѣ ни сухой протестантизмъ, ни ограниченное назарейство, ни піетизмъ; онъ не принадлежалъ къ приходу близорукихъ, мелко плавающихъ до-рафаэлитовъ; онъ не былъ преданъ, какъ тѣ, исключительно одной только религіоз-

ной живописи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ художниковъ Франціи и Европы, онъ не становился на колѣни ни передъ какими преданіями и правилами, онъ полонъ былъ мыслью, вмѣстѣ съ многочисленными товарищами,—начать новую школу и обновить новый художественный взглядъ. Какъ истинный послѣдователь Вальтеръ-Скотта и царившей тогда романтической школы, онъ смѣло адресовался ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ, полными горстями черпалъ въ лѣтописяхъ, и, ревниво до мелочности, хлопоталъ о вѣрномъ представленіи національностей, типовъ, личностей, физіономій, одеждъ и мѣстностей. И что же! Повсюду у него все было вѣрно и исторично, отъ лица и фигуры Елизаветы англійской, или Кромвеля, до послѣдней пряжки или булавки на ея платьѣ, до шпоры на его сапогѣ, или пера на его шляпѣ; отъ изящной кавалерской позы Вандика, до грубой, равнодушной мины республиканскихъ солдатъ, ведущихъ Марію-Антуанетту на судъ; отъ лохмотьевъ и онучей римскихъ нищихъ, до лавровыхъ вѣнцовъ и античныхъ плащей Иктина, Фидія и Апеллеса, строгая историческая правда царствовала повсюду. Но стоило только Деларошу дотронуться до сюжетовъ евангельскихъ—совершалось вдругъ превращеніе, и онъ становился другимъ человѣкомъ. Забыта была тотчасъ же исторія и требованія правды, національности: ему болѣе не было до нихъ никакого дѣла. Деларошъ впадалъ въ обычную художественную рутину, въ его головѣ не было уже болѣе и помысла о томъ, что тутъ дѣло идетъ о евреяхъ, о Палестинѣ, онъ становился вдругъ покорнымъ, неразсуждающимъ ученикомъ Рафаэля и всѣхъ его наслѣдниковъ, онъ писалъ и рисовалъ точь въ точь такія же безцвѣтныя, безличныя фигуры, какія въ теченіе трехъ столѣтій выходили изъ подъ кисти и карандаша сотенъ ни о чемъ не думавшихъ художниковъ. На это время, художественная революція, начатая Деларошемъ и его товарищами, крѣпко запиралась на ключъ, чтобъ тутъ ея и духа не было. Вотъ какъ способенъ дѣлиться на двѣ половины, одна на другую ничуть не похожія, все одинъ и тотъ же человѣкъ, и по дѣлу, казалось бы на видъ, совершенно одинакому.

Овербекъ и Ивановъ, тѣ тоже дѣлились на двѣ половины, на двухъ разныхъ человѣковъ, одинъ на другаго непохожихъ: они фальшили кистью и выраженіемъ, они рѣзали глаза, покуда ползали съ подобострастіемъ по слѣдамъ Рафаэля, или разливались въ сладостныхъ чувствахъ и розовыхъ слезахъ. Они были тутъ ничтожны и скучны. Но едва обращались они къ исторіи и національности,—тотчасъ же становились значительны и интересны, и тотчасъ же пробивались на свѣтъ лучшія стороны ихъ таланта. Много превосходнаго, правдиваго, въ смыслѣ національномъ и этнографическомъ, даетъ картина Иванова. Она очень неудовлетворительна съ той стороны, которую Ивановъ считалъ всего важнѣе: со стороны высказыванія характеровъ и живописанія движеній душевныхъ, и очень сильна съ той стороны, которой онъ придавалъ, конечно, лишь второстепенное значеніе: со стороны исторической и еврейской. Въ минуту перваго явленія Христа, сколько разнообразныхъ чувствъ должно было бы, кажется, наполнять толпу, собравшуюся около Іоанна Крестителя! Новыя откровенія, словно спадающія съ глазъ завѣсы, довѣріе къ словамъ любимаго проповѣдника, могучее дѣйствіе его молніеносной рѣчи на однихъ, довѣрчивость другихъ, сомнѣніе третьихъ, повсюду совершающіеся переломы внутри душъ, удивленіе, радость, сопротивленіе или полусогласіе, — сколько разнообразныхъ тоновъ, сколько гаммъ душевныхъ должно было пробиться тутъ наружу и громко зазвучать. Но ни съ чѣмъ изъ всего этого не сладилъ Ивановъ, ничего подобнаго не возникало даже въ его тощей, ограниченной фантазіи. Даже не пришло ему въ голову взять себѣ дѣйствующихъ лицъ изъ всѣхъ тогдашнихъ еврейскихъ сословій и дѣятельностей, а это дало бы тотчасъ огромное богатство и разнообразіе мотивамъ. У него одинъ общій хоръ, совершенно однородная толпа добрыхъ и недалекихъ людей, добродушно и довѣрчиво поворачивающихся туда, куда велитъ уважаемый учитель. Покорное повиновеніе чужой рекомендаціи—вотъ въ чемъ состоитъ вся картина. Навѣрное, Ивановъ разсчитывалъ на что-нибудь другое, болѣе высокое и важное: знай онъ, что только то и будетъ во всей картинѣ, что мы теперь въ ней находимъ, врядъ ли, кажется, поднялъ бы онъ и кисти къ своему холсту. Одинъ Іоаннъ Креститель, вдохновенный, полный огня и убѣжденія – одинъ онъ выдѣляется изъ среды остальной толпы, столько плохой и слабой по психологіи. Но какъ я ни люблю фигуру Іоанна, сколько достоинствъ ни нахожу въ ней, а все-таки скажу, что легче схватывать и передавать эффектные, нѣсколько театральные, сильно сосредоточенные и крупные моменты, представляющіе человѣка, вышедшаго изъ всѣхъ пазовъ, чѣмъ тѣ болѣе сложныя, неопредѣленныя, измѣнчивыя состоянія души, гдѣ тысячами подробностей и переливовъ выражаются характеръ и натура даннаго человѣка, съ ихъ колебаніями и нерѣшительностью, съ ихъ смѣнами силы и слабости, съ ихъ ежедневнымъ и ничуть негероическимъ ходомъ. Тутъ гораздо менѣе колоритности и эффекта, за то болѣе глубины и правды; въ этихъ ничуть неидеальныхъ и невысокихъ представленіяхъ всего болѣе нуждается наше время. Но Ивановъ, точно также какъ и Овербекъ, ничуть не принадлежалъ нашему времени,—они архаическіе обломки прежнихъ, уже сошедшихъ со сцены эпохъ, и потому-то нечего и адресоваться къ Иванову съ нынѣшними запросами и требованіями. Но за то, какую капитальную роль играетъ у него еврейское племя, еврейскій типъ, еврейская личность. Ни одна картина до него не содержала такой массы глубоко-реальныхъ, совершенно живыхъ евреевъ, скопированныхъ съ натуры. Такія картины, какъ „Мѣдный змѣй“ проф. Бруни, живой натуры не содержатъ: вѣдь все тутъ передѣлано, переложено на оперный и академическій ладъ, и не то что національности, но простой и естествен-

ной правды остается въ нихъ едва-едва только седьмая вода на киселѣ. Куда ни посмотри, всюду одни условныя, искусственныя формы и выраженія. Съ этими картонными фигурами, лишенными жизни, невозможно и сравнивать дѣйствующія лица ивановской картины: тутъ у васъ передъ глазами истинные, живые евреи, изученные съ натуры. Что только Ивановъ, впродолженіе долгихъ поисковъ по Италіи, могъ найти красоты или граціи въ еврейскихъ мальчикахъ и юношахъ, значительнаго и важнаго достоинства въ зрѣлыхъ мужахъ, оріентальнаго величія въ старикахъ, все это онъ собралъ и заключилъ въ своей картинѣ. Оттого она явилась словно великолѣпная хрестоматія, чудесный сборникъ лучшихъ изяществъ и совершенствъ еврейской человѣческой природы. Сюда, одинъ годъ за другимъ, Ивановъ, какъ въ записную книгу, заносилъ лучшія красоты типовъ, позъ, поворотовъ, взглядовъ, встрѣчавшіяся ему въ жизни, точно у него только одна и была цѣль: прославить еврейское племя во всѣхъ безподобнѣйшихъ видахъ его, все забытое другими. Какая неожиданная, какая удивительная роль для русскаго благочестиваго художника, наихристіаннѣйшаго между всѣми своими товарищами прошедшаго и настоящаго времени. Кто бы это могъ вообразить? И однакоже, это почувствуетъ всякій, взглянувъ на картину Иванова. Юноша апостолъ Іоаннъ весь покрытъ у него еще рафаэлевскими, классическими драпировками, но Ивановъ осмѣлился уже сдѣлать его, вопреки всѣмъ правиламъ и школьнымъ традиціямъ, красавцемъ-евреемъ съ рыжими золотистыми кудрями. Апостолъ Андрей и его товарищи, старцы и мужи, носятъ весь еврейскій характеръ; люди раздѣвающіеся и дрожащіе отъ холодной воды Іордановской, или еще одѣтые въ широкія ризы, въ шапочкахъ и фескахъ, юноши съ огромными восточными глазами, строгіе старческіе профили съ носомъ какъ крючокъ, окладистыя бороды, извивающіеся по плечамъ густые пейсы — все здѣсь переноситъ въ еврейскій міръ красоты, и беретъ такой аккордъ, какого до Иванова никто еще не бралъ.

Одного жаль: у Иванова въ картинѣ женщинъ-евреекъ нѣтъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать представительницами женской еврейской личности тѣ двѣ женскія головки, которыя прячутся за толпой, въ правомъ углу картины. Онѣ, конечно, красивы, но едва вызначились изъ-за своихъ ширмъ; онѣ лишены всякаго выраженія, и играютъ здѣсь столь же ничтожную роль, какъ тѣ два старика (тоже въ правой сторонѣ картины, и тоже представленные только до плечъ), которые должны были, кажется, по мысли Иванова, воплотить негодующій и оппозиціонный еврейскій элементъ. Вся оппозиція ихъ состоитъ лишь въ томъ, что мохнатыя брови этихъ двухъ стариковъ насуплены; что у одного глаза смотрятъ изъ подлобья вкось, по направленію къ пламенно-проповѣдующему Іоанну. И женскій и оппозиціонный элементъ въ Палестинѣ, временъ Христа, требовали для картины Иванова, ка-

жется, немного поболѣе развитія, ширины и глубины. Слабые, поверхностные намеки тутъ не годятся.

IX.

Я говорилъ до сихъ поръ о томъ, что сдѣлали для изображенія еврейства, временъ Христовыхъ, два художника: католикъ-нѣмецъ и православный русскій, оба въ теченіе 40-хъ годовъ нашего столѣтія, и оба — въ Римѣ. Теперь мнѣ надо перешагнуть за границу Италіи и показать, за тѣмъ же дѣломъ, художниковъ двухъ другихъ націй: протестанта-англичанина и неизвѣстно какой религіи француза. Оба принялись за свою работу внѣ Рима, внѣ классическихъ предразсудковъ, на своей собственной родинѣ, но побывали напередъ на Востокѣ, и изучили еврейскій типъ, еврейскую жизнь, еврейскую обстановку и природу на самомъ мѣстѣ, въ Палестинѣ. Всего этого не случилось ни съ Овербекомъ, ни съ Ивановымъ.

Англичанинъ, про котораго я хочу говорить, называется Гольманъ Гонтъ. Наврядъ-ли кто знаетъ его у насъ. Въ Европѣ тоже немногіе считаютъ его однимъ изъ великихъ свѣтилъ искусства, а было время, когда въ Англіи имя его громко гремѣло, и картины его признавались самыми капитальными произведеніями не только которой нибудь выставки, но всего религіознаго искусства современной Европы. Въ концѣ 40-хъ годовъ, въ Англіи образовалась вдругъ художественная школа, проповѣдывавшая оппозицію преданіямъ и разрывъ съ принятыми правилами,—значитъ, имѣвшая на своей сторонѣ могущество почина, свѣжесть мысли, громадные шансы успѣха. Новая школа протестовала противъ искусственностей и условныхъ красотъ классическаго европейскаго искусства; она не хотѣла болѣе знать Рафаэля, она призывала къ копированію прямо съ природы, вмѣсто подражанія признаннымъ образцамъ, она искала жизни и обновленія. Во главѣ этой школы скоро сталъ, какъ самый сильный между остальными товарищами, Гольманъ Гонтъ. Но, къ несчастію, у этой фаланги пламенныхъ юношей было меньше таланта, чѣмъ добрыхъ намѣреній, менѣе чувства красоты, чѣмъ ограниченнаго и односторонняго вкуса; у ней было какое-то странное поклоненіе наивностямъ неумѣлыхъ художниковъ прежняго времени (отчего она приняла даже названіе «до-рафаэлитовъ»); поэтому-то она не пошла далеко и неуспѣла совершить никакого дѣйствительнаго обновленія и переворота. Гонтъ, какъ и всѣ его товарищи, слишкомъ трусливо сталъ держаться подражанія природѣ; ему хотѣлось выдѣлывать съ безконечнымъ стараніемъ и мелочностью каждую самую незначительную частицу въ картинѣ, каждую жилку въ шнурочкѣ или позументѣ, каждую рябинку, каждую капельку росы на травѣ въ полѣ; отъ этого выходила въ результатѣ безконечная сушь деталей и разрозненность впечатлѣнія, а такъ какъ ни одинъ изъ «до-рафаэлитовъ» не былъ одаренъ чувстомъ колорита и способностью

создавать гармоническія пятна красокъ, свѣта и тѣни; такъ какъ у нихъ выраженія были слишкомъ часто сентиментальны, а формы и линіи не изящны, то изъ всего вмѣстѣ получалось въ общемъ что то деревянное, сухое, пестрое и мало-художественное. Однако-же, несмотря на всѣ свои недостатки, школа эта, повидимому обреченная на скорое забвеніе и погибель, создала произведеніе, которое заняло очень видное мѣсто среди общей ничтожности англійскихъ картинъ на сюжеты историческіе, и, что особенно важно для меня въ настоящую минуту, играетъ очень значительную роль въ томъ историческомъ, національно-еврейскомъ направленіи искусства, которое я здѣсь разбираю.

Уже въ 1854 году Гольманъ Гонтъ произвелъ громадный эффектъ въ Лондонѣ своею картиною „Свѣтъ міра“. Здѣсь были взяты темою слова Апокалипсиса: „Се стою у двери и толку: аще кто услышитъ гласъ мой и отверзетъ двери, войду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со мною“ (III, 20). Христосъ представленъ запоздалымъ странникомъ, стучащимся, въ глухую осеннюю полночь, съ фонаремъ въ рукахъ, у дверей заснувшаго дома. Онъ далеко и долго шелъ, ноги его изранены, края одежды изорваны придорожными кустами. Онъ тщетно стучится и зоветъ, никто его не слышитъ. Такой аллегорическій сюжетъ, лишенный всякой истинной историчности, долженъ былъ сильно понравиться англичанамъ, любящимъ всего болѣе въ искусствѣ (какъ большинство прозаическихъ и дѣловыхъ людей) все сентиментальное и идеально-туманное, далекое отъ дѣйствительныхъ сценъ жизни. Англичане даже прощали на этотъ разъ Гольману Гонту его трусливое, мелкое, почти фотографическое исполненіе подробностей, его сильно-неизящный колоритъ; они кричали на всю Европу о торжествѣ своей школы, о великомъ произведеніи, полномъ религіознаго духа, тогда какъ остальныя художественныя школы не способны уже болѣе ни къ чему религіозному, ни къ какимъ истинно-глубокимъ идеямъ. Они, въ своемъ упоеніи, послали эту картину на слѣдующій годъ (1855) на парижскую всемірную выставку, а впослѣдствіи выставили ее и на своей собственной всемірной выставкѣ 1862 года; тѣмъ не менѣе, она все-таки не получила никакихъ правъ гражданства въ европейскомъ искусствѣ, и осталась въ тѣни. И дѣйствительно, Христосъ этой картины не представлялъ никакого истинно-глубокаго типа, ничего не говорилъ ни художественному чувству, ни историческому разумѣнію: онъ могъ производить впечатлѣніе развѣ только на неизлечимыхъ любителей аллегорій и отвлеченной мистики. Золотая корона на головѣ этой фигуры худо вязалась съ терновымъ вѣнкомъ, вьющимся рядомъ съ нею, наибогатыя, узорчатыя одежды—съ фонаремъ сторожа, висящимъ у Христа въ рукѣ, а чувствительный, сладковатый видъ промокшаго, усталаго странника ничего не имѣлъ общаго съ типомъ того проповѣдника новой жизни, какимъ всѣ въ Европѣ привыкли знать эту личность.

Поэтому, громадный успѣхъ Гольмана Гонта въ Англіи очень мало имѣлъ, въ сущности, основанія и слабо отражался въ другихъ странахъ. Но подобные успѣхи иной разъ тѣмъ хороши, что благодѣтельно поднимаютъ силы и творчество художника, и толкаютъ его на созданіе такихъ произведеній, которыхъ безъ того онъ, быть можетъ, никогда и не рѣшился бы затѣять. Такъ было на этотъ разъ и съ Гольманомъ Гонтомъ. Онъ увидѣлъ себя вдругъ поставленнымъ выше всѣхъ остальныхъ товарищей по „до-рафаэльству“, во главѣ цѣлой школы, онъ чувствовалъ потребность предпринять что-то крупное, многообъемлющее. И вотъ онъ задумалъ—какъ Ивановъ, послѣ первой своей картины: „Магдалина передъ Христомъ“—огромную картину на сюжетъ евангельскій: „Христосъ въ храмѣ между книжниками и учителями“. Но онъ не хотѣлъ уже писать картину еврейскую съ прежнимъ всеобщимъ незнаніемъ всего еврейскаго. Онъ уѣхалъ на Востокъ, цѣлыхъ два года пропутешествовалъ по Египту и Палестинѣ, долго приготовлялся, и на мѣстѣ, и потомъ въ Англіи, и наконецъ написалъ ту картину, которая создала его славу и заставила весь Лондонъ громадными толпами ходить смотрѣть на нее, съ перваго же дня публичной ея выставки. Это было въ 1860 году, черезъ два года послѣ того, какъ Ивановъ рѣшился наконецъ разстаться съ своей картиной, привезъ ее въ Россію—и умеръ.

Гольманъ Гонтъ не принадлежитъ къ числу великихъ художниковъ. У него слишкомъ много недочетовъ въ натурѣ, и, можетъ быть, еще болѣе недочетовъ въ художественномъ умѣньѣ. Его картина пестра и вмѣстѣ суха; главное дѣйствующее лицо, отрокъ Христосъ, какъ-разъ больше всѣхъ въ картинѣ, лишенъ того выраженія, натуры и естественности, которыя были тутъ особенно нужны; онъ даже нарисованъ хуже всѣхъ, стоитъ на своихъ ногахъ какъ-то криво и неуклюже. Изъ числа другихъ дѣйствующихъ лицъ, иныя совершенно незначительны и не принимаютъ никакого участія въ сценѣ, другія являются единственно для того, чтобъ занять извѣстное мѣсто въ группѣ и пополнить ее; можно было-бы показать еще другіе недостатки; наконецъ, колоритъ по всегдашнему пестръ и хаотиченъ. И однакоже, не смотря ни на что, эта картина Гонта необыкновенно примѣчательна. Она пропитана насквозь еврействомъ, нѣтъ въ ней, кажется, ни одной черты, которая не была бы изучена на типахъ, мѣстности, исторіи, искусствѣ, нравахъ, жизни еврейскаго народа. Она до такой степени способна переносить воображеніе въ еврейскую среду за 2000 почти лѣтъ тому назадъ, какъ ни одна другая картина, а такъ какъ тутъ на сценѣ самъ іерусалимскій храмъ, со всей его чудной, давно исчезнувшей религіозной обстановкой, такъ какъ тутъ, среди храма, воскресаютъ всѣ самые крупные интересы тогдашняго времени, то это созданіе, даромъ что вышло изъ подъ кисти англичанина и протестанта, должно сильно интересовать каждаго кореннаго, воспріимчиваго еврея, и займетъ у

него, въ видѣ маленькой фотографической карточки, или въ видѣ большой гравюры, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ ряду отечественныхъ, народныхъ представленій.

Передъ глазами зрителя передній притворъ храма. Здѣсь мраморный полъ покрытъ финикійскими и вавилонскими коврами, всюду по стѣнамъ блеститъ золото и драгоцѣнные камни, потолокъ рѣзной изъ кипариса, разноцвѣтный свѣтъ вливается внутрь храмины сквозь восточное росписное окно; дорогой еврею, священный знакъ, «Звѣзда Давидова», граціозными формами наполняетъ это окно, и вотъ, среди всего этого богатства и восточнаго великолѣпія, разсѣлся по сѣдалищамъ, также покрытымъ коврами, сонмъ древне-еврейскихъ книжниковъ и библейскихъ знахарей. Налѣво отъ зрителя, почти у края картины, сидитъ старѣйшій между ними, сѣдой какъ лунь старикъ, дряхлый, слѣпой, съ потухшими глазами, но, по всему видно, все еще сильно интересующійся дѣломъ Библіи и закона. Рядомъ съ нимъ сидитъ другой старецъ, тоже суровый фанатикъ; онъ толкуетъ товарищу, съ живыми жестами пальцевъ, то, что сейчасъ только было говорено передъ ними всѣми отрокомъ Іисусомъ. Далѣе идутъ, продолжаясь полукругомъ, еще скамьи съ книжниками и учеными, и, какъ разнообразны ихъ восточные костюмы, столько же, кажется, разнообразны ихъ характеры и настроенія. Одни въ чалмахъ, другіе въ скуфейкахъ, третьи накрыты покрывалами, осѣняющими вѣнчики съ надписями; у иныхъ на лбу привязаны коробочки со вложенными внутри маленькими свитками религіозныхъ изрѣченій, богатыя матерчатыя одежды съ широкими складками и поясами надѣты на нихъ, ноги у всѣхъ босыя; иные держатъ въ рукахъ наверченные, на большія металлическія роскошно убранныя палки, свитки закона, другіе—храмовые сосуды и блюдца. Всѣ они глубоко заняты только что происходившимъ преніемъ о священныхъ текстахъ, глаза сердито устремлены внизъ, въ землю, или въ лице товарищу, иные съ участіемъ глядятъ вослѣдъ только что говорившему и поднявшемуся съ мѣста отроку,—бороды развѣваются, руки сильно жестикулируютъ, а позади, нѣсколько молодыхъ кудрявыхъ прислужниковъ, въ шапочкахъ, по-еврейски сдвинутыхъ на затылокъ, въ богатыхъ парчахъ, съ браслетами на рукахъ, съ разсѣянными лицами, небрежно прислушиваются къ неинтересному для нихъ пренію; въ рукахъ у нихъ золотыя арфы и систры, они ихъ праздно вертятъ передъ собою, пока велѣно будетъ пустить ихъ въ ходъ; одинъ изъ этихъ красивыхъ широкоглазыхъ мальчиковъ присѣлъ на корточкахъ около главнаго старика, первосвященника, тоже по-дѣтски поглядываетъ туда и сюда, а самъ держитъ на готовѣ большое опахало, съ золотой ручкой и все усыпанное каменьями, въ родѣ тѣхъ, какими и до сихъ поръ рабы и невольницы машутъ въ Индіи надъ млѣющими отъ опіума и жары темнолицыми раджами въ золотыхъ халатахъ. Въ фонѣ картины, одинъ изъ храмовыхъ прислужниковъ, приподнявшись на цыпочки, зажигаетъ лампы и свѣтильники, мелькающіе среди перевитыхъ золотыми и цвѣточными перевязями столповъ, другой длиннымъ платкомъ гонитъ прочь птицъ, влетѣвшихъ въ храмъ сквозь распахнутую дверь. А юноша Іисусъ, этотъ тоже сидѣлъ среди этого важнаго собранія, на полу, у ногъ одного изъ старцевъ, и тамъ на коврѣ, еще видно, помятое мѣсто, съ котораго онъ только что вскочилъ, сбросивъ въ торопяхъ верхній свой плащикъ. А отъ чего онъ такъ быстро покинулъ мѣсто и прервалъ разговоръ? Онъ увидалъ входящихъ въ храмъ отца и мать, такъ долго отыскивавшихъ сына, и вотъ гдѣ наконецъ, въ какомъ важномъ собраніи сыскавшихъ его. Дверь храма полуотворена, и за нею видна панорама Іерусалима, съ древневосточнымъ его обликомъ и богато осѣняющими его деревьями, а на ступеняхъ храма, тотчасъ за дверью, сидитъ бѣдный нищій, калѣка, и распѣваетъ жалобную пѣсню свою, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Между тѣмъ, Марія и Іосифъ торопливою безпокойною походкою ступили на узорчатый помостъ внутри храма, они прямо съ дороги, у Іосифа на плечахъ повѣшены его туфли (въ священномъ мѣстѣ нельзя оставлять ихъ у себя на ногахъ), а къ поясу прицѣпленъ еще дорожный запасъ винныхъ ягодъ, нанизанныхъ на веревочку. Іосифъ, добродушный еврей въ чалмѣ и съ загорѣлою грудью, съ необыкновенною любовью и умиленіемъ смотритъ на дорогаго своего отрока; Марія, полная тяжкой заботы, усталая, такъ прямо отъ двери и бросилась къ милому сыну, кажется колѣни у ней подгибаются отъ неожиданнаго впечатлѣнія, она протягиваетъ объятія, жметъ руки молодому Христу и безпредѣльное чувство радости и тревоги покрываетъ ея прекрасное еврейское лицо. А самъ Христосъ, стройный еврейскій отрокъ, съ густыми курчавыми волосами, въ длинной полосатой рубашкѣ, съ цвѣтной бахрамой, стянутый широкимъ кушакомъ, стоитъ по самой срединѣ картины и какъ будто не совсѣмъ то охотно встрѣчаетъ ласки матери и добрые ея упреки, и сладкія слезы. Ему не до отца и матери, онъ немножко отъ нихъ отстранился, и, пока глаза и лицо продолжаютъ еще у него горѣть отъ горячаго спора и доказыванія, онъ только, кажется, того и ждетъ, какъ бы сбыть съ рукъ родныхъ, хотя ихъ и любитъ, и поскорѣе вернуться къ свиткамъ закона и ждущей толпѣ старцевъ, къ горячей бесѣдѣ.

Столько еврейства, столько еврейской исторической древности, столько разнообразныхъ еврейскихъ фигуръ и лицъ, съ истиннымъ ихъ палестинскимъ типомъ, восточными позами и ухватками, столько торжественной еврейской красоты, столько храмовыхъ и іерусалимскихъ подробностей—не представляла до Гольмана Гонта, ни одна европейская картина, и если картина Иванова безмѣрно выше этой по достоинствамъ собственно художественнымъ, по классическому рисунку тѣла и драпировокъ, по изяществу иныхъ группъ, и всего болѣе по той мощи вдохновенія и красоты въ лицѣ Іоанна Крестителя, съ которою не можетъ равняться никакое выра-

женіе, не только въ картинѣ Гонта, но и въ подобныхъ картинахъ быть можетъ всего остальнаго европейскаго искусства, за то и англійскій живописецъ имѣетъ свое преимущество предъ русскимъ: онъ изучилъ въ самой Палестинѣ, среди самихъ еврейскихъ населеній, тѣ характеры, лица, фигуры и національныя подробности, которыя соединилъ потомъ въ одну поразительную, сильно захватывающую зрителя, полную торжественности, новизны и великолѣпія картину.

X.

Послѣднимъ явился со своими созданіями художникъ французскій. Онъ былъ даже вовсе не живописецъ, а только рисовальщикъ; но несмотря на такую, повидимому, ограниченность и недостаточность техническихъ средствъ, онъ, по части изображенія сценъ евангельскихъ съ настоящей, т. е. истинно-еврейской, точки зрѣнія, сдѣлалъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Имя этого художника—Александръ Бида. Нужды нѣтъ, что созданія его всѣ маленькаго формата, едва нѣсколькихъ вершковъ въ объемѣ, нужды нѣтъ, что никогда онъ не бралъ палитры и кистей въ руки, и въ продолженіе всей долгой жизни своей работалъ только карандашемъ и акварелью: все-таки его иллюстраціи Евангелія имѣютъ громадное значеніе, такъ что я во всякомъ случаѣ говорилъ-бы про этого художника послѣ предъидущихъ, даже еслибы онъ и по времени не приходился позже ихъ всѣхъ.

Сначала Бида былъ только жанристомъ, талантливымъ и очень реальнымъ, какъ многіе его французскіе товарищи; но 30-и лѣтъ отъ роду онъ поѣхалъ на Востокъ, пробылъ тамъ два года (1844—46), а когда воротился назадъ, то сдѣлался уже навсегда восточникомъ, и болѣе уже почти и не дотрогивался ни до какихъ сюжетовъ, кромѣ восточныхъ. Его картинки вскорѣ доставили ему большую извѣстность; самыя знаменитыя между ними: «Арабская кофейня», «Турецкая лавочка», «Рынокъ невольниковъ», «Бастонада», «Армянскій цырульникъ», «Возвращеніе изъ Мекки», «Грекъ пѣвецъ», «Избіеніе мамелюковъ», «Женская половина въ арабскомъ домѣ» и проч. Историкъ новаго французскаго искусства, Юліусъ Мейеръ, говоритъ про Бида: «Онъ всегда передаетъ не только все разнообразіе самыхъ живыхъ типовъ, движенія и подробности внѣшности, но и воздушные эффекты, лучезарный тонъ и горячую свѣтотѣнь юга, и вноситъ въ свои рисунки живописный элементъ. При этомъ у него рисунокъ тщателенъ и выработанъ; онъ обличаетъ твердое знаніе и необыкновенно опытную руку. Реалистическое же направленіе высказывается уже и въ той случайности и разрозненности группировки, которая разстанавливаетъ фигуры рядомъ, или одну позади другой, точь-въ-точь столько же неправильно, какъ это бываетъ въ дѣйствительной жизни». Но не взирая на всѣ эти блестящія достоинства таланта и мастерства, Бида по всей вѣроятности, все-таки никогда не достигнулъ бы той знаменитости, какою теперь пользуется, если бы въ зрѣлые годы свои не сосредоточился весь на сюжетахъ еврейскихъ: они особенно выпукло дали высказаться самымъ капитальнымъ сторонамъ его дарованія и упрочили за нимъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ исторіи новаго искусства.

Въ 1857 году Бида выступилъ съ большимъ рисункомъ «Евреи у стѣны Соломоновой», который тотчасъ же получилъ величайшую извѣстность и распространился по Европѣ въ формѣ тысячи большихъ и малыхъ гравюръ и фотографій. Тутъ былъ великолѣпно схваченъ одинъ изъ глубочайшихъ и поразительнѣйшихъ моментовъ новой исторіи, и переданъ тоже съ великолѣпною силою и жизненностью. Толпа евреевъ нашего времени, мущинъ и женщинъ, стоитъ густою толпою у стѣны изъ громадныхъ тесаныхъ камней—почти единственнаго архитектурнаго остатка прежнихъ дней славы и величія еврейскаго. «Бѣдный еврейскій народъ!» скажешь себѣ, глядя на эту нечастную, грустную, толпу, но тотчасъ же скажешь еще: «Могучій, сильный еврейскій народъ! Кто еще, какъ онъ, въ состояніи былъ уцѣлѣть послѣ тысячелѣтій избіенія и вытравливанія на всѣ лады, на всѣ вкусы, и на всѣ фантазіи? Кто еще, какъ онъ, способенъ былъ уберечь несокрушимую живучесть, перешагнувшую невредимо черезъ костры, тюрьмы и казни, и такую же несокрушимую талантливость, ко всему способную, все умѣющую, пережившую столѣтія гнета, позора и бѣдности, иногда доведенную до лохмотьевъ? Ничто не беретъ этихъ изумительныхъ желѣзныхъ людей; все тѣ же они, какъ тысячи лѣтъ назадъ, многоспособные, ищущіе кипучей дѣятельности, незнающіе что такое лѣнь, какъ волна рѣчная обходящіе извивомъ всѣ преграды, надъ всѣмъ торжествующіе, до всего добивающіеся, и тутъ же вмѣстѣ, какъ тысячи лѣтъ назадъ, страстные къ своей вѣрѣ, не разстающіеся ни съ одной изъ всѣхъ народныхъ традицій, не уступающіе ни единой іоты изъ своихъ древнихъ преданностей или ненавистей!» Вотъ они стоятъ въ Іерусалимѣ, у подножія стѣны Соломоновой. Какое разнообразіе сословій, личностей, характеровъ, общественныхъ положеній — и все таки, одна и таже нота громко раздается изъ всѣхъ грудей, накопленная столѣтіями отчаянія, ненависти, мщенія, безсильной злобы, и вылившаяся въ безконечную, неутѣшную жалобу о павшемъ, исчезнувшемъ отечествѣ. Богатые старцы въ нарядѣ и дорогихъ мѣхахъ; бѣдные сидѣльцы изъ лавочекъ, мастеровые съ загрубѣлыми руками, важные ученые, устремившіе серьезные глаза въ книгу книгъ, читаемую у подножія деревняго храма, подростающіе юноши съ красиво вьющимися изъ подъ шапочки пейсиками, наивно смотрящіе мальчики, изящныя женщины, закутанныя въ ихъ восточныя чадры и непроницаемыя покрывала—всѣ они стонутъ и плачутъ около груды Соломоновыхъ камней, точно не двѣ тысячи почти лѣтъ назадъ совершилась гибель города и народа, а только вчера, или сегодня, и они сейчасъ же, за спиною у непріятеля, еще недалеко ушедшаго,

ломаютъ себѣ руки въ отчаяніи и обнимаютъ холодныя каменныя глыбы. Одни изъ нихъ стоятъ на колѣняхъ, другіе читаютъ книгу,—свою единственную божественную книгу, пережившую всѣ безмѣрныя, неслыханныя несчастія ихъ, третьи бросились какъ съумасшедшіе къ стѣнѣ, и съ восточною живостью хватаются за нее, проливая потоки слезъ,—но кажется, присутствующіе стоятъ и всѣ одинаково ждутъ чуда. Что-то невообразимое, небывалое совершится вдругъ, отдастъ имъ тотчасъ-же прошедшее, все украденное у нихъ счастье, заживитъ безконечныя раны. На далекомъ Востокѣ ихъ, въ тиши іерусалимской, несутся громкіе вопли: «Чѣмъ мы этого заслужили? за что намъ однимъ такая страшная, небывалая доля? Зачѣмъ среди этой южной природы, полной красоты и созданной для наслажденья жизнью, стоятъ одни угрюмыя развалины, и носится только смерть?» Французскій живописецъ, истинный сынъ своего времени, создалъ тутъ картину, выговаривающую всѣ нынѣшнія чувства и мысли бѣднаго народа, и ни однимъ диссонансомъ не нарушилъ его торжественную, величавую печаль. Бида, еще менѣе всѣхъ прежнихъ истинныхъ художниковъ, находилъ возможности глумиться надъ угнетеннымъ племенемъ, невиноватымъ въ своемъ паденіи, и не могущимъ нести отвѣтственности за всѣ тѣ мрачныя, презрѣнныя или недостойныя черты натуры, которыя насаждены въ нихъ преслѣдованіемъ, рабствомъ, позоромъ и несчастіемъ, безпримѣрными въ исторіи. Бида тронулъ самыя живыя, самыя правдивыя струны, и оттого созданная имъ сцена, этотъ истинный плачъ на рѣкахъ Вавилонскихъ евреевъ нашего времени, скоро облетѣла всю Европу, была вездѣ принята съ энтузіазмомъ, и занесена въ лѣтопись художества, какъ одно изъ лучшихъ, самыхъ глубочайшихъ созданій новаго, правдиваго искусства.

Но, какъ истинный французскій художникъ, Бида не удовольствовался первымъ успѣхомъ. Онъ скоро затѣялъ такое предпріятіе, которое еще болѣе выдвинуло его изъ ряда товарищей по искусству. Онъ вздумалъ сдѣлать иллюстраціи къ Евангеліямъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Пора было взяться за эту задачу какому нибудь даровитому художнику, послѣ всѣхъ предидущихъ неудачныхъ попытокъ. Вѣдь не болѣе какъ глубокими промахами, и неудачнѣйшими усиліями приходится считать все то, что намъ до сихъ поръ давали художники, рисовавшіе иллюстраціи къ Евангелію. Но теперь сложился новый взглядъ на дѣло, нуженъ былъ, значитъ, и художникъ, который въ состояніи былъ бы этому взгляду удовлетворить, и наврядъ ли кто болѣе Бида годился на это дѣло. Отсутствіе ложнаго идеализма во всемъ вообще его художественномъ направленіи, прямой, простой и свѣтлый взглядъ на сцены древней исторіи и древнихъ народовъ, долгія путешествія по Востоку, глубокое знакомство съ тамошнею жизнью, природою и нравами — все это давало ему болѣе, чѣмъ всякому другому, права именно на эту задачу.

И онъ ее выполнилъ такъ, что отнынѣ немыслимо болѣе старинное трактованіе евангельской исторіи художествомъ, и всякій будущій художникъ не можетъ уже идти, въ этомъ дѣлѣ, по иной дорогѣ, кромѣ той, которую намѣтилъ Бида.

Съ начала 60-хъ годовъ начали появляться, на парижскихъ художественныхъ выставкахъ, рисунки Бида, назначенные для новаго великолѣпнаго изданія Евангелій, и французская художественная критика тотчасъ же стала обращать на нихъ общее вниманіе, какъ на явленія, совершенно выходящія изъ ряда вонъ. Вотъ одно изъ самыхъ вѣрныхъ и мѣткихъ сужденій, высказанное въ 1865 году однимъ изъ лучшихъ французскихъ художественныхъ критиковъ, Максимомъ Дюканомъ: «Бида бросился совершенно въ сторону отъ принятой традиціи, и я не могу достаточно похвалить его за это. Когда владѣешь, полнымъ хозяиномъ, какъ онъ, своимъ карандашемъ, это будетъ дѣло хорошее, для примѣра другимъ, сойти съ протоптанныхъ дорожекъ и попробовать новые пути. Ему предстояло передать двѣ евангельскія сцены («Отшествіе блуднаго сына» и «Миръ дому сему)»: онъ отложилъ въ сторону старыя лохмотья условныхъ драппировокъ, очень справедливо подумавъ, что евреи временъ Христовыхъ никоимъ образомъ не одѣвались на манеръ римскихъ сенаторовъ; безъ особенно долгихъ размышленій, онъ нашелъ, что семитическое племя, къ которому принадлежали всѣ личности Новаго Завѣта, существенно разнится отъ племени Іафетова. Онъ могъ удостовѣриться собственными глазами, что Востокъ есть страна неподвижности; онъ увидѣлъ, постоянно сравнивая, что костюмы, обычаи, нравы, описанные въ Библіи, тоже самое, что нынѣшніе нравы, обычаи, костюмы. Внимательное чтеніе священнаго писанія доказало ему, что, кромѣ громовъ негодованія, несшихся изъ устъ пророковъ, и жалобъ, высказываемыхъ Псалмами, тутъ вездѣ на первомъ планѣ разсказы изъ домашней жизни, гдѣ нѣтъ мѣста эпопеѣ; онъ, конечно, спросилъ самаго себя, не ошибались ли до сихъ поръ всѣ тѣ, кто безъ конца все только повторялъ въ своихъ картинахъ личности, освященныя художниками эпохи возрожденія; ему стыдно стало, что то искусство, которому онъ приноситъ столько чести своимъ талантомъ, только и знаетъ, что вертѣться въ узкомъ кругу рабскаго и покойнаго подражанія. Оттого-то, покончивши съ нелѣпыми привычками, гдѣ слишкомъ долго держитъ насъ въ рабствѣ лѣнь, свойственная французамъ, онъ рѣшился представить разнообразныя сцены Евангелія, опираясь на тексты, на мѣстныя преданія, на изученіе страны и наблюденіе разнородныхъ ея типовъ... Находящіеся нынче на выставкѣ два рисунка чернымъ карандашомъ имѣютъ такое значеніе, въ которомъ могутъ имъ позавидовать многія картины, даже изъ числа самыхъ лучшихъ. Съ перваго взгляда видишь, что Бида у себя дома на Востокѣ, и что онъ жилъ въ Палестинѣ. Эта страна, для тѣхъ, кто умѣлъ ее видѣть, есть превосходнѣйшій изъ всѣхъ комментарій къ Библіи.

Всѣ темноты разсѣеваются, всякій уголокъ земли что нибудь доказываетъ, всякій обычай—подтверждаетъ, всякая привычка—развиваетъ. Книга и древнее еврейское отечество нераздѣльно связаны, мудрено понять одну безъ другаго; а когда поставишь ихъ лицомъ къ лицу, они другъ друга объясняютъ, пополняютъ, разсказываютъ, и не скрываютъ болѣе ни единой тайны. Съ этой двойной точки зрѣнія, Бида—художникъ посвященный...» Спустя два года, въ 1867 году, Дюканъ писалъ еще: „Бида ничѣмъ на свѣтѣ не отвлекается отъ предпринятаго имъ важнаго труда. Его пластическій комментарій къ Евангелію будетъ, конечно, однимъ изъ любопытнѣйшихъ и совѣстливѣйшихъ трудовъ нашего времени. Онъ возвращаетъ этой чудной книгѣ ея семейную интимность и освобождаетъ ее отъ того эпическаго и театральнаго характера, совершенно противуположнаго истинѣ, который придало ей большинство живописцевъ, изъ подражанія языческимъ художникамъ времени возрожденія. Выставленные на нынѣшней выставкѣ два его рисунка: „Юродивыя дѣвы" и „Иродіада" представляютъ типы изумительно правдивые; это созданіе человѣка, которому Востокъ разоблачилъ тайну своихъ нравовъ и обычаевъ. Оба рисунка сдѣланы съ тою легкостью и отчетливостью, съ тѣмъ несравненнымъ мастерствомъ, на которыя никогда довольно не налюбуешься. Грація позъ, элегантная реальность архитектуры, таинственный свѣтъ, освѣщающій мастерски сгруппированныя сцены, придаютъ этимъ рисункамъ совершенно исключительный смыслъ, и значеніе исторической картины".

Съ тѣхъ поръ, какъ „Евангелія" Бида, великолѣпно гравированныя крѣпкой водной (eau-forte) лучшими современными французскими художниками—цѣлымъ легіономъ талантовъ—вышли въ свѣтъ въ полномъ своемъ составѣ, общій приговоръ Европы подтвердилъ отъ начала и до конца слова французскаго критика, даромъ что они были высказаны еще при видѣ самыхъ первыхъ иллюстрацій оригинальнаго художника.

Правда, Бида лишенъ дара создавать сцены изъ внутренняго духовнаго міра; психологія не его сильная сторона, онъ не въ состояніи изображать глубокія душевныя движенія, игру страстей, порывы гнѣва, радости, минуты счастья или горя на лицахъ своихъ героевъ: все это недоступно его карандашу, да онъ и рѣдко осмѣливается брать подобныя задачи. Что дѣлать! Нынче нѣтъ всеобъемлющихъ художниковъ, способныхъ владѣть въ одно и тоже время разнообразнѣйшими сторонами искусства, но именно, къ великой чести ихъ, они болѣе уже не утопаютъ въ иллюзіяхъ, какъ ихъ наивныя предки, они не обманываютъ самихъ себя, да и своимъ зрителямъ не обѣщаютъ художественныхъ созданій, гдѣ будетъ рѣшительно все: они умѣютъ ограничивать себя, и почитаютъ себя счастливыми, если талантливо выразятъ хотя нѣкоторыя стороны изображаемаго предмета. Только бы тутъ имъ удалось высказать съ художественнымъ совершенствомъ все то, что каждый изъ нихъ глубоко ощущаетъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ наполнена его душа и фантазія. Бида глубоко понималъ историчность и будничную поэзію своего предмета—вотъ на эту сторону евангельскихъ сценъ онъ и направилъ всю силу своего таланта, къ этому одному всего болѣе адресовался. Все остальное онъ оставилъ нетронутымъ, или слишкомъ слабо затронутымъ, какъ что-то ему чуждое или недоступное.

Не будучи идеалистомъ, Бида не съумѣлъ изобразить ни одной изъ сверхъестественныхъ личностей и сценъ, которыми такъ богатъ текстъ евангельскій, а не будучи, сверхъ того, ни лирикомъ, ни психологомъ, онъ рѣшительно не былъ въ состояніи создать сколько нибудь удовлетворительный типъ Христа. Изображенія его не содержатъ ни одной черты изъ той нравственной физіономіи, которая такъ давно уже и такъ твердо сложились въ воображеніи каждаго европейца. Типъ Христа не только не характеренъ и не значителенъ въ рисункахъ у Бида, но даже безцвѣтенъ и мало красивъ. Иной разъ такъ и чувствуешь, что художникъ старается взять ноту посильнѣе и повыше, но все-таки ничего изъ этого у него не выходитъ. Тоже самое случилось съ типами его апостоловъ и другихъ первостепенныхъ личностей. Они ничтожны, или ординарны; поэтому, мы ихъ оставимъ совершенно въ сторонѣ.

Но, обращаясь къ тому, что у Бида есть истино художественнаго и сильнаго, мы остановимся раньше всего на его пейзажахъ.

Здѣсь Бида поразительно отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, даже самыхъ ближайшихъ къ нему по времени. Нечего уже и говорить о всей прежней школѣ, выдумывавшей для своихъ евангельскихъ сценъ мѣстности небывалыя, созданныя по скучнымъ и сухимъ правиламъ художественнаго приличія или грандіозности. Но возьмемъ даже и такого человѣка, какъ нашъ Ивановъ, и у него тоже не найдемъ ничего подобнаго пейзажамъ Бида. Ивановъ долго и строго вдумывался въ подробности своей картины, положилъ безконечныя старанія на то, чтобъ придать ей отъ начала и до конца всевозможное еврейство, и однакоже, что такое фонъ, пейзажъ его картины? Ничто иное, какъ отрывки итальянской природы, окружающей Римъ—и только отрывки. Послѣ Иванова осталась цѣлая куча пейзажныхъ этюдовъ, очень любопытныхъ и даже, въ большинствѣ случаевъ, очень художественныхъ, но все-таки они ровно ничего не вѣсятъ на вѣсахъ того человѣка, который требуетъ для евангельской картины—евангельской обстановки. Однакоже пусть мы даже вообразимъ себѣ на единую минуту, что эти тощія и жидкія струйки передняго плана дѣйствительно изображаютъ воды Іордана, или эти оливы и плоскій песчаный холмикъ—воскрешаютъ передъ нашими глазами дѣйствительныя деревья и горы палестинскія: какъ далеко все-таки отъ этихъ бѣдныхъ отрывковъ до разнообразія, красоты или угрюмости природы еврейской страны, во

времена Христовы. Бида̀ со своими еврейскими пейзажами стоитъ совершенно одиноко, безъ примѣровъ, безъ предшественниковъ.

Мѣстность Палестины — это узенькій лоскутокъ земли вдоль моря, весь загроможденный горами. Древніе еврейскіе города и деревушки всѣ пріютились на выдвинувшихся скалахъ или на лощинахъ среди горъ. И Бида̀ твердо помнитъ это. Горы играютъ самую первую роль въ его картинахъ, фономъ для каждой сцены его служатъ—горы, и это придаетъ совершенно особенный характеръ этимъ картинамъ. Самый суровый видъ получили здѣсь тѣ между ними, которыя рисуютъ Іерусалимъ и его окрестности. Это были все мѣста угрюмыя, печальныя, почти лишенныя растительности, голыя и спаленныя солнцемъ. Вотъ вамъ, наприм., видъ всего Іерусалима, къ тексту евангелиста Марка: „Когда Іисусъ сидѣлъ при горѣ Елеонской, приступили къ нему ученики его, спрашивая: Когда все это будетъ и какое будетъ знаменіе твоего пришествія и кончина вѣка?“, и въ отвѣтъ на эти слова Іисусъ пророчествовалъ о разрушеніи Іерусалима и кончинѣ міра. Весь Іерусалимъ у Бида̀ какъ на ладони: онъ глядитъ на обнаженной скалѣ своей изъ-за каменныхъ оградъ верхушками домовъ и храмовъ; кругомъ главной скалы поднимаются со всѣхъ сторонъ другія такія же скалы, освѣщенныя солнцемъ, оливковая гора сіяетъ въ лучахъ солнца, рѣдкія ея деревья круглятся на воздухѣ, внизу бѣжитъ дорожка, усѣянная жидкимъ кустарникомъ — какая пустынная и вмѣстѣ красивая въ своей дикости картина!

Точно такая же мѣстность, вся изъ скалъ и нагроможденныхъ горъ, служитъ основаніемъ картинѣ къ тексту евангелиста Луки: «И они поднялись и изгнали Іисуса вонъ изъ Назарета, и повели его на верхъ горы, на которой построенъ ихъ городъ, чтобъ сбросить его оттуда». На самомъ верху зубчатыя стѣны и башни города; толпа народа бѣжитъ по гребню крутизны, это она ведетъ Христа къ краю пропасти, грозя ему жестами, и яростно надвигаясь на него. Но какъ ни стремительны утесы, какъ ни голы ихъ изломанные пласты и громады, а все-таки они представляютъ въ общемъ чудную живописность смѣлыми столпами и стѣнами своими, капризно тронутыми солнцемъ. Вдали разстилаются, въ прозрачной тѣни, лѣсистые холмы назаретскихъ окрестностей: теперь, послѣ мусульманскаго нашествія, онѣ пустынны и разорены, но 1800 лѣтъ тому назадъ славились красотой своей, прелестью густыхъ рощъ и веселыми, кротко идиллическими пейзажами.

Окрестности Кесаріи—на сѣверѣ, и Іерихона—на югѣ, содержали столько же красоты и картинности. Въ особенности Іерихонъ, расположенный на равнинѣ, недалеко отъ Іордана, былъ знаменитъ чуднымъ климатомъ и великолѣпною растительностью. Вотъ Бида̀ и задумалъ изобразить эту красоту въ картинѣ своей къ тексту евангелиста Матѳея, объ исцѣленіи слѣпцовъ іерихонскихъ. Направо поднимается гора, свѣтлая и едва кое-гдѣ покрытая скудной травкой, у ея подножія идетъ тропинка. Тутъ стоятъ бѣдные нищіе въ свѣтлыхъ рубахахъ, прислонясь спиной къ поднимающимся каменнымъ глыбамъ, и, вытянувъ сожженныя солнцемъ головы по направленію къ голосамъ вдали, протягиваютъ уже заблаговременно темно-бронзовыя свои руки. А поперегъ картины идетъ дорожка, кое-какъ прорытая у горы и дико заросшая травой: тутъ подвигается небольшая кучка людей, передніе уже вышли изъ-за поворота и разсуждаютъ другъ съ другомъ, остальные лишь до пояса вызначались изъ-за края горы, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ накрылъ, словно великанскій какой-то зонтикъ, прохладный и свѣжій мракъ тѣней, брошенныхъ густымъ рядомъ деревьевъ, стоящихъ позади, въ фонѣ. Чудесные свѣтовые эффекты, съ глубокими ихъ противуположностями мрака и блеска, дали необыкновенную поэзію уже и безъ того красивой іерихонской мѣстности.

Совершенно необыкновенный, своеобразный видъ имѣетъ также пейзажъ въ окрестностяхъ Кесаріи (самаго сѣвернаго города, какого достигалъ въ Палестинѣ Христосъ, въ своихъ странствіяхъ). Для изображенія сцены, описанной у евангелиста Марка, Бида̀ взялъ открытую большую дорогу. Здѣсь нѣтъ крупныхъ горъ, онѣ замѣнились небольшими холмами, раскатывающимися длинными полосами во всѣ стороны, и развертывающими между своими уступами—долины, словно ковры. Красивыя деревца мелькаютъ направо и налѣво, въ глубинѣ стелется далекій горизонтъ, облитой свѣтомъ, во всю ширину картины. Утреннія свѣжія краски и молодые отблески лежатъ на этомъ изящномъ пейзажѣ, и среди него является, на густой травяной тропинкѣ, свѣтлая фигура Іисуса, идущаго съ учениками, и распрашивающаго ихъ, за кого принимаютъ его люди, и кѣмъ его считаютъ они сами, апостолы?

Даже поля, гдѣ ростетъ хлѣбъ, и тѣ разстилаются въ Палестинѣ среди горъ, и это именно и придаетъ имъ свою совершенно особенную красоту и физіономію. Притча „о сѣятелѣ“ (по евангелію Луки) потребовала такого ландшафта, и Бида̀ создалъ его необыкновенно своеобразно. Какъ въ предъидущей картинѣ („Дорога въ Кесарію“), здѣсь тоже во всѣ стороны идутъ плоскія горныя покатости, и въ этомъ-то, единственно удобномъ мѣстѣ, еврей выбралъ себѣ узенькую лощинку, и у самой ступни горы гонитъ пару запряженныхъ рогами воловъ, чтобъ проложить борозду; другой еврей, тоже въ короткой бѣлой рубахѣ и съ голыми руками, съ чалмой на головѣ, идетъ рядомъ, и разбрасываетъ сѣмена, лежащія у него въ приподнятомъ подолѣ. Птицы сидятъ у самаго края дороги и караулятъ минуту, когда можно будетъ налетѣть и расклевать сѣмя; сотни товарищей ихъ носятся вверху, темнымъ облачкомъ въ сіяющемъ небѣ. Пейзажъ Бида̀ наглядно показываетъ всю глубокую національность притчи о сѣятелѣ, гдѣ въ быстрыхъ штрихахъ нарисованы всѣ главныя черты іерусалимской мѣстности: камень, большая дорога, терніе, добрая земля. Все

это, вмѣстѣ перемѣшанное, рядомъ стоящее, на фонѣ знойнаго лѣтняго дня, образуетъ еврейскій пейзажъ, необыкновенно характеристичный.

Унылость и суровость іерусалимскихъ окрестностей, все-таки по-своему красивыхъ, рисуется у Бидà на множество ладовъ. Сценой для притчи „о добромъ самарянинѣ" служитъ (также по евангелію Луки) трущоба среди горъ, по дорогѣ между Іерусалимомъ и Іерихономъ. Справа и слѣва спускаются утесы, заросшіе бурьяномъ и терновникомъ, всюду мракъ и ужасъ глухой ночи, только вдали на горизонтѣ начинаетъ брезжить слабая денница, и тамъ, гдѣ сходятся подошвами своими горы, бѣлымъ пятнышкомъ во мракѣ свѣтлѣется фигура бѣднаго еврея, обобраннаго, раздѣтаго, сидящаго у дороги, съ поникшей головой. Налѣво, наверху, улепетываютъ въ гору разбойники на коняхъ: ихъ едва можно различить среди темени, слѣпящей тутъ глаза. Направо, по извивающейся дорогѣ, отъѣзжаетъ на длинноухомъ бѣломъ ослѣ левитъ, и издали оборачивается въ сѣдлѣ на самарянина, хлопочущаго около ограбленнаго еврея, а этотъ, даромъ что и самъ бѣдняга (онъ потомъ въ состояніи былъ дать хозяину гостинницы за бѣднаго раненаго, привезеннаго имъ, всего только копѣекъ 40 на наши деньги—два динарія)—даромъ что и самъ бѣдняга, хлопочетъ точно о родномъ или пріятелѣ, объ этомъ евреѣ, т. е. человѣкѣ, по племени ему враждебномъ. Созданный для всего этого нашимъ французскимъ художникомъ пейзажъ чудесно гармонируетъ своимъ мракомъ и дикостью съ разбойничьимъ колоритомъ сцены, и испуганнымъ уѣзжаньемъ еврейскаго священника и левита.

Въ другихъ еще случаяхъ, когда было также потребно изобразить сушь и запустѣніе, тоскливый или мрачный колоритъ природы, Бидà всегда умѣлъ отлично пользоваться, для этого, подробностями и физіономіей іерусалимскаго пейзажа. Такъ, для разсказа объ изсохшей смоковницѣ, въ окрестностяхъ Виѳаніи (евангеліе Матѳея), онъ взялъ себѣ главной основой для своей картины большую гору, которую поясомъ перехватываетъ узенькая дорожка, выдолбленная въ ней. Верхушка горы стоитъ голая и пустынная, какъ лысый черепъ, лишь два-три деревца выскочили гдѣ-то по сторонамъ изъ треснувшей коры, да такъ и завяли на немилосердно палящемъ солнцѣ. Іисусъ сошелъ съ дорожки и взошелъ на крутизну, прямо подъ тощія поблеклыя вѣточки одного деревца; онъ нашелъ его засохшимъ, когда жаждалъ и искалъ тутъ сочныхъ плодовъ, и, по еврейскому обыкновенію, проклинаетъ его, поднявъ руку, а ученики, стоящіе спиной къ зрителю, темными столбиками, съ дорожки слушаютъ съ изумленными жестами эту неожиданную сцену. Дѣйствіе происходитъ утромъ, и кажется видишь, какъ тонкій вѣтерокъ продуваетъ сквозь вѣтви деревца, или какъ изъ-за горы гонитъ впередъ легкія облачка на небѣ.

Но если кому интересно получить представленіе объ этихъ

еврейскихъ горахъ вблизи, о красотахъ и живописности ихъ глыбъ, объ эффектахъ ихъ пещеръ и наружныхъ громадъ, всего лучше взглянуть на три картины Бидà, къ тексту евангелиста Марка, гдѣ говорится о погребеніи Христа. Въ первой, передъ вами внутренность горы, и тутъ, въ мрачныхъ переходахъ, подъ нависшими отовсюду каменными громадами, крошечное пламя факела дрожитъ и чуть-чуть освѣщаетъ непроглядный туманъ; въ мракѣ еле-еле обозначаются маленькія фигуры несущихъ тѣло, тутъ чалма, тамъ плечо, тамъ руки всплеснувшіяся и сжатыя у головы, здѣсь плачущая голова. Все вмѣстѣ—грандіозный, трагическій эффектъ, достойный лучшихъ вдохновеній Рембрандта. Во второй картинѣ, нѣтъ, напротивъ, никакой трагедіи, никакого ужаса. Свѣжее, раннее утро, солнце едва поднялось, по небу разстилаются, изъ за горы, косыми полосками, лучи свѣта; на переднемъ планѣ упали прохладныя тѣни, и здѣсь двигаются три женскія фигуры, съ сосудами благовоннаго елея на головѣ. Передъ ними каменной стѣной поднимается гора, вся освѣщенная солнцемъ, и покрытая тѣнями только въ углубленіяхъ песчаниковыхъ массъ, наклоненныхъ къ ней спереди словно обломанныя башни; въ одномъ мѣстѣ, у подножія, чернѣется маленькій треугольникъ: это входъ въ пещеру, выглядывающій изъ подъ огромнаго горизонтальнаго каменнаго пласта. Туда онѣ и идутъ. Въ третьей картинѣ, передъ вами опять внутренность горы, но уже не мрачная, не страшная, потому что здѣсь тотъ уголокъ, который приходится у самаго выхода. Сводъ грота стоитъ полукруглой низенькой дугой, тамъ еще все мракъ и чернота, но сквозь такой же полукруглый проломъ, какъ во второй картинѣ, «Жены мироносицы», виднѣются поля, цѣлый горизонтъ свѣта и зелени, ярко противуположнаго мраку внутри; и тамъ, гдѣ столкнулись веселый день, снаружи, и темень ночи, внутри пещеры, — на этой полоскѣ стоятъ жены-мироносицы, не смѣющія войти и остановившіяся на порогѣ съ жестами изумленія: это онѣ увидали, въ глубинѣ мрака, свѣтоносную фигуру ангела, котораго человѣческая форма едва обозначилась, но льетъ вокругъ себя потоки свѣта. Всѣ три эти картины, особливо послѣдняя, полны такой поэзіи и художественнаго чувства, какого никогда не представляли прежде картины на эти самые евангельскіе сюжеты. Къ этимъ тремъ chef d'oeuvre'амъ еврейскаго пейзажа и еврейской картинности, надо прибавить еще четвертую: «Явленіе Христа Магдалинѣ по воскресеніи» (по евангелію Іоанна). Здѣсь опять гора погребальная, снаружи, опять черная впадина отверстія, зіяющая изъ подъ навислыхъ камней, словно зѣвъ черной пропасти, опять прежняя живописность; но на этотъ разъ Бидá придалъ нѣсколько другой характеръ каменнымъ глыбамъ, онъ покрылъ ихъ сухою, жосткою травою и низенькими запыленными кустарниками. Они топорщатся, совсѣмъ засохлые и пожженные солнцемъ, словно стриженные волосы на головѣ нищаго, незнающаго

покрышки, и, не смотря на веселый свѣтъ утра, производятъ впечатлѣніе печали и пустынной заброшенности.

Однако не все одни только пейзажи подобнаго рода наполняютъ „Евангелія“ Бида. Конечно, главныя событія Іисусовой жизни совершились въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, значитъ и художнику много разъ приходилось трогать, въ своихъ пейзажахъ, ноту элегіи и тяжкаго запустѣнія. Но совершенно другое ему предстояло, когда приходилось брать мѣстности сѣверной Палестины, въ Назаретѣ или вблизи его, и всего болѣе въ окрестностяхъ Тиверіадскаго озера, прелестнаго и до сихъ поръ (по описаніямъ путешественниковъ, особливо Ренана): это была мѣстность, которую всего болѣе, кажется, любилъ Іисусъ и всего чаще избиралъ сценою для своихъ бесѣдъ съ еврейскимъ народомъ, призываемымъ къ новой жизни. Между рисунками Бида разсѣяно множество, полныхъ той изумительной идиллической прелести и граціи, какою, говорятъ, дышали, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, эти еврейскія мѣста, поминутно служившія поводомъ и матерьяломъ для граціознѣйшихъ картинокъ въ рѣчахъ Христа. Я не буду ихъ перечислять, но укажу моему читателю только на два особенно поэтическихъ пейзажа, изображающихъ Тиверіадское озеро.

Одна изъ нихъ — край каменистаго берега надъ озеромъ, тамъ сидитъ Христосъ, совершенно одинъ (по евангелію Матѳея: „вышелъ Іисусъ изъ дому и сѣлъ у моря“). Еще народъ не собрался около него, онъ еще не садился въ лодку, чтобы оттуда проповѣдывать, онъ глядитъ вдаль, на это чудесное, удивительное озеро, разстилающееся подъ нимъ, все покрытое золотомъ солнечныхъ лучей. Тѣломъ онъ поворочень на столько въ сторону отъ зрителя, что лица почти не видать, но по всей позѣ чувствуешь, что сидящая тутъ личность глядитъ и любуется, что ему чудесно хорошо отъ всей этой красоты и блеска, а въ тоже время онъ и самъ, немножко наклонившись впередъ, свѣсивши руки съ колѣнъ и ослѣпительно облитой солнцемъ, составляетъ чудную картину надъ водой. Другая картина посвящена «Явленію» на этомъ же озерѣ Тиверіадскомъ. Берегъ идетъ къ зрителю треугольникомъ, вкось картины, на немъ лежатъ, среди цѣлаго потока солнечнаго блеска, громадные камни, совершенно чорные и бросающіе назадъ глубокія тѣни по землѣ; тѣмъ ярче свѣтлѣется зеркальная тихая поверхность озера, безъ единой рябинки, и тамъ по самой срединѣ остановились двѣ рыбачьи парусныя лодочки, маленькимъ пятнышкомъ отразившіяся въ стеклѣ воды. Слѣва врѣзывается мысомъ въ озеро каменная отвѣсная скала, словно выстроенная тутъ нарочно крѣпость; она тоже вся черная за свѣтомъ, и темными морщинами кажутся на ней треснувшіе пласты и глыбы; маленькія облачка на краю неба тянутся въ сторону, за горы, оставляя свободу всему палящему зною солнца. Здѣсь, среди очарованія этого еврейскаго, наполненнаго весенней красотой пейзажа, въ самомъ центрѣ картины, впереди прибрежныхъ каменистыхъ глыбъ, является фигура Христа. Она очень маленькая, по требованію широкихъ размѣровъ пейзажа. Христосъ поднялъ руку и съ берега говоритъ людямъ въ лодкахъ, среди озера. Это истинное «явленіе», что-то до того поэтическое и поразительное, что въ сравненіи съ этой маленькой картинкой блѣднѣютъ даже лучшіе изъ остальныхъ пейзажей Бида.

Мнѣ остается указать еще на два пейзажа этого художника, принадлежащіе къ числу лучшихъ его созданій, но занимающихъ совершенно исключительное мѣсто въ ряду евангельскихъ картинъ: одинъ переноситъ насъ въ Египетъ, другой представляетъ Палестину, но временъ Авраамовыхъ. Первый изъ нихъ служитъ мѣстомъ дѣйствія для „Возвращенія изъ Египта“, второй для „Разрушенія Содома“; первый—полонъ тихой, кроткой граціи и красоты, второй—грознаго трагизма. Въ первомъ, еврейка, совсѣмъ еще молоденькая, и необыкновенно изящная въ своихъ еврейскихъ одеждахъ, ѣдетъ на маленькомъ осликѣ, съ преумной головкой и полузажмуренной отъ яркаго солнца, среди поля, покрытаго высокой рожью; и ея ноги, и ноги ослика скрыты колосьями, видны только поднятыя на сѣдло колѣна ея, на которыхъ покоится спящій младенецъ; подлѣ нея идетъ озабоченною поступью Іосифъ, тоже на половину спрятанный колосьями, на головѣ у него покрывало, перевязанное ремешкомъ около лба, въ одной рукѣ палка, въ другой мѣшокъ съ вещами; налѣво, вдали, пасется стадо коней въ долинѣ, у подножія пирамидъ; направо, вырѣзываются на горизонтѣ, надъ какимъ-то городомъ, высокія тоненькія пальмы, тутъ же на полѣ египтянинъ пашетъ на волахъ. Общее — картина полная удивительнѣйшаго солнца, свѣтлаго идиллическаго настроенія, прелести и свѣжести, а какъ художественное созданіе — это одно изъ самыхъ поэтическихъ, мнѣ извѣстныхъ. Другая картина—пожаръ Содома, про который Іисусъ говорилъ однажды собранному народу въ рѣчи о наступленіи царства Божія (Лука, XVII). Содомъ, стоящій на второмъ планѣ картины, пылаетъ среди смертельной ночной темноты; потоки горящей сѣры льются съ неба на городъ огненнымъ дождемъ, вертящіяся клубомъ облака дыма летятъ вверхъ во всѣ стороны, надъ его вершинами; пламя сверкаетъ, словно изъ-за рѣшотокъ, сквозь черныя колоннады и арки, сквозь окна и городскія ворота; поля кругомъ пустынны и мрачны, подъ горами, бѣгущими вдали толпой, только бѣлымъ свѣтлымъ столбикомъ посреди мрака долины стоитъ окаменѣвающая жена Лотова, да напереди картины по большой дорогѣ бѣжитъ Лотъ съ дочерьми: онѣ сидятъ верхомъ на ослѣ, торопящемся и поджавшемъ уши; передъ ними скользитъ въ воздухѣ, у самой земли, свѣтлый ангелъ Господень, указывающій путь. По силѣ, поэзіи и сосредоточенной энергіи выраженія, этотъ пейзажъ равняется самымъ превосходнымъ древне-еврейскимъ пейзажамъ въ «Библіи» Гюстава Доре. Тутъ они сошлись оба на одинаковой задачѣ: на пейзажѣ идеальномъ, воображаемомъ, изобрѣтенномъ фантазіею и никогда не виданномъ. И Бида выказалъ столько же силы, красо-

ты и мрачной энергіи, какъ Дорè въ созданіяхъ подобнаго же рода. Но, кромѣ этой силы и поэзіи, онъ владѣетъ еще другою, неизвѣстною Дорè: силою и красотою воспроизведенія истинной, дѣйствительно существующей природы палестинской. Объ этомъ я и пытался дать понятіе читателю въ приведенныхъ примѣрахъ.

Другое совершенство французскаго художника—это представленіе еврейскихъ домовъ и всяческихъ разнообразныхъ зданій временъ Христовыхъ. Тутъ опять послужило ему основаніемъ то, что̀ онъ собственными глазами видѣлъ въ Палестинѣ и Сиріи, что̀ тамъ уцѣлѣло отъ древнихъ построекъ послѣ двухъ почти тысячъ лѣтъ всяческихъ нашествій, переворотовъ, насилій, разрушенія. Бида́ смотрѣлъ на сохранившіеся обломки большихъ публичныхъ зданій, на возводимыя до сихъ поръ по древнему образцу маленькіе частные домики, глазомъ художника, но заразъ и глазомъ ученаго знатока древности. Онъ умѣлъ отбрасывать въ сторону позднѣйшіе наросты, онъ умѣлъ отличать типическіе національные черты и вкусы, и поэтому-то у него въ картинахъ «Евангелія» явилась вдругъ такая архитектурная обстановка, какой мы нигдѣ болѣе не встрѣчали, а она живо переноситъ въ старую Палестину. Я уже говорилъ про необыкновенно характерный, просто поражающій каждаго, общій видъ Іерусалима съ Елеонской горы, къ тексту евангелія Іоанна. Подобный же видъ повторенъ, только съ другаго пункта, для иллюстрированія «Вшествія въ Іерусалимъ» по тексту евангелиста Луки. Весь поѣздъ двигается темными массами, спиной къ зрителю, онъ еще довольно далеко отъ города, разсыпался по пригоркамъ и спускающимся дорожкамъ. Іерусалимъ стоитъ впереди, на своей возвышенной площадкѣ, въ солнечномъ туманѣ; его башни, окружная зубчатая стѣна и великолѣпныя зданія млѣютъ въ знойномъ воздухѣ. Но вотъ передъ вами этотъ же городъ, гораздо ближе, въ картинѣ того же въѣзда, къ тексту Іоанна. Блестящій, ликующій кортежъ подошелъ уже къ самой стѣнѣ, готовится вступать въ ворота, стоящія впереди всего въ нѣсколькихъ шагахъ. Красива и пестра ликующая со всѣхъ сторонъ, гремящая осаннами во слѣдъ и на встрѣчу толпа евреевъ и евреекъ, но оживленная картина становится еще красивѣе оттого, что фономъ и главнымъ колоритнымъ пятномъ линій и красокъ является величественное сооруженіе городскихъ воротъ, двойная высокая арка, съ еврейскими капителями колоннъ, съ высокой срединной зубчатой надстройкой, вдвинутой въ колосальную городскую стѣну изъ массивныхъ каменныхъ глыбъ. Хотите знать, что такое тамъ, внутри города, и какъ еврейскіе люди тамъ живутъ? Вотъ, пойдите по этимъ улицамъ, какъ ихъ рисуетъ Бида́ на множествѣ картинъ своихъ (напр. «Призваніе апостола Матѳея», «Десять прокаженныхъ», «Дщери Іерусалимскіе» и т. д.). Передъ вами явятся узкія, кривыя улицы, съ неправильно прорѣзанными тамъ и сямъ окнами, со сходами въ нѣсколько ступенекъ отъ наружной двери, а надъ нею всегда небольшое узорчатое окно; вверху нависли рѣшетчатые балкончики, вродѣ птичьихъ клѣточекъ, только съ красивыми узорами для свѣтовыхъ прорѣзовъ; вдоль улицъ, маленькія лавченки съ поднятыми вверхъ ставнями, все вмѣстѣ узко, тѣсно, бѣдно и грязно—иначе никогда вѣдь не бывало на Востокѣ, да и до сихъ поръ тамъ все тоже ведется и улицы эти, неправильныя и капризныя, во всѣ стороны, кончаются, если которая идетъ къ городской стѣнѣ, воротами въ римскомъ, сухомъ и казенномъ стилѣ — вѣдь римляне, задавивъ Палестину, принесли съ собою и несносный, холодный и правильный свой римскій стиль, зачумили имъ, гдѣ только могли, чудесныя восточныя, полныя фантазіи постройки. А что̀ такое были тогда эти самыя восточныя постройки, тамъ, гдѣ позволяло богатство хозяина, это можно увидать у Бида́ въ его иллюстраціяхъ: «Добрый самарянинъ, привезшій ограбленнаго евреи въ гостинницу», или «Притча о богачѣ и Лазарѣ». Въ первой картинѣ, передъ вами возвышаются легкія галлереи, окружающія домъ своею тѣнью, и перегороженныя красивыми прорѣзными перильцами, на верху широкіе навѣсы, красота рѣзныхъ балконовъ, узорчатыя ставни оконъ—и вотъ, въ этакій-то прохладный и тѣнистый рай пріѣзжаетъ бѣдный раненый еврей, такая-то красота и ласкающее изящество формъ и красокъ встрѣчаютъ его послѣ угрюмыхъ трущобъ, откуда онъ только что спасся. Толстопузый, откормленный хозяинъ выходитъ на встрѣчу, со своею босоногою челядью, внизу крыльца служанка, щеголяя широкими руками, сыплетъ кормъ цѣлой толпѣ сбѣжавшихся куръ, а сама оборачивается на стукъ копытъ, и смотритъ: «кого это еще — кажись мертваго, привезли къ намъ въ гостинницу»? Свѣтящіяся на солнцѣ деревца разстилаются надъ стройненькой колоннадой, и придаютъ чудное изящество архитектурѣ, да и всей вообще сценѣ. Во второй картинѣ представленъ внутренній дворикъ у богача. Домъ тутъ тоже въ нѣсколько этажей, тоже весь въ рѣзьбѣ и сквозныхъ узорахъ, повисшихъ надъ галлереями и заостренными арками дверей; на самомъ верху, въ открытой галлереѣ, за балюстрадой, играютъ на всѣхъ своихъ зурнахъ и трубахъ, музыканты въ тюрбанахъ; однимъ этажемъ ниже, подъ ихъ шумливую музыку пляшутъ и мечутся, махая руками и хлопая въ ладоши, еврейскія алмеи; хозяинъ небрежно слушаетъ ихъ, со стаканомъ въ рукѣ—видно ужъ надоѣли, и свѣшивается черезъ коверъ, раскинутый поверхъ перилъ, посмотрѣть, кто такъ жалобно вопитъ внизу, на дворикѣ: а тамъ, у подножія лѣстницы, словно червякъ, раздавленный всей этой чудной, громоздящейся вверхъ красотой стѣнъ и дома, всѣмъ этимъ праздникомъ и радостными криками, всей этой восточной роскошью жизни, архитектуры, солнца и людей, лежитъ на камняхъ бѣдный Лазарь и, жалобно наклонивъ голову, ловитъ жадными руками то, что ему ссыпаетъ съ блюда слуга въ чалмѣ.

Но не въ однихъ палатахъ богачей умѣетъ отыскать Бида́ красоту и поэзію еврейской жизни. Въ бѣдныхъ комнатахъ у Марѳы

и Маріи, съ голымъ каменнымъ поломъ и грубыми скамьями, онъ съумѣлъ создать что-то необыкновенно картинное, освѣтивъ сцену чуднымъ яркимъ солнцемъ сквозь единственное, полукруглое, окно, позади сидящаго Іисуса. Въ картинѣ «Миръ дому сему» (Матѳей, глава X) онъ точно также ничего не утаилъ и не украсилъ изъ жалкой, бѣдной крестьянской комнаты, гдѣ сидитъ и копошится оборванная, голодающая еврейская семья; но дверь отворилась, и пока испуганная молодуха, съ задрапированнымъ подъ вуалью лбомъ, бросилась съ маленькимъ ребенкомъ вверхъ, а хозяинъ-бѣднякъ привѣтливо встрѣчаетъ жестомъ гостя — золотой лучъ счастья и надежды влетѣлъ въ бѣдную темную горенку: блеснуло туда солнце словно со всего размаха, и положило яркую полосу поперегъ пола, а въ столбѣ ослѣпительнаго свѣта стоитъ Христосъ, въ свѣтящихся одеждахъ и съ поднятою благословляющею рукою. Точно также, ни что иное, какъ самый бѣдный и грубый крестьянскій домикъ является передъ вами, въ картинѣ, изображающей двухъ учениковъ, пришедшихъ въ чужую деревню, къ неизвѣстнымъ имъ людямъ, взять ослицу для въѣзда Учителя въ Іерусалимъ (Матѳей, глава XX); но и стѣна эта, и маленькое крылечко, и дверца въ домъ вверху ступенекъ, и рѣшетчатое окно надъ нею, и другое окно въ сторонѣ, выше, откуда выглянулъ еврей-крестьянинъ, спрашивающій, на что имъ ослица?, все это необыкновенно живописно, особенно подъ лучами южнаго солнца, повсюду сѣющаго красоту своиму свѣтами и тѣнями. Апостолы, въ широкихъ одеждахъ еврейскаго простаго народа, и разговаривающіе съ ними изъ окна и изъ двери деревенскіе крестьяне, придаютъ много живописности и прелести сценѣ.

Необыкновенно ярко выставилъ Бида́ противуположность двухъ архитектуръ, столкнувшихся, въ Іисусово время, въ Палестинѣ. Одна — это римская архитектура, холодная, правильная и мертвая, лишенная фантазіи, однообразная и безцвѣтная: она присутствуетъ всего болѣе и царитъ деспотомъ въ Иродовомъ храмѣ. Царь Иродъ, хотя и прозванный великимъ, былъ однакоже ничто иное, какъ прислужникъ и рабъ римлянъ, и если вздумалъ возобновить храмъ, то это былъ толькъ маневръ, въ родѣ маневровъ Наполеона III на нашемъ вѣку, для того, чтобъ призракомъ чего-то глубоко національнаго отвести и занять вниманіе возмущеннаго всякими насиліями народа. Какъ можно было такому человѣку строить что-то значительное въ другомъ стилѣ, кромѣ моднаго, единственно приличнаго стиля римскаго? Конечно, въ сравненіи съ римскою аристократическою архитектурою, ему, какъ ничего не понимающему деспоту, должна была казаться грубою, ничего не стоющею, мужицкою—архитектура еврейская, и вотъ онъ создалъ, въ замѣнъ древняго, величаваго храма Соломонова, свою громадину на казенный римскій ладъ, замѣнилъ все богатство, всю играющую роскошь восточнаго воображенія несносными, сухими линіями римскихъ колоннъ, кар-

низовъ и арокъ. Посмотрите у Бида́ на картину «Отрокъ Іисусъ въ синагогѣ» (по евангелію Луки): какой холодъ, какая ординарность разлита повсюду, и какой контрастъ римскому противному классицизму составляютъ дѣйствующія лица этой сцены, истые восточники съ головы до ногъ. Сколько нужно имъ было внутренняго жара и національнаго одушевленія, чтобы не погибать отъ тоски и скуки съ перваго же шага, какъ только они входили въ этотъ, только по имени, еврейскій храмъ!

За то, какою противуположностью является синагога, гдѣ Іисусъ проповѣдуетъ въ Назаретѣ (Лука, глава IV). Назаретъ—это родное, любезное мѣстечко его: тутъ уже нѣтъ столичнаго, на половину чужеземнаго, храма, оффиціальнаго и антинаціональнаго. Здѣсь только одинъ изъ тѣхъ небольшихъ молитвенныхъ домовъ, какіе разсѣяны были почти по всѣмъ городамъ и деревнямъ Палестины. Размѣры тутъ были не особенно велики, богатства не было никакого, и однако все дышало оригинальностью и изяществомъ, все говорило художественному чувству южнаго человѣка. Бида́ поразительно даетъ это почувствовать своему зрителю. Сквозь небольшую арку, повороченную къ зрителю темной массой, открывается видъ на среднюю часть синагоги, освѣщенную, по восточному, окнами изъ-подъ широкаго купола, и сверху, значитъ, залитую свѣтомъ. По самой серединѣ поднимается деревянная бесѣдка, вся сквозная, вся изъ рѣзьбы, тонкихъ балюстрадъ, рѣшетокъ, колонокъ и навѣсовъ: это мѣсто чтеца или толкователя закона; по сторонамъ висятъ зажженныя лампы, стѣны вокругъ покрыты росписными узорами и вставленнымъ, внутри, текстомъ писанія; всюду краски, оживленіе цвѣтовъ, смѣняющееся разнообразіе, и тутъ-то, передъ кіоскомъ, стоитъ Іисусъ, по самой срединѣ храмины, самымъ свѣтлымъ пятномъ картины, и толкуетъ Библію. Вокругъ него толпы евреевъ: одни слушаютъ, сидя на ступенькахъ трибуны, другіе наклоняются впередъ изнутри широкихъ своихъ деревянныхъ скамей; самые злые враги отошли впередъ, къ зрителю лицомъ, за арку; тутъ, мрачные и темные, какъ сама неосвѣщенная стѣна, къ которой прислонились со своими жезлами, они злобно шепчутъ другъ другу злыя рѣчи. Какъ все тутъ, въ этой архитектурѣ, въ этой сценѣ, въ этой обстановкѣ, пропитано мѣстнымъ колоритомъ, еврейскимъ Востокомъ, нравами и волнованіями провинціи и захолустья, нетронутаго чуждой цивилизаціей!

Я хочу указать теперь на главнѣйшія человѣческія личности, изображенныя у Бида̀. Не все здѣсь удовлетворительно, какъ я уже говорилъ выше, многое приходится строго порицать; однакоже, не смотря на вс̀ѣ недостатки, есть тутъ довольно и истинно хорошаго, истинно талантливаго и значительнаго.

И во первыхъ, я обращаю вниманіе моихъ читателей на изображенія четырехъ евангелистовъ, приложенныя передъ каждымъ отдѣльнымъ евангеліемъ. Никто еще, раньше Бида̀, не смѣлъ изобразить ихъ людьми Востока, какими они дѣйствительно были, и, въ

тоже время, никто до сихъ поръ не пытался, какъ Бида́, вложить въ каждую изъ этихъ личностей опредѣленныя черты, опредѣленный характеръ, сообразно съ преданіемъ церкви.

Матѳей представленъ истымъ евреемъ, человѣкомъ невысокаго класса, спокойнымъ, сообразительнымъ и умнымъ, въ широкой одеждѣ и маленькой чалмѣ, сильно сдвинутой назадъ, такъ что открытъ весь лобъ; онъ сидитъ въ своей темной комнаткѣ, едва освѣщенной низенькимъ оконцемъ, и пишетъ, заложивъ одну ногу на другую, такъ чтобъ прямо противъ свѣта приходилась книга, положенная у него на одно колѣно,—но между тѣмъ, видно тоже, что онъ припоминаетъ что-то — конечно слышанныя имъ изъ устъ самого Іисуса «бесѣды». Лицо и вся фигура у него точь въ точь тѣ самыя, какія приданы ему ниже, въ прелестной картинѣ «Призваніе Матѳея мытаря».

Евангелистъ Маркъ, также съ сильно обозначеннымъ еврейскимъ типомъ, представленъ человѣкомъ живымъ и подвижнымъ— мы здѣсь встрѣчаемъ черты будущаго усерднаго помощника апостола Павла въ Римѣ и ревностнаго перваго епископа Александріи. Онъ сидитъ у столика, и быстро пишетъ, повидимому наклонившись живымъ движеніемъ. На головѣ у него большое покрывало, какъ евреи носили.

Евангелисту Лукѣ приданы черты не-еврея (онъ былъ первоначально какъ извѣстно, язычникъ, родомъ изъ Антіохіи сирійской); онъ одѣтъ въ восточную одежду, на головѣ скуфейка, поверхъ которой шапка; туфли сняты съ ногъ, и поставлены въ сторонкѣ, а самъ онъ полусидитъ, полустоитъ однимъ колѣномъ на коврѣ, весь углубленный въ писаніе; вокругъ него, на коврѣ, восточная чернильница, ножичекъ, пергаментъ, книги.

Евангелистъ Іоаннъ представленъ глубокимъ старцемъ-евреемъ, и притомъ старцемъ, какъ бы принадлежащимъ уже другой, болѣе поздней противъ другихъ евангелистовъ, эпохѣ; вмѣстѣ, это человѣкъ пишущій евангеліе по преимуществу „духовное“, по выраженію Климента Александрійскаго. Онъ сидитъ и работаетъ, онъ весь оживленіе, онъ остановился на единую секунду и глубокимъ взоромъ вглядывается въ написанное, а правая рука съ перомъ— движется точно отъ живаго нетерпѣнія, въ пустомъ воздухѣ. Высокій лобъ его открытъ и лысъ, голова накрыта, какъ кровелькой, покрываломъ; глаза хотя и не смотрятъ на зрителя, но полны самой подвижной жизни, почти безпокойства и дикости.

Обращусь теперь къ лучшимъ и характернѣйшимъ сценамъ, заимствованнымъ у Бида̀ изъ текстовъ евангельскихъ.

Первая картина, на которой я остановлюсь, это—«Бѣгство во Египетъ». (Матѳ., глава II). Никогда еще никто изъ художниковъ не задумывалъ этой сцены такъ, какъ на этотъ разъ задумалъ ее Бида̀, и ни у кого еще мы не видали такого изображенія Іосифа и Маріи. Глубокая ночь передъ нами, на виѳлеемской улицѣ; Іосифъ, мужественный, красивый еврей среднихъ лѣтъ (далеко не

старикъ, какимъ его обыкновенно изображаютъ всѣ картины), готовый къ дорогѣ, въ шерстяномъ колпакѣ съ лопастями на плечахъ, въ широкой безрукавкѣ поверхъ длинной крестьянской рубахи, съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ, стоитъ у дома Маріи и нетерпѣливо ждетъ, поставивъ ногу на ступеньку крыльца; въ эту минуту, въ узкой длинной двери появляется Марія, тоже готовая, по условію, со спящимъ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ; на нее упалъ лучъ свѣта изъ фонаря, который приподнимаетъ къ ней Іосифъ; она, среди мрака ночи, выходитъ глубоко поэтическимъ видѣніемъ, даромъ что все въ ней просто и естественно; въ углу, въ темнотѣ, виднѣется осликъ съ кроткими глазками, который по-можетъ имъ потомъ переѣхать тѣ 100 верстъ, что̀ раздѣляютъ Виѳлеемъ отъ египетской земли. Эта сцена — одинъ изъ лучшихъ и эффектнѣйшихъ, по ночному освѣщенію и красотѣ линій, „tableaux de genre“ мнѣ извѣстныхъ, но вмѣстѣ, это необыкновенно правдивая страница изъ исторіи еврейской жизни.

„Ты, когда молишься, говорилъ Іисусъ въ нагорной проповѣди, войди въ комнату свою, и, затворивъ дверь, молись Отцу твоему, въ тайнѣ“. (Матѳ., глава VI). Эту молитву Бида̀ изобразилъ въ удивительной красотѣ. Комната маленькая, пустая, какими всегда бывали молитвенныя комнаты въ домѣ у еврея; она заперта; но изъ небольшаго окна, прорѣзаннаго высоко въ стѣнѣ, упалъ столбъ свѣта накось въ комнату, и она вся вдругъ наполнилась чудною поэзіею. Картинно освѣщенъ его свѣтлымъ пятномъ каменный полъ, и въ яркомъ его же свѣтѣ круглится бѣлая, словно окаменѣвшая фигура: это — еврей, молящійся на колѣняхъ, прижавъ руки къ груди и въ глубокой думѣ опустившій голову на грудь. Лицо у него въ тѣни, но плечи, часть широкаго рукава, чалма, тронуты солнцемъ. Никогда еще „молитва еврея“ не была представлена съ такою задушевностью и восточною картинностью.

Перечисляя все, что Бида̀ собственными глазами видѣлъ и наблюдалъ на Востокѣ, для своихъ будущихъ иллюстрацій еврейской жизни и нравовъ, Максимъ Дюка̀нъ говоритъ: „Бида̀ посвященъ во все еврейское; онъ знаетъ, что такое одежда безъ сшивокъ; онъ слышалъ, подобно гнѣвному пророку во время о́но, звонъ высокихъ каблуковъ іерусалимскихъ женщинъ; онъ видѣлъ ребятишекъ, бѣгущихъ за старикомъ, уронившимъ свой тюрбанъ, и кричащихъ ему вслѣдъ: „Ахъ ты, плѣшивый!“; онъ встрѣчалъ всклоченныхъ сантоновъ, напоминавшихъ ему Іоанна Крестителя...“ Эти слова мы вспоминаемъ, глядя на картину „Іоаннъ Богословъ въ темницѣ“. Іоанна перевезли уже подальше отъ мѣстъ, гдѣ онъ велъ свою огненную проповѣдь и гдѣ тысячи приникали къ нему всей душой; его перевезли подальше, по ту сторону Мертваго моря, онъ сидитъ въ махерской крѣпости, въ узенькой, тѣсной, низкой кельѣ, гдѣ стѣны сложены изъ огромныхъ камней; въ одномъ углу толстая низенькая дверца, въ другомъ, дверца еще ниже, такъ что, какъ въ венеціянскихъ тюрьмахъ, человѣкъ

пройдетъ тутъ развѣ согнувшись въ три погибели. Внутри этой-то гранитной клѣтки и сидитъ Іоаннъ Креститель, на камнѣ, прикованный къ нему желѣзными кольцами за ноги. Тѣло у него полунагое, волосы топорщатся въ безпорядкѣ, но руки свободны, изможженное постомъ и страданіями лицо спокойно, глаза съ какими-то странными очертаніями, словно у дикаря, но въ нихъ свѣтится огонь воодушевленія, сила и умъ. Онъ посылаетъ двухъ учениковъ, еврейскихъ простолюдиновъ, идти къ Іисусу и спросить его: „Ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго?“, и отдавая повелѣнія, исхудалая рука Іоанна энергическою своею бронзою отдѣляется отъ освѣщенной каменной стѣны, и указываетъ, куда тѣмъ двумъ идти надо.

У Бидà нѣсколько разъ изображены, въ сказаніяхъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ, книжники и фарисеи, всякій разъ очень характерно и оригинально; но нигдѣ, однакоже, характерность и оригинальность этихъ необыкновенныхъ личностей не идетъ у него такъ далеко, какъ въ картинѣ къ тому тексту евангелиста Матѳея (глава XXIII), гдѣ Христосъ разсказываетъ ученикамъ и народу про этихъ людей. Мнѣ кажется даже, что ни у одного живописца, и никогда, книжники и фарисеи не были представлены до того пластично и вѣрно. На мои глаза, тутъ передъ нами живой портретъ съ тѣхъ, про кого говоритъ Евангеліе. Изображеніе ихъ есть и у Овербека, и у Иванова, и у Гольмана Гонта—не говоря уже о старинныхъ живописцахъ, но они въ тысячу разъ блѣднѣе. Іисусъ говорилъ еврейскому народу и ученикамъ своимъ: «На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи; они говорятъ и не дѣлаютъ; связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ ихъ на плеча людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ они затѣмъ, чтобъ видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища свои, и увеличиваютъ воскриліе одеждъ своихъ; также любятъ первыя мѣста на пирахъ и въ синагогахъ, и привѣтствіе на площадяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! Зміи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну?» Въ картинѣ у Бидà, передъ вами въ очію эти змѣи, порожденія ехидныны: величавыя фигуры древне-еврейскихъ кардиналовъ, этихъ людей суровыхъ, коварныхъ, злыхъ внутри души, но пышныхъ снаружи и поразительныхъ для толпы важною, мѣрною своею сановитостью. Еще бы, еврейскому бѣдному простолюдину не считать, въ то время, истинными отцами церкви этихъ серьезныхъ, великолѣпныхъ первосвященниковъ и мудрецовъ, у которыхъ мудрость и знаніе пышутъ изъ глазъ, которые такъ торжественно и твердо сидятъ на сѣдалищахъ Моисеевыхъ, у которыхъ такія гордыя и мощныя головы подъ чалмами и покрывалами, у которыхъ такіе пронзительные глаза и такія широкія движенія рукъ, опирающихся на книги или развертывающихъ свитки Торы; такіе громадные на лбу филактеріи (коробочки со свитками закона) и такія царственныя складки одеждъ. Еврейскій простолюдинъ долженъ

былъ съ нѣмымъ обожаніемъ слушаться ихъ малѣйшаго мановенія, каждаго повелительнаго слова о любомъ обрядѣ и запретѣ, и считать ихъ истинными своими господами и самыми національными руководителями въ правомъ законѣ.

Притча „о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ“ (Матѳ., глава XXV) представлена у Бидà также совершенно по-новому, какъ ни у одного прежняго живописца. Прямо передъ зрителями идутъ вверхъ ступени крылечка, гдѣ проспали приходъ жениха, со свадебнымъ его шествіемъ, пять неразумныхъ дѣвъ. Онѣ одѣты по праздничному, богатые узкіе кафтаны видны на нихъ поверхъ платья, роскошные кушаки стягиваютъ станъ, сапожки покрыты шелковыми или золотыми вышивками, на головѣ чалмы съ ладающими изъ подъ нихъ покрывалами. Двѣ еще спятъ, раскидавшись въ красивыхъ и лѣнивыхъ позахъ по выступамъ и ступенямъ крылечка, третья уже просыпается, протирая глаза, а четвертая поднялась и торопливо наклоняется къ своей лампочкѣ, но та давно погасла, масла нѣтъ ни одной капли; наконецъ, пятая, самая живая и быстрая, вскочила на верхнюю ступеньку, тоже держа пустую лампочку, и красивою, обнажившеюся изъ подъ широкаго рукава рукою стучится въ запертую дверь, — напрасно, никто не отворяетъ, а надъ дверью ярко свѣтится маленькое окошечко, дающее знать о пирѣ и веселіи, идущемъ тамъ внутри, и это свѣтовое пятнышко чудесно освѣщаетъ картину среди ночной мглы, холодныхъ камней и колоннъ, и подъ теменью густо нависшей черной зелени.

«Тайная вечерь», картина къ тексту Евангелія Матѳея, не изъ лучшихъ у Бидà, потому что тутъ надо было создать типы Христа и апостоловъ, къ чему Бидà вовсе не способенъ, какъ я упоминалъ уже выше. Но кто въ высшей степени тутъ примѣчателенъ — это Іуда. Въ этого человѣка Бидà не вложилъ ничего мелодраматическаго, какъ это любятъ иные живописцы нашего времени, ни отталкивающаго и фатальнаго, какъ это, бывало, считали своею непремѣнною обязанностью художники добраго стараго времени. Бидà просто представилъ пожилаго еврея, мало симпатичнаго, видимо носящаго внутри что-то недоброе, съ насупленными бровями, съ хищническимъ видомъ злой, но слабой птицы. Онъ сидитъ, отвернувшись немного въ сторону отъ присутствующихъ, и особенно отъ Христа, преломляющаго въ эту минуту хлѣбъ; у него рука свѣсилась съ края скатерти, вся фигура опустилась, точно хребетъ не держитъ: онъ думаетъ и, кажется, самъ съ собою борется. Не могло и не быть въ это время борьбы у того человѣка, который впослѣдствіи, увидавъ что надѣлалъ что-то ужасное и непоправимое, бросилъ назадъ всѣ деньги, пошелъ и повѣсился. Эта фигура, по типу и выраженію, одна изъ примѣчательнѣйшихъ во всей иллюстраціи.

Къ числу немногихъ фигуръ у Бидà, полныхъ выраженія, надо отнести вотъ какія. Во-первыхъ, „Марію Магдалину и Марію

Клеопову и гроба Іисусова" (Матѳ., глава XXVII). Одна изъ нихъ сидитъ на землѣ, ломая руки, другая стоитъ, ударившись въ отчаяніи поднятыми ладонями въ огромные тесаные камни гробницы, въ египетскомъ грузномъ стилѣ. Отчаяніе этихъ женщинъ, заплаканные глаза, поникшія, отяжелѣвшія отъ плача головы — все это создано у Бида съ большимъ чувствомъ. Другая картина — «Богатый юноша» (Маркъ, глава X). Онъ стоитъ, на улицѣ, у дверей дома, откуда только вышелъ Христосъ съ учениками послѣ благословенія дѣтей; онъ погруженъ въ глубокую думу, онъ подперъ одну руку другою и наклонилъ лицо на пальцы ладони; одежда на немъ чрезвычайно богатая, и поверхъ всего парчевый опашень съ золотыми кистями и шнурками для петлей, на головѣ острая шапочка; онъ наморщилъ брови и думаетъ: неужели и въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ всего богатства и роздать имущество бѣднымъ? «Смутившись отъ словъ Христовыхъ, онъ отошелъ съ печалію, потому что былъ очень богатъ», говоритъ Евангеліе, и вотъ эту-то борьбу добраго, пылкаго юношескаго желанія „наслѣдовать жизнь вѣчную", съ нашептываніями слишкомъ натуральной въ эту минуту корысти — вотъ эту борьбу Бида представилъ безподобно. Третья картина — «Лепта вдовицы»: она, бѣдная эта женщина, еще молодая и красивая, въ черныхъ одеждахъ, съ заснувшимъ ребенкомъ на одной рукѣ, и съ маленькимъ испуганнымъ своенравнымъ сынкомъ, хватающимся за ея юбку при видѣ чужихъ людей, — торопливо кладетъ свои крохотные гроши въ храмовой сборный ящикъ. Все въ ней прекрасно, и фигура ея, и лобъ съ налегшею тяжкою заботой, и ввалившіеся томные глаза, и поспѣшное движеніе, которымъ она собирается идти дальше, вонъ изъ храма, пока голова и рука ея обращены еще во внутренность храма, къ кружкѣ съ подаяніями, — все въ ней полно глубокаго душевнаго выраженія.

Въ концѣ моихъ примѣровъ, мнѣ хочется указать читателю моему на двѣ картины Бида, которыя мнѣ всегда представлялись какими-то свѣтлыми, лучезарными аккордами въ ряду его иллюстрацій. Это «Возвращеніе блуднаго сына» и «Явленіе Христа ученикамъ на Тиверіадскомъ озерѣ послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ пятью хлѣбами». Въ первой картинѣ (Лука, глава XV), оба главныя лица посрединѣ: богатый старикъ еврей, и воротившійся къ нему хуже нищаго младшій сынъ его; они мирятся, и чудный солнечный день самымъ торжественнымъ блескомъ разцвѣчаетъ эту сцену. Вдали, направо, изъ подъ блѣдныхъ отъ зноя деревьевъ и мерцающихъ въ смягченныхъ очертаніяхъ амбаровъ, рабы ведутъ жирнаго теленка, а на крылечкѣ дома, стоящаго на лѣво въ углу, темной массой, совершается цѣлая радостная драма: на верхней ступенькѣ, мать воротившагося только что выбѣжала въ дверь и поднятыми руками и головой громко славитъ Іегову; сзади нея, молодая прислужница кажется такъ и хочетъ выскочить впередъ, черезъ перила; по лѣстницѣ идутъ внизъ, во дворикъ, туда, гдѣ совершается дѣйствіе, старые слуги, съ голыми руками и ногами, въ тюрбанахъ: они давно живутъ въ домѣ, и давно уже дѣлятъ съ господами всѣ ихъ радости и печали. Красота, чувство, колоритность и радостность общаго музыкальнаго настроенія, дѣлаютъ эту картину въ моихъ глазахъ — безцѣнною.

Наконецъ, послѣднее изъ созданій, которое я приведу въ своихъ разсказахъ о Бида, «Явленіе Христа», изображаетъ ночь. По широкому, немного взволнованному озеру плыветъ лодка, наполненная апостолами, небо насупилось, облака быстро несутся отъ налетѣвшаго вѣтра, но вдругъ на одномъ уголкѣ темнаго озера, ночь преобразилась въ самый ослѣпительный день: ослѣпительно лучезарная фигура Христа, величавая и спокойная, тихо двигается по водѣ, направляясь къ лодкѣ, и вокругъ нея волны на далекое разстояніе покрылись сплошными полосами золота. Ученики поражены, они порывисто оборотились въ ту сторону, они кажется готовы выпрыгнуть на встрѣчу чудному явленію. Я вначалѣ говорилъ, что Бида, по натурѣ своего таланта, не способенъ представлять въ своихъ картинахъ ничего сверхъестественнаго. Но *эта* сцена составляетъ исключеніе, богато вознаграждающее за много другихъ недочетовъ: здѣсь ощущеніе видѣнія глубоко проникло въ фантазію художника, и во всемъ богатствѣ и потрясающемъ величіи переносится въ воображеніе зрителя.

Далеко не всѣ рисунки Бида полны тѣхъ достоинствъ, которыя я старался указать въ этихъ строкахъ. Въ остальныхъ картинахъ можно найти множество недостатковъ, и очень крупныхъ. Наприм., недостаточное иногда вниканіе въ предметъ и сцену, отсутствіе типовъ и характеровъ, некрасивая группировка, вообще неудовлетворительность творчества въ третированіи нѣкоторыхъ, самыхъ важнѣйшихъ, задачъ. Но это необходимо прослѣдить тому, кто поставилъ себѣ цѣлью критически разсмотрѣть художественную натуру и созданія Бида, а не мнѣ, имѣвшему въ виду показать только: что̀ новаго и оригинальнаго онъ внесъ въ изображеніе древне-еврейскихъ людей, событій и природы, въ сценахъ Евангелія. Мнѣ кажется, что я имѣлъ право быть въ высшей степени доволенъ и обрадованъ и тѣмъ, что я нашелъ у этого столько примѣчательнаго, столько самобытнаго художника.

В. Стасовъ.

ИСКАТЕЛЬ СЧАСТЬЯ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ОТВЕРЖЕННАГО).

Погонешься за большимъ,—
и малое потеряешь.

Русская пословица.

....Ахъ, какъ тяжело, скверно жить въ неволѣ, да еще подъ началомъ людей, которые тебя и въ грошъ не цѣнятъ!... И за что меня мучаютъ цѣлые годы? За ничтожный *клочекъ писанной бумаги*! И это называется, слышете ли, *справедливостью*... Но къ чему впрочемъ эти разсужденія!...

Если спросите: кто я такой и гдѣ нахожусь—я отвѣчу вамъ: я еврей, какой губерніи, уѣзда, мѣстечка—это вѣдь все равно, а нахожусь я въ огромной комнатѣ, въ которой стоятъ: по срединѣ—высокій чурбанъ—полѣно, на немъ помадная банка, изъ которой чуть-чуть мерцаетъ огонекъ. Вокругъ комнаты широкія, сплошныя, досчатыя нары, на которыхъ храпятъ человѣкъ 40 такихъ же, какъ я, горемыкъ; всѣ заморенные, блѣдные. Собственно я, наконецъ, обрѣтаюсь на краю однѣхъ изъ 3-хъ наръ, на истрепанной рогожѣ, подъ головою у меня круглый комъ мочалы и шапка, а на тѣлѣ—перепачканное бѣлье; одѣялъ же намъ не полагается. Въ комнатѣ такъ душно, что въ воздухѣ хоть топоръ вѣшай: удержится. Вотъ вся моя ночная обстановка, а какая бываетъ днемъ—узнаете послѣ, когда до нея дойдетъ чередъ.

I.

И такъ, по порядку. Началомъ всего было, конечно, мое рожденіе, въ старенькой холодной корчмѣ, стоявшей одинокою, на проселочной дорогѣ, среди лѣса, обитаемаго зайцами и волками, рыскавшими нерѣдко около дверей и оконъ. Спустя лѣтъ 5 послѣ моего появленія на свѣтъ, я уже твердо зналъ, что повѣнчался отецъ съ матерью 7 лѣтъ тому назадъ, ему 25, а ей—20

лѣтъ; семью нашу составляли родители, я, младше меня сестренка, лошадь, корова, коза и большая, какъ жеребенокъ, собака,—защитница наша отъ воровъ и волковъ; тогда же мнѣ сообщили, что мы живемъ отъ уѣзднаго города въ 200 верстахъ, въ самой пустынной, судьбою обиженной мѣстности: окрестные, напр., крестьяне (ближайшая къ намъ деревня была въ 4-хъ верстахъ) коротали жизнь въ курныхъ избахъ, земля ихъ была глинистая, песчаная и, какъ они ни потѣли надъ нею—проку все оказывалось такъ мало, что многіе изъ ихъ стариковъ и старухъ, чтобъ не объѣдать остальныхъ,—отправлялись на чужбину кормиться «христовымъ именемъ». Отъ этихъ обывателей и шинкарю-отцу ждать прибылей было, разумѣется, трудно; но родившись, выросши и обабившись тутъ,—онъ, бѣднякъ, поневолѣ продолжалъ заниматься отцовскимъ еще ремесломъ: мѣнять крестьянамъ деготь, соль, веревки, колеса и водку на капусту, грибы, свеклу, заячьи, а иногда и волчьи шкуры. А къ намъ, разъ въ мѣсяцъ, наѣзжалъ старикъ-еврей, который доставлялъ отцу по боченку водки ведеръ въ 5, селедки, бублики, для закуски послѣ выпивки, фунта по 3—4 капирнаго мяса для шабашей и проч., а взамѣнъ этого увозилъ деревенское добро. Денегъ старикъ рѣдко давалъ отцу и то лишь по нѣскольку рублей: отецъ не выходилъ у него изъ долговъ. Предъ пріѣздами еврея (онъ содержалъ корчму, а отецъ былъ его приказчикомъ) отецъ бывало волновался, бѣгалъ, какъ угорѣлый, по деревнямъ за сборомъ припасовъ, а когда хозяинъ являлся—отецъ и мать всячески старались ему угождать; не смотря на это, онъ нерѣдко сердился, распекалъ отца.

— Ты, по своей тупости, никогда не поправишься, говаривалъ старикъ отцу, право пропадешь отъ лѣни.

— Вы хорошо знаете, что я радъ бы чѣмъ нибудь заниматься, да нечѣмъ, негдѣ: весь околодокъ нищими набитъ.

— Баснями меня не ублажишь: я понимаю, что ты все ждешь, чтобы жаренные голуби сами въ ротъ тебѣ лезли, а по моему, нашъ братъ долженъ рыскать, какъ голодный волкъ, если имѣетъ семью, которая ждетъ пропитанія.

— Онъ и хлопочетъ, сколько можетъ, со всѣми ладитъ отлично, да на нѣтъ вѣдь и суда нѣтъ, вмѣшается, бывало, мать.

— Ты, рохля, какъ сверчокъ—знай свой шестокъ—кухню, да ребятишекъ: съ бабами о дѣлахъ не говорятъ,—обрываетъ хозяинъ мать.

— Заступиться за мужа я всегда, полагаю, могу, даже должна. Научите что дѣлать и мы для васъ съ удовольствіемъ...

— Не для меня, а для себя, для себя старайтесь: я старъ, скоро умру и тогда васъ, того и гляди, прогонятъ. Ты, Хаимъ, весь въ своего отца: толковый былъ человѣкъ, царство ему небесное, но не умѣлъ разжиться, хоть и весь вѣкъ здѣсь прокорпѣлъ.

— Противъ вашихъ словъ я ничего не смѣю говорить, а надѣюсь на вашу доброту... милость..

— На чужой каравай ротъ не разѣвай, а раньше вставай, да свой затѣвай, справедливо говорятъ наши сосѣди, русскіе.

— И, полноте, полноте же сердиться, заискивающимъ тономъ опять вступается мать.—Покушайте молока съ творогомъ, самый свѣжій творогъ: я нарочно для *васъ* приготовила и буду очень рада, если вы похвалите.

Старикъ угомоняется, садится ѣсть, а мать освѣдомляется о здоровьи его жены, превозноситъ его доброту, и миръ воцаряется.

Однообразная, скучная жизнь наша измѣнялась въ рѣдкихъ случаяхъ остановокъ, или ночлеговъ проѣзжихъ господъ, купцовъ и становаго. Тогда и я, бывало, вмѣстѣ съ родителями, хлопочу, бѣгаю взадъ и впередъ: подаю трубки, огня, стаканы, чищу сапоги, платье и т. под. Добрые господа со мной шутили, награждали мое усердіе мелкими монетами, а купцы булками, пряниками; но я охотнѣе бралъ пряники, чѣмъ деньги: первые я живо съѣдалъ а послѣднія мать отбирала у меня на домашнія нужды. Какъ всѣ мы радовались господамъ, купцамъ, такъ, напротивъ, горевали прибытію становаго, который причинялъ намъ убытки: его всегда угощали даромъ водкою и непремѣнно курицею, а напившись и наѣвшись—онъ еще бранилъ отца.

— Зачѣмъ ты, оселъ этакій, батрачишь на Шмульку? началъ онъ; неужели ты думаешь, что если ты жидъ, то долженъ работать непремѣнно на такого же, паршиваго, какъ самъ? Брось, говорю, брось...

— Не могу-съ: я ему благодаренъ за то, что кормитъ меня съ семьею, да, кромѣ того, я въ долгу у него, онъ можетъ пожаловаться на меня раввину, и я острамлюсь на весь уѣздъ...

— Когда потащатъ къ раввину—скажи мнѣ: я вашего пархатаго раввина въ острогъ запрячу. Мнѣ бы иной разъ и съ тебя, скота, слѣдовало содрать толикую малость, да ты нищій, а у нищаго сумы не отнимаютъ.

— Очинно вамъ благодаренъ за милость, а только что же я, бросивши Шмуйла, буду дѣлать?

— Тоже самое, что и другіе изъ вашего анаѳемскаго отродья дѣлаютъ: шахруй, гандлюй, купуй, пшедай—вотъ что дѣлай.

— Да не на что-съ, денегъ нѣтъ.

— Иди въ факторы: это самое выгодное ремесло, особливо въ губернскій нашъ городъ; тамъ вашего брата, сволочи, и рукой недостанешь. Я самъ не разъ платилъ деньги жиду, чтобы пронюхалъ: чѣмъ кого изъ начальства дарятъ за снисхожденье... Послушайся ты моего совѣта; я для твоей же пользы говорю, а то чортъ съ тобой.

Наѣзжалъ также одинъ баринъ, который къ матери все приставалъ, называлъ ее хорошенькою (таковою и другіе ее считали), обнималъ и цѣловалъ ее силой. Отецъ начнетъ бывало заступаться за мать, но баринъ отгоняетъ его, толкаетъ, не то и ударитъ. Отецъ все спускалъ. Тогда баринъ съ участіемъ относился къ намъ.

— Отчего ты, любезный,—бѣденъ? освѣдомлялся онъ въ сотый разъ.

— Счастья Богъ не даетъ.

— Врешь, самъ виноватъ: не ищешь счастья. Еслибъ чаще ѣздилъ въ городъ, вмѣсто того, чтобы караулить Хайку,—и самъ нашелъ бы счастье, да и она, безъ тебя, доставала бы деньги...

— Мнѣ не нужно денегъ, возражала разсерженная мать, догадываясь о намекахъ.

— Напротивъ: нужно, очень нужно. Пусть онъ уйдетъ—дамъ.

— Не возьму за ваши гадкія слова.

— Напрасно ломаешься: что за честь, коли нечего ѣсть.

— Н—да... но мы, покамѣсть, кормимся.

Разъ, по отъѣздѣ этого барина, мать напустилась на отца, зачѣмъ онъ все это терпитъ отъ него?

— По самой простой причинѣ: онъ богатъ, а я бѣденъ: онъ потѣшается, за то щедро платитъ, а мы рады этой платѣ, а не ему; перестанешь терпѣть—потеряешь заработки; мало того: обидься онъ на меня—и я за рѣшетку угожу: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись,—вѣрно говорятъ русскіе.

— Что такое богатство? спросилъ я, услышавъ отцовскія разсужденія.

— Деньги, большія деньги, сынъ мой, отозвался отецъ; съ деньгами что захочешь — все имѣешь; богатому всѣ кланяются; короче: если выростешь и сдѣлаешься богатымъ—тебѣ отлично будетъ жить.

— Какіе же бываютъ бѣдные?

— Да вотъ, напр., мы съ тобой бѣдные, ползаемъ предъ богатыми,—произнесла мать, и слезы навернулись на ея глазахъ.

Надо, значитъ, сдѣлаться богатымъ, рѣшилъ я въ моей дѣтской головѣ.

Была суровая зима. Отецъ куда то отлучился изъ дому. Морозъ трещалъ, мятель свистала въ окна. Я и сестренка валялись на высокой печкѣ, а мать, беременная на сносяхъ, едва двигалась; но безпокоясь объ отцѣ, она, то и дѣло, выглядывала на дорогу, забыла запереть, какъ слѣдуетъ, дверь, сѣла близь нея къ столу и принялась шить. Вдругъ дверь отворилась и предъ матерью очутился волкъ. Она вскрикнула, стремглавъ бросилась вонъ, споткнулась, и я слышалъ, какъ она слетѣла съ крыльца. Мы были ни живы, ни мертвы. Волкъ между тѣмъ походилъ, походилъ по комнатѣ, да и ушелъ. Очнувшись отъ испуга и не видя нигдѣ ни волка, ни матери, я сползъ съ печки, на цыпочкахъ выбрался на дворъ и нашелъ мать лежащею на снѣгу, около воротъ.. Какъ я ни теребилъ ее—она все не откликалась. Я позвалъ сестренку и мы вдвоемъ принялись поднимать мать, но на это у насъ не хва-

тало силъ. Мы плакали, кричали о помощи, но одна только окровавленная собака наша явилась, обнюхала мать и завыла. На ея вой подоспѣлъ отецъ съ какимъ то крестьяниномъ, подняли мать, а подъ нею увидѣли мы рожденнаго ею ребенка. И мать, и ребенокъ ужъ окоченѣли отъ стужи. Ихъ внесли въ корчму, оттирали снѣгомъ, отогрѣвали дыханіемъ, кипяткомъ; но все уже было напрасно: оба были мертвы. Крестьянинъ уѣхалъ, а отецъ, разспросивши насъ какъ все случилось, - отчаянно разрыдался, цѣловалъ мать въ лицо, прижималъ ея руки къ своей груди, рвалъ на себѣ волосы... И мы рыдали вмѣстѣ съ нимъ.

— Вотъ она, бѣдность, что дѣлаетъ, разсуждалъ отецъ вслухъ; еслибъ былъ хоть рубль запасный въ мѣсяцъ, — держалъ бы работника, и этого бы не случилось... Жены лишился, дѣти въ отрепьяхъ, ни овса, ни сѣна на двѣ недѣли не хватитъ, и скотина передохнетъ... Да ужъ лучше бы мнѣ самому околѣть скорѣй!.. О, проклятая страна, проклятая нищета! Ничего, дѣти, хуже бѣдности, на свѣтѣ и быть не можетъ!

Мать, какъ водится, похоронили.—Отецъ впалъ въ уныніе, бросилъ свое ремесло, уложилъ пожитки на возъ, усадилъ насъ на верхъ поклажи и съ новыми проклятьями тронулся въ путь, привезъ насъ въ мѣстечко, на большой дорогѣ, распродалъ все, на вырученныя деньги сдалъ сестренку какой то родственницѣ, которая увезла ее въ Маллороссію, меня—къ раввину въ науку, а самъ занялся, согласно давнишнему совѣту становаго, факторствомъ.

II.

Къ корчмѣ я былъ вольная птичка, а подъ кровомъ раввина очутился въ желѣзной клѣткѣ. Десятокъ такихъ, какъ я, изъ деревень навезенныхъ школярей, содержалъ онъ въ лачужкѣ и въ тискахъ своихъ помощниковъ. Цѣлые дни проводили мы въ занятіяхъ: съ разсвѣта—за наукой до утра; потомъ — шли въ синагогу; оттуда опять въ хедеръ до обѣда; накормятъ дрянью и сейчасъ-же въ классъ до поздняго вечера. Нерѣдко мы исполняли также и разныя домашнія работы для раввина. Опасаясь, что учителя мало внушаютъ намъ религіозности,—раввинъ всякій вечеръ часа по два проповѣдывалъ намъ о святости религіи, противъ чего мы и непомышляли спорить; громилъ безвѣріе и неотставалъ отъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы хоромъ обѣщали ему отстаивать вѣру до послѣдняго издыханія. Въ теченіи 3—4 мѣсяцевъ я возненавидѣлъ и науку и учителей вмѣстѣ съ раввиномъ и все придумывалъ, какъ бы мнѣ отъ нихъ тягу дать на просторъ. Разъ, находясь зачѣмъ то въ раввинской кухнѣ, я наткнулся на его жену. Она спросила: какъ меня зовутъ и откуда я. Я удовлетворилъ ее любопытство.

— Ахъ это твоя мать умерла отъ испуга?

— Да-съ, моя. Она меня холила, а здѣсь... Здѣсь мнѣ жутко?—Я прослезился...—Выпустите меня, пожалуйста, изъ школы... Я... я негоденъ...

— Негоденъ учиться, такъ на что же ты, бѣдняжка, другое годенъ?

— Прислуживать: меня и господа лакеемъ звали; я и сердитымъ потрафлялъ. Я готовъ вамъ ноги цѣловать, только бы не въ школѣ жить.

— Вотъ ты какой ловкій, а еще изъ лѣсовъ. Погоди, я тебя, сиротку, при себѣ оставлю, чтобъ мать твоя на томъ свѣтѣ не безпокоилась о тебѣ.

Раввинша ласково погладила меня по головѣ, пошла въ комнаты, а нѣкоторое время спустя и меня позвали туда.

— Этого хочешь взять? спросилъ раввинъ, полулежа на диванѣ.

— Да, если позволите. Сыновей Богъ намъ не далъ, мать его умерла отъ несчастнаго случая...

— Не отъ несчастнаго случая, строго замѣтилъ раввинъ, а Богу было угодно ниспослать на нихъ кару. Не далъ Богъ намъ сыновей—значитъ, Его святая воля, и ты радоваться должна, что Онъ хоть этимъ покаралъ тебя.

— Я и не ропщу, а думаю Богу угодить присмотромъ за сиротой, заботой о немъ.

— Все это безъ тебя дѣлается, и я удивляюсь, какъ ты можешь и мыслить даже, что *мы* заботимся о нихъ не столько, сколько нужно, чтобы они были достойными израильтянами.

— Я давно и твердо знаю, что мало людей умнѣе и боголюбивѣе васъ; но я желаю и отъ себя положить на святой алтарь хоть крупицу добра къ тому, что вы творите огромными мѣшками.

— Но онъ отстанетъ отъ науки, а она вдесятеро важнѣе твоихъ крошечныхъ добродѣтелей.

— Напротивъ, въ вашемъ домѣ вдвадцатеро ближе подойдетъ къ наукѣ, слушая ваши божественныя рѣчи ежечасно, а не разъ въ сутки.

— Гм... да, да... ихъ много, я одинъ, одинъ. Помощники мои въ вѣрѣ слабы, слабы... Бери, только если изъ него не выйдетъ вѣрующій—сама, помни, Богу отвѣтишь.

— Не опасайтесь: онъ будетъ достойнымъ ученикомъ своего достойнѣйшаго изъ учителей.

Меня одѣли, обули прилично, съ утра я исполнялъ лакейскія обязанности, послѣ обѣда просиживалъ въ школѣ по два часа; ѣлъ—вдоволь, спалъ — спокойно, раввиншу чтилъ, какъ мать, и это ей очень нравилось, съ ея единственною дочерью, дѣвочкою, 2-мя годами моложе меня, подружился. Одного раввина боялся, какъ и всѣ его домашніе: онъ былъ всегда пасмурный, ко всѣмъ придирался, во все вмѣшивался, во всякой копѣйкѣ усчитывалъ жену, называлъ ее мотовкой; угощать никого не любилъ, жилъ

очень скромно, уединенно и въ книгахъ. Дочери и мнѣ изрядно доставалось отъ него за невнимательность къ его ежечаснымъ поученіямъ. Его мытьямъ рукъ, моленьямъ, чтеніямъ талмуда не было предѣла. Мы, домашніе, не смѣли, напр., шевельнуться, когда онъ утромъ молился, часа по два сряду, но услышитъ онъ, случалось, что принесли провизію—живо явится въ кухню торговаться, поучать торговку, какъ и всякаго, кто являлся въ домъ. Съ евреями велъ онъ себя важно, говорилъ не спѣша. Но на сколько раввинъ важничалъ предъ мелкимъ еврействомъ, на столько же онъ унижался предъ русскимъ начальствомъ. Какой то чиновникъ писалъ ему книги, бумаги, извѣщалъ его за деньги о разныхъ оказіяхъ. Знакомствомъ съ этимъ чиновникомъ раввинъ ужасно кичился, и что чиновникъ посовѣтуетъ—непремѣнно, бывало, сдѣлаетъ. Я это замѣтилъ и принялъ, на всякій случай, къ свѣдѣнію.

Настали праздники, меня отпустили повидаться съ отцомъ.

Я нашелъ его весьма печальнымъ и больнымъ. Какой-то генералъ, за неудачно выполненное факторское порученіе, поглумился надъ нимъ и послалъ его къ городничему съ запиской, въ которой сказано было, чтобъ отцу дали 50 розогъ. Городничій, нимало не смущаясь, исполнилъ желаніе генерала.

— Надо тебѣ хоть по русски учиться, сказалъ отецъ. Кабы я зналъ читать, этого не случилось бы: узналъ бы о чемъ пишетъ генералъ, изорвалъ бы записку, бросилъ бы ее въ огонь, а самъ куда нибудь скрылся бы.

По моему указанію, отецъ сторговался съ знакомымъ раввину чиновникомъ давать мнѣ уроки за рубль въ мѣсяцъ.

— Это еще зачѣмъ? вспылилъ было раввинъ, когда чиновникъ предлагалъ ему научить меня русской грамотѣ.—Отъ вѣры отступится.

— Вздоръ, отвѣчалъ чиновникъ. Это дастъ ему, напротивъ, кусокъ хлѣба, избавитъ его отъ непріятностей.

И онъ разсказалъ ему о несчастіи съ отцомъ. Раввинъ былъ пораженъ.

— Да я не къ себѣ его зову, а у васъ, при васъ буду учить, выучится онъ и вамъ же пользу принесетъ: своего писаря получите. Впрочемъ, чтобы для васъ интереснѣе было—и вашу Евву поучу; тогда самый какой ни на есть богатый женихъ руками вырветъ ее у васъ, какъ разнесется слухъ, что она по-руски умѣетъ читать и писать.

Около часа спорили они, совѣщались, и кончилось за обученіе. Мы и засѣли за азбуку, а какъ учитель не щипалъ насъ, то мы учились прилежно, при раввинѣ, каждый вечеръ по часу. Наблюдая за нами, раввинъ самъ, понемногу, втянулся и до того доволенъ былъ затеей, что тыкалъ въ глаза всѣмъ и каждому нашими успѣхами. Я явился наконецъ къ отцу съ длиннымъ письмомъ, мною къ нему же, по настоянію раввинши, четко написаннымъ по-русски. Онъ, отъ восторга, разъ сто, кажется, поцѣловалъ меня, водилъ по корчмѣ и всѣмъ рекомендовалъ какъ грамотѣя, который „*этимъ* ремесломъ, быть можетъ, современемъ проложитъ себѣ дорогу къ богатству". Въ свою очередь раввинъ, чтобы похвалиться „своими чудесами", устроилъ даже вечеринку для богатыхъ знакомыхъ и въ ихъ присутствіи произвелъ намъ, съ учителемъ, экзаменъ въ чтеніи и письмѣ. Всѣ дивились, раввинъ ликовалъ за обоихъ, а раввинша больше за меня, чѣмъ за свою Евву.

На этомъ кончилось мое просвѣщеніе и постоянное пребываніе около Еввы, которая стала понемногу отдаляться отъ меня, потому что раввинъ постоянно толковалъ ей о ея будущемъ величіи. Въ то же время онъ приструнилъ меня писать ему книги, бумаги, не рѣдко далеко за полночь; днемъ же я по прежнему зубрилъ науку и за оплошности получалъ зуботычины изъ собственныхъ его святыхъ рукъ.

Время шло, да шло. Я и Евва выросли, поумнѣли каждый по своему. Сожительство съ нею подъ одною кровлею, прежняя дружба, красивое ея личико и намеки товарищей, что я, если постараюсь, могу на ней жениться и сдѣлаться богатымъ,—все больше и больше располагало меня къ ней, заставило биться мое сердце. Вдругъ разнесся слухъ, что ее скоро выдадутъ замужъ. Тогда я рѣшился объясниться съ нею. Улучивъ удобную минуту, когда мы только одни были дома, я вошелъ къ ней въ комнату.

— Что тебѣ нужно? спросила она недовольнымъ тономъ.

— Скажи, пожалуйста, отчего ты, Еввочка, прежде со мной дружилась, а теперь не хочешь со мной и говорить? заискивающимъ тономъ началъ я.

— То было время, а теперь другое: прежде я была дѣвочка, а теперь—невѣста.

— Неужели?—воскликнулъ я, и сердце мое страшно сжалось при этихъ словахъ Еввы.—Чья же?

— Кто мой женихъ, еще не знаю, но отецъ,—я увѣрена,—выберетъ мнѣ красиваго, богатаго и знатнаго.

— А обо мнѣ не пожалѣешь? Я вѣдь день и ночь о тебѣ, объ одной тебѣ только и думаю... Умоляю тебя, будь со мной ласковѣй, я страдаю, и много, много разъ ужъ плакалъ...

— О чемъ?

— Ты меня не любишь, а я... ахъ какъ я тебя люблю...

— Да кстати-ли ты объ этомъ говоришь?

— Конечно, да: тебѣ 16 лѣтъ, а мнѣ двумя больше еще... Къ тому-жъ ты сама же величаешь себя невѣстой.

— Что же дѣлать? за кого отецъ велитъ—за того и пойду я,—знатная и богатая, а ты—простой и бѣдный, значитъ, намъ нечего и толковать. На меня не сердись: я передаю слова отца, а онъ на вѣтеръ ничего не говоритъ.

— Стало быть, всѣ мои надежды напрасны!.. произнесъ я, заплакавъ.

— Проплачешься — легче будетъ: это я по себѣ сужу. А ты стань рядомъ со мной во всемъ, и тогда... тогда другую рѣчь поведемъ.

— Не даромъ, значитъ, отецъ мой неоднократно доказывалъ мнѣ, что мнѣ пора уйти отъ васъ—отъ грѣха дальше, а то не ровенъ часъ: раввинъ прослышитъ, дескать, твои вздохи объ его дочери, осерчаетъ и въ солдаты тебя упекетъ.

— Это глупость: отецъ строгій — правда, но онъ добрый, и тебя въ учителя прочитъ...

Раздался скрипъ двери, и наша бесѣда прервалась.

Съ разбитымъ сердцемъ толкался я изъ угла въ уголъ, похудѣлъ даже отъ огорченія, признался раввиншѣ, она руками развела, пожалѣла меня и сказала, что помочь мнѣ не властна: это, дескать, отъ раввина зависитъ.

Вдругъ къ раввину пріѣхали откуда-то два старыхъ еврея, сватать Евву за сына одного изъ нихъ. Онъ принялъ ихъ торжественно, развернулъ предъ ними всю свою ученость и благочестіе, похвалялся, между прочимъ, и мною, изъ грязи имъ вытащеннымъ въ важные люди. Дѣло было за субботней трапезой, раввинъ въ пылу бесѣды такъ размахнулся, что опрокинулъ подсвѣчникъ, отчего загорѣлись скатерть и столъ. Всѣ засуетились; мущины ахали, женщины визжали. Не помня себя отъ волненія, я задулъ свѣчи ртомъ, а скатерть потушилъ водой и руками. За это раввинъ такъ меня ударилъ по лицу, что искры посыпались изъ моихъ глазъ, а изъ рта и носа хлынула кровь.

— Не оскверняй субботы—неистиво заревѣлъ онъ, и вновь кинулся меня бить... О несчастный я, несчастный... униженный въ собственномъ домѣ, рукою сатаны... На моихъ глазахъ, мой ученикъ осквернилъ священный день... Гдѣ-жъ плоды моей науки?...

— Ваша наука—фальшъ, ваша религіозность — фарисейство, закричалъ я отъ боли и стыда, выскочивъ на средину комнаты. Я теперь ненавижу васъ точно такъ же, какъ ненавидѣлъ въ тотъ день, когда поступилъ къ вамъ: вы алчный, гадкій человѣкъ!...

— Вонъ вонъ, негодяй, отсюда, чтобы слухъ праведныхъ Израиля не смущался твоими мерзостями. Вонъ! – Онъ хотѣлъ кинуться на меня, но силы ему измѣнили отъ моихъ словъ, которыя видимо уничтожали его въ глазахъ гостей.

III.

Посреди общаго изумленія я оставилъ домъ раввина. Отецъ встрѣтилъ меня съ испугомъ, побранилъ за мой поступокъ, но родительское чувство взяло въ немъ верхъ и, боясь мести раввина—мы въ ту же ночь оставили городъ.

Недѣли двѣ сряду брели мы изъ стороны въ сторону, вездѣ напрашивались на трудъ за плату, за пропитаніе, но нигдѣ насъ не брали: повсюду и безъ насъ было въ изобиліи голодныхъ и

бездомныхъ евреевъ, рвавшихъ другъ у друга хлѣбъ изъ глотки. Мы очутились, наконецъ, въ нищенской харчевнѣ своего губернскаго города съ 10 рублями, оставшимися въ кошелькѣ отца.

— Да по какой части желаете вы заниматься? спрашивали насъ, когда мы жалостливо стали выражать наши просьбы.

— По торговой, по факторской, отвѣчалъ отецъ.

— Этихъ занятій мы для себя ищемъ и не можемъ найти.

— Я готовъ идти въ услуженіе куда и къ кому угодно, вмѣшался я. Отрекомендуйте меня, пожалуйста, большое вамъ спасибо скажу.

Спасибомъ сыты не бываютъ, а мы тоже ѣсть хотимъ. Давай денегъ—похлопочемъ.

— А не хочетъ-ли который изъ васъ лучше жениться? предлагалъ другой; у меня три невѣсты на примѣтѣ, а за сватовство дешево возьму, покамѣсть деньги до зарѣзу нужны.

Терпѣніе наше лопнуло, и мы съ грустью вышли на улицу, прошлялись, безъ толку, до самаго вечера и очутились на краю города. Тамъ мы попросились почевать у одной пожилой еврейки, торговавшей, на базарѣ, бубликами, пряниками, тесемками и проч. мелочью. Мы повѣдали ей наше горе, она выразила свое сочувствіе охами и вздохами, а потомъ разсказала намъ, что ея родственница, молодая богатая дѣвица, служитъ прачкою въ гостинницѣ и тамъ же можетъ достать мнѣ мѣсто.

— Очень красивая и богатая дѣвица, прибавила она, умильно поглядывая на меня.

А какъ велико ея богатство? спросилъ я, сообразивъ, что я женихъ.

— Тебѣ нѣтъ дѣла до чужаго богатства, замѣтилъ отецъ, понявъ, вѣроятно, мою мысль.—Мѣсто, дѣло ищи.

— Позвольте, позвольте, перебила хозяйка. Онъ тоже молодой человѣкъ, по-русски пишетъ, читаетъ, а въ гостинницѣ давно ужъ ищутъ такой кладъ.

— Какъ же, однако, велико богатство вашей родственницы? продолжалъ я допытываться.

— Охъ, какъ она богата! Платковъ, бѣлья, платьевъ не перечтешь, даже серебряныя серьги и подсвѣчники есть. Ужо я познакомлю васъ съ ней и сами убѣдитесь, что я не вру.

— Мы пришли сюда хлѣба искать, а не любоваться чужимъ добромъ, вставилъ отецъ.

— Немногія вещи, да еще простыя—не богатство, замѣтилъ я. Вздумавши ихъ продать — пустяки выручишь: мы это на себѣ испытали.

Ошибаетесь, ошибаетесь, потому вы не понимаете ничего. У моей родственницы такія вещи, такія вещи и такъ много ихъ, что всѣ другія мои родственницы завидуютъ ей. Но я—нѣтъ: грѣхъ. Напротивъ, я рада за нее: она вполнѣ стоитъ хорошаго, добраго мужа.

— А деньги, наличныя деньги имѣетъ она?

— Да и деньги имѣетъ. Много и денегъ, одно слово - богачка.

— Сколько же именно денегъ?

— Всегда полный кошелекъ, много, очень много... Тутъ она какъ то перевела разгоръ на свою особу, открыла, при этомъ, большой сундукъ, стала вытаскивать оттуда свое собственное добро, выхваливая и это добро и себя самое.

— Я вдова, мнѣ никто ничего не подаритъ, а я сама все шью, гоношу себѣ, продолжала хозяйка, расходившись; можетъ Богъ дастъ и замужъ еще выйду. Вотъ уже три года какъ я вдовѣю. И надоѣло жъ мнѣ, признаться, одиночество мое. Фу, какъ скучно! заключила она.

— А родственница хорошо шьетъ? приставалъ я.

— Гдѣ ей со мной тягаться: она дура—воскликнула она, совершенно забывъ свои прежнія похвалы —Я тоже съ деньгами.

— И также много ихъ у васъ, какъ у родственницы?

— Съ меня, слава Богу, довольно: я и бережлива; эту вотъ кофту я въ приданое получила отъ тетки, покойной жены раввина, а, видишь, ни одна строчка еще не распустилась. Умная была эта тетка, царство ей небесное; да и было ей отъ кого умъ-то перенять: ея отецъ былъ самый ученый изъ всѣхъ на свѣтѣ ученыхъ. Вы, кажется, дремлете, а не слушаете меня? обратилась она къ отцу, котораго главнымъ образомъ и старалась польстить своимъ состояніемъ, своею добродѣтелью.— Я домъ еще имѣю вотъ этотъ, и одна одинешенька живу на бѣломъ свѣтѣ.

— Сведите же насъ завтра къ родственницѣ и попросите о мѣстѣ мнѣ, прервалъ я ее

На завтра я на пути опять присталъ къ ней съ вопросомъ о богатствѣ ея родственницы.

— Въ чужомъ карманѣ не считаютъ, сердито отвѣтила она.

— А свой капиталъ считаете?

— Непремѣнно случается прибавлю къ нему отъ барышей.

— Тысячами счетъ-то сводите?

— Объ этомъ покамѣсть умолчу, а поживете у меня - узнаете.

— Стало быть, вы приглашаете насъ квартировать къ себѣ?

— Твоего отца — да, онъ смирный человѣкъ, а ты, забіяка, будешь въ гостинницѣ, съумѣешь понравиться моей родственницѣ, она умная, превосходная дѣвица, — и, никто какъ Богъ, богачемъ пожалуй, сдѣлаешься.

— Скажите хоть, много-ли лѣтъ вашей родственницѣ?

— Метрику не читала, говорятъ разно; но молоденькая, прекрасненькая дѣвица.

Въ гостинницѣ хозяйка ввела насъ въ грязную, вонючую комнату, въ которой какая то кривая рябая женщина, лѣтъ 25, стирала бѣлье, въ одной рубашкѣ. Увидѣвъ насъ—она сконфузилась и скрылась за перегородку; туда-же шмыгнула и наша хозяйка; обѣ долго шептались, потомъ хозяйка вывела меня на дворъ, а отцу посовѣтовала выйти на улицу. На дворѣ она доказывала мнѣ, что я долженъ объявиться женихомъ; я упорствовалъ, она грозила мнѣ отказомъ въ мѣстѣ, и я рѣшил я подчиниться ей. Когда мы вновь вошли въ комнату,—я увидѣлъ разложенныхъ, развѣшанныхъ и разставленныхъ дѣйствительно много разныхъ женскихъ вещей но достоинствомъ - совершенную дрянь, въ сравненіи съ вещами, которыя носили раввинша и Евва Наконецъ появилась и невѣста, преотвратительное существо, не смотря на то, что на ней было напялено все, кажется, ея богатство, а лицо вымыто, голосы кокетливо причесаны. Мы въ упоръ поглядѣли другъ на друга; она потупилась, а я покраснѣлъ.

— Не можете-ли облагодѣтельствовать насъ? началъ деликатно отецъ. Богъ наградитъ васъ за это

— Вы желаете мѣсто сыну? хорошо, можно.

— Я заслужу вамъ за это, добавилъ я, сквозь зубы.

— Онъ и женихъ, напомнила хозяйка; нравится тебѣ?

— Я очень рада буду. . вымолвила она и закатила глаза...

— Надѣюсь, позволите мнѣ впередъ заработать денегъ вамъ на подарокъ, съ трудомъ выговорилъ я. А послѣ...

— Женимся.— И отлично.

Она куда-то вышла, вернулась скоро, позвала насъ съ собою, представила пожилому еврею буфетчику который подъ условіемъ, что я чрезъ мѣсяцъ женюсь на прачкѣ принялъ меня въ лакеи при номерахъ. Жалованья опредѣлилъ онъ мнѣ 3 р. въ мѣсяцъ; отцу, котораго принялъ разсыльнымъ—2 р. Съ того-же дня всѣ мы четверо усердно занялись своимъ дѣломъ: я и отецъ—по гостинницѣ, хозяйка отцомъ, а родственница мною.

Незамѣтнымъ образомъ пролетѣлъ для насъ мѣсяцъ, въ теченіи котораго мы успѣли ужь опериться: я угождалъ проѣзжимъ, они дарили мнѣ на чай, и я радовался своему благополучію; отецъ же не совсѣмъ былъ доволенъ своей должностью

— Года мои, тяжелая жизнь подкосили мои силы, и я ужъ съ трудомъ шатаюсь, жаловался онъ мнѣ, и послѣ нѣкотораго молчанія робко продолжалъ: я думаю сдѣлать еще послѣднюю попытку, или глупость, - какъ хочешь назови,—чтобъ поправиться... я думаю жениться... И онъ покраснѣлъ.

— Не на моей ли невѣстѣ? съ пріятностью уступлю.

— Не смѣйся надо мной: это не хорошо — я серьезно желаю посовѣтоваться съ тобой, какъ съ сыномъ

— Извини моей шуткѣ: я хотѣлъ тебя развеселить. Серьезно же скажу: если охота есть—съ Богомъ - и конечно на Ривкѣ?

— Н—да... Она такая исправная хозяйка, домъ, торговля, имущество имѣетъ.

— Не даромъ, значитъ, берегла; но понравишься ли?

— Двѣсти рублей наличными у нея еще есть.

— Только то?

— При нашей жизни мы съ тобой и чрезъ 5 лѣтъ не достанемъ такого капитала... Ну, а ты какъ?

— Желаю тебѣ счастья, отецъ; а я еще успѣю...

— Обманулъ ихъ?

— Разумѣется.

— Дурно, очень дурно начинать жить съ надувательствъ.

— Я твердо помню твои слова надъ прахомъ матери и полѣзу куда придется, хотя-бъ въ петлю, чтобъ выбиться изъ нищеты. Только не мѣшай мнѣ, и въ благоразуміи моемъ не сомнѣвайся: я ужь травленный волкъ

На отцовской свадьбѣ, буфетчикъ потребовалъ, чтобы я назначилъ день и часъ своей свадьбы, а невѣста открылась мнѣ, что владѣетъ только 150 р Меня въ ознобъ даже ударило ея признаніе. Съ этого дня я все дальше и дальше оттягивалъ свадьбу подъ разными предлогами — Но наступилъ, наконецъ, роковой часъ моего отказа. Невѣста накинулась на меня, какъ разъяренный волкъ.

— Расположенія я къ тебѣ никакого не питалъ, ни одной секунды, возразилъ я; этого ты, старая дѣвка, не могла не замѣчать, а если не хотѣла - не моя вина Воспользовался я твоею протекціею по нуждѣ, а въ такихъ случаяхъ человѣкъ не воленъ въ себѣ. Продаться въ мужья, я пожалуй готовъ бы, но только за настоящую, высокую цѣну, а какъ твоя мнѣ невыгодна, — то и ищи себѣ другой дешевый товаръ. - Это мое послѣднее слово.

Она побѣжала съ жалобой къ покровителю Тотъ въ свою очередь тоже напустился на меня съ разными упреками и ругательствами, но когда и это не помогло, то пригрозилъ выгнать изъ гостинницы Я намекнулъ ему, что знаю всѣ его продѣлки, которыя могу сообщить хозяину. Онъ понялъ мою угрозу, и наружно мы помирились, хотя внутренно готовы были, при первомъ же удобномъ случаѣ, утопить другъ друга въ ложкѣ воды.

Совсѣмъ иначе поступила невѣста: она разблаговѣстила по всему городу, будто я ее опозорилъ, обобралъ; мало того, пожаловалась раввинскому суду. Меня позвали къ отвѣту. Отецъ перепугался, а мачиха очень ловкая, всевѣдущая женщина—совѣтовала мнѣ скорѣй бѣжать изъ города: но я, зная очень хорошо, что судьи эти только у себя важничаютъ, а вышедши на улицу и хожалаго боятся рѣшился брать смѣлостью, держался на судѣ чрезвычайно дерзко и пригрозилъ судьямъ, что заявлю начальству что они меня сговариваются убить за то, что я хочу въ русскую вѣру креститься.

— Ка-акъ?.. ты, ты нашу вѣру бросаешь?.. всплеснули они руками и вытаращили глаза.

— Станете притѣснять меня—крещусь, непремѣнно крещусь, и грѣхъ этотъ падетъ на васъ

Они приняли мои шутки въ серьезъ, потому вѣроятно, что о моихъ мелкихъ, неизбѣжныхъ отступленіяхъ, давно ужъ разносились слухи по городу. Это заставило ихъ перемѣнить со мной тонъ, съ высокомѣрнаго на мягкій, примирительный. Но дѣло, разумѣется, ни чѣмъ не кончилось. Между тѣмъ мое дерзкое поведеніе въ судѣ сдѣлалось притчей во языцѣхъ. Одна только мачиха, съ которою я былъ, кстати замѣчу, друженъ, по пословицѣ: рыбакъ рыбака—видитъ изъ далека,—одна, повторяю, она торжествовала за своего «умнѣйшаго пасынка, который натянулъ носъ судьямъ, не годившимся, по учености, и въ подметки покойному равину, мужу ея покойной тетки». Она со всѣми даже пріятельницами перессорилась, доказывая, что такихъ отличныхъ людей, какъ ея мужъ и пасынокъ - нѣтъ больше въ городѣ, а родственницу и на порогъ своего дома перестала пускать за то, что своевременно не съумѣла, по своей глупости, обвѣнчаться со мной; въ дѣйствительности же она не желала непріятныхъ встрѣчъ отцу, полюбивши его за его кроткій характеръ, угодливость ей и стараніе въ грошовой торговлѣ.

Силой милъ не будешь; оттого и въ гостинницѣ мнѣ служить было тошно; найти другую должность я, обезславленный, въ этомъ городѣ ужь мало разсчитывалъ: отъ меня и въ синагогѣ многіе отворачивались. Видя почти общее пренебреженіе къ себѣ отъ единовѣрцевъ, и я платилъ имъ тою же монетою, а какъ жить молодому человѣку съ горячею головою безъ людей - почти невозможно, то я по неволѣ старался приблизиться къ русскимъ, къ полякамъ; но они меня въ свой кругъ тоже не принимали, какъ жида, да главное—нищаго. Я сердился, возмущался... Однажды проѣзжій чиновникъ поручилъ мнѣ достать ему русскую газету почитать. Я принесъ отъ сторожа гимназіи «Московскія Вѣдомости». Онъ спросилъ: знаю ли я русскую грамоту, я отвѣтилъ—да. Шире, далѣе - мы разговрились. Я ему разсказалъ свою кручину, а онъ, въ утѣшеніе, сообщилъ мнѣ, что скоро выйдетъ разрѣшеніе евреямъ-ремесленникамъ переселяться куда хотятъ, и потому совѣтовалъ мнѣ махнуть тогда въ Петербургъ, гдѣ я, со своею смѣтливостью, по его мнѣнію, не пропаду. Чуть ли не ежедневно бѣгалъ я, довольно долго, къ сторожу гимназіи искать, въ газетѣ, привлекательное разрѣшеніе, которое дѣйствительно пришло таки и всполошило все бѣдное еврейское народонаселеніе: всѣ полагали, что Петербургъ та же обѣтованная земля, текущая млекомъ и медомъ, какою была древняя Палестина.

Я объявилъ отцу свое рѣшеніе Онъ согласился, а мачиха даже припрыгнула отъ восторга, увѣряла, что въ Петербургѣ мнѣ непремѣнно повалится манна небесная, въ видѣ мѣшковъ съ червонцами, я живо разбогатѣю, выпишу ее, съ отцомъ, къ себѣ они меня женятъ на банкирской дочкѣ, и мы заживемъ на славу и зависть «паскуднымъ ея родственникамъ и родственницамъ».

Сборы мои были коротки; чрезъ 3 дня котомка ждала уже меня въ домѣ мачихи. Она, отецъ и я пообѣдали вмѣстѣ, съ подобающимъ случаю благоговѣйнымъ торжествомъ; потомъ онъ

благословилъ въ тотъ же день наступившій 22 годъ моего житейскаго поприща, и я, съ зашитыми въ жилетку 40 р. (скопилъ самъ 35 р., а 5 р. дала мачиха на разживу), усѣлся, въ числѣ 10 евреевъ, въ фуру и съ восторгомъ отправился изъ земли Халдейской въ землю Ханаанскую—искать счастья...

IV.

Сухопутная дорога показалась мнѣ скучною: лошади еле двигались; на молитвы, ѣду и проч. улетало слишкомъ много времени, а въ довершеніе всего мы, вслѣдствіе наступленія субботы, цѣлые сутки простояли въ полѣ, такъ какъ евреямъ ѣхать въ шабашъ воспрещено. На пятыя сутки добрались мы до желѣзной дороги. Земляки предложили мнѣ остановиться въ городѣ на день-другой запастись справками о Петербургѣ, но я, желая по возможности скорѣе, развязаться съ ними, чтобъ ничто не напоминало мнѣ противной родины, часа два-три спустя мчался ужъ по чугункѣ. Мои сосѣди въ вагонѣ тоже были евреи. Изъ разспросовъ я узналъ, что они никакого ремесла не знали, а бѣжали изъ другихъ, такихъ же, какъ наша, губерній, въ чаяніи, какъ и я, поймать на чужбинѣ счастье...

— Эй вы, жиды, приготовьте билеты: скоро Петербургъ, крикнулъ кондукторъ.

Сердце во мнѣ забилось, голова закружилась и вопросъ: счастье или несчастье добуду я—поднялся предо мной грознымъ призракомъ и вытѣснилъ изъ моихъ глазъ нѣсколько жгучихъ слезъ: куда я пойду, къ кому обращусь, чѣмъ займусь,—эти и имъ подобныя мысли роемъ завертѣлись у меня въ умѣ; рѣшить я ровно ничего не могъ, и по неволѣ обратился къ сосѣдямъ-соплеменникамъ съ своими тяжелыми сомнѣніями, но они сами были въ такомъ же, какъ я, положеніи.—Мы уговорились слѣдовать вмѣстѣ. Билеты отобрали, машина полетѣла стрѣлой, раздался пронзительный и продолжительный свистъ, паръ заклубился густыми облаками дыма въ воздухѣ, застлалъ всѣмъ глаза, машина пошла тише и наконецъ стала... Я почувствовалъ, что и во мнѣ на минуту кровь застыла.

Мы вышли, машинально, на платформу, сбились въ кружокъ, точно стадо испуганныхъ овецъ, и ждали... Чего? не знаю, да врядъ ли и другіе это знали.

— Пошли вонъ отсюда, пархатые, погналъ насъ сторожъ, толкая кого во что попало.

— За цто ви панъ пихаетесь? взмолился кто-то. Ми, зидки, шмирни, продолжалъ другой; гдѣ здѣсь заноцавать мозно? перебилъ третій.

— Вонъ, говорю, іюды скаріотскіе, не то полицію позову.

— Азь, зацимъ полица? ми сами пуйдемъ, пуйдемъ.

Мы вышли гурьбою на уголъ улицы, сложили въ кучу свои

котомки, обвели мутными взорами окружность и загалдили по своему.

— Ишь ихъ повалило, повалило то какъ, нехристей окаянныхъ, громко заговорилъ, подходя къ намъ, городовой. Кажиный день сотнями претъ да прѣтъ, и откуда только они тамъ берутся-то, анафемскія души? И зачѣмъ это позволяли имъ тащиться сюда, коли намъ и безъ нихъ пропасть хлопотъ? Ну, служба треклятая! Что вы тутъ столпились? Маршъ съ дороги!

— Рази не мозно цутоцку побить тутъ? Ми такъ завсимъ шмирни еврейцики.

— На фатерѣ стойте, лежите, сидите—никто перечить вамъ не станетъ, а здѣсь нельзя.

Мы съ удивленіемъ переглядывались: въ нашихъ мѣстахъ всѣ частныя дѣла обсуждались, рѣшались среди улицъ, съ нихъ не сходили толпы съ утра до вечера, а тутъ и минуту постоять не велятъ.

— Берите-же свои котомки на плечи и маршъ, говорю, хоть къ черту на кулички,—прервалъ наши размышленія городовой; не то тесака отвѣдаете. Ну же, сволочь эдакая!

Онъ свиснулъ, точно изъ земли выросъ другой городовой, руки обоихъ заходили по нашимъ шеямъ, мы всполошились, побрели дальше и увидѣли почти бѣгущаго къ намъ на встрѣчу еврея.

— Опоздалъ, опоздалъ маленько, зачастилъ онъ, поздоровавшись съ нами по еврейски и размахивая руками въ воздухѣ.

Мы снова было остановились, чтобы выслушать его, но онъ велѣлъ намъ идти за нимъ, тоже замѣтивъ, что на улицѣ стоять нельзя.

— Отчего-же нельзя?

— Полиція запрещаетъ. Я каждый день встрѣчаю нашихъ евреевъ. Они живутъ всѣ у насъ около синагоги въ Подъяческой, и вы у насъ поселитесь. Мы нашихъ не обижаемъ.

Мы пытались было узнать: даровыя-ли это квартиры для бѣдныхъ, или тамъ живутъ за деньги, и, въ такомъ случаѣ—по скольку плотится за ночлегъ, но проводникъ нашъ показывалъ намъ улицы, дома, и велъ, велъ насъ впередъ, не совѣтуя ни разговаривать громко, ни оглядываться по сторонамъ, потому что это запрещается полиціею, которая строго взыскиваетъ за ослушаніе. Дорожная усталость, стукъ экипажей, пыль отъ нихъ, тяжолыя котомки на плечахъ, непривычка къ долгой ходьбѣ по камнямъ и рѣчь проводника—все это оглушило, обезсилило насъ, и мы, какъ бы по уговору, присѣли всѣ сразу, на какомъ-то мосту.

— Запрещается, запрещается, затарантилъ проводникъ; еще немного, и мы будемъ дома.

Коли ни стоять, ни присѣсть отдохнуть, ни даже разговаривать на улицѣ нельзя,— то что же мы здѣсь будемъ дѣлать? съ горечью спросилъ я, протолкавшись къ нему ближе всѣхъ.

— Вы про дѣла? Дѣловъ тутъ довольно, много дѣловъ.

— Какихъ-же именно?

— Всякихъ: и сапожныхъ, и портняжныхъ, и слесарныхъ, и торговыхъ тоже, даже еще больше. Тутъ все можно, только полицію уважать надо. Она тутъ статья важная. — А вотъ мы и пришли, прервалъ онъ разговоръ. Пожалуйте, добрые евреи!

Было часовъ семь вечера, когда онъ ввелъ насъ во дворъ высочайшаго 4-хъ этажнаго каменнаго дома, гдѣ евреи и еврейки радушно звали насъ: однихъ — вверхъ, другихъ — внизъ. Мы недоумѣвали, кому довѣриться: насъ увѣряли, что вверху — отлично: свѣтло и весь городъ какъ на ладони; что и внизу — превосходно: только 5—6 ступенекъ подняться и хоть сто разъ на дню легко уходить на улицу и приходить домой, да и спокойно отъ шуму городскаго. Я предпочелъ верхъ. Въ маленькихъ 3-хъ комнаткахъ, окнами во дворъ, я насчиталъ 10 человѣкъ, кромѣ насъ 5-хъ и хозяевъ; вездѣ были примощены доски для спанья. Мы раздѣлись, сложили котомки въ уголъ и сѣли, кто гдѣ успѣлъ.

— Можетъ, что нибудь покушаете съ дороги, ласково спросила насъ хозяйка, и когда мы изъявили согласіе, то намъ подали хлѣба по куску въ ½ ф., двѣ селедки съ лукомъ и взбаломученную, холодную воду съ 5 корюшками; при этомъ хозяйка пр сила насъ не сѣтовать, что уха холодная: разводить огонь вечеромъ не позволяется. Мы вышли изъ-за стола полуголодные, но все-таки сочли долгомъ поблагодарить хозяевъ за угощеніе. Въ комнатѣ раздался смѣхъ.

— „За угощенье", передразнилъ насъ кто-то, лежа на доскахъ. Сейчасъ васъ угостятъ. Хи-хи-хи...

Мы не поняли, что предвѣщалъ этотъ смѣхъ и молчали. Хозяева предложили намъ занять мѣста на ночь. Мы заняли.

— Теперь пожалуйте расчетъ, заговорилъ хозяинъ; за ночлегъ — по 15 к., да за ужинъ — по 20 к., — по 35 к. съ человѣка и спите съ Богомъ.

Мы изумились цѣнѣ: намъ казалось, что насъ слѣдовало накормить и хорошенько даромъ, какъ бѣдныхъ сородичей; а если ужь и это, быть можетъ, запрещается, размышляли мы, — то за все, про все съ человѣка и по 5 к. довольно. Мы заявили это хозяину.

— Тутъ не мѣстечко Шкловъ, чтобъ даромъ что давали, а Петербургъ, денежки любитъ, вы не обижайтесь на меня: здѣсь насъ, еврейчиковъ, кромѣ Подъяческихъ жить нигдѣ не пускаютъ; я плачу за квартиру 18 р. въ мѣсяцъ; дрова сажень — 4 р.; хлѣбъ — 2 к. фунтъ; соль — 2 к. ф., рыба — 15 к. десятокъ; селедка 5 к. и такъ все, все дорого.. Еще каждый мѣсяцъ дворнику за воду надо — 4 р., да полиціи за паспорта — 10—20 р., потому она привычна къ хапанцамъ. И сочтите сами, какъ дешево брать.

Мы поторговались, онъ уступилъ по 10 к., и мы принуждены были согласиться: намъ некуда было дѣваться; въ свою очередь мы попросили его оставить насъ въ покоѣ до утра, когда удобнѣе будетъ достать и опять зашить деньги; но онъ настаивалъ на немедленномъ расчетѣ.

— Не могу ждать до утра, ночью уходятъ не расчитавшись.

Мы покорились и этому требованію и думали, что все кончено.

— Паспорты берегите пуще денегъ: страшно, что тутъ дѣлается паспортами—проговорилъ онъ и ушелъ.

Загадочность его предостереженія навѣяла на насъ новыя сомнѣнія, но усталость преодолѣла ихъ и мы заснули. Прошло часа 2—3. Я вспотѣлъ, точно въ банѣ на полкѣ; проснулся, хотѣлъ перевернуться на другой бокъ, но не могъ: меня стиснули съ обѣихъ сторонъ. Я напрягъ всѣ силы и сѣлъ. Ночь была свѣтлая, лунная и я, желая убѣдиться, не случилось-ли чего съ нами, — оглядѣлся кругомъ и удивился: въ нашей каморкѣ некуда было и плюнуть на свободное мѣсто: вездѣ на полу и подъ лавками лежали люди, человѣкъ 40 всѣхъ. Я вытеръ потъ, катившійся градомъ у меня съ лица, посидѣлъ маленько, осмотрѣлъ свою котомку, деньги, паспортъ — все было цѣло, успокоился, втиснулся въ свое мѣсто и опять заснулъ. Вдругъ я почувствовалъ сильный ударъ въ бокъ, вскочилъ, протеръ глаза и впалъ въ ужасъ: народъ хваталъ мѣшки, толкался и отчаянно ломился въ дверь.

— Полиція, ратуйте, гвалтъ, спрячьте меня подъ мѣшки, подъ печку; лучше меня, меня: я на очереди. Ой вей миръ! мой паспортъ фал.... въ наручники потащатъ...

Плачь, перебранка, толкотня потрясли воздухъ; въ комнатѣ былъ чистый содомъ и гомора. Дверь отворилась, народъ хлынулъ было въ нее, — но мгновенно отскочилъ назадъ, сталъ прятаться подъ нары, на русскую печку, присѣдалъ другъ за друга, а стонъ, вой раздирали уши...

— Во фронтъ и ни гу-гу, скомандовалъ вошедшій офицеръ, съ саблею въ рукѣ, а за нимъ 5—6 городовыхъ стали въ дверяхъ, скрестивши свои тесаки. — Молчать и въ ряды, не то вотъ вѣдь, погрозилъ офицеръ саблею, подвинулся впередъ шага на три, а сзади его два городовыхъ и два дворника. — За неповиновеніе хуже будетъ: переберу чрезъ 3—4 на дворѣ-же.

Всѣ смолкли и затаили дыханіе.

— У кого есть паспорты, доставай ихъ и спокойно становись на право: не трону, продолжалъ онъ; а у кого фальшивые, или вовсе нѣтъ паспортовъ — стать на лѣво, безъ всякихъ увертокъ, потому и изъ-подъ земли вырою.

Стоявшіе на полу и сидѣвшіе на нарахъ молча засуетились, очевидно недовѣряясь офицеру. Понявъ, наконецъ, смыслъ тревоги, я сталъ предъ офицеромъ первымъ, съ паспортомъ въ рукѣ, а возлѣ меня мои 4 спутника.

— Выстройте остальныхъ пархатыхъ, не то они до обѣда будутъ болтыхаться, приказалъ онъ.

Городовые и дворники начали хватать за шиворотъ, за волосы,

за уши и устанавливать, но фронта все не выходило: никто не рѣшался ни отдѣлиться на лѣво, ни стать на право, а всѣ, какъ шальные, вертѣлись, лѣзли другъ на друга.

— Да ну же, мерзавцы, закричалъ офицеръ и хватилъ одного-другаго...

Городовые и дворники усердно работали мощными руками. Пискъ, визгъ возобновился. Минутъ чрезъ 5, человѣкъ 10 стояла смирно, а остальные гнѣздились по своимъ западнямъ и, то-на-корточкахъ, то согнувшись подползали къ двери и какъ мячики отлетали отъ нея: часовые отгоняли ихъ...

— Развернуть паспорты и не шевелиться, а вы подведите ихъ ко мнѣ цугомъ, одного за другимъ.

Офицеръ сталъ предъ окномъ и къ нему подвели стоявшаго рядомъ со мной старика.

— Ты откуда родомъ? спросилъ его офицеръ.

— Нипъ, ясневельмозный панъ пулковникъ, не разумію, заговорилъ старикъ, низко кланяясь.

— Что такое бормочетъ онъ?

— Онъ говоритъ, что ничего не понимаетъ, смѣло отвѣтилъ я, чисто по-русски.

— Ты, жидъ, откуда такъ научился говорить по-русски?

— Я родился и выросъ среди русскихъ, на Волыни, гдѣ евреи всѣ говорятъ, какъ русскіе; только у литовскихъ евреевъ скверный выговоръ.

— Э-ге... да ты, знатокъ, мнѣ пригодишься по жидовскимъ дѣламъ. Молодецъ.

— Отпустите, ваше превосходительство, старика, поспѣшилъ я заступиться за него, пользуясь похвалою себѣ. Я вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ, онъ смирный человѣкъ.

— Просишь за другихъ, не зная еще, что самаго ждетъ. Что это значитъ?

— Я за себя не боюсь: мой паспортъ чистый, и вы меня, я увѣренъ, не обидите безвинно.

Какова шельма-то, а? обратился офицеръ къ городовымъ. Паспортъ старика просроченъ, но за то, что жиды всѣ трусы, и я вижу тебя перваго храбрымъ - такъ ужъ и быть, пусть онъ шляется здѣсь; но скажи ему, чтобы чрезъ двѣ же недѣли онъ имѣлъ новый паспортъ, если не хочетъ идти домой по этапу.

Я исполнилъ приказаніе, старикъ поклонился въ ноги офицеру и его отвели въ сторону.

— Паспортъ твой точно законный, но отчего онъ не прописанъ въ кварталѣ? продолжалъ ревизоръ, обращаясь ко мнѣ.

— Я, старикъ, да вотъ эти трое вчера вечеромъ только пріѣхали сюда, и мы, простите насъ, ваше превосходительство,— не знали, гдѣ и какъ прописываютъ паспорты. Клянусь Богомъ, правда, твердо отвѣтилъ я.

— А хазеръ ѣсть станешь?

— Ежели ничего другаго не найду — буду ѣсть и свинину.

— А хапанное любишь?

— Оборони Богъ: вы за это накажете.

— Вотъ каналья-то!

— Приходи ко мнѣ въ кварталъ: я тебѣ поручу выгодную работу. Слышишь?

— Слушаюсь-съ и буду стараться: я начальству всегда угождаю; мы живемъ начальствомъ. Явлюсь непремѣнно

Мы отодвинулись подъ надзоръ городоваго Всѣ съ завистью глядѣли на насъ вообще, а на меня въ особенности я имъ казался какимъ-то чудомъ Къ офицеру начали подтаскивать другихъ.

— Ты чѣмъ здѣсь занимался?

— Я погтной, васе високое благогодіе. Завсимъ погтной.

— Вретъ: онъ съ утра до вечера шатается около Сѣнной площади. Я давно ужъ его примѣчаю, перебилъ городовой.

— Не пгавда-съ: погтной, ей вей погтной.

— Молчать! На лѣво его. Здѣсь позволяется пребываніе только *ремесленникамъ*, а кто ни портной, ни сапожникъ, ни столяръ— тѣхъ чтобы и духу въ нашемъ кварталѣ не было: торгуете постоянно краденными вещами, соблазняете дураковъ, плодите воровъ. Я васъ уничтожу съ вашимъ ганделемъ! Тебя какъ зовутъ?

— Могдка Айзиковъ васе...

— Паспортъ Лейба Юдилевичъ; по чужому, значитъ, шахруешъ? На веревку.

— Позвольте, позвольте: я обсибся.

— Обшиби-ка его, Гавриловъ, и руки назадъ —Городовой исполнилъ приказаніе и передалъ Мордку товарищамъ.

— Гдѣ твой паспортъ?

— Дворникъ потералъ; я давалъ прописать и назадъ не полуцилъ.

— Какого-то паспорта точно въ фарталѣ не доискались: все Берки, да Ицки.—безъ хамилій, чертъ ихъ подери, — ну и перемѣшали, оправдывался дворникъ.

— Веди и его: послѣ разберемъ, кто виноватъ.

Спрятавшихся вытаскивали за чуприны. Изъ насчитанныхъ мною 40 чел. 13 связали: безпаспортныхъ - вмѣстѣ на одну веревку, за одну руку, выше локтя; просрочившихъ паспорты-за обѣ руки впередъ, каждаго врозь, а у кого оказался подскобленный паспортъ—тѣмъ руки крутили назадъ. Отъ осмотра никто не ускользнулъ. Связанныхъ безъ церемоніи вытолкали на лѣстницу, съ которой свели ихъ внизъ другіе ужъ городовые. Такимъ образомъ въ квартирѣ сдѣлалось просторно.

— Отворить окна и Шмульку сюда.

Два городовыхъ вытащили на сцену квартирнаго нашего хозяина, котораго они держали все время подъ тесаками и который ежился, дрожалъ какъ осиновый листъ.

— Сколько-жъ разъ я тебѣ буду повторять: не держи бродягъ?

— Я ихъ не пусцалъ. видитъ Богъ не пусцалъ, жалобно заголосилъ Шмулька, упавъ на колѣни; цесное слово не дерзалъ: они сами потихоньку присли, по одному, ноцью, когда я спалъ.

— Ишь невинность корчитъ! Перекрестись, тогда повѣрю.

— Нихай хвороба мине трасцетъ, езели я ихъ пусцалъ, нихай изъ эта мѣста я дѣвоцка не увизу, зачастилъ Шмулька.

— Поднять его на ноги и перекрестить, да хорошенько.

Шмульку силою поставили на ноги и перекрестили его кулакомъ въ лобъ, въ грудь и плечи. Онъ взвылъ благимъ матомъ.

— Тащите и его. Я тебя заморю, прохвоста, въ Сибирь ушлю за пристанодержательство.

— Возмилуйтесь васе-пресходитество, больсе не буду, николи не пусцу. Это зона. Хайка...

— Сейчасъ на жену? О трусъ поганый! Съ утра же, чтобъ вы всѣ шли на работу *въ ремесло*, а не въ толкучій, потому и тамъ поймаю, непременно поймаю, заключилъ офицеръ. — А ты, Шмулевичъ, явись, смотри же, ко мнѣ: доволенъ будешь, добавилъ онъ мнѣ; если же скроешься — на днѣ морскомъ сыщу и сгніешь у меня въ части. — Онъ вышелъ послѣднимъ.

Сожители мои начали свободно охать, стонать отъ боли, приводить въ порядокъ свои пострадавшіе бока, физіономіи. На полу валялись оборванные полы воротники, клочья пейсиковъ, а коегдѣ виднѣлась и кровь... Я подошелъ къ окну и увидѣлъ на дворѣ человѣкъ 30—40 связанныхъ, которыхъ наловили какъ я послѣ узналъ, въ 3-хъ квартирахъ. Плѣненныхъ этихъ стѣною окружали городовые; какъ они, т. е. плѣнные, такъ и толпившіяся поотдаль ихъ жоны и дѣти ревѣли во весь голосъ. ломали руки въ отчаяніи... Настежъ растворились ворота, офицеръ скомандовалъ «маршъ», и плѣнныхъ погнали въ часть..

Когда все стихло, на ближайшей колокольнѣ пробило 6 часовъ утра. Мы часа два прокалякали между собою о случившемся, а я и мои попутчики проклинали того, который привелъ насъ въ этотъ домъ; но бывалые въ передрягахъ ночлежники (ихъ нашлось 6 человѣкъ) увѣрили насъ, что вездѣ, гдѣ поселяются евреи, происходитъ тоже самое.

Насъ, новичковъ, до глубины души поразило видѣнное, и мы тщетно задавали себѣ вопросъ: чтожъ это за кромѣшный адъ, въ который попали мы. искатели счастья? На насъ напало уныніе, раскаяніе, зачѣмъ мы ѣхали на такое избіеніе. да еще изъ за паспортовъ, которые на нашей родинѣ плевка не стоили.

— А вотъ и я, вотъ и я, заболталъ Шмулька, влетѣвъ въ комнату ликующимъ: шесть карбованцевъ штрафу схапали. схапали и отпустили; это еще счастье, что такъ кончилось.

— За 6 р. и морда расквашена, и ухо въ крови, и борода пощиплена,—славное тебѣ счастье, нечего сказать, замѣтилъ я съ досады. Если это постоянное твое благополучіе, поздравляю тебя

съ нимъ и желаю навсегда имъ пользоваться, за то, что ты изъ користи подводишь подъ обиды легковѣрныхъ людей.

— Что-жъ дѣлать, жить надо, а Петербургъ безъ денегъ что?

— Такъ лучше возвращаться на родину, на родину, гдѣ такихъ ужасовъ, по крайнѣй мѣрѣ, хоть нѣтъ.

— За то и денегъ тамъ нѣтъ: я заработывалъ въ Могилевѣ 3 рубля, а тутъ 10 остается на черный день, ну и лучше.

— Не пускалъ бы хоть бродягъ, и спокоенъ былъ бы.

— Нельзя: они за одинъ ночлегъ даютъ 30 — 40 коп., отъ нихъ самая главная выгода; да и какъ же не пускать нашихъ? Они не грабители какіе, а только безъ пустяшныхъ паспортовъ, не ночевать же имъ на улицѣ.

Опасаясь новыхъ сцѣнъ, мы рѣшились было идти искать другую квартиру, но хозяинъ и опытные евреи отговорили насъ: вездѣ тоже. Четверо сутокъ прослонялся я по городу, перебывалъ кажется въ 10 квартирахъ, самъ убѣдился въ правдивости слышаннаго о нихъ, переспросилъ сотни людей о мѣстѣ. но нигдѣ его не находилъ. Мнѣ говорили, что легче всего подъискать знакомства въ синагогѣ.

Настала суббота, и я рано утромъ былъ ужъ тамъ, пріютился у дверей—въ числѣ нищихъ. Мѣста въ синагогѣ, какъ извѣстно, покупаются, продаются, какъ дома, земли. Поэтому, чѣмъ кто ближе сидитъ къ кивоту, тѣмъ онъ, значитъ, почетнѣе, богаче. Народъ помѣщался больше всего сзади, вещи на нихъ были старыя, потертыя, лица загорѣлыя, а все это вмѣстѣ свидѣтельствовало о ихъ бѣдности. Послѣ молитвы 40—50 очень религіозныхъ, преимущественно пожилыхъ евреевъ, — пошли во свояси, — какъ въ своихъ мѣстечкахъ,—въ талисахъ. Погода стояла отличная, солнце яркими лучами освѣщало пеструю толпу, мирно шедшую, по старой привычкѣ, срединою улицы. Вдругъ изъ за угла явился какой-то начальникъ, взглянулъ на толпу и засвистѣлъ въ рожокъ: это показалось толпѣ любопытнымъ и она остановилась поглазѣть. На свистъ сбѣжались городовые, окружили толпу и погнали ее въ часть, ближе къ машинѣ, чтобы отослать на родину...

Толкучій рынокъ ежедневно осаждался полиціею, нахватывавшей тамъ по 100 чел., вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, которымъ они торговали. Заняться ремесломъ евреямъ, еслибъ даже и умѣли — негдѣ было: содержатели мастерскихъ, русскіе — просто гоняли евреевъ, отзываясь, что и своихъ много голодаетъ; нѣмцы—требовали знанія ихняго языка, назначали ничтожную плату, т. е. на обухѣ рожь молотили, какъ говорится по-русски; хозяевъ мелкихъ заведеній евреевъ—не было, а богатые евреи занимались одними подрядами и на нихъ работали русскіе же ремесленники; устроить же мастерскія собственно для соплеменниковъ (это они вполнѣ могли) они не хотѣли. потому, конечно, что „сытые, голодныхъ не разумѣли“. Нѣкоторымъ и пристраившимся къ мѣстамъ евреямъ — тоже покоя не давали. Ремесленниками, напр.,

не признавали: въ одномъ кварталѣ — музыкантовъ; въ дру-
гомъ наборщиковъ; въ третьемъ — позолотчиковъ и т. д., а всѣхъ
усердно гнали вонъ и вонъ...

Опасаясь, какъ бы и меня не подцѣпили на веревку, — я рас-
продалъ свои по-еврейски шитыя вещи купилъ русскія, остригся
подъ гребенку, чтобы курчавые волосы не предали меня, пересе-
лился за городскую заставу, прожилъ тамъ остальныя деньги, но
за то свелъ дружбу съ городовымъ, которому подслужился чте-
ніемъ ему, безграмотному, ежедневно, приказовъ по полиціи: онъ
сжалился надъ моимъ голоднымъ положеніемъ и отрекомендовалъ
меня въ услуженіе къ своему пріятелю. старику, отставному ун-
деру, содержавшему тамъ же табачную лавочку, за 2 р. въ мѣ-
сяцъ. Жилъ ундеръ вдвоемъ со старухой женой согласно, скром-
но, трезво; выписывалъ «Сынъ Отечества» и, какъ только бы-
валъ свободенъ надѣвалъ огромныя, въ мѣдной оправѣ, очки, и
все читалъ газету. Подъ вечеръ онъ, жена и я усаживались на
крылечко, къ намъ приходилъ городовой я вслухъ начитывалъ
имъ новости и мы по-долгу «занимались политикой», какъ хо-
зяинъ говаривалъ. Ѣлъ я съ хозяевами за однимъ столомъ сыт-
но, спалъ достаточно. обращались они со мной безобидно, рабо-
той я не былъ отягощенъ, въ книгу записывать приходилось мнѣ
немного; я старался быть полезнымъ хозяевамъ и провелъ 2 — 3
мѣсяца пріятно. Хозяева хоть и прибавили мнѣ 1 р въ мѣсяцъ,
къ зимѣ, но на меня напала хандра: поѣздки, разъ въ недѣлю,
на фабрику. за товаромъ, сидѣнье по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ,
мелкая работа — все это томило меня. тѣмъ болѣе, что впереди
ничто мнѣ не улыбалось. Я твердо изучилъ свое дѣло и зналъ что
торговалъ хозяинъ порядочно: покупали товаръ съ -хъ окрест-
ныхъ фабрикъ, человѣкъ по 200 въ сутки, а продавали мы та-
бакъ, сигары, папиросы — большею частью безъ бандеролей. какъ
всѣ почти петербургскіе табачники.

Начинался обманъ на фабрикахъ: въ ящикъ, на которомъ
проставленъ 1 р. — складывали сотню сигаръ, стоившихъ 2 р.,
брали за него съ лавочниковъ 3 р., а лавочники съ покупателей -
4 - 5 р., глядя по покупателю; въ казну же акцизъ платила фаб-
рика только съ рубля. много также уносили съ фабрикъ сигаръ,
папиросъ и табаку вовсе неоплаченныхъ акцизомъ.

Видя, что никто охулки на руку не кладетъ, что изъ жало-
ванья я ничего не скоплю, я сообразилъ что коль скоро фаб-
рики выгадываютъ отъ казны и лавочниковъ, а лавочники отъ
покупателей, — то и мнѣ нечего зѣвать. И началъ я, при удоб-
ныхъ случаяхъ, по примѣру многихъ приказчиковъ, покупать, на
фабрикахъ, товаръ и торговать имъ, въ хозяйской лавочкѣ отъ
себя. или хозяйскій товаръ сбывать подороже, хозяину показы-
валъ дешевле, а долю отжиливать себѣ; случалось, и тайкомъ отъ
хозяина продавалъ по 10 пачекъ ниже цѣны трактирщику, ка-
батчику, по ихъ наущенію, а деньги складывалъ себѣ въ кар-

манъ, благо хозяева меня не усчитывали. Потомъ ближе познакомился съ трактирщикомъ, кабатчикомъ и полѣзъ въ гору: они отъ меня пользовались нашимъ товаромъ, а я отъ нихъ тѣмъ, какой имъ попадалъ въ закладъ, или съ пьяныхъ, отвозилъ въ городъ, перепродавалъ ловкимъ людямъ, русскимъ, нѣмцамъ, чухнамъ, — кому придется, кромѣ евреевъ, съ которыми порвалъ всякія связи, чтобъ не попасть въ просакъ.

Все шло благополучно. Лѣтомъ фабричные по праздникамъ завели въ полѣ игры, хороводы. Я повадился къ нимъ, мнѣ приглянулась одна бойкая, краснощекая дѣвушка, слывшая и не строгою. Я пріударилъ за ней, наговаривалъ ей турусы на колеса, кормилъ ее гостинцами, дарилъ ей иногда по рублю, какъ это дѣлали и другіе, въ томъ числѣ мой пріятель кабатчикъ; увѣрялъ ее, что женюсь на ней, назывался, разумѣется, русскимъ и проч. Покуражившись нѣсколько, она потомъ поддалась на мою удочку съ помощью кабатчика. Я завелъ съ нею тайкомъ шуры-муры, да по глупости иногда откровенничалъ съ ней некстати о своихъ дѣлахъ, отчего она знала, что я при деньгахъ. Однажды, встрѣтившись на дорогѣ, она попросила у меня пять рублей.

— Что ты? Что ты? Какія, у меня деньги, Богъ съ тобой.

— Гдѣ хочешь достань, — а подай, потому паспортъ просроченъ, надо выправить новый, чтобъ мѣсто не потерять, на родину по этапу не угодить. Хоть укради, да подай, если любишь меня.

— Красть не смѣю, засудятъ.

— Для себя — крадешь смѣло, а для меня — опасно? Правда, значитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Ну, рубль, два, наконецъ три возьми, погоди, Малаша, раздобудусь къ воскресенью.

— Не рубль, не 3 и не 5 р., а красненькую чтобы ты мнѣ непремѣнно предоставилъ завтра же объ эту пору, когда на работу пойду; ежели-жъ не вынесешь — смотри, спокаешься: на тебя давно ужъ зубы точатъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ. — Она шмыгнула въ ворота и слѣдъ ея простылъ.

Днемъ мнѣ недосугъ было сообразить объ ея словахъ, а вечеромъ я, при свиданіи съ кабатчикомъ, спросилъ его совѣта.

— Иной бы зелененькую за глаза, а эта дѣвка бѣдовая и штобъ не набѣдокурила, — сунь ей синенькую, да и забастуй, а я ужо попоштую получше Ерофѣича (городоваго), такъ онъ скорѣе спровадитъ ее отселева, покеда не подвела тебя, да и мнѣ тогды, пожалуй, не сдобровать.

Сперва я не совсѣмъ довѣрялъ и кабатчику, а потомъ вспомнилъ, что Малашка знаетъ много лишняго, струсилъ и на третій ужъ день вечеромъ пошелъ къ дому, въ которомъ она жила, съ 10 р. въ карманѣ и попросилъ встрѣтившуюся женщину вызвать ее. Спустя этакъ, кажется, съ полчаса, калитка скрипнула и тѣнь задвигалась ко мнѣ.

— Одумался, наконецъ, со злостью произнесла она, ставъ

предо мной; но одумался ты ужъ поздно: эти двое сутокъ я не дремала, а многое такое про тебя узнала, что теперь мнѣ отъ тебя и тысячъ не надо...

— Отчего же? Скажи, пожалуйста, отчего такая перемѣна? Что могу, все для тебя сдѣлаю, только ради Бога не сердись...

— Сойдемъ съ дороги вонъ туда... въ сарай: я тебѣ скажу...

— И здѣсь никого, вѣдь, нѣтъ?

— Иди, говорю, безъ дальнихъ околичностей за мной...

Она произнесла эти слова такъ повелительно, что я молча послѣдовалъ за нею. Дорогою у меня отлегло отъ сердца: сарай служилъ намъ не разъ мѣстомъ свиданій и потому я полагалъ, что гнѣвъ тамъ измѣнится на милость. Въ сараѣ было, какъ всегда, разумѣется, темно, и я протянулъ было къ ней руки.

— Не смѣй меня трогать, заговорила она, ударивъ меня по рукѣ. Ты не русскій, а жидъ проклятый. Ты поганый...

Я стоялъ, какъ вкопанный.

— Эй, ребята, вотъ онъ, жидъ, надругался надо мной, русской, заступитесь, родненькіе, за меня, проучите его хорошенько.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ въ сарай влетѣли, съ зажжоннымъ фонаремъ, 4 рабочихъ, повалили меня, заткнули мнѣ ротъ и такъ меня отдували, что я съ трудомъ всталъ.

— Не взыщи, Абрашенька, на угощеньи: чѣмъ богата, тѣмъ и рада, ядовито сказала Малашка. Отъ сей минуты ты мнѣ николи больше не встрѣчайся: какъ увижу—въ тотъ же день донесу обо всѣхъ твоихъ каверзахъ, а вамъ, други мои сердечные, спасибо, большое, до земли, спасибо отъ меня за трудъ.

— Таперя ты, Абрамка, домой, а съ завтрашняго же дня чтобъ духу твоего въ нашемъ околодкѣ не пахло, продолжалъ кто-то. Мы давно до тебя, анафема, добирались и таперя натѣшившись—сыты. Послушаешь насъ—цѣлъ будешь, а останешься—не пеняй: на первой же осинѣ повѣсимъ тебя.

— Вѣдь она гуляла же съ другими и тѣмъ ничего, попытался было оправдываться.

— Тѣ, русскіе—особъ статья, а ты, жидъ, не моги.

— И заруби ты, паскуда эдакая, себѣ на носу, што жидамъ съ нашими, русскими, дѣвками якшаться нельзя.

Еле дыша, добрался я до кабака, выждалъ, покуда пріятель заперся и сообщилъ ему о случившемся; онъ меня побранилъ и настоятельно требовалъ, чтобы я скорѣй убрался подальше.

— Ребята наши сорванцы,—убить не убьютъ, а всю печенку отколошматятъ тебѣ навѣрняка, потомъ мы же съ тобой въ тюрьму угодимъ, заключилъ онъ.

Сказавшишь хозяину больнымъ, я, съ 220 рублями въ кармане, переѣхалъ въ другой конецъ города и нанялъ себѣ тамъ комнатку. На пути я невольно вспомнилъ Шмульку и самодовольно согласился съ нимъ, что лучше быть битымъ, но съ деньгами, нежели не битымъ и безъ денегъ.

На квартирѣ провалялся я недѣлю и въ это время впервые ощущалъ удовольствіе отъ денегъ: за нихъ хозяйка ухаживала за мною, варила и пекла для меня, что я хотѣлъ, всячески угождала мнѣ. Жажда къ деньгамъ еще болѣе выросла во мнѣ и я, разумѣется, не могъ удовлетвориться моимъ ничтожнымъ капиталомъ. Благодаря деньгамъ я познакомихся въ трактирѣ съ двумя франтами, которые за нѣсколько рублей взялись доставить мнѣ «очень выгодное мѣсто». Мѣсто это оказалось въ одномъ «Модномъ магазинѣ». Мѣсто дѣйствительно было очень выгодное. Въ этомъ «Модномъ магазинѣ» мастерицы, всѣ очень красивыя, вставали въ 12 часовъ, до вечера, зѣвая, валялись на мягкихъ креслахъ и диванахъ, а по вечерамъ всегда праздновались чьи либо «имянины», «рожденіе», или что нибудь другое. На „чай" сыпались рубли и отъ посѣтителей и отъ мастерицъ, и капиталъ мой повсе округлялся. Но полиція что-то вдругъ стала придираться къ моему еврейскому паспорту, и въ кварталѣ только съ тѣмъ условіемъ согласились оставить меня въ покоѣ, если я помогу раскрыть настоящее значеніе этого „Моднаго магазина". Нечего было дѣлать. Полиція нашла чегоискала, и „Модный магазинъ" былъ закрытъ.

Отдохнувши нѣсколько, поступилъ я въ «кассу ссудъ», да оттуда самъ бѣжалъ, изъ опасенія, какъ бы не попасть въ тюрьму: по приказанію хозяина, мы, прикащики, выдавали дутыя квитанціи, обмѣнивали вещи, и хозяина безпрестанно тягали въ судъ; кромѣ того 2—3 ночи въ недѣлю у насъ постоянно розыскивали краденыя вещи, которыя мы рѣдкій день не принимали въ закладъ, не покупали и не сбывали на толкучій, туда, гдѣ все пропадало: каждый почти лавочникъ имѣлъ дома мастерскую его ремесла, и мастеровые въ ночь всегда успѣвали передѣлывать хапаныя вещи на такой манеръ, что на слѣдующій день ими открыто торговали.

Перешелъ я, потомъ, въ магазинъ «мужскихъ платьевъ», но хозяинъ магазина ростовщичествовалъ, скупалъ векселя по 5, а продавалъ по 50 к. за рубль, что же касается вещей, то сюртукъ, напр., стоившій 20 р., если его отпускали въ долгъ на 3—4 мѣсяца, то ставили въ счетъ 40 р.; когда заказывали вещи изъ готоваго отличнаго матеріала заказчика,—матеріалъ этотъ подмѣнивали на худшій и пр. Попалъ я въ кухмистерскую и что же? Тамъ кормили всякою падалью, но, чтобы дураки не злились — подавали имъ эту падаль - молодыя дѣвушки, которыя своею миловидностью укрощали строптивые нравы посѣтителей, а они въ свою очередь старались, а нѣкоторые и успѣвали сбить съ толку дѣвушекъ. Былъ я и надсмотрщикомъ на водочномъ заводѣ, гдѣ крали спиртъ, поддѣлывали градусники въ ущербъ: хозяинъ—казнѣ, а рабочіе—хозяину.

Словомъ, я перемѣнилъ много, много разныхъ мѣстъ, и хотя

капиталецъ у меня былъ довольно-таки порядочный, но мнѣ это все еще казалось мало.

Но, протекшая бурная жизнь утомила меня, мнѣ захотѣлось отдохнуть, подкрѣпиться силами для новой битвы. Во мнѣ явилось желаніе посмотрѣть, какъ живутъ мои сородичи. Оказалось, что Шмулька содержалъ ужъ двѣ квартиры и лавчонку въ рынкѣ, что дѣти его обучаются въ русской школѣ, и что онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ.

— А сколько разъ за это богатство былъ битъ? спросилъ я.

— Что было — то прошло и нынче жаловаться грѣхъ — отвѣтилъ онъ.

Онъ снабдилъ меня нѣсколькими адресами.

— Столяришь, Аронъ? спросилъ я другаго, въ Коломнѣ.

— Какъ видите. Я не умѣлъ—это правда, но нужда научила, и я теперь мастерскую содержу, получаю постоянно заказы въ рынокъ, по домамъ и даже въ казенное мѣсто; за всѣми расходами въ мѣсяцъ рублей 20 барыша имѣю, и слава Богу. Осмотрите, пожалуйста, мое заведенье. Это мнѣ будетъ очень пріятно.

Въ 3-хъ конурахъ подвальнаго этажа было 6 верстаковъ, много разныхъ инструментовъ, досокъ и 5 рабочихъ: 3 еврея и 2 русскихъ.

— Около этого верстака я самъ работаю, пояснилъ Аронъ. Вотъ какое заведенье нажилъ, съ гордостью добавилъ онъ; оно стоитъ рублей 400, а я началъ съ ничего, но Богъ, да добрые люди всему помогли.

— И съ ними ладишь? спросилъ я, указывая на русскихъ.

— Ничего, хорошо: я ихъ не обижаю, они меня тоже; мы рядомъ трудимся. Вся разница между нами та, что гуляемъ: мы—по субботамъ, а они—по воскресеньямъ.

— По намъ, судырь, и еврей хорошъ, коли дѣло по чести ведетъ, и русскій—дрянь, ежели плутуетъ, вставилъ рабочій.

Короче, я находилъ евреевъ портныхъ, сапожниковъ, мѣдниковъ, позолотчиковъ, и у каждаго учениковъ, еврейскихъ-же мальчиковъ; были подмастерья и у часовщиковъ и даже у бриллiантщиковъ; въ типографiяхъ много наборщиковъ. Содержали большую часть мастерскихъ отставные солдаты-евреи, которые набирали къ себѣ соплеменниковъ, усердно распространяя среди нихъ ремесленныя знанія. Всѣ отзывались, что довольны, счастливы, а чѣмъ? Работою, не разгибая спины, по 12 часовъ въ сутки, тухлою селедкою, коркою черстваго хлѣба! На родинѣ голодали, лучшаго не видали, и это было для нихъ, разумѣется, счастьемъ!.. А я?.. Я, капиталистъ въ сравненiи съ ними, но, извѣдавъ много превратностей судьбы,—напротивъ, все еще считалъ себя несчастнымъ!.. Впрочемъ, люди разной бываютъ натуры, а потому понятно, отчего хорошее одного—противно другому. И мнѣ, человѣку неугомонному, какъ большому кораблю, нужно было и большое плаванье, такое широкое, раздольное плаваніе, какое выпадало на долю другихъ, ловкихъ моихъ соплеменниковъ.

Примѣры—вещь, вообще, заразительная, соблазнительная. И вотъ я отправился къ одному изъ такихъ вышедшихъ изъ ничтожества ловкачей-воротилъ, чтобы выхлопотать себѣ у него мѣсто, а въ сущности, чтобы научиться у него способамъ наживать. Послѣ долгихъ мытарствъ мнѣ, наконецъ, удалось пробраться въ пріемную. Тамъ я увидѣлъ роскошь удивительную, а на столахъ, на этажеркахъ книги, ноты, эстампы, — въ которыхъ бывшій Шлемка едва-ли понималъ какой нибудь толкъ. Но такъ какъ я явился къ нему безъ всякихъ рекомендацій, то моя просьба не была уважена; когда же я ему отдаленно намекнулъ на его собственное прежнее положеніе—то по его звонку два гайдука чуть не спустили меня съ лѣстницы.

Я очутился на улицѣ растерзаннымъ, и злоба, страшная злоба и ненависть закипѣла во мнѣ за свое безсиліе, и я почувствовалъ неописанную жажду къ обогащенію и мщенію всѣмъ, всѣмъ, кто подъ руку подвернется...

V.

Я твердо помнилъ, что вездѣ сильное значеніе имѣетъ полиція, которая во все вникаетъ, вмѣшивается, — стало быть, всѣ и все въ ея рукахъ; значитъ, въ полиціи-то могу я потягаться съ врагами, а главное—разбогатѣть, наивно заключилъ я. Настроенный такимъ образомъ, я въ тотъ-же день явился съ предложеніемъ своихъ услугъ къ тому самому квартальному, который нѣкогда обѣщалъ мнѣ выгодное занятіе. Онъ расспросилъ подробно, гдѣ и какъ провелъ я слишкомъ 3 года и задумался.

— Дѣльные люди намъ всегда нужны, а ты теперь дѣйствительно опытенъ, произнесъ онъ. Я принимаю тебя охотно, жалованья опредѣлю, глядя по трудамъ и заслугамъ, — но не меньше 40—50 р. въ мѣсяцъ; когда на розыски потребуются деньги—дамъ особыя; современемъ, если хорошенько отличишься—почетнымъ гражданствомъ, медалью, деньгами наградимъ; но если будешь: лѣниться—прогонимъ; щадить своихъ—вышлемъ на родину, подъ надзоръ полиціи; самъ сплутуешь—угодишь подъ судъ и туда, куда макаръ телятъ не загонялъ: вашего брата-сыщика присяжные, въ судѣ, лупятъ безпощадно, какъ сидорову козу. Вотъ тебѣ и всѣ условія.

Я согласился, и съ самаго же перваго дѣла, которое мнѣ было поручено, получилъ репутацію одного изъ первыхъ агентовъ. Молодая жена украла у своего мужа, стараго генерала, довольно крупную сумму и отдала ихъ своему любовнику, прокутившему ихъ съ своими пріятелями и пріятельницами. Подозрѣніе, которое поддерживало и молодая барыня, пало на горничную и ея жениха. Мнѣ удалось до мельчайшихъ подробностей вывести на свѣ-

жую волу всю эту исторію. По просьбѣ генерала, не захотѣвшаго обезчестить себя и свою жену, дѣло было замято. Я получилъ изрядный кушъ и пріобрѣлъ вѣчныхъ друзей въ освобожденныхъ изъ заключенія горничной Катѣ и женихѣ ея Терентьичѣ.

Первая удача весьма расположила меня къ сыскной части: мнѣ чрезвычайно нравилось одновременно однимъ — помогать, а другимъ—вредить. Впрочемъ, то и другое отражалось и на мнѣ самомъ: за добро—мнѣ платили, а за зло — мстили. Нерѣдко меня ласкали какъ спасителя, но часто и избивали до полусмерти какъ утопителя.

Съ цѣлію-же открыть преступленія я поступалъ въ услуженіе къ господамъ, на недѣлю-другую, покуда это нужно было; хаживалъ разносчикомъ фруктовъ, бывалъ парильщикомъ въ номерныхъ баняхъ; являлся къ мѣняламъ то покупателемъ, то сбывателемъ фальшивыхъ ассигнацій, акцій, купоновъ; мнѣ удавалось подговаривать достать и настоящаго и фальшиваго золота. Во многихъ притонахъ у меня были пріятели, пріятельницы; я зналъ примѣты на одеждѣ мазуриковъ, умѣлъ говорить по ихнему. Все это помогало мнѣ въ розыскахъ.

Раскрывать еврейскія преступленія мнѣ почти не случалось и вотъ по какимъ причинамъ: во первыхъ — я занимался исключительно крупными только казусами, а евреи-тузы чрезвычайно рѣдко доводили себя до скандаловъ; во вторыхъ, евреи-шестерки, которыхъ ловили,—покупали краденныя вещи, провозили контрабанду, получали деньги по подложнымъ документамъ, обманывали тѣхъ, кто поддавался и т. под., но все въ мелкихъ размѣрахъ, а эти маловажныя каверзы распутывали другіе; наконецъ, въ третьихъ, и самыя сыскныя дѣла распредѣлялись, за рѣдкими исключеніями, обыкновенно такъ: евреямъ поручалось искать виноватыхъ—русскихъ; полякамъ—евреевъ; нѣмцамъ— поляковъ, а русскимъ—всѣхъ безъ разбора; это дѣлалось для того, чтобы мы, агенты, не мирволили своимъ единовѣрцамъ.

Миновало года два горячей моей службы. Интересныхъ дѣлъ, которыя требовали ума, хитрости, ловкости, риску, постепенно уменьшалось, жажда мщенія также сильно ослабла во мнѣ: а *богатства* агентство мнѣ не предвѣщало; поэтому я подумывалъ и о перемѣнѣ своей дѣятельности на другую — полегче, поприбыльнѣе. Въ этомъ настроеніи застигла меня пропажа векселей, на 100 тысячъ, у одного банкира, котораго, за его скаредность, никто не жалѣлъ. Я случайно открылъ вора, который за молчаніе предложилъ мнѣ половину векселей, но я взялъ только одинъ въ 20000 руб., распрощался съ нимъ, розыскалъ векселедателя, освѣдомился о ходѣ его дѣлъ, образѣ жизни, познакомился съ нимъ и намекнулъ ему, что онъ можетъ выгодно купить свой вексель.

— Половину—10000 р.—съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ заплачу завтра же, съ радостью отвѣтилъ онъ. Вашу услугу вѣкъ не забуду, и въ компанію, по торговлѣ, охотно пріиму васъ (я назвался херсонскимъ купцомъ, торгующимъ чаями).

Мы условились сойтись на слѣдующее утро въ гостинницѣ на Выборгской сторонѣ, чтобъ вдали отъ центра безопаснѣе разсчитаться. На этомъ я полагалъ кончить сыскную службу. Но увы! судьба готовила мнѣ другую, горькую участь... Въ то время, какъ купецъ подалъ мнѣ деньги, а я ему — вексель, насъ задержали... Купецъ струсилъ и тотчасъ во всемъ признался, а я въ первый моментъ чуть не рехнулся отъ ярости, что такой кушъ вырванъ у меня изъ рукъ, а потомъ оправился, и постребовалъ, чтобы отослать насъ скорѣе къ моему начальнику, въ увѣренности, что онъ спасетъ меня. Дѣйствительно, начальникъ сильно хлопоталъ за меня, но это ни къ чему не повело.

— Ну, Абрашка, сказалъ онъ со вздохомъ, жаль мнѣ тебя, очень жаль, да все меньше, чѣмъ себя... Сколько я ни хлопоталъ, сколько ни распинался за тебя,—а вѣрно судьба ужь наша разстаться: отъ сей минуты—ты арестованъ.

Ноги мои подкосились, въ глазахъ помутилось, лицо вытянулось; я чувствовалъ, что лечу, лечу въ тартарары; я опалѣлъ.

— Я предупреждалъ тебя, что съ твоимъ умомъ въ чины произойдешь, или на каторгу попадешь; ты выбралъ послѣднее — и пеняй теперь на себя одного... Сильно, впрочемъ, не горюй: дальше Сибири не ушлютъ, а солнце и тамъ свѣтитъ. Спасибо тебѣ, искреннее мое тебѣ спасибо за службу и за то, что между тѣмъ никуда не утёкъ, хотя для тебя, человѣка ловкаго, да еще денежнаго,—это плевое дѣло было сдѣлать. Съумѣешь выпутаться—радъ буду, опять приму непремѣнно, а нѣтъ—Богъ тебѣ судья и покровитель. Прощай, братъ, и не поминай лихомъ. Эй, препроводить его въ Н-скую часть, подъ усиленнымъ, какъ слѣдователю угодно, конвоемъ. Онъ поспѣшно удалился, точно громомъ сразивъ меня...

Долго-ли стоялъ я въ оцѣпенѣніи—не помню.

— Много народу спровадилъ ты, Абрашка, въ часть, пойдемъ же и самъ туда отвѣдать: какова жисть подъ замкомъ, кольнулъ мнѣ въ душу городовой.

Я шолъ по улицѣ, точно сквозь строй, съ наслажденіемъ въ дребезги разбилъ-бы себѣ голову объ любую стѣну, бросился бы въ канаву, еслибъ проводники мнѣ не мѣшали...

— Ба! Арбашка, это ты, удивленно спросилъ смотритель части, прочитавъ бумагу о моемъ заарестованіи. Пора, давно бы ужь пора тебѣ, пожаловать въ гости къ намъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Отвести его въ общую камеру, приказалъ онъ городовому, да сказать, чтобы приняли *съ почетомъ* дорогаго гостя.

— Ребята! примите-ка съ уваженіемъ г. маіора (фискала); онъ разстриженъ, ей Богу разстриженъ, крикнулъ буточникъ, впустивъ меня въ корридоръ къ камерѣ.

— А-а! Абрамъ Хаимовичъ, наше вамъ почтенье, началъ кто-то; сановитый іерусалимскій дворянинъ, милости просимъ къ намъ хрястать (ѣсть), продолжалъ другой, не угодно ли вамъ великатный мочальникъ чиновникомъ (папиросой) затянуться, коли достанете зайчика (спичку), вмѣшался третій. Што вы его, анафему, цѣлымъ чиновничкомъ поштуете, коли съ него и обшибка (окурокъ) довольно, перебилъ четвертый, а еще лучше лягушкой его, лягушкой (кнутъ, свитой изъ веревки), прохвоста, потому ухъ какъ много, по его милости, нашей братіи втрекалось. — И меня избили такъ, что я сильно захворалъ и меня вынуждены были отправить въ больницу.

Лежа въ больницѣ, я о собственномъ дѣлѣ ровно ничего не зналъ, узнать было не отъ кого, и я мучился вопросомъ: что стало съ моимъ состояніемъ? Вдругъ служитель позвалъ меня, однажды, на свиданіе. Посѣщать меня было положительно некому; я спросилъ: не шутитъ-ли, онъ повторилъ, что меня ждетъ молодая женщина, одѣтая барынею. Это меня еще болѣе заинтересовало, я вышелъ въ корридоръ и остолбенѣлъ: предо мною стояла, раскраснѣвшись, бывшая горничная Катя.

— Вы какъ сюда попали? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Очень просто: вы долго къ намъ не заходили, мы не знали, чему это приписать, мужъ справился, узналъ, что васъ несчастіе постигло, я сюда, назвалась вашею сестрой, и меня впустили. Вотъ и все, ласковымъ, но дрожащимъ голосомъ, проговорила она. Посѣщать узниковъ въ темницахъ и самъ Богъ велѣлъ. Чѣмъ можемъ вамъ отслужить, говорите: на сколько хватитъ моего женскаго разума—я отъ души помогу вамъ; мужъ тоже. Онъ сегодня поопасался идти со мной, какъ бы чего не случилось, а какъ я одна узнала отъ солдата, за 30 к., всѣ здѣшніе порядки, — то и Иванъ Петровичъ въ слѣдующее воскресенье явится.

Я слушалъ ее, но не вѣрилъ ушамъ своимъ; мнѣ мелькнула было даже мысль: не подослана ли она что нибудь пронюхать отъ меня? но ея милые глаза, безхитростная рѣчь, открытая душа— все это отогнало отъ меня недостойную мысль. Я прослезился отъ умиленія и крѣпко, крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку, не сказавъ ни слова: языкъ прилипъ къ гортани отъ неизвѣданныхъ еще ощущеній.

— Еслибъ не вы — я вѣдь погибла бы навѣрное, потому и хочу хоть чѣмъ нибудь и вамъ отслужить.

— Я отъ всѣхъ тогда получилъ деньги за свой трудъ и никто, какъ и вы, не въ долгу больше у меня.

— Ну, нѣтъ: деньги—это пустяки, а доброта человѣка—вотъ что важно. Что вамъ нужно, скажите по-нѣмецки: я маракую маленько и пойму васъ, а другіе насъ не разберутъ.

Мы пробесѣдовали съ часъ. Она повѣрила моей невинности, и, уходя, подала мнѣ узелокъ съ чаемъ, сахаромъ и жареною курицею. Цѣлую недѣлю я потомъ провелъ въ самомъ восторженномъ настроеніи и ждалъ вторичнаго свиданія съ Катериною Ивановной, точно пламенный любовникъ. Наконецъ она явилась опять съ мужемъ, съ разными припасами, и такъ каждое воскресенье. Эти воскресенія были для меня истиннымъ благодѣяніемъ и спасли меня отъ отчаянія.

Въ арестантской камерѣ, куда меня перевели изъ больницы, я очутился среди русскихъ и, не желая возстановлять ихъ противъ себя—назвался тоже русскимъ, пообѣдалъ съ ними, и прилегъ на нару отдохнуть. Меня позвали въ контору.

— Ты вѣдь сыщикомъ былъ, сказалъ начальникъ, а такіе люди и здѣсь нужны: слѣди за всѣмъ, что дѣлается промежъ товарищей и обо всемъ доноси мнѣ.

— Увольте, пожалуста, меня отъ этой обязанности: мнѣ и безъ того ужъ жутко.

— Я приказываю не даромъ: табакъ, чай, сахаръ, удвоенную порцію получать станешь, отъ работъ освобожу.

— Покорно благодарю. Не могу.

— Жидъ, а отъ выгоды отказываешься?—это удивительно! И безъ тебя обойдусь, а ты, смотри у меня, если въ чемъ попадешься,—въ карцерѣ заморю. Пшелъ.

— Остерегайтесь, ребята, этого жида: онъ фискаломъ служилъ, предупреждалъ надзиратель моихъ сожителей, на вечерней перекличкѣ. Жиды народъ аховый и вредитъ русскимъ—по ихъ закону.

Сказаннаго было совершенно достаточно, чтобъ меня снова избили. Я клялся, что никого ни въ чемъ не выдамъ, и меня отпустили. На утро вытребовали меня въ контору.

— Жидамъ русской пищи не полагается, а вотъ кормовыя деньги, на нихъ сторожъ купитъ тебѣ, какъ и другимъ, хлѣба, селедку, луку, перцу, а пожалуй и чесноку: жиды вѣдь любятъ чеснокъ.

— Езели по насимъ законамъ ѣсть сци не мозно, потому они трефніе, то ми не виновату, оправдывался пожилой еврей, стоя сзади меня.

— Мошенничать—не грѣшно, а наши щи ѣсть—грѣшно? Въ карцеръ его, паршиваго, чтобъ помнилъ, что говоритъ. Самихъ только вѣдь и хватаетъ на подлоги, поддѣлки, сбытъ фальшивыхъ бумажекъ, векселей, на всякаго рода хитрыя выманиванія денегъ, а туда же трефное? Я васъ выучу, какъ считать русскихъ хуже себя.

Въ два-три дня я убѣдился, что довольствоваться кормовыми деньгами, значитъ жить впроголодь и быть въ полной зависимости отъ сторожа, и я просилъ поэтому у начальника, чтобы мнѣ позволили ѣсть русскую пищу.

— Ты, жидъ — и ѣшь чеснокъ; по закону вамъ деньгами слѣдуетъ, ну и давись ими.

— Я не пренебрегаю русскою пищею, а съ удовольствіемъ буду ее ѣсть: она вкусная, хорошая.

— Хочешь ѣсть русскую пищу — впередъ крестись въ нашу вѣру, а потомъ милости просимъ; жиду же по закону нельзя.

— Собственно изъ за пищи мѣнять вѣру? Да помилуйте... Вы сами же послѣ скажете, что я вѣропродавецъ.

— Ну, такъ чортъ съ тобой.

Дѣлать было нечего: остался я на кормовыхъ, которыя были убыточнѣе и тѣмъ еще, что русскіе сидѣли себѣ спокойно въ мастерскихъ и зарабатывали деньги, а мы, евреи — цѣлое утро возжались со своимъ кормомъ. Стряпая, мы, впрочемъ, познакомились другъ съ другомъ.

Насъ было человѣкъ десять и дѣла ихъ были почти одинаковаго содержанія: все больше мелкія плутни. По совѣту одного изъ евреевъ я попросилъ, чтобы мнѣ позволили провѣтрить мои вещи, которыя находились въ цехъ-гаузѣ, изъ опасенія, чтобы онѣ не сгнили.

— Это еще зачѣмъ? озадачилъ меня надзиратель. Сгніютъ — туда имъ и дорога, да еслибъ и вы всѣ жиды сгнили—я бы только порадовался: меньше бы пархатыхъ осталось.

— Но моя просьба законна...

— Зак-конна? передразнилъ онъ меня. Ты добиваешься по закону? Нѣтъ, шалишь: законъ не для васъ, жидовъ, а ты, коли чего добиваешься, валяйся у меня въ ногахъ, лижи мнѣ сапоги, такъ сдѣлаю, а не хочешь—шишъ получишь. Кланяйся же мнѣ въ ноги, проси—прощу, нѣтъ—зубы разобью.

Я предпочелъ въ ногахъ валяться, но толку добился тогда только, когда мнѣ прислали изъ моихъ денегъ 330 р., изъ которыхъ я вправѣ былъ тратить на свое существованіе. Съ этихъ поръ я значительно поднялся въ глазахъ всѣхъ: и товарищи, прежде брезгавшіе допускать меня, жида, къ своей пищѣ, — теперь охотно приглашали меня „покушать“ съ ними; и сторожъ, котораго съ трудомъ удавалось упросить сходить въ лавку за картофелемъ — теперь самъ напрашивался на посылку его за сливками; и надзиратель, не разъ пырявшій меня въ бокъ за то, что я медленно мелъ корридоръ, не быстро вытягивался предъ нимъ въ струнку—вѣжливо теперь здоровался со мной, даже предложилъ мнѣ: не хочу ли въ старосты, вмѣсто убывшаго на волю и т. д. Старосты играли начальническую роль надъ товарищами и цѣлый день прогуливались по тюрьмѣ; поэтому и я пожелалъ въ старосты.

— За твое поведеніе я готовъ тебя сдѣлать старостой, отозвался онъ; но ты жидъ, и русскимъ обидно покажется подчиняться жиду, хотя и изъ жидовъ бываютъ хорошіе люди, а потому извини—не могу, не могу, а касательно прогулокъ тебя не стѣснятъ: можешь гулять по саду, хоть 5 разъ въ день.

Самое скучное время было по праздникамъ, днемъ послѣ свиданій: русскіе — уходили въ столовую слушать поученія священника, а мы оставались, по одному, въ отдѣленіи. Разъ еврей пожелалъ въ столовую.

— Опоганить нашу вѣру? Нельзя, нельзя, отозвался нашъ властитель.

— Такъ прикажите послать хоть за раввиномъ, чтобъ онъ съ нами побесѣдовалъ.

— А гдѣ искать твоего пархатаго раввина?

— Здѣсь, въ городѣ, его всѣ знаютъ.

— Коли онъ раввинствуетъ, такъ самъ долженъ заботиться объ васъ, а не на арканѣ тащить его сюда. Не кажетъ онъ къ вамъ глазъ потому, что самъ тоже вѣрно шахруетъ и боится, какъ бы и его не заперли подъ замокъ.

За свое происхожденіе евреи въ тюрьмѣ терпѣли вообще множество невзгодъ и непріятностей: надъ ними всѣ потѣшались, ихъ презирали, на нихъ сваливали всякіе скандалы, хотя они жили тише воды, ниже травы, а только вѣчно все просили, но имъ во всемъ отказывали, если они были бѣдны; съ деньгами же и еврею жилось не хуже русскихъ, а случалось и лучше. Мнѣ, напримѣръ, позволяли и слушать поученія священника, и бывать даже въ церкви, а скопцовъ, людей богатыхъ, отъ которыхъ всѣ поживались,—чуть ни на рукахъ носили. Все это укрѣпляло во мнѣ убѣжденіе, что деньги на свѣтѣ дороже всего, во всякомъ положеніи.

Насталъ, наконецъ, роковой день моего судьбища. Какъ я старательно къ нему ни готовился, какъ ни обѣщалъ защитнику запастись хладнокровіемъ — обстановка суда сильно потрясла меня, и я лишь съ величайшимъ усиліемъ овладѣвалъ собой.

Послѣ допроса свидѣтелей и рѣчей, которыя произнесли прокуроръ и адвокатъ мой, предсѣдатель предложилъ мнѣ послѣднее слово. Кровь бросилась мнѣ въ голову и я заговорилъ, что поступилъ въ агенты ради собственно того, чтобы не угодить на родину въ наручникахъ; чтобъ смѣло смотрѣть въ глаза каждому; чтобъ избавиться отъ безчисленныхъ притѣсненій, какія выносятъ евреи, эти, точно прокаженные, судьбою гонимые, вѣчные скитальцы, бобыли; что прослужилъ я агентомъ около 2-хъ лѣтъ и въ теченіи этого времени спасъ не одну жизнь, не одинъ десятокъ семействъ отъ страданій, отъ раззореній—открытіемъ множества самыхъ разнообразныхъ преступленій. Господинъ прокуроръ сказалъ, что я, какъ еврей, жаденъ къ деньгамъ и потому совершилъ преступленіе. Но не одни евреи жадны до денегъ, а жадность эта обуяла, какъ видимъ на каждомъ шагу, въ одинаковой степени съ евреями, и русскихъ, нѣмцевъ, французовъ, татаръ, грековъ, всѣхъ, всѣхъ и каждаго, къ какой бы кто вѣрѣ ни принадлежалъ; да и понятно отчего: безъ денегъ никто жить не можетъ какъ хочется, человѣка бѣднаго повсюду унижаютъ, оскорбляютъ, тогда какъ съ деньгами, особливо съ большими—привольно дышется вездѣ, начиная отъ великолѣпныхъ чертоговъ и кончая мрачными тюрьмами... Меня прервали и велѣли говорить только относящееся къ дѣлу. Но я уже не могъ удержаться, наговорилъ дерзостей и судьямъ, и меня вывели изъ суда...

Меня приговорили на $2^1/_2$ года въ гражданскія арестантскія роты.

Въ пересылочной, куда меня перевели послѣ объявленія приговора, всѣмъ жилось свободнѣе, нежели въ тюрьмѣ, и что для меня было особеннымъ утѣшеніемъ—это частыя свиданія съ Терентьевыми, которыхъ преданность ко мнѣ превосходила всякіе предѣлы. Наканунѣ отправленія, я, при прощаніи, глядя на Катерину Ивановну, расплакался, какъ ребенокъ: я чувствовалъ, что безкорыстное участіе этой женщины поддерживало во мнѣ бодрость, надежду на что-то; что присутствіе ея меня и въ каторгѣ избавило бы отъ разочарованія жизнію. Цѣлую ночь я глазъ не сомкнулъ: я съ завистью думалъ, какъ счастливъ Терентьевъ женою, миловидный образъ которой стоялъ предо мной, манилъ меня куда-то вдаль, сулилъ мнѣ радость, блаженство... Я сознавалъ, какъ, напротивъ, несчастливъ я, тщетно искавшій счастья и не нашедшій его нигдѣ и ни въ чемъ... Я увѣрялъ себя, что еслибы я прежде наткнулся на такую женщину,—я бы и съ бѣдностью, а можетъ быть и съ горькою нищетою, примирился, лишь бы владѣть столь кроткимъ, добродѣтельнымъ существомъ. Но увы! все это было запоздалыя, несбыточныя ужъ мечты, фантастическія грезы, которыя были прерваны чьимъ-то крикомъ: «вставать, одѣваться въ походъ»...

— Твоихъ, Шмулевичъ, у меня 318 р., обратился со мнѣ сопровождавшій насъ къ мѣсту назначенія офицеръ. Сейчасъ еврей видѣнъ: вездѣ съ деньгами. Евреи, слышалъ я, и въ могилу кладутъ покойникамъ деньги, чтобъ на томъ свѣтѣ отъ ада, у чертей, откупаться. Правда, ребята?

— Вѣстимо правда; на то жиды и хитрость эдакую, чертовскую, имѣютъ, отозвались арестанты.

— Я не хочу въ заковку съ жидомъ, ни за что на свѣтѣ не хочу, кричали русскіе, вырываясь отъ солдатъ, которые хотѣли заковать ихъ вмѣстѣ со мною.

— Ваше бродье, никто съ этимъ жидомъ не заковывается, доложилъ ундеръ, подведя меня къ партіонному за болтавшійся наручникъ. Какъ прикажете?

— Это съ тобой, Шмулевичъ? Не желаешь ли въ кандалы?

— Будьте столь добры, разрѣшите меня вовсе не заковывать? Я, ей-Богу, не убѣгу.

— Нельзя: ты не дворянинъ, не чиновникъ.

— Извините, ваше бродье: дворянинъ, да еще израильскій и маіоромъ былъ, вставилъ кто-то.

— Эй, старичокъ, закуйся, пожалуйста, съ нимъ; онъ хоть и еврей, а тоже человѣкъ.

— Слушаю, батюшка, слушаю; по мнѣ хоть съ самимъ сатаной, все единственно: у меня на шеѣ хрестъ.

— Молодецъ, старикъ, молодецъ. Дорогой освобожу за это. И онъ дѣйствительно сдержалъ слово, хотя за это меня обсчиталъ порядкомъ, но мнѣ денегъ не было жалко.

Наконецъ мы прибыли къ мѣсту назначенія. Начальникъ роты принялъ насъ строго, изложилъ свои правила, и пуще всего запретилъ жаловаться.

— А ты, жидъ, обратился онъ ко мнѣ, кромѣ всего, что слышалъ, помни еще, что жидамъ никакихъ порціоновъ на руки не дается, а ѣшь, что варятъ для всѣхъ: здѣсь не трактиръ, чтобы разносолы дѣлать.

— Я очень радъ общей пищѣ, отозвался я, вспомнивъ, какъ мучился въ тюрьмѣ съ кормовыми.

— Радъ — не радъ, а это мое правило — для васъ не измѣняется. Шабашовать тоже не позволяется, а гуляй вмѣстѣ съ прочими по воскресеньямъ: отдѣльно караулить васъ, жидовъ: дома—по субботамъ, а на работѣ—по воскресеньямъ, не стоитъ; по воскресеньямъ же и молись хоть до тошноты въ камерѣ, покуда народъ въ церкви. Всѣ свои тфиленъ-шпиленъ, цицесъ-мицесъ и другія тамъ молельныя ваши штуки къ чорту до выхода отсюда, а то могутъ ими и удавиться, чего добраго. Жидовъ за то, что они изъ трусости передъ розгами не курятъ, не пьянствуютъ и не дерутся—одобряю, а за то, что канючатъ легкой работы, фискалятъ, разводятъ переписку о какихъ-то своихъ правахъ — ненавижу. Это ты тоже заруби себѣ на носу.—А кто изъ васъ какое ремесло знаетъ? отнесся онъ уже ко всѣмъ.

— Я портной, я сапожникъ, я столяромъ былъ, отозвались мои товарищи.

— Ты жидъ, какъ всѣ вы, только торговать, вѣдь, умѣешь?

— Лакейскую часть знаю, порядочно читаю, пишу по-русски, счетоводствомъ, канцелярскими дѣлами могу заниматься.

— И лакейство, и писарство, и счетоводство—все это легкая, жидовская работа. Это мнѣ давно ужъ извѣстно, но ни на что не нужно, негодно. Эй, отвести ихъ во взводъ и съ завтрашняго же дня на работу.

Мы очутились въ мрачной казармѣ, сняли съ себя свои вещи, которыя куда-то унесли, а сами надѣли казенныя: грубѣйшаго холста бѣлье, сапоги, суконныя, сѣрыя брюки, куртки; намъ дали по такой же шапкѣ, по полотенцу, по рогожѣ, подушкѣ, набитой мочалою, отвели каждому изъ насъ мѣсто на нарахъ, гдѣ спать, цирюльникъ сбрилъ намъ бороды, усы, остригъ, подъ гребенку, наши волосы и удалился. Въ комнатѣ никого, кромѣ насъ, не осталось. Мы осмотрѣлись вокругъ, но не нашли, на чемъ бы и взоръ остановить: закоптѣлыя стекла въ окнахъ, заржавленныя рѣшетки, нары, рогожки, грязныя подушки, ушаты, чашки, ложки, ведерца, и кое-какія тряпки, — все это никакого интереса не представляло. Часа два-три просидѣли мы на нарахъ въ тоскливомъ раздумьи о томъ, что ждетъ насъ впереди?

Завечерѣло, смерклось. Дверь отворилась, въ комнату нашло, тяжело вздыхая, человѣкъ 20, одѣтыхъ такъ же, какъ мы; со многихъ капала дождевая вода. Всѣ молча брали, съ полокъ,

чашки, ложки, куски хлѣба, внесли ушатъ, изъ котораго клубился паръ; изъ этого ушата налили, въ чашки, жидкости, и всѣ начали ѣсть. На насъ никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

— Ребята! это новенькіе, рекомендовалъ насъ компаніи вошедшій на минуту ундеръ. Варить про нихъ. какъ вы знаете, ничего сегодня не варили. а ѣсть они, чай, тоже хотятъ; такъ подѣлитесь съ ними чѣмъ Богъ послалъ.

— Бурды не жаль: погодите, поѣдимъ и тогда дадимъ, а завтра свои заведите ложки, чашки, чайники, кружки, ежели будете чаевать: казеннаго ничего не полагается.

Когда всѣ поѣли и полѣзли на нары, изъ ушата вылили остатки щей въ большую чашку, собрали корки, куски хлѣба, и все это предложили намъ. Мы, съ ранняго утра ничего не ѣвшіе, рады были и этой пищѣ, которую собака зажиточнаго хозяина едва-ли стала бы лакать. Вслѣдъ за тѣмъ явились караульные: офицеръ, солдаты съ ружьями, нашъ ундеръ; пересчитали насъ, вышли, заперли на замокъ, народъ повалился по нарамъ и вскорѣ же захрапѣлъ богатырскимъ сномъ. Ни разговоровъ, ни шутокъ, ни сѣтованій я никакихъ не слыхалъ; это меня удивило, и я спросилъ сосѣда по нарѣ, отчего всѣ такъ угрюмы, молчаливы, какъ покойники.

— Чудакъ ты, я вижу: какъ съ 5 утра до 9 вечера проработаешь, подъ открытымъ небомъ, въ жару, въ дождь, такъ забудешь и кто ты есть. Завтра на своей шкурѣ спробуешь, какова тутъ жисть и дивиться перестанешь, а таперя спи, покуда можно.

И я это испыталъ. . . . .

Дальше разсказывать нечего...

В. Никитинъ.

I.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ И ИНТЕРЕСЫ РОССІИ.

Появленіе настоящей статьи требуетъ нѣкотораго поясненія: она имѣетъ, такъ сказать, свою исторію. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ въ московскомъ изданіи *День* И. С. Аксакова сдѣлана была попытка поставить разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи въ зависимость отъ нескончаемаго спора о значеніи и достоинствѣ Талмуда.

Для повѣрки дѣльности и отчасти добросовѣстности этой во всякомъ случаѣ небезъинтересной попытки, съ разныхъ сторонъ приступлено было къ собранію матеріала, который тогда же получилъ обработку въ формѣ настоящей статьи. Но прежде появленія ея въ печати, двое публицистовъ изъ христіанъ, имена которыхъ не должны бы быть преданы забвенію — гг. Живаревъ и Мельгуновъ — доказали несостоятельность ученаго и логическаго аппарата, воздвигнутаго стараніями *Дня.*

Казалось бы, тутъ и дѣлу конецъ: *День* уже болѣе не существуетъ и предложенной имъ постановкѣ вопроса минула слишкомъ десятилѣтняя давность. Но посѣянное сѣмя взошло: ученый видъ противниками евреевъ отброшенъ, но въ популярной формѣ на всевозможные лады повторяются и не перестаютъ повторяться все одни и тѣже аргументы; лишь имена авторовъ другія. Въ виду этого статья, покоившаяся столько времени подъ спудомъ, совершенно неожиданно получила

интересъ современности, — и мы рѣшились помѣстить ее на страницахъ «Еврейской Библіотеки».

Что касается до автора, то его имя не особенно интересно для публики и вовсе не интересно для дѣла, которому хотѣлось послужить. Stat nominis umbra.

I.

ЧТО ТАКОЕ ТАЛМУДЪ?

Non ego tibi, sed causa
causae respondit.
Hieronym.

Еврейскій вопросъ имѣетъ у насъ свою исторію и литературу, своихъ дѣятелей и донкихотовъ, свои практическіе результаты и свои опредѣленныя фазы. Чѣмъ только не старались затормозить его и безъ того не слишкомъ быстрое движеніе! Евреевъ казнили за хроническое душегубство; за то, что между ними есть не мало разжившихся господъ, отчасти весьма таки дряннаго свойства; за близкое родство съ афганами, до сихъ поръ не покидающими своихъ кровожадныхъ привычекъ; наконецъ за то, что просто евреи возмущаютъ душу.

Въ настоящее время эти дѣтскіе пріемы уступили мѣсто другимъ — болѣе важнымъ и даже отчасти философическимъ. Что такое Талмудъ и что такое чистый Іудаизмъ? — вотъ какими вопросами теперь волнуются у насъ противники евреевъ.

Но если бы евреямъ пришлось ждать своей эманципаціи до тѣхъ поръ, пока ея противникамъ не удастся разрѣшить эти капитальныя недоразумѣнія, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что пришлось бы ждать очень и очень долго. Намъ кажется, что на самихъ евреяхъ нѣкоторымъ образомъ лежитъ грустная обязанность помочь своимъ критикамъ сойти съ безнадежной мели, на которую они наткнулись, создавая еврейскому дѣлу искусственныя препятствія.

— Итакъ, что такое Талмудъ?

Отвѣчаемъ: Талмудъ есть почтенный памятникъ прогрессивныхъ стремленій въ религіозной исторіи евреевъ, и въ подтвержденіе нашихъ словъ просимъ читателя не пропустить безъ вниманія слѣдующихъ соображеній.

Юридическая и обрядовая часть Ветхаго Завѣта получила характеръ законченнаго кодекса въ то время, когда евреи впервые утратили свою политическую независимость подъ вліяніемъ напора могучихъ восточныхъ народностей. Составленный въ интересѣ жреческаго сословія, этотъ кодексъ не столько отражаетъ тогдашній бытъ, сколько представляетъ схему, идеалъ, начертанный жрецами. Народъ видѣлъ въ немъ «Моисеевъ Законъ», потому что отождествлялъ свои вѣрованія съ вѣрованіями моисеевыми. Этотъ кодексъ возникъ и получилъ характеръ общепринятой нормы въ эпоху великихъ народныхъ бѣдствій, въ эпоху, потерявшую вѣру въ самое себя, расположенную къ покаянію, къ религіозно-обрядовой жизни, когда громовую революціонную рѣчь пророковъ смѣнилъ псалмопѣвецъ, одиноко въ тиши оплакивающій горькую судьбу своего народа, когда ясновидецъ-агитаторъ, говорящій къ народу, уступилъ мѣсто элегическому пѣвцу, говорящему только къ Богу. Среди всеобщаго плѣна вавилонскаго религіозная идея стала еще живѣе въ народѣ, основная мысль іудейства, признаніе единаго Бога, глубже проникла въ сознаніе, и народъ тѣмъ охотнѣе подчинялся идеалу жреческаго кодекса, что замкнутое сословіе жрецовъ было самымъ виднымъ представителемъ національныхъ стремленій. Съ этимъ сословіемъ была связана надежда на возстановленіе національнаго богослуженія въ Іерусалимѣ, на политическую самостоятельность. Въ Вавилонѣ родилась потребность приложить жреческій кодексъ къ новой обстановкѣ, но онъ былъ расчитанъ на иныя условія, на Іудею. Затрудненія, разумѣется, не уменьшились, когда вслѣдъ за кратковременнымъ плѣномъ, послѣдовало возстановленіе государственнаго быта. Прежній обрядовой и юридическій кодексъ не соотвѣтствовалъ жизни, а замѣнить его новымъ было невозможно, потому что онъ содержалъ въ себѣ «слово Божіе».

Вообще тогдашній еврей съ одной стороны былъ связанъ божественнымъ закономъ непогрѣшимымъ, все предусмотрѣвшимъ для будущихъ поколѣній; съ другой стороны, онъ сталкивался съ новыми идеями, съ новыми потребностями жизни. При несокрушимой вѣрѣ въ «Божіе слово», ему предстоялъ двоякій исходъ. Онъ могъ дѣйствительно не выходить изъ круга, очерченнаго

библейскимъ идеаломъ, такъ поступили отчасти секты Самаритянъ и Караитовъ. *Смотри на Божіе слово съ одной стороны, смотри на него съ другой стороны: въ немъ все заключается,* — таковъ былъ другой путь, и его то избрали евреи. Правда, библія есть Божіе слово, но потому самому въ ней содержатся не только идеи прошедшаго, но и вѣрный залогъ примиренія этого прошедшаго съ требованіями настоящаго и будущаго: стоитъ лишь посмотрѣть на слово Божіе не только съ одной, но и съ другой стороны.

Такое консервативно-прогрессивное движеніе, однако, немыслимо для насъ безъ нѣкотораго произвола. Произволъ, нѣтъ сомнѣнія, былъ и даже иногда доходилъ до насилія. Въ библейское слово нерѣдко вносилось иное, ему чуждое содержаніе. Совершенно справедливо, что библейскому, неизмѣнному, *писанному* закону подкладывался различный смыслъ; правда и то, что въ *изустномъ*, подвижномъ, къ разнообразнымъ потребностямъ примѣняющемся коментаріи ему подготовлялась, можетъ быть, смѣна. Но тотъ бы обнаружилъ странное отсутствіе историческаго пониманія, кто вздумалъ бы упрекать евреевъ того времени въ сознательно-недобросовѣстномъ обращеніи съ текстомъ Св. Писанія. Для мыслящаго наблюдателя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что евреи поступали въ этомъ случаѣ bona fide: мы не боимся упрека въ парадоксальности, если скажемъ, что для евреевъ того времени прогрессъ возможенъ былъ лишь подъ условіемъ не только неразрывной связи съ текстомъ Св. Писанія, но и извѣстной доли произвольнаго обращенія съ этимъ текстомъ. Произвольное обращеніе вытекало изъ чрезмѣрнаго уваженія.

Итакъ, продолжать свою жизнь въ тѣсно-очерченномъ кругу строго-библейскихъ понятій было невозможно; это значило бы отречься отъ всякой жизни, не только отъ исторической. Подвергнуть обветшавшій кодексъ коренной переработкѣ — это былъ бы еще болѣе неестественный скачокъ, скачокъ, которому исторія ни одного народа въ мірѣ не представляетъ примѣра. Оставалось одно: старое по возможности почтительно обновлять. Изъ такихъ жизненныхъ потребностей возникла та система безпрерывныхъ коментаріевъ къ Св. Писанію, которая развивалась въ іудействѣ слишкомъ тысячу лѣтъ. Она тѣмъ легче къ нему привилась, что институтъ изустныхъ коментаторовъ, наставниковъ народныхъ, не былъ новизной у евреевъ. И въ прежнее время, при господствѣ обычнаго права, жрецы и судьи содѣйствовали устройству общественной жизни изустными постановленіями и рѣшеніями. И тогда рядомъ съ судьями и жрецами существовали еще пророки—люди мысли, народные вожди, ораторы и поэты. Соотвѣтственно съ дѣятельностью древнихъ судей и пророковъ, коментаріи, служившіе литературнымъ выраженіемъ умственнаго движенія того времени, были двоякого рода: одни нормировали жизнь обрядовую и юридическую, приводили эту норму въ соотвѣтствіе съ библейскимъ текстомъ. На языкѣ тогдашнихъ евреевъ это значило установлять *Галаху*. Наука же и поэзія, все, что не имѣло характера обязательной нормы-галахи, также примыкало къ библейскому слову, но болѣе свободнымъ образомъ, и поэтому вмѣщалось въ иной родъ коментаріевъ, носившихъ названіе—*Агады*. Галаха была закономъ, признаннымъ въ государствѣ, Агада же дѣломъ личнаго призванія. И та и другая входитъ въ составъ такъ называемаго изустнаго ученія и впослѣдствіи получаетъ названіе *Талмуда* въ обширномъ значеніи слова.

Изучая Галаху въ ея историческомъ развитіи, мы не должны терять изъ виду двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны, ея неизмѣнный корень — Св. Писаніе, съ другой — измѣнчивыя условія политической и религіозной жизни, которыя порождали новыя требованія и новые законы. Вотъ тѣ двѣ точки, между которыми вращался и за предѣлы которыхъ не могъ, да и не желалъ выйдти тогдашній талмудизмъ. Возникаетъ, напримѣръ, вопросъ: какъ относится Талмудъ къ не-евреямъ? Однимъ собраніемъ и сопоставленіемъ разнообразныхъ изрѣченій по этому предмету мы мало выиграемъ: противорѣчія обнаружатся на каждомъ шагу. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается разнообразіе взглядовъ въ Талмудѣ, оправдываемое соотвѣтственнымъ разнообразіемъ въ самомъ Св. Писаніи. Современная наука открыла, что по вопросу о нетерпимости къ не-евреямъ существуетъ большая разница не только между книгами *Эздра* и *Рувь*, но и между редакціями текста: такъ еврейскій текстъ въ этомъ случаѣ нѣсколько либеральнѣе Септуагинты. Но важнѣе всего для насъ то, что противорѣчія и разногласія, какъ по этому, такъ и по большей части другихъ вопросовъ казуистики и догматики, повторяются довольно методически. Изъ огромной массы именъ и мнѣній рѣзко выдаются главныя направленія; не трудно отыскать консерваторовъ,

какъ Шамай, и умѣренныхъ либераловъ, какъ Гиллель, практиковъ, напр. р. Іошуа, требующихъ болѣе живаго направленія того, что называлось тогда наукой. Разнообразіе свидѣтельствуетъ о движеніи, и, какъ ни медленно это движеніе Галахи, историкъ вправѣ видѣть въ немъ непрерывное развитіе.

Что Галаха не находилась въ застоѣ, – въ этомъ убѣждаетъ насъ простой, очевидный фактъ: съ теченіемъ времени она мѣняетъ свои формы и отчасти свои пріемы, и это измѣненіе находится въ тѣсной связи со всей тогдашней исторической обстановкой евреевъ. Когда евреи возвратились изъ вавилонскаго плѣна, народная жизнь находила себѣ достаточную опору въ возникавшемъ и вскорѣ значительно окрѣпшемъ государственномъ устройствѣ. Теоретическимъ мнѣніямъ школъ можно было дать извѣстный просторъ; разнообразіе и противорѣчіе мнѣній не могло мѣшать народному единству, слагавшемуся подъ вліяніемъ славныхъ подвиговъ временъ Маккавеевъ. Но когда политическая самостоятельность евреевъ исчезла, когда они, народъ дотолѣ единый, разсѣялись по всему пространству римской имперіи, тогда настало время создать духовный центръ. Школа принесла въ жертву творческую дѣятельность и довольствовалась скромной ролью собирательницы матерьяла, унаслѣдованнаго отъ сотни поколѣній.

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ появился въ началѣ 3-го столѣтія по Р. Х. сборникъ законоположеній, который получилъ названіе *Мишны*, т. е. втораго закона, въ отличіе отъ перваго писаннаго закона – Пятикнижія. Кодификація происходила въ школѣ рабби Іегуды слѣдующимъ образомъ. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось то изъ многочисленныхъ мнѣній, которое должно было стать общепринятой нормой, галахой. Общепринятая галаха заносилась въ кодексъ анонимно, и это было главнымъ ея отличіемъ. Мнѣнія-же меньшинства заносились съ обозначеніемъ тѣхъ школъ, въ которыхъ они возникли. «Для чего, сказано въ Мишнѣ, при мнѣніяхъ большинства не упоминается имени отдѣльныхъ лицъ? Вотъ для чего: если-бы кто пришелъ и сказалъ: мнѣ извѣстна такая то преемственная галаха, то ему можно отвѣчать: ты слышалъ отъ того-то и того-то объ этой галахѣ, стало быть, она – мнѣніе отдѣльнаго лица, а не общепринятое правило».

Съ кодификаціей Мишны начинается новаго рода дѣятельность. Какъ Пятикнижіе служило для талмудистовъ до третьяго столѣтія, такъ для новаго поколѣнія исходною точкою служила

Мишна. Но она ужь не была для нихъ божественнымъ закономъ, который стоитъ выше человѣческихъ сужденій. Въ ученыхъ школахъ талмудистовъ Мишна ужь не принималась какъ неоспоримый авторитетъ, а при каждомъ ея положеніи предлагались вопросы: откуда слѣдуетъ этотъ законъ? или откуда онъ взятъ? какое имѣетъ онъ основаніе, библейское или-же разумное? Логическое сужденіе стало въ ученыхъ школахъ почти столь-же равноправнымъ элементомъ, какъ Библія и Мишна. Это раціональное изслѣдованіе данныхъ галахъ получило названіе *Гемары*. Прежде только по извѣстнымъ правиламъ и формуламъ какъ-бы оправдывались новыя галахи библейскимъ текстомъ. Теперь-же не столько устанавлялись новыя нормы, сколько подвергались раціоналистической критикѣ прежнія, вошедшія въ составъ Мишны. Сравнивая различныя галахи между собою, разлагая общія положенія на частные случаи, талмудисты открывали въ Мишнѣ противорѣчія и старались согласить ихъ, не дожидаясь того, чтобы жизненная практика указала эти противорѣчія. Въ большей части случаевъ напрасно было-бы дожидаться жизненной практики: огромный отдѣлъ постановленій, относившихся до жертвоприношеній, до богослуженія въ іерусалимскомъ храмѣ, наконецъ до политической организаціи народа, былъ давно упраздненъ неудержимымъ потокомъ исторіи. Всѣ эти постановленія не имѣли ни малѣйшаго практическаго приложенія, но продолжали излагаться по старой рутинѣ. Вращаясь около мелочей обрядовой жизни, раціонализмъ талмудистовъ очень часто превращался въ безплодную діалектическую игру. То была общая болѣзнь вѣка. Такъ пренія тогдашнихъ христіанскихъ апологетовъ съ гностиками и ересіархами также вращались въ сферѣ изумительныхъ для современнаго человѣка тонкостей.

Такова судьба Галахи или той части устнаго ученія Талмуда, которая имѣла характеръ обязательной нормы. Совершенно иной литературный родъ составляетъ другая часть устнаго ученія, *Агада* (буквально – разсказъ, легенда). Она хотя также возникла изъ толкованія Св. Писанія, но не имѣла характера нормы, а въ видѣ коментарія вмѣщала въ себѣ artes liberales тогдашняго времени. Исторія Агады была бы исторіею науки и поэзіи евреевъ за слишкомъ тысячелѣтній періодъ. Она также была изустнымъ ученіемъ, также преподавалась въ различныхъ школахъ, но при этомъ еще популяризировалась для народа въ проповѣдяхъ,

публичныхъ чтеніяхъ и пр. Чтеніе Св. Писанія составляло съ древнѣйшаго времени существенный предметъ литургіи. Но чтецы и переводчики не довольствовались однимъ чтеніемъ или вѣрнымъ переводомъ. Какъ современный проповѣдникъ только исходитъ отъ библейскаго текста, а сама проповѣдь имѣетъ предметомъ современные интересы, такъ и чтенія эти содержали въ себѣ, въ видѣ коментарія на библейскій текстъ, и философскія идеи, проникавшія въ Іудею изъ Александріи, и нравоученія, народныя сказанія о библейскихъ лицахъ и даже намеки на политическія событія. Такъ Агада къ первымъ главамъ Бытія содержитъ въ себѣ сводъ космогоническихъ представленій того времени. Для истолкованія историческихъ частей Св. Писанія употреблялся въ дѣло весь запасъ народныхъ сказаній и миѳовъ, своихъ и даже заимствованныхъ. Даже тѣ части Св. Писанія, которыя носятъ рѣшительный характеръ закона, агадисты употребляли для своихъ цѣлей. Такъ напр.. 3-й стихъ 3-й главы книги Левитовъ толковался: Если кто нибудь, т. е. Израиль, будетъ одержимъ опухолью, т. е. Вавилономъ, шолудью, т. е. Греціею, пятномъ, т. е. Мидіею, или проказою, т е. Римомъ, то зараженнаго слѣдуетъ отвести къ жрецу, т. е. къ Богу; т. е. Израиль долженъ принести покаяніе Чтобы мотивировать извѣстное нравоученіе библіею, агадисты приписывали библейскимъ лицамъ небывалыя черты, пользовались каждымъ оборотомъ, каждымъ плеоназмомъ рѣчи. Чтобы блеснуть остроумнымъ сравненіемъ, они иногда сопоставляли библейскіе тексты, отыскивали въ нихъ мнимое противорѣчіе, которое и разрѣшали какимъ нибудь сказаніемъ о библейскомъ лицѣ или событіи, часто вымышленномъ, пригнанномъ къ настоящему случаю; но замѣчательно, что эти сказанія всегда почти въ общихъ чертахъ согласовались съ характеромъ, которымъ облечено въ библіи данное лицо. Напримѣръ, агадистъ бралъ слѣдующую фразу Св. Писанія: „Яковъ сказалъ Рахили, что онъ *братъ* ея отца Лавана" (Быт. 23, 12). и сопоставлялъ ее съ другою, гдѣ сказано, что Яковъ сынъ Ревveки, стало быть—*племянникъ* Лавана (ib. 13). Для насъ, да и для тогдашней публики тутъ не было никакого серьезнаго противорѣчія: въ первомъ случаѣ говорится о племенномъ родствѣ, во второмъ—о семейномъ. Но агадистъ находитъ для себя выгоднымъ видѣть во всемъ этомъ явное противорѣчіе, и напрягая свое остроуміе для его разрѣшенія, разсказываетъ цѣлую повѣсть: «Яковъ спросилъ «Рахиль: хочешь ли выйти за меня? и она отвѣтила ему: я согласна, «но мой отецъ обманщикъ, и тебѣ съ нимъ не сладить,—онъ тебя «перехитритъ.—Затѣмъ Яковъ ее спросилъ: въ чемъ же можетъ со«стоять его обманъ? На это та отвѣтила: у меня есть старшая се«стра, онъ меня прежде нея не отдастъ замужъ. Тогда Яковъ от«вѣтилъ: я ему *братъ* по обману. Но спрашивается (продолжаетъ «агадистъ) развѣ благочестивому дозволено обманывать? Въ Св. Писаніи сказано: „съ чистымъ ты самъ оказываешься чистъ, съ лукавымъ ты самъ лукавишь" (2 Сам. 22. 27) *.

Какъ Галаха нормировала жизнь, такъ Агада удовлетворяла философскимъ и преимущественно эстетическимъ потребностямъ времени Въ видѣ коментарія на текстъ, она составляетъ часть Талмуда, совершенно отличную отъ Галахи, къ которой никогда не примѣнялся явно произвольный способъ толкованія, столь любимый агадистами.

Только въ шестомъ столѣтіи завершается работа талмудистовъ надъ Галахою, кончается законодательная дѣятельность. Агада въ свою очередь эманципируется отъ библейскаго текста, перестаетъ быть коментаріемъ и получаетъ характеръ самостоятельнаго этико-философскаго трактата, связной легенды, и въ этомъ видѣ она уже не входитъ въ Талмудъ, а составляетъ особый родъ литературныхъ сборниковъ, и не изъ Талмуда, а изъ этихъ-то сборниковъ, она перешла въ европейскія и восточныя литературы. Къ шестому столѣтію относится окончательная кодификація всего *устнаго ученія*, Галахи и Агады, въ одинъ общій сводъ—*Талмудъ*. Стало быть, въ этотъ огромный сборникъ вошли и галахи различныхъ періодовъ, и діалектическіе споры различныхъ школъ, и агадическія сказанія, и наука того времени. Талмудъ есть энциклопедія литературы еврейской, онъ отражаетъ умственную дѣятельность и матеріальный бытъ тысячилѣтняго періода. Въ продолженіе его евреи пріобрѣли политическую самостоятельность и утратили ее, укрѣпили себя въ служеніи единому Богу и должны были отстаивать свою религію отъ самыхъ разнообразныхъ вліяній и сектъ. Въ Талмудѣ окаменѣла тысяча лѣтъ самой тревожной исторіи, и вотъ причина, почему евреи съ такою любовью постоянно обращались къ Талмуду. Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что евреи изучаютъ Талмудъ для практическихъ цѣлей. Для этого въ еврейской литературѣ существуютъ различныя извлеченія изъ него,

* Талмудъ, Тр. Баба-Батра, 123, 1.

имѣющія несравненно болѣе практическаго значенія, чѣмъ Талмудъ. Таковы систематическія обработки талмудическаго матеріала, совершенныя въ XI столѣтіи испанскимъ раввиномъ *Альфаси* и французскимъ *Раши*, въ XII *Маймонидомъ* и всѣхъ болѣе сводъ постановленій, вышедшій въ XVI стол. изъ подъ редакціи *Іосифа Каро*, подъ заглавіемъ *Шулханъ-Арухъ*. Итакъ, важное значеніе Талмуда для евреевъ нельзя объяснить себѣ тѣмъ, что для нихъ онъ облеченъ характеромъ законодательнаго сборника. Галаха, законодательная норма, составляетъ только часть Талмуда. Несравненно большую часть обнимаютъ диспуты и агады. Притомъ сама Галаха не выражаетъ нынѣ-дѣйствующей практики, а скорѣе обозначаетъ различныя ступени развитія еврейскаго законодательства и еврейскихъ обрядовъ. Наконецъ, Галаха, возникшая на основаніи Мишны, дѣлилась на Іерусалимскую и Вавилонскую, вслѣдствіе чего и существуетъ Талмудъ Іерусалимскій и Вавилонскій.

Изъ всего этого видно, что нельзя изучать Талмудъ иначе, какъ съ соблюденіемъ исторической перспективы. Талмудъ не есть сплошное цѣлое, проникнутое единствомъ направленія. Талмудъ есть продуктъ тысячелѣтняго развитія еврейской мысли. Разнообразіе выразившихся въ немъ элементовъ есть вѣрное отраженіе разнообразія историческихъ условій, сопровождавшихъ развитіе еврейскаго народа, условій, нерѣдко навязанныхъ ему помимо его воли. Наконецъ, Талмудъ есть продуктъ *развитія* и это выражается въ постепенномъ ростѣ его составныхъ частей *Мишны* и *Гемары*, и въ разнообразіи пріемовъ, породившихъ *Галаху*—норму и *Агаду*—легенду. *Только Галаха имѣла и имѣетъ для евреевъ обязательную силу.* На этотъ послѣдній пунктъ мы позволяемъ себѣ обратить особенное вниманіе читателя, какъ на самый капитальный при оцѣнкѣ характера и практическаго значенія Талмуда.

Отсутствіемъ историческаго пониманія грѣшитъ большинство публицистовъ, отправляющихся отъ Талмуда въ своихъ проектахъ эманципаціи евреевъ. Изъ всѣхъ попытокъ подобнаго рода для насъ интересна одна и именно тѣмъ, что она появилась не въ прошломъ и не въ 17-мъ столѣтіи, а въ 19-мъ. Въ 20-хъ годахъ польскій аббатъ *Кіарини* возымѣлъ идею обратить евреевъ на путь истины точнымъ переводомъ Талмуда на одинъ изъ европейскихъ языковъ и изобличеніемъ содержащихся въ немъ пакостей.

Правда, впослѣдствіи оказалось, что умыселъ еще другой тутъ былъ: правительство выдало аббату на изданіе перевода 12,000 р. с., объ участи которыхъ исторія, къ сожалѣнію, умалчиваетъ. Вмѣсто обѣщаннаго полнаго перевода вышла, спустя нѣсколько лѣтъ, довольно тощая *„Теорія Іудаизма“* на французскомъ языкѣ.

Вотъ что себѣ предположилъ доказать аббатъ Кіарини: прежде всего, что Талмудъ переполненъ противуобщественными тенденціями. Беремъ на выдержку одно изъ главныхъ его доказательствъ. Талмудъ, говоритъ онъ, предписываетъ евреямъ распространять на всѣхъ не-евреевъ вообще враждебное отношеніе, вмѣненное имъ Моисеемъ въ обязанность относительно семи ханаанскихъ народовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи вопросъ оказывается далеко не такъ простымъ, какимъ представляетъ его намъ аббатъ Кіарини. Дѣло въ томъ, что *Геромъ*, иностранцемъ, по терминологіи древне-еврейскаго права, назывался человѣкъ, не живущій на родинѣ, будь онъ еврей или не-еврей. Въ Іудеѣ *Геръ* былъ почти равноправенъ съ евреями. Кромѣ того, въ Іудеѣ еще существовалъ классъ покоренныхъ туземцевъ, *Тошавимъ*, свободныхъ, но не полноправныхъ, соотвѣтствовавшихъ отчасти нѣмецкимъ Hintersassen. Съ возвращеніемъ евреевъ изъ вавилонскаго плѣна, вмѣстѣ со многимъ другимъ, измѣнились и отношенія къ инородцамъ. Грустная необходимость, интересъ самосохраненія заставляли евреевъ обособиться отъ чужихъ культовъ, а слѣдовательно отъ народовъ окрестныхъ и жившихъ въ самой Іудеѣ. *Геръ*, чужестранный инородецъ, былъ сравненъ съ *Тошавомъ*, туземнымъ инородцемъ, въ свою очередь стѣсненнымъ во многихъ отношеніяхъ. Они слились въ одинъ общій юридическій терминъ—*Геръ-Тошавъ*. Но полное, послѣдовательное обособленіе было дѣломъ невозможнымъ; оно нерѣдко встрѣчало сопротивленіе въ самихъ евреяхъ. Притомъ евреи обособлялись отъ инородцевъ только въ видахъ охраненія собственной религіи, и если-бы инородецъ принялъ еврейскую религію, то не для чего было отъ него обособляться. Вотъ почему подъ вліяніемъ того направленія, которое высказалось въ книгѣ *Руѳь*, въ еврейскомъ правѣ установился особый видъ инородца—*Геръ-Цедекъ*, т. е. инородца, принявшаго еврейскую религію и eo ipso сравненнаго съ евреями въ отношеніяхъ гражданскомъ и богослужебномъ. Это былъ великій

шагъ на пути цивилизаціи; Древній міръ вообще считалъ инородца варваромъ; Талмудъ-же совершенно сравнилъ инородца съ евреемъ, подъ условіемъ, правда, принятія еврейской религіи. И этимъ не ограничивается развитіе разсматриваемой нами Галахи: съ теченіемъ времени теоретики-законодатели, чуждые политическихъ мотивовъ временъ Эздры, нашли возможнымъ смягчить въ значительной степени положеніе *Геръ-Тошава*, такъ что подъ конецъ терминомъ *Геръ-Тошавъ* обозначается классъ инородцевъ, жившихъ на общихъ гражданскихъ основаніяхъ съ евреями въ Іудеѣ. Талмудистамъ вѣроятно не разъ приходило на мысль, что ихъ постановленія не совсѣмъ согласны съ жесткимъ требованіемъ Моисея—истреблять огнемъ и мечомъ не только враждебныя, но и вообще покоренныя палестинскія племена. Но они разсуждали такъ: правда, библія велитъ истреблять палестинскія племена, но они были истребляемы потому, что поклонялись идоламъ, приносили имъ человѣческія жертвы, не жили въ общественномъ союзѣ, отвергали бракъ, правиломъ ихъ жизни было хищничество, грабежъ. Таковы были по представленію Талмуда, ханаанскія племена, ихъ и теперь слѣдовало бы истреблять; *но*, говоритъ Талмудъ, *теперь они уже исчезли съ лица земли* *. Современные народы не принадлежатъ къ еврейской религіи, но зато соблюдаютъ семь Ноевыхъ заповѣдей, не приносятъ человѣческихъ жертвъ, живутъ въ общественномъ союзѣ, признаютъ бракъ и т. д. Эти народы, по буквальному смыслу всѣхъ къ этому предмету относящихся статей Талмуда, принадлежатъ къ разряду *Геръ-Тошавъ*, т. е. если-бы возстановилась самостоятельность Іудеи, то они пользовались бы въ ней всѣми гражданскими правами. До тѣхъ поръ евреи, по ученію Талмуда, должны руководствоваться въ сношеніяхъ съ иноплеменными иновѣрцами законами той страны, въ которой живутъ.

Талмудъ такимъ образомъ признаетъ три категоріи инородцевъ: 1) *Геръ-Цедекъ*, совершенно сравненный съ евреями во всѣхъ отношеніяхъ даже въ религіозномъ; 2) *Геръ-Тошавъ* только пользуется гражданскими правами; наконецъ 3) *Семь ханаанскихъ племенъ*, совершенно безправныхъ, хотя они уже давно исчезли съ лица земли.

---

* Іадаимъ, IV, 4.

Аббатъ Кіарини смѣшалъ эти три категоріи, да не въ его интересѣ лежало разграничивать ихъ. Его однако смущали либеральныя постановленія о первыхъ двухъ категоріяхъ. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ договорился до нелѣпости, которой нѣтъ имени. Талмудъ, рѣшилъ онъ, не признаетъ логическаго закона противорѣчія; объ одномъ и томъ же предметѣ онъ устанавливаетъ различныя нормы; онъ однихъ и тѣхъ же инородцевъ объявляетъ и безправными, и даетъ имъ гражданскія права, и уравниваетъ ихъ съ евреями; евреи же поступаютъ, какъ имъ заблагоразсудится. Дѣйствительно, аббатъ Кіарини не могъ придти къ иному выводу. Пренебрегая историческимъ методомъ, отправляясь отъ положенія, что Талмудъ есть сплошной сводъ дѣйствующихъ законовъ и узнавъ, что въ немъ встрѣчаются разнообразныя положенія по одному и тому же вопросу, онъ долженъ былъ или признаться, что не понимаетъ Талмуда, или утверждать, что талмудисты не признаютъ закона логическаго противорѣчія. Этотъ тезисъ, послѣ перваго—о противообщественномъ направленіи Талмуда, составляетъ второй выводъ критики аббата Кіарини.

Третій выводъ поражаетъ своей практичностью. «Прежде эманципаціи евреевъ, не мѣшаетъ заставить ихъ in corpore отказаться отъ Талмуда и обратиться къ чистому Мозаизму». И на этомъ пунктѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Еврейская религія имѣетъ, какъ извѣстно, основаніе общее съ религіями христіанскихъ народовъ, монотеизмъ. Но у европейскихъ народовъ монотеизмъ есть понятіе пришлое, сломившее развитіе національнаго язычества. Въ Европѣ христіанство съ полнымъ сознаніемъ стало въ оппозицію съ язычествомъ въ видѣ стройной, выработанной доктрины. Иное дѣло у евреевъ. У нихъ, какъ и у всѣхъ народовъ древности, подобнаго перелома не было. Здѣсь монотеизмъ развивался исподоволь, только постепенно сознавая себя, какъ отрицаніе всѣхъ сторонъ языческой жизни. Естествно, что у евреевъ лишь смутно сознавалось различіе между языческимъ и новымъ временемъ. Народъ возводилъ вѣру въ Іегову до начала своей исторіи, до праотца Авраама, до Адама даже. Достигнувъ сознанія Іеговы, какъ истиннаго Бога, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрѣли въ немъ свое первобытное божество, отъ котораго человѣчество отпало, которому только по временамъ въ своемъ ослѣпленіи сопротивлялось. Если сообразить, что даже у средневѣковыхъ христіанъ, знавшихъ, что ихъ предки были языч-

ники, эти предки иногда являются съ христіанскими воззрѣніями, то тѣмъ болѣе было причины позднѣйшему еврею, потерявшему всякое сознаніе о первоначальномъ язычествѣ, понимать свое прошедшее съ точки зрѣнія настоящаго быта. Народъ не понималъ, что монотеизмъ есть результатъ многовѣковаго развитія отъ Моисея до Эздры; онъ конечную цѣль смѣшалъ съ исходною точкою и результатъ этотъ приписалъ самому Моисею, не какъ результатъ, а какъ готовое содержаніе. «Почему, спрашиваетъ талмудическая Агада, сказано въ Св. Писаніи: и я дамъ каменныя скрижали, и ученіе и законъ, мною писанный, дабы ихъ наставить?— Скрижали означаютъ Десять Заповѣдей, ученіе - Мишну, законъ— Пророковъ и Гагіографовъ, слова „мною писанный"—Гемару; изъ этого слѣдуетъ, что все сообщено Моисею на горѣ Синаѣ» (Berachot 5, 1). Евреи временъ Эздры, евреи временъ Талмуда, евреи средневѣковые—всѣ они считаютъ себя послѣдователями одного «мозаизма», всѣ они отождествляли свои вѣрованія съ вѣрованіями эпохи Моисея. Стремленію къ „чистому мозаизму", какъ извѣстно, обязано своимъ существованіемъ Второзаконіе. И талмудистовъ, какъ мы сейчасъ видѣли, мучила мысль о томъ же „чистомъ мозаизмѣ": во имя его же ратуетъ противъ Талмуда Кіарини.

Намъ сдается, что „чистое ученіе Моисеево, духъ котораго дѣйствительно не противорѣчитъ христіанскому", столько же похожъ на ученіе Моисея, сколько état naturel Руссо похожъ на первоначальный бытъ человѣка. Есть одинъ только чистый мозаизмъ, это— религіозныя представленія, господствовавшія у евреевъ за 1500 лѣтъ до Р. Х. Къ чему же собственно хотятъ обратить евреевъ: къ понятіямъ ли того времени или къ «чистому мозаизму» аббата Кіарини? Этотъ „чистый мозаизмъ", по нашему мнѣнію, не имѣетъ ни малѣйшей реальной почвы; это миѳъ, и разогрѣвая этотъ миѳъ, современные намъ противники евреевъ искусно отодвигаютъ жизненную тему эманципаціи нѣсколькихъ милліоновъ живыхъ существъ въ смутную область неясныхъ намековъ и туманныхъ представленій, лишенныхъ всякаго содержанія.

Съ позволенія читателя, мы покидаемъ курьознаго аббата Кіарини. Мы бы и не затронули его „Теоріи" Іудаизма, если бъ она не легла цѣликомъ въ основаніи взглядовъ, высказанныхъ однимъ русскимъ изданіемъ по поводу послѣднихъ успѣховъ еврейскаго дѣла въ Россіи.

Это изданіе—*День*; публицисты, братски рука объ руку тамъ подвизавшіеся—господа Александровъ и Аксаковъ.

По ихъ мнѣнію, нельзя евреевъ уравнять въ правахъ съ христіанами, пока евреи не откажутся всенародно отъ Талмуда. Эманципаціи русскихъ евреевъ мѣшаетъ противообщественное направленіе Талмуда. *

II.

ЧТО ИНОГДА СКРЫВАЕТСЯ ПОДЪ УЧЕНОЙ ЦИТАТОЙ.

Durch die Macht der Argumente,
Durch der Logik Kettenschlüsse,
Und Citate von Autoren,
Die man anerkennen müsse,
Will ein jeder Kämpe seinen
Gegner ad absurdum führen
Und die wahre Göttlichkeit
Seines Gottes demonstriren...

Disputation.

„Еврейскому вопросу до сихъ поръ недоставало реальности, «онъ не былъ осязаемъ въ дѣйствительности своей... Много у «насъ хорошихъ стремленій, много сознанія того, чему слѣдовало «бы быть, но нѣтъ у насъ того *знанія дѣла*, безъ котораго мы «постоянно будемъ увлекаться, либеральничать, кидаться опрометью «за идеями вѣка, не чуя земли подъ собою, не отдавъ себѣ напе«редъ отчета, куда идемъ, чего хотимъ?"

Такъ мотивируетъ г. Александровъ предпринятую имъ повѣрку одного изъ важнѣйшихъ русскихъ общественныхъ вопросовъ. Повѣрка эта привела его къ положительнымъ результатамъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что въ основаніи критики положено разсмотрѣніе Талмуда; во-вторыхъ, г. Александрову слу-

---

* Тоже самое неоднократно въ послѣднее время было высказано въ газетѣ „Голосъ". *Издатель.*

чалось иногда справляться съ самимъ подлинникомъ Талмуда. Что послѣднее случалось «иногда», въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться послѣ признанія самаго г. Александрова. Зато первое увѣреніе подаетъ поводъ къ нѣкоторымъ довольно важнымъ соображеніямъ. Вѣдь Талмудъ не журнальная статья: это слишкомъ шестьдесятъ трактатовъ съ коментаріями въ нѣсколькихъ десяткахъ толстыхъ, претолстыхъ фоліантахъ. Сколько самоотверженія, сколько безкорыстной любви къ дѣлу, сколько труда нужно было положить, чтобы эксплуатировать этотъ громадный матеріалъ для рѣшенія одного современнаго вопроса. Сколько умѣнья и знанія— чтобы на нѣсколькихъ страницахъ сдѣлать его доступнымъ для массы журнальной публики.

Г. Александровъ нашелъ возможнымъ исчерпать сущность Талмуда въ 33-хъ цитатахъ, небольшихъ объемомъ, но важныхъ содержаніемъ. Мы намѣрены поспорить съ нимъ, и такъ какъ споръ возможенъ лишь при одинаковомъ оружіи съ той и съ другой стороны и на опредѣленной почвѣ, то мы готовы на этотъ разъ принять почву и оружіе, выбранныя нашимъ противникомъ; нашей почвой будетъ Талмудъ, нашимъ оружіемъ—33 цитаты г. Александрова.

Въ одномъ мы должны согласиться: съ г. Александровымъ: спорить трудно, почти невозможно. Какъ критикъ Іудаизма, онъ крѣпко стоитъ на почвѣ Талмуда, и это, однако, не помѣшало ему найти въ самомъ Талмудѣ превосходное средство оградить себя отъ всякихъ возраженій, взятыхъ изъ области того же Талмуда. Вотъ это средство: «должно знать, что *Талмудъ не признаетъ противорѣчія*; напротивъ, *онъ возводитъ его въ принципъ*, въ догматъ, нисколько не противный истинѣ, а только развивающій ее... По *нашимъ* понятіямъ два положенія, взаимно себѣ противорѣчащія, исключаютъ и уничтожаютъ другъ друга; но въ Талмудѣ это не такъ...» Насъ останавливаетъ нѣкоторая неясность: по чьимъ это понятіямъ противорѣчивыя понятія исключаютъ другъ друга? По понятіямъ гг. Александрова и Аксакова? русской народности? индо-европейской расы? — Ни русскіе, ни индо-европейцы до сихъ поръ не заявляли притязаній на такое исключительное обладаніе нормальнымъ устройствомъ мыслящаго аппарата. Что значитъ „не признавать противорѣчія, возводить его въ принципъ"? Если подъ этимъ разумѣть раскрытіе противорѣчій и стремленіе къ ихъ примиренію, то въ этомъ еще небольшая бѣда; да и не одинъ

Талмудъ повиненъ въ такомъ логическомъ пріемѣ. Извѣстно, что въ основаніе своего метода положила его одна современная школа философіи, вліяніе которой не ограничилось одними евреями.

Талмудъ не признаетъ закона логическаго противорѣчія! Какъ защищать вообще отъ подобнаго упрека, не скажемъ Талмудъ, а какой бы то ни было продуктъ человѣческаго ума? Посмотримъ лучше, какими цитатами подкрѣпляется это мнѣніе.

«Въ Талмудѣ, говоритъ онъ,—сказано: хотя одинъ раввинъ говоритъ одно, а другой другое, слова ихъ суть тѣмъ не менѣе слова Божіи (Gittin 6, 2). Иные раввины утверждаютъ, что вещь чиста, другіе, что она не чиста; иные запрещаютъ ее, другіе позволяютъ; иные доказываютъ, что она справедлива, другіе, что она несправедлива; тѣмъ не менѣе должно вѣрить, что Богъ одинаково говоритъ устами тѣхъ и другихъ (Chagigah, 3, 2)». Вмѣсто всего этого мы читаемъ въ Талмудѣ: «ученые собираются для «*изученія* закона; одни признаютъ вещь чистою, другіе нечистою; «одни запрещаютъ ее, другіе позволяютъ; одни полагаютъ, что «вещь не удовлетворяетъ требованіямъ еврейскаго обряда, другіе «находятъ ее удовлетворительной. Если одни признаютъ вещь «чистою, другіе—нечистою; одни запрещаютъ ее, другіе позволяютъ; «одни считаютъ ее удовлетворительною, другіе неудовлетворительною, то очевидно, что всякому можетъ придти на умъ сомнѣніе: «какъ мнѣ *изучать* законъ? Приведенныя слова надо понимать «такъ, что всѣ ученыя мнѣнія исходятъ отъ единаго Бога-Вседержителя; онѣ исходятъ изъ устъ Божіихъ, ибо сказано въ Св. Писаніи: Господь говоритъ эти слова. Итакъ, приспособи свое ухо и «сердце свое къ тому, чтобы они внимали словамъ запрещающихъ «и словамъ дозволяющихъ, словамъ признающихъ вещь удовлетворительною и словамъ признающихъ вещь неудовлетворительною». Вотъ это мѣсто цѣликомъ изъ Талмуда. Какъ видно, объ узаконеніи противорѣчій, о возведеніи ихъ въ принципъ въ немъ нѣтъ и полслова. Дѣло идетъ не о противорѣчіи *нормъ*, получившихъ силу закона, а *о теоретическихъ воззрѣніяхъ* на разные вопросы богослуженія и обрядности. Талмудъ не спрашиваетъ, какъ мнѣ *примѣнять* законъ, —онъ спрашиваетъ, какъ *изучать* его? и въ отвѣтъ на это рекомендуетъ всестороннее обсужденіе дѣла.

Далѣе, по тому же странному вопросу о противорѣчіяхъ, Талмудъ, по увѣренію г. Александрова, такъ выражается: «тотъ, кто

слушается словъ первой стороны, дѣлаетъ такъ же хорошо, какъ тотъ, который слушается второй (Berachot 27, 1)». Вотъ, восклицаетъ г. Александровъ,— отвѣтъ Талмуда и логики на всѣ его противорѣчія! Этотъ отвѣтъ намъ кажется не совсѣмъ яснымъ и поэтому раскрываемъ Талмудъ на 27 листѣ трактата *Берахотъ*. Тамъ идетъ споръ между двумя раввинами о времени совершенія вечерней молитвы. Мнѣнія ученыхъ расходятся; и такъ какъ обѣ стороны приводятъ равносильные доводы, то Талмудъ задаетъ себѣ вопросъ, которому изъ нихъ слѣдовать, и отвѣчаетъ: «такъ какъ ни мнѣніе одной стороны, ни мнѣніе другой законной силы не получило, то тотъ, кто слушается словъ первой стороны, дѣлаетъ такъ же хорошо, какъ тотъ, который слушается словъ другой». Теперь дѣло ясно: сейчасъ приведеннымъ изрѣченіемъ Талмудъ не думаетъ узаконять логическаго противорѣчія; совсѣмъ напротивъ, онъ предоставляетъ слѣдовать какой угодно изъ спорящихъ сторонъ въ томъ только случаѣ, когда ни мнѣніе одной стороны, ни мнѣніе другой *законной силы не получило*, т. е. когда по данному вопросу не существуетъ обязательной для всѣхъ нормы-галахи. Въ интересѣ г. Александрова лежало выпустить эту фразу. и онъ не задумался ее выпустить; а между тѣмъ она-то придавала всему изрѣченію смыслъ—діаметрально противоположный выводамъ нашего критика.

Вотъ всѣ цитаты изъ Талмуда, которыми г. Александровъ думалъ отнять у своихъ противниковъ возможность возражать ему на основаніи самаго Талмуда; вотъ тѣ положенія, о которыхъ онъ говоритъ: «это неизбѣжное заключеніе простой логики. противъ котораго спорить нельзя и къ которому приходитъ даже самъ *Талмудъ*; вотъ его слова: Не имѣя основанія придавать болѣе значенія мнѣнію одной стороны, чѣмъ другой, я долженъ сообразоваться съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое для меня благопріятнѣе. (Schulchan Aruch, Choschen Hamischpat 75, 83 in Comm.)». Укажемъ мимоходомъ на курьезное недоразумѣніе. Кому принадлежитъ это изрѣченіе: Талмуду ли—памятнику VI-го ст. или Шулханъ-Аруху — сборнику XVI-го вѣка? Какъ бы то ни было. мы удивляемся, какъ г. Александровъ рѣшился приводить его въ свою пользу. Въ сущности оно тождественно съ сейчасъ разсмотрѣннымъ изрѣченіемъ Талмуда: если нѣтъ основанія придавать болѣе значенія мнѣнію одной стороны, чѣмъ другой, т. е. если ни одно изъ противорѣчивыхъ мнѣній *не получило характера обязательной*

нормы-галахи, то на практикѣ предоставляется каждому слѣдовать своему убѣжденію.

Изъ всего предъидущаго одно, надѣемся, ясно: ни Талмудъ, ни позднѣйшіе памятники, на немъ основанные, не отвергаютъ закона логическаго противорѣчія. Въ Талмудѣ встрѣчаются самыя разнообразныя *мнѣнія*, но изъ двухъ *положеній*, взаимно себѣ противорѣчащихъ, одно непремѣнно должно уступить, и другое тогда получаетъ законную силу, становится *галахой*.

«Найдутся, пожалуй, защитники, говоритъ г. Александровъ,— которые будутъ доказывать, что Талмудъ признаетъ логическій законъ противорѣчія, что Агада и Галаха въ толкованіяхъ своихъ вполнѣ разумны». Здѣсь не будемъ разбирать—вполнѣ-ли разумны въ своихъ толкованіяхъ Агада и Галаха; но мы надѣемся доказать, къ какой путаницѣ приводитъ смѣшеніе этихъ основныхъ элементовъ Талмуда.

1. Еврею, утверждаетъ г. Александровъ, Талмудъ позволяетъ обманывать и въ доказательство приводитъ слова Талмуда: «человѣку праведному (іудею) дозволяется обманывать: съ невиннымъ будь невиненъ, съ нечестивымъ (христіаниномъ) будь нечестивъ. (Thalm. Baba Bathra 123, 1)». Точно ли такъ сказано въ Талмудѣ? Мы приглашаемъ г. Александрова развернуть трактатъ *Баба-Батра* и еще разъ прочесть мѣсто, на которое онъ указалъ. Онъ найдетъ не приказаніе обманывать, а вопросъ, можно ли праведному обманывать, и притомъ не въ юридической части Талмуда, а въ легендарной, имѣвшей такую же законную силу, какъ у насъ легенды, изданныя Аѳанасьевымъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приводятся слова псалмопѣвца, *обращенныя къ Богу*: «Съ чистымъ ты чистъ, а съ лукавымъ ты самъ лукавишь». (Самуилъ, кн. 2, гл. 22, ст. 27). Все мѣсто, есть не болѣе, какъ агада-легенда о сватовствѣ Іакова. Въ первомъ отдѣлѣ нашей статьи мы привели ее цѣликомъ, и читатель могъ убѣдиться, что во всемъ разсказѣ нѣтъ и тѣни той безнравственной морали, которую навязываетъ ему г. Александровъ. Мнѣніе о противообщественныхъ тенденціяхъ Талмуда подкрѣпляется еще двумя другими ссылками. „Іудей можетъ красть у христіанина, ибо сказано: не обидѣши ближняго и не отъимиши. Сказано: ближняго, а не *гой*, ибо гой, т. е. всѣ другіе народы, не ближніе для него. (Thalm. Baba Mezia 111, 2). Обманъ всякаго нееврея дозволенъ (R. Samuel)“.

У г. Александрова послѣдняя фраза является какимъ-то законоположеніемъ съ юридическимъ характеромъ, тогда какъ въ Талмудѣ разсказанъ только случай изъ жизни рабби Самуила. Условившись заплатить язычнику за мѣдный ковшъ четыре монеты, Самуилъ заплатилъ только три, зная притомъ, что ковшъ золотой. Сообщая эту агаду-разсказъ, ни Самуилъ, ни Талмудъ не думали оправдать воровство у иновѣрцевъ. Это всего лучше доказывается другимъ изрѣченіемъ того-же Самуила, получившимъ законную силу, *силу Галахи*: „Не должно обманывать, даже язычниковъ не должно обманывать" (Chullin, 94). Это послѣднее мнѣніе закрѣпилъ своимъ авторитетомъ Маймонидъ. Что же значитъ эта покупка, о которой Самуилъ самъ разсказывалъ своимъ ученикамъ и которая такъ прямо противорѣчила его убѣжденіямъ и его ученію? Признаемся, мы этого не знаемъ, это одно изъ тѣхъ мѣстъ Талмуда, которыя непонятностью своей обязаны вѣроятно цензурѣ. Въ коментаріѣ къ Мишнѣ Маймонидъ говоритъ: „простой народъ, а также и нѣкоторые ученые, полагающіе, что обманывать язычниковъ можно, обманываютъ сами себя и проповѣдуютъ ложное ученіе. Если наши мудрецы относятъ стихъ Св. Писанія: „необсчитывай покупателя" къ язычникамъ, подданнымъ еврейскаго народа, то тѣмъ добросовѣстнѣе должны мы поступать съ неподначальными намъ иновѣрцами» *.

Въ другой цитатѣ изъ трактата Baba Mezia 2, о христіанахъ вовсе не упоминается; тамъ высказываетъ одинъ совершенно неизвѣстный ученый свое личное мнѣніе, что кража у идолопоклонника не была бы запрещена въ случаѣ возстановленія Іудеи. Вслѣдствіе преній, послѣдовавшихъ затѣмъ по этому вопросу, это частное мнѣніе было отвергнуто: на той же страницѣ трактата Baba-kama, на которую ссылается г. Александровъ, т. е. 113, 2, тамъ же 114, 2, и въ трактатѣ Chullin, 94, всякое воровство у идолопоклонниковъ категорически запрещается. Baba Kama, глава 10, прямо говоритъ: „Кто украдетъ у язычника (акума), долженъ ему возвратить украденное. Воровство у язычника гораздо большій грѣхъ, чѣмъ воровство у еврея. Кто укралъ у язычника, тотъ какъ бы далъ клятву и умеръ, не сдержавши ея: прегрѣшеніе это ему вовѣки не простится, онъ повиненъ въ богохульствѣ" **.

---

* *Kelim*. 12. 7.

** Припомнимъ, что талмудисты разрабатывали юридическіе вопросы абстрактно, на случай возстановленія народной самостоятельности, и принимая по отношенію къ инородцамъ въ разсчетъ ихъ религіозныя вѣрованія, установили три категоріи: инородцевъ еврейской религіи, современныхъ талмудистамъ не-евреевъ и ханаанскихъ народовъ, которые безправны, какъ люди, не признающіе брака и проч. Читатель помнитъ, что послѣдняя категорія ничто иное, какъ фикція, безъ которой талмудисты не могли себѣ объяснить жестокостей библіи къ инородцамъ. Изъ отдѣльныхъ враждебныхъ мнѣній, высказанныхъ относительно этой категоріи, черпаютъ свои аргументы публицисты, толкующіе о противообщественности Талмуда. Но не можемъ не замѣтить, что вина падаетъ не столько на публицистовъ, сколько на правительства почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ средніе вѣка былъ обычай устраивать диспуты между христіанскими богословами и раввинами. Одни доказывали ложность и безнравственность еврейскаго ученія, другіе ограничивались обороной. Препиранія кончались тѣмъ, что болѣе ярые противники евреевъ требовали сожженія раввиническихъ книгъ, болѣе умѣренные—строгой цензуры. Правительства, очень принимавшія къ сердцу эти диспуты, преимущественно склонялись ко второй мѣрѣ. Цензора изъ крещенныхъ евреевъ произвели такую перетасовку въ талмудической терминологіи, до того въ особенности перемѣшали упомянутыя нами категоріи, что публицисту, „иногда справляющемуся съ подлинникомъ", мудрено добраться до смысла. Замѣтимъ курьезъ: г. Александровъ имѣетъ притязаніе на то, что онъ пользовался нецензурованнымъ венеціанскимъ изданіемъ. Но во 1-хъ, оно до того рѣдко, что лучшія европейскія библіотеки имѣютъ только разрозненные трактаты этого изданія; во 2-хъ, нѣкоторые изъ цитованныхъ трактатовъ или безвозвратно истреблены или—*вовсе не отпечатаны въ этомъ изданіи.*

Вотъ, стало быть, одно частное мнѣніе, на которое исключительно опирается г. Александровъ, а противъ него множество другихъ, высказанныхъ въ томъ же Талмудѣ, не менѣе равносильныхъ. Если уже допустить вмѣстѣ съ г. Александровымъ, что дѣло идетъ здѣсь не о ханаанскихъ народахъ, а о всѣхъ неевреяхъ, то для еврея возникаетъ вопросъ: которому изъ этихъ мнѣній слѣдовать? Очевидно тому, за которымъ впослѣдствіи признана законная сила, которое получила значеніе галахи. Для набожнаго еврея этотъ вопросъ разрѣшается величайшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ опредѣленія галахи—Маймонидомъ. Маймонидъ говоритъ: „кто украдетъ свыше полушки, нарушаетъ заповѣдь „не укради", и нѣтъ разницы, принадлежитъ ли украденная вещь еврею или язычнику" *.

---

* *Iad Chasaka, IV, тракт. о кражѣ-воровствѣ*, отд. 1-й.

Выпишемъ послѣдніе два аргумента, которыми, по мнѣнію г. Александрова, Талмудъ оправдываетъ воровство у христіанъ. «Во Второзаконіи 24, 14, сказано: *да не лишиши мзды убогаго и требующаго отъ братіи* твоея. Это значитъ, говоритъ Талмудъ, что можно дѣлать противное другимъ (Baba Mezia 111, 2)». Тутъ г. Александровъ опустилъ вторую половину текста: „отъ братіи твоея (Геръ-Тошавъ), *живущаго въ твоей странѣ, инородца у воротъ твоихъ.*" Геръ-Тошавы, слѣдовательно, состоятъ на однихъ правахъ съ евреями, а не подходятъ подъ законъ только семь нечестивыхъ ханаанскихъ племенъ, приносящихъ человѣческія жертвы, не признающихъ брака и проч. Понятно, почему г. Александровъ опустилъ эту послѣднюю половину; приведи онъ ее, было бы очевидно, что законъ касается одинаково и евреевъ и не-евреевъ 2-й категоріи. Всѣ авторитеты относятъ къ этой категоріи и современныхъ христіанъ.

„Не только іудею дозволяется обмануть не-іудея, но дозволяется ему удержать законно и всякую вещь, потерянную не-іудеемъ и попавшую въ руки перваго, *ибо, говоритъ Талмудъ, какъ знать, что потерянная гоемъ вещь дозволена*? (Thalm. Baba Kama 112, 2)." Послѣдней фразы мы не беремся объяснить—она лишена всякаго смысла, и думаемъ, что и г. Александровъ ея не понялъ. Талмудъ въ данномъ случаѣ дозволяетъ удерживать законно потерянную вещь, не потому, что неизвѣстно дозволена ли она, а потому, что дѣло идетъ о 7-ми ханаанскихъ народахъ, придерживавшихся, какъ думали талмудисты, обычая не возвращать найденныхъ вещей; только къ такого рода язычникамъ примѣняется цитированное г. Александровымъ мѣсто изъ Талмуда *. На томъ же листѣ Талмуда ** высказано другое правило на тотъ случай, когда еврей, нашедшій чужую вещь, живетъ въ благоустроенномъ государствѣ: „законъ государства, въ которомъ приходится жить еврею, есть и для него законъ." Послѣднее правило возведено на степень незыблемой галахи, не только вообще, но и въ примѣненіи къ занимающему насъ вопросу о находкѣ. Мы опять таки сошлемся на слова Маймонида: „если Талмудъ исключаетъ язычниковъ изъ правила, по которому най-

* См. объ этомъ подробности въ законодательномъ сборникѣ *Шулханъ-Арухъ*, часть Хошенъ-Мишпатъ.

** Baba Kama 113, 2.

денное возвращается потерявшему, то это исключеніе отнюдь не относится къ не-евреямъ второй категоріи, т. е. признающимъ 7 ноевыхъ заповѣдей. Такіе не-евреи во всѣхъ правахъ сравнены съ евреями.»

2. Мы упомянули о не-евреяхъ, живущихъ при общихъ условіяхъ съ евреями и состоящихъ съ ними на одинаковыхъ правахъ. Мы уже сказали, что такіе инородцы въ Талмудѣ называются *Геримъ-Тошавимъ*: къ нимъ причисляется всякій, кто принялъ 7 ноевыхъ заповѣдей: не поклоняться идоламъ, не приносить человѣческихъ жертвъ, жить въ бракѣ и проч. Напротивъ, г. Александровъ думаетъ, что отъ нихъ требовалось полное принятіе еврейской религіи. «Сколько мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, такіе язычники названы въ Талмудѣ Геръ Тошавъ, т. е. обращенные въ еврейскую вѣру (Berachot 47, 2)». Но въ указанномъ мѣстѣ трактата Берахотъ нѣтъ ни слова объ этомъ. Самое ясное опредѣленіе термина Геръ-Тошавъ мы находимъ въ трактатѣ *Абода Зара* *. Тамъ Р. Мейеръ говоритъ: «Геръ-Тошавъ называется тотъ, кто въ присутствіи трехъ человѣкъ далъ обѣтъ не поклоняться идоламъ, а ученые того мнѣнія, что тотъ есть Геръ-Тошавъ, кто принялъ на себя исполненіе семи ноевыхъ заповѣдей. Мнѣніе ученыхъ получило законную силу галахи».

«А мы, продолжаетъ г. Александровъ, какъ поклонники Христа, остаемся все такими же язычниками». Неизвѣстно, на чемъ основывается это мнѣніе. На Талмудъ г. Александровъ въ данномъ случаѣ не сослался и не могъ сослаться, потому что Талмудъ ясно говоритъ: «Кто принадлежитъ къ какой либо общинѣ, имѣющей религію и законы, какъ бы далеки они ни были отъ нашей религіи и отъ нашихъ законовъ, тотъ ужь не причисляется къ язычникамъ (акумамъ), напротивъ, тотъ принимается какъ бы за еврея во всѣхъ отношеніяхъ; такъ по дѣламъ о потерѣ вещей и т. п. **»

«Если не такъ, настаиваетъ г. Александровъ, то почему же, спрашиваю я, запрещеніе, данное іудеямъ—покупать что либо у язычниковъ за три дня до праздниковъ *своихъ* остается и понынѣ въ силѣ?» Такого запрещенія, отвѣтимъ мы, никогда не бывало, по этому самому оно и не могло оставаться «понынѣ въ силѣ».

* 64, 2.

** Tr. Baba Kama 75.

Точно, было запрещеніе вступать съ язычниками въ торговыя сношенія за три дня до *ихъ* праздниковъ, но Гемара смягчила это запрещеніе, а позднѣйшіе авторитеты и вовсе уничтожили его. «Запрещеніе торговать съ язычниками за три дня до *ихъ* праздника — говоритъ коментарій 13-го стол. *Тосафотъ*, къ трактату Абода-Зара, 2, 1, — не можетъ относиться къ современнымъ народамъ, ибо мы вполнѣ убѣждены, что они не язычники». ‹Въ настоящее время всѣ не-евреи клянутся лишь Святымъ Именемъ; подъ этимъ они не разумѣютъ идоловъ, а, напротивъ, истиннаго Творца неба и земли; хотя они и присоединяютъ къ нему другое существо, тѣмъ не менѣе они — не идолопоклонники› *.

Всѣ выводы г. Александрова основаны на томъ предположеніи, что Талмудъ и позднѣйшая литература евреевъ одинаково относятся къ христіанамъ. Но мы уже видѣли, что доказательства, представленныя имъ. не выдерживаютъ никакой критики, а съ ними вмѣстѣ оказывается несостоятельнымъ и само предположеніе. Вотъ слова г. Александрова: ‹они (евреи) почитаютъ насъ язычниками за то, что мы будто поклоняемся тремъ богамъ и поклоняемся Христу, простому человѣку, который намъ ничѣмъ помочь не можетъ (Joseph Albo in libro Sepher Ikkarim a. D. 1425, Buxtorf, Synagoga Judaica, p. 15).› Что евреи не почитаютъ Христа Богомъ—это мы, полагаемъ, всѣмъ извѣстно и, конечно, въ потверждені этого факта незачѣмъ было приводить Альбо и Буксторфа; но что Альбо почитаетъ христіанъ язычниками — это неправда. Чтобы доказать это г. Александрову, слѣдовало подтвердить свое показаніе ссылкою не на годъ появленія книги, какъ онъ дѣлаетъ (a. D. 1425), а на отдѣлъ и главу ея. Кромѣ того, онъ напрасно не упомянулъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ, можетъ быть, извѣстныхъ его читателямъ. Альбо участвовалъ въ знаменитомъ диспутѣ, происходившемъ въ началѣ 15-го вѣка въ Тортозѣ между еврейскими раввинами и католическими монахами. Послѣ десятимѣсячныхъ преній, католическое духовенство сочло себя вправѣ предать Талмудъ сожженію, а упрямыхъ іудеевъ—разграбленію. Единственнымъ отвѣтомъ евреевъ была книга Альбо „О началахъ еврейской вѣры“, содержаніе которой сводится къ слѣдующему: „все приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что у двухъ разныхъ народовъ одновременно могутъ существовать два божественныхъ закона, и каждый изъ нихъ можетъ приводить своихъ послѣдователей къ вожделѣнному благоденствію“ *.

* Тосафотъ-Бехоротъ 2, 90; Санхедринъ 63, 2.

Евреи нетолько считаютъ христіанъ язычниками, но и твердо намѣрены предпринять противъ нихъ крестовый походъ—по пришествіи Мессіи. Впрочемъ, самъ г. Александровъ колеблется рѣшить, въ какихъ размѣрахъ осуществитъ этотъ злостный планъ воскресшіе евреи. Мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи сопоставить два варіанта, трактующіе объ этомъ предметѣ и взятые нами изъ двухъ статей нашего критика:

День 1861 г. № 25.

‹Мнѣ самому (г. Александрову) случалось бесѣдовать съ весьма умными, образованными и добродѣтельными евреями, изъ которыхъ иные прямо говорили, что если дѣлаютъ нынѣ добро христіанамъ, то дѣлаютъ это по лицемѣрію, потому что они слабѣйшіе въ государствѣ и покупаютъ этимъ добромъ благоволеніе сильнѣйшаго большинства; а другіе, что дѣлаютъ добро по влеченію сердца, никому въ душѣ зла не желаютъ, сознаваясь, однакожъ, что это противно ихъ законамъ; но такъ какъ съ другой стороны законъ дозволяетъ имъ лицемѣрить, то они и могутъ разрѣшить себѣ это добро; что, впрочемъ, если бы они господствовали въ государствѣ, то поставили бы напередъ условіе этому добру, т. е. *обращеніе*

День 1861 г. № 34.

‹А кто эти другіе? (которымъ можно дѣлать зло), это говоритъ знаменитый *Раши*, народы міра, которые не братія іудеямъ. Когда же іудеи достигнутъ прежней силы своей и прійдетъ Мессія, тогда они должны будутъ принуждать всѣхъ неевреевъ *исполнять* хотя *ноевы заповѣди*, и убивать всѣхъ тѣхъ,

* Сеферъ-Иккаримъ, отд. 1 гл. 25.

съ свою вѣру; въ противномъ случаѣ стали бы гнать тѣхъ самыхъ, которымъ помогаютъ нынѣ; болѣе того: стали бы тогда *принуждать всѣхъ — принять ихъ вѣру* и тѣмъ спастись; такой взглядъ на вещи совершенно согласенъ съ ученіемъ Талмуда — (Maimonides, Jad Chasaka, P. IV, c. 8, № 10-й)."

которые будутъ упорствовать. (M a i m o n i d e s) Jad Chasaka. P. IV, c. 8. № 10-й)."

Спрашивается, кому принадлежитъ эта великолѣпная тирада, Маймониду ли, писателю XII вѣка, или «знаменитому» Раши, раввину XI стол., умнымъ ли, образованнымъ и добродѣтельнымъ собесѣдникамъ г. Александрова, или, наконецъ, ему самому—г. Александрову? Затѣмъ остается неразъясненнымъ, кого намѣрены преслѣдовать воскресшіе евреи: тѣхъ ли, которые не примутъ іудейства, или же только тѣхъ, которые откажутся отъ соблюденія семи ноевыхъ заповѣдей, т. е. самыхъ простыхъ началъ нравственности? Разница, очевидно, далеко не такъ маловажна, какъ думаетъ г. Александровъ. Неизвѣстно что говорили ему знакомые его, и самъ онъ этого, кажется, хорошенько не знаетъ,—но мы знаемъ, что ни Раши, ни Маймонидъ ничего подобнаго не говорили. Вотъ, напримѣръ, слова послѣдняго: «учитель нашъ Моисей далъ законъ народу іудейскому и тѣмъ народамъ, которые обратятся къ іудейству. Но никому не должно навязывать силою исполненіе *закона*. Такъ было заповѣдано Господомъ Богомъ нашему учителю Моисею. Только къ соблюденію *семи ноевыхъ заповѣдей* должно принуждать всѣхъ людей; того должно истребить, кто отъ *нихъ* откажется. Кто же принимаетъ ихъ и соблюдаетъ, тотъ состоитъ на общихъ съ евреями основаніяхъ—тотъ *Геръ-Тошавъ*» *.

Вотъ новое доказательство, что Геръ-Тошавъ не значитъ обращенный въ еврейскую вѣру; евреи никогда не смѣшивали неевреевъ, принявшихъ 7 заповѣдей и eo ipso живущихъ на общихъ юридическихъ основаніяхъ съ евреями и семи ханаанскихъ племенъ. Христіане признаютъ семь заповѣдей и въ силу этого поль-

* Iad Chasaka, ч. IV, гл. 10, § 10.

зуются всѣми правами и преимуществами, присвоенными первымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если, по увѣренію г. Александрова, въ Талмудѣ сказано: „запрещается спасти отъ смерти акума (не-іудея), ибо спасти его значитъ увеличить число ихъ; къ тому же сказано: да не помилуеши ихъ. (Aboda sara 26, 1; 20, 1, in Toseph)", - то слово „*акумъ*" г. Александровъ напрасно поясняетъ *«неіудей»*. Акумъ и неіудей, по понятіямъ Талмуда два понятія разныя. Въ еврейскомъ языкѣ даже не существуетъ слова «акумъ»; оно есть не болѣе какъ сокращеніе трехъ словъ: *А* (вде) К (охубимъ) *ум* (азолотъ) и означаетъ буквально — поклонники звѣздъ и планетъ *. Самъ г. Александровъ знаетъ это не хуже насъ, но ему во что бы то ни стало нужно доказать, что талмудъ отождествляетъ христіанъ съ идолопоклонниками-акумами, и вотъ онъ утверждаетъ, что евреи употребляютъ слово „акумъ" еще какъ сокращеніе словъ *А* (вде) *К* (ристосъ) *ум* (аримъ), т. е. поклонники Христа и Маріи. Но г. Александровъ вѣроятно забылъ то, чего талмудисты никогда не забывали: что Христосъ и Мессія выражаютъ одно и тоже понятіе. Выходитъ что талмудисты величали своихъ противниковъ христіанъ—поклонниками *Мессіи*. Нелѣпость такого положенія потому только не бросилась г. Александрову въ глаза, что онъ нашелъ ее у Кіарини. Но откуда взялъ ее Кіарини? Этого вопроса напрасно не потрудился себѣ задать нашъ критикъ, иначе бы онъ зналъ, что эта нелѣпица имѣетъ свою исторію, ярко изобличающую ея достоинство. Къ Кіарини она попала изъ Эйзенменгера, Эйзенменгеръ взялъ ее у Вагензейля, а Вагензейль слышалъ ее отъ „одного, вѣроятія достойнаго, еврея", а всего вѣроятнѣе—самъ ее выдумалъ.

Но обратимся къ прежней цитатѣ: не должно спасать отъ смерти идолопоклонниковъ. Г. Александровъ забылъ упомянуть, что Талмудъ запрещаетъ спасать отъ смерти не только акумовъ (поклонниковъ звѣздъ и планетъ), но даже *евреевъ*, пасущихъ мелкій скотъ, не свѣдущихъ въ законѣ. Послѣднее немного странно— согласны; но оно лучше всего доказываетъ, что подобныя рѣзкія мѣста изъ Талмуда имѣютъ значеніе не общеприложимаго закона, а частнаго историческаго факта, имѣвшаго въ свое время вѣро-

* Между *к* и *м* въ словѣ „акумъ" есть вставка, соотвѣтствующая союзу *и*.

ятно смыслъ. Объ этой цитатѣ сказалъ Гай-Гаонъ, авторитетъ X стол.; „кто принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ эти изрѣченія, тотъ стóитъ самъ подобной участи", а законодательный сборникъ Шулханъ-Арухъ, не разъ цитуемый г. Александровымъ, выражается такъ: „говоря, что не слѣдуетъ спасать отъ смерти язычника, наши мудрецы относили это изрѣченіе лишь къ тѣмъ язычникамъ, которые въ ихъ время поклонялись звѣздамъ и планетамъ, не вѣрили ни въ исходъ евреевъ изъ Египта, ни въ сотвореніе міра. Но тѣ неевреи, подъ покровительствомъ которыхъ мы нынѣ бѣдствуемъ, вѣруютъ въ сотвореніе міра и въ исходъ евреевъ изъ Египта, а также во многія статьи нашей религіи, и всѣ ихъ стремленія направлены къ Тому, Кто создалъ небо и землю. Не только не запрещается спасать ихъ отъ смерти, но мы обязаны молить Господа Бога объ ихъ благоденствіи" *.

3. Для г. Александрова текстъ подлинника не существуетъ; выкинуть изъ него нѣсколько словъ, вставить свою фразу, вырвать одно слово изъ общей связи—для него ничего не значитъ. Всѣ эти мелочи, неприличныя въ частномъ спорѣ, онъ считаетъ вполнѣ извинительными въ литературной полемикѣ противъ евреевъ. На каждомъ шагу встрѣчаются у него уловки въ родѣ слѣдующей: „Пророкъ Іеремія говоритъ евреямъ, плѣненнымъ въ Вавилонѣ: „взыщите мира земли, на ню же переселихъ вы и молите Господа за ня яко въ мирѣ ихъ будетъ миръ вамъ". Но Талмудъ находитъ эту заповѣдь слишкомъ благодушною и даетъ ей слѣдующее толкованіе: молитесь за миръ царства *не-іудейскаго*, ибо какъ въ морѣ рыбы пожираютъ другъ друга, такъ люди пожрали бъ другъ друга, еслибъ страхъ власти не удерживалъ ихъ (Pirke Aboth, гл. 3, 2)." Въ приведенномъ трактатѣ Талмуда, въ такъ называемыхъ *Притчахъ Отцовъ*, сказано просто-напросто: „рабби Ханинѣ принадлежитъ изрѣченіе: молись за благоденствіе государственной власти, ибо не будь къ ней должнаго уваженія, люди живьемъ бы пожирали другъ друга". Тутъ говорится только объ общественной анархіи съ ея неминуемыми послѣдствіями, безъ всякаго намека на оппозицію пророку Іереміи. Все это принадлежитъ нецеремонному переложенію г. Александрова.

Что отвѣчать на слѣдующій упрекъ: «въ молитвахъ своихъ іудеи говорятъ: благословенъ Господь Богъ нашъ, Царь міра сего,

* Хошенъ-Гамишпатъ, гл. 425, 6, 5. fol. 484, col. 2.

не сотворившій меня акумомъ или гоемъ, и не сотворившій меня рабомъ (слугой) (Buxtorf, Synagoga Judaica, p. 149, 151)»? При всемъ нашемъ стараніи, намъ не удалось отыскать въ указанномъ мѣстѣ и тѣни ненависти къ христіанамъ. Самъ г. Александровъ уяснилъ бы себѣ смыслъ этой молитвы, еслибъ потрудился прочесть у Буксторфа ея продолженіе: «благословенъ не сотворившій меня женщиной» *. Евреи радуются, что Богъ ихъ не создалъ женщинами, а между тѣмъ еще Тацитъ замѣтилъ, что они никогда не были ненавистниками женскаго пола. Евреи рады своей свободѣ, и мы думаемъ, что безъ натяжки невозможно видѣть въ этомъ ненависть къ христіанамъ, всего менѣе иронію надъ страшнымъ анахронизмомъ, еще такъ недавно пережитымъ Россіею. Наконецъ, евреи считаютъ себя лучше другихъ народовъ—мы просимъ г. Александрова указать намъ хотя одинъ народъ древній или современный, который бы этого о себѣ не думалъ.

4. Евреи, утверждаетъ г. Александровъ, переносятъ свою ненависть къ Христіанамъ и въ загробную жизнь. Въ подтвержденіе тому приведены три ссылки на Талмудъ. 1-ая: «Одни евреи воскреснутъ и наслѣдуютъ блаженство жизни вѣчной (Sanhedrin 90, 1)»; 2-ая: «Всѣ прочіе народы останутся на вѣки въ гробахъ и въ аду; душа ихъ неспособна воскреснуть, ибо сказано: «возвратятся въ адъ нечестивые, всѣ народы, забывающіе Бога. А кто забывающіе Бога? Всѣ *Кутимы*, отвѣчаетъ Талмудъ, т. е. не-іудеи (Sanhedrin, 105, 1)»; 3-ья: «Ибо не-іудеи, по словамъ Исаіи (XXVII, 11) не суть люди, имуще смысла, сего ради не ущедритъ сотворившій я, ниже создавшій ихъ помилуетъ (Sanhedrin 92, 1)».

Точка. Талмудъ сказалъ, а г. Александровъ закрѣпилъ своимъ авторитетомъ. Но русскій читатель, конечно, не имѣетъ притязаній на знакомство съ тонкостями талмудической казуистики: нашъ критикъ напрасно не объяснилъ намъ, профанамъ, при какихъ обстоятельствахъ сложились эти интересныя изрѣченія, чтó имъ предшествуетъ и чтó слѣдуетъ за ними въ Талмудѣ. Читателю не мѣшало бы узнать нѣкоторыя подробности. Въ талмудскомъ трактатѣ *Санхедринъ* на многихъ листахъ тянется споръ между двумя религіозными партіями, во главѣ которыхъ стоитъ рабби Элиезеръ съ одной и р. Іошуа съ другой стороны. Спорный пунктъ постав-

* Synagoga Iudaica (ed. Basil. 1680), cap. 10, p. 198.

ленъ такимъ образомъ: «Всѣ евреи обрѣтутъ царство небесное, за исключеніемъ непризнающихъ загробной жизни, преданныхъ эпикурейзму и т. д., затѣмъ лишены царства небеснаго трое царей іудейскихъ и четверо простолюдиновъ, изъ которыхъ одинъ — Билеамъ, нееврей». Все это говоритъ Мишна. По поводу послѣдней фразы въ Гемарѣ и возникаетъ споръ между Эліезеромъ и Іошуей.

«Билеамъ не наслѣдуетъ царства небеснаго, утверждаетъ «Мишна, но спрашивается: обрѣтутъ ли его остальные неевреи? «На это замѣтилъ рабби Эліезеръ: «въ псалмѣ 9-мъ, ст. 18 й, сказано: «возвратятся въ адъ нечестивые, всѣ забывающіе Бога», не относятся ли слова: *возвратятся нечестивые* къ нечестивымъ изъ «евреевъ, а слова: *забывающіе Бога*—ко всѣмъ иновѣрцамъ»? Но «рабби Іошуа возразилъ:» если бы было сказано *какъ* нечестивые, «*такъ* и забывающіе Бога возвратятся въ адъ, то одно выраженіе «можно бы примѣнить къ нечестивымъ изъ евреевъ, а другое къ «иновѣрцамъ; но вѣдь этого не сказано; напротивъ, сказано: воз«вратятся въ адъ нечестивые, всѣ забывающіе Бога. По этому, «продолжаетъ рабби Іошуа, не только первая половина стиха, но и «вторая исключительно относятся къ нечестивымъ изъ евреевъ. «За «мнѣніемъ рабби Іошуи утверждена законная сила (Sanhedrin «105, 1)».

Какое заключеніе можно вывести изъ этого? Единственное возможное заключеніе есть то, къ которому пришли Раши и Маймонидъ. Раши коментируетъ сейчасъ приведенное мѣсто такъ: «Богъ выберетъ изъ среды народовъ не-іудейскихъ людей нечестивыхъ и поселитъ ихъ въ аду; они не обрѣтутъ царства небеснаго, *а остальные обрѣтутъ его*». А Маймонидъ: «не-іудеи, соблюдающіе семь ноевыхъ заповѣдей, т. е. Геръ-Тошавы, *сподобятся загробно жизни*» (*Ядъ Хазака*, ч. 4-ая, тракт. о Царяхъ, отд. 8-й, § 11). Это превосходное положеніе г. Александрова популяризируетъ для своихъ читателей слѣдующимъ образомъ: «Маймонидъ тоже говоритъ; «праведные другихъ народовъ будутъ участниками славы грядущаго міра» (Iad Chasaka). Здѣсь подъ *праведными* разумѣются благочестивые, поклонники Еговы, т. е. обращенные въ правовѣріе *іудейское*». Въ виду этой выписки читателямъ и безъ нашей помощи, надѣемся, нетрудно будетъ оцѣнить по достоинству изумительное искусство, съ какимъ г. Александровъ эксплуатируетъ Маймонида.

Такъ-то упраздняются первыя двѣ цитаты, съ неподражаемою ловкостію вырванныя изъ общей связи. Остается третья, въ которой Эліезеръ дѣлаетъ довольно странное примѣненіе словъ Исаіи, гл. XXXII, 11. Г. Александровъ забылъ прибавить, что тамъ рѣчь вовсе не идетъ о не-евреяхъ, а о евреяхъ, нарушающихъ постановленія еврейскаго обряда. Ихъ то «мрачный» Эліезеръ, въ противность р. Іошуѣ, считаетъ людьми, неимущими смысла. Кстати, о рабби Іошуѣ. Его личность подала поводъ къ прекурьезному недоразумѣнію. Одинъ изъ многочисленныхъ оппонентовъ г. Александрова, г Мельгуновъ, справедливо замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ перепутывать тексты Талмуда съ мнѣніями позднѣйшихъ коментаторовъ. Такого упрека не вынесло ученое самолюбіе г. Александрова. «Замѣчу мимоходомъ, восклицаетъ онъ, что г. Мельгунову не слѣдовавало бы ссылаться на рабби Іошуа, какъ позднѣйшаго коментатора, ибо подобныя же мои ссылки, по его словамъ дали поводъ знатокамъ дѣла усомниться въ подлинности приведенныхъ мною мѣстъ изъ Талмуда». Рабби Іошуа жилъ въ концѣ 1-го ст, т. е. въ такую эпоху, когда Талмудъ еще только слагался, а г. Александровъ считаетъ его «позднѣйшимъ коментаторомъ Талмуда».

Намъ кажется, что самъ г. Александровъ смутно сознавалъ, какъ ненадежны тѣ доводы, на основаніи которыхъ онъ взялся построить замогильную ненависть Талмуда къ не-евреямъ. Онъ допускаетъ возможность для Талмуда признать безсмертіе ихъ души: „но продолжаетъ онъ, если бы даже другіе народы и были участниками грядущаго міра, то нужно знать, какъ Талмудъ разумѣетъ это участіе. Пророкъ Исаія говоритъ: *и пріидутъ инородніи, пасущіи овца твоя и иноплеменницы, оратели и винoградари ваши, вы же священницы Господни наречетеся.* Изъ чего евреи понимаютъ, что мы будемъ у нихъ тогда вмѣсто слугъ и рабовъ. Въ поясненіе участія нашего въ блаженствѣ будущей жизни, Талмудъ прибавляетъ: въ день суда Богъ возьметъ книгу закона, призывая къ наградѣ всѣхъ исполнителей его. Тогда взмолятся всѣ народы къ Богу, прося его дозволить имъ хоть въ этотъ день исполнить какой-нибудь обрядъ этого закона. Тогда онъ дозволитъ имъ исполнить легкій обрядъ праздника *скиніи*, но въ тоже время пожжетъ ихъ лучами солнца съ такою силою, что они будутъ принуждены покинуть скиніи, и Богъ посмѣется надъ ними (Aboda-Sara, 2, 1, 3, 2)». Приведенная выписка находится въ Талмудѣ

но не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ приводитъ ее г. Александровъ. Онъ, по обыкновенію, счелъ себя вправѣ выбросить нѣкоторыя подробности, съ виду неважныя, но которыя могли бы смягчить строгій приговоръ нашего критика. Для возстановленія истины мы позволимъ себѣ привести весь отрывокъ цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ обширной агадѣ-легендѣ когда-то входившей въ составъ народныхъ сказаній о страшномъ судѣ и не лишенной нѣкотораго поэтическаго интереса.

„Въ день судный, сказано въ Талмудѣ, Богъ возьметъ Св. «Писаніе и воскликнетъ: тотъ да пріидетъ и пріемлетъ награду, «кто занимался имъ.—Тогда выступятъ передъ Богомъ народы въ «пестрой смѣси.... каждый народъ порознь, дабы онъ могъ выслу«шать, что Господь Богъ ему скажетъ. Первые явятся Римляне «—Почему они первые?—*Потому, что они занимаютъ первое мѣсто «между народами.*—Откуда это доказано?—Изъ Даніила: *Четвертый «звѣрь будетъ четвертое царство на землѣ, которое будетъ отли«чаться отъ прочихъ царствъ; онъ пожретъ, истопчетъ, какъ жер«новъ раздавитъ всѣ страны.* Это есть грѣшный Римъ, котораго «прегрѣшенія знаетъ весь міръ. Когда явится Римъ, то Богъ спро«ситъ: Чѣмъ занимался ты?—Римъ отвѣтитъ: Владыко міровъ, мы «построили много городовъ, возвели много зданій, накопили много «золота и серебра, и все это на пользу народа Израильскаго, дабы «онъ могъ беззавѣтно предаться изученію закона.—Но на это Гос«подь имъ отвѣтитъ: безумные, только для себя самихъ и для «своего удовольствія вы работали: вы строили города, чтобы на«селять ихъ непотребными женщинами; зданія вы возвели, чтобы «въ нихъ предаваться разврату; а ваше золото и серебро — оно «принадлежитъ мнѣ; развѣ не писано: Мнѣ принадлежитъ и золото «и серебро, говоритъ Богъ Саваоѳъ. Но есть ли между вами хоть «одинъ, который бы указалъ на *то*.... на законъ, который Моисей «предложилъ сыновьямъ Израиля?—Когда Римляне это услышатъ «они отойдутъ съ сокрушеннымъ сердцемъ.—Затѣмъ выступятъ «Персы; они будутъ приводить въ свою пользу такіе-же доводы; «Богъ ихъ также обличитъ во лжи и осудитъ, потому что никто «изъ нихъ не укажетъ на *то*, на законъ, который Моисей пред«ложилъ сыновьямъ Израиля. И Персы отойдутъ съ сокрушеннымъ «сердцемъ.—Затѣмъ выступятъ другіе народы и будутъ также осуж«дены. Они станутъ оправдываться тѣмъ, что законъ имъ не былъ «предложенъ. Но это окажется невѣрнымъ. Тогда они возразятъ:

«хотя намъ и былъ данъ законъ, но мы не знали ничего о карахъ, «которыя понесемъ за несоблюденіе его. На это Господь имъ ска«жетъ: если это такъ, то посмотрите, исполнили ли вы хоть тѣ «заповѣди, которыя я вамъ далъ прежде—до Моисея. Я вамъ далъ «семь ноевыхъ заповѣдей, соблюдали ли вы ихъ?... Окажется, что «народы не соблюдали и семи ноевыхъ заповѣдей.... Тогда они «скажутъ Господу Богу: Израиль вѣдь принялъ законъ, а соблю«далъ ли онъ его?... Засвидѣтельствуетъ Богъ, затѣмъ небо и земля, «затѣмъ сами недруги Израиля засвидѣтельствуютъ, что Израиль «соблюдалъ законъ.—Тогда народы міра скажутъ: Владыко міровъ! «дай намъ теперь законъ, мы его станемъ соблюдать.—На это Богъ «имъ отвѣтитъ: безумные, развѣ не знаете, что кто наканунѣ «субботы изготовилъ себѣ пищу, тотъ имѣетъ что ѣсть въ субботу, «кто же этого не сдѣлалъ, тотъ долженъ въ субботу голодать. Но «все-таки исполню вашу просьбу: въ моемъ законѣ есть нетруд«ный обрядъ, называемый праздникомъ кущей,—идите и празд«нуйте его.—Тотчасъ всѣ уйдутъ и сдѣлаютъ кущи на крышахъ «домовъ своихъ. Тогда Богъ вышлетъ солнце, дотого палящее и «жгучее, словно какъ въ мѣсяцѣ августѣ, что всѣ оставятъ «кущи съ негодованіемъ, топая ногами.—Какъ же Богъ могъ «сдѣлать это и мучить ихъ палящимъ зноемъ? Ты вѣдь сейчасъ «сказалъ, что Богъ не обходится жестоко съ своими созданіями.— «Это дѣйствительно не жестокое обхожденіе, потому что случается «часто, когда евреи совершаютъ праздникъ кущей, то настаетъ «жара, какъ въ мѣсяцѣ августѣ, и она имъ также въ тягость. Но «вѣдь говорятъ же наши ученые: кому это въ тягость, тотъ мо«жетъ выйти изъ кущей.—Они вольны выйти, но имъ не слѣдо«вало оставлять кущей гнѣвно, топая ногами,—вотъ въ чемъ ихъ «вина.... Когда Богъ это узритъ, онъ посмѣется надъ ними, какъ «писано: живущій въ небѣ насмѣхается надъ ними, Господь глу«мится надъ ними» *.

Читатель видитъ, бѣда не такъ велика, какъ казалось съ перваго взгляда. Фантазія всѣхъ народовъ создаетъ себѣ привилегированное положеніе на томъ свѣтѣ. Св. Несторъ съ наслажденіемъ повторяетъ слова Грека: „грѣшникамъ будетъ мука огненная и червь неусыпающій и мукѣ не будетъ конца.

* Тр. Абода Зара, 2 и слѣд.

Вотъ какія мученія будутъ тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Бога нашего Іисуса Христа! Мучимы будутъ въ огнѣ всѣ, кто не крестится"*. Съ какой же стати стали бы мы требовать отъ евреевъ исключенія изъ общаго правила? Впрочемъ, приведенная нами талмудическая легенда вовсе не имѣетъ въ виду христіанъ: она возникла, когда римляне еще занимали первое мѣсто между народами, т. е. въ то время, когда христіанство еще не успѣло сдѣлаться господствующей религіей. Для того времени эта Агада еще довольно либеральна.

5. Талмудъ допускаетъ возможность для не-еврея обрѣсти царство небесное. Основываясь на этомъ, мы могли бы и не отвѣчать на вопросъ: признаютъ ли евреи не-евреевъ людьми, или нѣтъ? Но, рѣшившись разсмотрѣть всѣ до одной цитаты изъ Талмуда, мы приведемъ и слѣдующую: «Вы людіе мои, овцы пастві моея, сказано у Езекіиля (34, 31); что означаетъ, прибавляетъ Талмудъ, что одни евреи люди, а противное должно разумѣть о всѣхъ не-евреяхъ (Aboda-Sara, 3, 1, въ Toseph; Baba-Mezia, 114, 2).» — Какъ все ловко пригнано: Езекіиль проговорился *вы людіе мои*, а Талмудъ подхватилъ: стало быть, всѣ остальные *не люди*. Но на самомъ дѣлѣ этой гармоніи нѣтъ. Въ 31-мъ стихѣ 34-й главы Езекіиля слова: «*вы людіе*» не находятся. Затѣмъ, русскому читателю не мѣшало-бы узнать что ненавистный коментарій сдѣланъ къ нимъ не Талмудомъ, а однимъ изъ немногихъ раввиновъ, спасшихся отъ послѣдняго іерусалимскаго разгрома. Преслѣдуемый во всю свою жизнь, укрываясь цѣлые 13 лѣтъ отъ римскихъ сыщиковъ, видя кровавыя гоненія и казни, Симонъ-бенъ-Іохай имѣлъ нѣкоторое основаніе излить свою желчь на обладателей тогдашняго міра. Но Талмудъ не закрѣпилъ своимъ авторитетомъ его мрачныхъ воззрѣній. Вотъ тому доказательства: современникъ и товарищъ Симона-бенъ-Іохая, р. Акиба, училъ: „Высоко поставленъ человѣкъ—онъ созданъ по образу и подобію Божію. Высоко поставленъ Израиль — ему данъ дивный сосудъ, Св. Писаніе" **. Первая половина фразы, очевидно, относится ко всѣмъ людямъ вообще, не только къ Израилю; объ

* См. любопытную статью Буслаева: *Изображеніе страшнаго суда по русскому подлиннику 17 вѣка*, въ Современникѣ 1858 года.

** *Pirke Abot*, 3, 14.

Израилѣ говорится въ другой половинѣ. Рабба говорилъ: „язычникъ имѣетъ право покупать землю въ Іудеѣ, ибо въ 16 стихѣ 115 псалма сказано: небо есть небо господне, а землю онъ далъ сынамъ человѣческимъ" *. Раввины сказали: „всякій человѣкъ смиренный долженъ походить на Гиллеля, и не брать примѣра съ суроваго Шамая. Однажды явился къ Шамаю иновѣрецъ и сказалъ: сдѣлай изъ меня еврея только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я могъ прослушать все ученіе іудейское во столько времени, сколько я могу простоять на одной ногѣ. Шамай вытолкалъ его аршиномъ, который въ ту пору былъ у него въ рукахъ. Иновѣрецъ тогда обратился къ Гиллелю и повторилъ свое требованіе. Гиллель далъ ему такой отвѣтъ: не дѣлай ближнему того, что самому противно—вотъ все ученіе; остальное лишь поясненіе къ нему,—ступай и учись!" **. Тоже подтверждаетъ рабби Акиба, говоря: «стихъ Св. Писанія: люби ближняго, какъ самаго себя—изъ всѣхъ правилъ ученія—самое главное». Но такъ какъ иные ограничивали понятіе о *ближнемъ* принадлежностію къ еврейскому вѣроисповѣданію, то Бенъ-Азай дополнилъ изрѣченіе р. Акибы слѣдующимъ образомъ: «Стихъ: *вотъ книга потомковъ Адама* (Бытія 5, 1) еще важнѣе, ибо онъ пріобщаетъ всѣхъ людей къ одному отцу—Адаму» ***. Считаемъ нелишнимъ присовокупить, что за всѣми мнѣніями Гиллеля, Акибы, Бенъ-Азая и Раббы Талмудъ призналъ силу закона, силу *Галахи*.

Убѣдили-ли мы г. г. критиковъ, что Талмудъ признаетъ за каждымъ человѣкомъ его человѣческое достоинство? Впрочемъ, этимъ далеко не исчерпывается запасъ курьезныхъ обвиненій, поразившихъ насъ въ разбираемыхъ статьяхъ. Каково бы ни было ихъ доказательное значеніе, за ними нельзя не признать характера необычайной оригинальности. Скажите на милость, кому придетъ въ голову корить евреевъ пренебреженіемъ къ Св. Писанію, предпочтеніемъ, оказываемымъ на счетъ его чему бы то ни было въ мірѣ? Однако, съ легкой руки аббата Кіарини, удалось найти это предпочтеніе въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ Талму-

* *Gittin*, гл. 5, листъ 47.

** *Sabbath*, 30.

*** *Торатъ-Коганимъ*, трактатъ *Кидушинъ*.

да: „Изучающій Библію дѣлаетъ доброе дѣло и недоброе; изучающій Мишну (одну часть Талмуда) дѣлаетъ дѣло достойное мзды; но изучающій Гемару (другую часть Талмуда) дѣлаетъ такое дѣло, съ которымъ никакое не сравнится. (Baba Mezia 33, 1)". Тутъ, однако, опущенъ конецъ фразы, которымъ, однако, видоизмѣняется весь смыслъ изрѣченія: *«тѣмъ не менѣе*, продолжаетъ Талмудъ, *изучай Мишну предпочтительно предъ Гемарой»*. И такъ мнимое предпочтеніе, оказанное Гемарѣ передъ Мишною, не помѣшало Талмуду настаивать на необходимости изученія Мишны. Точно также признать это изученіе достойнымъ мзды еще не значило превозносить Мишну на счетъ Библіи. На языкѣ талмудистовъ дѣлать дѣло доброе и недоброе значитъ не болѣе, какъ дѣлать дѣло на половину. Смыслъ, стало быть, всего текста долженъ быть возстановленъ слѣдующимъ образомъ: Священное Писаніе нуждается въ объясненіяхъ и дополненіяхъ, кто изучаетъ голый текстъ его, тотъ дѣлаетъ дѣло лишь на половину; кто изучаетъ его въ связи съ коментаріемъ — Мишной, тому воздастся по заслугамъ; но никакое занятіе не сравнится съ изученіемъ Гемары, необходимаго коментарія къ Мишнѣ; тѣмъ не менѣе, изучай Мишну, она ближе къ своему источнику, Св. Писанію, чѣмъ Гемара. Въ чемъ тутъ высказывается предпочтеніе Талмуда предъ Св. Писаніемъ?...

„Талмудъ ставитъ себя выше Библіи и вотъ какъ объ этомъ выражается: Виноградная лоза — это люди, знающіе Библію; первые (?)... виноградинки—люди, знающіе Мишну; спѣлые грозди—люди, знающіе Гемару (Erubin, 21, 2; Sota 21, 1)". Не понимаемъ, гдѣ тутъ можно вычитать предпочтеніе. Развѣ виноградная лоза не важнѣе гроздій, хотя бы и спѣлыхъ? Въ чемъ тутъ предпочтеніе?

По увѣренію г. Александрова, «историкъ Basnade (не Банажъ-ли?) говоритъ, что евреи равняютъ Талмудъ закону Божію, даже предпочитаютъ Талмудъ Св. Писанію; сравнивая Писаніе съ водою, Преданіе съ добрымъ виномъ, а Гемару съ благовоннымъ нектаромъ». Мы опять таки не въ состояніи отыскать въ этихъ аллегорическихъ сравненіяхъ предпочтенія. Г. Александровъ признается, что этотъ курьезъ предвосхитилъ у него Банажъ. Но въ такомъ случаѣ отчего онъ не обратилъ вниманія на то, что самому Банажу не вѣрилось въ справедливость своей талмудической экзегетики. Вотъ его слова: Les juifs sont convaincus que les Thalmudistes n'ont jamais été inspirés du saint Esprit et ils n'atribuent cette inspiration qu'aux prophètes *.

«Оспаривать раввина своего значитъ оспаривать самого Бога (Sanhedrin 110, 1), нарушающій слова ученыхъ Израиля повиненъ смерти (Erubin 21, 1), ибо слова ученыхъ этихъ достойнѣе словъ закона Моисеева (ibid.)». Всѣ эти цитаты могутъ быть вѣрны и, однакожъ, въ нихъ справедливая критика едвали усмотритъ поводъ къ порицанію. Всѣ мы, евреи и не-евреи, согласны въ томъ, что въ моисеевомъ законодательствѣ найдутся нѣкоторые элементы, имѣвшіе свой историческій смыслъ, но впослѣдствіи утратившіе его. И не мы одни это сознаемъ; сами талмудисты очень хорошо чувствовали эти недостатки; правила: око за око, зубъ за зубъ, вынужденный бракъ съ женою умершаго брата, многоженство и т. п. настоятельно вызывали преобразованія и новыя законоположенія; по отношенію этихъ новыхъ законоположеній, и только по поводу ихъ, Талмудъ говоритъ, что слова ученыхъ Израиля достойнѣе вниманія, чѣмъ слова Моисея, и что „нѣтъ болѣе мира тому, кто отъ ученія Талмуда возвратится къ изученію Библіи (Chagiga 10, 1)". Просимъ г. г. критиковъ слова *изученіе Библіи* замѣнить словами *ученіе Библіи*, и тогда смыслъ изрѣченія будетъ менѣе ненавистенъ, зато болѣе понятенъ. Замѣчательно, что это свободное отношеніе къ моисееву законодательству перешло къ лучшимъ дѣятелямъ еврейскаго богословія среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени. Раши, напримѣръ, утверждаетъ, что уваженіе, питаемое евреями къ Священному Писанію, должно быть распространено на нѣкоторыя постановленія нѣкоторыхъ авторитетовъ. Самъ Талмудъ нигдѣ не признаетъ своего дѣла законченнымъ на вѣки, свои постановленія безусловно обязательными для евреевъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Собравшись „отыскать свидѣтельства объ обязательности Талмуда въ немъ самомъ", г. Александровъ отыскалъ лишь одно мѣсто: „Моисей получилъ законъ на Синаѣ, т. е. законъ писанный и законъ устный: тотъ и другой содержатся нынѣ въ Талмудѣ (Pirke Aboth)." Трактатъ *Пирке Аботъ* (*Притчи Отцовъ*) входитъ въ составъ Мишны, сборника, законченнаго за нѣсколько сотъ лѣтъ до заключенія Талмуда,

* *Basnage*, Histoire des juifs, t. IV, p. 165 (à la Haye, 1716).

тамъ, стало быть, не могло быть и рѣчи о Талмудѣ. Тамъ просто сказано: ,,Моисей получилъ законъ на Синаѣ, передалъ его Іисусу Навину, Іисусъ—судьямъ, судьи—пророкамъ, пророки—членамъ великаго собранія; отъ послѣднихъ имѣемъ три изрѣченія: не судите зря; старайтесь увеличить число учениковъ и возведите ограду вокругъ Писанія." Къ тексту подлинника прибавлено нѣсколько штриховъ, незамѣтнымъ образомъ исказившихъ смыслъ самаго невиннаго изрѣченія.

Выпишемъ еще одинъ послѣдній упрекъ: ‹Талмудъ хвалится тѣмъ, что раввины могутъ сдѣлать триста возраженій противъ пункта, ясность котораго очевидна (Iebamoth, 16, 1)›. Въ этомъ мы видимъ лишь нѣкоторое пристрастіе къ спору, какъ со стороны Талмуда, такъ и еще болѣе—со стороны г. Александрова. Послѣдній, очевидно, не вдумался въ смыслъ словъ перваго. Талмудъ утверждаетъ, что противъ каждаго богословскаго пункта можно представить триста возраженій, а не опроверженій. Что жъ въ этомъ удивительнаго?

Мы разсмотрѣли до сихъ поръ 27 цитатъ: изъ нихъ большая часть,—надѣемся, мы успѣли убѣдить въ томъ читателя—оказались дурно понятыми. Пяти цитатъ мы не нашли, потому что въ указанныхъ мѣстахъ онѣ не находятся вовсе *. Г. Александрову не трудно-бы оправдать себя указаніемъ того рѣдчайшаго изданія Талмуда, которымъ онъ пользовался при составленіи своихъ статей. Вѣдь не для одной же красоты слога увѣряютъ читателей: „при этомъ нужнымъ считаю присовокупить, что приводя выписки изъ Талмуда, я имѣлъ подъ рукою и подлинникъ, а *нѣкоторое* знакомство съ еврейскимъ языкомъ давало мнѣ возможность повѣрять *иногда* точность ихъ перевода?"

На этомъ могли бы мы остановиться. Всѣхъ мотивированныхъ ссылокъ на Талмудъ въ разбираемой статьѣ счетомъ 33. Статья носитъ заглавіе: нѣсколько словъ о *Талмудѣ*. Слѣдовательно мы могли бы избавить читателя отъ скучнаго пересмотра неталмудическихъ цитатъ, которыя полемическая нецеремонность нашего критика сочла удобнымъ перемѣшать съ цитатами изъ Талмуда, оставляя въ сомнѣніи, что̀ принадлежитъ Талмуду и что̀ позднѣйшему

* Вотъ эти цитаты: Chullin, 91, 2: Berachoth, 71. (7,1?); Mischna Aboda-Sara, 11, 2; Baba Mezia, 2, 3; Jebamoth, 23, 1. (2 раза).

времени. Но есть ссылки, въ отношеніи которыхъ г. Александровъ не ограничивается подобнымъ сомнѣніемъ; онъ прямо выдаетъ ихъ за талмудическія.

Напримѣръ, онъ говоритъ: ‹*Талмудъ* учитъ: запрещается давать что либо не-іудеямъ безъ лихвы; съ лихвой же дозволяется, ибо сказано: чуждому да даси въ лихву, брату же твоему да не даси. (Aboda-Sara, Pirke Toseph. 77, 1; Jad Chasaka. P. IX, fol. 172, col. 1, cap. 5, №1)».

Что такое Пирке-Тосафотъ? Пирке-Тосафотъ не болѣе, какъ коротенькое извлеченіе изъ Тосафотъ, а Тосафотъ въ свою очередь не иное что, какъ примѣчанія къ Талмуду, составленныя въ 13 и 14 стол. А читателей увѣряютъ, что извлеченіе изъ этихъ примѣчаній, сдѣланное около 16-го вѣка, и есть самый Талмудъ. Пойдемъ далѣе; мы утверждаемъ, что такого мѣста ни въ Пирке-Тосафотъ, ни въ Ядъ-хазакѣ Маймонида нѣтъ и не бывало.

Законы о процентахъ имѣютъ свою исторію. Моисеево законодательство запрещаетъ безусловно брать проценты съ евреевъ, но съ инородцевъ позволяетъ. Въ виду этого постановленія, Талмудъ предостерегаетъ евреевъ отъ ростовщичества: кто даетъ неевреямъ за проценты взаймы, не будетъ богатство его прочно, говоритъ онъ. *. Маймонидъ стоитъ въ этомъ вопросѣ на почвѣ Талмуда. Въ указанномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что акуму (идолопоклоннику) и Геръ-Тошаву (инородцу, принявшему 7 ноевыхъ заповѣдей) можно *платить* проценты, а также *брать* съ нихъ проценты, а съ акума даже должно; слѣдовательно съ современныхъ христіанъ, подходящихъ подъ разрядъ Геръ-Тошавовъ, *можно*, а не *должно* брать и давать проценты. Но впослѣдствіи еврейское право совершенно уравниваетъ относительно процентовъ евреевъ съ не-евреями. Въ 13-мъ ст. талмудическій коментарій ‹Тосафотъ› вотъ что говоритъ по этому вопросу: ,,Не-евреи, среди которыхъ мы живемъ—мы знаемъ о нихъ, что они не идолопоклонники. Мы по необходимости беремъ теперь проценты съ не-евреевъ; виною тому то обстоятельство, что кромѣ занятія ростовщика, всѣ другіе промыслы для насъ закрыты" **. Вотъ то самое мѣсто, которое рѣшаются приводить противъ евреевъ.

* Baba Mezia 10, 2.
** Tosaphoth Aboda-Sara 1, 2.

Болѣе мы не намѣрены вдаваться въ разсмотрѣніе литературы, значеніе которой не имѣетъ ничего общаго съ авторитетомъ Талмуда. Одинъ Маймонидъ составляетъ еще настоящую силу въ еврейской наукѣ; мы привели нѣсколько обращиковъ нецеремоннаго обращенія съ нимъ; поэтому не стоитъ разбирать остальныхъ ссылокъ на этотъ авторитетъ; но мы утверждаемъ, что всѣ онѣ непоняты или искажены.

Мы думаемъ, что мысль господина Александрова, выписанную нами въ началѣ нашего разбора, правильнѣе можно видоизмѣнить такъ: никакія цитаты въ мірѣ не могутъ сообщить еврейскому вопросу реальности; онъ и безъ нихъ весьма, даже слишкомъ осязателенъ въ дѣйствительности... Много у васъ донкихотскихъ стремленій, много желанія удержать то, чему бы не слѣдовало быть, но нѣтъ того *знанія дѣла*, безъ котораго вы постоянно будете горячиться, пятиться назадъ, отставать отъ идей вѣка, не чуя земли подъ собою, не отдавъ себѣ напередъ отчета, куда идете, чего хотите!

III.

ЧЕГО ОТЪ НАСЪ ТРЕБУЮТЪ, ЧЕГО МЫ ЖЕЛАЕМЪ.

Tribes of the wandering foot and weary breast
How shall ye flee away and be at rest...

Hebrew Melodies.

Съ какой стороны ни подойти къ еврейскому вопросу, всегда наталкиваешься на однѣ и тѣже трудности. Занимавшимся серьезно этимъ вопросомъ въ теоріи и въ практикѣ рѣдко удавалось уловить его сущность; почти всегда они пригоняли его къ тѣмъ идеямъ, которыя въ данную эпоху считались руководящими. Оно иначе и быть не могло. Когда на государство смотрѣли, какъ на частное хозяйство, скажите, во имя чего можно было защищать евреевъ, какъ не во имя тѣхъ частныхъ услугъ, которыя они

оказывали хозяину? Съ другой стороны, въ силу этихъ же услугъ, они нерѣдко бывали преслѣдуемы народомъ. Лучшіе люди прошлаго столѣтія требовали эманципаціи во имя космополитизма и потому, что въ евреяхъ видѣли самое осязательное выраженіе идеи космополитизма. И наоборотъ: сомнительный характеръ этой идеи не мало повліялъ на консервативное направленіе государственныхъ людей-практиковъ въ еврейскомъ вопросѣ. Какъ рѣшиться принять евреевъ въ какое бы то ни было европейское общество, когда вся Европа, весь міръ для еврея—отечество! Наконецъ въ наше время противъ евреевъ возстаютъ и за евреевъ стоятъ—во имя идеи національности.

Все это происходитъ оттого, что не легко дать себѣ трезвый отчетъ въ вопросѣ: кто такіе евреи и какую роль они призваны играть въ средѣ современныхъ народовъ?

Мы утверждаемъ, что евреямъ, брошеннымъ исторіей на почву европейской цивилизаціи, всегда не доставало и теперь не достаетъ самыхъ существенныхъ условій для образованія на этой почвѣ живучей, самостоятельной, настоящей національности. Правда, у нихъ есть племенное единство, но нѣтъ самостоятельнаго языка, который сообщилъ бы ему дѣйствительную крѣпость, безъ котораго племенное единство есть физіологическая случайность расы, а не элементъ народности. Кромѣ того не забудемъ, что племенное единство поддерживалось нарочитымъ разобщеніемъ со всѣми чуждыми элементами, стало быть совершенно случайнымъ условіемъ, и поэтому оно должно исчезнуть вслѣдъ за устраненіемъ самаго условія и породившихъ его ограниченій. Когда рѣчь идетъ о еврейской національности, обыкновенно съ особенной любовью останавливаются на религіозной связи; но эта связь, какъ національный элементъ, не имѣетъ даже характера историческаго анахронизма: она просто на просто ученый миѳъ. Съ утратой прежней централизаціи, еврейская религія потеряла всякую возможность группировать около себя разрозненныя стихіи древнееврейской національности, восполнять собою слабость или отсутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, едвали не самыхъ важныхъ. Наконецъ, никто не сомнѣвается, что народность не есть географическое понятіе; тѣмъ не менѣе, географическое единство, при бѣдности другихъ условій, можетъ стать важнымъ дѣятелемъ сохраненія, даже образованія національности; это единство безвозвратно утрачено евреями. О самостоятельной политической организаціи и

говорить нечего, ее едва сыщете въ отдаленномъ прошедшемъ еврейской исторіи, а теперь и слѣда не осталось.

Итакъ, гдѣ же данныя, на которыхъ можно бы надѣяться поддержать, или сложить нѣчто похожее на жизнеспособную народность? Ихъ нѣтъ; напрасно стали бы мы себѣ ломать голову надъ этой задачей. Народность насильно не сочинишь, ученымъ путемъ не выдумаешь, это всякій знаетъ; но не всякому извѣстно, что исторія иногда навязываетъ человѣку, заковываетъ его на смѣхъ всему человѣчеству въ безобразныя формы, которыя чрезъ сотни, тысячи лѣтъ дилетантизмъ и сентиментальность не задумаются признать національными. Для насъ, напротивъ, ясно, что разныя враждебныя условія исторіи пособили національной немощи евреевъ, что эти то условія, а не что другое, дали евреямъ возможность изъ религіозной формы создать явленіе, по своей чудовищности безпримѣрное въ исторіи—не народность, а какой то призракъ, подобіе, почему не сказать прямо — *пародію* на народность. У евреевъ не было языка, возникъ безобразный жаргонъ, лишенный всякихъ залоговъ развитія, негодный для насъ ужь потому, что онъ ведетъ свое происхожденіе отъ нѣмецкаго языка. Евреи стояли внѣ политической организаціи тѣхъ народовъ, въ средину которыхъ бросила ихъ судьба,—они перенесли всю жесткость внѣшнихъ формъ на свое религіозное устройство. Евреи разсѣяны по всему міру, географическая связь между нами порвана — и больное воображеніе рисуетъ себѣ какое то трансцендентальное отечество, гдѣ-то тамъ, въ Іерусалимѣ, по пришествіи Мессіи.

Противники, да и черезъ чуръ ревностные сторонники евреевъ могутъ называть національностію то, что по внутренней природѣ своей можетъ быть не болѣе, какъ религіозное общество—это въ порядкѣ вещей: сила дилетантизма и сентиментальности испоконъ вѣка болѣе лежала въ смутныхъ, пожалуй поэтическихъ представленіяхъ, чѣмъ въ реальныхъ понятіяхъ. Но мы настаиваемъ на томъ, что судьба еврейской религіи, какъ религіи, взаимно обусловливается и поддерживается судьбой остальныхъ религій откровенія; какъ народности—лишена всякаго историческаго смысла въ будущемъ. Евреи, какъ нація, лишились навсегда своего мѣста въ экономіи европейской цивилизаціи; какъ религіозное братство —ихъ роль, быть можетъ, еще не кончена.

Послѣ этого, что общаго между еврейскимъ вопросомъ, въ томъ видѣ, какъ предстоитъ разрѣшить его теоріи и жизни, и современными національными вопросами? Современные народы заняты развитіемъ заключенныхъ въ нихъ самихъ, сознаваемыхъ ими самими, а не принесенныхъ извнѣ, не навязанныхъ народныхъ началъ. Евреи ищутъ такихъ началъ и не находятъ ихъ въ себѣ. Современные народы домогаются политической независимости во имя возрожденной или вновь возникшей національности. Евреи требуютъ эманципаціи, чтобы имѣть возможность пріобщиться къ сферѣ уже сложившихся національностей. Для современныхъ народовъ конечная цѣль—достиженіе политической самостоятельности, для евреевъ—пріобрѣтеніе истинной, непризрачной національности. Повторяемъ, тутъ нѣтъ аналогіи.

«День», трактуя еврейскій вопросъ, впалъ въ обыкновенную ошибку: онъ причисляетъ его въ одну категорію съ польскими требованіями и остзейскими притязаніями. Сопоставляя русскихъ евреевъ съ русскимъ народомъ, какъ-бы два *разные*, но *однородные* элемента, случайно втиснутые въ одну форму, г. Аксаковъ пришелъ къ такому убѣжденію: преслѣдовать евреевъ изъ религіозныхъ видовъ, конечно, не за что, но эманципаціи евреевъ должно предшествовать съ ихъ стороны полное отреченіе отъ того, что до сихъ поръ мѣшало сліянію ихъ съ русскимъ обществомъ, что легло въ основу ихъ особенной національной жизни—словомъ, отъ Талмуда.

Во первыхъ, позволяемъ себѣ напомнить читателю, откуда эта идея ведетъ свою генеалогію: мы ее разъ уже встрѣтили—у Кіарини; во вторыхъ, замѣтимъ, что Талмудъ вовсе не легъ въ основу національной жизни евреевъ: слыханое-ли дѣло, чтобы *книга* могла создать *національность*? чтобы на *ученой* книгѣ зиждилась національность? Одно изъ двухъ: либо еврейская національность основывается не на одномъ Талмудѣ, въ такомъ случаѣ отреченіе отъ одного Талмуда, какъ-бы полно оно ни было, мало поможетъ. Либо то, что г. Аксаковъ называетъ національностью, именно возникло и воспиталось только на Талмудѣ, въ такомъ случаѣ это не національность, это будетъ религіозная община, общество, братство, но не національность. Само собой разумѣется, что послѣднее предположеніе ближе къ истинѣ. На

еврейское дѣло приходится смотрѣть съ двухъ сторонъ: когда политическая эманципація сниметъ съ евреевъ обманчивую личину самостоятельной народности, тогда останется еще вопросъ: въ какія формы выльется жизнь евреевъ, какъ религіознаго братства, неограниченнаго пространствомъ и можетъ быть—временемъ. Тогда наступитъ время переборки всѣхъ тѣхъ историческихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась религіозная жизнь евреевъ. Тогда вопросъ: что такое Талмудъ? получитъ свое настоящее и не только отрицательное значеніе. Покамѣстъ съ насъ довольно знать, что Талмудъ принадлежитъ къ сферѣ еврейской религіи, къ сферѣ внутренней эманципаціи евреевъ и въ вопросѣ о политической и гражданской эманципаціи не имѣетъ значенія. Другими словами: должно отвергнуть всякую попытку превратить такой жизненный вопросъ, каковъ еврейскій, въ вопросъ богословской догматики.

Послѣ этого нечего говорить, что мы считаемъ дѣломъ совершенно празднымъ ставить условіемъ политической эманципаціи евреевъ отреченіе ихъ отъ Талмуда. Да и отъ кого ждать этого отреченія? отъ массы евреевъ? но масса питаетъ несокрушимое недовѣріе ко всякаго рода публичнымъ заявленіямъ. Остается такъ-называемый передовой классъ образованныхъ евреевъ, къ нему то вѣроятно и обращаются публицисты съ своимъ призывомъ къ покаянію. Отречься отъ того, что считаешь отжившимъ—нетрудно; но трудно поставить предѣлы такому отреченію: вѣдь на глаза образованнаго человѣка Талмудъ не болѣе, какъ частное выраженіе цѣлаго ряда идей, когда-то полныхъ смысла, а теперь имѣющихъ лишь археологическое значеніе... Отречься отъ своего прошедшаго, конечно, не невозможно, но для образованнаго человѣка оно становится дѣломъ не легкимъ когда подумаешь, что съ нимъ связано отреченіе отъ массы, вѣрующей въ это прошедшее, и если можно такъ выразиться, носящей на себѣ рубцы этого прошедшаго. «Колымага, влекомая шестерикомъ измученныхъ коней, завязла въ болотѣ. Форейторъ отстегиваетъ переднихъ коней и уѣзжаетъ богъ вѣсть куда, предоставляя пассажирамъ выпутаться изъ бѣды какъ знаютъ». Эту притчу вычитали мы у самаго г. Аксакова. Тогда онъ охарактеризовалъ ею раздвоеніе между русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ. Теперь онъ не задумывается предъ раздвоеніемъ между образованнымъ классомъ евреевъ и тѣмъ, что онъ называетъ еврейскимъ народомъ.

Наши противники говорятъ: русское государство есть государство христіанское. Но что отсюда слѣдуетъ для еврейскаго вопроса?—мы рѣшительно не понимаемъ. Большинство членовъ и чиновъ русскаго государства могутъ исповѣдывать христіанскую религію, и все-таки въ основаніе государственнаго организма Россіи будетъ лежать не религія, и не она будетъ рѣшать политическіе вопросы. Современное европейское государство выражаетъ собою единство общества, не религіи; государство есть организація народа, не прихода. И это положеніе до такой степени вѣрно, что тотъ самый аксаковскій «День», который въ данномъ случаѣ видитъ въ государствѣ выраженіе христіанскихъ началъ, неоднократно утверждалъ, что государство, по природѣ своей, есть не болѣе какъ сфера внѣшней, формальной правды, что между этой правдой и неправдой—разница не богъ знаетъ какъ велика, и т. д. Если такъ, то позволительно сомнѣваться въ призваніи государства осуществлять догматическіе идеалы. Если-бы христіанство искало себѣ выраженія въ современныхъ государствахъ, то конечно не было-бы государствъ, обществъ, народовъ, а было-бы *одно* государство, *одно* общество, *одинъ* народъ, или вѣрнѣе, ни то, ни другое, ни третье, а просто церковь. И наоборотъ: христіанство, политически организованное, во многихъ отношеніяхъ перестаетъ быть христіанствомъ и становится католическою церковью, а не государствомъ въ европейскомъ смыслѣ.

Лучше скажемъ: Россія должна быть русскимъ государствомъ, а русскому государству необходимъ русскій народъ, здоровый, цѣльный, неперерѣзанный элементами, лишенными народности, безобразными именно этимъ отсутствіемъ народныхъ интересовъ. Русскому народу надо поглотить русскихъ евреевъ, а евреямъ необходимо сбросить съ себя эту quasi національную шелуху, этотъ наростъ, привитой вѣками униженія и рабства. Русскимъ евреямъ необходимо переродиться въ *русскихъ еврейскаго исповѣданія*—въ этомъ вся задача. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ еврейскій вопросъ есть вопросъ національности. Мы не утратили вѣру въ историческую жизнеспособность Россіи и потому убѣждены, что *свободѣ* и только свободѣ удастся совладать съ этимъ

многострадальнымъ вопросомъ, т. е. совершить то дѣло, передъ которымъ постыдно спасовала вѣковая система ограниченій.

И разрѣшенію этого вопроса уже положено начало – въ теоріи и въ практикѣ. Въ теоріи—потому, что даже противники полной эманципаціи, въ томъ числѣ и г. Аксаковъ, согласны, что евреевъ необходимо разметать по всему пространству Россіи, что имъ надо дать повсемѣстную свободу жительства и промысловъ. Объ этомъ, стало быть, нечего спорить. Съ другой стороны закономъ 27 ноября 1861 года, евреямъ, получившимъ ученыя степени, открытъ доступъ къ государственной службѣ по всѣмъ отраслямъ.

Этотъ законъ еще не успѣлъ подвергнуться жизненному испытанію: онъ еще не имѣлъ времени оправдать себя. Россія еще не видитъ пользы отъ него, это такъ; но, спрашиваемъ, гдѣ-же вредъ, принесенный имъ? гдѣ пагубныя послѣдствія подобныхъ ему законовъ на западѣ, *послѣдствія*, которыя давали-бы г. Аксакову право шумѣть противъ новаго закона *a priori*? «День» пространно доказывалъ, что Талмудъ учитъ евреевъ подкапываться подъ основы христіанскаго общества. «Дню» не удалось доказать свое положеніе; но допустимъ, что оно вѣрно, что изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь совсѣмъ не то требовалось доказать. Важно знать не то, чему училъ Талмудъ евреевъ назадъ тому 2000 лѣтъ, а то, какъ относятся въ *дѣйствительности* современные намъ евреи къ тѣмъ началамъ, которыя признаны основами всякаго благоустроеннаго общества, и евреи болѣе-ли подкапываются подъ основы христіанскаго общества, чѣмъ христіане! Но мотивированныхъ отвѣтовъ на *эти* вопросы врядъ-ли мы дождемся когда нибудь. Гораздо покойнѣе, не дожидаясь указаній жизни, обгонять ее своими теоретическими выкладками.

Дать евреямъ въ Россіи гражданскую свободу, сказали мы, значитъ ассимилировать еврейскій элементъ русскому обществу, русскому народу. Но, безспорно, есть еще другая возможность порѣшить съ еврейскимъ вопросомъ: это—экспатрировать русскихъ евреевъ поголовно, принудить ихъ — освободить навсегда Россію отъ своего присутствія. Къ сожалѣнію, „День“ упустилъ изъ виду эту возможность, и это дѣлаетъ большую честь его осмотрительности. Недавніе опыты съ татарами, какъ извѣстно, едва-ли могутъ убѣдить въ абсолютной полезности этой мѣры. Потрудившись

не мало на пользу государства, общества, человѣчества, евреи, даже русскіе евреи, имѣютъ нѣкоторое основаніе считать себя не хуже татаръ, хотя-бы даже русскихъ татаръ.

Между предлагаемымъ нами выходомъ и выходомъ, передъ которымъ обыкновенно останавливается логика нашихъ противниковъ, нѣтъ разумной средины.

* * *

1862 г.

ПРИТЧА.

(Съ нѣмецкаго).

На старомъ, согбенномъ утесѣ,
Росла молодая сосна,
И съ гордой свободой смотрѣла
Въ лазурное небо она.

И молвилъ утесъ разсерженный:
„Не къ мѣсту спѣсивость твоя;
Меня обняла ты корнями,
Твое основанiе—*я*!"

„Что камень, то свято; почтеньемъ
Все въ мiрѣ обязано мнѣ...
Скрижали Господня Закона —
Изъ *камня* вѣдь были онѣ!"

Но съ гордымъ сознаньемъ свободы
Сосна отвѣчаетъ ему:
„Я въ правѣ въ высокое небо
Мой взоръ устремлять потому,

Что я вѣдь Того Прiютила,
Кто Новый Завѣтъ возвѣстилъ:
Свершивши свое назначенье,
На деревѣ онъ опочилъ".

Такъ дерево споритъ съ скалою;
Но связь не слабѣй оттого:
Оно зеленѣетъ, какъ прежде,
Она — все фундаментъ его.

Петръ Вейнбергъ.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *).

Corruptissima republica plurimae leges. Utque antehac flagitiis ita nunc legibus laborabatur.

Тацитъ (Ann., III, 27).

I.

Въ самомъ началѣ нашего очерка, если читатель припомнитъ, указано было на слѣдующую характеристическую особенность занимающаго насъ отдѣла русскаго права. Заботясь объ улучшенiи матерiальнаго положенiя еврейскаго населенiя, законъ принимаетъ всевозможныя мѣры поощренiя перехода евреевъ въ христiанство, какъ способа окончательнаго и скораго выхода изъ заколдованнаго круга юридическаго и фактическаго униженiя и стѣсненiя. Исходя изъ того начала, что положенiе еврея, остающагося вѣрнымъ своему „лжеученiю", крайне незавидно во всѣхъ отношенiяхъ и что обязанность государства заботиться объ устраненiи препятствiй къ матерiальному благосостоянiю всѣхъ безъ исключенiя гражданъ (говорили мы тогда), законъ дѣлаетъ все возможное для облегченiя еврею перехода въ „лучшiй мiръ", путемъ удачнаго сочетанiя тѣлеснаго спасенiя съ душевнымъ. Современному человѣку, воспитанному на идеяхъ религiозной терпимости и разграниченiя, болѣе или менѣе рѣшительнаго, государства отъ церкви, подобный мотивъ законодательной дѣятельности кажется по малой мѣрѣ страннымъ. Поэтому, сколько намъ извѣстно, упомянутая мысль, недостаточно, впрочемъ, развитая въ началѣ этого очерка, на многихъ читателей произвела впечатлѣнiе простой шутки, лишенной всякаго серьознаго значенiя. Да позволено намъ будетъ замѣтить здѣсь, что читатели эти не совсѣмъ правы. Не надо никогда забывать, что мысль, которая на взглядъ современнаго человѣка дика и несообразна, могла казаться очень естественной и разумной нѣсколько десятковъ, а тѣмъ болѣе, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Законы же далеко не всегда и не вездѣ служатъ выраженiемъ понятiй, господствующихъ во

*) См. „Евр. Библ." Томы III и IV.

время ихъ примѣненія: напротивъ, по большей части они служатъ воплощеніемъ понятій минувшихъ, не рѣдко даже давно минувшихъ дней. Поэтому, стараясь вникнуть въ смыслъ дѣйствующаго въ настоящее время закона, изслѣдователь рѣдко можетъ довольствоваться запасомъ идей, господствующихъ въ современномъ обществѣ, но обязанъ восходить къ мыслямъ и интересамъ, составлявшимъ содержаніе прошедшей жизни человѣчества и отразившимся на учрежденіяхъ и законахъ, сохранившихъ свое существованіе и послѣ того, какъ мысль, ихъ вызвавшая, перестала отвѣчать потребностямъ и идеямъ общества. Примѣняя это элементарное правило юридической критики къ нашему вопросу, найдемъ, что еще очень недалеко то время, когда упомянутая мысль имѣла дѣйствительное жизненное содержаніе, гнѣздилась въ умахъ не послѣднихъ представителей умственнаго развитія общества и, слѣдовательно, должна была отразиться и на законодательствѣ.

Въ западной Европѣ исторія указываетъ на существованіе упомянутой мысли въ XVI столѣтіи. Ульрихъ Цазій, одинъ изъ главныхъ представителей юриспруденціи времени возрожденія, написалъ въ 1508 году сочиненіе о вопросахъ, относящихся къ крещенію малолѣтнихъ евреевъ (de Judaeis parvulis baptizandis quaestiones tres). Здѣсь онъ доказываетъ между прочимъ, что малолѣтнія еврейскія дѣти могутъ быть крещаемы безъ воли ихъ родителей, ибо еврей, оставаясь въ своей вѣрѣ, есть *рабъ* (servus camerae imperialis), а принимая крещеніе, онъ дѣлается свободнымъ, а потому отецъ не можетъ препятствовать своему сыну переходъ изъ рабства въ свободное состояніе. Біографъ Цазія, проф. Штинцингъ, замѣчаетъ, что такое мнѣніе, противорѣчащее современнымъ понятіямъ о вѣротерпимости, могло быть внушено Цазію не религіознымъ фанатизмомъ и духомъ пропаганды, а чувствомъ *гуманности*, такъ какъ переходъ въ христіанство сопровождается тогда для еврея пріобрѣтеніемъ гражданской свободы (это, впрочемъ, ясно видно изъ словъ самаго Цазія). [1])

У насъ законъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ (объ этомъ было говорено въ своемъ мѣстѣ) существуетъ до сихъ поръ, и потому можно было бы и а priori заключать, что въ основѣ его до сихъ поръ лежитъ и мотивъ, указываемый Цазіемъ: состраданіе къ гражданскому положенію евреевъ и желаніе облегчить выходъ изъ него; но мы имѣемъ болѣе прямое указаніе на этотъ счетъ. Въ одномъ законодательномъ памятникѣ прошлаго царствованія встрѣчаемъ слѣдующія слова: „При самомъ учрежденіи Еврейскаго Комитета въ число обязанностей его именно было поставлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду мѣры къ *уменьшенію евреевъ* вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились. Комитетъ въ правилахъ для новаго Устава не упустилъ изъ виду таковыхъ мѣръ, возможныхъ въ исполненіи

[1]) См. Stinzing, Ulrich Zasius, Basel, 1257, p. 116 и 120.

и въ тоже время справедливыхъ и даже *полезныхъ для самихъ евреевъ*". [1]) Спрашивается: какія это могли быть мѣры уменьшенія числа евреевъ въ государствѣ, которыя были бы полезны, по мнѣнію законодателя, и для самихъ евреевъ? Очевидно, рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь фараоновскомъ истребленіи евреевъ или насильственномъ выселеніи ихъ за предѣлы Россіи: такихъ плановъ правительство тогда безъ сомнѣнія не имѣло и не могло имѣть; да и о нихъ не говорилось бы, какъ о мѣрахъ полезныхъ для самихъ евреевъ. Нельзя предположить также, что дѣло идетъ о такихъ мѣрахъ, какъ выселеніе евреевъ изъ деревень, изъ нѣкоторыхъ губерній, изъ пограничной черты и т. под., такъ какъ этимъ путемъ нисколько не достигалась цѣль уменьшенія числа евреевъ въ государствѣ вообще. Остается одно, наиболѣе вѣроятное объясненіе: Еврейскій Комитетъ долженъ былъ заботиться (и дѣйствительно заботился, какъ показываютъ многія данныя изъ исторіи того времени, отчасти указанныя нами прежде) объ уменьшеніи числа не евреевъ какъ людей извѣстнаго происхожденія, а людей, исповѣдующихъ еврейскую религію, посредствомъ мѣръ поощренія желающихъ обратиться въ православіе. Не безъ основанія, съ указанной точки зрѣнія, законъ говоритъ объ этихъ мѣрахъ, „полезныхъ для самихъ евреевъ", въ смыслѣ уничтоженія съ принятіемъ христіанства гражданской неравноправности каждаго неофита.

Понятно, впрочемъ, что подобный мотивъ покровительства новообращеннымъ евреямъ не высказывается болѣе опредѣлительно въ законодательныхъ актахъ. Мы слишкомъ далеко все-таки ушли отъ того средневѣковаго сумбура понятій, который въ XVI вѣкѣ могъ еще такъ наивно выступать въ аргументаціи Цазія. Хотя смутно и болѣе инстинктивно, но въ нашъ вѣкъ всѣми кружками общества и администраціи сознается невозможность придавать большое начение такому аргументу въ пользу религіозной пропаганды, какъ улучшеніе матеріальнаго быта обращаемыхъ на путь истинный. Вотъ почему когда въ 1817 г. учреждено было «Общество Израильскихъ Христіанъ», съ цѣлью покровительства крещеннымъ евреямъ (потерпѣвшее, какъ извѣстно, полное фіаско на практикѣ), то учрежденіе его мотивировано было совершенно другимъ образомъ. Искренность побужденій новообращаемыхъ евреевъ предполагается несомнѣннымъ фактомъ (предположеніе очевидно очень рискованное и возможное только тогда, когда еврею нельзя будетъ разсчитывать ни на какія „земныя блага" отъ перемѣны религіи, а до этого еще далеко и теперь); матеріальное же покровительство такимъ лицамъ со стороны государства мотивируется лишь особенно стѣсненнымъ положеніемъ ихъ между христіанскимъ и еврейскимъ обществомъ. Эта точка зрѣнія проводится и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ. [2]).

[1]) Указъ 24 мая 1829 г. (Сборникъ г. Леванды, стр. 243). [2]) См. Указъ 29 ноября 1859 г. (тамъ же, стр. 927).

Каковы бы ни были однакожъ мотивы этого покровительства, они не такъ важны для насъ, какъ самый фактъ существованія мѣръ поощренія перехода отъ еврейства къ христіанскому исповѣданію. Правда, «Общество Израильскихъ Христіанъ» давно прекратило свое существованіе, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ мы имѣемъ теперь недавно учрежденный «Пріютъ для крещеныхъ и крещаемыхъ евреевъ», преслѣдующій туже задачу аналогическими средствами.

Мы коснулись уже прежде нравственнаго значенія такихъ поощрительныхъ мѣръ и здѣсь ограничимся слѣдующими указаніями, не лишенными общаго интереса. Въ эпохи такъ назыв. «точекъ къ прогрессу», сопровождаемыхъ обыкновенно сильнымъ развитіемъ религіознаго рвенія въ нѣкоторыхъ сферахъ, переходъ евреевъ въ православіе дѣлается однимъ изъ популярныхъ способовъ «дѣланія карьеры», въ ущербъ, разумѣется, какъ нравственному чувству общества, такъ и дѣйствительнымъ (а не призрачнымъ) его интересамъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ этого рода въ новѣйшей исторіи Россіи есть время приснопамятнаго Магницкаго; о немъ сохраненъ исторіей между прочимъ слѣдующій фактъ. Магницкій назначилъ въ казанскій университетъ инспекторомъ студентовъ выкреста изъ иностранныхъ евреевъ Б.—Генералъ Ж., ревизовавшій этотъ университетъ и не раздѣлявшій «просвѣтительныхъ» идей Магницкаго, въ отчетѣ своемъ отозвался о Б., какъ о человѣкѣ сомнительной нравственности, ибо перемѣнилъ свою религію, и притомъ незнающаго не только обычаевъ, но и языка русскаго. Магницкій, возражая на эти замѣчанія, оставляетъ безъ вниманія вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ иностранецъ, совершенно чуждый Россіи, можетъ съ успѣхомъ исполнять обязанности государственной службы въ Россіи, но за то напираетъ на великій подвигъ душевнаго спасенія Б. Генералъ Ж., замѣчаетъ онъ, повидимому не одобряетъ перемѣны еврейства на христіанство, но что можетъ быть благонадежнѣе ученаго еврея, сдѣлавшагося христіаниномъ въ совершенномъ возрастѣ, по глубокому убѣжденію въ истинности христіанской вѣры? (Интересно было бы знать, какъ Магницкій убѣдился въ существованіи этого глубокаго убѣжденія). Г. ревизоръ называетъ Б. «перемѣнившимъ религію», но забываетъ, что такъ перемѣнили ее всѣ апостолы. Перемѣной религіи называется отпаденіе отъ истинной, а принявшіе ее называются «обратившимися» [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Магницкихъ (которые далеко еще не перевелись и долго послѣ этого достойнаго своего представителя), государственная служба и другія земныя блага существуютъ между прочимъ и для того, чтобъ награждать подвиги благочестія тѣхъ изъ сыновъ Израиля, которые уразумѣютъ истинность христіанства.

Каковы практическія послѣдствія такого направленія законодательной политики и административной дѣятельности? Предоставимъ отвѣчать на это лицу болѣе компетентному и безпристрастному, лицу духовному, горячему ревнителю народности и православія. Юрій Крисаничъ, даровитый наблюдатель русской жизни XVII вѣка, говоритъ по этому предмету слѣдующее: «Подобно туркамъ, Россія принимаетъ и поощряетъ всякихъ неофитовъ, даже принуждаетъ многихъ невѣрныхъ принимать православіе и этихъ людей, крестившихся для матеріальныхъ выгодъ, сажаютъ на высокія мѣста. Русское царство будетъ когда нибудь въ конецъ раззорено этими выкрестами или ихъ потомствомъ» [1]). Магницкій и его позднѣйшіе послѣдователи, стало быть, продолжали только исконную политику допетровской Россіи, - политику, которая заслужила уже въ старину полное осужденіе лучшихъ людей (какъ Крисаничъ). Поощреніе «обратившихся» естественно шло всегда рядомъ съ суровой нетерпимостью къ «коснѣющимъ въ своемъ лжеученіи». Иванъ IV при взятіи Полоцка (1563 г.) велѣлъ крестить всѣхъ евреевъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ [2]). Онъ же, въ отвѣтъ на ходатайство короля литовскаго (1549 г.) о дозволеніи по прежнему евреямъ торговать въ Россіи, отвѣчалъ: „Нѣтъ, сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную, продавали смертоносныя зелія (табакъ?) и злословили Христа Спасителя, не хочу объ нихъ слышать“ [3]). Очевидно это было сказано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ жидовской ереси, обнаружившейся въ Новгородѣ и Москвѣ около того времени. Такое же отношеніе къ еврейской религіи, не исключая и насильственнаго обращенія евреевъ въ христіанство, представляетъ исторія XVII вѣка (къ которому относится упомянутое замѣчаніе Крисанича) [4]). Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ рядъ распоряженій о выселеніи изъ Россіи евреевъ, не желающихъ принять православія. Стоитъ вспомнить знаменитую резолюцію Елисаветы Петровны («отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли»), чтобъ убѣдиться въ традиціонной послѣдовательности нашей внутренней политики по этому предмету. Въ XIX вѣкѣ нѣсколько разъ повторенныя запрещенія евреямъ держать въ услуженіи христіанъ мотивируются не желаніемъ охранять рабочій классъ отъ эксплуатаціи евреевъ, а единственно опасеніемъ совращенія въ іудейство,—опасеніемъ, которое поддерживалось примѣрами развитія жидовствующей ереси во многихъ мѣстностяхъ. Въ прошлое еще царствованіе мы видимъ весьма сильное вліяніе этого своего рода «страха іудейска» на ограниченіе осѣдлости евреевъ. Такъ, когда въ 1827 г., вслѣдствіе особаго ходатайства генералъ-губернатора Восточной Сибири, разрѣшено было евреямъ Давыдовымъ исправлять обязанности винокуровъ на казенныхъ иркутскихъ заводахъ, то по резо-

[1]) См. ст. г. Ѳеоктистова: „Магницкій“ („Русск. Вѣстн.“ 1864 г., кн. 8, стр. 439.

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, XIII, 16. [2]) Карамзинъ, Ист. гос. Россійск. IX, 40, 442 и прим. 69. [3]) Тамъ же, VIII, 116. [4]) См. Археогр. сб. докум. относ. къ ист. сѣв.-зап. Руси, прил. къ II т., стр. XII—XIV.

люціи Государя разрѣшеніе это послѣдовало лишь подъ условіемъ, чтобъ отъ Давыдовыхъ отобрана была подписка въ томъ, что они никого не будутъ склонять въ еврейскую вѣру [1]). Это распоряженіе объясняетъ намъ главный мотивъ недовѣрчиваго отношенія правительства того времени къ умноженію числа евреевъ въ Сибири. Такъ въ 1826 г., вопреки мнѣнію всѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій о томъ, что законъ о выселеніи евреевъ изъ мѣстъ появленія жидовской ереси не долженъ быть распространяемъ на евреевъ-винокуровъ въ великорусскихъ губерніяхъ, которымъ по экономическимъ соображеніямъ разрѣшено тамъ пребываніе,—Государь Императоръ, полагая, что винокуровъ довольно есть и христіанъ, запретилъ евреямъ-винокурамъ дальнѣйшее пребываніе внѣ черты осѣдлости евреевъ [2]). А въ 1837 г., опять вопреки предположеніямъ высшей администраціи, по особому повелѣнію Государя, переселеніе евреевъ-колонистовъ въ Сибирь прекращено навсегда [3]). Въ указахъ по этому предмету причины такого распоряженія не объяснены; но г. Варадиновъ сообщаетъ изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдующее: Государь нашелъ, говоритъ онъ, что разрѣшеніе евреямъ поселяться на казенныхъ земляхъ въ Сибири не соотвѣтствуетъ ни Положенію 1835 г., которымъ сибирскія губерніи не были открыты для постояннаго жительства евреевъ, ни видамъ правительства при слабомъ населеніи Сибири русскими. Его Величество полагалъ, что при незначительномъ русскомъ населеніи этого края евреи могли со временемъ сдѣлаться, если не для всѣхъ, то для вящшаго состоянія жителей, столько же вредными, какъ и въ западныхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи [4]). Хотя здѣсь и не объяснено, о какомъ именно вредѣ для русскихъ отъ евреевъ говорится, но въ виду упомянутыхъ законовъ 1826 и 1827 гг. можно заключить, что правительство опасалось не только экономическаго, но и религіознаго вліянія евреевъ на христіанское населеніе Сибири. И дѣйствительно, Сибирь, вслѣдствіе различныхъ благопріятныхъ условій, издавна была притокомъ религіознаго свободомыслія расколовъ и ересей всякаго рода; поэтому при тогдашнемъ направленіи нашей вѣроисповѣдной политики ограниченія осѣдлости евреевъ по соображеніямъ религіознымъ были очень естественны и понятны.

Отсюда видно, что съ исторической точки зрѣнія никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ указѣ 29 іюля 1824 г., будто „укоризны, кои всегда и вездѣ дѣлаемы были евреямъ въ образѣ отправленія ихъ промысловъ и въ способахъ ихъ обогащенія, безъ сомнѣнія были первой причиной мѣръ правительства къ пресѣченію переселенія ихъ во внутреннія губерніи“. Такимъ образомъ, не восходя уже къ древнимъ строгимъ постановленіямъ, достаточно будетъ упомянуть здѣсь, что и въ манифестѣ 1762 г., коимъ отверсто было иностранцамъ свободное водвореніе въ предѣлахъ Россіи, евреи одни изъяты были отъ подобнаго права“ [1]). Мы видѣли, что „древнія постановленія“, не только до указа 1824 г., но и послѣ него, не мало времени руководствовались главнымъ образомъ религіозными соображеніями въ опредѣленіи правъ евреевъ. Что же касается спеціально манифеста 1762 г., то въ другомъ мѣстѣ мы указали на свидѣтельство несомнѣнное (исходящее отъ самой Императрицы Екатерины II) въ томъ, что допущеніе евреевъ въ Россію было признано тогда всѣми за общеполезное, но не состоялось опять таки по соображеніямъ церковной политики.

[1]) Сборникъ г. Леванды, стр. 209. [2]) Тамъ же, стр. 169. [3]) Тамъ же, стр. 401 и 410. [4]) Варадиновъ, Ист. минист. внутр. дѣлъ, III, 2, 304—308.

Для оцѣнки значенія религіознаго момента въ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ не безъинтересно будетъ провести маленькую параллель между относящимися сюда явленіями изъ нашей современной жизни и средневѣковаго быта западной Европы. Мы говорили прежде подробно о дѣйствовавшихъ въ прежнее царствованіе и отчасти сохранившихся донынѣ законахъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ въ частности и о переходѣ евреевъ въ христіанство вообще. Въ средневѣковой Европѣ мы встрѣчаемъ весьма сходныя правила по этому предмету. Такъ, церковь требовала тогда, чтобъ окрещенные насильно евреи оставались въ христіанствѣ. Духовныя особы охотно забирали при каждомъ удобномъ случаѣ малолѣтнихъ дѣтей, и императоры, въ видѣ особой *привиллегіи*, давали нѣкоторымъ городамъ право, чтобъ малолѣтнихъ евреевъ въ нихъ не крестить. Въ 1421 г. папа Мартинъ V опредѣлилъ возрастъ, съ котораго еврейскія дѣти могутъ быть крещаемы безъ согласія родителей—въ 12 лѣтъ. По каноническимъ и свѣтскимъ законамъ евреи обязаны были не совершать богослуженія публично; они не имѣли права показываться на улицахъ въ большіе христіанскіе праздники. (Это послѣднее правило, если и не существуетъ болѣе въ законѣ, удержалось въ понятіяхъ общества до сихъ поръ. Извѣстно, что при повторяющихся періодически въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ Одессѣ, такъ называемыхъ „безпорядкахъ“ во время пасхи, евреямъ ставится въ вину то, что они не прячутся, какъ слѣдовало бы, въ это время по домамъ. „Благоразумные“ администраторы внушаютъ евреямъ прибѣгать къ этому древнему способу предотвращенія „прискорбныхъ безпорядковъ“). Евреи должны были въ городахъ жить отдѣльно, для того чтобъ не совращать христіанъ. Они не имѣли права держать христіанскую прислугу, что однакожъ часто нарушалось. Запрещено было христіанамъ покупать мясо зарѣзанной евреемъ скотины. У насъ теперь подобнаго запрещенія не существуетъ, но въ извѣстной части печати и общества до сихъ поръ не прекращаются жалобы на то, что евреи кормятъ христіанъ «падалью», трефнымъ мясомъ, которымъ они гнушаются; публицисты «Голоса»

[1]) Сборникъ г. Леванды, стр. 127.

не прочь были бы возстановить упомянутое средневѣковое запрещеніе, не имѣющее никакого смысла, ибо трефнымъ—негоднымъ, какъ извѣстно, оказывается обыкновенно у евреевъ не падаль, а лучшая часть скотины.

Въ 1407 г. императоръ германскій Рупрехтъ хотѣлъ подчинить всѣхъ германскихъ евреевъ одному раввину, а въ эту должность прочилъ онъ своего любимаго еврея, бывшаго ему полезнымъ по финансовымъ операціямъ; на него онъ хотѣлъ возложить обязанность взысканія налоговъ съ евреевъ [1]). Вообще, какъ извѣстно, въ средніе вѣка правительства часто пользовались религіознымъ авторитетомъ раввиновъ для своихъ финансовыхъ цѣлей. Не очевидна-ли аналогія между этими явленіями и нашими новѣйшими казенными раввинами, на которыхъ также возложена обязанность быть религіозными руководителями своихъ общинъ и въ тоже время быть посредниками между ними и правительствомъ, «направлять евреевъ къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ» [2]). Мысль, лежащая въ основѣ такого смѣшенія разнородныхъ функцій одного органа власти, одинаково невѣрна какъ въ средневѣковой ея формѣ, такъ и въ современномъ казенномъ раввинатѣ. Духовное лицо какого бы то ни было исповѣданія не можетъ и не должно имѣть никакого отношенія къ исправному платежу податей и исполненію другихъ чисто-гражданскихъ обязанностей его паствой. Но причина такого особеннаго направленія дѣятельности и положенія раввиновъ, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новѣйшее время, у насъ, одна и таже: стремленіе „извлечь изъ сего племени возможную пользу для государства“ и убѣжденіе въ томъ, что еврейская религія, также какъ ихъ промышленная дѣятельность, находится въ безусловномъ распоряженіи государства, которое можетъ направить ту и другую какъ ему вздумается въ своихъ интересахъ. Но объ этомъ еще послѣ. Сходство между средневѣковыми и нашими современными отношеніями къ іудейству обнаруживается не въ однихъ законоположеніяхъ. Такъ, средніе вѣка представляютъ рядъ личностей, преимущественно выкрестовъ изъ евреевъ же, которыя искусно эксплуатировали общую вражду къ евреямъ для того, чтобъ «сдѣлать карьеру» путемъ «разоблаченій», болѣе или менѣе скандальныхъ, относительно тайныхъ пороковъ, преступленій евреевъ и пр. Мы и теперь имѣемъ доморощенныхъ Эйзенменгеровъ и Пфеферкорновъ въ лицѣ разныхъ Темкиныхъ, Алексѣевыхъ, Брафмановъ и др., которые обогощаютъ русскую науку открытіями по части тайныхъ «талмудическихъ республикъ» и тому подобныхъ ужасовъ, пожиная при этомъ болѣе или менѣе вещественные лавры и безкорыстно трудясь объ открытіи своимъ прежнимъ единовѣрцамъ «пути очищеннаго къ познанію истинной вѣры». Эта послѣдовательная вѣрность средневѣковымъ началамъ

[1]) Stobbe. Die Juden in Deutschland während d. Mittelalters, 1866, p. 164, 166, 170–176. [2]) Ст. 1086. т. XI, ч. 1 Св. Зак.

такъ трогательна и поучительна, что на ней слѣдовало бы остановиться подольше; но... надо же предоставить что-нибудь и самодѣятельности читателя, которому, впрочемъ, трудно будетъ составить собственное мнѣніе по этому предмету.

II.

Исторія человѣчества есть осуществленіе суммы *идей*, понятій, усвоенныхъ обществомъ въ каждую эпоху его развитія—говоритъ Бокль. Исторія—это борьба *интересовъ* различныхъ классовъ общества и поочередное преобладаніе тѣхъ или другихъ изъ этихъ интересовъ—говоритъ Спенсеръ. Послѣднее опредѣленіе, какъ намъ кажется, ближе къ истинѣ, хотя можно доказать, что оба мнѣнія сводятся въ сущности на одно и противорѣчія не содержатъ. Но если исторія вообще имѣетъ своимъ содержаніемъ взаимодѣйствіе различныхъ интересовъ, волнующихъ человѣческое общество въ отдѣльныхъ его составныхъ частяхъ, то это самое явленіе должно лежать въ основѣ исторіи законодательства, какъ одной изъ частей жизненной дѣятельности общества. До сихъ поръ, какъ читатель видѣлъ, мы имѣли въ виду вліяніе одной идеи, одного интереса на законодательство о евреяхъ въ Россіи—интереса религіозно-христіанскаго. Еслибъ этотъ моментъ былъ единственнымъ руководящимъ началомъ въ дѣятельности правительства относительно евреевъ, то отношеніе къ нимъ могло-бы быть только безусловно-отрицательнымъ. Не допускать ни подъ какимъ видомъ евреевъ въ страну правовѣрія, обращать ихъ насильно въ православіе, а «непослушныхъ топить въ Двинѣ», оставлять безъ вниманія всякіе резоны въ ихъ пользу, на томъ основаніи, что «интересная прибыль отъ враговъ Христовыхъ» есть вещь, о которой и думать не слѣдуетъ вѣрующему христіанину,—таково послѣдовательное осуществленіе чисто церковнаго воззрѣнія на евреевъ, какъ мы его встрѣчаемъ не только въ XVI, но и въ XVIII и даже XIX вѣкѣ. Но какъ ни сильно было всегда господство религіознаго элемента въ жизни русскаго государства, элементъ этотъ естественно не былъ никогда единственнымъ, опредѣлявшимъ общій ходъ и направленіе жизни общества. Въ дѣйствительности ни одно общество, какъ бы бѣдна, однообразна и неразвита ни была его жизнь, не можетъ довольствоваться осуществленіемъ одного принципа, одного интереса. Жизнь какъ отдѣльной личности, такъ еще болѣе цѣлаго общества, всегда представляетъ одновременное дѣйствіе и борьбу различныхъ идей и интересовъ, борьбу, которая однакожъ никогда не кончается безусловной побѣдой одного изъ этихъ интересовъ. Такимъ образомъ, въ исторіи отношенія христіанскаго общества воообще, и въ частности русскаго къ евреямъ, мы замѣчаемъ тоже взаимодѣйствіе четырехъ главныхъ началъ, изъ которыхъ три клонятся преимущественно къ стѣсненію, ограниченію правъ и свободы

евреевъ, а четвертое—напротивъ—къ расширенію этихъ правъ. Одно изъ упомянутыхъ трехъ началъ, относительно русскихъ законовъ о евреяхъ, уже разсмотрѣно нами; это—принципъ религіозной нетерпимости со всѣми его послѣдствіями. Другое начало, имѣвшее и до сихъ поръ имѣющее огромное вліяніе на юридическій и соціальный бытъ евреевъ, весьма мало оцѣнено по достоинству историками и публицистами, и потому мы остановимся на немъ здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Ничего нѣтъ обыкновеннѣе, какъ слышать жалобы на безнравственную склонность евреевъ къ торгашеству, шинкарству и ростовщичеству, на отвращеніе ихъ отъ всякаго тяжелаго или серьознаго труда и т. п. Жалобы эти раздаются не только въ печати и въ обществѣ, но и въ мотивахъ къ законодательнымъ актамъ, и имѣютъ до сихъ поръ самое рѣшительное вліяніе на направленіе правительственной дѣятельности относительно евреевъ. Но еще болѣе обыкновенно то, что какъ высказывающіе подобныя жалобы, такъ и защищающіе противъ нихъ евреевъ не имѣютъ яснаго представленія о первоначальной коренной причинѣ тѣхъ явленій въ жизни еврейства, которыя даютъ основательный поводъ къ подобнымъ жалобамъ. Принимается за безспорное, что евреи, если не въ древности, то въ средѣ новыхъ европейскихъ народовъ, всегда составляли особый классъ населенія, стремившійся къ легкой наживѣ путемъ ростовщичества, денежныхъ оборотовъ, шинкарства и т. д. и что эта склонность къ эксплуатаціи другихъ классовъ населенія была источникомъ постоянной вражды къ евреямъ, гоненій на нихъ и ограничительныхъ законовъ. Но исторія доказываетъ совершенно другое. По замѣчательнымъ изслѣдованіямъ проф. Штоббе (писателя, впрочемъ нисколько не виновнаго въ любви къ евреямъ), въ исторіи средневѣковыхъ евреевъ слѣдуетъ различать двѣ существенно различныя эпохи: до и послѣ крестовыхъ походовъ. Въ первый періодъ они были купцами, въ ихъ рукахъ была вся торговля. Они пользовались вездѣ болѣе или менѣе обширными правами и общимъ уваженіемъ, насколько этому не препятствовалъ собственно религіозный фанатизмъ, въ тѣ невѣжественныя времена довольно сильный. Что они занимались преимущественно торговлей—понятно въ виду того, что они были разсѣяны по лицу всей земли, вслѣдствіе чего торговыя сношенія были для нихъ очень удобны, а съ другой стороны въ феодально-землевладѣльческую организацію общества ихъ не принимали. Но со времени крестовыхъ походовъ положеніе это измѣнилось. Во-первыхъ, религіозная нетерпимость значительно усилилась вслѣдствіе двухвѣковыхъ войнъ съ невѣрными. А главное—съ тѣхъ поръ европейцы сами завязали торговыя сношенія во всѣхъ странахъ, даже съ отдаленнымъ востокомъ. Промышленность торговая и ремесленная получила чрезвычайное развитіе и, оцѣнивъ значительныя выгоды, ею доставляемыя, христіанское населеніе нашло болѣе разумнымъ присвоить эти выгоды исключи-

тельно себѣ, устранивъ отъ нихъ евреевъ. Съ этихъ поръ начинается повсемѣстное образованіе купеческихъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ съ исключительнымъ правомъ производства торговли и ремеслъ. Ни въ гильдіи, ни въ цехи евреи не принимались. Право землевладѣнія тоже все болѣе и болѣе было у нихъ отнимаемо. Для нихъ осталось только одно занятіе—ростовщичество. Что евреи занялись имъ—было тѣмъ естественнѣе, что обходиться безъ такъ или иначе организованной системы кредита ни одно общество не можетъ, а каноническіе законы безусловно запрещали христіанамъ взиманіе какого бы то ни было роста, безъ чего кредитныя операціи не мыслимы. Неудивительно поэтому, что во многихъ мѣстахъ каждый еврей *обязанъ* былъ давать деньги взаймы подъ залогъ вещей всякому желающему; такимъ образомъ обычай и законъ насильственно обращали евреевъ въ растовщиковъ. Самъ законъ смотрѣлъ на растовщичество евреевъ, какъ на вознагражденіе за отнятые у нихъ прежніе способы существованія (торговлю и ремесла). Св. Бернардъ Клервосскій, отговаривая народъ отъ разграбленія евреевъ (предъ вторымъ крестовымъ походомъ), указывалъ на то, что не будь евреевъ, ростовщики-христіане еще хуже грабили бы народъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что *только со времени крестовыхъ походовъ* въ историческихъ памятникахъ начинаютъ появляться жалобы на эксплуатацію народа евреями. Необходимо замѣтить еще слѣдующее. Во многихъ мѣстахъ существовало оригинальное правило, что залогъ, данный еврею-ростовщику, служитъ единственнымъ источникомъ его удовлетворенія въ случаѣ неплатежа, хотя бы долгъ съ процентами возросъ на цифру, значительно превышающую стоимость залога. Это естественно должно было побуждать евреевъ требовать залоговъ, значительно превышающихъ сумму займа, что вызывало ненависть должниковъ [1]). Такимъ образомъ нетолько совокупность общественныхъ условій, отъ евреевъ нисколько не зависѣвшихъ, фатально влекла ихъ на путь неблаговидныхъ промысловъ и всеобщей къ нимъ ненависти; но главнымъ изъ этихъ условій былъ *эгоизмъ христіанской буржуазіи*, вновь народившагося сословія горожанъ-купцовъ и ремесленниковъ.

Въ исторіи польскихъ, впослѣдствіи русскихъ, евреевъ этотъ моментъ до сихъ поръ имѣетъ огромное значеніе, которое необходимо уяснить себѣ для того, чтобъ имѣть правильное понятіе о развитіи законодательства о евреяхъ. Дѣйствительно, какъ давно замѣчено, польское правительство сначала привлекало евреевъ, давало имъ разныя права и преимущества, а впослѣдствіи, именно съ XV и особенно XVI вѣка, начинается длинный рядъ мѣръ, направленныхъ преимущественно къ ограниченію и стѣсненію евреевъ,—мѣръ, которыя въ сферѣ экономической имѣли однакожъ

[1]) Stobbe, ib. p. 103—127.

мало успѣха [1]). Чѣмъ объясняется такой крутой поворотъ въ духѣ польскаго законодательства относительно евреевъ? Исторія указываетъ, какъ на главную его причину, на слѣдующее явленіе. Прежде въ Польшѣ и Литвѣ не было христіанскаго городскаго, промышленнаго и ремесленнаго сословія. Короли, заботясь о промышленномъ развитіи своихъ владѣній, всячески поэтому покровительствовали переселенцамъ-евреямъ, восполнявшимъ важные пробѣлы въ народно-хозяйственномъ быту страны. Но мало по малу образуются городскія общины изъ переселенцевъ-христіанъ (именно нѣмцевъ) и чужеземцевъ; общины эти организуются, крѣпнутъ, получаютъ самоуправленіе по западноевропейскому образцу (т. наз. магдебургское право), получаютъ исключительное право на производство торговли и ремеслъ, каждая въ своемъ раіонѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно вытѣсняютъ евреевъ изъ многихъ мѣстъ посредствомъ королевскихъ привиллегій о воспрещеніи евреямъ жить и торговать то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Оттѣсняемые такимъ образомъ отъ правильной торговли и ремеслъ, евреи начинаютъ все болѣе разсѣеваться по селамъ, предаваться факторству, шинкарству и ростовщичеству, что въ свою очередь усиливаетъ ненависть къ нимъ и вызываетъ новыя ограничительныя мѣры противъ нихъ.

Для того, чтобъ избавиться отъ конкурренціи евреевъ въ торговлѣ и промыслахъ, горожане-христіане прибѣгали ко всевозможнымъ, нерѣдко самымъ возмутительнымъ, средствамъ. Такъ изъ одной королевской грамоты 1576 г. видно, что на евреевъ взведено было обвиненіе въ употребленіи христіанской крови собственно съ той цѣлью (какъ обнаружилось по слѣдствію), чтобы можно было «жидовъ съ мѣстъ нашихъ (королевства) выкоренить [2])». Чѣмъ руководствовались горожане въ своемъ стремленіи «выкоренить евреевъ», видно изъ другаго историческаго акта. Могилевскіе мѣщане жаловались правительству на евреевъ, что имъ „великая переказа въ гандлѣхъ (большой ущербъ въ торговлѣ) отъ нихъ ся дѣяла". Не упоминая ни о какой „эксплуатаціи" евреями «низшихъ братій» или другихъ «видахъ народнаго хозяйства», горожане просто говорятъ, что имъ желательно бы монополизировать выгоды торговли, устранивъ соперничество евреевъ; правительство вняло ихъ ходатайству и привиллегіей 1585 г. воспретило евреямъ жительство въ Могилевѣ [3]). Привиллегія эта повторена была и русскимъ правительствомъ (въ 1654 г.) по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи [4]). (Грамота по этому предмету, хотя послѣдовала послѣ Уложенія 1648 г., не вошла въ полное Собраніе Законовъ). Такія же жалобы на конкурренцію евреевъ раздавались во всѣхъ другихъ мѣстахъ, напр. со стороны виленскихъ мѣщанъ. Витебскъ тоже исхлопоталъ себѣ право не допускать къ жительству евреевъ и это право подтверждено въ 1597 году [1]). Кіевскіе мѣщане пользовались той же привиллегіей недопущенія евреевъ. По присоединеніи Кіева къ Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, изъ него снова изгнаны были жиды, армяне и поляки (въ 1660 году). [2]) На мотивы преслѣдованія евреевъ въ то время особенный свѣтъ бросаютъ слѣдующія указанія источниковъ. Извѣстно, какъ часто сыплются горькіе упреки евреямъ малороссійскимъ, что они въ качествѣ шинкарей опаивали и грабили народъ и доводили казаковъ въ разныя времена до неистовыхъ жестокостей относительно евреевъ и даже поголовнаго ихъ истребленія въ эпохи войнъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго владычества. Не оправдывая нисколько подвиговъ шинкарства, всегда и вездѣ имѣющихъ одинаковое достоинство, замѣтимъ только, что въ ожесточенной борьбѣ малороссійскаго христіанскаго населенія противъ шинкарей-евреевъ немалую роль играло желаніе не избавить „посполъство" отъ навязываемаго ему евреями пьянства, а монополизировать въ свою пользу право эксплуатировать это самое пьянство. Выгоды, которыя доставляла въ то время винная торговля, были столь значительны, что мѣщане и казаки естественно смотрѣли съ завистью на то, какъ большая часть этихъ выгодъ выпадала на долю евреевъ и думали только о томъ, какъ бы перемѣстить доходы отъ пропинаціи въ свои карманы. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія упомянутая борьба конечно много теряетъ насчетъ эпической картинности и возвышенности чувствъ, но выигрываетъ въ исторической правдѣ. Такимъ образомъ по изгнаніи и истребленіи евреевъ винная торговля не переставала быть главнымъ видомъ внутренней промышленности и главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ. Пропинація отдаваема была въ «рату» (откупъ, аренду) мѣщанамъ-христіанамъ, съ правомъ, разумѣется, исключительной продажи питей. Казакамъ вслѣдствіе этого запрещено было варить и продавать вино (въ 1684 г.). Въ 1688 г. запрещеніе это повторено гетманскимъ универсаломъ, вслѣдствіе жалобъ мѣщанъ-откупщиковъ, такъ какъ винная торговля есть занятіе неприличное для «рыцарскаго чина» и убыточное для мѣщанъ, платящихъ большую откупную сумму. Но запрещенія эти не имѣли никакого дѣйствія, казаки старшіе и младшіе торговали виномъ и оказывали явное сопротивленіе властямъ, желавшимъ препятствовать имъ въ этомъ. Вслѣдствіе чего запрещеніе повторено опять въ 1694 г. [3]) Такимъ образомъ «рыцарскій чинъ», столь сильно негодовавшій на евреевъ за ихъ пристрастіе къ шинкарству, самъ нисколько не гнушался этимъ промысломъ, не смотря на напоминанія властей о неприличіи «рыцарямъ» быть шинкарями; все движеніе противъ шинкарей-жидовъ, очевидно, имѣло такую же узко-своекорыстную подкладку, какъ стремленія горожанъ въ Литвѣ и Польшѣ устранять евреевъ отъ

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева, 1868, I, 315, 16. [2]) Акты, относ. къ ист. юго-зап. Россіи, I, №173. [3]) Акты, относ. къ ист. запад. Россіи, III. № 153. [4]) Акты историческіе, IV, № 88.

[1]) Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, IV, 118. [2]) Закревскій, ib., т. II, 592. [3]) Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, V, №№ 151, 182, 257.

торговли и ремеслъ въ томъ или другомъ мѣстѣ; пьянство въ Малороссіи съ исчезновеніемъ евреевъ и превращеніемъ чуть ли не каждаго казака въ шинкаря нисколько не могло уменьшиться, а по всей вѣроятности увеличилось. Что выиграла при этомъ страна,– это вопросъ, который разрѣшать здѣсь не беремся.

Стремленіе христіанской буржуазіи ограничивать для своихъ эгоистическихъ интересовъ промышленную дѣятельность евреевъ и вліяніе этого стремленія на законодательство о евреяхъ продолжались и по присоединеніи владѣній Рѣчи Посполитой къ Россіи. При Екатеринѣ Великой, когда въ законодательствѣ преобладали болѣе или менѣе широкія, либеральныя начала, хотя и далеко непослѣдовательно примѣняемыя, это стремленіе не могло имѣть особеннаго успѣха. Въ Положеніи о евреяхъ 1786 г. было установлено, во первыхъ, то начало, что «всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, безъ различія закона (вѣры) и народа», а во-вторыхъ, чтобы «не относиться на прежніе польскіе законы и установленія о различіи ихъ (евреевъ) противъ христіанъ, «поелику войдя они по запискѣ ихъ въ купечество и мѣщанство въ равное съ прочими состояніе и платя въ казну равныя подати, также нося прочія на равнѣ съ другими тягости, должны во всякомъ случаѣ защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными».[1]) При такомъ широкомъ и ясномъ воззрѣніи на дѣло естественно нельзя было и думать о воскрешеніи польскихъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ охранѣ привиллегій христіанской буржуазіи отъ соперничества евреевъ. При Александрѣ I, когда начала законодательной политики были существенно тѣ же, что въ царствованіе его Великой бабки, вопросъ этотъ получалъ подобное разрѣшеніе, на что указываетъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ 1810 г. на усмотрѣніе высшаго правительства поступило ходатайство кіевскаго городскаго общества объ удаленіи изъ Кіева евреевъ, «дабы съ одной стороны сохранить прежнія привиллегіи, которыми запрещалось имъ въ семъ городѣ записываться, жить и торговать, а съ другой прекратить происходящіе отъ нихъ безпорядки, многочисленныя тяжбы и ссоры». Въ ходатайствѣ этомъ было отказано по слѣдующимъ основаніямъ. Евреи начали селиться въ Кіевѣ по общему дозволенію въ 1794 г. и ихъ тамъ теперь 452 души. Въ 1801 г. по Высочайшему повелѣнію запрещено ихъ изъ онаго города выселять. Грамота, въ томъ же году Кіеву данная, подтверждаетъ именно тѣ права и преимущества, кои безъ отмѣны существуютъ и поколику они сообразны съ общими постановленіями и законами. Терпимость же евреевъ въ ономъ съ законнаго дозволенія уже болѣе 15 лѣтъ существуетъ и выселеніе ихъ сопряжено будетъ съ чрезвычайнымъ для нихъ разсореніемъ. По самому положенію о нихъ назначены для жительства ихъ города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны. Если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе безпорядки, вообще по жительству ихъ и промысламъ, то они должны прекратиться бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ [1]) Хотя въ этомъ постановленіи и не затронутъ общій вопросъ о силѣ польскихъ законовъ относительно жительства и промысловъ евреевъ въ разныхъ городахъ, но ясно видно отрицательное отношеніе къ нимъ русскаго правительста въ духѣ положенія 1786 г.

[1]) Сборникъ г. Леванды, ст. 31 и 34.

Но вскорѣ наступилъ рѣзкій поворотъ въ отношенія правительства къ евреямъ. Рядъ болѣе или менѣе суровыхъ мѣръ обозначилъ новое направленіе въ нашей внутренней политикѣ по отношенію къ евреямъ. Христіанская буржуазія скоро замѣтила этотъ поворотъ и поспѣшила воспользоваться имъ къ осуществленію своихъ завѣтныхъ мечтаній объ устраненіи еврейской конкурренціи въ торговлѣ и ремеслахъ. Уже въ 1825 г., при разрѣшеніи вопроса о правѣ евреевъ жить въ Астраханской губерніи и Кавказской области, въ пользу отрицательнаго отвѣта принято было между прочимъ то соображеніе, что соперничество евреевъ будетъ вредно тамошнему купечеству [2])—соображеніе, очевидно, несостоятельное съ точки зрѣнія интересовъ страны. Тѣ самые кіевскіе горожане, которые въ 1810 году не могли добиться выселенія евреевъ изъ Кіева, достигли своей цѣли въ 1827 году. 2 декабря этого года изданъ указъ о выселеніи евреевъ изъ Кіева, на томъ основаніи, что «пребываніе ихъ въ семъ городѣ вредно для промышленности его и для самой казны и сверхъ того *противно* правамъ и *привиллегіямъ*, въ разныя времена г. Кіеву жалованнымъ и впослѣдствіи особыми грамотами и указами подтвержденнымъ». [3]) Любопытно отмѣтить фактическое противорѣчіе между указами 1810 и 1827 гг. Первый указъ полагаетъ, что прежнія привиллегіи имѣютъ силу въ новое время лишь насколько онѣ не противорѣчатъ общимъ законамъ, которые въ данномъ случаѣ на сторонѣ евреевъ. Второй утверждаетъ, что старыя привиллегіи имѣютъ силу и теперь, а потому пребываніе евреевъ въ Кіевѣ незаконно. По смыслу перваго указа нѣтъ никакого русскаго закона, который утвердилъ бы силу польской привиллегіи о нежительствѣ евреевъ въ Кіевѣ. Второй указъ утверждаетъ, что привиллегіи были потомъ потверждены грамотами и указами. Въ сущности указъ 1827 г. былъ законъ вполнѣ новый, но правительство, по видимому, не хотѣло этого признать, а предпочло установить правило (противорѣчащее положенію 1786 г.) о томъ, что прежнія привиллегіи разныхъ городовъ о недопущеніи евреевъ имѣютъ силу до сихъ поръ.

Г. Закревскій увѣряетъ, что выселеніе евреевъ изъ Кіева въ 1827 г. совершилось „къ великой радости кіевлянъ“; [4]) но другой писатель болѣе точно опредѣляетъ, кто именно и почему радовался этому. По словамъ Журавскаго, зависть купцовъ христіанъ

[1]) Сборникъ г. Леванды, ст. 79, [2]) Тамъ же, стр. 140. [3]) Тамъ же, стр. 217.
[4]) Описаніе Кіева I, 317.

къ евреямъ была главной причиной ихъ изгнанія изъ этого города много разъ.[1]) Справедливость этого замѣчанія подтверждается оффиціальными данными. Указъ 1827 г. не былъ приведенъ въ исполненіе еще въ 1834 г., и правительство тогда имѣло въ виду съ одной стороны ходатайство городскаго общества о совершенномъ удаленіи евреевъ, а съ другой — противоположный отзывъ тогдашняго кіевскаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Левашева. Послѣдній доносилъ, что „оставленіе евреевъ въ Кіевѣ полезно и въ томъ отношеніи, что они, при умѣренности и простотѣ ихъ жизни, имѣютъ возможность продавать товары гораздо дешевле, такъ что рѣшительно можно сказать, что съ высылкой ихъ многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но и вовсе невозможно будетъ ихъ имѣть. По сему нельзя не предпочесть пользы жителей личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ“.[2]) Государь однакожъ разрѣшилъ только отсрочить выселеніе на 3 года, но не оставить евреевъ на жительствѣ въ Кіевѣ.

Въ 1829 г. (и много разъ впослѣдствіи) правительство разсматривало разныя ходатайства купцовъ и мѣщанъ остзейскихъ губерній объ уменьшеніи числа евреевъ и о запрещеніи имъ жить и промышлять въ томъ или другомъ городѣ. Сохранилась любопытная записка по дѣлу о припискѣ шлокскихъ евреевъ къ г. Ригѣ, изъ которой видно, что русское купечество наняло опытнаго ходатая съ порученіемъ хлопотать въ Петербургѣ о недопущеніи евреевъ въ Ригу; ходатай этотъ сдѣлалъ, какъ онъ объяснилъ, значительные „негласные расходы“ съ цѣлью склонить вліятельныхъ лицъ въ пользу мнѣнія о необходимости не допускать евреевъ въ Ригу, а неблагодарное купечество расходовъ этихъ не признало и вообще ходатая не удовлетворило по заслугамъ[3]). Между тѣмъ ходатайства этого рода имѣли успѣхъ, и жительство евреевъ въ остзейскихъ губерніяхъ было чрезвычайно ограничиваемо различными постановленіями, не потерявшими вполнѣ своей силы до сихъ поръ. Не трудно однакожъ догадаться, что побуждало остзейскихъ горожанъ дѣлать расходы на ходатайства объ удаленіи евреевъ.

За кіевлянами потянулись жители Каменца Подольскаго и вошли въ 1833 г. съ ходатайствомъ о выселеніи евреевъ на основаніи польской привиллегіи 1594 г.; но имъ было отказано въ этомъ, въ виду указа 1797 г., которымъ дѣйствіе означенной привиллегіи уничтожено[4]).

Караимы г. Трокъ (Виленской губ.) выступили тоже съ древними привиллегіями и добились изгнанія евреевъ этого города[5]). (Въ настоящее царствованіе законъ этотъ отмѣненъ).

---

[1]) Статист. описаніе Кіевской губерніи, I, 261. [2]) Сборникъ г. Леванды, стр. 333. [3]) См. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1866 г., I, смѣсь, стр. 133—141. [4]) Сборникъ Леванды, стр. 326. [5]) Тамъ же, 251.

Въ Вильнѣ возстановлено (въ 1838 г.) дѣйствіе старой привиллегіи, запрещавшей евреямъ жительство въ лучшей части города[1]).

Житомірскій кузнечный цехъ принесъ жалобу правительству на подрывъ, дѣлаемый ему евреями въ кузнечномъ ремеслѣ. Губернское правленіе, усмотрѣвъ изъ дѣла, что кузнецы-евреи, хотя и вносятъ установленную плату въ цеховую казну и работаютъ искусно, но надлежащихъ свидѣтельствъ не имѣютъ, воспретило имъ дальнѣйшее производство ремесла. Но генералъ-губернаторъ нашелъ это распоряженіе стѣснительнымъ для жителей, такъ какъ число христіанъ, занимающихся въ Житомірѣ кузнечнымъ ремесломъ, весьма ограничено. На этомъ основаніи распоряженіе губернскаго правленія было отмѣнено.[2])

По такому же основанію разрѣшено митавскимъ часовщикамъ-евреямъ дальнѣйшее производство ремесла, но безъ внесенія ихъ въ цехъ часовщиковъ, къ которому принадлежали одни христіане.[3])

Христіанское общество г. Кнышина (Гродненской губ.) возбудило вопросъ о возстановленіи силы прежнихъ польскихъ привиллегій о воспрещеніи евреямъ жительства въ этомъ городѣ. Въ 1845 г. состоялось рѣшеніе, отчасти уважившее это ходатайство. Но впослѣдствіи само христіанское общество составило актъ, которымъ признало пользу для города отъ пребыванія евреевъ и просило объ отмѣнѣ прежняго постановленія, что и состоялось въ 1858 г.[4]).

Въ 1836 г. состоялось опредѣленіе о недопущеніи евреевъ къ содержанію шинковъ и продажѣ питей въ помѣщичьихъ селеніяхъ новороссійскихъ губерній и Бессарабской области. Законъ этотъ вызванъ былъ не соображеніями общественнаго интереса, а ходатайствомъ новороссійскихъ чарочныхъ откупщиковъ, жаловавшихся на подрывъ, производимый евреями ихъ откупамъ.[5])

Обозрѣвая эти постановленія, относящіяся къ прошлому царствованію и почти всѣ отмѣненныя въ настоящее время (насколько они стѣсняютъ промышленную свободу евреевъ), нельзя незамѣтить въ нихъ рѣзкаго отступленія отъ принципа екатерининскаго законодательства въ томъ отношеніи, что за польскими привиллегіями признана сила дѣйствующаго закона въ томъ, что касается ограниченія евреевъ въ интересахъ христіанской буржуазіи. Нужно было каждый разъ стеченіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ для того, чтобы ходатайства въ этомъ смыслѣ со стороны горожанъ-христіанъ оставляемы были правительствомъ безъ уваженія.

Удивляться тому, что буржуазія сохранила до послѣдняго времени эгоистически-монопольныя стремленія старинныхъ гильдій и цеховъ и теперь, какъ въ средніе вѣка, охотно вытѣснила бы ненавистныхъ ей конкуррентовъ-евреевъ отовсюду — было бы крайне наивно. Явленіе это есть результатъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы и потому встрѣчается всегда и вездѣ. Когда французская революція провозгласила гражданскую равноправ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 434. [2]) Тамъ же, стр. 652. [3]) Тамъ же, стр. 694. [4]) Тамъ же, стр. 892. [5]) Тамъ же, стр. 405.

ность евреевъ, она встрѣтила сопротивленіе только съ одной стороны — отъ христіанскаго торговаго сословія, которое испугалось конкурренціи евреевъ. Явленіе это, впрочемъ, никоимъ образомъ не ограничивается однимъ отношеніемъ къ еврейству. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Англіи, этой классической странѣ свободы торговли и уваженія къ личной свободѣ, общественное мнѣніе было сильно взволновано вопросомъ о соперничествѣ нѣмцевъ и вредѣ, наносимомъ ими англійской торговлѣ (german competition in commerce). Посыпались во всѣхъ журналахъ замѣчанія о томъ, какъ нѣмцы вытѣсняютъ повсюду англичанъ даже въ самой Англіи, какой опасностью это грозитъ національной торговлѣ и пр. Само собою разумѣется, что въ современной Англіи никто и не заикнется объ ограничительныхъ законахъ противъ нѣмцевъ для защиты англичанъ. Одинъ изъ наиболѣе серьозныхъ органовъ англійской журналистики, Pall Mall Gazette, очень ясно и вѣрно поставилъ вопросъ, говоря, что нужно различать интересы страны отъ выгодъ промышленнаго сословія. Послѣднее конечно теряетъ отъ наплыва нѣмцевъ, но первая выигрываетъ отъ прилива массы людей, болѣе свѣдущихъ, умѣренныхъ и трудолюбивыхъ, какими оказываются нѣмцы сравнительно съ англичанами. Постараемся, говорилъ объ этомъ предметѣ Times, чтобъ англійскіе молодые люди, посвящающіе себя торговлѣ и промышленности, обладали такимъ же основательнымъ образованіемъ и трудолюбіемъ, какъ нѣмцы, и намъ нечего будетъ опасаться конкурренціи этихъ послѣднихъ. Въ глубинѣ души каждый англичанинъ, который испыталъ на своемъ карманѣ дѣйствіе нѣмецкаго соперничества, безъ сомнѣнія, былъ бы очень благодаренъ парламенту за принятіе мѣръ къ устраненію нѣмцевъ; но сумма господствующихъ въ англійскомъ обществѣ идей о свободѣ труда и соперничества такъ значительна, что монопольныя поползновенія не смѣютъ и показываться публично. И такъ, повторяемъ, удивляться тому, что у насъ купцы и ремесленники до сихъ поръ не прочь устранить «переказу въ гандлѣхъ» со стороны евреевъ, нѣтъ основанія. Извѣстно, что въ основѣ періодическихъ разграбленій и насилій всякаго рода надъ евреями въ Одессѣ и другихъ мѣстахъ лежитъ непримиримая (потому что затрагиваетъ кошелекъ, а не одну вѣру) ненависть христіанскаго, особенно греческаго купечества къ еврейскому. Эти взрывы лавочнической желчи, если и возмущаютъ своимъ безобразіемъ, то нисколько не удивляютъ.

Но зато удивительнымъ представляется намъ, что эти неблаговидныя тенденціи городскаго сословія до сихъ поръ встрѣчаютъ поддержку въ законѣ и администраціи. Не такъ давно, какъ извѣстно, послѣдовало новое и весьма энергическое выселеніе евреевъ изъ Кіева. Мы видѣли, что главной причиной установленія относящагося сюда ограничительнаго закона была зависть купцовъ христіанъ и желаніе ихъ устранять евреевъ отъ выгодъ торговли въ Кіевѣ. Конечно, пока законъ существуетъ, каковы бы ни были его основанія, онъ долженъ быть исполняемъ. Но справедливо и возможно ли существованіе въ наше время подобнаго закона? Сообразно ли съ достоинствомъ правительственной власти и согласно ли съ общимъ характеромъ нашего современнаго законодательства, чтобъ законъ прибѣгалъ къ такимъ суровымъ мѣрамъ относительно цѣлаго класса населенія единственно въ видахъ эгоистическихъ выгодъ небольшаго кружка лицъ? На поставленный такимъ образомъ вопросъ (а поставленъ онъ, какъ намъ кажется, вполнѣ правильно) каждый читатель, каковъ бы ни былъ его личный взглядъ на евреевъ, можетъ дать только одинъ отвѣтъ и потому намъ, съ своей стороны, нѣтъ надобности указывать его здѣсь.

III.

Разсмотрѣнные до сихъ поръ два основныхъ мотива законодательства о евреяхъ оба дѣйствовали обыкновенно въ одну сторону: побуждали къ ограниченію гражданскихъ правъ еврейскаго населенія. При этомъ одинъ изъ этихъ мотивовъ весьма часто прибѣгалъ за помощью къ другому и иногда совершенно скрывался за послѣднимъ. Христіанская буржуазія, не всегда находя удобнымъ открыто выступать съ объясненіемъ истинной причины своихъ усилій къ «устраненію» евреевъ, часто искала и находила себѣ опору въ инстинктѣ религіозной нетерпимости и соображеніяхъ религіознаго интереса. Такимъ образомъ въ старину, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ, купечество и ремесленное сословіе часто пользовались религіозной враждой къ евреямъ какъ орудіемъ къ достиженію своихъ далеко нерелигіозныхъ цѣлей въ отношеніи устраненія «враговъ Христовыхъ» отъ выгодъ того или другаго промысла. Чтобъ указать на законъ, дѣйствующій у насъ до сихъ поръ, замѣтимъ, что кіевляне, ходатайствуя о воспрещеніи евреямъ жительства въ Кіевѣ, умѣли пользоваться весьма вѣскимъ въ глазахъ нѣкоторыхъ доводомъ о «неприличіи нахожденія евреевъ въ городѣ святыхъ»; истинный же мотивъ этихъ ходатайствъ, какъ мы видѣли, всегда былъ другой.

Такимъ образомъ, еслибъ на спеціальное законодательство о евреяхъ вліяли только упомянутые два мотива, характеръ его былъ бы только отрицательный. Но къ счастію для евреевъ болѣе могущественнымъ двигателемъ права вообще и въ частности законодательства о евреяхъ всегда служилъ не религіозный принципъ и не узкій интересъ буржуазіи въ тѣсномъ смыслѣ, а болѣе широкій интересъ государства, казны и общества; а этотъ интересъ въ общемъ своемъ направленіи побуждалъ и до сихъ поръ побуждаетъ не къ ограниченію, а напротивъ—къ расширенію гражданскихъ правъ и сферы экономической дѣятельности евреевъ. Правда, во времена болѣе грубыя, этотъ самый матеріальный интересъ нерѣдко оказывался гибельнымъ для евреевъ въ томъ отношеніи, что побуждалъ государей, владѣтельныхъ бароновъ и городскія общины просто напросто грабить евреевъ, изгонять или истреблять ихъ и

затѣмъ присвоивать себѣ ихъ состояніе. Были и другіе, нѣсколько болѣе сложные, пріемы въ этомъ же духѣ. Такъ, въ средніе вѣка часто встрѣчаемъ подобнаго рода распоряженія. Король, императоръ или герцогъ объявляетъ жителямъ того или другаго города, что онъ освобождаетъ ихъ отъ долговъ мѣстнымъ евреямъ-ростовщикамъ, съ тѣмъ, что они часть долговъ вносятъ въ городскую казну, а послѣдняя платитъ извѣстную сумму королю и пр. Вообще, какъ замѣчаетъ Штоббе, евреевъ въ средніе вѣка разсматривали какъ общественную или казенную копилку (Sparbüchse). Имъ предоставляли накоплять по немногу капиталы, съ тѣмъ, что казна, городское общество и пр. предоставляло себѣ право очищать копилку, когда въ ней наберется достаточно денегъ [1]) Этотъ упрощенный финансовый пріемъ былъ не безъизвѣстенъ и у насъ встарину. Такъ, когда въ 1654 г. Алексѣй Михайловичъ распорядился о выселеніи евреевъ изъ Могилева, то сдѣлалъ при этомъ слѣдующія распоряженія. Жидовскіе дворы отдать половину въ ратушу (въ пользу города), а другую половину отобрать въ пользу казны. Лучшіе три двора отвести въ пользу воеводы и приказныхъ людей [2]). Считалось, стало быть, совершенно естественнымъ, что казна и христіанское общество полюбовно дѣлили между собою содержаніе общественной «копилки», предоставляя евреямъ начать въ другомъ мѣстѣ съизнова танталову работу накопленія капитала, который впослѣдствіи опять могъ бы служить удобнымъ рессурсомъ для казны и ратушъ.

Но такой способъ воздѣйствія идеи казеннаго интереса на матеріальный бытъ евреевъ составляетъ достояніе болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, да и тогда былъ явленіемъ не постояннымъ, но эпидемическимъ, повторявшимся болѣе или менѣе часто при стеченіи особыхъ обстоятельствъ. Въ общемъ же идея общественнаго и особенно государственнаго интереса дѣйствовала обыкновенно въ смыслѣ улучшенія положенія евреевъ. Такъ какъ интересы государства чрезвычайно разнообразны, то и употребленіе, которое въ разныя времена дѣлали изъ евреевъ, съ цѣлью извлечь изъ нихъ наибольшую пользу для государства, весьма разнообразно. По своей оригинальности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слѣдующій фактъ примѣненія утилитарной точки зрѣнія къ законодательству о евреяхъ. Въ 1827 г. послѣдовало упомянутое выше Высочайшее повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ Кіева. Но въ 1831 г. Государь повелѣлъ: Принявъ въ соображеніе настоящія политическія обстоятельства (польское возстаніе), «въ коихъ евреи могутъ иногда употребляться съ пользой», войти въ разсмотрѣніе условій, на которыхъ можно оказать кіевскому еврейскому обществу «возможное покровительство». Результатомъ этого была отсрочка выселенія на три года [3]). О какой пользѣ отъ евреевъ говорится здѣсь угадать не трудно. Дѣло впрочемъ разъясняется

[1]) Stobbe, ib. p. 131 — 140. [2]) Акты историческіе. IV, 88. [3]) Сборникъ г. Леванды, стр. 293.

свѣдѣніями, сообщаемыми бывшимъ жандармомъ о его службѣ въ западномъ краѣ. По этимъ свѣдѣніямъ генералъ Дребушъ, начальникъ жандармскаго управленія въ Вильнѣ до 1840 г., охотно платилъ евреямъ за доносы политическаго характера, которые поэтому часто сочинялись, поддѣлывались подъ его желаніе. Евреи пользовались слабостью генерала, его рвеніемъ къ открытію заговоровъ и т. под. Онъ же принималъ горячее участіе въ судьбѣ людей, преслѣдуемыхъ ихъ обществами за доносы и ябеды. Такъ, еврей Капланъ былъ, по старанію его общества, приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе за сокрытіе себя и своего семейства при ревизіи и другія преступленія. Капланъ прибѣгъ къ защитѣ генерала Дребуша, клялся, что общество его оклеветало въ отомщеніе за доносы его о неправильностяхъ при отдачѣ рекрутъ. Жандармское начальство заступилось за Каплана и обнаружено было, что совершенъ былъ подлогъ къ обвиненію Каплана [1]). Такое поощреніе со стороны администраціи ябедничества и доносовъ не только само по себѣ крайне странно, но рѣшительно противорѣчитъ той задачѣ, которую правительство съ давнихъ поръ себѣ поставило: возвысить уровень нравственнаго состоянія еврейскаго населенія. Объяснить себѣ такое рѣзкое уклоненіе отъ общаго духа законодательства можно только укоренившимся воззрѣніемъ, что извлеченіе «изъ сихъ людей пользы для государства» есть главный руководитель правительственной дѣятельности относительно евреевъ, какова бы ни была эта польза и какія бы ни были послѣдствія этого метода для самихъ евреевъ и вообще для страны.

Главное примѣненіе утилитарной идеи къ еврейскому вопросу заключается однакожъ не въ политическомъ направленіи дѣятельности евреевъ, а въ экономическомъ. Съ самаго поселенія евреевъ среди новыхъ европейскихъ народовъ, замѣчено было, что ихъ промышленная дѣятельность, хотя и преслѣдуетъ, какъ и вездѣ, эгоистическія цѣли (никакой земледѣлецъ, купецъ или ремесленникъ не трудится для общей пользы, а для своей собственной), но приноситъ пользу и другимъ классамъ населенія, и казнѣ. Отсюда повсемѣстное дарованіе евреямъ тѣхъ или другихъ гражданскихъ правъ, насколько это каждый разъ казалось полезнымъ въ интересахъ казны государевой или христіанскаго населенія. Въ Польшѣ евреи появились тоже вслѣдствіе желанія государей дать толчекъ экономическому развитію страны и открыть своей казнѣ новый источникъ доходовъ. „Жиды, *обьщая дани великія*, наполнили и омерзили Польшу“—этими немногими словами Юрій Крижаничъ характеризуетъ сущность всей польской политики относительно евреевъ [2]). На нихъ смотрѣли какъ на орудіе промышленнаго развитія страны и источникъ казенныхъ доходовъ. Поэтому имъ покровительствовали пока они были единственными представителями городскаго сословія, и всячески стѣсняли съ тѣхъ

[1]) См. „Записки жандарма“ (Вѣстн. Европы 1872. кн. 3), стр. 255, 260.
[2]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. XIII, 4.

поръ, какъ укрѣпилась христіанская буржуазія и евреи перестали быть необходимыми (см. выше).

У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо точка зрѣнія казеннаго интереса могущественно вліяла на все законодательство и въ особенности на отношеніе правительства къ торговому сословію. Весьма характерно то, что московское правительство (въ 1686 году при заключеніи міра съ Польшей) мотивировало свою заботу объ интересахъ международной торговли слѣдующимъ образомъ: „Понеже всѣ государства извыкли казнѣ государской чинить пополненіе отъ торговыхъ купецкихъ людей промысловъ". Тѣмъ естественнѣе, что по отношенію къ евреямъ, за которыми во владѣніяхъ Россіи не признавалось прежде никакихъ самостоятельныхъ гражданскихъ правъ, точка зрѣнія казеннаго или общественнаго интереса, послѣ религіознаго момента, долгое время была главнымъ руководителемъ закодательства. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ теченіе XVIII вѣка недопущеніе евреевъ въ предѣлы Россіи, обусловливаемое религіозной нетерпимостью, встрѣчаетъ систематическую оппозицію въ идеѣ экономическаго интереса. Одно за другимъ являются представленія мѣстныхъ начальствъ о необходимости допускать евреевъ, хотя бы временно, то «для пользы обывательской», то «дабы за непропускомъ ихъ не послѣдовало въ казенномъ индуктовомъ сборѣ недобору», то потому, что «коммерція (въ Ригѣ) совсѣмъ рушиться можетъ и привозныхъ изъ-за моря товаровъ продавать будетъ нѣкому [1])». Въ извѣстной резолюціи Елизаветы Петровны церковная идея, правда, восторжествовала надъ экономической, но послѣдующія узаконенія показываютъ, что благородное пренебреженіе къ «интересной прибыли», доставляемой «врагами Христовыми», было слишкомъ возвышеннымъ чувствомъ для большинства, и потому полное устраненіе евреевъ вмѣстѣ съ доставляемыми ими выгодами и тогда осталось однимъ pium desiderium, не осуществившимся на дѣлѣ. При Екатеринѣ II, несмотря на провозглашеніе гуманнаго начала «всякъ по званію своему» и пр., утилитарный принципъ не переставалъ руководить законодательными мѣрами относительно евреевъ. Такъ, въ 1797 г., евреямъ было отказано въ просьбѣ о разрѣшеніи записываться въ смоленское и московское купечество, но предоставлено имъ, кромѣ Бѣлоруссіи, право селиться въ Новороссійскомъ краѣ и Таврической области [2]). Изъ указа не видно, какія основанія приняты были къ его изданію, но мы знаемъ ихъ изъ другаго источника. 7-го октября 1790 года въ государственномъ совѣтѣ читанъ былъ докладъ по прошенію евреевъ о запискѣ ихъ въ смоленское и московское купечество и мнѣніе президента коммерцъ-коллегіи графа Воронцова. Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Воронцова, что евреи не имѣютъ права записываться въ купечество внутреннихъ городовъ и что „отъ допущенія ихъ къ этому не усматривается никакой пользы",

[1]) Сборникъ г. Леванды, стр. 9, 19, и 20. [2]) Тамъ же, 36.

но что они могутъ пользоваться правомъ гражданства въ Бѣлоруссіи и что „сіе право могло бы быть съ пользой распространено и на намѣстничество Екатеринославское и Таврическое [1])". Результатомъ этихъ соображеній явился упомянутый указъ 1791 г. Но если въ этомъ году права жительства евреевъ на русской территоріи значительно расширены вслѣдствіе соображеній государственной пользы, то въ слѣдующемъ же году встрѣчаемъ мѣру противоположную, вызванную, безъ сомнѣнія, тѣми же соображеніями. Въ 1792 г. Высочайше повелѣно было выслать изъ Россіи всѣхъ иностранныхъ евреевъ (въ Полномъ Собраніи Законовъ объ этомъ повелѣніи не упоминается). Весьма вѣроятно, что мотивомъ этого распоряженія было то общее недовѣріе къ иностранцамъ и желаніе затруднить сношенія русскихъ подданныхъ съ иностранцами, которыя въ то время были очень сильны въ правительственныхъ сферахъ вслѣдствіе событій французской революціи. Повелѣніе это исполнялось со всей строгостью. Когда прусскій посланникъ гр. Гольцъ заступился за прусскаго еврея Менделя, который записался въ московскіе мѣщане, вице-канцлеръ отказалъ въ его ходатайствѣ о невысылкѣ Менделя. Государственный совѣтъ согласился съ вице-канцлеромъ на томъ основаніи, что евреямъ данъ былъ достаточный срокъ на окончаніе своихъ дѣлъ, а затѣмъ они могутъ давать довѣренности другимъ лицамъ на ихъ окончаніе; тѣмъ болѣе, что такія ходатайства могутъ быть и отъ другихъ правительствъ, какъ извѣстно уже о хадатайствѣ за одного еврея австрійскаго [2]).

Въ 1799 г. правительство занято было вопросомъ о жительствѣ евреевъ въ Курляндіи. Тамошнее губернское правленіе, находя, что евреи въ Курляндіи не имѣютъ права осѣдлости, указывало главнымъ образомъ, кромѣ древнихъ привиллегій, на затруднительность взысканія съ нихъ казенныхъ сборовъ какъ на достаточную причину для ихъ удаленія [3]).

Въ царствованіе Александра I предпринято и еще болѣе проэктировано мѣръ къ измѣненію быта евреевъ. Каково было направленіе этихъ мѣръ, видимъ изъ указа 29 іюля 1827 г. Подводя въ нѣкоторомъ родѣ итогъ дѣятельности того царствованія относительно евреевъ, указъ этотъ говоритъ: «Новые поселенцы сіи (иностранные евреи), по роду ихъ промысловъ состоящихъ большей частью въ мелочной торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, кои наиболѣе сродны съ контрабандой, или въ содержаніи арендъ и шинковъ на правилахъ, раззорительныхъ и для вѣрителей ихъ и для поселянъ, не могутъ приносить существенной *пользы государству*.... Самыя мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени пользы для государства, составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переселенію евреевъ изъ селеній въ города, не

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. 2, стр. 366. [2]) Тамъ же, т. I, ч. 1, стр. 932. [3]) Сборникъ Леванды, стр. 47.

могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ, евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности и каковую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей» [1]). Это стремленіе «извлечь изъ сего племени пользу для государства» руководило правительствомъ не только при общихъ мѣрахъ относительно еврейскаго населенія, но и при частныхъ постановленіяхъ по тому или другому вопросу. Такимъ образомъ въ 1819 г. разрѣшено евреямъ-винокурамъ пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ «впредь до усовершенствованія въ винокуреніи русскихъ мастеровъ» (стало быть не скрывалось намѣреніе «устранить» евреевъ какъ только можно будетъ обойтись безъ нихъ). Разрѣшеніе состоялось вслѣдствіе ходатайства мѣстныхъ властей, въ томъ числѣ Сперанскаго изъ Пензы, о томъ, что «никакъ невозможно» отыскать другихъ винокуровъ кромѣ евреевъ [2]).

Въ 1820 г. возникъ вопросъ объ обезпеченіи еврейскихъ долговъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ. Для разрѣшенія этого вопроса въ пользу евреевъ недостаточно было общихъ соображеній права и справедливости, бывшихъ вполнѣ на ихъ сторонѣ, но необходимо было призвать на помощь всемогущій доводъ казеннаго интереса. «Если не обезпечить оные долги, отзывался министръ духовныхъ дѣлъ, то отъ сего произойдетъ вредъ не только всему еврейскому народу, и безъ того уже въ крайней бѣдности находящемуся, но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ собиранію съ евреевъ подати... Посему онъ заключаетъ, что *справедливость* и *самая польза казны* требуютъ, чтобъ капиталы евреевъ были обезпечены» и пр. [3]). Въ 1826 г. дальнѣйшее пребываніе евреевъ-винокуровъ во внутреннихъ губерніяхъ запрещено на томъ основаніи, что «винокуровъ есть довольное число изъ христіанъ» [4]). Однакожъ уже въ слѣдующемъ году пришлось сдѣлать исключеніе въ пользу евреевъ Давыдовыхъ въ виду того, что «они много лѣтъ находились на казенныхъ заводахъ, извѣстны своею опытностью и отличнымъ искусствомъ въ винокуреніи, и можно надѣяться, что они будутъ полезны и для иркутскихъ заводовъ» [5]). Эти три распоряженія нисколько не находятся въ противорѣчіи между собой по внутреннему своему смыслу. Законы 1819, 1826 и 1827 гг. всѣ исходятъ изъ одной точки зрѣнія: евреевъ-винокуровъ слѣдуетъ допускать къ повсемѣстному жительству пока нельзя обойтись безъ нихъ. Если въ 1819 и 1827 гг. жительство это дозволено, а въ 1826—запрещено, то не по различію взглядовъ на вопросъ о правѣ, но по различію фактическихъ обстоятельствъ, т. е. большей или меньшей степени нужности еврейскаго искусства въ винокуреніи для заводчиковъ.

[1]) Сборникъ Леванды, стр. 127. [2]) Тамъ же, стр. 100. [3]) Тамъ же, стр. 109. [4]) Тамъ же, стр. 169. [5]) Тамъ же, стр. 209.

Въ 1828 г. найдено, что какъ «въ 1824 г. воспрещено евреямъ переселеніе изъ-за границы въ Россію и водвореніе въ оной, на тотъ конецъ, дабы преградить чрезвычайное размноженіе въ Россіи сихъ людей, болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ для государства», то по тѣмъ же причинамъ слѣдуетъ запретить переселеніе въ Россію евреевъ изъ Царства Польскаго [1]).

Въ 1830 г. мѣстное начальство, представляя о затрудненіяхъ къ исполненію Высочайшаго повелѣнія 1829 г. о высылкѣ евреевъ изъ Севастополя и Николаева, указывало между прочимъ на слѣдующія соображенія [2]). «Евреи должны въ городской капиталъ Николаева свыше 100 тыс. руб. и при краткомъ срокѣ выселенія не въ состояніи будутъ долгъ этотъ уплатить. Евреи, въ числѣ 1145 душъ мужск. пола, участвовали всѣ въ отбываніи квартирной воинской повинности, которой городъ крайне обремененъ, а также всѣхъ другихъ общихъ и мѣстныхъ повинностей; съ выселеніемъ евреевъ сіи тягости упадутъ на однихъ обывателей христіанъ, кои выполнять ихъ едва ли будутъ въ состояніи, да притомъ г. Николаевъ лишится почти всѣхъ ремесленниковъ своихъ, такъ какъ сими ремеслами и другими художествами наиболѣе занимаются евреи». Вслѣдствіе этихъ соображеній, коими подкрѣплены доводы о раззореніи евреевъ предстоящимъ выселеніемъ, это послѣднее было, если не отмѣнено, то отсрочено.

Въ томъ же году состоялось извѣстное распоряженіе объ отдачѣ евреевъ въ военную службу за недоимки въ податяхъ. Основаніемъ принято было то, что казна почти ничего (?) не получаетъ съ евреевъ, между тѣмъ, какъ они, безпрестанно обращаясь съ просьбами о взысканіи съ нихъ вмѣсто рекрутъ въ натурѣ денегъ, показываютъ, что должны быть въ состояніи платить подати, еслибъ не уклонялись отъ сего [3]).

Въ 1834 г. состоялось постановленіе о невоспрещеніи евреямъ содержать корчмы и другія оброчныя статьи, между прочимъ на томъ основаніи, что подобное запрещеніе не только противно закону, но и «вовлекло бы казну въ убытокъ устраненіемъ отъ откуповъ значительнаго класса людей, наиболѣе ими занимающагося» [4]).

Въ слѣдующемъ 1835 году предположено учредить въ г. Смоленскѣ ярмарку; признавъ сіе весьма полезнымъ, «сколь для оживленія торговли и промышленности въ томъ краѣ, столь и для самаго города, который донынѣ скуденъ еще въ способахъ къ возстановленію прежняго своего благосостоянія»; поэтому предоставлено пріѣзжать на эту ярмарку и евреямъ безъ ограниченій [5]).

Въ томъ же году астраханскій военный губернаторъ представлялъ правительству, что, вопреки положенію о евреяхъ того же года, слѣдовало бы оставить на мѣстѣ живущихъ въ Астрахани евреевъ.

[1]) Тамъ же, стр. 233. [2]) Тамъ же, стр. 266. [3]) Тамъ же, стр. 277. [4]) Тамъ же, стр. 353. [5]) Тамъ же, стр. 358.

Это было бы «весьма полезно, писалъ онъ, сколько для снабженія тамошняго края хорошими ремесленниками, столько же для самаго распространенія и развитія сихъ ремеслъ, въ общественной жизни необходимыхъ, между коренными жителями, ибо отдаленный край сей терпитъ не малый недостатокъ въ людяхъ такого рода; отъ дозволенія сего не можетъ произойти никакого вреда, по причинѣ слишкомъ незначительнаго числа находящихся въ Астрахани евреевъ». Представленіе это однако не было уважено, такъ какъ пребываніе евреевъ въ томъ краѣ признано уже вреднымъ для распространенія азіатской нашей торговли [1]).

Въ 1837 г. возникъ вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли выселить евреевъ изъ мѣстечка Тузлы, Бессарабской области (такіе вопросы возникали тогда очень часто: такое уже время было!). Генералъ-губернаторъ гр. Воронцовъ нашелъ, однакожъ, что «мѣстечко Тузлы еще мало населено. Тамъ живутъ люди всѣхъ состояній, въ томъ числѣ и евреи; удалять оттуда сихъ послѣднихъ, сколько затруднительно, столько было бы и несправедливо» [2]). Поэтому предположеніе о выселеніи евреевъ оставлено безъ послѣдствій.

Въ томъ же г., при обсужденіи вопроса о пребываніи евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости, между прочимъ найдено: что хотя евреямъ купцамъ 3-й гильдіи и мѣщанамъ слѣдовало бы воспретить временное пребываніе въ г. Ригѣ, но какъ рижскій военный губернаторъ объясняетъ, что сіе запрещеніе послужило бы ко вреду торговли мѣстнаго купечества, то и пр. [3]).

Въ 1838 г. найдено возможнымъ, по причинѣ малочисленности настоящаго общества г. Новоалександровска и дабы содѣйствовать по возможности распространенію сего города, не стѣснять евреевъ, которые изъявятъ желаніе поселиться въ немъ, требованіемъ увольнительныхъ и пріемныхъ свидѣтельствъ [4]).

Не всегда однакожъ предположенія этого рода имѣли успѣхъ. Въ 1839 г. предположено было дозволить евреямъ селиться во вновь учрежденномъ тогда г. Кагулѣ, причемъ, безъ сомнѣнія, имѣлась въ виду та же колонизаціонная цѣль, что и въ предшествующемъ узаконеніи; но Государь изволилъ собственноручно написать на постановленіи комитета министровъ: «никакъ не согласенъ; и впредь во вновь открываемыхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ полосѣ 100 верстъ вдоль по границѣ, не дозволять селиться евреямъ» [5]).

Въ 1843 году состоялось постановленіе о дозволеніи евреямъ курить вино въ городахъ, гдѣ существуютъ акцизные сборы по слѣдующему основанію: «Отъ воспрещенія евреямъ винокуренія можетъ уменшиться взиманіе акциза за выдѣлку питей, чѣмъ данъ будетъ поводъ городскимъ обществамъ и откупщикамъ, принявшимъ акцизные сборы съ 1843 г. въ свое содержаніе, простирать къ казнѣ претензію за нарушеніе условій, такъ какъ они при

[1]) Тамъ же, стр. 381. [2]) Тамъ же, стр. 407. [3]) Тамъ же, стр. 428. [4]) Тамъ же, стр. 453. [5]) Тамъ же, стр. 488.

взятіи акцизнаго сбора имѣли въ виду настоящее положеніе онаго» [1])

Въ 1844 году разрѣшено было евреямъ-мастеровымъ жительство въ укрѣпленіяхъ восточнаго берега Чернаго моря, вслѣдствіе представленія главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ слѣдующаго содержанія. „Укрѣпленія черноморской береговой линіи не включены въ число мѣстъ, вь которыхъ допускается постоянное или временное пребываніе евреевъ, тогда какъ люди эти, при самомъ началѣ устройства сихъ укрѣпленій первые являлись туда съ своими мастерствами и донынѣ въ бо́льшей части укрѣпленій евреи суть единственные портные, сапожники и другіе мастеровые, необходимые для гарнизоновъ. Удаленіе евреевъ изъ укрѣпленій береговой линіи поставитъ въ необходимость всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ мѣстныхъ войскъ отправляться для обмундированія въ Керчь или другой какой-либо городъ, что будетъ сопряжено съ большими для нихъ издержками и сверхъ того отвлечеть ихъ отъ занятій по службѣ. Черноморскіе линейные батальоны вообще такъ бѣдны мастеровыми, что сихъ послѣднихъ едва достаточно для обмундированія нижнихъ чиновъ; въ нѣкоторыхъ же батальонахъ по недавнему ихъ сформированію батальонные командиры вынуждены нанимать закройщиковъ изъ евреевъ. По уваженію сихъ обстоятельствъ начальникъ черноморской береговой линіи проситъ о разрѣшеніи мастеровымъ-евреямъ временно проживать въ тѣхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ имѣются батальонные штабы, съ тѣмъ, что число таковыхъ евреевъ будетъ ограничено *крайней необходимостью*“ [2]). Правило этого указа было обобщено въ 1846 г. дозволеніемъ евреямъ мастеровымъ временно жить въ городахъ по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря въ числѣ мѣръ для распространенія русскаго населенія «въ той мѣстности» [3]).

Въ томъ же 1846 г. разрѣшено допускать евреевъ къ производству по подрядамъ шоссейныхъ работъ въ селеніяхъ Могилевской и Витебской губерній (гдѣ евреямъ жительство не дозволялось). Поводомъ къ этому послужили соображенія главнаго начальства путей сообщенія, «что подряды на шоссейныя работы неудобно раздроблять отдѣленіемъ изъ нихъ тѣхъ участковъ, гдѣ шоссе проходитъ чрезъ селенія и что въ означенныхъ губерніяхъ, по недостатку промышленниковъ изъ христіанъ, преимущественно вступаютъ въ торги и подряды евреи» [4]).

Въ 1848 г. состоялся законъ о допущеніи евреевъ къ торгамъ на перевозки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ не дозволено пребываніе. Законъ этотъ крайне интересенъ по исторіи своего происхожденія. Военное министерство признало «полезнымъ и необходимымъ дозволять евреямъ-купцамъ вступать въ подряды на перевозки и внѣ черты ихъ осѣдлости, такъ какъ въ противномъ случаѣ уменьшится соревнованіе торговцевъ и казна вынуждена будетъ на большія переплаты, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе не найдетъ иныхъ под-

[1]) Тамъ же, стр. 543. [2]) Тамъ же, стр. 570. [3]) Тамъ же, стр. 660. [4]) Тамъ же, стр. 659.

рядчиковъ, кромѣ евреевъ». Главный начальникъ военноучебныхъ заведеній письменно и потомъ словесно въ засѣданіи государственнаго совѣта заявилъ слѣдующее: „Съ воспрещеніемъ допускать евреевъ къ перевозкѣ въ Петербургъ воспитанниковъ полоцкаго кадетскаго корпуса, цѣны на сію перевозку, отъ извѣстности русскимъ извозчикамъ, что изъ Острова или Пскова нанять ихъ необходимо, и отъ недостатка соперничества съ ними, чрезвычайно возвысились, въ крайнее отягощеніе для вѣдомства учебныхъ заведеній, по ограниченности его денежныхъ способовъ; а потому весьма желательно, чтобы евреи отъ означенной перевозки устранены не были". Министръ государственныхъ имуществъ тогда же словесно заявилъ слѣдующее: „Допущеніе евреевъ ко всѣмъ вообще перевозкамъ изъ мѣстъ постояннаго ихъ жительства въ другія мѣста государства было бы полезно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, по рѣшительному неимѣнію въ многихъ частяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ губерній другихъ людей, занимающихся извозничествомъ, кромѣ евреевъ, устранило бы существующее нынѣ затрудненіе въ дѣлахъ и оборотахъ частныхъ лицъ и въ исполненіи самыхъ распоряженій правительственныхъ властей; и во-вторыхъ, согласно съ видами высшаго правительства на счетъ обращенія евреевъ къ постояннымъ промысламъ, распространило бы кругъ дозволенной имъ дѣятельности и увеличило бы способы ихъ къ снисканію себѣ пропитанія честнымъ трудомъ". Государственный совѣтъ, выслушавъ сіи объясненія, не могъ не признать, что „мѣстныя выгоды жителей, удобства торговыхъ и другихъ оборотовъ и предохраненіе иногда казеннаго интереса отъ ущерба (характеристично, что послѣдній доводъ министра государственныхъ имуществъ о пользѣ самихъ евреевъ не *принятъ госуд. совѣтомъ*) требуютъ, чтобы евреямъ разрѣшено было свободно заниматься извозничествомъ и принимать разныя на себя перевозки во всѣ части Имперіи". Надобно замѣтить однакожъ, что вопросъ о перевозкѣ полоцкихъ кадетовъ еврейскими извозчиками возникъ уже нѣсколько лѣтъ прежде и тогда было предположено дозволить имъ производить эту перевозку до Пскова, но Государь написалъ на докладѣ: „согласенъ, но не до Пскова, а до Острова". Впослѣдствіи однакожъ оказалось необходимымъ разрѣшить эту перевозку до самаго Петербурга, въ виду тягостной для казны притязательности извозчиковъ-христіанъ. [1])

Другое правительственное распоряженіе, относящееся къ тому же году и имѣющее такой же характеръ, опредѣляетъ право евреевъ на содержаніе корчемъ въ казенныхъ имѣніяхъ. По донесеніямъ палатъ государственныхъ имуществъ, со времени удаленія евреевъ отъ содержанія корчемъ доходъ отъ нихъ значительно понизился. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ по ввѣренному его управленію краю—для соблюденія выгодъ казны сдѣлалъ въ 1846 году опытъ допущенія евреевъ снова къ содержанію корчемъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 680.

казенныхъ селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы они сами тамъ не жили, а имѣли сидѣльцевъ изъ христіанъ. Сія мѣра, при строгомъ соблюденіи оной, по отзыву Бибикова, нисколько не имѣла вредныхъ послѣдствій и не послужила къ разстройству крестьянскихъ хозяйствъ. Комитетъ министровъ, разсматривая эти и другіе факты, нашелъ, что «соревнованіе евреевъ при торгахъ на отдачѣ на содержаніе корчемъ въ казенныхъ имѣніяхъ могло бы значительно возвысить цѣну за содержаніе тѣхъ корчемъ и даже указать съ большей опредѣлительностью тотъ доходъ, который долженъ быть съ нихъ получаемъ», и потому призналъ полезнымъ обобщить мѣру ген.-губ. Бибикова. Государь написалъ на докладѣ: «только на сіи два года и съ строжайшимъ надзоромъ губернаторовъ за точнымъ исполненіемъ означенныхъ правилъ; гдѣ же будетъ нарушеніе, брать немедля въ казенное управленіе, а евреевъ отдавать подъ судъ арестованными» [1]). Постановленіе это оказалось однако безсильнымъ въ борьбѣ съ казеннымъ интересомъ, настоятельно требовавшимъ допущенія корчмарей евреевъ. Прошли первоначально разрѣшенные два года и 24 ноября 1850 г. комитетъ министровъ снова слушалъ записку министра государственныхъ имуществъ о допущеніи евреевъ-купцовъ къ содержанію корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ. Торги на содержаніе этихъ корчемъ въ 1850 году, совершенные безъ допущенія евреевъ, дали весьма неутѣшительные результаты. Предложенныя цѣны далеко не достигли не только прежде получавшагося дохода, но и исчисленнаго по инвентарямъ и люстраціямъ. Доходъ съ казенныхъ корчемъ упалъ на 205050 руб. $17^2/_7$ коп., а значительное число корчемъ осталось вовсе неприторгованнымъ, казенное же завѣдываніе ими признано совершенно невозможнымъ. Результатъ этотъ мѣстныя начальства приписали единственно тому обстоятельству, что въ силу упомянутой резолюціи евреи къ послѣднимъ торгамъ не были допущены. Понятно, что состоялось мнѣніе комитета министровъ о допущеніи евреевъ къ содержанію казенныхъ корчемъ еще на 4 года, и мнѣніе это Высочайше утверждено безъ всякихъ ограниченій [2]).

Въ 1851 г. постановлено слѣдующее: «въ видахъ облегченія курляндскаго дворянства въ ремонтномъ содержаніи шоссе, въ предѣлахъ Курляндской губерніи дозволить, согласно ходатайству курляндскаго дворянства, нанимать къ симъ работамъ евреевъ Ковенской губерніи, но съ тѣмъ, чтобы по окончаніи срока найма они не имѣли постояннаго пребыванія въ Курляндской губерніи» [3]).

Въ 1855 г. постановлено: во вниманіе къ настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ дозволить евреямъ, въ изъятіе изъ существующихъ постановленій, производить маркитантскій торгъ при войскахъ вездѣ, гдѣ бы оныя ни были расположены, не ограничиваясь мѣстами, назначенными для постояннаго жительства евреевъ, но съ тѣмъ однако, чтобы мѣра сія допущена была только въ про-

[1]) Тамъ же, стр. 703. [2]) Тамъ же, стр, 742. [3]) Тамъ же, стр. 763.

долженіе нынѣшней войны и чтобы евреи маркитанты производили при войскахъ одинъ лишь маркитантскій торгъ, а другихъ никакихъ торговъ не производили, подъ опасеніемъ установленной въ законѣ отвѣтственности [1]).

Въ нынѣшнее царствованіе, не смотря на весьма значительныя улучшенія въ законодательствѣ о евреяхъ, преобладаніе утилитарной точки зрѣнія, стремленіе «извлечь изъ сего племени пользу для государства» осталось въ прежней силѣ. Важнѣйшіе законы, облегчающіе положеніе евреевъ въ Россіи, и въ новѣйшее время обязаны своимъ происхожденіемъ видамъ государственной пользы и отчасти казеннаго интереса, и самыя облегченія установлены такъ, чтобы имѣть силу лишь пока продолжается ожидаемая отъ еврея той или другой категоріи польза. Таковы законы о дозволеніи принимать на государственную службу евреевъ, получившихъ высшую ученую степень, и о дозволеніи жительства по всей Россіи евреямъ-купцамъ первой гильдіи и ремесленикамъ. Относительно послѣдняго закона мы имѣемъ обстоятельные оффиціальные мотивы, не оставляющіе никакого сомнѣнія въ томъ, что лишь чрезвычайный недостатокъ въ ремесленномъ трудѣ, ощущаемый повсемѣстно внѣ черты осѣдлости евреевъ, и ходатайства разныхъ лицъ и учрежденій побудили правительство издать законъ 28 іюня 1865 года [2]). Какъ мы видѣли выше, уже прежде правительство по этой самой причинѣ нашлось вынужденнымъ дозволить пребываніе евреевъ-мастеровыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ внѣ черты ихъ осѣдлости (напр. по восточному берегу Чернаго моря и на Кавказѣ). Такимъ образомъ и по фактическому содержанію, и по основной мысли законъ 1865 г. не вноситъ ничего существенно новаго въ наше законодательство, а развиваетъ и обобщаетъ признанныя уже давно начала. Въ этомъ же направленіи идетъ новѣйшее законодательство и по другимъ болѣе частнымъ вопросамъ. Такъ, когда въ 1864 г. евреямъ воспрещено пріобрѣтеніе имѣній въ западномъ краѣ, а равно арендованіе ихъ, то въ 1867 г. оказалось нужнымъ сдѣлать отступленіе отъ этого запрещенія въ смыслѣ разрѣшенія евреямъ быть арендаторами и управителями мельницъ и заводовъ при имѣніяхъ въ западномъ краѣ. Разрѣшеніе это мотивировано такъ: „Такъ какъ въ западномъ краѣ промышленныя и торговыя занятія находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ, а внѣ ихъ среды почти невозможно найти тамъ людей способныхъ завѣдывать мельницами и заводами, для управленія которыми требуются извѣстныя техническія познанія и навыкъ, то воспрещеніе отдавать имъ въ содержаніе подобныя оброчныя статьи ставитъ новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ въ весьма затруднительное положеніе и даже можетъ повести къ уничтоженію нѣкоторыхъ мельницъ и заводовъ, что неблагопріятно бы отразилось какъ вообще на промышленность и хозяйство, такъ и

[1]) Тамъ же, стр. 843. [2]) Тамъ же. стр. 1032 и слѣд.

на дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ". [1])

Вліяніе утилитарнаго принципа на законодательство о евреяхъ далеко не исчерпывается притомъ лишь тѣми узаконеніями, въ которыхъ мотивы прямо указываютъ на вызвавшую ихъ побудительную причину. Есть очень много узаконеній, которыя не снабжены никакими мотивами, но въ коихъ содержаніе несомнѣнно указываетъ на такой же способъ происхожденія. Такимъ образомъ многочисленные законы прежняго времени, опредѣлявшіе различныя изъятія изъ общаго запрещенія евреямъ держать христіанъ въ услуженіи, были вызваны настоятельными экономическими потребностями и необходимостью поощрять извѣстныя профессіи (напр. аптекарей, подрядчиковъ, откупщиковъ) вслѣдствіе народнохозяйственнаго или финансоваго ихъ значенія. Таковъ законъ 1847 г. о дозволеніи евреямъ, живущимъ въ Закавказскомъ краѣ, участвовать тамъ въ казенныхъ подрядахъ [2]). Таковъ далѣе другой законъ того же года о дозволеніи евреямъ въ чертѣ ихъ осѣдлости входить въ подряды на содержаніе почтовыхъ станцій на общемъ основаніи [3]). Но мы очень долго не кончили бы, если бы стали перечислять всѣ тѣ узаконенія, въ которыхъ при регулированіи еврейскаго быта главнымъ масштабомъ является соображеніе о той или другой пользѣ, ожидаемой отъ данной мѣры для казны, государства или какого-нибудь отдѣльнаго класса лицъ. Знакомый съ законодательствомъ о евреяхъ въ Россіи знаетъ, что подобныя постановленія встрѣчаются въ немъ на каждомъ шагу.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь еще одинъ пунктъ, это — вліяніе утилитарно-фискальной идеи на организацію еврейской общины, или, если хотите — кагала. Отношеніе законодательства къ этому предмету носитъ какой-то особенный характеръ, который необходимо уяснить себѣ для того, чтобы получить правильное понятіе о пресловутомъ кагалѣ.

Съ самаго начала появленія системы законовъ о евреяхъ въ Россіи, именно со времени Екатерины II, мы замѣчаемъ въ мѣрахъ правительства по организаціи общественнаго устройства евревъ теченіе двухъ противоположныхъ идей по этому предмету. Съ одной стороны, раціональное стремленіе подчинить евреевъ общему гражданскому управленію во всемъ, что не касается дѣлъ ихъ вѣры, и предоставленіе имъ спеціальной автономіи лишь въ дѣлахъ общественно-религіозныхъ. Съ другой стороны — рядъ мѣръ, получающихъ на практикѣ рѣшительное преобладаніе и имѣющихъ совершенно противоположный характеръ, причемъ мѣры эти вызваны и поддерживаются казеннымъ интересомъ въ обезпеченіи платежа податей евреями. И такъ какъ первое направленіе представляетъ собою отвлеченный интересъ общественнаго блага, предстоящій въ отдаленномъ будущемъ и притомъ мало осязательный, а выгода казны есть нѣчто весьма положительное и непосредствен-

[1]) Тамъ же, стр. 1092. [2]) Тамъ же, стр. 676. [3]) Тамъ же, стр. 678.

но осязаемое, то тутъ повторяется въ нѣкоторомъ родѣ сказаніе о синицѣ въ рукахъ и журавлѣ въ небесахъ. Журавль приносится въ жертву синицѣ и кагалъ заступаетъ мѣсто „слиянія". Сопоставимъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе факты.

Въ положеніи 1786 года читаемъ: «по дѣламъ ихъ доставлять имъ правосудіе равномѣрно и всякія по торгамъ и промысламъ и по городовому праву выгоды, равно какъ и прочимъ подданнымъ безъ всякаго по разности въ законѣ различія... а посему въ просьбѣ ихъ о учрежденіи особыхъ еврейскихъ судовъ отказать; а должны они по всѣмъ таковымъ дѣламъ, коч до суда принадлежатъ, въ томъ числѣ и по всякимъ собственно между ними тяжбамъ, когда добровольно въ сихъ послѣднихъ не допуская до суда не разберутся, судимы быть въ магистратахъ и ратушахъ по основанію упомянутой грамоты [1])». Въ 1795 году при устройствѣ Минской губерніи повторено тоже начало: „при дѣйствіи магистратовъ и словесныхъ судовъ по городамъ кагалы еврейскіе, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ находящіеся, не должны касаться ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія ихъ" [2]).. Повидимому, что можетъ быть раціональнѣе такого распредѣленія еврейскихъ дѣлъ между общими и спеціальными управленіями: въ дѣла вѣры администрація не вмѣшивается, предоставляя ихъ самоуправленію еврейскихъ общинъ, а въ обще-гражданскихъ дѣлахъ евреи подчинены общему управленію. Но дѣло въ томъ, что подобно многимъ другимъ, болѣе крупнымъ предначертаніямъ Великой Императрицы, и это распредѣленіе оставалось на практикѣ однимъ «благопожеланіемъ», и вотъ почему. Заботясь объ устройствѣ евреевъ сообразно съ требованіями справедливости и интересами народнаго хозяйства, правительство, однакожъ, не упускало изъ виду и исправнаго взноса податей и исполненія всѣхъ вообще повинностей евреями, а въ этомъ отношеніи кагалъ представлялъ такое важное орудіе для обезпеченія казеннаго интереса, которое не могло быть оставлено правительствомъ безъ вниманія. При общемъ господствѣ у насъ искони принципа отвѣтственности общины предъ казной въ платежѣ налоговъ и исполненіи натуральныхъ повинностей ея членами, весьма естественно, впрочемъ, что этотъ самый принципъ былъ примѣненъ и къ еврейскому населенію. Первый организаторъ западнаго края, въ русскомъ духѣ, генералъ-губернаторъ Чернышевъ, въ 1776 г. сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Жидовъ въ поголовную перисипь записать въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ, котораго гдѣ ревизоры найдутъ, и дабы сборъ съ нихъ въ казну вѣрнѣе поступать могъ, такъ и впрочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ, то учредить кагалы, въ которые всѣхъ ихъ и росписать, такъ чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ ѣхать, или гдѣ жить и поселиться захочетъ, или что либо арендовать будетъ, отъ кагала получалъ пашпорты, но сіи пашпорты должны быть явлены

[1]) Тамъ же, стр. 33. [2]) Тамъ же, стр. 38.

въ провинціальныхъ канцеляріяхъ и въ оныхъ записаны. Поголовныя же деньги платить долженъ кагалъ и вносить оныя въ провинціальныя канцеляріи [1])». Въ 1783 г. производилась въ сенатѣ переписка, изъ которой видно, что кагаламъ при учрежденіи ихъ присвоена была власть судебная для разбора дѣлъ собственно между евреями [2]). Эта судебная власть, какъ мы видѣли, отнята была у нихъ законами 1786 и 1795 гг., но финансовая и административная часть по прежнему оставлена за кагалами. Само положеніе 1786 года постановляетъ, что раскладку государственныхъ налоговъ предоставляется дѣлать самимъ еврейскимъ обществамъ, согласно ихъ о томъ просьбѣ [3]). Положеніе о евреяхъ 1804 года опредѣляетъ: «должность кагаловъ есть наблюдать, чтобъ казенные сборы, доколѣ они пребудутъ въ настоящемъ ихъ положеніи, были исправно и бездоимочно вносимы; они должны распоряжать ввѣряемыми имъ отъ обществъ суммами. Впрочемъ, ни подъ какимъ предлогомъ не должны они налагать новыхъ податей» [4]). Положеніе 1835 г. говоритъ: «кагалъ долженъ наблюдать подъ строгой отвѣтственностью: 1) чтобъ предписанія начальства, собственно къ сословію мѣстныхъ жителей изъ евреевъ принадлежащія, были исполняемы въ точности; 2) чтобы исправно поступали съ каждаго лица или еврейскаго семейства подати казенныя, сборы и доходы городскіе и общественные; 3) чтобы деньги, подлежащія передачѣ въ уѣздныя казначейства и другія мѣста, отсылаемы были безъ промедленія по принадлежности; 4) чтобы расходы, возложенные на сословіе евреевъ его вѣдомства, были выполняемы надлежащимъ образомъ; 5) чтобы суммы, въ кагалъ поступающія, были хранимы въ цѣлости» [5]).

Принципъ солидарной отвѣтственности членовъ еврейскихъ общинъ въ исполненіи повинностей и платежѣ налоговъ всегда руководилъ нашимъ законодательствомъ и сохранился въ полной силѣ до сихъ поръ. Такъ, когда въ 1820 г. расматривался вопросъ объ обезпеченіи еврейскихъ долговъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, то министръ духовныхъ дѣлъ, давшій мнѣніе въ пользу обезпеченія, мотивировалъ его такъ: «если не обезпечить оные, то отъ сего произойдетъ вредъ не только всему еврейскому народу, и безъ того въ крайней бѣдности находящемуся, но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ собиранію съ евреевъ подати: ибо по законамъ еврейской вѣры и по обычаямъ сего народа достаточные должны пещись о пропитаніи бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь [6])». Аргументація эта очень любопытна. Законы христіанской вѣры, нисколько не менѣе, чѣмъ еврейскій, предписываютъ богатымъ помогать бѣднымъ; и само по себѣ крайне странно ставить такой тезисъ: правительство должно оказывать особое покровительство зажиточнымъ евреямъ въ тяжбахъ ихъ съ помѣщиками, потому что евреи эти по своей религіи

[1]) Тамъ же, стр. 25. [2]) Тамъ же, стр. 29. [3]) Тамъ же, стр. 34. [4]) Тамъ же, стр. 60. [5]) Тамъ же, стр. 368. [6]) Тамъ же, стр. 109.

и обычаю обязаны заботиться о бѣдныхъ единовѣрцахъ. Но особенно замѣчательно такое разсужденіе въ устахъ кн. Голицына, тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ, давшаго помянутое заключеніе: трудно объяснить себѣ это чрезмѣрное уваженіе къ требованіямъ еврейской религіи со стороны учредителя „Общества израильскихъ христіанъ", и вообще извѣстнаго ревнителя христіанства. Очевидно, что суть дѣла не въ законахъ еврейской вѣры, которые нисколько не оправдали бы исключительныхъ мѣръ въ пользу евреевъ, кредиторовъ помѣщичьихъ имѣній, а въ «самой выгодѣ казны», въ этомъ случаѣ совпадавшей съ еврейскими обычаями.

Общинная солидарность евреевъ въ податномъ отношеніи обнаружилась еще во всѣхъ постановленіяхъ относительно рекрутской повинности евреевъ и коробочнаго сбора. Что касается перваго пункта, то въ эпоху наибольшихъ правительственныхъ заботъ и самыхъ энергическихъ мѣръ къ „слiянiю" евреевъ, издано было множество самыхъ суровыхъ постановленій, основанныхъ на принципѣ строжайшей отвѣтственности еврейскихъ обществъ за своихъ членовъ. Нѣкоторые остатки этой системы исключительныхъ мѣръ существовали до самаго послѣдняго времени и отмѣнены только уставомъ объ общей воинской повинности. Коробочный же сборъ, отмѣненный въ Царствѣ Польскомъ, существуетъ и теперь на остальной территоріи имперіи, и по своему распредѣленію и употребленію безусловно поддерживаетъ солидарность всѣхъ русскихъ евреевъ, какъ членовъ особаго сословія въ государствѣ.

Въ 1844 году, правда, кагалы уничтожены и дѣла ихъ переданы въ общія административныя учрежденія, но при этомъ остались въ прежнемъ видѣ и особые налоги на евреевъ и составленіе ими особыхъ податныхъ обществъ и рекрутскихъ участковъ и избраніе ими особыхъ мѣщанскихъ старостъ [1]). Очевидно, что это была одна изъ тѣхъ бумажныхъ реформъ, которыми такъ изобилуетъ исторія нашего законодательства о евреяхъ. Существовало ли еврейское управленіе въ видѣ отдѣльнаго учрежденія подъ именемъ «кагала», или въ видѣ отдѣльнаго еврейскаго стола въ думѣ съ отдѣльнымъ старостой и пр.—сущность дѣла нисколько отъ этого не мѣнялась, пока паспортно-податная система остается въ прежнемъ состояніи.

Наконецъ, четвертый основной мотивъ законоположеній о евреяхъ — представленіе о вредѣ, наносимомъ ими другимъ классамъ населенія и стремленіе противодѣйствовать этому вредному вліянію евреевъ ограничительными мѣрами. Такъ, еще при Екатеринѣ Державинъ, въ своей извѣстной запискѣ, указывалъ на эту сторону еврейскаго вопроса и предлагалъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобъ по возможности сдѣлать евреевъ менѣе вредными для сельскаго населенія. Законодательство александровскаго времени, отвергая, согласно господствовавшему тогда либеральному духу,

[1]) Тамъ же, стр. 590.

мотивъ религіозной вражды относительно евреевъ, обусловливало свои ограничительныя мѣры въ отношеніи къ нимъ единственно этимъ народно-хозяйственнымъ основаніемъ. На немъ основано важнѣйшее постановленіе положенія 1804 г.—о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень. Оно руководило правительствомъ и впослѣдствіи. Такъ, въ указѣ 1823 г. о воспрещеніи евреямъ содержать въ бѣлорусскихъ деревняхъ шинковъ, почтъ и пр. читаемъ: «при открывшихся затрудненіяхъ въ продовольствіи обывателей губерній бѣлорусскихъ, удостовѣрясь чрезъ мѣстныя начальства и донесенія посылаемаго въ сіи губерніи сенатора Баранова, что главной причиной разстройства крестьянъ бѣлорусскихъ признано пребываніе евреевъ въ селеніяхъ и продажа вина, ими въ оныхъ производимая, и что евреи не только не обращались ни къ какимъ занятіямъ или трудамъ, кои положеніемъ 1804 г. имъ для собственной для ихъ пользы предоставлены, но напротивъ, усиливаясь водворяться въ селеніяхъ, число ихъ въ оныхъ еще болѣе умножилось, къ сугубому раззоренію хлѣбопашцевъ; по симъ уваженіямъ и принявъ во вниманіе *просьбы, принесенныя отъ бѣлорусскаго дворянства*, я призналъ полезнымъ» и пр. [1]) Въ указѣ 29 іюля 1824 г. опять встрѣчаемъ указаніе на то, что «евреи занимаются содержаніемъ арендъ и шинковъ на правилахъ разорительныхъ и для довѣрителей ихъ (т. е. помѣщиковъ) и для поселянъ». Тутъ дѣлается даже попытка (невѣрная, какъ мы видѣли выше) приписать этому мотиву и прежніе ограничительные законы относительно евреевъ [2]). Въ слѣдующее царствованіе и вплоть до настоящаго времени этотъ мотивъ всего чаще выступаетъ на сцену для оправданія стѣснительныхъ мѣръ относительно евреевъ; такъ, выселеніе ихъ изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ мотивируется обыкновенно вредомъ, который наноситъ ихъ пребываніе коренному населенію вообще или отдѣльному его классу.

IV.

Перечисливъ въ предыдущемъ изложеніи основныя идеи, руководившія нашимъ законодательствомъ при нормированіи быта евреевъ, и потребности, которымъ законодатель хотѣлъ удовлетворять своими постановленіями, перейдемъ къ бѣглой критической оцѣнкѣ этихъ идей, имѣя въ виду главнымъ образомъ тотъ матеріалъ для этой оцѣнки, который даетъ намъ само законодательство. Мы ограничимся указаніемъ главныхъ мыслей, на которыя какъ бы невольно наталкиваешься изученіемъ нашего матеріала. Прежде всего удивляешься безпрестаннымъ колебаніямъ въ разныя стороны, которыя замѣчаешь въ развитіи законодательства о евреяхъ. При нормальномъ историческомъ ходѣ законодательства, замѣчается обыкновенно, что усвоенное разъ правовое начало съ большимъ трудомъ поддается существеннымъ измѣненіямъ и уступаетъ только явной необходимости реформы. Такой примѣръ пред-

[1]) Тамъ же, стр. 119. [2]) Тамъ же, стр. 127.

ставляетъ намъ Англія. Медленно, съ чрезвычайными затрудненіями, проникаетъ тамъ въ умы общества и законодателя новая правовая идея; но разъ она туда проникла съ надлежащей силой и убѣжденіе въ необходимости ея осуществленія сдѣлалось общимъ, идея эта не преминетъ обратиться въ законъ, и законъ получитъ сильную устойчивость, пока его не вытѣснитъ другая, болѣе прогрессивная идея; повороты назадъ, къ идеямъ, несостоятельность которыхъ уже разъ признана, тамъ невозможны. Россія—не Англія, и было бы нелѣпо расчитывать на такой же органическій, нормальный ходъ развитія какого бы то ни было общественнаго вопроса у насъ, какъ въ Англіи. Но элементарное требованіе раціональной законодательной политики — требованіе извѣстной послѣдовательности въ развитіи правовыхъ началъ, а не безплоднаго шатанія взадъ и впередъ—примѣнимо также и къ нашему быту. Нельзя считать излишней требовательностью, если заявить желаніе, чтобъ не игнорировались сегодня результаты, добытые вчера, и чтобъ при неизмѣнившихся обстоятельствахъ не встрѣчалась безпочвенная шаткость во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ.

Къ сожалѣнію однакожъ, въ разсматриваемой здѣсь сферѣ законодательной дѣятельности мы постоянно встрѣчаемся съ этой ничѣмъ не оправдываемой шаткостью. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Уже въ царствованіе Екатерины II обозначилась эта невыработанность и противорѣчивость воззрѣній на направленіе правительственной политики относительно евреевъ. Такъ, при самомъ вступленіи императрицы на престолъ, вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россію (по собственному ея разсказу, приведенному нами въ другомъ мѣстѣ) былъ обсуждаемъ въ государственномъ совѣтѣ и допущеніе это единогласно признано полезнымъ. Въ отвѣтахъ на вопросы одного иностраннаго дипломата относительно евреевъ, императрица писала уже съ сомнѣніемъ: «впрочемъ, разрѣшеніе евреямъ поселиться въ Россіи могло бы нанести вредъ нашимъ мелкимъ торговцамъ, ибо эти люди (евреи) забираютъ все въ свои руки и *возможно*, что по этому поводу было бы болѣе жалобъ, чѣмъ выгодъ» [1]). Затѣмъ тотъ же государственный совѣтъ, который въ 1762 г. призналъ единогласно допущеніе евреевъ полезнымъ, въ 1790 г. согласился съ мнѣніемъ графа Воронцова, что не предвидится никакой пользы отъ дозволенія евреямъ записываться въ московское и смоленское купечество (см. выше). А 45 лѣтъ спустя, признано опять необходимымъ, для оживленія торговли и промышленности въ Смоленскѣ, допускать евреевъ къ торговлѣ на ярмаркѣ въ томъ городѣ. Ясно, что если въ 1835 г. Смоленскъ нуждался еще въ промышленной дѣятельности евреевъ настолько, чтобъ побудить законодательство того времени, столь строгое къ евреямъ, сдѣлать изъятіе изъ общихъ правилъ, то не

[1]) См. „Заря“ 1870 г., кн. 6, статью „Екатерина II какъ писательница“.

могло быть безполезнымъ пребываніе въ немъ евреевъ и въ 1790 году. Одно изъ этихъ постановленій, стало быть, построено на невѣрномъ основаніи. Не требуетъ далѣе комментаріевъ указанное противорѣчіе между тремя взглядами самого екатерининскаго правительства на экономическую роль евреевъ.

Такую же двойственность мы замѣчаемъ и въ другомъ отношеніи. Положеніе 1786 г. установляетъ то начало, что права и обязанности каждаго лица должны опредѣляться исключительно его званіемъ и состояніемъ, а не «закономъ» (вѣроисповѣданіемъ). Послѣдовательное проведеніе этого начала, конечно, разомъ покончило бы существованіе еврейскаго вопроса; нечего и говорить, что ничего подобнаго не совершено въ дѣйствительности не только тогда, но и теперь. Сама императрица говоритъ, что евреямъ не дозволенъ ею въѣздъ въ Россію по соображеніямъ религіознаго свойства. При ней же установлена двойная подать съ евреевъ и пр. Ясно, что слова «всякъ по званію» и пр. были больше фразой, чѣмъ дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ политики относительно евреевъ.

Относительно вопроса о пребываніи евреевъ въ селеніяхъ исторія законодательства представляетъ интересный рядъ движеній въ противоположныя стороны. Уже при Екатеринѣ многіе администраторы видѣли главную причину раззоренія крестьянъ не въ чемъ иномъ, какъ въ пребываніи евреевъ въ селеніяхъ. Генералъ-губернаторъ западныхъ губерній, гр. Чернышевъ, сдѣлалъ поэтому распоряженіе о томъ, чтобъ запретить помѣщикамъ отдавать евреямъ на откупъ корчмы и винокуреніе. Положеніе 1786 г. отмѣнило это запрещеніе и предоставило помѣщикамъ «въ полную ихъ свободу пользоваться тѣмъ въ деревняхъ и мѣстностяхъ своихъ по собственной ихъ волѣ безъ всякаго препятствія, потому наиболѣе, что всѣ тѣ, кои производить оное чрезъ собственныхъ своихъ людей имѣютъ лучшія удобности и выгоды, безъ всякаго имъ запрещенія сами постороннихъ нанимать, или имъ на откупъ отдавать не будутъ, равномѣрно и наблюдать за крестьянами, дабы они отъ сего винокуренія не вдавались въ распутную жизнь, не истощали своего имущества, и не удалялись отъ работъ, сами же владѣльцы обязаны, сколько для общественной, столько и для собственной ихъ пользы» [1]). Здѣсь установлены два главныхъ мотива противъ выселенія евреевъ изъ деревень путемъ правительственной общей мѣры: 1) если евреи вредны какъ корчмари самимъ помѣщикамъ, то послѣдніе и безъ законнаго запрещенія не станутъ отдавать имъ въ аренду корчемъ и другихъ угодій и вообще будутъ запрещать имъ пребываніе въ своихъ владѣніяхъ на основаніи вотчиннаго своего права; 2) помѣщики сами заинтересованы въ томъ, чтобъ предотвращать всякую возможность раззоренія крестьянъ; стало быть, правительству не для чего замѣщать въ этомъ отношеніи помѣщиковъ и принимать на себя исполненіе ихъ обязан-

[1]) Сборникъ Леванды, стр. 33.

ностей. Какъ ни ясны и убѣдительны эти соображенія, они были совсѣмъ забыты. Съ начала XIX вѣка начинается опять непрерывный рядъ правительственныхъ мѣръ къ выселенію евреевъ изъ владѣльческихъ имѣній, мѣръ, впрочемъ, никогда не приводившихся вполнѣ въ исполненіе. Въ 1823 г. состоялось повелѣніе о выселеніи евреевъ изъ деревень витебской и могилевской губерній, и состоялось оно по ходатайству бѣлорусскаго дворянства. Правительство, значитъ, забыло тогда то, что оно ясно понимало уже въ 1786 году: что дворянство имѣетъ полную возможность запрещать евреямъ пребываніе въ его владѣніяхъ безъ всякаго вмѣшательства правительства. Было бы очень естественно отвѣтить дворянству на его ходатайство въ духѣ 1786 года: вы жалуетесь на раззореніе вашихъ крестьянъ евреями, но кто же мѣшаетъ каждому изъ васъ отдѣльно запрещать тому или другому Беркѣ пребываніе на его землѣ? Почему вы не отдаете вашихъ корчемъ, угодій и пр. въ аренду не евреямъ, а другимъ лицамъ, или почему не завѣдуете ими сами посредствомъ довѣренныхъ лицъ? Вѣдь такимъ образомъ вопросъ разрѣшился бы гораздо легче, удобнѣе и на основаніи общихъ законовъ о вотчинныхъ правахъ дворянства, безъ надобности прибѣгать къ общимъ правительственнымъ мѣрамъ выселенія разомъ всѣхъ евреевъ изъ всѣхъ деревень, мѣрамъ, которыя именно по обширности своей задачи не могутъ быть приводимы въ исполненіе? Если же есть причины, побуждающія помѣщиковъ употреблять евреевъ для хозяйственныхъ операцій, хотя они сознаютъ невыгодность этого (отсутствіе другихъ лицъ, способныхъ замѣнить евреевъ, зависимость помѣщиковъ отъ евреевъ, какъ кредиторовъ и пр.), то ясно, что эти причины будутъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и по изданіи указа о запрещеніи евреямъ жить въ деревняхъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которыя усвоило себѣ правительство въ 1786 г., слѣдовало и въ 1823 г. оставить безъ уваженія ходатайство дворянства, какъ излишнее во всякомъ случаѣ. Но въ 1823 г. просто игнорировали то, что было передумано и рѣшено въ 1786 г. Результатомъ оказался законъ, который потомъ пришлось все откладывать исполненіемъ вслѣдствіе явной его несостоятельности, и наконецъ въ 1835 г. опять встрѣчаемъ поворотъ къ взгляду 1786 г. 13 апрѣля 1835 г. постановлено: „переселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, гдѣ оно еще не начато, до времени пріостановить. Само собою разумѣется, что у помѣщиковъ не отъемлется чрезъ сіе право высылать евреевъ изъ селъ и деревень своихъ по собственному усмотрѣнію, но безъ нарушенія контрактовъ и обязательствъ, законнымъ образомъ съ евреями заключенныхъ. Въ имѣніяхъ казенныхъ и другихъ вѣдомствъ право сіе принадлежитъ ихъ начальствамъ“ [1]). Тутъ опять видимъ пониманіе, хотя и непослѣдовательное, того, что нѣтъ надобности правительству ограждать помѣщичьи и казенныя селенія отъ наплыва евреевъ, когда они въ лицѣ владѣльцевъ и ближайшихъ начальствъ имѣютъ полную возможность обходиться безъ евреевъ и не допускать ихъ въ свою среду.

[1]) Тамъ же, стр. 359.

При Екатеринѣ II установлено то начало, что не слѣдуетъ примѣнять къ евреямъ прежнихъ ограничительныхъ польскихъ законовъ. Въ царствованіе императора Николая начало это не то чтобъ отмѣнено было законодательнымъ порядкомъ (въ такомъ случаѣ была бы, по крайней мѣрѣ, соблюдена легальная форма), но просто игнорируется, и цѣлый рядъ допотопныхъ привиллегій самаго стѣснительнаго свойства снова вызванъ къ жизни какъ дѣйствующій законъ.

Въ 1810 г. правительство ясно сознавало, что ограниченіе правъ осѣдлости евреевъ въ городахъ несовмѣстно съ поставленной тогда задачей - выселенія ихъ изъ деревень; въ ходатайствѣ кіевскихъ гражданъ о выселеніи евреевъ отказано между прочимъ потому, что «по самому положенію объ нихъ (евреяхъ) назначены для жительства ихъ преимущественно города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны» [1]). Въ послѣдующее царствованіе это столь ясное и простое соображеніе было забыто, и хотя мѣры къ удаленію евреевъ изъ деревень продолжались въ прежнемъ видѣ, даже были усилены, нашли возможнымъ ограничивать права пребыванія евреевъ и во многихъ городахъ и мѣстечкахъ, не задавая себѣ нисколько вопроса: да гдѣ же наконецъ жить этой массѣ людей, которыхъ изъ городовъ вытѣсняютъ, а въ села не пускаютъ?

Положеніе 1786 г., выражающее политику екатерининскаго времени относительно еврейскаго вопроса, установило тотъ взглядъ, что религіозный бытъ евреевъ долженъ быть предоставленъ ихъ собственному усмотрѣнію, правительству нѣтъ до него никакого дѣла, а должно оно смотрѣть только за исполненіемъ евреями ихъ гражданскихъ обязанностей. Въ послѣдующее время мы видимъ рѣшительныя отступленія отъ этого раціональнаго начала. Уже въ 1817 г. учреждено «Общество израильскихъ христіанъ», задача котораго заключалась въ поощреніи перехода евреевъ въ православіе. Вѣяніе либеральныхъ идей было однакожъ на столько сильно еще тогда, что учрежденіе общества признано было нужнымъ мотивировать другимъ образомъ: бѣдственное положеніе новокрещенныхъ евреевъ, не пользующихся поддержкой ни со стороны евреевъ, ни со стороны христіанъ, побудило правительство оказать имъ содѣйствіе. Но въ слѣдующее царствованіе тенденція религіозной пропаганды выступила болѣе прямо. Какъ мы видѣли не разъ, правительство частью открыто, а еще болѣе исподтишка вмѣшивалось въ религіозный бытъ евреевъ и принимало весьма энергическія мѣры къ тому, чтобъ отклонять евреевъ отъ ихъ «лжеученія». Только въ наше время мы видимъ поворотъ, хотя и не полный, къ принципу екатерининскаго законодательства.

[1]) Тамъ же, стр. 79.

Въ 1810 г., при обсужденіи вопроса о выселеніи евреевъ изъ Кіева, правительство имѣло въ виду то соображеніе, что „если выходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе-либо безпорядки, то они должны прекращаться бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ". Напрасно мы стали бы искать какихъ-нибудь слѣдовъ этой мысли въ узаконеніяхъ о евреяхъ, изданныхъ съ того времени. А между тѣмъ одного этого соображенія достаточно было бы для кассированія многихъ и многихъ проэктовъ ограничительныхъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль всѣхъ такихъ мѣръ заключается въ томъ, чтобъ предупредить возможность незаконныхъ дѣйствій извѣстной категоріи со стороны евреевъ; но для чего же существуютъ общіе законы и общее начальство, какъ не для предупрежденія „безпорядковъ", могущихъ произойти отъ извѣстныхъ личностей? Если же „бдительность начальства" недостаточно сильна для того напр., чтобъ противодѣйствовать производству контрабандной торговли евреями, живущими близь границы, то ясно, что ее не хватитъ и на приведеніе въ исполненіе закона о томъ, что евреи не могутъ имѣть пребыванія близь границы. Наблюденіе какъ за исполненіемъ общаго закона, запрещающаго контрабандную торговлю, такъ и за исполненіемъ спеціальнаго запрещенія евреямъ жить у границы, возлагается на одно и тоже мѣстное начальство. Если же оно не могло усмотрѣть или намѣренно смотрѣло сквозь пальцы на нарушеніе евреями общаго закона, то не представляется ли полная вѣроятность, что оно будетъ такъ же относиться къ нарушеніямъ спеціальнаго закона? Но мысль, которая усвоена была въ 1810 г., нетолько не сдѣлалась достояніемъ законодательной политики, но заглохла и позабыта впослѣдствіи.

Мы видѣли, что правительство всегда было убѣждено въ возможности извлечь пользу для казны изъ допущенія евреевъ къ подрядамъ и поставкамъ, и убѣжденіе это было достаточно сильно для того, чтобъ побуждать къ серьезнымъ отступленіямъ отъ общихъ ограничительныхъ законовъ. Но и это убѣжденіе не было чѣмъ-нибудь твердо установившимся. Такъ, Потемкинъ высказалъ разъ такое мнѣніе: «лучше *вдесятеро* заплачу, а не отдамъ жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ-подрядчиковъ, кои истощали сумму и все недостатками подчивали» [1]). Такой взглядъ неудивителенъ въ устахъ «великолѣпнаго князя Тавриды», который, какъ извѣстно, распоряжался казной очень щедро. Но вотъ, въ 1852 г., инспекторъ по инженерной части представилъ, что, по его мнѣнію, допущеніе евреевъ къ участію въ подрядахъ на инженерныя работы въ Кіевѣ и Севастополѣ, разрѣшенное военнымъ совѣтомъ, не достигаетъ цѣли. «Наибольшее пониженіе цѣнъ тогда только можетъ принести ожидаемую пользу, когда подрядчикъ, принявшій на себя работу по низкимъ цѣнамъ, исполнитъ оную во всемъ согласно

[1]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др. 1869 г., кн. 3, 194.

условіямъ; но этого, какъ доказано многими опытами, при подрядчикахъ-евреяхъ рѣдко достигнуть можно. Подрядчики изъ евреевъ при пріемѣ къ себѣ рабочихъ заботятся не о достоинствѣ ихъ въ знаніи дѣла, а только о дешевѣйшей платѣ, отчего и работы не могутъ быть хороши (подрядчики не-евреи, видите ли, заботятся гораздо болѣе о пользѣ казны, чѣмъ о собственныхъ выгодахъ!); притомъ дурно содержатъ рабочихъ, слѣдствіемъ чего бываютъ частыя жалобы и неудовольствія рабочихъ, что также не мало вредитъ успѣху и качеству работъ». [1]) (Какъ однакожъ измѣнились обстоятельства съ 1852 г.! Теперь ежедневно слышимъ жалобы, доходящія нерѣдко до судебнаго разбирательства, на то, что фабриканты и подрядчики всѣхъ исповѣданій, въ томъ числѣ и православнаго, морятъ рабочихъ голодомъ, обсчитываютъ ихъ и пр., а въ 1852 г. этимъ позорнымъ стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочаго люда отличались одни евреи; въ удаленіи евреевъ тогда имѣлось вѣрное средство къ тому, чтобъ отнять у рабочихъ всякій поводъ къ неудовольствіямъ: теперь увы! это средство оказывается недостаточнымъ въ виду всеобщей испорченности почтеннаго сословія предпринимателей!). На основаніи этого представленія инженеръ-генерала Дека запрещено было евреямъ вступать въ подряды по строительнымъ работамъ въ Кіевѣ и Севастополѣ. Спрашивается: если «многими опытами доказано», что евреи—недобросовѣстные подрядчики, то почему жъ не воспретить имъ участія въ казенныхъ подрядахъ вообще, и какъ согласовать съ этимъ многія другія постановленія, изъ которыхъ видно, что правительство, напротивъ, убѣдилось многими опытами въ полезности и даже необходимости допущенія евреевъ къ казеннымъ подрядамъ разнаго рода? Съ другой стороны нельзя не припомнить соображенія закона 1810 г., что безпорядки, производимые евреями, могутъ и должны быть прекращаемы „бдительностью начальства и дѣйствіемъ законовъ", безъ надобности прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если подрядчикъ-еврей не исполняетъ работы согласно условіямъ, то казна имѣетъ противъ него, какъ противъ всякаго другаго подрядчика, весьма дѣйствительное орудіе: не принимать работы, удерживать залоги, производить работы на его счетъ и пр., на основаніи общихъ законовъ. Не отрицая нисколько заявленія инженеръ-генерала Дека, что при подрядчикахъ-евреяхъ въ то время рѣдко можно было достигнуть добросовѣстности исполненія работы, мы можемъ (не опасаясь того, что насъ обвинятъ въ клеветѣ на „почтенное" сословіе подрядчиковъ), на основаніи всѣмъ извѣстныхъ фактовъ утверждать, что это могло быть также примѣнено къ подрядчикамъ всѣхъ другихъ исповѣданій. При такой явной несостоятельности мотивовъ распоряженія 1852 г. мы сильно подозрѣваемъ, что дѣйствительнымъ основаніемъ этому представленію послужили «убѣдительныя» ходатайства подрядчи-

[1]) Сборникъ Леванды, стр. 775.

ковъ-христіанъ, которымъ, подобно кіевскому купечеству (не забудемъ, что и тутъ дѣло идетъ о работахъ въ Кіевѣ), желательно было устраненіе еврейскаго соперничества при значительныхъ казенныхъ подрядахъ.

Изъ другаго дѣла (о содержаніи корчемъ въ казенныхъ селеніяхъ) мы видимъ, какъ откупщикъ-христіанинъ всѣми силами старается устранить евреевъ отъ торговъ и убѣдить правительство, чтобъ корчмы отданы были ему безъ торговъ съ участіемъ несносныхъ евреевъ, которые вѣчно надбавятъ что-нибудь и не дадутъ такимъ образомъ человѣку нажиться порядкомъ. Князь Енгалычевъ представлялъ при этомъ, что онъ добивается этого не для собственныхъ выгодъ (объ этомъ думаютъ только корыстолюбивые жиды), а для прекращенія дѣлъ о корчемствѣ, столь тягостныхъ для «простаго народа», и что если евреи сдѣлаютъ еще надбавку, онъ, Енгалычевъ, принимаетъ заранѣе ее на себя, «жертвуя наддачу на улучшеніе разстроеннаго хозяйства крестьянъ Витебской губерніи» (откупщикъ въ роли благодѣтеля крестьянъ—какая иронія!) или, если начальство этого не приметъ (осторожно прибавилъ откупщикъ-филантропъ), то наддачу онъ даетъ въ казну [1]). Нельзя удержаться отъ смѣха при видѣ того, какъ желаніе отдѣлаться отъ конкурренціи евреевъ заставляетъ почтенныхъ коммерсантовъ прибѣгать то къ филантропіи, то къ возвышеннымъ религіознымъ мотивамъ (напр. о «неприличіи» пребыванія евреевъ въ святомъ городѣ Кіевѣ), то къ соображеніямъ государственной пользы, страдающей отъ вліянія евреевъ.

Возвращаясь къ мотивамъ закона 1852 г., мы ограничимся указаніемъ на противорѣчіе, въ которомъ они находятся съ другими узаконеніями о допущеніи евреевъ къ подрядамъ въ видахъ казеннаго интереса: это противорѣчіе имѣетъ здѣсь для насъ главное значеніе.

Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи еще слѣдующій фактъ. Изъ нѣкоторыхъ узаконеній видно, что правительству небезъизвѣстно было уже давно, какъ несостоятельны разныя ограничительныя мѣры, вызывающія только уловки, и усилія, направленныя къ тому, какъ бы обойти эти мѣры, уловки, обыкновенно удающіяся на практикѣ. Такъ, когда въ 1834 г. признано было необходимымъ не воспрещать евреямъ содержать по прежнему корчмы и прежнія оброчныя статьи въ селеніяхъ нѣкоторыхъ губерній, то эта мѣра мотивирована была между прочимъ тѣмъ, что подобное воспрещеніе «подало бы токмо поводъ къ множеству подлоговъ, неизбѣжныхъ при оставленіи евреевъ на жительство въ оныхъ» (деревняхъ) [2]). Въ 1850 г. разрѣшено евреямъ содержать корчмы въ казенныхъ селеніяхъ, между прочимъ съ цѣлью предупрежденія «подлоговъ въ содержаніи сихъ корчемъ во всякомъ случаѣ евреями подъ именемъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, которымъ они за то будутъ давать, въ ущербъ дохода казны,

[1]) Тамъ же, стр. 705. [2]) Тамъ же, стр. 353.

особое вознагражденіе» [1]). При всей краткости этихъ, брошенныхъ мимоходомъ, замѣчаній, изъ нихъ ясно видно, что правительство сознавало справедливость одного изъ капитальнѣйшихъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ системы исключительныхъ мѣръ, подобной той, которую представляетъ наше законодательство относительно евреевъ: что такія мѣры деморализуютъ населеніе, заставляя его такъ или иначе обходить законъ, но не достигаютъ обыкновенно своей прямой задачи. Почему-жъ однако эта мысль столь рѣдко является, въ видѣ метеора, не оказывая никакого вліянія на большую часть постановленій объ евреяхъ, понять трудно, если не принять за удовлетворительное объясненіе общую безсистемность законодательства о евреяхъ.

Любопытно прослѣдить также, какой рѣзкій и внезапный переворотъ во взглядахъ администраціи на еврейскій вопросъ обнаружился съ самаго начала нынѣшняго царствованія. Понятно, что фактическое положеніе евреевъ, равно какъ отношеніе ихъ къ остальному населенію, не могло существенно измѣниться въ 1856 году противъ того, что было, напр., въ 1854 г. Между тѣмъ, мы видимъ, что тотъ самый еврейскій комитетъ, который прежде то и дѣло сочинялъ ограниченіе за ограниченіемъ, одно суровѣе другаго, въ 1856 г., устами прежняго же предсѣдателя своего, гр. Киселева, объявляетъ, что «достиженію Высочайше указанной въ 1840 г. цѣли сліянія евреевъ съ общимъ населеніемъ препятствуютъ разныя временно-постановленныя (?) ограниченія, которыя въ соединеніи съ общими законами содержатъ въ себѣ многія противорѣчія и порождаютъ недоумѣнія» [2]). А въ 1865 г. новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ представилъ даже мнѣніе въ томъ смыслѣ, что «существованіе въ настоящее время какихъ бы то ни было ограниченій въ гражданскихъ правахъ евреевъ сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ несообразно ни съ духомъ и направленіемъ времени, ни съ стремленіемъ правительства къ сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи» [3]). Съ тѣхъ поръ однакожъ „духъ времени“ уклонился опять въ другую сторону, и мы сильно сомнѣваемся въ возможности подобнаго отзыва со стороны вліятельнаго администратора въ настоящее время. Такъ, при тѣхъ же фактическихъ условіяхъ, вѣчно колеблется то въ одну, то въ другую сторону направленіе идей, руководящихъ рѣшителями судебъ еврейскаго вопроса, вмѣсто того, чтобъ идти хотя-бъ и медленно, но твердо въ наступательномъ направленіи, какъ слѣдуетъ при нормальномъ развитіи законодательства.

Шаткость руководящихъ идей въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, относящихся къ евреямъ, сопровождалась обыкновенно недостаткомъ вѣрныхъ фактическихъ свѣдѣній о томъ, что касается евреевъ. Объ этомъ мы достаточно говорили какъ въ

[1]) Тамъ же, стр. 746. [2]) Тамъ же, стр. 1034. [3]) Тамъ же, стр. 1035.

этомъ, такъ и въ другихъ очеркахъ. Укажемъ здѣсь еще на слѣдующее.

Первостепенную роль въ дѣятельности правительства относительно евреевъ игралъ до сихъ поръ вопросъ о выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень. Все зданіе этихъ постановленій построено было однако на ошибочныхъ представленіяхъ относительно фактовъ, подавшихъ поводъ къ этимъ исключительнымъ мѣрамъ. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, что при этомъ совершенно упущено было изъ виду вредное вліяніе крѣпостнаго права вообще и въ частности права пропинаціи западно-русскихъ помѣщиковъ на экономическій бытъ тамошнихъ крестьянъ, хотя вліяніе это было оцѣниваемо, какъ слѣдуетъ, нѣкоторыми здравомыслящими людьми. Другая фактическая ошибка, сдѣланная при этомъ, заключается въ слѣдующемъ. Становясь вполнѣ на точку зрѣнія прежнихъ администраторовъ, что главная причина раззоренія крестьянъ заключалась въ пребываніи среди нихъ евреевъ и что необходимо поэтому удалить послѣднихъ изъ деревень, слѣдовало подумать о томъ, какъ бы сдѣлать это выселеніе для евреевъ менѣе тягостнымъ, облегчая имъ возможность существованія внѣ селеній. Отчасти правительство имѣло въ виду это соображеніе, напр. при отказѣ въ выселеніи евреевъ изъ Кіева, на томъ основаніи, что нельзя стѣснять права жительства евреевъ по городамъ, когда ихъ высылаютъ изъ селеній. Но главный фактъ, на который слѣдовало при этомъ обратить серьезное вниманіе, былъ совершенно упущенъ изъ виду администраціей. Мы говоримъ о положеніи евреевъ во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній, положеніе, не измѣнившееся въ существенныхъ чертахъ до сихъ поръ. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Журавскимъ, евреи въ владѣльческихъ мѣстечкахъ платятъ значительные чинши за дома, лавки и пр. (больше, чѣмъ однодворцы въ селеніяхъ) и, кромѣ того, подвергаются очень чувствительнымъ неудобствамъ въ хозяйственномъ быту. Все гораздо дороже, чѣмъ въ деревняхъ. Многаго необходимаго для жизни часто вовсе нельзя достать. Положеніе жителей мѣстечекъ (особенно евреевъ) хуже чѣмъ другихъ классовъ населенія. Продажа водки и муки обыкновенно составляетъ монополію владѣльца. Въ иныхъ мѣстахъ владѣлецъ отдаетъ на откупъ вѣсы, что очень обременительно для жителей, а также продажа дрожжей, смолы, рѣзьбу скота и пр. Положеніе чиншовниковъ въ деревняхъ гораздо лучше и *это объясняетъ, почему евреи тѣснились прежде въ селеніяхъ* (несмотря на многократныя воспрещенія) [1].

Итакъ, въ то время, какъ правительство безпрестанно жалуется на противозаконное стремленіе евреевъ наполнять села, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ городахъ, и приписываетъ это стремленіе страсти къ легкой наживѣ и эксплуатированію крестьянъ, на дѣлѣ оно оказывается результатомъ (по крайней мѣрѣ въ значительной части, ибо владѣльческія городскія поселенія весьма распространены въ западномъ краѣ) вполнѣ законнаго желанія избѣгнуть хищничества градовладѣльцевъ и устроить свою жизнь нѣсколько легче, чѣмъ въ крѣпостныхъ городахъ, гдѣ все отдается на откупъ, вездѣ монополія владѣльца и слѣдовательно дороговизна и нужда. Нужно удивляться тому, какъ администрація не замѣтила необходимости измѣнить положеніе чиншовыхъ горожанъ во владѣльческихъ мѣстечкахъ для того, чтобъ сдѣлать возможнымъ выселеніе евреевъ изъ деревень. Но таково было могущественное вліяніе «священнаго принципа» крѣпостнаго права, что сознать ясно его вредное вліяніе никто не осмѣливался. Когда дѣло шло о раззореніи крестьянскаго хозяйства, никто оффиціально не отваживался указать на пропинацію помѣщиковъ, какъ на главную причину усиленія пьянства: находили болѣе удобнымъ взваливать все на евреевъ, которые были простымъ орудіемъ въ рукахъ помѣщиковъ въ дѣлѣ распространенія пьянства. Точно также поставить вопросъ о непомѣрной эксплуатаціи горожанъ (въ томъ числѣ и евреевъ) владѣльцами крѣпостныхъ городовъ считалось невозможнымъ: болѣе удобнымъ находили взваливать на евреевъ вину въ томъ, что они неохотно переселялись изъ деревень въ мѣстечки.

Еще въ 1820 г. (при обсужденіи дѣла о еврейскихъ долгахъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ, о которомъ мы говорили выше) правительство имѣло свѣдѣнія о томъ, что «весь еврейскій народъ находится въ крайней бѣдности», вслѣдствіе чего взысканіе податей съ евреевъ очень затруднительно и возможно лишь при отвѣтственности богатыхъ за бѣдныхъ. Но впослѣдствіи, въ одномъ указѣ, тоже упомянутомъ нами прежде, встрѣчаемъ жалобу на то, что «казна почти ничего не получаетъ съ евреевъ» (фактически невѣрную, въ виду того, что евреи, кромѣ всѣхъ общихъ налоговъ, обременены до сихъ поръ еще спеціальными), причемъ выражается мысль, что неисправность въ платежахъ со стороны евреевъ есть результатъ ихъ нежеланія нести обязанности гражданъ, а не несостоятельности. Между тѣмъ, съ 1820 г. до того времени, къ которому относится послѣдній указъ, экономическое положеніе евреевъ могло только значительно ухудшиться, такъ какъ это было время безконечныхъ ограниченій и изъятій, которыя сыпались на головы евреевъ чуть ли не каждый день новыя. Понятно, что еслибъ при рѣшеніи вопросовъ, касающихся евреевъ, руководствовались всегда лишь положительными фактами, то признанная разъ недостаточность платежныхъ силъ евреевъ при данныхъ экономическихъ условіяхъ не могла бы быть въ другой разъ голословно отвергнута. Но, по видимому, извѣстныя симпатіи и антипатіи имѣли больше вліянія на ходъ законодательныхъ вопросовъ о евреяхъ, чѣмъ положительные факты; поэтому, хотя въ 1820 г. признано было справедливымъ и необходимымъ увеличивать платежныя силы евреевъ путемъ законнаго покровительства ихъ интересамъ (обезпеченіе долговъ на помѣщикахъ), впослѣдствіи

[1] Стат. описаніе Кіевск. губ. II, 515—19.

взглянули на дѣло иначе и нашли болѣе цѣлесообразнымъ прибѣгнуть съ той же цѣлью къ самымъ суровымъ мѣрамъ понужденія (брали по одному рекруту за каждыя 2000 р. недоимки).

Такое же незнакомство съ фактическими данными или игнорированіе ихъ, въ угоду извѣстнымъ тенденціямъ, обнаруживаетъ исторія вопроса о допущеніи евреевъ-винокуровъ во внутреннія губерніи. Въ 1826 г. это воспрещено на томъ основаніи, что „винокуровъ есть достаточно и изъ христіанъ"; но не говоря уже о частномъ исключеніи изъ этого правила, которое оказалось нужнымъ сдѣлать уже въ слѣдующемъ (1827 г.), много лѣтъ спустя (въ 1865 году) сдѣлано было общее разрѣшеніе винокурамъ и прочимъ ремесленникамъ изъ евреевъ проживать по всей Россіи, и въ основу этого разрѣшенія легли, между прочимъ, ходатайства винокуренныхъ заводчиковъ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерній, ходатайства обусловленныя недостаткомъ винокуровъ-христіанъ. Но съ 1827 по 1865 г. распространеніе ремесленныхъ знаній между кореннымъ населеніемъ въ великороссійскихъ губерніяхъ по всей вѣроятности сдѣлало нѣкоторые успѣхи; во всякомъ случаѣ оно не могло пойти назадъ—по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать это. Стало быть, предположеніе, что «винокуровъ есть довольно и изъ христіанъ» было ошибочно и законъ 1826 г. обязанъ своимъ происхожденіемъ неимѣнію достовѣрныхъ свѣдѣній о фактѣ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ.

Эти и другіе подобные факты доказываютъ, какъ часто законы о евреяхъ, особенно въ прежнее время, являлись результатомъ ошибочныхъ представленій или неимѣнія въ виду фактовъ первостепенной важности для того или другаго вопроса.

Третій пунктъ, на который мы хотимъ указать здѣсь, касается вопроса объ отношеніи законовъ о евреяхъ къ общественной нравственности. Съ давнихъ поръ правительство поставило себѣ въ отношеніи евреевъ, между прочимъ, задачу нравственнаго возрожденія этого племени. Такъ, указъ 1844 г. говоритъ объ учрежденіи еврейскихъ училищъ, какъ о «новомъ доказательствѣ заботливости о нравственномъ улучшеніи евреевъ» [1]). Давно оффиціально установилось мнѣніе, что законодатель долженъ разсматривать всѣхъ вообще евреевъ, какъ людей дурной нравственности. Нерѣдко встрѣчаемъ такія сопоставленія, какъ въ указѣ 20 апрѣля 1837 г., не назначать въ карантинную стражу «людей дурной нравственности и низшихъ чиновъ изъ евреевъ», такъ какъ служба въ карантинѣ, по самому свойству своему, требуетъ людей надежныхъ, безпорочнаго поведенія [2]). Это значитъ: низшіе чины всѣхъ другихъ исповѣданій могутъ быть хорошей или дурной нравственности и потому начальство должно выбирать между ними; но еврей, по самому рожденію своему—патентованный плутъ, и потому тутъ разбора

[1]) Сборникъ Леванды, стр. 576. [2]) Тамъ же, стр. 410.

никакъ и дѣлать не нужно (нѣсколько правилъ этого характера существуетъ и теперь).

Когда въ 1856 г. начертана была новая программа дѣйствій относительно евреевъ, то она формулирована была слѣдующимъ образомъ: «Пересмотрѣть всѣ существующія о евреяхъ постановленія для соглашенія ихъ съ общими видами слiянія сего народа съ коренными жителями, поколику *нравственное состояніе* сего народа можетъ сіе дозволить» [1]). Не отрицаемъ самаго факта низкаго уровня нравственнаго развитія еврейской массы, хотя особенно похвастать въ этомъ отношеніи ни одинъ классъ населенія не можетъ; но думаемъ, что никто не станетъ отрицать правильность слѣдующаго соображенія. Прежде чѣмъ законодатель возьметъ на себя столь трудную и рѣдко благодарную задачу бороться съ недостатками, выработанными вѣковыми условіями быта даннаго народа или класса общества, естественно слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ этихъ недостатковъ, которыя кроются въ самомъ дѣйствующемъ законодательствѣ и, слѣдовательно, искусственно вызываютъ то, противъ чего правительство считаетъ нужнымъ бороться. Въ своей «заботливости о нравственномъ улучшеніи евреевъ», если понимать эту заботливость дѣйствительно серьезно, слѣдовало администраціи прежде всего устранить причины нравственнаго растлѣнія евреевъ, очевидно проистекающія изъ самихъ юридическихъ условій ихъ общественнаго положенія. Во первыхъ, это гораздо легче исполнить, чѣмъ влiять на религіозно-нравственный бытъ еврейской общины: отмѣнять законодательнымъ путемъ правила этимъ же путемъ возникшія и легко, и нормально, чего никакъ нельзя сказать о вторженіи государства въ чуждую ему сферу духовно-моральнаго быта какого бы то ни было класса общества. Во вторыхъ, борьба съ неблагопріятными условіями нравственнаго развитія общества, имѣющими внутренній, бытовой характеръ, просто немыслима прежде, чѣмъ будутъ устранены внѣшнія, особенно юридическія условія, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Чтожъ мы видимъ на дѣлѣ? Правительство, особенно въ прошлое царствованіе, постоянно говоритъ о безнравственности евреевъ; за ними утверждается репутація оффиціальныхъ представителей безнравственности, какъ показываетъ между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ, засвидѣтельствованный современникомъ. Въ 1837 г. министерство внутреннихъ дѣлъ требовало отъ мѣстныхъ начальствъ разныя статистическія свѣдѣнія; изъ г. Кая (вятской губерніи) отъ уѣзднаго начальства на вопросъ о нравственномъ состояніи жителей полученъ былъ такой отвѣтъ: «жидовъ въ г. Каѣ не находится.» Этимъ было ясно доказано вполнѣ безупречное въ нравственномъ отношеніи состояніе г. Кая. Правительство ясно сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ограничительныя мѣры прямо вызываютъ подлоги, заставляя евреевъ прибѣгать къ подставнымъ лицамъ для пользованія тѣми права-

[1]) Тамъ же, стр. 1034.

ми, въ которыхъ законъ имъ отказываетъ. Оно сознаетъ также, что помимо ущерба общественной морали этотъ порядокъ невыгоденъ и въ общехозяйственномъ отношеніи, такъ какъ часть выгодъ отъ извѣстныхъ запрещенныхъ евреямъ профессій уходитъ вполнѣ непроизводительно на пріобрѣтеніе подставного, христіанскаго имени. По крайней мѣрѣ эти мысли прямо выражены въ упомянутыхъ выше двухъ указахъ 1834 и 1850 гг. относительно питейной торговли евреевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. И однакожъ, мы до сихъ поръ не видимъ ни одной попытки серьезно оцѣнить значеніе этого момента въ еврейскомъ вопросѣ и придать ему надлежащее вліяніе на законодательство о евреяхъ.

Въ какой степени это было желательно, можно судить, имѣя въ виду слѣдующіе факты, сообщаемые проф. Янсономъ: «Опытные въ винокуреніи и умѣющіе ладить съ акцизными порядками евреи, говоритъ онъ, явились и въ харьковской губерніи въ числѣ главныхъ дѣятелей по этой части. Появленіе ихъ здѣсь относится къ 1856 году и теперь много винокуренъ перешло къ нимъ въ руки путемъ арендованія, не смотря на то, что въ этой мѣстности арендовать винокурни могутъ только тѣ изъ евреевъ, которые записаны въ первую гильдію. Евреи съумѣли обойти этотъ законъ. Винокурня арендуется на имя какого нибудь помѣщика, который ставитъ еврея какъ будто своимъ прикащикомъ. Такая сдѣлка между помѣщикомъ и евреемъ, основывается ли она на личномъ довѣріи или обезпечивается какой нибудь формальной сдѣлкой, во всякомъ случаѣ требуетъ новыхъ расходовъ со стороны еврея (*есть помѣщики, получающіе за ссуду своего имени по 3000 руб. въ годъ)*, во вторыхъ увеличиваетъ рискъ самого предпріятія и затраты капитала. Такого же рода уловка для обхода закона употребляется и при арендованіи евреями земель» [1]). Послѣднее замѣчаніе подтверждается многими фактами относительно пріобрѣтенія и аренды евреями земель въ западныхъ губерніяхъ на имя христіанъ.

Не трудно оцѣнить морально-экономическое значеніе подобныхъ фактовъ. Стѣсняя евреевъ въ производствѣ промысловъ, которыми они исключительно и съ давнихъ поръ занимаются безъ всякихъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобъ пріучить ихъ къ другимъ профессіямъ, законъ вызываетъ многочисленную категорію обыденныхъ правонарушеній и подлоговъ. Онъ деморализуетъ въ тоже время христіанское населеніе, вводя его въ искушеніе получать болѣе или менѣе крупные куши за «ссуду имени», одинъ изъ способовъ пріобрѣтенія имущества, не предусмотрѣнныхъ сводомъ законовъ. Искушеніе слишкомъ сильное для того, чтобъ ему могло противустоять большинство людей, и оно дѣйствительно ему поддается, какъ мы видѣли.

Съ другой стороны, если еврею все таки удается такимъ окольнымъ, незаконнымъ путемъ достигнуть того, чего онъ не можетъ добиться прямо, то излишнія траты на покупку вывѣски для замаскированнаго предпріятія или сдѣлки, равно какъ неизбѣжный рискъ, сопряженный съ возможностью появленія «идущаго вдали закона», естественно ложатся, въ видѣ издержекъ производства, на самое предпріятіе и, по извѣстному финансовому закону переложенія, возлагаются на потребителей труда или предпріимчивости даннаго еврея. Арендуя винокурню на имя христіанина тамъ, гдѣ это ему запрещено, еврей, конечно, переложитъ на потребителей выкуриваемаго имъ вина расходъ на покупку имени, мѣстами очень значительный; рискованность предпріятія побудитъ его также увеличивать обыкновенныя отъ него выгоды посредствомъ возвышенія платы за продуктъ, обмѣра и пр. Такимъ образомъ эти лишніе расходы и рискъ въ концѣ концовъ оплачиваются не столько тѣмъ евреемъ, на котораго они первоначально падаютъ вслѣдствіе запретительнаго закона, сколько другими лицами, по большей части христіанами. Винить евреевъ за то, что они дѣйствуютъ по общимъ экономическимъ законамъ, руководящимъ почти вездѣ дѣятельностью людей, было бы очевидно несправедливо. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, установляя разныя ограниченія для евреевъ, законъ не желалъ обременять другіе классы населенія. Но логика вещей сильнѣе кабинетныхъ соображеній администраторовъ—это уже законъ общественной науки, и еврейское коварство тутъ ни при чемъ. Оставляя однако въ сторонѣ экономическую сторону этого вопроса, о которой говорить здѣсь не мѣсто, возвратимся къ первоначальной точкѣ зрѣнія, къ вопросу о нравственномъ вліяніи исключительныхъ мѣръ. Довольно странно въ самомъ дѣлѣ, что мысль, сознанная въ 1834 г., остается безъ надлежащаго примѣненія и теперь — какъ будто мы не ушли съ тѣхъ поръ довольно далеко относительно широты воззрѣній при разрѣшеніи важныхъ законодательныхъ вопросовъ. Объясненіе этого страннаго факта заключается въ слѣдующемъ. Въ 1834 и 1850 гг. казна была заинтересована въ разрѣшеніи возникшихъ тогда вопросовъ о правахъ евреевъ по питейной торговлѣ въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ, и вотъ почему на сцену выступила, между прочимъ, и та правильная мысль, что однимъ запрещеніемъ меньше—и цѣлой группой подлоговъ и обмановъ меньше. Когда же рѣчь идетъ объ интересахъ не казны, а частныхъ лицъ, тогда стимулъ къ либеральному рѣшенію слишкомъ слабъ, чтобъ побороть установившееся отношеніе къ евреямъ и вѣру во всемогущество запрещеній; поэтому, несмотря на полную приложимость этой же мысли, она въ такихъ случаяхъ игнорируется, и запрещенія продолжаютъ плодить подлоги и обманы по старому методу. Если читатель припомнитъ сказанное выше о вліяніи идеи казеннаго интереса на законодательство о евреяхъ, то онъ не найдетъ въ этомъ объясненіи ничего натянутаго.

Но деморализующее вліяніе исключительныхъ законовъ этимъ

[1]) Хлѣбная торговля на Волыни, стр. 281.

не исчерпывается. Всякій законъ существуетъ, конечно, для того, чтобъ быть исполняемымъ. По крайней мѣрѣ органы общественной власти должны имѣть всегда въ виду одну задачу: паблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ существующихъ законовъ. Но что сказать о такихъ постановленіяхъ, которыя по взгляду самаго законодателя фигурируютъ болѣе для виду, чѣмъ для дѣйствительнаго исполненія? Замѣчательно, что естественный инстинктъ справедливости, присущій русскому обществу въ большей мѣрѣ, чѣмъ западно-европейскому, отразился и на положеніи евреевъ. Ограничительные о нихъ законы, гдѣ они не сходятся съ личными интересами той или другой группы, часто встрѣчаютъ отпоръ въ упомянутомъ инстинктѣ. Мы видимъ, что давно уже евреи были терпимы вопреки закону. Такъ, императрица Екатерина II говоритъ: «Въ Петербургѣ есть 3 или 4 еврея съ давняго ремени... Ихъ терпятъ вопреки закону; дѣлаютъ видъ, что не знаютъ объ ихъ пребываніи» [1]). Въ 1865 г. остзейскій генералъ-губернаторъ писалъ: «Кромѣ евреевъ, причисленныхъ къ нѣкоторымъ городамъ прибалтійскихъ губерній, тамъ фактически терпимы и многіе евреи, неимѣющіе тамъ по закону права постояннаго жительства, что необходимо условливается географическимъ и экономическимъ положеніемъ остзейскихъ провинцій, которыя соприкасаются своими портами съ одной стороны иностранной торговлѣ, а съ другой граничатъ съ бѣлорусскими и литовскими губерніями, въ которыхъ почти вся промышленность находится въ рукахъ лицъ еврейскаго происхожденія и которыя отпускаютъ свои произведенія чрезъ порты Прибалтійскаго края. Посему какъ въ интересахъ Прибалтійскаго края, такъ и во избѣжаніе нарушенія закона, была бы желательна наивозможно скорѣйшая отмѣна закона, невозможнаго къ соблюденію въ дѣйствительности и разрѣшеніе повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи» [2]).

Это правило «смотрѣть сквозь пальцы» на нарушеніе неудобоисполнимыхъ и несправедливыхъ ограниченій относительно евреевъ, разсматриваемое по своему вліянію на дѣятельность администраціи, имѣетъ два капитальныхъ недостатка. Въ высшихъ представителяхъ общественной власти, если въ своей дѣятельности и руководствуются однимъ безпристрастнымъ стремленіемъ къ общему благу, не поддаваясь нисколько вліянію личныхъ симпатій и антипатій (обыкновенно сильно дѣйствующихъ на всѣхъ людей, каково бы ни было ихъ общественное положеніе), правило это вредно въ томъ отношеніи, что даетъ поводъ, и притомъ основательный, относиться легко къ своей главной обязанности—наблюдать за строгимъ исполненіемъ закона. Въ правовомъ государствѣ (Rechtsstaat), этомъ единственно-нормальномъ типѣ современнаго общественнаго устройства, безграничное уваженіе къ закону, особенно со стороны его исполнителей, есть необходимое

[1]) См. „Зарю" 1870 г., кн. 6 (ст. „Ек. II какъ писательница", стр 3).
[2]) Сборникъ Леванды, стр. 1038.

условіе существованія всего правового строя. Невозможно помириться тутъ съ системой, при которой самъ законодатель (въ упомянутомъ замѣчаніи Екатерины II) признаетъ необходимость „дѣлать видъ, что не замѣчаютъ" нарушенія дѣйствующаго закона.

Въ массѣ же низшихъ органовъ правительственной власти (которые въ общей сложности, какъ давно уже замѣчено, имѣютъ больше вліянія на бытъ народной массы, чѣмъ центральныя власти) это правило, поощряемое свыше по соображеніямъ справедливости и общественнаго блага, даетъ ежедневно поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и произволу. Пока извѣстный ограничительный законъ существуетъ, никакіе гуманные виды высшаго правительства не могутъ избавить классъ лицъ, къ которому законъ относится, отъ безпрерывнаго преслѣдованія низшаго органа власти, имѣющаго всегда возможность «возбудить дѣло» о нарушеніи силы такой-то статьи. Но поставьте двухъ человѣкъ въ такое положеніе, что одинъ изъ нихъ имѣетъ возможность во всякое время пакостить другому—и чрезъ нѣсколько времени первый не преминетъ сдѣлаться безпардоннымъ эксплуататоромъ втораго. Такъ вышло и въ данномъ случаѣ. Ограничительные законы о евреяхъ долгое время служили прежде источникомъ доходовъ для низшихъ полицейскихъ властей. Теперь, когда самое число ограниченій стало значительно меньше и общій духъ управленія далеко уже не тотъ, что прежде, недостатокъ этотъ чувствуется слабѣе; но сущность дѣла все-таки не измѣнилась. Дамокловъ мечъ полицейскаго чиновника все еще часто виситъ надъ головой еврея, а легкая возможность отклонять удары этого меча слишкомъ часто вводитъ въ искушеніе слабую человѣческую натуру и слѣдовательно поощряетъ, такъ сказать, злоупотребленія.

Разсматриваемый въ отношеніи своего вліянія на положеніе самихъ евреевъ методъ „смотрѣнія сквозь пальцы", хотя повидимому благопріятный для нихъ, какъ палліативъ противъ безпощадно суровыхъ предписаній закона, на самомъ дѣлѣ оказывается весьма неудовлетворительнымъ и въ этомъ отношеніи. Система эта не удовлетворяетъ главному требованію благоустроеннаго правового быта—она не даетъ никакихъ прочныхъ гарантій существованія извѣстнаго порядка въ теченіе самаго непродолжительнаго времени. Теперешній администраторъ можетъ держаться того взгляда, что данный законъ непрактиченъ и пр. и смотрѣть поэтому сквозь пальцы на его нарушеніе; завтра можетъ явиться другой съ противоположнымъ убѣжденіемъ, а еврей, положившійся на прежнюю систему и понадѣявшійся на ея долговѣчность, очутится въ положеніи человѣка, строившаго на пескѣ, причемъ можетъ разстроить все свое состояніе: такіе примѣры бывали не разъ. Непрочность эта еще вреднѣе по своимъ послѣдствіямъ, когда положеніе еврея, вынужденнаго обходить законъ, зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ видовъ высшаго начальства, а, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, отъ благоусмотрѣнія низ-

шаго исполнителя, разсматривающаго данный ограничительный законъ какъ одинъ изъ вспомогательныхъ доходовъ по службѣ. «Договоръ» между евреемъ и начальствомъ относительно «смотрѣнія сквозь пальцы», разумѣется, не можетъ давать ни малѣйшей гарантіи его исполненія, а неизвѣстность, отсюда проистекающая, какъ замѣтилъ проф. Янсонъ, относительно аналогичнаго факта «покупки имени», увеличиваетъ рискъ каждаго предпріятія еврея, находящагося въ этомъ положеніи, и рискъ этотъ перелагается имъ на потребителей его труда, т. е. преимущественно на христіанъ.

Съ другой стороны, когда открывается возможность обойти стѣснительный законъ разными уловками, этой возможностью воспользуются лица наименѣе добросовѣстныя, наиболѣе способныя стать во враждебное отношеніе къ закону и ставить на карту свои капиталы и предпріимчивость, даже свою судьбу (потому что многія изъ этихъ уловокъ грозятъ, въ случаѣ открытія, очень серьезными послѣдствіями). Такимъ образомъ сумма нравственныхъ идей въ еврейскомъ обществѣ, запасъ его добросовѣстности, если можно такъ выразиться, все болѣе уменьшается и при долговременномъ, многовѣковомъ дѣйствіи такихъ условій общій уровень нравственнаго состоянія еврейства, естественно, все понижается.

О деморализирующемъ вліяніи всей совокупности тѣхъ законовъ, которые направлены къ поощренію перехода евреевъ въ христіанство, мы говорили уже прежде и повторять здѣсь сказанное не станемъ.

Четвертый пунктъ, на которомъ мы остановимся здѣсь, заключается въ слѣдующемъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ законодательствомъ о расколѣ и попытается провести параллель между нимъ и постановленіями о евреяхъ, того удивитъ значительное сходство основныхъ мотивовъ этихъ двухъ, повидимому вполнѣ разнородныхъ по фактическому содержанію, отдѣловъ нашего права. Сходство это обнаруживается въ очень многомъ, но вдаваться здѣсь въ подробности, касающіяся совершенно другой сферы, мы, понятно, не можемъ, а удовольствуемся краткими указаніями. Подобно евреямъ, раскольники до послѣдняго времени были сильно ограничиваемы въ правахъ жительства и передвиженія (понимая послѣднее въ юридическомъ смыслѣ Freizügigkeit) и орудіемъ ограниченій въ обоихъ случаяхъ служила паспортная система. Кульминаціонный пунктъ преслѣдованій раскола совпадаетъ съ эпохой самыхъ суровыхъ мѣръ, какимъ когда-либо приходилось подвергаться польско-русскимъ евреямъ, и это было время оффиціальнаго провозглашенія религіозной пропаганды руководящимъ началомъ правительственной политики. Наоборотъ, періоды гуманнаго отношенія къ расколу всегда были временами отдыха и сравнительнаго благосостоянія евреевъ. Какъ относительно евреевъ государственный интересъ всегда былъ главнымъ противникомъ принципа религіозной нетерпимости и его требованій, такъ и въ исторіи раскола идея государственной пользы была главной покровительницей «людей древняго благочестія» противъ суровыхъ требованій церковной нетерпимости къ сектантамъ. Это особенно обозначилось при Петрѣ Великомъ, преимущественно преслѣдовавшемъ во всемъ «государеву пользу», но можетъ быть прослѣжено и въ позднѣйшей исторіи раскола. Раскольники долгое время облагаемы были двойнымъ податнымъ окладомъ: за излишніе взносы въ казну правительство мирилось съ религіознымъ отступничествомъ сектантовъ. Евреи тоже при Екатеринѣ II-ой обложены двойными налогами, которые впослѣдствіи отмѣнены также какъ для раскольниковъ. Въ то самое время, какъ принимались энергическія мѣры къ обращенію евреевъ на путь истинный, столь же энергическія мѣры примѣнялись къ возсоединенію раскольниковъ. Даже въ средствахъ для достиженія этой цѣли замѣчаемъ значительное сходство. Такъ, военная служба (кантонисты!) считалась и для раскольниковъ и для евреевъ школой православія; подъ палкой капрала тѣ и другіе убѣждались въ ложности своего вѣроученія и воспитывались въ правилахъ истинной вѣры. Какъ относительно евреевъ, такъ и въ примѣненіи къ раскольникамъ, признано необходимымъ не отступать отъ «спасительной строгости» въ самомъ законѣ, но гдѣ окажется необходимымъ—смотрѣть сквозь пальцы на его нарушеніе. Понятно, что при такомъ сходствѣ внѣшнихъ условій, особенности быта этихъ двухъ классовъ населенія тоже представляютъ много сходства. Капитальная черта сходства заключается въ слѣдующемъ. Продолжительныя гоненія на извѣстный классъ людей за его религіозныя убѣжденія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что религіозная община превращается въ гражданскую, въ соціально-экономическую единицу, живущую своей отдѣльной, не только въ духовномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи, жизнью. Общія страданія за одинаковыя религіозныя убѣжденія заставляютъ членовъ такой общины искать спасенія во взаимной помощи, въ экономической солидарности интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ является и усиливается вражда къ гнетущему окружающему міру и стремленіе преслѣдовать во всемъ одни узкіе интересы данной общины, нерѣдко во вредъ остальному населенію. Чѣмъ слабѣе однакожъ внѣшнее давленіе (обыкновенно вслѣдствіе распространенія болѣе либеральныхъ идей относительно задачъ религіозной политики государства), тѣмъ непрочнѣе дѣлаются искусственно созданныя узы, связующія членовъ подобныхъ религіозно-гражданскихъ общинъ, тѣмъ менѣе проявляется въ жизни обоюдное отчужденіе между замкнутымъ міромъ этихъ общинъ и общей массой населенія. Эти явленія имѣютъ совершенно одинаковый характеръ въ быту раскольниковъ и евреевъ. Сходство обнаруживается и въ подробностяхъ. Такъ, евреи имѣли прежде (и мѣстами до сихъ поръ имѣютъ) свои неоффиціальные суды, хотя никогда не соблюдалось древнее запре-

щеніе обращаться къ суду иновѣрному, правительственному, и процессы между евреями давно уже производятся въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ. Раскольники пошли гораздо дальше. У федосѣевцевъ, напр., существовало общепризнанное правило, что „христіанинъ" (т. е. раскольникъ) не долженъ обращаться въ казенный судъ для разбирательства дѣла; если кто пойдетъ въ мірской судъ, презирая христіанскій, гласятъ ихъ правила, то отлучается отъ церкви, а если принесетъ покаяніе, то подвергается сильной эпитеміи (класть 1000 поклоновъ при соборѣ), а отлученіе отмѣняется [1]). Всякій понимаетъ тѣ причины, которыя довели раскольниковъ до такихъ фанатическихъ убѣжденій, и ни одинъ образованный человѣкъ не станетъ обвинять федосѣевцевъ за упомянутое правило; но сколько сыплется до сихъ поръ обвиненій на евреевъ по поводу существующаго у нихъ мѣстами неоффиціальнаго суда!

Раскольники были поставлены въ необходимость покупать всегда дорогой цѣной бездѣйствіе низшаго начальства относительно направленныхъ противъ нихъ спеціальныхъ законовъ; они выработали даже любопытный терминъ для обозначенія столь обыкновенныхъ сдѣлокъ этого рода — «окупать древнее благочестіе». Евреи, какъ замѣчено выше, поставлены въ совершенно такое же положеніе; и про нихъ можно сказать, что имъ очень часто приходилось «окупать древнее (ветхозавѣтное) благочестіе».

Интересна еще слѣдующая черта сходства. Исключительное положеніе раскольниковъ относительно православнаго общества и правительства навело нѣкоихъ литературныхъ аферистовъ на мысль эксплуатировать это положеніе обнародованіемъ разныхъ инсинуацій и доносовъ въ видѣ «разоблаченій» ужасовъ раскольничьяго быта. Разсчитывается при этомъ, съ одной стороны, на поощреніе оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ гонителей раскола, которымъ такія «разоблаченія», разумѣется, по вкусу, а съ другой стороны на возможность запугать раскольниковъ, содрать съ нихъ малую толику или, по крайней мѣрѣ, сбыть большое количество экземпляровъ такихъ литературныхъ издѣлій грязнаго свойства. Образцомъ подобнаго рода произведеній, съ литературой имѣющихъ мало общаго, можетъ служить изданіе г. Ливанова «Раскольники и острожники», извѣстное вѣроятно многимъ изъ читателей по крайней мѣрѣ по слуху. Не тоже ли самое мы видимъ относительно евреевъ? Мы обладаемъ цѣлой коллекціей произведеній, разсчитанныхъ на эксплуатацію враждебнаго настроенія русскаго общества къ евреямъ, обыкновенно крайне недобросовѣстно искажающихъ факты въ угоду этому настроенію, а потому именно имѣющихъ хорошій сбытъ. Вѣнцомъ этой прелестной литературы инсинуацій за послѣднее время слѣдуетъ признать „Книгу кагала" г. Брафмана. Гг. Ливановъ и Брафманъ займутъ въ будущей исторіи нашей современной умственной жизни одинаково почетныя мѣста. Оба они

[1]) См. Истор. извѣстія о раскольникахъ прот. Іоаннова, вып. 2, стр. 44.

преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли одними средствами; оба они хорошо характеризуютъ тотъ поворотъ въ современной нашей жизни, котораго существованіе обозначается все ярче, хотя не такъ давно оно отрицалось многими. Сопоставляя эти факты разительнаго внутренняго сходства между двумя категоріями явленій, повидимому, имѣющихъ мало общаго, мы убѣждаемся въ правильности взгляда, проведеннаго въ настоящемъ очеркѣ относительно сильнаго, первостепеннаго вліянія религіознаго момента на законодательство о евреяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ, что большая часть очень вѣскихъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ политики прежняго времени относительно раскольниковъ, одинаково примѣнима и къ законодательству о евреяхъ.

Остается, наконецъ, сказать нѣсколько словъ относительно внутренней состоятельности и взаимнаго соотношенія указанныхъ выше четырехъ основныхъ мотивовъ, на которыхъ построена совокупность спеціальныхъ о евреяхъ узаконеній. Что касается принципа религіозной нетерпимости и вытекающаго изъ него стремленія поощрять правительственными мѣрами разнаго рода переходъ евреевъ въ христіанство, то мы не будемъ останавливаться на немъ здѣсь. Во-первыхъ потому, что внутренняя его несостоятельность слишкомъ очевидна, и возраженія, противъ него дѣлаемыя, носятъ характеръ аксіомъ въ общественной наукѣ. Во-вторыхъ потому, что эта сторона предмета въ примѣненіи къ разнообразнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, съ нею связаннымъ, много разъ была затрогиваема въ предшествовавшемъ изложеніи, такъ что нашъ взглядъ на этотъ пунктъ достаточно выяснился читателямъ.

Монопольныя теденціи христіанскаго бюргерства, какъ руководящій мотивъ при ограниченіи правъ евреевъ—такова вторая въ ряду основныхъ идей дѣйствующаго законодательства о евреяхъ. Несостоятельность этого принципа обнаруживается уже тѣмъ, что онъ находится въ явномъ противорѣчіи съ другимъ, болѣе общимъ и вліятельнымъ мотивомъ (третьимъ въ нашемъ изложеніи)—извлеченія пользы для общества и государства изъ соревнованія и предпріимчивости евреевъ. Относительно всякой отрасли ремесленнаго, промышленнаго и торговаго труда существуютъ двѣ категоріи противоположныхъ интересовъ. Лица, занимающіяся данной профессіей, заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ было какъ можно меньше, ибо это даетъ имъ больше власти на рынкѣ, даетъ возможность дороже оцѣнивать и продавать свой трудъ. Потребители же продуктовъ данной отрасли труда, напротивъ, заинтересованы въ возможно большей свободѣ коркурренціи, въ большемъ приливѣ къ ней рукъ и капиталовъ, какъ условія удешевленія этихъ продуктовъ. Во всякомъ обществѣ каждый (за немногими исключеніями) является и производителемъ, въ одной области труда, и потребителемъ, во многихъ другихъ. Какой мы ни возьмемъ отдѣльный видъ труда, онъ представляетъ намъ однакожъ лишь меньшинство,

какъ производителей, а огромное большинство—какъ потребителей (земледѣльческій трудъ мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, какъ неимѣющій отношенія къ нашему вопросу). Такъ напр., всѣ нуждаются въ обуви и потому суть потребители труда сапожниковъ, но самые сапожники составляютъ незначительный процентъ всего населенія. Сапожники (продолжаемъ брать этотъ примѣръ, одинаково примѣнимый ко всякому другому изъ разсматриваемыхъ здѣсь видовъ труда) заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ было какъ можно меньше, ибо это подыметъ цѣну на ихъ трудъ. Общество же заинтересовано, напротивъ, въ томъ, чтобы число ихъ было по возможности больше. Сапожники всегда будутъ стараться уменьшить число конкуррентовъ, и если найдутъ возможность добыться этого при содѣйствіи общественной власти, путемъ запрещеній и монополій, то конечно ухватятся за это обѣими руками. Такъ и дѣлали гильдіи и цехи въ средніе вѣка, а у насъ до сихъ поръ остались замѣтные слѣды этихъ стремленій (см. выше). Тутъ монополія удачно замаскировалась религіозными и социальными антипатіями къ евреямъ и съумѣла ловко эксплуатировать въ свою пользу свойственную временамъ невѣжества и фанатизма нетерпимость къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ. Такъ какъ соглашеніе указанныхъ категорій двухъ противуположныхъ интересовъ невозможно, то законодательство должно стать опредѣленно на сторону одного изъ нихъ. Въ старое время интересъ производителей рѣшительно преобладалъ въ законодательствѣ о евреяхъ, такъ какъ онъ вполнѣ гармонировалъ съ общимъ духомъ религіозныхъ и соціальныхъ понятій. По мѣрѣ усиленія новыхъ идей, мы видимъ повсемѣстно на западѣ исчезновеніе монопольныхъ изъятій и рѣшительное усвоеніе идеи покровительства потребителямъ, а не производителямъ промышленнаго труда, въ смыслѣ уничтоженія всѣхъ легальныхъ стѣсненій свободы промысла. Отсюда повсемѣстное уничтоженіе на западѣ ограниченій хозяйственныхъ правъ евреевъ. У насъ законодательство, на сколько общій вопросъ о монополизаціи или свободѣ экономической дѣятельности касается собственно положенія евреевъ, колеблется между двумя принципіальными рѣшеніями этого вопроса. Хотя вообще, по видимому, отдается предпочтеніе началу свободы (вытекающему изъ признанія необходимости покровительства единственно потребителямъ), но, какъ было указано прежде, и противуположная идея (необходимость ограниченія правъ евреевъ въ интересахъ христіанскаго бюргерства, стремящагося къ монополіи) осуществилась многими постановленіями и мотивировкой нѣкоторыхъ законовъ. Ясно, въ виду указаннаго непримиримаго противорѣчія, что все построенное на этомъ мотивѣ должно исчезнуть изъ нашего законодательства, какъ по причинѣ вредности для общества всѣхъ мѣръ, поощряющихъ монополію, такъ и въ видахъ соглашенія всѣхъ законодательныхъ мѣръ, относящихся къ каждой категоріи явленій, безъ чего правильное развитіе правового быта немыслимо.

Справедливо, что въ этомъ направленіи законодательной власти приходится бороться съ глубоко укоренившимся въ нашемъ полуазіатскомъ обществѣ воззрѣніемъ, съ монопольными тенденціями, которыя давно уже ни въ одной европейской странѣ не имѣютъ такого вліянія на умы и нравы, какъ у насъ до сихъ поръ. Экономическая и нравственная отсталость нашего общества въ лицѣ даже наиболѣе образованной его части ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ рѣзко, какъ въ томъ неумѣніи помириться, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи, съ идеей свободы, конкурренціей ничѣмъ неограниченной и отсутствіемъ правительственнаго протекціонизма, которое обнаруживается во многихъ разнообразныхъ сферахъ. Давно ли (чтобъ взять примѣръ, прямо относящійся къ нашему предмету) московскіе присяжные повѣренные постановили: принять мѣры къ недопущенію въ число ихъ евреевъ? Постановленіе это было вызвано единственно завистью къ успѣхамъ нѣкоторыхъ московскихъ адвокатовъ еврейскаго происхожденія и желаніемъ монополизировать выгоды адвокатуры въ пользу христіанъ. Конечно, оффиціально были выставлены совершенно другія соображенія (одинъ изъ московскихъ юристовъ обнаружилъ при этомъ самое грубое невѣжество, утверждая, что въ Западной Европѣ евреи не принимаются въ число присяжныхъ адвокатовъ!), которыя однакожъ не выдерживаютѣ никакой критики, ибо (кромѣ контроля суда и общественнаго мнѣнія) сама корпорація присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ такое широкое право контроля надъ каждымъ изъ своихъ членовъ, что злоупотребленія адвоката-еврея, еслибъ таковыя обнаружились, не прошли бы ни въ какомъ случаѣ безнаказанно. Ясно, что это постановленіе рѣшительно противорѣчитъ интересамъ всего общества, насколько оно вообще нуждается въ адвокатахъ, и правительство, какъ представитель интересовъ послѣдняго, можетъ относиться къ подобнымъ средневѣковымъ монополитическимъ поползновеніямъ только отрицательно. Однакожъ задача его въ подобныхъ случаяхъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Не легко энергически противустать такимъ поползновеніямъ въ обществѣ, гдѣ стремленіе къ монополизаціи такъ глубоко укоренилось даже у наиболѣе интеллигентной его части. Но развѣ правительству не приходится очень часто идти впереди общества, проводить идеи и принципы, до пониманія которыхъ доросло лишь ничтожное меньшинство?

Третій руководящій мотивъ законоположеній о евреяхъ—«извлеченіе изъ сего племени пользы для государства»,расширеніе гражданскихъ правъ евреевъ съ цѣлью воспользоваться тѣми или другими выгодами отъ ихъ промышленной или умственной дѣятельности. Воззрѣніе это составляетъ прямое наслѣдіе средневѣковаго взгляда на евреевъ, какъ на лицъ, не имѣющихъ никакихъ самостоятельныхъ правъ, но имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе полезной вещи въ инвентарѣ государственнаго хозяйства. Чтобъ понять это, достаточно вспомнить слѣдующія основныя понятія

общественной науки. Общежитіе представляетъ намъ совокупность двухъ категорій предметовъ (принимая это слово въ болѣе обширномъ смыслѣ—ens, entitas)—лицъ и вещей, субъектовъ и объектовъ. Личность человѣческая—это существо, которое независимо отъ пола, рассы, религіи, національности, имѣетъ самостоятельное, ему прирожденное право на существованіе и, слѣдовательно, на свободное примѣненіе своихъ способностей и своей дѣятельности, пока оно не наноситъ вреда другимъ. Такова роль субъекта. Объектъ же не имѣетъ самостоятельной роли, но служитъ для удовлетворенія потребностей человѣка, и потому какъ отдѣльная личность, такъ и цѣлое общество можетъ располагать всей совокупностью вещей по своему усмотрѣнію. Личность сама себѣ служитъ цѣлью, вещь же служитъ орудіемъ для достиженія цѣлей ей постороннихъ. Личность не можетъ поэтому быть превращена въ орудіе для достиженія цѣлей, внѣ нея лежащихъ, напр. благосостоянія другихъ личностей, за исключеніемъ рѣдкихъ, особенныхъ случаевъ (напр., когда лицо обязано жертвовать своей жизнью для спасенія отечества); ибо это значило бы превратить лицо въ вещь, т. е. нарушать основное начало существованія благоустроеннаго общества. Въ особенности не можетъ быть допускаемо, чтобъ лица извѣстной категоріи, отличающіяся своимъ поломъ, рассой, религіей, профессіей и пр., были обречены на служеніе интересамъ другой категоріи, словомъ—были превращены въ вещи; въ этомъ заключается попраніе основныхъ правъ человѣка, которыхъ не должны отнимать у него никакіе положительные законы. Эти азбучные для современнаго развитого человѣка понятія не всегда однакожъ признавались. Всегда и вездѣ признавалось правильнымъ даже въ теоріи (на практикѣ это сохранилось до сихъ поръ, въ болѣе или менѣе утонченной формѣ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ), что одна часть людей, обыкновенно наиболѣе многочисленная, служитъ объектомъ для удовлетворенія потребностей другой части, не имѣя никакого самостоятельнаго значенія. Относительно евреевъ—ихъ характеръ вещи очень долго считался аксіомой въ европейскихъ государствахъ. Признавать ихъ свободными личностями, имѣющими самостоятельное право на существованіе въ христіанской странѣ, считалось невозможнымъ въ средневѣковой періодъ, и это вполнѣ понятно при томъ отношеніи къ «врагамъ христовымъ», которое господствовало въ то время на западѣ (а у насъ проявлялось еще очень недавно). Но такъ какъ ни одинъ классъ гражданъ не имѣлъ основанія присвоить себѣ право собственности на евреевъ, которые, не будучи личностями, должны были превратиться въ вещи и, слѣдовательно, имѣть хозяина, то евреи очутились въ положеніи вещи безхозяйной (res nullius) и на основаніи общихъ началъ права были взяты во владѣніе казной, какъ всякая безхозяйная вещь. Отсюда извѣстный принципъ средневѣковаго права, что евреи суть «рабы государевой казны» (servi camerae imperialis), а рабъ, какъ извѣстно, былъ

одушевленная вещь, не больше. Отъ того времени сохранилась замѣчательная нѣмецкая поговорка о междуусобіяхъ владѣтельныхъ лицъ: haust du meinen Juden, hau' ich deinen Juden (если ты бьешь моего жида, я буду бить твоего), смыслъ которой таковъ: если ты портишь мою вещь, дающую мнѣ выгоды, я имѣю право портить твою. У насъ встарину евреевъ вовсе не было, и потому эта теорія не могла выработаться на русской почвѣ такъ цѣлостно и прочно, какъ на западѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ русскаго законодателя по необходимости началъ занимать вопросъ о евреяхъ, онъ до послѣдняго времени руководился (какъ подробно доказано выше) стремленіемъ извлечь изъ евреевъ пользу или собственно для казны въ узкомъ смыслѣ, т. е. для финансовыхъ средствъ Россіи, или для государства вообще, или для извѣстнаго класса лицъ, которому услуги евреевъ такъ или иначе могли пригодиться. И дѣйствующее теперь законодательство на каждомъ почти шагу говоритъ еврею: ты будешь пользоваться тѣмъ или другимъ правомъ—которымъ всѣ другіе пользуются безъ всякихъ условій—лишь настолько, насколько это полезно казнѣ, государству или христіанскому обществу! Какой смыслъ имѣетъ масса постановленій, построенныхъ на этомъ мотивѣ? Очевидно тотъ, что въ нихъ евреи разсматриваются не какъ личности, составляющія сами для себя цѣль, а какъ вещи, служащія орудіемъ для удовлетворенія чужихъ потребностей, вещи, которыми пользуются пока онѣ служатъ, и бросаютъ по минованіи въ нихъ надобности. Пора, однакожъ, понять, что такое обращеніе съ какимъ бы то ни было классомъ людей противорѣчитъ кореннымъ началамъ современной цивилизаціи, признаваемымъ въ принципѣ и современнымъ русскимъ законодательствомъ. Пора уяснить себѣ ту простую истину, что еврей имѣетъ право жить и добывать законнымъ образомъ средства къ жизни, независимо отъ того, будетъ ли это полезно для полоцкихъ кадетъ, черноморскихъ офицеровъ, курскихъ винокуровъ, лифляндскихъ помѣщиковъ и пр. Очень пріятно, конечно, видѣть осуществленіе теоріи гармоніи интересовъ въ этомъ совпаденіи выгодъ евреевъ съ пользой упомянутыхъ офицеровъ, винокуровъ и пр., но никакъ не можемъ взять въ толкъ то, что очевидно безвредное, если уже не полезное, занятіе разрѣшается еврею только послѣ удостовѣренія въ томъ, что это принесетъ пользу и другимъ лицамъ. Евреямъ-ремесленникамъ, напр., дозволено пребываніе во всей имперіи потому, что въ ремесленномъ трудѣ ощущается въ великороссійскихъ губерніяхъ большой недостатокъ. Но почему же, спрашивается, еслибъ въ Ярославской губерніи и было столько же ремесленниковъ, сколько въ Волынской, не дозволить пребываніе въ первой евреевъ-ремесленниковъ какъ и во второй? Вѣдь законодательство не имѣетъ задачей покровительствовать монополіи извѣстнаго класса ремесленниковъ въ ущербъ интересамъ потребителей ремесленнаго труда, т. е. большинства населенія; а запрещеніе евреямъ заниматься реме-

слами въ той или другой мѣстности имѣетъ именно значенiе монополизацiи данной профессiи въ рукахъ ремесленниковъ-христiанъ. Повторяемъ: обусловливать каждое расширенiе гражданскихъ правъ евреевъ доставленiемъ какой то особенной пользы, значитъ смотрѣть на нихъ какъ на вещи, а не какъ на человѣческiя личности—принципъ, съ которымъ не можетъ помириться современное законодательство.

Есть люди однакожъ (имя имъ, къ сожалѣнiю, легiонъ), которымъ «основныя начала современной цивилизацiи» не болѣе, какъ громкая фраза. Этимъ господамъ нужны болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ тотъ, который только что указанъ. Мы можемъ показать имъ, что принципъ «извлеченiя изъ сего племени пользы для государства» не только противорѣчитъ кореннымъ началамъ права и справедливости, но противорѣчитъ и своей собственной цѣли, и въ общемъ результатѣ приноситъ странѣ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Читателямъ извѣстно вѣроятно то огромное значенiе, которое имѣетъ и для общественной науки теорiя Дарвина о происхожденiи и развитiи путемъ естественнаго подбора, подъ влiянiемъ безпрестанной борьбы за существованiе. Тотъ выводъ изъ этой теорiи, который имѣетъ здѣсь для насъ значенiе, резюмируется слѣдующимъ образомъ въ изложенiи одного изъ первыхъ мыслителей нашего времени, Герберта Спенсера. «Высокая организацiя развивается подъ влiянiемъ упражненiя въ разрушенiи въ теченiе безконечно долгихъ перiодовъ времени... Смышленность, помогающая открывать опасности, которыя ускользаютъ отъ тупаго ума, переживаетъ и распространяется... Обоюдное усовершенствованiе преслѣдователя и преслѣдуемаго, влiяя на всю организацiю разомъ, дѣйствуетъ непрерывно изъ вѣка въ вѣкъ. Подобнымъ влiянiямъ подчиняется и человѣчество. Война между людьми, какъ и война между животными, играетъ значительную роль въ усовершенствованiи ихъ организацiи... Улучшенiе полицiи ведетъ за собою усиленiе хитрости со стороны ночныхъ воровъ. Непрерывный антагонизмъ въ средѣ людскихъ обществъ, большихъ и малыхъ, всегда имѣлъ послѣдствiемъ взаимное развитiе извѣстныхъ чертъ характера и извѣстныхъ способностей, какъ физическихъ, такъ и умственныхъ» [1]). Исторiя евреевъ, научно-разработанная, со временемъ составитъ одну изъ самыхъ любопытныхъ главъ въ системѣ позитивной соцiологiи. Она разительнымъ образомъ оправдываетъ правильность примѣненiя дарвиновой теорiи къ объясненiю прошлаго и настоящаго (но не къ организацiи будущаго — объяснить это различiе здѣсь не мѣсто). Такъ напр., ясно, что вѣковой антагонизмъ между христiанскимъ населенiемъ и живущимъ среди него еврействомъ, антагонизмъ, воплотившiйся въ ограничительныхъ законахъ, долженъ былъ, въ силу естественнаго закона, развить извѣстныя, разумѣется непривлекательныя, черты характера и у евреевъ. Всякое усиленiе преслѣдованiя (по аналогiи примѣра Спенсера) должно было усилить общiй итогъ хитрости среди евреевъ. Но, что преимущественно интересуетъ насъ здѣсь, принципъ «извлеченiя пользы» изъ евреевъ во что бы то ни стало, многовѣковой обычай продавать, такъ сказать, евреямъ за особенныя заслуги тѣ права, которыя другимъ достаются даромъ или, по крайней мѣрѣ, гораздо дешевле,—долженъ былъ выработать у евреевъ особенную ловкость въ ихъ занятiяхъ, особенное умѣнье извлекать изъ всего «пользу» и, слѣдовательно, дѣлать себя необходимыми, незамѣнимыми. Подвергаясь въ теченiе многихъ вѣковъ такому порядку вещей, при которомъ они, только благодаря особеннымъ усилiямъ и особенному искусству, могли добиться сноснаго существованiя, евреи, естественно, должны были усвоить это искусство и затѣмъ передать его своимъ потомкамъ по закону наслѣдственности физическихъ и духовныхъ качествъ. Если вникнуть въ смыслъ всѣхъ законовъ, основанныхъ на мотивѣ «извлеченiя пользы» изъ евреевъ, то онъ представится въ такомъ видѣ: еврею предоставляется право на существованiе, лишь насколько другiе не могутъ безъ него обойтись. Пока еврей купецъ первой гильдiи доставляетъ казнѣ особенный доходъ, который ей нуженъ, ему разрѣшается пребыванiе внѣ черты осѣдлости; съ прекращенiемъ платежа гильдiи онъ право это теряетъ. Пока еврей занимается мастерствомъ тамъ, гдѣ безъ его ремесленнаго труда нельзя обойтись, ему предоставляется право повсемѣстнаго жительства; въ первый день прекращенiя ремесла—его должны выслать «на родину». Такъ какъ правительство нуждается въ чиновникахъ съ высшимъ образованiемъ, то еврей, удостоившiйся болѣе высокой ученой степени, чѣмъ та, которая даетъ право службы лицамъ другихъ исповѣданiй, можетъ быть принимаемъ на государственную службу, и т. д. Отсюда выводъ ясенъ: для того, чтобъ сносно жить, всякiй еврей долженъ въ своей сферѣ быть маленькимъ Тьеромъ, т. е. сдѣлаться «необходимымъ человѣкомъ» (l'homme necessaire), ибо законъ, какъ и общественные нравы, даетъ возможность существованiя еврею лишь тогда, когда онъ болѣе или менѣе необходимъ. А устроивши съ давнихъ поръ дѣла такимъ образомъ, мы потомъ возмущаемся тѣмъ, что евреи съумѣли исполнить роль, возложенную на нихъ христiанскимъ обществомъ, т. е. успѣли дѣйствительно сдѣлаться незамѣнимыми въ своей сферѣ. Мало того: не мало ограничительныхъ законовъ основано на томъ фактѣ, что евреи стремятся захватить все въ свои руки, т. е. устроить такъ, чтобъ безъ нихъ нельзя было обойтись; такъ, Екатерина II въ цитированной прежде запискѣ объясняетъ недопущенiе евреевъ въ Россiю тѣмъ, что ces gens-lá attirent tout à eux (евреи забираютъ все въ свои руки). Значитъ: законъ самъ требуетъ отъ евреевъ, чтобъ они стали людьми необходимыми, а затѣмъ, игнорируя это, преслѣдуетъ ихъ за это самое качество! Невольно вспоминаешь при этомъ тотъ

[1]) Наше воспитанiе и пр. (Знанiе 1874 г., кн. 1), стр. 106, 107.

общій историческій фактъ, что «угнетеніе всегда стремилось выдавать свои жертвы за существа низшаго разряда и никогда не хотѣло сознаться, что все низкое въ нихъ есть именно слѣдствіе тяготѣвшаго надъ ними ига»[1]).

Эта постоянно дѣйствовавшая съ давняго времени тенденція ограничительныхъ законовъ—изощрять способности и энергію евреевъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ якобы «пользу» для государства—на самомъ дѣлѣ очевидно весьма вредна для христіанскаго населенія. Чѣмъ рѣзче выдѣляется еврейство, какъ особый классъ населенія, одаренный болѣе высокой смышленностью и ловкостью въ своей дѣятельности, тѣмъ труднѣе для другихъ классовъ населенія борьба за существованіе съ этой усовершенствованной путемъ естественнаго подбора и наслѣдственной передачи (выражаясь языкомъ Дарвина) рассой. Эта ли цѣль христіанскаго законодателя?

Возьмемъ хоть одинъ примѣръ. Отъ еврея требуется болѣе высокій образовательный цензъ, для того, чтобъ пользоваться правами службы, чѣмъ отъ лицъ другихъ исповѣданій. Не будетъ ли такой законъ, при долговременномъ его примѣненіи, имѣть послѣдствіемъ то, что евреи какъ чиновники (и въ сферѣ другихъ либеральныхъ профессій) будутъ среднимъ числомъ стоять выше по умственному развитію, а слѣдовательно и по вліянію и силѣ, чѣмъ ихъ конкурренты-христіане? Но возможно ли допустить, чтобъ законодатель искусственно поощрялъ такое неизбѣжное преобладаніе еврейскаго элемента, котораго сами здравомыслящіе евреи отнюдь не добиваются? Вопросъ, здѣсь затрагиваемый, на нашъ взглядъ имѣетъ первостепенную важность въ дѣлѣ регулированія еврейскаго быта, но здѣсь мы, къ сожалѣнію, не можемъ на немъ останавливаться. Однакожъ, и сказаннаго довольно, чтобъ убѣдить и читателей «съ практическимъ направленіемъ», насколько, ложная сама по себѣ, мысль объ «извлеченіи пользы» изъ извѣстнаго класса людей вредна и въ практическомъ отношеніи, что и требовалось доказать.

Мы видѣли прежде, что главное содержаніе исторіи законодательства о евреяхъ заключается въ борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ—религіозной нетерпимости и государственно-общественной пользы, изъ которыхъ первое клонитъ къ ограниченію, а второе къ расширенію гражданскихъ правъ евреевъ. Борьба эта съ давнихъ поръ ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ, но, вообще говоря, послѣднее начало все болѣе беретъ верхъ надъ первымъ. Это обыкновенно дѣлается такъ, что ограниченіе, возникшее по соображеніямъ религіозной политики, отмѣняется вслѣдствіе побужденій общественной пользы, причемъ первоначальные мотивы ограничительнаго закона просто обходятся молчаніемъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее. Многочисленныя запрещенія относительно держанія евреями христіанъ, какъ для до-

[1]) Бертольдъ Ауербахъ.

машнихъ услугъ, такъ въ качествѣ подмастерьевъ и т. п., существовали у насъ до 1866 г., а по мнѣнію нѣкоторыхъ существуютъ до сихъ поръ, хотя и безъ уголовныхъ послѣдствій въ случаѣ нарушенія этого запрещенія. Въ 1865 г., при обсужденіи вопроса о положеніи евреевъ-ремесленниковъ, было замѣчено, что „ограниченія эти противодѣйствуютъ стремленію правительства относительно обращенія евреевъ къ полезному труду и несовмѣстны съ общими государственными выгодами“ [1]). Строго говоря, эта аргументація съ юридической точки зрѣнія не убѣдительна: мотивъ указанныхъ ограниченій былъ чисто-религіозный—опасеніе совращенія христіанъ евреями—и потому при отмѣнѣ его слѣдовало указать или несостоятельность этого именно мотива, или его неважность сравнительно съ соображеніями другаго рода. Но щекотливость этой стороны предмета заставила обойти ее совершенно и выдвинуть на первый планъ одни соображенія общественной пользы.

Будучи по большей части рядомъ компромиссовъ между этими двумя началами, наше законодательство сильно напоминаетъ практическое осуществленіе извѣстной по своей трудности задачи—невинность соблюсти (невинность религіозную, требующую возможнаго устраненія невѣрующихъ) и капиталъ пріобрѣсти («извлечь изъ сего племени пользу для государства»). Въ жизни цѣлаго общества эта задача однакожъ не менѣе трудна къ осуществленію, чѣмъ въ жизни отдѣльнаго лица. Необходимо поэтому, чтобъ антагонизмъ упомянутыхъ двухъ началъ кончился и не трудно понять, чѣмъ онъ долженъ быть замѣненъ по нашему мнѣнію.

Остается четвертый и послѣдній факторъ нашего законодательства о евреяхъ—стремленіе оберегать христіанское населеніе вообще отъ вреда, наносимаго ему евреями. Объ этомъ, повидимому наиболѣе вѣскомъ мотивѣ ограничительныхъ законовъ мы говорили неразъ въ другихъ мѣстахъ. Анализировать его здѣсь—значило бы войти въ обширныя изслѣдованія экономическаго свойства, рѣшительно неумѣстныя по объему и характеру настоящаго очерка. Мы можемъ только резюмировать нашъ взглядъ на эту сторону предмета словами извѣстнаго экономиста Шеффле, который (необходимо замѣтить) рѣшительный противникъ теоріи laissez faire и защитникъ системы протекціонизма въ разныхъ ея видахъ. Шеффле говоритъ объ этомъ вопросѣ слѣдующее: «Не преслѣдованіемъ евреевъ можно прекратить нечестное пріобрѣтеніе имущества (не говоря уже о томъ, что столько же не-евреевъ какъ и евреевъ виновны въ этомъ), но великими реформами въ общественномъ хозяйствѣ (уничтоженіе милитаризма, улучшеніе системы государственныхъ долговъ, развитіе кредитныхъ и другихъ ассоціацій, развитіе бережливости въ народѣ). Возможны и нѣкоторыя частныя мѣры къ предупрежденію эксплуатаціи бѣднаго люда

[1]) Сборникъ Леванды, стр. 1034.

ростовщиками и т. под. лицами, каковы: установленіе краткой давности для взысканія долговъ, сдѣланныхъ по займу, куплѣ и проч. для личнаго употребленія (Zehrschulden), недопущеніе исковъ по займамъ въ счетъ будущаго заработка» [2]).

Такимъ образомъ въ результатѣ мы получаемъ, что интересы, которые желаетъ удовлетворить наше законодательство въ большинствѣ своихъ постановленій о евреяхъ, не находятъ себѣ достаточнаго оправданія, а идеи, имъ при этомъ руководящія, не выдерживаютъ научной критики. Къ сожалѣнію, мы не могли развить нашъ взглядъ на различныя стороны предмета съ одинаковой полнотой и ясностью. Кромѣ неполноты содержанія, нашъ очеркъ страдаетъ ощутительной несоразмѣрностью въ разработкѣ отдѣльныхъ частей: нѣкоторыя стороны предмета разобраны довольно подробно, а другія даже вовсе не затронуты (напр. вопросъ о специально-еврейскихъ налогахъ, о еврейской присягѣ и пр.). Я не желаю взваливать вину на такъ называемыя «независящія обстоятельства», подъ которыми такъ часто скрывается неумѣніе сказать что-нибудь путное. Отчасти это произошло отъ чрезвычайной обширности и совершенной неразработанности предмета, отчасти отъ другихъ, болѣе частныхъ и случайныхъ причинъ, знаніе которыхъ не представляетъ для читателя никакого интереса. Тѣ, которые знакомы съ состояніемъ научной разработки еврейскаго вопроса у насъ, найдутъ достаточно основаній для того, чтобъ извинить отрывочность и другіе недостатки настоящаго этюда. Какъ бы то ни было, заканчивая этотъ очеркъ, я предоставляю себѣ въ другой разъ и съ новымъ запасомъ данныхъ пополнить его многочисленные пробѣлы.

И. Оршанскій.

---

[2]) Schaeffle, Capitalismus und Socialismus. p. 588.

ШКОЛОБОЯЗНЬ.

ОЧЕРКЪ ПРОШЛАГО.

I.

Это было въ лѣто отъ сотворенія міра... не помню въ какое; помню только, что въ посланіяхъ изъ квартала или изъ квартирной коммиссіи, которыя отецъ мой, какъ домовладѣлецъ, получалъ аккуратно чуть не каждую недѣлю и отъ которыхъ онъ, помню, всегда приходилъ въ ярость, приговаривая: «просто жить не даютъ»—въ этихъ посланіяхъ писали цифру 1842.

Я, семи-осьми-лѣтній мальчуганъ, какъ водится, процвѣталъ тогда въ хедерѣ и, подъ руководствомъ меламда, изучалъ по талмуду брако-разводные законы. Конечно, я жены, по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, тогда еще не имѣлъ; но вѣдь со временемъ я же могъ, или даже обязанъ былъ ее имѣть: стало быть, я со временнемъ могъ бы быть поставленъ въ такія условія, по которымъ разводъ съ женою неизбѣженъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что меня, осьмилѣтняго гражданина міра сего, стали прежде всего знакомить съ бракоразводнымъ процессомъ. Будь я благоразумнѣе, я бы тогда же оцѣнилъ по достоинству всю предусмотрительность моихъ единовѣрцевъ, держащихъ на готовѣ лекарство, когда болѣзнь только что предвидится; но вѣдь извѣстно, что разумъ приходитъ только съ годами, а потому прошу не ставить мнѣ въ вину, что, при изученіи брако-разводныхъ законовъ, я испытывалъ то, что испытываетъ прожорливый мальчуганъ, вцѣпившійся зубами въ неспѣлое и кислое яблоко: я морщился, отплевывался и злился на моего меламда, не кормящаго меня болѣе вкусною пищею. Мнѣ тогда казалось, что онъ это дѣлаетъ нарочно, на зло мнѣ; но впослѣдствіи я убѣдился, что я напрасно обвинялъ его: онъ самъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, былъ неволенъ въ выборѣ духовной пищи для своихъ питомцевъ, онъ самъ, можетъ быть, не одобрялъ того,

что онъ дѣлалъ, но онъ былъ безотвѣтнымъ рабомъ того строя, котораго онъ не выдумалъ и который онъ въ душѣ, можетъ быть, проклиналъ. Съ какой же стати обвинять его? Когда и гдѣ обучающееся юношество не кретинизировалось во славу и въ силу тѣхъ идiотическихъ комбинацiй, которыя называются программами? Хедеры, не смотря на свое, повидимому, совершенно свободное преподаванiе, тоже имѣли свои программы, Богъ знаетъ когда и кѣмъ составленныя, и, что всего хуже, пользовавшiяся тою же деспотическою властью, которая къ лицу развѣ программамъ школъ казенныхъ. Программы были обязательны, а что обязательно—противъ этого, какъ извѣстно, спорить не приходится, а потому меламдамъ ничего больше не оставалось, какъ, скрѣпя сердце, посвящать ввѣренныхъ ихъ попеченiю малютокъ въ таинства *кидушинъ* (брака) и условiя *гитинъ* (развода), что они и дѣлали.

Впрочемъ, если хорошенько подумать, то такая программа не должна насъ ни удивлять, ни возмущать. Если въ самое новѣйшее время люди, очень просвѣщенные, додумались до истины, что безъ Гомера и Цицерона нѣтъ спасенiя, то что мудренаго, если еврейскiе мудрецы находили спасенiе для юношества только въ бракоразводныхъ тезисахъ и антитезисахъ? Въ бракоразводныхъ трактатахъ есть казуистика, умственная гимнастика, а въ Гомерѣ что?— сказки, миѳы, въ Цицеронѣ — слова, слова и слова. Но дѣло не въ этомъ.

II.

Хедеръ мой находился въ такомъ переулкѣ, который имѣлъ преимущество упираться однимъ концомъ въ толкучiй рынокъ, а другимъ въ гнилое болото, которое не высыхало даже въ самые жаркiе лѣтнiе дни. Деревянные домики, образовавшiе этотъ переулокъ, были симметрически расположены другъ противъ друга, такъ что, находясь въ одномъ домѣ, можно было весьма удобно обозрѣвать, что дѣлается не только въ противуположномъ домикѣ, но и въ смѣжныхъ съ нимъ хаткахъ. Такое удобство, во-первыхъ, избавляло мѣстныхъ обитателей отъ труда шпiонить, подсматривать, подслушивать и сплетничать, такъ какъ жизнь каждаго находилась на виду всѣхъ, стало быть, нѣтъ повода сплетничать, а во-вторыхъ, доставляло имъ возможность оказывать другъ другу услуги по хозяйству быстро и безъ особенныхъ хлопотъ. Напримѣръ, баба собирается чистить рыбу, толочь перецъ или подметать избу, и не находитъ подъ рукой соотвѣтственныхъ снарядовъ, она и голоситъ на весь переулокъ:

— Бася, Хася, Сося! Нѣтъ ли у васъ на минуточку ножа, толкача или метлы?

И летитъ чрезъ переулокъ ножъ, толкачъ или метла и попадаетъ въ домъ, откуда слышалось требованiе, очень рѣдко задѣвая прохожихъ, такъ какъ мѣстныя обитательницы были уже

очень искусны въ такого рода жонглерствѣ и метали въ цѣль не хуже любаго фокусника. Только разъ случилось, что пущенная изъ одного дома праздничная мѣховая шапка (штраймель) попала между рогъ мимопроходившаго мѣстнаго козла, который, по наслѣдственной глупости своей, такъ испугался этого необычайнаго прибавленiя къ своему головному убору, что пустился бѣжать во всѣ свои козлинныя лопатки. Насилу догнали его на пятой улицѣ, сняли съ него несвойственное ему украшенiе, причемъ онъ отчаянно блеялъ, брыкался и бодался, нанося синяки и даже раны направо и налѣво, какъ будто защищая свою собственную кожу. Говорили тогда, что это не спроста, что въ этомъ странномъ козлѣ сидитъ неочищенная душа какого-то грѣшника, которая хочетъ упокоиться ношенiемъ священной шабашевой шапки, подъ которой еврей, въ теченiе субботняго дня, совершаетъ сто благословенiй и сто разъ упоминаетъ имя Господа... Но какъ бы то ни было, случай этотъ стоитъ такъ одиноко въ лѣтописяхъ нашего переулка, что обитатели, въ особенности же обитательницы послѣдняго нашли возможнымъ вести по немъ свое мѣстное лѣтосчисленiе. Такъ, нерѣдко можно было слышать слѣдующiй разговоръ:

— Сколько лѣтъ, примѣрно, вашему внуку? — спрашиваетъ одна баба.

— А вотъ я вамъ сейчасъ скажу,—отвѣчаетъ другая. Родился мой Хацкеле за годъ до козла (т. е. до исторiи съ козломъ), а теперь мы послѣ козла сколько имѣемъ?

— Безъ малаго, шесть лѣтъ.

— Стало быть, моему внуку седьмой годикъ пошелъ, да живетъ онъ.

Козлинное лѣтосчисленiе это держалось въ переулкѣ еще долго послѣ того, какъ отъ самаго козла остались только рожки да ножки.

Должно быть, что въ видахъ вышеупомянутыхъ же удобствъ, домики переулка не были огорожены другъ отъ друга ни заборами, ни плетнями, ни даже изгородью, такъ что дворовъ въ собственномъ смыслѣ эти домики совсѣмъ не имѣли; но зато весь переулокъ былъ въ полномъ распоряженiи каждаго хозяйства порознь и всѣхъ вообще, такъ что переулокъ только для красоты слога назывался переулкомъ, будучи собственно только большимъ продолговатымъ дворомъ, съ десятью хатками по одной сторонѣ и десятью—по другой. Это избавляло хатовладѣльцевъ не только отъ нескончаемыхъ и убыточныхъ межевыхъ процессовъ, но и отъ надобности сооружать тѣ скромныя строенiя, безъ которыхъ никакой дворъ обойтись не можетъ.

Въ самомъ центрѣ переулка красовалась огромной величины помойная яма, которую мѣстные обитатели, разъ условившись называть озеромъ, дѣйствительно воображали себѣ его таковымъ и смѣло полоскали въ немъ свою кухонную посуду, свое незатѣйливое бѣлье и, въ жаркiе лѣтнiе дни, даже купали своихъ дѣтей. Они, сколько мнѣ извѣстно, даже не прочь были и рыбу ловить

въ этомъ озерѣ; но это уже отъ нихъ не зависѣло: по непреложнымъ изслѣдованіямъ мѣстныхъ гидрографовъ оказалось, что, кромѣ раковъ, лягушекъ, червей, голохвастиковъ и прочихъ гадовъ, въ озерѣ никакой рыбы не водится. Если же читатель, руководствуясь кабинетной теоріей, готовъ подумать, что *озеро* или, справедливѣе, центральная помойная яма распространяла вокругъ себя ядовитыя испаренія, міазмы, болѣзни, эпидеміи, то онъ сильно ошибется. Надобно вамъ знать, что на зло всѣмъ физіологамъ и гигіенистамъ, обитатели переулка уживались съ озерною атмосферою какъ нельзя лучше, доживали до глубокой старости, ѣли, когда было что,—съ большимъ аппетитомъ, а когда нечего было ѣсть—клали зубы на полки съ стоическимъ равнодушіемъ, не впадая ни въ преступленія, ни въ отчаяніе, ни въ богохульство, словомъ были здоровы тѣломъ и духомъ, и умирали волею Божіей, а не стараніями врачей.

Да, другъ Иппократъ, есть много тайнъ въ природѣ, о которыхъ не снилось ни древнимъ, ни новымъ эскулапамъ.

III.

У самаго входа въ переулокъ находилась чистенькая, уютная, почти красивая мазанка старика Феликса, добраго генія безъимяннаго переулка. Старикъ Феликсъ, бывшій рядовой бывшаго польскаго войска, сѣдой, какъ лунь, съ однимъ глазомъ, придававшимъ его физіономіи то добродушное, то лукавое выраженіе, былъ истиннымъ кладомъ для обитателей переулка. Онъ былъ для нихъ водоносомъ, дровосѣкомъ, истопникомъ въ субботніе дни, работникомъ, сторожемъ, плотникомъ, бочаремъ, гончаремъ, слесаремъ, трубочистомъ, пожарнымъ, знахаремъ и даже пугаломъ и укротителемъ капризничавшихъ дѣтей. Словомъ, онъ былъ мастеръ на всѣ руки. Въ огромномъ ларѣ его мазанки находились всевозможные инструменты всѣхъ возможныхъ ремеслъ и профессій. Съ самаго ранняго утра до самой поздней ночи онъ толкался то въ томъ, то въ другомъ домѣ, стругалъ, рубилъ, пилилъ, приколачивалъ, подметалъ, лазилъ на крыши, командовалъ, приказывалъ, кричалъ, ругался, словомъ—работалъ, не зная утомленія. Въ переулкѣ бывало только и слышишь:

— Феликсъ, труба у меня дымитъ!—Феликсъ, дверь не запирается!—Феликсъ, у Брохки зубъ разболѣлся!—Феликсъ, иди уйми моего негодяя, онъ опять разревѣлся!—Феликсъ, подъ ложечкой что-то щемитъ, что мнѣ дѣлать, Феликсъ?

И Феликсъ на все отвѣчалъ, всюду поспѣвалъ, вездѣ направляя и исправляя то, что отъ него требовалось. Отказа небыло никому и ни въ чемъ, и обитатели переулка были убѣждены, что для старика Феликса нѣтъ ничего невозможнаго, такъ что они въ душѣ побаивались его, считая его чуть ли не кудесникомъ. Всѣ остерегались разгнѣвать чѣмъ нибудь стараго Феликса, который былъ добръ, послушенъ, услужливъ, но въ тоже время весьма

чувствителенъ относительно того, что онъ называлъ *гоноромъ*. Эту то опасную струну въ существѣ стараго Феликса обитатели переулка старались по возможности обходить, не затрогивая ее, что имъ всегда и удавалось.

Сподручнаго и дѣльнаго помощника почти во всѣхъ своихъ мастерствахъ старый Феликсъ имѣлъ въ своей сожительницѣ Маріаннѣ, бабѣ работящей, смышленной и еще не очень ветхой. Онъ такъ хорошо вышколилъ ее, что она по одному его мановенію уже знала, что нужно дѣлать, что подавать, что и какъ поддержать, чтобы работа шла какъ слѣдуетъ. А потому она почти безотлучно находилась при своемъ мужѣ, слѣдуя за нимъ во всѣхъ его экскурсіяхъ. Онъ называлъ ее своимъ ефрейторомъ, считая себя, вѣроятно, фельдфебелемъ, хотя въ бумагахъ онъ значился только рядовымъ. Но ефрейторъ-Маріанна, кромѣ подчиненной роли подмастерья своего мужа, имѣла одну спеціальность, гдѣ она играла уже роль самостоятельную, которою она очень гордилась. Ей именно почему то казалось, что она хорошая повитуха, и этого достаточно было, чтобы обитательницы переулка часто шушукались съ нею и призывали ее на помощь, когда чувствовали, что «время уже наступило». Старый Феликсъ всегда косился на это спеціальное занятіе своего ефрейтора, но ничего не могъ подѣлать, потому что ефрейторъ только въ одномъ этомъ твердо настаивалъ на своемъ, во всемъ же прочемъ безпрекословно слушался команды.

Говоря о Феликсѣ и Феликсовой, не могу умолчать объ ихъ дочери Еленѣ.

Елена была замѣчательная дѣвушка, замѣчательный продуктъ замѣчательнаго переулка, и, какъ таковой, такъ втянулась въ жизнь его еврейскихъ обитателей, что ей всегда казалось, что она по ошибкѣ родилась христіанкою, о чемъ она не на шутку сокрушалась. Ея равнодушное, почти пренебрежительное отношеніе къ своей религіи было обидно даже вчужѣ. Она никогда не переставала мечтать о блаженствѣ сдѣлаться со временемъ еврейкою, хотя обитатели переулка всегда отсовѣтовали ее отъ этого блаженства. Она съ такимъ совершенствомъ говорила по еврейски, такъ хорошо знала законы трефа и кошера, утреннія, вечернія и застольныя молитвы, даже еврейскія легенды и повѣрья, что ее всегда ставили въ примѣръ настоящимъ еврейкамъ, уступавшимъ ей во всемъ этомъ. Она даже неоднократно приставала, чтобы ее научили читать по еврейски, но въ этомъ обитатели переулка всегда наотрѣзъ отказывали ей, прося ее, чтобы она не говорила глупостей. Кромѣ того, боясь бѣды изъ-за этой странной христіанской дѣвушки, онѣ совѣтовали ея родителямъ выдать ее поскорѣе замужъ; но чуть родители, бывало, заикнутся объ этомъ, Елена начинала плакать и божиться, что она повѣсится, утопится, а за *гоя* не пойдетъ.

Само собою разумѣется, что Феликсъ и Феликсова, которые

были добрыми католиками, всегда сокрушались о таковомъ странномъ ослѣпленіи своей единственной дочери, но ничего не могли придумать къ ея образумлѣнію, тѣмъ болѣе, что они очень любили ее за ея тихій, скромный нравъ, трудолюбіе и примѣрное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе. А потому они, скрѣпя сердце, смотрѣли сквозь пальцы, какъ ихъ Елена, цѣлый божій день, копошится въ еврейскихъ домахъ, нянчитъ всѣхъ дѣтей переулка, обучаетъ ихъ еврейскимъ молитвамъ, убаюкиваетъ ихъ еврейскими пѣснями, разсказываетъ имъ еврейскія сказки, наблюдаетъ за трефомъ и кошеромъ и въ праздникъ Рошъ-Гашана (новый годъ) ходитъ съ своими ровесницами въ синагогу слушать звуки шофера (рожка), какъ будто это обязательно и для нея. Такимъ образомъ Елена могла безпрепятственно предаваться своимъ странностямъ въ продолженіе всего года.

Но съ наступленіемъ великаго поста Феликсъ и Феликсова обыкновенно перемѣняли свою политику относительно своей дочери. Переполошенная религіозная совѣсть брала верхъ надъ ихъ пассивною снисходительностью, ихъ обыкновенно мирная мазанка превращалась на это время въ арену самыхъ ожесточенныхъ религіозныхъ войнъ.

Обитатели переулка, не смотря на свой строгій нейтралитетъ, больше всѣхъ страдали отъ этой безурядицы. Такъ какъ почти вся жизнь переулка, какъ извѣстно, держалась на Феликсѣ и Феликсовой, то и неудивительно, что война, которою заняты были эти незамѣнимые фактотумы, весьма невыгодно отражалась на всѣхъ текущихъ дѣлахъ переулка. Наступалъ застой во всѣхъ хозяйственныхъ отправленіяхъ послѣдняго: печи дымили, съ потолковъ текло, таявшій ледъ не вывозился, у пороговъ хатъ образовались большія лужи, вскрывшееся *озеро* угрожало потопить весь переулокъ, а его добрый геній какъ будто ничего этого не замѣчалъ, махнулъ на все рукой, будучи занятъ войною. Кромѣ того, какъ на бѣду всегда случалось, что великій постъ совпадалъ съ тѣми недѣлями, которыя предшествуютъ великому празднику Пасхи, когда работы у евреевъ по самое горло. Что же оставалось дѣлать?

То, что дѣлаетъ всякая нейтральная держава, когда начинаетъ чувствовать, что война, которой она рѣшилась быть только зрительницей, начинаетъ затрогивать ея собственные интересы, именно — предложить воюющимъ сторонамъ свое посредничество. Они такъ и дѣлали и всегда съ успѣхомъ. Феликсъ и Феликсова прекращали пальбу, а Елена отправлялась на исповѣдь. Миръ, порядокъ и чистота опять водворялись въ безъимянномъ переулкѣ впредь до слѣдующаго великаго поста.

IV.

Чего-чего только не было въ просторной избѣ, въ одномъ изъ угловъ которой помѣщался хедеръ нашъ!

Самое видное мѣсто на полу, въ самой срединѣ избы, всегда занималъ импровизированный бивуакъ военнаго постоя съ его ранцами, киверами, шинелями и прочими принадлежностями. Здѣсь постояльцы чистили свою аммуницію, чинили свое бѣлье или сапоги, покуривали махорку, распѣвали «по улицѣ, по мостовой», или «мы герои, дѣти славы», или же, нахлѣбавшись щей, храпѣли во всю ивановскую. Обыкновенно случалось, что военный постой, заквартировавъ, сначала харахорился, норовилъ занимать всѣ углы и всѣ стѣны избы, выжить всѣхъ жильцовъ, ругался непечатными словами, хозяйкѣ показывалъ кулаки, а хозяина таскалъ къ квартирмистеру, словомъ — неистовствовалъ, какъ въ завоеванной странѣ; но потомъ, мало по малу, обживался, переставалъ бушевать, съуживалъ свои претензіи, начиналъ входить въ положеніе хозяина, переселялся на полъ и всячески старался никого не стѣснять. Между постояльцами и жильцами водворялось тогда самое дружественное согласіе, возраставшее отъ взаимныхъ услугъ, которыя они другъ другу оказывали. Прохоръ и Иванъ дѣлались домашними людьми, каждый кормилъ ихъ, чѣмъ былъ богатъ, выслушивалъ съ участіемъ ихъ жалобы на свою горькую солдатскую долю, варилъ для нихъ липовый цвѣтъ, когда они чувствовали себя нездоровыми, и когда кончалась стоянка, то прощанье было самое трогательное. Прохоръ и Иванъ плакали, обнимаясь и цѣлуясь со всѣми жильцами, не исключая служанки и домашняго кота, всѣ провожали ихъ самыми искренними благопожеланіями, а дѣти, вцѣпившись въ полы ихъ шинелей, не отставали отъ нихъ до самаго сборнаго пункта. Очистившаяся изба скучала потомъ нѣкоторое время по своихъ добрыхъ постояльцахъ, точно по уѣхавшихъ родственникахъ. Стало быть, только по незнакомству люди чуждаются другъ друга и норовятъ напакостить своему незнакомому ближнему; познакомившись же поближе, уживаются какъ нельзя лучше.

Во второмъ углу избы находился рабочій столикъ самого хозяина, который, научившись гдѣ-то приготовлять мѣлокъ для преферанса, предавался этому искусству съ утра до ночи, хотя мѣлокъ его, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, не особенно ходко шелъ въ продажѣ. Но онъ все приготовлялъ да приготовлялъ, точно онъ получалъ заказы изъ столицы и кто нибудь сидѣлъ ему на шеѣ, дабы онъ скорѣе исполнялъ заказы. Но это еще ничего. Бѣда была только въ томъ, что хозяинъ, кромѣ того, почему-то воображалъ себѣ, что онъ отлично поетъ, а потому во время работы только и дѣлалъ, что распѣвалъ синагогальныя пѣсни такимъ отчаяннымъ голосомъ, выводилъ такія невѣроятныя рулады и фіоритуры, что нужно было просто бѣжать изъ избы и даже изъ переулка. Правда, ему неоднократно замѣчали, что онъ оретъ хуже двухъ пьяныхъ сапожниковъ, но… но уймите-ка расходившагося артиста, который вбилъ себѣ въ голову, что его не понимаютъ. Хозяинъ пѣлъ на зло всѣмъ намъ, съ человѣколюби-

вою, впрочемъ, надеждою, что современемъ мы его поймемъ и оцѣнимъ по достоинству.

Въ третьемъ углу копошился какой-то горбатенькій человѣчекъ, по профессіи обойщикъ, который, правда, не пѣлъ и даже не разговаривалъ, но зато такъ непріятно стучалъ своимъ молоткомъ и поднималъ такую ѣдкую пыль изъ своихъ мебельныхъ подушекъ, что каждый съ охотой согласился бы, чтобы обойщикъ, вмѣсто своего возмутительнаго постукиванья, отзывавшагося въ вискахъ всѣхъ и каждаго, ужъ лучше бы оралъ въ унисонъ съ хозяиномъ. Но обойщикъ находилъ, что ему незачѣмъ драть горло и былъ, можетъ быть, правъ, разумѣется, съ своей точки зрѣнія.

Четвертый уголъ занимали супруги Кусіэли, ветошники, которые постоянно ссорились между собою, не будучи въ состояніи поладить на счетъ того, кто изъ нихъ собственно виноватъ въ томъ, что ихъ торговля идетъ изъ рукъ вонъ плохо. Мужу казалось, что жена во всемъ виновата, а жена была убѣждена въ совершенно противномъ. При такихъ діаметрально противоположныхъ воззрѣніяхъ, имъ трудно было не полемизировать, и они дѣйствительно полемизировали, какъ только сходились вмѣстѣ. Не смотря, однакоже, на это хроническое полемизированіе, вопросъ всегда оставался открытымъ, такъ что аргументы съ одной и другой стороны казались неистощимыми. Разъ мужъ вознамѣрился было привести самый послѣдній и самый убѣдительный аргументъ — побои, но противъ такого способа разрѣшенія вопроса почему-то возмутились всѣ жильцы, а потому вопросъ опять долженъ былъ и въ будущемъ вращаться лишь въ области теоретическихъ препирательствъ.

Пятый уголъ... Постойте,—скажетъ читатель,—какъ же это въ избѣ пять угловъ? На это я ему отвѣчу, что мнѣ тоже неизвѣстно какъ, знаю только, что описываемая мною изба какъ-то ухитрилась имѣть пять угловъ, и въ одномъ изъ нихъ, стало быть въ пятомъ, стояла печь, у которой всегда толпились всѣ наличныя хозяйки избы, вымазанныя сажею и вооруженныя ножами и ухватами, что придавало имъ видъ какихъ-то невѣроятныхъ воиновъ, охраняющихъ какой-то кладъ, заключающійся въ пространствахъ топившейся печи. Какъ онѣ узнавали свои горшки, которые были одного калибра и въ равной мѣрѣ засалены,—остается и до сихъ поръ для меня тайною.

Если вы ко всему вышесказанному прибавите десять мальчиковъ, составлявшихъ нашъ хедеръ, меламда, его помощника, полдюжины дѣтей разныхъ жильцевъ, хозяйскую служанку, хозяйскую козу, которая постоянно также пребывала въ избѣ, пѣтуха съ своимъ гаремомъ и домашняго кота, то вы, я думаю, легко представите себѣ, что долженъ былъ изображать собою нашъ ноевъ ковчегъ, когда онъ находился въ полномъ ходу, т. е. когда хедеръ выкрикивалъ свои уроки, военный постой распѣвалъ „по улицѣ, по мостовой!“ а хозяинъ свой «Вехолъ-Мааминимъ», обойщикъ постукивалъ своимъ молотомъ, супруги Кусіэли перебранивались, хозяйки позванивали ухватами, дѣти орали, коза блеяла, курицы кудахтали, а котъ мурлыкалъ. Въ избѣ стоялъ такой адъ, такой содомъ, что нужно было бѣжать.

Никто, однако же, не бѣжалъ: сила привычки и выносливость еврейской натуры такъ велики, что никто не чувствовалъ себя стѣсненнымъ тѣмъ, что происходило вокругъ него. Каждый занимался своимъ дѣломъ и совершенно игнорировалъ бушевавшій въ избѣ ураганъ самыхъ разнообразныхъ, самыхъ негармоническихъ звуковъ. Я ничего не сказалъ о духотѣ, въ особенности въ зимнее время, когда двери и окна были заперты, но это уже само собою разумѣется.

V.

Меламедъ мой назывался ребъ Меиромъ *Землеизраильскимъ*. Назывался онъ такъ не потому, чтобы былъ родомъ прямо изъ Палестины или потому, что побывалъ хоть разъ на поклоненіе гробницѣ пророковъ. О, нѣтъ! Онъ меньше всего способенъ былъ на какое бы то ни было путешествіе, онъ всю жизнь свою провелъ въ томъ городѣ, гдѣ родился, но прозвище свое онъ получилъ по слѣдующему случаю.

Въ молодости своей, когда кровь въ немъ кипѣла, насколько она можетъ кипѣть въ жилахъ флегматика и почти аскета, въ одну веселую ночь праздника Симхатъ-Торы, когда онъ хватилъ лишнюю рюмку,—т. е. онъ собственно выпилъ одну только рюмку, но и она была для него лишнею,—онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ такой религіозный восторгъ, такія гигантскія силы, что обратился къ пировавшимъ съ нимъ собесѣдникамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Раббойсай! Уже двѣ тысячи лѣтъ, какъ мы ожидаемъ Мессіи,—онъ все не приходитъ. Ужь будетъ намъ ждать! Опояшемъ-те свои чресла мужествомъ и вѣрою и пойдемъ-те сами въ землю Израильскую. Богъ Авраама, Исаака и Іакова не оставитъ насъ. Онъ ни разу еще не устыдилъ уповающихъ на него. Какъ вы думаете, раббойсай?

Такъ какъ пьяному море по колѣно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что раббойсай, т. е. подгулявшіе собесѣдники недолго думали и согласились. Сказано—сдѣлано. Въ одну минуту они собрались и вышли изъ города. Они шли, шли одну версту, другую, третью, распѣвая псалмы и другія синагогальныя пѣсни. Такимъ образомъ они прошли безъ особенныхъ приключеній семь верстъ, не чувствуя утомленія. Но на восьмой верстѣ началъ покрапывать дождь, а потому они завернули въ близлежавшій лѣсъ, чтобы переждать дождь и кстати отдохнуть немного. Отдыхая немножко, они немножко и заснули; когда же они проснулись, то на дворѣ уже былъ полдень. Ничего между собою не говоря, такъ какъ дѣло очевидно не требовало никакихъ разсужденій, они ско-

рымъ шагомъ потекли назадъ, уже безъ псалмовъ и пѣснопѣній, но зато кто съ зубною. кто съ головною болью, а кто съ благопріобрѣтеннымъ на вѣчныя времена ревматизмомъ. До квартиръ своихъ они добрались окольными путями, дабы не встрѣчаться съ знакомыми. Однимъ изъ непосредственныхъ послѣдствій этой кампаніи было то, что школьная община, къ которой принадлежалъ ребъ Меиръ, пожаловала герою этой кампаніи титулъ Землеизральскій, который остался за нимъ на всю жизнь. уже не возбуждая ни въ комъ ни смѣха, ни шутокъ, ни остротъ. Казалось, что ребъ Меиръ такъ и родился съ этимъ титуломъ.

Не знаю, этотъ-ли случай или что нибудь другое отравило жизнь моего меламда, знаю только, что онъ былъ всегда мраченъ, угрюмъ, никогда не улыбался, часто вздыхалъ и когда говорилъ съ человѣкомъ, то никогда не смотрѣлъ ему прямо въ глаза, а глядѣлъ въ сторону или въ даль, хотя горизонтъ нашей избы былъ не особенно обширенъ. По общепринятому мнѣнію, Богъ знаетъ на чемъ основанному, все это признаки нечистой совѣсти; но, увѣряю васъ, ребъ Меиръ былъ очень честенъ и даже благороденъ. Къ своимъ ученикамъ онъ былъ строгъ, но справедливъ, не придирчивъ, не мстителенъ, подобно другимъ меламдамъ тогдашняго времени. За это мы не только уважали его, но почти любили, хотя его угрюмость внушала намъ невольный страхъ и мы трепетали подъ его холоднымъ, разсѣяннымъ взглядомъ. Безстрастіе его было замѣчательное. Онъ ни отъ чего не приходилъ въ восторгъ, ничто не выводило его изъ себя.

Въ преподаваніи меламедъ нашъ вообще держался господствовавшаго тогда метода; но въ дисциплинарномъ отношеніи онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя отступленія. Такъ, напримѣръ, вмѣсто обычной плетки, ремня или розогъ, онъ употреблялъ въ дѣло чубукъ, находя, что плетка, розги—приличны только для первоначальныхъ хедерниковъ, для насъ же, изучавшихъ талмудъ, этотъ родъ наказанія унизителенъ. Такимъ образомъ, мы должны были смотрѣть на чубукъ, какъ на прерогативу; но, по неразумію нашему, мы смотрѣли на него нѣсколько иначе, а потому мы отъ времени до времени уничтожали эту чубуковую прерогативу, бросая ее украдкою въ топившуюся печь или въ бушевавшее нечистотами *озеро*, или просто утаскивая ее куда нибудь подальше отъ переулка. Правда, мы потомъ каждый разъ должны были дѣлать складчину и купить новый чубукъ, такъ какъ съ ребъ Меиромъ шутки были плохи; но выигрышъ нашъ состоялъ въ томъ, что отъ одного чубука до другаго все таки проходило нѣсколько безчубуковыхъ дней, чѣмъ мы не могли не дорожить. Къ сожалѣнію, наши средства были такъ ограничены, что мы могли дѣлать складчину, т. е. произвести похищеніе чубука, лишь очень рѣдко. Такимъ образомъ, мы уже очень рано горькимъ опытомъ убѣдились, что бѣдность хоть и не порокъ, но вещь все таки не совсѣмъ пріятная.

Особенно тяжелыми для насъ днями бывали четверги и пятницы, а потому мы всегда проклинали ихъ отъ глубины души. Дѣло въ томъ, что по четвергамъ, ребъ Меиръ, по заведенному во всѣхъ хедерахъ порядку, производилъ репетицію или экзаминовку изъ всего пройденнаго въ истекшую недѣлю. Одинъ Богъ знаетъ, какъ пламенно намъ хотѣлось помнить все, что толковалъ намъ меламедъ въ теченіе всей недѣли; но на бѣду всегда случалось, что или то, или другое испарялось изъ нашей памяти. Тогда и начиналась дѣятельность чубука, который молотилъ на право и на лѣво; во всемъ хедерѣ стоялъ плачъ великій и скрежетъ зубовный, и мы въ этотъ день отправлялись домой съ синяками, фонарями и другими подобными же знаками отличія.

Съ пятницами же бывало особаго рода дѣло. Начинались онѣ обыкновенно весьма благополучно. Ученія въ собственномъ смыслѣ не происходило, мы только приготовлялись къ субботнему дню, а именно: мы распѣвали по нотамъ подлежащіе отдѣлы изъ пятикнижія и пророковъ, повторяли молитвы надъ чашей (кидушъ) и другія молитвенныя формулы. Все это намъ уже очень хорошо было знакомо, грубыхъ ошибокъ мы не дѣлали, и намъ вообще пріятно было испробовать силу и гибкость нашихъ молодыхъ голосовъ, словомъ, намъ было весело. Но около полудня картина перемѣнялась. На сцену опять выступалъ чубукъ и начиналъ свой монологъ изъ членораздѣльныхъ ударовъ. Темой для этого незаслуженнаго монолога служило слѣдующее умозаключеніе нашего меламда: такъ какъ мы разставались съ хедеромъ почти дня на два, то, дабы тѣмъ временемъ на насъ «не выросли роги», меламедъ находилъ нужнымъ, отпуская домой, надѣлять насъ соотвѣтственнымъ запасомъ чубуковъ, долженствовавшимъ служить намъ меморандумомъ для всего субботняго дня. «Хотя вы пока еще незаслужили чубуковъ,—объяснялъ намъ меламедъ,—но я увѣренъ, что вы ихъ заслужите, а потому отпускаю вамъ въ долгъ.»

Надобно вамъ знать, что мы не злоупотребляли открытымъ намъ кредитомъ: всю субботу мы въ потѣ лица трудились, чтобы *заработать* отпущенные намъ чубуки, и мы къ сроку возвращали долгъ даже съ лихвою, такъ что въ воскресенье мы являлись въ хедеръ точно чуть не съ «рогами»; меламда нашего со всѣхъ сторонъ осаждали реляціями о нашихъ субботнихъ подвигахъ, но онъ не подвергалъ насъ наказанію, находя, что мы квиты. За эту замѣчательную справедливость мы не могли не уважать его.

VI

Хотя ребъ Меиръ, какъ извѣстно, былъ угрюмъ, молчаливъ и жилъ почти отшельникомъ, однакожъ многіе почему то любили приходить къ нему, чтобы покалякать или посовѣтоваться съ нимъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ онъ не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Правда, онъ, сколько помню, никому совѣтовъ не давалъ,

отвѣчалъ изъ пятаго слова на десятое и то только киваніемъ головы; тѣмъ не менѣе приходившимъ къ нему всегда казалось, что безъ него они не знали-бы, что и дѣлать, а потому, уходя, искренно благодарили его за добрый *совѣтъ*. Стало быть, главное—вѣра: люди вѣрили, что ребъ Меиръ умный человѣкъ, и этого для нихъ было достаточно, и они были убѣждены, что онъ имъ помогаетъ разрѣшать самые трудные вопросы жизни, хотя они никогда не слыхали отъ него ни одного положительнаго слова, ни да, ни нѣтъ. Какъ бы то ни было, намъ очень пріятно было, что люди считали нашего меламда умнымъ человѣкомъ и приходили къ нему за совѣтомъ, такъ какъ это обстоятельство доставляло намъ много рекреаціонныхъ минутъ, которыя никогда не могли быть для насъ лишними. Ученіе такъ давило насъ, что мы смотрѣли на все, что можетъ помѣшать ему, какъ на благодѣяніе, а потому мы отъ всего сердца желали людямъ побольше хлопотъ, побольше запутанныхъ дѣлъ, дабы они почаще нуждались въ добрыхъ совѣтахъ нашего меламда. Но, кромѣ случайныхъ, нашъ хедеръ имѣлъ и своихъ постоянныхъ посѣтителей, которые являлись періодически въ опредѣленные сроки, и тоже мѣшали намъ учиться, за что мы имъ и были очень благодарны.

Такъ, напримѣръ, каждое послѣ-обѣда въ нашъ хедеръ съ шумомъ входилъ нашъ сосѣдъ по переулку, ребъ Янкель хлѣбопекъ, веселый старичекъ, большой балагуръ и шутникъ, съ появленіемъ котораго все хохотало и веселилось, что только способно было хохотать и веселиться. Прокричавъ еще въ дверяхъ: «Богъ помочь», онъ колесомъ подкатывалъ къ нашему меламду и, остановившись передъ нимъ, спрашивалъ: нѣтъ ли у васъ понюшки табаку? Надававъ намъ тумаковъ и пошаливъ съ каждымъ изъ насъ, онъ садился на опрокинутый табуретъ и начиналъ расказывать самыя небывалыя вещи о французѣ, котораго помнилъ, но о которомъ онъ вралъ наинемилосерднѣйшимъ образомъ. Какихъ только диковинъ онъ не сочинялъ про это интересное время! Такъ, онъ однажды намъ разсказалъ, что во время француза на свѣтѣ было столько денегъ, что отъ нихъ проходу не было на улицахъ, такъ что нужно было лопатами прочищать себѣ дорогу. Купивъ однажды щуку на субботу, онъ, распотрошивъ ее, нашелъ въ ней пятьнадцать голландскихъ червонцевъ, за которые онъ соорудилъ себѣ превосходную лисью шубу. Когда же его спросили, отчего онъ тогда не запасся деньгами на всю жизнь, онъ отвѣтилъ, что за запасомъ дѣло не стало бы, онъ только и дѣлалъ, что наполнялъ боченки золотомъ и зарывалъ ихъ въ землю; но когда французъ вышелъ изъ Россіи, эти деньги точно сквозь землю провалились, такъ что и слѣдъ ихъ простылъ. «Вотъ оно что, бѣсовскія деньги то,—заключилъ ребъ Янкель разказъ свой,—однимъ онѣ дались, и тѣ съ той поры страшно разбогатѣли, домовъ настроили и дѣтей озолотили, а другимъ такъ нѣтъ. На все вѣдь судьба». Ребъ Меиръ весьма не долюбливалъ веселаго хлѣбопека за его вранье, но онъ ему не прекословилъ, не спорилъ съ нимъ, не выводилъ его на чистую воду, потому что въ такомъ случаѣ ему бы нужно было говорить, а онъ любилъ молчать.

По понедѣльникамъ къ нашему меламду приходилъ ребъ Танхумъ, долговязый и сухой старикъ, съ загорѣлымъ и непріятнымъ лицомъ, весь въ лохмотьяхъ и съ намекомъ на туфли, вмѣсто обуви, держа въ одной рукѣ дубинку, а въ другой жестяную кружку съ какою то надписью на ея покрышкѣ. Этотъ ребъ Танхумъ вѣчно собиралъ подаянія для кого то или для чего то, и нашъ меламедъ каждую недѣлю опускалъ въ его кружку полушку. Усѣвшись возлѣ меламда и взявъ понюшку, ребъ Танхумъ тоже начиналъ разсказывать, но его разсказы были уже другаго сорта. Онъ разсказывалъ о Палестинѣ, о развалинахъ іерусалимскаго храма и его уцѣлѣвшей западной стѣнѣ, о еврейскихъ племенахъ Бне-Данъ и Бне-Моше, покинувшихъ Палестину во время царя Салманасара и живущихъ теперь гдѣ то за неприступными горами и изумительными рѣками, и разсказывалъ все это съ такими подробностями, точно онъ находился въ постоянной перепискѣ съ Бне-Данами и Бне-Моше. Разсказы его всегда клонялись къ тому, что пришествіе Мессіи уже не далеко, что у вышеупомянутыхъ еврейскихъ племенъ уже дѣлаютъ надлежащія приготовленія, и что онъ во снѣ не даромъ слышитъ трубные звуки архангела Михаила. Эти разсказы умиляли насъ до слезъ, и мы тогда давали себѣ слово учиться талмуду прилежнѣе и молиться Богу искреннѣе. Но, замѣчательно, съ уходомъ ребъ Танхума, его умилительные разсказы и произведенное ими впечатлѣніе мало по малу улетучивались, такъ что къ вечеру мы опять становились тѣми же шалопаями, какими мы были во всякое время.

По вторникамъ развлекалъ насъ ребъ Мотеле, молодой и бѣлобрысый меламедъ, находившійся въ какой то нравственной зависимости и подъ покровительствомъ нашего ребъ Меира. И приходилъ ребъ Мотеле не одинъ, а со всѣмъ своимъ хедеромъ, который подвергался тогда экзамену нашего меламда. И намъ пріятно было видѣть, какъ юркій ребъ Мотеле заискиваетъ въ нашемъ строгомъ ребъ Меирѣ, благоговѣйно выслушиваетъ его замѣчанія и таетъ отъ удовольствія, когда ребъ Меиръ одобрительно отзывается о способѣ его преподаванія и успѣхахъ его учениковъ. Стало быть, думали мы, нашъ меламедъ птица очень важная, и мы проникались тогда гордостью, что имѣемъ честь быть учениками этой важной птицы, и презрѣніемъ къ тѣмъ мальчикамъ, которые не имѣютъ этой чести и которымъ мы, впрочемъ, съ удовольствіемъ уступили бы нашу чубуковую прерогативу.

Къ чести нашей дѣтской наблюдательности я долженъ сказать, что хотя мы были невинны, какъ голуби, мы однако же очень скоро подмѣтили, что бѣлобрысый и щеголеватый ребъ Мотеле приходитъ къ намъ каждую недѣлю не единственно ради экзамена, но и для чего нибудь другого. Это другое была Ханна,

дочь ребъ Янкель-хлѣбопека, дѣвица взрослая и очень красивая, къ которой ребъ Мотеле, какъ вдовецъ, имѣлъ, какъ ему казалось, полное право воспылать любовью. Но ребъ Янкель, какъ мы замѣчали, почему то оспаривалъ это право. Вотъ почему ребъ Мотеле, покончивъ съ экзаменомъ, отправлялся къ ребъ Янкелю презентовать ему понюшку изъ своей щегольской табакерки, т. е. созерцать Ханку, и вотъ почему хлѣбопекъ въ такія минуты всегда усылалъ свою дочь куда нибудь подальше и, не смотря на свою словоохотливость, поражалъ назойливаго претендента молчаніемъ. Претендентъ возвращался тогда къ намъ съ поникшею головою и разстроеннымъ лицомъ и долго шушукался потомъ съ женскою половиною нашей избы, которая, половина, какъ видно, принимала живое участіе въ его судьбѣ.

Дошло, наконецъ, до того, что ребъ Меиръ долженъ былъ обѣщать своему протеже, что онъ самъ поговоритъ съ хлѣбопекомъ о его дѣлѣ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда нашъ меламедъ будетъ *говорить о дѣлѣ*, такъ какъ намъ ни разу еще не удалось услышать, какъ ребъ Меиръ говоритъ о дѣлахъ, не касающихся его профессіи.

Ребъ Меиръ послалъ за ребъ Янкелемъ; ребъ Янкель явился.

— Вы меня звали, ребъ Меиръ?—спросилъ хлѣбопекъ, взявъ щепотку табаку и сѣвъ на табуретъ.

Ребъ Меиръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Вы имѣете сказать мнѣ что нибудь?

Ребъ Меиръ опять кивнулъ головой.

— Что же вы мнѣ скажете, ребъ Меиръ?

Ребъ Меиръ пожалъ плечами.

— Ага, я догадываюсь,—догадывался хлѣбопекъ,—вы хотите поговорить со мною на счетъ моей Ханки?

Ребъ Меиръ вздохнулъ и вперилъ свой задумчивый взглядъ въ печку.

— Я долженъ вамъ сказать, ребъ Меиръ, —продолжалъ хлѣбопекъ, какъ будто вздохъ нашего меламеда былъ самымъ лучшимъ отвѣтомъ на его вопросъ, — я долженъ вамъ сказать, что изъ этого кваса пива не будетъ. Ребъ Мотеле мнѣ не нравится. Хотя онъ хорошій меламедъ и имѣетъ въ обученіи очень богатыхъ дѣтей, однакожъ онъ мнѣ не нравится: онъ нахалъ, а за нахала я свою Ханку не выдамъ. Зачѣмъ мнѣ выдавать ее за нахала, когда я могу выдать ее за токаря? Вы знаете Рувина токаря?

Ребъ Меиръ кивнулъ головою.

— На прошлой недѣлѣ онъ овдовѣлъ.

На этотъ разъ губы ребъ Меира зашевелились и они произнесли:

— Благословенъ еси судья праведный.

— И вотъ,—заключилъ хлѣбопекъ,—этотъ Рувинъ вчера прислалъ ко мнѣ сватовъ. За него-то я свою Ханку и отдамъ. Онъ хорошій мастеръ, кормитъ жену умѣетъ, а ребъ Метеле, да здравствуетъ онъ,—мнѣ не зять.

Ребъ Меиръ опять вздохнулъ, пожалъ плечами и мигнулъ намъ, чтобы мы взялись за книги.

Когда черезъ нѣсколько дней ребъ Мотеле пришелъ освѣдомиться о результатѣ *переговоровъ* своего покровителя съ хлѣбопекомъ, нашъ меламедъ, вмѣсто всякаго отвѣта, открылъ свою табакерку, долго и задумчиво въ нее всматривался, потомъ закрылъ ее, вздохнулъ и махнулъ рукой. Изъ этой мимики ребъ Мотеле весьма основательно заключилъ, что его дѣло проиграно окончательно и навсегда и онъ чуть не расплакался, какъ ребенокъ.

Нѣсколько недѣль потомъ онъ не являлся къ намъ со своимъ хедеромъ, о чемъ мы очень и очень сожалѣли, такъ какъ это обстоятельство лишило насъ нѣсколькихъ рекреаціонныхъ часовъ, которые мы уже считали нашею собственностью.

VII.

По середамъ ребъ Меиръ давалъ аудіенцію своей женѣ, которая по середамъ только и видала его: въ прочіе дни онъ, по окончаніи занятій въ хедерѣ, отправлялся въ бетъ-мидрашъ, гдѣ онъ цѣлые часы просиживалъ надъ книгами и приходилъ домой далеко за полночь, когда жена уже спала, а вставалъ и уходилъ съ пѣтухами, когда жена тоже спала. Поэтому для того, чтобы потолковать о домашнихъ дѣлахъ, ей нужно было приходить въ хедеръ, что она обыкновенно и дѣлала по середамъ, когда суббота уже не за горами, а за плечами.

Докладъ обыкновенно начинался тѣмъ, что жена нѣкоторое время молчала, а мужъ слушалъ, а потомъ тоже нѣкоторое время мужъ молчалъ, а жена слушала. Наконецъ, когда такой способъ докладывать ей надоѣдалъ, она, зѣвнувъ на всю комнату, разражалась междометіемъ:

— Охъ, охъ, охъ!

Ребъ Меиръ навострялъ уши, собираясь терпѣливо выслушивать, что будетъ слѣдовать за многозначительнымъ междометіемъ.

— Всѣ дрова вышли, ни одной щепки не осталось,—докладывала жена.

Ребъ Меиръ быстро хватался тогда за свою табакерку, судорожно отворялъ ее, точно въ ней припасена была цѣлая сажень очень хорошихъ полѣнъ, которыя онъ сейчасъ выложитъ передъ своею женою.

Кагальные служители,—продолжала жена докладъ свой,—забрали за подати одну подушку и одинъ подсвѣчникъ и сказали, что съ будущей недѣли будутъ посылать къ намъ съ экзекуціей каждый день.

Ребъ Меиръ бралъ тогда понюшку.

— Коза наша заболѣла, — гласилъ далѣе докладъ, — боюсь, чтобъ она не околѣла. Что дѣлать?

Ребъ Меиръ пожималъ плечами, какъ будто говоря: я ветеринарному искусству не обученъ.

— Печь разваливается, совсѣмъ нельзя будетъ топить въ ней.

Ребъ Меиръ испускалъ глубокій вздохъ, какъ бы говоря: какъ жаль, что я не печникъ.

Опять наступало нѣкоторое время молчаніе съ одной стороны и слушаніе съ другой.

— Ну что,—прерывала потомъ жена обоюдное молчаніе,—ты на субботу что нибудь дашь?

Ребъ Меиръ, пошаривъ въ своемъ боковомъ карманѣ, вынималъ нѣсколько монетъ и отдавалъ ихъ женѣ.

— И это все?—спрашивала жена.

Ребъ Меиръ, вмѣсто отвѣта, давалъ намъ знакъ, чтобы мы взялись за книги.

Это означало, что онъ болѣе не намѣренъ говорить.

— Охъ, охъ, охъ! — восклицала жена, и этимъ кончалась аудіенція.

Четверги и пятницы бывали для насъ тяжелыми днями не только по обстоятельствамъ, уже выше изложеннымъ, но еще и потому, что въ эти дни къ меламеду не являлось никакихъ посѣтителей, такъ что мы принуждены были пользоваться чубуковою прерогативою всецѣло и безпрепятственно, что намъ не особенно нравилось. Мало того, мы въ эти дни бывали такъ раздражены, такъ кровожадны, что пользовались малѣйшимъ случаемъ, чтобы сорвать на комъ нибудь гнѣвъ нашъ. Этотъ кто-нибудь бывалъ обыкновенно ни кто иной, какъ нашъ же школьный сотоварищъ, котораго мы превращали въ козла отпущенія за всѣ грѣхи наши, вольные и невольные. Превращали же мы его въ козла отпущенія потому, что онъ имѣлъ глупость родиться *хассидомъ*, а мы были *миснагедами*. Само собою разумѣется, что мы тогда не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго понятія о разницѣ, существующей между миснагедами и хассидами; но то мы хорошо знали, что между послѣдователями этихъ двухъ толковъ *должна* существовать вражда и что преслѣдовать хассида есть дѣло богоугодное. И такъ какъ мы были сторона сильнѣйшая, поэтому намъ очень удобно было давать почувствовать нашему товарищу всю невыгодность положенія одинокаго хассида между многочисленными миснагедами, для которыхъ богоугодное дѣло не пустой звукъ. Беззащитность нашего товарища не только не смягчала нашего дикаго нрава, но, напротивъ, еще больше поощряла насъ похрабриться надъ нимъ. Мы его щипали, таскали за волосы, глумились надъ его вѣрованіями, осмѣивали главу его секты, предрекали ему нескончаемыя муки въ аду, загоняли его подъ столъ, подъ кровати, и выгребали его оттуда кочергой, словомъ—ничего не жалѣли для нашей богоугодной потѣхи. Онъ визжалъ, плакалъ, умолялъ о пощадѣ, но мы не унимались, а продолжали травлю.

Натѣшившись вдоволь, мы давали отдыхъ нашей жертвѣ, впредь до слѣдующаго въ насъ припадка дешевой храбрости. Во время этихъ перемирій, нашъ товарищъ долженъ былъ платить намъ контрибуціи въ видѣ моченныхъ яблокъ или сдобныхъ булокъ, которыя онъ обыкновенно приносилъ съ собою и которыми ему иногда удавалось умилостивлять насъ и тѣмъ избѣгнуть военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, въ мирный трактатъ нерѣдко вносилось нами въ условіе, чтобы онъ водилъ насъ къ себѣ домой и показывалъ намъ «города на стѣнѣ». Дѣло въ томъ, что родители нашего маленькаго хассида содержали *гандель*, т. е. ренсковый погребъ, куда очень часто и очень охотно заворачивали «профессора» гимназіи. Заворачивая въ погребъ, профессора имѣли обыкновеніе пить разныя вина, но не имѣли обыкновенія платить чистоганомъ. Вслѣдствіе этой привычки, они принуждены были оставлять содержателю ганделя, на память, разныя вещи, въ томъ числѣ и географическія карты. Эти то карты отецъ нашего товарища развѣсилъ по стѣнамъ бильярдной и умудрился отыскивать на нихъ всевозможные города, хотя онъ читать по христіански совсѣмъ не умѣлъ. Эту премудрость отецъ передалъ сыну, который такъ навострился въ искусствѣ «отыскивать города на стѣнѣ», что всегда выходилъ побѣдителемъ изъ испытаній по этому предмету.

— А, ну-ка, Берчикъ,—спрашивалъ отецъ, покажи-ка мнѣ, гдѣ Петербургъ, гдѣ Москва, гдѣ Аршава?

Берчикъ три раза дотрогивался пальцемъ до трехъ разныхъ мѣстъ на картѣ, и искомые города являлись, какъ бы по мановенію волшебника, по крайней мѣрѣ, отецъ говорилъ, что онъ ихъ видитъ, и мы ему вѣрили, хотя мы сами не видали никакихъ городовъ, а только какія-то черныя пятнышки.

— А гдѣ лейпцигская ярмарка?

— Берчикъ показывалъ и лейпцигскую ярмарку, т. е. опять черное пятнышко, въ которое мы вѣрили, что оно ярмарка и есть.

— А гдѣ живетъ твой дядя?

— Какой дядя, дядя Авраамъ или дядя Исаакъ?

— Дядя Исаакъ.

— Дядя Исаакъ вотъ гдѣ живетъ, отвѣчалъ Берчикъ, побѣдоносно указывая на большое черное пятно, надъ которымъ я, нѣсколько лѣтъ спустя, прочелъ слово: Лондонъ.

— А откуда къ намъ привозятъ чай, который ты пьешь?— спрашивалъ отецъ.

Сынъ отходилъ отъ карты, передъ которой онъ стоялъ, подходилъ къ другой картѣ и на этотъ разъ клалъ всю свою пятерню на какое-то мѣсто, которое было обведено красками, и мы тогда знали, что подъ пятерней нашего товарища и лежитъ то мѣсто, откуда привозятъ чай, который мы пьемъ, кто съ сдобной булкой и кто съ бубликомъ.

Все это насъ занимало, и мы тогда проникались невольнымъ

уваженіемъ къ нашему товарищу за его удивительное искусство; но это уваженіе, само собою разумѣется, нисколько не мѣшало намъ преслѣдовать его по прежнему, такъ-какъ нашъ товарищъ, при всемъ своемъ искусствѣ, былъ все-таки беззащитенъ, а преслѣдовать беззащитнаго такъ соблазнительно!...

VIII.

Тихо и смирно текли наши дни въ безъимянномъ переулкѣ, на берегу безъимяннаго озера и подъ сѣнью пятикопѣечныхъ чубуковъ нашего угрюмаго меламда, ребъ Меира Землеизраильскаго. Все въ нашей хедерной избѣ неукоснительно слѣдовало по разъ заведенному вышеописанному порядку. Казалось, этотъ порядокъ просуществуетъ до скончанія вѣковъ... Какъ вдругъ въ нашъ городъ пріѣхалъ докторъ Лиліенталь.

Первую вѣсть о пріѣздѣ нѣмецкаго доктора и его недобрыхъ намѣреніяхъ принесъ самъ меламедъ, возвратившійся изъ бетъ-мидраша, гдѣ онъ и подцѣпилъ ее и, не смотря на свою несообщительность, поспѣшилъ подѣлиться ею съ обитателями переулка. Потомъ вѣсть эта подтверждена была ребъ Янкелемъ-хлѣбопекомъ, носившимъ свои издѣлія въ городъ и приносившимъ оттуда, вмѣстѣ съ мѣдными пятаками, цѣлый коробъ новостей. И наконецъ, вѣсть эту дополнилъ разными подробностями ребъ Урэлотерейщикъ, исходившій каждый день своими лотереями весь городъ вдоль и поперегъ, всосавшій въ себя городскіе слухи и сплетни, какъ губка—воду, и служившій поэтому ходячею газетою для всѣхъ и каждаго.

Вѣсть эта, ошеломлявшая каждаго правовѣрнаго еврея, ее услыхавшаго, перевернула вверхъ ногами весь порядокъ, доселѣ господствовавшій въ нашемъ хедерѣ. Нашъ меламедъ,—о чудо!—началъ *говорить*, хозяинъ пересталъ пѣть, обойщикъ—колотить, супруги Кусіэли—сориться, Янкель-хлѣбопекъ—балагурить и проказничать, а мы—получать чубуковые удары,—такъ какъ всѣ были заняты толками и пересудами о богопротивномъ докторѣ и его ужасныхъ намѣреніяхъ.

— Ишь, что выдумали,—говорилъ тотъ или другой,—школы! Для евреевъ будутъ школы! Еврейскихъ дѣтей будутъ брать въ школы! Еще этого намъ не доставало? А то, что мы поставляемъ рекрутовъ въ каждомъ наборѣ, такъ этого и въ счетъ не берутъ?

— А какъ вы полагаете, ребъ Меиръ—спрашивалъ по нѣскольку разъ въ день хозяинъ,—моихъ сыновей тоже сдадутъ въ школы? Я, изволите видѣть, три года тому назадъ наемщика поставилъ за наше семейство, и квитанцію имѣю.

— Да поможетъ Богъ всѣмъ намъ,—отвѣчалъ нашъ меламедъ, не имѣвшій привычки предполагать.

— Не можетъ же быть,—настаивалъ хозяинъ,—чтобы нашъ нумеръ опять находился на очереди. Я буду жаловаться губернатору.

— Что будетъ со всѣми евреями, то будетъ и съ вами,—отвѣчалъ нашъ меламедъ, тяжко вздыхая.

— А знаете-ли, что будетъ, когда дѣти окончатъ школу?—спрашивалъ кто-то.

Всѣ навострили уши.

— Ихъ потомъ ушлютъ на кавказскую линію,—отвѣчалъ вопрошавшій.

— Господи, помилуй насъ!—восклицали всѣ, ломая руки.

— Идутъ, они уже идутъ,—говорилъ въ ближайшій понедѣльникъ ребъ Танхумъ, потряхивая своею жестяною кружкою.

— Кто идетъ? спросили его.

— Бне-Данъ. Бне-Моше,—отвѣчалъ онъ, многозначительно кивая головою. Они уже тронулись въ путь мечами, стрѣлами, копьями и другими бранными доспѣхами. Рѣка Самбатіонъ успокоилась и пропустила ихъ корабли. Шабашовать они будутъ у Темныхъ Горъ, а послѣ субботы начнутся войны Гога и Магога. Врагъ силенъ, но за насъ будутъ всѣ ангелы Саваоѳа. Солнце выйдетъ изъ своего чехла и всему міру будетъ жарко, только на Іосафатовой долинѣ будетъ прохладно, и Богъ возсядетъ на судейскій престолъ—судить всѣ народы. Не даромъ архангелъ Михайлъ трубилъ вчера всю ночь, я знаю, что это значитъ.—Сказалъ ребъ Танхумъ и обвелъ всѣхъ слушателей вдохновеннымъ, почти изступленнымъ взглядомъ, отъ котораго мы невольно затрепетали. Въ этотъ понедѣльникъ въ его кружку опустилось много, много полушекъ, даже хозяйская служанка, бѣдная, почти нищая, поспѣшила внести и свою лепту, а мы, хедерники, отдали ребъ Танхуму всѣ наши карманныя деньги, мысленно прося его похлопотать, чтобы войны Гога и Магога начинались чѣмъ скорѣе, если возможно—даже до наступленія ближайшаго четверга, дабы подъ шумокъ общей передряги избѣгнуть намъ нашей обычной хедерной расправы.

Цѣлую недѣлю хедеръ нашъ находился въ такомъ мессіанскомъ настроеніи, что меламедъ нашъ счелъ соотвѣтственнымъ объявить намъ, что онъ на дняхъ, не въ счетъ абонемента, прочтетъ намъ «Омаръ ребъ Іохананъ», т. е. талмудическія сказанія о послѣднихъ дняхъ втораго іерусалимскаго храма, пьесу, читаемую обыкновенно въ хедерахъ въ дни, предшествующіе 9-му Аба (іюля), дню іерусалимской катастрофы, а на дворѣ стоялъ тогда Тевесъ (декабрь).

Это объявленіе обрадовало не только насъ, имѣвшихъ въ перспективѣ интересную сверхъабонементную пьесу, вмѣсто безвкусной репетиціи, но и многихъ обитателей переулка, изъявившихъ желаніе тоже присутствовать при назидательномъ чтеніи.

Вожделѣнный четвергъ наступилъ. Дабы очистить мѣсто для публики, хозяинъ распорядился, чтобы изъ избы была вынесена вся лишняя мебель, что и было исполнено въ три мига. Даже военный постой ничего не имѣлъ противъ перенесенія импровизированнаго бивуака въ сосѣднюю избу.

— Мы вашему богомолію препятствовать не хотимъ,—говорили добрые солдатики, перетаскивая свои ранцы,—молитесь, молитесь. Богъ вѣдь одинъ, что у васъ, что у насъ.

Въ назначенный часъ наша изба наполнилась и переполнилась стариками, старухами и разнаго возраста и пола дѣтьми, такъ что даже въ сѣняхъ и близлежащемъ хлѣвѣ не хватило мѣста для всѣхъ желавшихъ послушать слово божіе. Лица всѣхъ присутствующихъ выражали нетерпѣливое любопытство и съ благодарностью и подобострастіемъ обращены были къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ нашъ меламедъ, который, уткнувъ свой носъ въ какую-то книгу, превражно молчалъ.

Наконецъ, послѣ получасоваго утомительнаго ожиданія, ребъ Меиръ надѣлъ свою мѣховую шапку и крякнулъ. Это означало, что онъ уже собирается читать, а потому въ избѣ и въ прилежащихъ къ ней сѣняхъ и хлѣвѣ водворилась торжественная тишина.

Ребъ Меиръ, окинувъ свою аудиторію мутнымъ и тоскливымъ взглядомъ, началъ читать, въ видѣ пролога, описаніе іерусалимскаго храма, великолѣпія двора царя Соломона, грандіознаго величія его престола изъ слоновой кости, и тому подобныхъ предметовъ. Слушатели покачивали головами и пожимали плечами, удивляясь несмѣтнымъ богатствамъ іудейскихъ царей и всего народа и вынося убѣжденіе, что другаго такого богатства на свѣтѣ никогда не было, не могло быть и ужъ, разумѣется, не будетъ. Нѣкоторые же многозначительно перемигивались между собою, какъ бы говоря: а что, братъ, мы вѣдь точно народъ избранный, потому богатство такое!

По окончаніи пролога, ребъ Меиръ, надвинувъ шапку на самый носъ, началъ громкимъ, но плаксивымъ голосомъ читать «Омаръ ребъ Іохананъ». Слушатели навострили уши и скорчили кислую мину, которую они считали соотвѣтственной настоящему случаю. По мѣрѣ того, какъ ребъ Меиръ подвигался въ чтеніи, мина эта стала принимать болѣе опредѣленныя формы физіономіи, собирающейся заплакать. Еще нѣсколько минутъ, и въ глазахъ болѣе чувствительныхъ женщинъ появились слезы и затѣмъ влага эта заблистала даже и въ глазахъ всегда твердыхъ мужчинъ. Полчаса спустя, вся изба уже плакала отъ мала до велика, сначала тихо, потомъ все громче и громче, такъ что, по истеченіи еще нѣсколькихъ минутъ, вся изба уже формально рыдала на чемъ свѣтъ стоитъ. Ребъ Меиръ все больше и больше возвышалъ свой голосъ, воспламенялся, уже не читалъ, а выкрикивалъ каждую фразу текста, сопѣлъ, потѣлъ; наконецъ голосъ его вдругъ оборвался, онъ сбросилъ съ себя шапку, усиливался перевести духъ и—лишился чувствъ.

Страшнѣйшій переполохъ. Неописанная кутерьма. Крикъ, шумъ, гамъ, руготня и даже драка. Военный постой, полагая, что обижаютъ «попа» (солдаты считали нашего меламда духовнымъ лицомъ), засучилъ рукава и началъ дѣйствовать кулаками направо

и налѣво, отчего суматоха еще больше увеличивалась. Въ предположеніи, что эта страшная суматоха и есть обѣщанныя ребъ Танхумомъ войны Гога и Магога, мы, хедерники, захвативъ наши шапки, ударились бѣжать домой — объявить нашимъ родителямъ о начавшихся важныхъ событіяхъ; но, къ нашему сожалѣнію, на половинѣ пути насъ догналъ меламедскій помощникъ, увѣдомляя, что ребъ Меира привели въ чувство, и что онъ ужъ задастъ намъ за нашу самовольную отлучку.

IX.

Не буду говорить о всѣхъ чудовищныхъ толкахъ и пересудахъ, ежедневно возникавшихъ въ нашемъ переулкѣ по поводу страшной вѣсти о школахъ. Умолчу также о ругательствахъ и проклятіяхъ, сыпавшихся на голову безбожнаго Лиліенталя, выдумавшаго эту богопротивную вещь. Скажу только, что, благодаря толкамъ и пересудамъ, школы сдѣлались для насъ пугаломъ, отъ котораго мы отплевывались, какъ только вспоминали о немъ. Впрочемъ, говоря строго, мы не столько пугались самыхъ школъ, сколько прямаго ихъ результата, т. е. кавказской линіи. Правда, мы не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этой линіи, и обитатели переулка тоже знали не больше нашего объ этомъ важномъ предметѣ; но мы, тѣмъ не менѣе, были твердо убѣждены, что вышеупомянутая линія—вещь совсѣмъ для насъ не подходящая, а потому попасть на нее намъ очень и очень не хотѣлось.

Дошло, наконецъ, до того, что школы и кавказская линія стали мнѣ мерещиться во снѣ и на яву. Въ каждомъ встрѣчавшемся мнѣ на улицѣ христіанинѣ я видѣлъ сбира, который вотъ сейчасъ сгребетъ меня въ свои лапы, понесетъ въ школу, а оттуда на линію. Я сталъ по возможности избѣгать улицы и перенесъ свои игры съ сосѣдней открытой площади въ нашъ дворъ, который я предварительно тщательно запиралъ. Но и здѣсь я не всегда чувствовалъ себя внѣ опасности. Чуть только на дворѣ покажется христіанинъ, даже просто мужикъ, привезшій дрова, я, съ ловкостью кошки, взбирался на крышу и прятался за дымовою трубою до тѣхъ поръ, пока *онъ* не уходилъ. Никто не понималъ цѣли моего лазанія по крышамъ, но я зналъ, что я дѣлаю. Дошло до того, что я все свободное отъ хедера время сталъ проводить на крышѣ, куда я перетащилъ всѣ свои игрушки. По субботамъ же, послѣ обѣда, когда родители, уходя спать, строго запрещали лазаніе на крыши, я забирался въ платяной шкапъ или въ подпечь и просиживалъ тамъ до сумерекъ, такъ какъ въ домѣ, гдѣ всѣ спятъ, я не чувствовалъ себя достаточно защищеннымъ отъ школы и линіи.

Подъ вліяніемъ этого паническаго страха, преслѣдовавшаго меня всюду, со мною случилось слѣдующее происшествіе, чуть не стоившее мнѣ жизни.

Надобно вамъ знать, что на обязанности меламедскаго помощника лежало, между прочимъ, сопровожденіе моей маленькой особы

въ хедеръ и изъ хедера. Это дѣлалось въ виду того, что, когда я отправлялся въ хедеръ безъ конвоя, я имѣлъ странную привычку попадать въ него не иначе, какъ исходивъ предварительно всѣ улицы города и обозрѣвъ всѣ ихъ достопримѣчательности, начиная съ ученаго попугая на балконѣ градоначальника и кончая великолѣпной вывѣской на балаганѣ кукольной комедiи, что на толкучемъ. Послѣдняя въ особенности обращала на себя мое вниманiе. Чего только на ней не было! Два верблюда, двѣ змѣи, одинъ тигръ, трехъаршинный турокъ, покуривающiй изъ трехъаршинной трубки, черный, какъ уголь, негръ въ бѣлой, какъ снѣгъ, сорочкѣ, огромная чертова голова, держащая въ своей ужасной пасти бѣднаго Петрушку, и т. д. Все это изображено было такъ натурально, такими яркими красками, что оторваться отъ *картины* не было для меня никакой возможности, и я простаивалъ передъ нею цѣлые часы, забывъ о хедерѣ, меламдѣ и даже о чубуковой прерогативѣ. И какъ было мнѣ думать о такихъ непрiятностяхъ, когда предо мною стоялъ величественный турокъ, который своимъ добродушнымъ лицомъ и выразительными глазами такъ и манилъ, такъ и манилъ меня къ себѣ. Иногда мнѣ казалось, что стоящiй предо мною турокъ, совсѣмъ не турокъ, а Елеазаръ, вѣрный рабъ патрiарха Авраама, везущiй на верблюдахъ невѣсту для Исаака. Отъ Исаака мысль моя перелетала къ Iакову, къ тому доброму старому времени, когда еврейскiе юноши не ходили въ хедеръ, не сидѣли за скучными книгами, не получали чубуковыхъ ударовъ, а пасли огромныя стада на необозримыхъ лугахъ, встрѣчались у колодцевъ съ красивыми пастушками, безпрепятственно цѣловали ихъ и даже женились на нихъ, на двухъ и даже четырехъ разомъ, рожали дѣтей дюжинами и тоже не посылали ихъ въ хедеръ, а отпускали въ поле, на вольную волю-волюшку. О, чего бы не далъ я, чтобы тоже жить въ такое счастливое, блаженное время! И я мысленно плакалъ, что я родился такъ поздно, въ такое время, когда у евреевъ нѣтъ ни полей, ни верблюдовъ, ни стадъ, ни шатровъ, ни свирѣлей, ни пастуховъ, ни пастушекъ, а есть лавочки, хедеры, трактаты Кдушинъ и Гитинъ, чубуки, четверги и пятницы, и еще будутъ школы и кавказскiя линiи. Понятно, что, выходя изъ дому часу въ девятомъ, я попадалъ въ хедеръ не раньше полудня, когда мои ноги, утомленныя отъ ходьбы и стоянiя, требовали отдыха. Ребъ Меиръ молотилъ, молотилъ мою бѣдную спину чубукомъ, а на завтра—та же самая исторiя. Чѣмъ больше я страдалъ изъ-за турка, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался.

Рѣшено было приставить ко мнѣ конвой въ лицѣ меламедскаго помощника. Это и положило конецъ моему хроническому фланерству по улицамъ и сладкимъ мечтамъ о верблюдахъ и ветхозавѣтныхъ пастушкахъ.

Случилось однажды, что, когда мнѣ нужно было отправиться изъ хедера домой, моего конвоя не оказалось на лицо. Ждать было неудобно, потому-что уже было довольно поздно, и обитатели хедера, поужинавъ чѣмъ Богъ послалъ, стали разоблачаться, собираясь на отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ. Мѣшать имъ въ этомъ добромъ дѣлѣ было мнѣ крайне непрiятно и даже совѣстно. Я забивался то въ одинъ уголъ, то въ другой, но какъ я ни стушевывался, я все таки оказывался лишнимъ, такъ какъ всѣ углы требовались для ночлега и во всей избѣ не оставалось ни одной пяди свободнаго пространства. Поэтому я наконецъ рѣшился пуститься въ походъ безъ конвоя, тѣмъ болѣе, что обитатели хедера единогласно поощряли и благословляли меня на этотъ подвигъ.

Я вышелъ изъ хедера и изъ переулка. Ночь была свѣтлая, лунная, морозная, снѣгъ весело хрустѣлъ подъ ногами. Я шелъ бодро и шибко, такъ какъ морозъ не давалъ мнѣ зазѣваться на предметы, лежавшiе по обѣимъ сторонамъ пути. Вдругъ я услышалъ за собою какiе-то тяжеловѣсные шаги. Оглядываюсь и вижу: идетъ какой-то человѣкъ очень высокаго роста, въ нагольномъ тулупѣ и высокой мѣховой шапкѣ, и идетъ этотъ человѣкъ по-моимъ стопамъ, какъ будто догоняя меня. Что этому высокому человѣку до меня?—блеснуло въ моей головѣ, и въ мигъ я нашелъ отвѣтъ, гласившiй, что этотъ высокiй человѣкъ улучилъ благопрiятную минуту, чтобы забрать меня въ *школу*. Этого было довольно, чтобы я обомлѣлъ отъ страху. Я прибавилъ шагу, и *онъ*, какъ мнѣ показалось, сдѣлалъ тоже самое. Ясно, что я въ своемъ предположенiи не ошибся. *Онъ* именно и есть тотъ ловчiй, котораго я всегда опасался. О, какъ я жалѣлъ, что пустился въ путь безъ конвоя! Сердце мое сильно билось, какъ у человѣка въ виду величайшей опасности. Я чувствовалъ, что я блѣднѣю. Еще одна минута—и я буду въ его лапахъ. О, Богъ Авраама, Исаака и Iакова, помоги мнѣ въ моей нуждѣ!

Я дошелъ до моста, но такъ какъ рѣка тогда стояла, поэтому, для сокращенiя пути, я завернулъ на рѣку и пустился бѣгомъ.

— Эй, мальчикъ, куда ты прешь?—закричалъ *онъ* мнѣ въ догонку.

Это еще больше убѣдило меня, что не имѣю терять ни одной минуты.

Собравшись съ послѣдними силами, я понесся, какъ вѣтеръ, и—влетѣлъ въ прорубь . . . .

. . . .

Что было дальше—не помню. Помню только, что, когда я очнулся отъ забытья, я лежалъ въ постели и потѣлъ. Домашнiе ходили на цыпочкахъ и шушукались. Что бы все это значило? Не умеръ-ли я, или не нахожусь ли я уже на кавказской линiи? Вругъ мнѣ показалось, что я слышу голосъ нашей служанки. Я ее окликнулъ. Она явилась и нагнулась ко мнѣ.

— Гдѣ я?—спросилъ я ее на ухо.

— Дома.

— А не на линiи?

Вмѣсто отвѣта, она пожала только плечами.

— А *онъ* уже ушелъ?—спросилъ я опять.
— Кто такой?
— Да *онъ*, развѣ не знаешь?
Тутъ приблизились мои родители и, нагнувшись ко мнѣ, спросили:
— Ты насъ узнаешь?
— Да.
— Кто мы?
— Извѣстно кто—папа и мама!
— Слава богу! воскликнули родители въ восторгѣ,—ты будешь здоровъ, — и еще больше закутавъ меня въ одѣяло, приказали, чтобы я потѣлъ.

Нѣсколько дней спустя, я узналъ, что меня въ какой то вечеръ принесли домой почти безъ признаковъ жизни, и что я пролежалъ безъ памяти три недѣли. Во время горячки я бредилъ школами, линіями, докторомъ Лиліенталемъ и высокимъ человѣкомъ въ тулупѣ. Этому человѣку, какъ говорили родители, я собственно и обязанъ былъ своею жизнью, потому что онъ вытащилъ меня изъ проруби и сдалъ на руки какимъ то евреямъ. Но какимъ образомъ я очутился въ проруби, родители не знали. Они только догадывались, что вѣроятно я, изъ шалости, катался на льду и вкатился въ прорубь. Но я счелъ своимъ долгомъ вывести ихъ изъ заблужденія, а потому я разсказалъ имъ, въ чемъ было дѣло. Тогда только они узнали, до какой степени я напуганъ школами. Если бы исполнилась хоть сотая доля проклятій, которыми мои родители поминали тогда имя доктора Лиліенталя, то послѣднему далеко не удалось бы переплыть океанъ и сдѣлаться раввиномъ въ Цинцинати.

Кто бы могъ ожидать, что я, спасавшійся отъ школъ чуть не въ объятія смерти, нѣсколько лѣтъ спустя, буду плакать и рвать на себѣ волосы, что родители не пускаютъ меня въ *школу*, желая сдѣлать изъ меня ученаго талмудиста? А вѣдь дѣло такъ и было.

Вильно. *Л. Леванда.*

ПЛАНЪ РЕФОРМЫ ПОЛЬСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Когда во второй половинѣ XVIII столѣтія Польша видимо быстрыми шагами стала идти по пути къ упадку, въ ней нашлась небольшая кучка людей, обладавшихъ широкимъ взглядомъ на вещи и отрѣшившихся отъ вѣковыхъ предразсудковъ, въ какіе была погружена масса польскаго общества. Люди эти ясно видѣли, что упадокъ ихъ отечества зависитъ не отъ внѣшнихъ случайныхъ причинъ, а главное зло находится внутри, въ государственномъ и общественномъ строѣ самой Польши. Сознавъ это, они для спасенія отечества должны были обратиться къ вопросу о реформахъ. Какъ ни малочисленна была группа людей, обладавшихъ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, какъ ни многочисленны были затрудненія, съ которыми предстояло выдержать борьбу, польскіе передовые люди XVIII столѣтія не унывали и начали работать надъ преобразованіемъ отечества, но уже было поздно: организмъ его былъ уже черезъ-чуръ дряхлъ и безсиленъ для того, чтобы обновиться посредствомъ новыхъ началъ; начала эти, безъ сомнѣнія, оказали-бы до нѣкоторой степени свое дѣйствіе, но для этого нужно было время, а дни жизни Польши уже были сочтены, реформы запоздали. Конституція третьяго мая, циркуляры и распоряженія эдукаціонной коммиссіи и другія тому подобныя мѣры не имѣли того значенія, на какое разсчитывали ихъ составители. Съ перваго дня своего существованія, они обречены были на бездѣйствіе и, не принесши почти никакой пользы, возбудивши только цѣлый рядъ новыхъ замѣшательствъ, они, спустя нѣсколько времени, сданы были въ архивъ и навсегда. Польша окончательно распалась, она нѣкоторое время сохраняла призракъ своего прежняго порядка, но порядокъ этотъ долженъ былъ все болѣе уступать подъ давленіемъ постороннихъ силъ; польскія земли, не безъ сопротивленія, хотя и неуспѣшнаго, реформировались на основаніяхъ, выработанныхъ въ тѣхъ государствахъ, въ составъ которыхъ онѣ вошли. Эти реформы, исходящія изъ чуждаго Польшѣ

источника, въ большей части случаевъ успѣли уже совершенно уничтожить остатки политическихъ и общественныхъ чертъ бывшей Рѣчи Посполитой, создать на земляхъ ея новыя потребности, новыя стремленія, разобщить польское настоящее съ польскимъ прошедшимъ, нарушить послѣдовательный ходъ развитія польскаго народа.

Вопросы, которыми занимались члены сейма третьяго мая или члены эдукаціонной коммиссіи, разрѣшены уже такъ или иначе правительствами, раздѣлившими Польшу; они разрѣшены на другихъ началахъ, по другой системѣ, въ иныхъ случаяхъ несравненно лучше и несравненно прогрессивнѣе, чѣмъ какъ они были-бы разрѣшены тогда, если-бы жизнь польскаго государства, обновленная реформами, не потерпѣла крушенія, а шла при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ по дорогѣ собственнаго развитія. Теперь уже только историкъ и археологъ перечитываютъ планы и предположенія, начертанные польскими либералами временъ упадка на счетъ общественнаго воспитанія, свободы вѣроисповѣданій, распредѣленія налоговъ, организаціи военной силы; при новыхъ условіяхъ—эти планы и предположенія не могутъ имѣть никакого практическаго значенія. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, не смотря на 80 лѣтъ, протекшихъ отъ послѣдняго раздѣла Польши, условія остались почти тѣ же, или потерпѣли болѣе или менѣе незначительныя измѣненія, въ тѣхъ случаяхъ, повторяемъ, планы и предположенія, о которыхъ мы упомянули выше, имѣютъ гораздо болѣе интереса, такъ какъ они могутъ подчасъ дать рядъ практическихъ указаній, натолкнуть на мысли, принятіе которыхъ къ свѣдѣнію не излишне и въ настоящее время.

Къ числу вопросовъ, планы и предположенія по поводу которыхъ желательно вывести изъ забвенія, принадлежитъ еврейскій вопросъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи есть ничто иное, какъ наслѣдіе, полученное нашимъ отечествомъ отъ Польши. Евреи, скученные въ Привислянскомъ, Западномъ и Юго-западномъ краяхъ, утвердились тамъ во время самостоятельнаго существованія Польши; ихъ характеръ, привычки, положеніе, даже нѣкоторыя существующія донынѣ правовыя отношенія, сложились гораздо раньше, чѣмъ земли эти вошли въ составъ Россійской имперіи. Если всѣ, и юдофилы, и юдофобы, и люди безпристрастные, находятъ, что еврейство наше находится въ ненормальныхъ условіяхъ, требующихъ измѣненія, если они (разумѣется, каждый по своему) предлагаютъ мѣры для выхода изъ теперешняго положенія, не соотвѣтствующаго духу времени и выгодамъ государства и народа, то небезъинтересно будетъ узнать, что эта ненормальность, это несоотвѣтствіе условіямъ замѣчено было уже около ста лѣтъ тому назадъ, и что уже тогда передовые люди Польши начертили проэктъ реформы на широкихъ началахъ, реформы, заключающейся не въ рядѣ репрессивныхъ мѣропріятій, а въ коренныхъ измѣненіяхъ.

Евреи въ Польшѣ начали селиться очень давно. Если въ началѣ XII столѣтія они были уже въ Кіевѣ, то, по всей вѣроятности, проникнуть туда они не могли другимъ путемъ, какъ черезъ Польшу. Мы имѣемъ весьма опредѣленныя указанія на счетъ того, что въ началѣ XIII столѣтія евреи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши имѣли поземельную собственность, но по всей вѣроятности число евреевъ тогда было весьма ограничено, чѣмъ объясняется отчасти и то, что мы не встрѣчаемъ никакихъ ограниченій и постановленій касательно тогдашнихъ евреевъ. Но уже къ концу XIII столѣтія начинается болѣе значительный приливъ въ Польшу еврейскаго элемента, принужденнаго цѣлыми массами покидать Богемію и Германію. Польскіе короли, принимая евреевъ, дѣлаютъ это какъ въ виду развитія промышленности и торговли въ своемъ государствѣ, такъ и въ виду того, что сами извлекали денежную пользу изъ гонимыхъ, искавшихъ убѣжища подъ ихъ скипетромъ, готовыхъ платить деньги за свою безопасность. Пуская евреевъ въ Польшу, короли возбуждали неудовольствіе въ духовенствѣ и въ массахъ, находившихся подъ его вліяніемъ. Слѣдствіемъ этого должно было быть то, что о равноправности евреевъ съ остальнымъ населеніемъ не могло быть и рѣчи. Если Польша была для евреевъ страною гостепріимною, то гостепріимство это должно быть понимаемо далеко не въ обширномъ смыслѣ. Встрѣтивъ нерасположеніе въ массахъ, евреи явились отверженными, только терпимыми. Благосклонные къ нимъ короли, подвергавшіеся за такую политику упрекамъ со стороны образованнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ, могли думать только объ огражденіи безопасности евреевъ, а не о томъ, чтобы дать имъ право гражданства. При такихъ условіяхъ, разумѣется, черты быта и характера евреевъ, выработанныя подъ вліяніемъ гоненій въ западной Европѣ, сохранились и въ Польшѣ, большинство населенія которой было враждебно евреямъ и сдерживалось только силою верховной власти. Тѣсно замкнутая еврейская община, солидарность ея членовъ, — однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, порядокъ, вызванный предъидущими судьбами еврейскаго народа, сохранился и тогда, когда этотъ народъ, пользуясь расположеніемъ Болеслава Великопольскаго, короля Каземіра В. и великаго князя литовскаго Витовта, цѣлыми толпами хлынулъ въ польско-литовскія владѣнія. Верховная власть видѣла въ замкнутости еврейской общины одно изъ средствъ, облегчающихъ защиту евреевъ, а потому не старалась уничтожить ея; для враговъ еврейства эта замкнутость была тоже пріятна, такъ какъ они видѣли въ ней униженіе и отверженіе еврейства и радовались каждый разъ, когда узнавали о появленіи закона объ особенной отличительной одеждѣ для евреевъ и о другихъ мѣрахъ, еще болѣе ведущихъ къ замкнутости. Евреи принесли съ собою въ Польшу ненависть и недовѣріе къ остальному населенію, а послѣднее своимъ поведеніемъ вовсе не способствовало уничтоженію этой ненависти и недовѣрія; евреи нашли въ

Польшѣ относительную безопасность, но все же положеніе ихъ было весьма шатко, злоупотребленія встрѣчались на каждомъ шагу, деньги оставались единственнымъ средствомъ снискать расположеніе и короля, и магната, и епископа, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависѣла участь евреевъ. При солидарности членовъ своей общины, при отсутствіи средняго сословія въ Польшѣ, при своей вкрадчивости и низкопоклонничествѣ, евреи успѣли захватить въ свои руки всю польскую торговлю, взять въ аренду всѣ корчмы, очень много имѣній, сдѣлаться посредниками во всѣхъ сдѣлкахъ, не смотря на разныя обиды и насилія, которымъ они подвергались разъ въ одномъ мѣстѣ, другой разъ въ другомъ. Въ 1539 году въ Краковѣ издана была брошюра, направленная противъ тогдашнихъ юдофобовъ; изъ нея мы узнаемъ, что въ тогдашней Польшѣ христіанъ ремесленниковъ почти не было, а купцовъ было не болѣе 500; число же еврейскихъ купцовъ достигало до 3,200, а ремесленниковъ до 10,000 человѣкъ. У польскихъ писателей XVI и XVII вѣка встрѣчаемъ постоянные нападки на евреевъ, указывающіе на различныя злоупотребленія, которыя пускались въ ходъ евреями относительно христіанъ. Просвѣщенные люди въ Польшѣ нерѣдко еще въ XVII столѣтіи старались открыть глаза своихъ соотечественниковъ на тѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть арендованіе евреями имѣній, мельницъ, шинковъ, даже церквей въ Украинѣ; либералы XVIII вѣка говорили, что, кромѣ помѣщика, два несчастія удручаютъ польскихъ хлоповъ—жидъ въ корчмѣ и ксендзъ въ костелѣ. Что злоупотребленій со стороны евреевъ было многое-множество, съ этимъ согласится всякій безпристрастный изслѣдователь; но на обязанности послѣдняго лежитъ также не забывать и о другой сторонѣ медали, о давленіи, испытываемомъ евреями, о произволѣ, который они должны были переносить. Всѣ почти денежные сборы съ евреевъ взимались въ бо̀льшихъ размѣрахъ; панъ, на земляхъ котораго жили евреи, былъ почти безотчетнымъ повелителемъ ихъ, а при сильномъ развитіи самоуправства со стороны польскихъ магнатовъ, нерѣдко даже жизнь или смерть еврея зависѣла отъ расположенія духа подкутившаго вельможи. Народъ ненавидѣлъ евреевъ не только за эксплуатаціи съ ихъ стороны, но и изъ національныхъ и религіозныхъ предразсудковъ; городское сословіе видѣло въ нихъ опасныхъ конкуррентовъ. Такимъ образомъ между евреями и не-евреями въ Польшѣ должна была непремѣнно идти борьба, борьба упорная, хотя и не громкая, борьба за существованіе. Не-еврейскій элементъ былъ, конечно, господствующимъ, а потому и болѣе сильнымъ; тамъ-же, гдѣ борются силы очень неровныя, трудно требовать отъ слабѣйшаго соблюденія извѣстныхъ нравственныхъ началъ, тѣмъ болѣе, что и сильнѣйшій въ большей части случаевъ позволяетъ себѣ уклоняться съ законнаго пути. Къ этому нужно прибавить, что евреи, являясь въ Польшу, принесли съ собою характеръ, выработанный прежде подъ вліяніемъ гоненій, что они составляли,

вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ условій, строго замкнутую общину, касту, что, наконецъ, число ихъ въ польскихъ земляхъ въ 1773 году, т. е. послѣ перваго раздѣла, доходило до 900,000, а результатомъ многочисленности являлась бѣдность, способствующая тоже развитію неразборчивости въ средствахъ.

Скоро послѣ вступленія своего на престолъ король Станиславъ Августъ Понятовскій обратилъ вниманіе на положеніе евреевъ, и результатомъ этого были нѣкоторыя частныя мѣры, направленныя отчасти для огражденія евреевъ отъ злоупотребленій христіанъ, отчасти для огражденія христіанъ отъ злоупотребленій евреевъ. Мѣры эти однако серьезной пользы не принесли; неудачною также оказалась попытка обратить евреевъ къ земледѣлію. Когда въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Польшѣ стало все болѣе и болѣе проявляться сознаніе необходимости преобразованій, то и на еврейскій вопросъ обращено было вниманіе: такъ называемая скарбовая (казенная) коммиссія, вѣдѣнію которой на будущее время должны были подлежать евреи, получила приказаніе составить планъ реформъ относительно ихъ. Планъ этотъ, принятію котораго помѣшали послѣдующія событія, мы находимъ цѣликомъ въ сочиненіяхъ извѣстнаго польскаго публициста, ученаго и общественнаго дѣятеля Ѳаддея Чацкаго *).

Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своей задачи, коммиссія сочла за необходимое собрать по возможности полныя свѣдѣнія о евреяхъ, въ предѣлахъ Польши. Не смотря на то, что статистическія цифры въ то время не могли отличаться особенною полнотою, собираніе свѣдѣній дало во всякомъ случаѣ результатъ, который могъ послужить базисомъ для составленія плана реформъ. Евреи въ Польшѣ были повсюду, а слѣдовательно вопросъ о разселеніи ихъ, важный для насъ русскихъ, не могъ существовать для коммиссіи. Отчетъ о состояніи евреевъ, представленный коммисіи, гласитъ, что всѣхъ послѣдователей Моисеева закона, какъ упомянуто выше, около 900,000 душъ. Изъ этого числа $^1/_{60}$ были нищіе, живущіе подаяніемъ, $^1/_{12}$ людей безъ опредѣленныхъ занятій. Все остальное населеніе евреевъ состояло изъ торговцевъ, ремесленниковъ и арендаторовъ, за исключеніемъ 14 семействъ, занимавшихся земледѣліемъ.

Бѣдность большинства евреевъ, неряшество, свойственное этому племени, и религіозные предразсудки относительно пищи были, по мнѣнію коммиссіи, причиною того, что, гигеническія условія жизни евреевъ были крайне неблагопріятныя, что въ физическомъ отношеніи евреи гораздо слабѣе не-евреевъ, что смертность между ними несравненно больше(?), особенно въ средѣ дѣтей, которыхъ умираетъ у евреевъ на 40% больше, чѣмъ у христіанъ. Смертности способствовало также довѣріе евреевъ къ самозваннымъ лекарямъ изъ ихъ же среды, которые были въ каждомъ городѣ,

*) Czacki. O Zydach. (Dziela Tadeusza Czackiego. Poznan. 1845. Tom III).

полное отсутствіе толковыхъ повивальныхъ бабокъ между еврейками, а это весьма важно въ виду недовѣрія евреекъ къ бабкамъ-христіанкамъ. Однако, изъ важнѣйшихъ причинъ физической слабости еврейскаго племени, докладъ считаетъ преждевременные браки, а также убійственные, по своему воздуху, школы, куда набираются громадными массами дѣти въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Переходя далѣе къ нравственному состоянію польскихъ евреевъ, докладъ находитъ его очень неутѣшительнымъ. Надъ всѣми евреями тяготѣетъ безусловный авторитетъ раввиновъ, поддерживающихъ невѣжество, такъ какъ только при такомъ условіи власть ихъ, т. е. раввиновъ, можетъ быть прочною. Эта власть поражаетъ отлученіемъ каждаго еврея, который, подъ вліяніемъ какихъ-бы то ни было обстоятельствъ, перестаетъ исполнять суевѣрные обряды и стремится выбиться на просторъ изъ тѣснаго, замкнутаго круга. Вліяніе раввиновъ въ семейныхъ дѣлахъ также крайне пагубно, а существованіе обычаевъ женить сыновей и выдавать за нихъ дочерей исключительно по волѣ и разсчетамъ родителей ведетъ къ нарушенію святости брачнаго института, къ частымъ разводамъ, къ развитію проституціи, похищающей ежегодно все болѣе и болѣе жертвъ изъ среды еврейскихъ(?)женщинъ. Статистическихъ данныхъ о количествѣ преступленій въ средѣ евреевъ мы не встрѣчаемъ въ докладѣ, но находимъ пунктъ, гласящій самымъ положительнымъ образомъ, что случаевъ грабежа и особенно подлога больше приходится на долю евреевъ, чѣмъ на долю христіанъ, хотя случаевъ воровства—меньше. Наконецъ, фанатизмъ и вражда къ окружающему населенію есть результатъ вліянія раввиновъ и невѣжественныхъ учителей, а въ тоже время результатъ презрѣнія и обидъ, встрѣчаемыхъ евреями со стороны не-евреевъ. Относительно матеріальнаго благосостоянія докладъ замѣчаетъ, что оно не можетъ быть названо удовлетворительнымъ вообще, не смотря на то, что есть много отдѣльныхъ личностей между евреями, обладающихъ весьма значительными капиталами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено, что число банкротствъ между евреями гораздо больше и что только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ еврейскія торговыя фирмы могутъ просуществовать нѣсколько поколѣній. Самое быстрое обогащеніе приходится на долю тѣхъ евреевъ, которые держатъ въ аренды шинки, особенно въ селахъ, и входятъ въ разныя сдѣлки съ крестьянами. Злоупотребленія ихъ, обусловливающіяся главнымъ образомъ невѣжествомъ народа, въ громадномъ большинствѣ случаевъ остаются безнаказанными, такъ какъ, благодаря ловкости и увертливости евреевъ, благодаря ихъ взаимной солидарности, преслѣдованіе ихъ судомъ дѣлается очень затруднительнымъ.

Указывая на темныя стороны польскаго еврейства, докладъ высказывается въ томъ смыслѣ, что никакія полумѣры не принесутъ пользы, а что доставленіе гражданскихъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ и принятіе энергическихъ мѣръ противъ невѣжества

освободятъ край отъ вреднаго вліянія еврейства и послѣднему дадутъ лучшее положеніе. Эти основанія были приняты Казенною коммиссіей, которая и начертила сообразно съ ними свой планъ.

«Планъ» раздѣляется на восемь главъ, изъ коихъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ нѣсколько параграфовъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить нѣкоторыя частности на счетъ долговыхъ взысканій. Частности эти не имѣютъ особеннаго интереса, а потому ограничимся лишь разсмотрѣніемъ первыхъ семи главъ.

Первая глава говоритъ объ общихъ правахъ для евреевъ. Евреи признаются людьми полноправными съ остальнымъ населеніемъ государства. Конечно, шляхетская до мозга костей Польша закрыла для евреевъ возможность получить дворянство, но съ другой стороны «Планъ» запрещаетъ евреямъ поступать хотя-бы добровольно, въ крѣпостное состояніе. Евреи на общихъ основаніяхъ могутъ покупать имѣнія, брать въ аренду заводы, мельницы и т. д. Исключеніе сдѣлано лишь на счетъ содержанія питейныхъ домовъ, запрещеннаго для евреевъ на пятьдесятъ лѣтъ. Коммиссія выходила въ этомъ случаѣ изъ той точки зрѣнія, что равноправность черезъ полъстолѣтіе воспитаетъ новое поколѣніе, воспринявшее другія начала и поставленное въ другія условія, а тогда и распространеніе ея на этотъ частный вопросъ не будетъ имѣть ничего опаснаго, между тѣмъ какъ теперь жалобы на раззореніе крестьянъ евреями-шинкарями слышались повсемѣстно. Открывая доступъ евреямъ ко всѣмъ другимъ родамъ дѣятельности, давая имъ право быть выбираемыми въ общественныя должности, коммиссія сочла себя вправѣ допустить временное ограниченіе въ такомъ вопросѣ, который вызывалъ много жалобъ и, пожалуй, служилъ помѣхою для того, чтобы сглаживать по мѣрѣ возможности взаимное недовѣріе и ненависть между евреями и неевреями. Что касается до религіозной стороны, то терпимость провозглашалась полная: постановлялось даже, что въ христіанство переходить не могутъ евреи моложе 20 лѣтъ и еврейки моложе 18, и при томъ заявленіе о желаніи перейти въ христіанство должно быть сдѣлано за годъ до принятія крещенія.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ постановленія касательно метрическихъ книгъ, браковъ и разводовъ. Оставляя веденіе метрическихъ книгъ раввинамъ, «Планъ» ставитъ ихъ въ то же время подъ ближайшее наблюденіе полицейской власти, что имѣло большое значеніе, такъ какъ оно давало возможность получать точныя свѣдѣнія о движеніи еврейскаго населенія и въ то же время препятствовало укрывательствамъ, уклоненію отъ платежей и повинностей, а на это постоянно слышались жалобы. Съ другой стороны, такъ какъ въ Польшѣ имѣли тогда въ виду въ будущемъ установить нѣчто въ родѣ всеобщей военной повинности, то эта мѣра пріобрѣтала еще большее значеніе. Отличаясь полною терпимостью, коммиссія не могла однако не попытаться уничтожить, хотя бы репрессивными мѣрами, такіе обычаи польскаго еврей-

ства, которые приходили въ явное противорѣчіе съ мыслью объ улучшеніи нравственнаго и матеріальнаго ихъ состоянія. Поэтому браки до двадцатилѣтняго возраста для мужчинъ и восемьнадцатилѣтняго для женщинъ воспрещались. Кромѣ того, для противудѣйствія возростанію бѣдности въ средѣ евреевъ, предположено было допускать бракъ только въ такомъ случаѣ, если брачущіеся докажутъ, что имѣютъ средства или занимаются трудомъ, дающимъ нѣкоторое обезпеченіе. Власть родителей стѣснялась въ томъ отношеніи, что браки могли быть заключаемы только тогда, если женихъ и невѣста знакомы другъ съ другомъ впродолженіе, по крайней мѣрѣ, шести недѣль. Что-же касается разводовъ, которыми, какъ гласитъ докладъ, злоупотребляли раввины въ сильной степени, то коммиссія обѣщаетъ впослѣдствіи издать окончательное постановленіе, а пока требуетъ лишь того, чтобы, вопервыхъ, о каждомъ случаѣ развода, съ обозначеніемъ причинъ его, доводилось до свѣдѣнія полиціи, во-вторыхъ, чтобы разведенные супруги не вступали въ новый бракъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ развода.

Третья глава говоритъ о равноправности евреевъ купцовъ и ремесленниковъ съ не-евреями, а также содержитъ въ себѣ постановленія касательно евреевъ-земледѣльцевъ. Коммиссія вполнѣ сознавала пользу, которая вытекала бы, какъ для государства, такъ и для самихъ евреевъ, отъ обращенія значительной части ихъ къ земледѣлію, а потому предлагала много льготъ евреямъ-земледѣльцамъ и готова была всякаго рода поощреніями способствовать обращенію евреевъ къ земледѣльческому труду. Наравнѣ съ другими гражданами, евреи получали право—покупать и арендовать имѣнія, но какъ то, такъ и другое было доступно лишь евреямъ состоятельнымъ, а потому для массы еврейства имѣло мало значенія. Чтобы привлечь бѣдныхъ евреевъ къ земледѣлію, коммиссія объявляла евреевъ-земледѣльцевъ свободными на 10 лѣтъ отъ податей. Въ нѣкоторыхъ казенныхъ земляхъ должны были быть выдѣлены участки, равные крестьянскимъ, для евреевъ; въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ казнѣ принадлежало много пусторожнихъ земель, предполагалось завести исключительно еврейскія земледѣльческія поселенія, построить на казенный счетъ дома, дать деньги на обзаведеніе рабочимъ скотомъ. Уѣзднымъ властямъ поручалось входить въ соглашеніе съ помѣщиками на счетъ того, чтобы послѣдніе на возможно мягкихъ условіяхъ отдавали евреямъ въ аренду мелкіе участки земли. Помѣщикъ, на землѣ котораго впродолженіе десяти лѣтъ будетъ жить двадцать еврейскихъ земледѣльческихъ семействъ, получитъ въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ сумму, равную той, которую въ это время, въ качествѣ податей, должны внести эти двадцать семействъ въ казну. Вообще на награды для поощренія земледѣльческаго труда между евреями «Планъ» очень щедръ: онъ обѣщаетъ ежегодныя награды какъ отдѣльнымъ земледѣльцамъ, такъ и цѣлымъ еврейскимъ обществамъ, обнаружившимъ тщательность и умѣніе въ обработкѣ поля!

Четвертая глава посвящена вопросу о просвѣщеніи евреевъ. Открывая совершенно свободный доступъ евреямъ во всѣ учебныя заведенія, «Планъ» хочетъ ввести обязательное обученіе въ средѣ евреевъ. Въ первой же статьѣ этой главы онъ заявляетъ, что благодѣтельнаго вліянія реформъ можно ожидать только тогда, когда въ массы еврейства проникнетъ просвѣщеніе, а потому, въ виду этого, нужно пустить средства энергическія, ускоряющія. Если еврейская община не пожелаетъ посылать дѣтей въ обыкновенныя начальныя училища, устроенныя эдукаціонной коммиссіей, то она имѣетъ право открывать свои школы, но не иначе, какъ на общихъ съ казенными основаніяхъ. Учителя такихъ школъ должны кончить прежде курсъ въ учительской семинаріи, обученіе должно вестись на польскомъ языкѣ, древне-еврейскій же языкъ, какъ языкъ священный, можетъ быть преподаваемъ. Государство учредитъ особыя семинаріи для приготовленія учительницъ и учителей изъ евреевъ; оно будетъ имѣть особаго инспектора-еврея для надзора за такими школами; оно беретъ на себя открытіе въ городахъ ремесленныхъ школъ для евреевъ. Послѣ того, какъ уставъ этотъ будетъ признанъ имѣющимъ силу, непосѣщавшіе начальной школы евреи, или невыдержавшіе соотвѣтствующаго испытанія, лишаются права избирать и быть избранными въ общественныя должности, готовиться къ званію раввина, покупать недвижимую собственность, пользоваться вспомоществованіями и наградами отъ правительства, а также будутъ платить двойную подать. «Планъ» говоритъ также, что эдукаціонная коммиссія возьметъ на себя составленіе для начальныхъ еврейскихъ училищъ книгъ, которыя будутъ приведены въ строгое согласіе съ религіознымъ ученіемъ евреевъ.

Въ пятой главѣ заключаются постановленія касательно еврейскихъ выборныхъ старшинъ и раввиновъ. Собираніемъ и раскладкою податей и повинностей занимаются выборные отъ евреевъ, но съ теченіемъ времени этотъ порядокъ долженъ прекратиться, и еврейскія общины, наравнѣ съ христіанскими, будутъ подлежать вѣдѣнію однихъ и тѣхъ же чиновниковъ. Раввинъ избирается общиною на три года изъ лицъ, удовлетворившихъ требованіямъ государства, указаннымъ въ предъидущей главѣ. Въ матеріальномъ отношеніи раввинъ независимъ отъ общины, такъ какъ количество постояннаго вознагражденія опредѣляется государственными властями. Кромѣ исполненія религіозныхъ обязанностей, раввину предоставляется надзоръ за семейною жизнью въ общинѣ; ему же вмѣняется въ обязанность стараться о томъ, чтобы разводы случались по возможности рѣдко. Раввины избираютъ членовъ еврейскаго совѣта, предсѣдатель котораго носитъ титулъ земскаго раввина. Обязанностью совѣта является слѣдить за ходомъ религіозныхъ дѣлъ въ цѣломъ государствѣ. Еврейскій совѣтъ есть высшая инстанція въ религіозныхъ дѣлахъ, онъ завѣдуетъ духовною

цензурою. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло выходитъ изъ чисто религіозныхъ предѣловъ, совѣтъ не можетъ дѣйствовать безъ участія свѣтской власти. Денежныхъ взысканій за проступки онъ назначать не вправѣ ни въ какомъ случаѣ; объявлять кого либо отлученнымъ онъ можетъ лишь по соглашенію съ полицейской властью и эдукаціонной коммиссіей. Даже въ чисто - религіозныхъ дѣлахъ власть его ограничена: евреи, образующіе отдѣльныя секты, могутъ имѣть свои храмы, своихъ старшинъ; требуется только, чтобы сектанты проповѣдывали ученіе не безнравственное и не противорѣчащее общимъ государственнымъ постановленіямъ. Награды обѣщаны тѣмъ раввинамъ и еврейскимъ старшинамъ, которые, при отправленіи своихъ обязанностей, будутъ согласоваться съ духомъ государственныхъ постановленій и способствовать распространенію просвѣщенія между своими соотечественниками.

Не желая сразу подвергнуть евреевъ дѣйствію новыхъ порядковъ во всѣхъ отношеніяхъ, коммиссія, въ шестой главѣ своего «Плана», разсматриваетъ цѣлый рядъ случаевъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ общины, а также старается регулировать нѣкоторые порядки касательно третейскаго суда и завѣщаній. Въ седьмой главѣ она ставитъ обязательнымъ для евреевъ оставленіе въ трехлѣтній срокъ всякихъ особенностей въ одеждѣ, а также объявляетъ, что всѣ векселя, договоры и контракты, написанные польскими евреями не попольски, могутъ быть, по усмотрѣнію власти, признаны за недѣйствительные.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ реформъ въ положеніи польскихъ евреевъ. Событія, послѣдовавшія вскорѣ послѣ его составленія, помѣшали его осуществленію. Можно даже сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ долго продержался въ Польшѣ и оказалъ надлежащее дѣйствіе; но ему нельзя отказать въ смѣлости, практичности и ширинѣ взгляда на вещи. Составители его не отступили предъ тѣмъ, что быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое сопровождается обыкновенно частными неудобствами, вызывающими даже жалобы; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было возможно, они установили переходныя ступени, но въ главныхъ пунктахъ избавили обѣ стороны отъ неокончательнаго положенія. Они избѣжали излищней регламентаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и односторонности; не хотѣли совсѣмъ ломать еврейской общины и членовъ ея подвергать излишней полицейской опекѣ, но они прямо и опредѣленно поставили рядъ параграфовъ въ виду такихъ случаевъ, когда общинное самоуправленіе можетъ угрожать тираніей большинства или противурѣчіемъ видамъ и интересамъ государства. «Планъ» не носитъ на себѣ доктринерскаго характера, не исходитъ исключительно изъ одной какой нибудь отвлеченной идеи, которую во что бы то ни стало стараются примѣнить къ жизни во всѣхъ ея частностяхъ; напротивъ, «Планъ» исходитъ цѣликомъ изъ дѣйствительности, къ которой составители умѣли отнестись безъ предвзятой мысли. Въ

своихъ положеніяхъ и выводахъ они старались всегда опереться на глубокія, настоящія причины, они сознавали какъ несправедливости государства по отношенію къ евреямъ, такъ и недостатки самихъ евреевъ; они не хотѣли ни прикрывать этихъ недостатковъ, ни вмѣнять ихъ безусловно самимъ евреямъ въ вину; они посмотрѣли на нихъ, какъ на продуктъ, сложившійся подъ вліяніемъ историческихъ причинъ, и потому предлагали главнымъ образомъ радикальное лекарство, а не полумѣры. Исходя изъ гуманнаго начала, возлагая надежды на равноправность и просвѣщеніе, «Планъ» въ то же время требуетъ и частныхъ, пожалуй даже репрессивныхъ, мѣръ, но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мѣры эти могутъ способствовать успѣху улучшеній, построенныхъ на широкихъ началахъ, уничтожая всякій тормозъ прогресса.

Если бы насъ спросили, практиченъ ли былъ этотъ планъ для своего времени, вѣрно ли онъ былъ разсчитанъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ Польши, то мы бы не замедлили дать отрицательный отвѣтъ. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что «Планъ», опредѣляя различныя новыя условія жизни еврейства, ссылается во многихъ случаяхъ на такія учрежденія и постановленія, которыя пока въ дѣйствительности не существовали, а только должны были современемъ возникнуть. Достаточно, напримѣръ, пробѣжать ту главу, гдѣ трактуется о главнѣйшемъ, именно объ образованіи евреевъ, чтобы убѣдиться, что всѣ прекрасныя начинанія Казенной коммиссіи должны были остаться воздушными замками до тѣхъ поръ, пока результаты эдукаціонной коммиссіи существовали только въ видѣ проектовъ и предположеній, осуществленіе которыхъ подлежало большому сомнѣнію. Такимъ образомъ очевидно, что всѣ стороны жизни въ Польшѣ требовали немедленныхъ и коренныхъ реформъ, а потому для того, чтобы назвать отдѣльный планъ исполнимымъ и цѣлесообразнымъ, нужно его разсмотрѣть не иначе, какъ въ связи со всѣми другими планами. Школы, учительскія семинаріи, раздача земель и т. д., все это прекрасныя вещи и вполнѣ цѣлесообразныя въ принципѣ; но если обратимъ вниманіе на нищету польской казны въ то время, на то, что подчасъ, для удовлетворенія самой насущной потребности, нельзя было найти другихъ средствъ, какъ обложить евреевъ двойною податью, на то, что, при общемъ разстройствѣ, правительство не имѣло никакой силы заставить исполнять и даже уважать свои требованія, то весь вопросъ представится далеко не въ столь утѣшительномъ видѣ. Впрочемъ, все сказанное выше относится не только къ плану реформы положенія евреевъ въ Польшѣ, но ко всѣмъ главнымъ реформамъ, которыхъ поляки въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія составили очень много, но которымъ такъ и суждено было остаться вѣчно планами, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ достойны лучшей участи. Таковъ, между прочимъ и «Планъ», разсмотрѣнію котораго мы посвятили настоящую статью. Въ земляхъ, составлявшихъ нѣкогда

Польшу и вошедшихъ въ составъ Россіи, существуютъ и теперь евреи, потомки польскихъ евреевъ, унаслѣдовавшіе отъ своихъ предковъ неполноправность, а вслѣдствіе этого и бѣдность, невѣжество и связанныя съ ними непривлекательныя черты характера; но потомки живутъ въ государствѣ могущественномъ, имѣющемъ средства просвѣщенія, благоустроенномъ, пользующемся миромъ и внутреннимъ и внѣшнимъ, государствѣ вѣротерпимомъ, не отличающемся сословною исключительностью, государствѣ, котораго только маленькую частицу составляютъ бывшія польскія земли. Не вправѣ ли евреи ожидать, что планъ реформъ, составленный сто лѣтъ тому назадъ и отложенный затѣмъ въ долгій ящикъ, распространившись и приспособившись къ духу времени и къ условіямъ Россіи, осуществится и двинетъ ихъ жизнь по такой дорогѣ, на которой имъ удастся избавиться отъ наслѣдства, полученнаго отъ ихъ предковъ—польскихъ евреевъ.

Б. Павловичъ.

С.-Петербургъ.

ПРИСЯГА И ЕЯ РАЗРѢШЕНІЕ.

> Es wird mit der schamlosesten Heuchelei gegen die Juden zu Werke gegangen, es werden lügnerische Behauptungen mit solcher Keckheit geführt, dass selbst Gutgesinnte dadurch getäuscht werden, weil sie nicht glauben können, dass man sie so plump betrügen wolle. Darum will ich die Thoren entlarven und den Bösewichtern in's Angesicht leuchten.
>
> *Ludwig Börne.*

Предлагаемой статьей мы намѣрены пополнить пробѣлъ, встрѣчающійся въ нашемъ сочиненіи «О книгѣ Кагала"—именно о загадочномъ обрядѣ, который, по словамъ г. Брафмана, разрѣшаетъ еврея отъ всякой когда либо данной имъ присяги.

Г. Брафманъ какъ нельзя проще и вѣрнѣе разрѣшилъ загадку, почему евреи такъ *непобѣдимы въ судебномъ отношеніи*; какимъ образомъ этотъ народъ явился, какъ онъ замѣчаетъ, «обладающимъ сверхъестественною силою вѣчно выигрывать процессы и оставаться всегда правыми предъ лицемъ правосудія» (1); наконецъ, почему въ чисто еврейской средѣ—въ происходящемъ, напр., трениі между патриціями и плебеями—такъ сильно въ ходу лжесвидѣтельство. Г. Брафману впервые удалось осязательно доказать присущую еврейскому характеру *неуловимость для правосудія*, возвести ее на степень неотрицаемаго факта; ему же далось первому доискаться первоначальной причины этого факта, добраться до

---

1) Еврейскія братства, р. 109.

обстоятельствъ, дѣлающихъ это явленіе неизбѣжнымъ въ жизни евреевъ. И все это у него вышло такъ наглядно и логично, что мы не можемъ не повторить его слова: „читатель ни на минуту даже не долженъ усумниться на счетъ успѣшнаго рѣшенія оной", то есть задачи или загадки.

Начало и причина этого явленія—существованіе у евреевъ спеціальнаго обряда для поощренія лжеприсяги!

Что это за обрядъ и какъ разносторонне должно быть его значеніе въ еврейской дѣловой жизни и его вліяніе на народную нравственность—объ этомъ дадимъ говорить самому автору.

. . . . « Но самая знаменательная»—говорится въ описаніи *дня отпущенія*—и торжественная молитва этого дня есть «Коль-нидре», которою праздникъ открывается.

«Когда накануне отдѣлы мужскій и женскій синагоги полны молящимися, одѣтыми по праздничному, освѣщены огнями множества восковыхъ свѣчей, принесенныхъ каждымъ евреемъ, а канторъ съ хоромъ занялъ уже свое мѣсто, тогда первенствующіе изъ присутствующихъ открываютъ кивотъ, благоговѣйно вынимаютъ Тору [1] и канторъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народъ, съ стариннымъ, дѣдовскимъ напѣвомъ повторяютъ трижды вслухъ знаменательный «Коль-нидре». По обстановкѣ и благоговѣнію, съ которымъ еврей приготовляется къ этому моменту, каждый наблюдатель невольно придетъ къ заключенію, что «Коль-нидре» образуетъ центръ годичнаго круга духовнаго созерцанія и синагогальнаго молитвословія. Но, вслушиваясь въ смыслъ «Коль-нидре», не трудно убѣдиться, что при такой торжественной обстановкѣ и при общемъ религіозномъ настроеніи и глубокомъ благоговѣніи совершается не молитва, а актъ всенароднаго отреченія отъ обѣтовъ, присягъ, обѣщаній, заклинаній, которые были совершаемы каждымъ изъ присутствующихъ въ годъ прошлый и которые будутъ совершаемы имъ въ годъ грядущій. При этомъ публичномъ отреченіи отъ даннаго слова, присяги и проч., вся нравственная основа общественной жизни, дѣйствительно, рушится. Фактъ этотъ до того возмутительный, что противъ него возставали самыя авторитетныя лица, даже изъ талмудическаго міра. Но какъ ни были сильны эти авторитеты, сила обычая однако превозмогла, актъ отреченія «Коль-нидре» до сихъ поръ занимаетъ почетнѣйшее мѣсто между еврейскими обрядами.

«Кромѣ «Коль-нидре» у евреевъ есть еще „Гатаратъ-Недоримъ" и «Месиратъ-Медоа», которые при присягѣ и свидѣтельствованіи, подобно «Коль-нидре», даютъ совѣсти еврея возможность найти лазейки и при тяжбахъ съ невреями открываютъ ему путь къ побѣдѣ.

«О вліяніи этихъ обрядовъ на жизнь евреевъ подробно будемъ говорить во второй части нашей книги, а теперь скажемъ лишь то, что они не остаются безъ слѣда на оной.

1) Пятикнижіе, писанное на пергаментѣ.

«При самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, когда совѣсть христіанина не знаетъ уже никакого выхода и находитъ единственное спасеніе въ раскаяніи, совѣсть еврея успокоивается исполненіемъ приведенныхъ обрядовъ» [1].

Вотъ какого рода контрабанда, какъ удалось поймать г. Брафману, ввозится евреями, такъ сказать, за бандеролью молитвы!

Таковы уже люди съ истиннымъ дарованіемъ: отъ нихъ не ускользаетъ самое *обычное*; они вникаютъ во все, вдумываются въ каждую мелочь, стараясь уловить ея связь съ тѣмъ или другимъ явленіемъ. Чѣмъ *общеизвѣстнѣе и всенароднѣе* молитва, о которой говоритъ г. Брафманъ, тѣмъ тоньше должно быть его научное чутье и тѣмъ глубже его проницательность, чтобы остановиться на ней и опредѣлить ея вліяніе на нравственный складъ евреевъ, до чего до сихъ поръ никто не додумался. Стоитъ только хоть поверхностно взглянуть на, повидимому ничтожный, матеріалъ, вошедшій въ составъ «Книги Кагала», чтобы понять, какое научное чутье обнаруживаетъ авторъ ея уже однимъ умѣньемъ открывать источники и пользоваться ими: отъ *водевильца* [2] *до молитвы или обряда*—все у него идетъ въ дѣло, и находитъ свое надлежащее примѣненіе.

Резюмируя приведенную нами выписку, мы получаемъ въ результатѣ—и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе—что еврейская религія въ своей всепрощающей благости разрѣшаетъ [3] *всякую* вообще присягу, присуждаемую какъ государственнымъ, такъ и еврейскимъ судомъ. Это прямо вытекаетъ изъ того, что въ данной молитвѣ или обрядѣ (у г. Брафмана не опредѣлено, что такое «Коль-нидре»—обрядъ или молитва) и помину нѣтъ о евреяхъ или не-евреяхъ.

Перевернемъ же листъ въ «Книгѣ Кагала» и прочтемъ изъ нея другой текстъ, трактующій спеціально о присягѣ. По этому тексту оказывается, что евреи проникнуты *глубочайшимъ уваженіемъ* къ этому религіозно-юридическому акту. Мы узнаемъ изъ этого текста почти невѣроятный фактъ, что еврей, совершившій разъ присягу даже *по чистой совѣсти, считается погибшимъ*, до того доходитъ благоговѣніе евреевъ къ этому акту.

Вотъ этотъ текстъ:

«Надо замѣтить, что евреи вообще имѣютъ замѣчательно вы-

[1]) Книга кагала, р. LXXXI. [3]) „Одно слово министру". См. Книгу кагала, р. XI. [3]) Въ заголовкѣ примѣчанія XIV (въ „Книгѣ кагала") это называется *не отреченіемъ, а разрѣшеніемъ отъ обѣтовъ, присягъ* и проч.

сокое понятіе о присягѣ, налагаемой судомъ еврейскимъ, а въ особенности питаютъ глубокій страхъ и уваженіе къ присягамъ первыхъ двухъ разрядовъ (¹). Вообще уваженіе евреевъ къ этимъ присягамъ такъ высоко, что субъектъ, исполнившій разъ присягу, даже по чистой совѣсти, сильно роняетъ себя въ глазахъ общества; послѣ этого акта онъ обыкновенно лишается общаго довѣрія и на него смотрятъ, такъ сказать, какъ на погибшаго. При такомъ взглядѣ на присягу, не удивительно, что еврей, большею частью, готовъ понести самыя чувствительныя потери, чѣмъ исполнить присужденную Бетъ-диномъ присягу. По этому весьма важному обстоятельству, въ еврейскомъ судилищѣ всегда бываетъ въ ходу только третій разрядъ присяги—Сетамъ-херемъ» (²).

Сопоставляя обѣ приведенныя выписки, невольно приходишь къ заключенію, что тутъ что-то представлено облыжно и фальшиво. Одно изъ двухъ: или евреи такъ уже зачерствѣли, до того засосались пошлою тиною, что у нихъ присяга ни почемъ; или же святость ея считается у нихъ неприкосновенною, и тогда отреченіе отъ нея невозможно. Подобнаго рода крайности могутъ укладываться развѣ въ умѣ, неспособномъ собрать свои крошечныя, сбивчивыя понятія въ нѣчто цѣльное, но ужъ никакъ не въ жизни, нетерпящей подобныхъ противорѣчій и взбалмошной непослѣдовательности.

Еще болѣе невѣроятно, чтобы такой разлагающій въ нравственномъ смыслѣ актъ, какъ разрѣшеніе отъ присяги, облекался въ религіозную торжественность и принималъ форму молитвы (!), произносимой при открытомъ кивотѣ, при «торжественной обстановкѣ и при общемъ религіозномъ настроеніи и глубокомъ благоговѣніи».—

Спрашивается:

1) Какъ же евреи въ дѣйствительности относятся къ присягѣ, и

2) Что такое это загадочное разрѣшеніе отъ присяги, смахивающее на средневѣковую индульгенцію?

Поставленные нами вопросы имѣютъ тѣмъ болѣе серьезное значеніе, что недовѣріе къ евреямъ въ этомъ пунктѣ составляло, а у насъ и теперь составляетъ одно изъ хроническихъ и упорныхъ предубѣжденій. Получивъ свое начало въ той отдаленной эпохѣ, когда люди дѣлились на *правовѣрныхъ и еретиковъ*, это предубѣжденіе и борьба противъ него живо интересовали на Западѣ законодательную сферу и печать еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ виду же того значенія, какое свидѣтельство и присяга получили у насъ при новомъ судебномъ устройствѣ, настоящая тема получаетъ интересъ современный.

¹) а) присяга, назначаемая на основаніи *закона Моисея*, и б) на основаніи *Талмуда*. ²) Книга кагала, р. XXXIII и XXXIV

Для болѣе полнаго выясненія этой темы, мы затронемъ хоть слегка *отношенія христіанскихъ законодательствъ къ свидѣтельству* и *присягѣ евреевъ*.

Чисто римское законодательство не принимало въ уваженіе исповѣданія относительно правоспособности быть свидѣтелемъ. Признаніе религіи субъекта мѣриломъ дѣйствительности его показаній предъ судомъ—до этого не додумался трезвый и логическій умъ римлянина. „*Кто живетъ въ римскомъ государствѣ есть гражданинъ римскій*“, гласитъ одна изъ *конституцій* Антонина (¹).

Таковъ широкій взглядъ народа, поставившаго выясненіе права задачей своего существованія и возведшаго разработку закона въ стихію своей исторической жизни,

Но это равенство религій предъ закономъ стало подкапываться одновременно съ возведеніемъ христіанства въ господствующій культъ. Съ этого момента гражданскіе законы мало по малу подчинились духу нетерпимости, присущей всѣмъ религіямъ въ періодъ ихъ возникновенія, и уже въ первый *гражданскій кодексъ*, проникнутый религіознымъ духомъ, вошла слѣдующая статья:

»Еретики, равно и приверженцы іудейскаго суевѣрія, не могутъ быть допускаемы въ качествѣ свидѣтелей въ тяжбѣ правовѣрныхъ: все равно, обѣ ли стороны правовѣрны или только одна изъ нихъ“ (²).

Было бы слишкомъ наивно видѣть въ настоящемъ законоположеніи *дѣйствительную* недовѣрчивость къ показаніямъ иновѣрцовъ и подозрѣваніе ихъ въ наклонности къ лжесвидѣтельству. Тутъ проглядываетъ лишь свойственное биготству похвальное желаніе нравственно унижать послѣдователя другаго толка. Подтвержденіемъ тому служитъ продолженіе этой же статьи. Оно гласитъ:

„Тамъ, гдѣ необходимо нужно воспользоваться ихъ (еретиковъ и евреевъ) свидѣтельствомъ, какъ при духовныхъ завѣщаніяхъ, при изъявленіяхъ послѣдней воли и договорахъ, ихъ свидѣтельство, дабы доказательство не было стѣсняемо, имѣетъ законную силу“ (³).

Таково начало и таковъ настоящій мотивъ ничѣмъ не оправдываемаго пристрастія противъ иновѣрцевъ. Оно тѣмъ болѣе непростительно, что залегло тамъ, гдѣ подобная несправедливость всего менѣе должна была пустить корни, именно *въ святилищахъ правосудія*.

Но лучшаго и нельзя было ожидать отъ Византіи, сосредоточившей свои дряблыя и захудалыя силы на религіозныхъ распряхъ

¹) Z. Frankel, Der gerichtliche Beweis, Berlin 1846, p. 480. ²) Ibid. 482. ³) Ibid.

и сразу ставшей по отношенію къ „неправовѣрнымъ" на ту вершину, которой Европѣ удалось достичь лишь по прошествіи цѣлыхъ вѣковъ, и то по несчастному подражанію и заимствованію отъ Восточной Имперіи. Этотъ духъ религіозной непріязни, перешедшій съ Востока на Западъ, принялъ, благодаря суровости тогдашнихъ европейцевъ, болѣе загрубѣлыя формы и болѣе рѣзкое выраженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ болѣе откровенный, вытекающій изъ убѣжденія.

Усыновляя изъ Юстиніанова кодекса законоположеніе, о которомъ мы говоримъ, каноническое право мотивируетъ его слѣдующимъ наивнымъ доводомъ, вполнѣ согласнымъ съ духомъ тогдашней богословской эпохи:

„Потому-что неслѣдующій свидѣтельству божественному теряетъ силу свидѣтельства человѣческаго" (¹).

Или еще проще:

„Нельзя вполнѣ вѣрить тому, кто не признаетъ истинной вѣры" (²).

Для тогдашняго времени, въ которое не существовало никакого контроля критики, подобнаго довода было достаточно, чтобы осмыслить собою несостоятельное положеніе, возвести его въ норму и придать ему важность *зрѣло обдуманнаго закона*. Не по уровню среднихъ вѣковъ было сопоставлять теорію съ практикою и вдумываться въ противорѣчіе, существующее между идеей даннаго закона и *фактическою дѣйствительностью*, доставлявшей церкви на покаяніе и исправленіе не малое количество *благовѣрныхъ*, обвиненныхъ въ лжесвидѣтельствѣ и лжеприсягѣ

Но къ чести католической Европы нужно сказать, что относительно евреевъ это правоограниченіе долго не прививалось къ жизни и не соблюдалось на практикѣ, не смотря на неоднократное повтореніе этого закона. Правоспособность быть свидѣтелемъ въ дѣйствительности не оспаривалась у евреевъ пока не завелись на Западѣ юристы съ византійскимъ пошибомъ и юстиніановскимъ направленіемъ, застывшимъ на „строгости права" (rigor juris), на буквѣ закона, хотя бы онъ противорѣчилъ здравому смыслу, справедливости и человѣчности. До означенной эпохи практика держалась въ равновѣсіи, одинаково отвергая или одинаково не принимая въ уваженіе свидѣтельство и показанія *еврея противъ христіанина*, какъ и обратно—*христіанина противъ еврея* ³).

¹) Ibid. p. 483 ²) Ibid. ³) Такъ напр., одинъ изъ нѣмецкихъ кодексовъ Weichbild) говоритъ: «Beklagt aber ein Christ ein Jüden ums Schuld, mit Gezeug, er soll jn uberzeugen selb drit, mit zweien Christen und einem Jüden. Die Jüden uberzeugen den Christen auch also, mit zweien Jüden und einem Cristen.» (Frankel, Der gerichtliche Beweis, p. 485.).

Это по крайности честно. Показанія свидѣтелей не одинаковаго исповѣданія съ отвѣтчикомъ принимаются за *сомнительное* судебное доказательство и два таковыхъ свидѣтеля считаются однимъ *классическимъ*. Наоборотъ, по постановленію Латеранскаго собора (1179), неодинаковость исповѣданія свидѣтелей отвѣтчика вовсе не принималась въ уваженіе. (Graetz. VI, p. 282).

Но дорого стоило евреямъ сравненіе ихъ съ господствующимъ населеніемъ въ данномъ пунктѣ: они оплачивали настоящее право своею честью, которая позорилась каждый разъ при подтвержденіи свидѣтельскихъ показаній присягой. Для этого обряда придуманы были особые костюмы, обряды и формулы, которые сдѣлали для евреевъ присягу позорною колесницею, язвою тѣмъ болѣе тяжелою, что евреи усматривали въ этомъ униженіе своей національности и посрамленіе своей вѣры.

Изъ этихъ обрядовъ и формулъ мы приведемъ хоть нѣкоторые.

Французское законодательство XI вѣка предписывало для еврейской присяги слѣдующую операцію, доходившую до „пытки".

„Терновый вѣнецъ долженъ быть надѣтъ ему (еврею) на шею, колѣна должны быть опоясаны и тернистая лоза, длиною въ пять локтей, иглистая (voll Stacheln) должна быть просовываема межъ бедръ его во время совершенія присяги. Если онъ выходитъ невредимъ, онъ оправдывается отъ обвиненія" (¹).

Въ Германіи присяжныя церемоніи имѣли характеръ менѣе жестокій, но еще болѣе оскорбительный. Онѣ отзываются туповатою колкостью и плоскою остротою нѣмцевъ. Такъ напр., въ насмѣшку надъ еврейскою религіей, запрещающей употребленіе въ пищу свинины, одинъ изъ германскихъ кодексовъ постановилъ:

„Онъ (присягающій еврей) долженъ стоять на свиной шкурѣ, пятикнижіе Моисея (²) должно лежать предъ нимъ, и десная его до сустава(?) (bis an den Rist) да покоится въ книгѣ" (³).

Или по болѣе счастливой фантазіи саксо-тюрингенскихъ законовъ:

„На голомъ тѣлѣ онъ долженъ носить сѣрый кафтанъ и штаны безъ подштанниковъ, остроконечную шляпу онъ долженъ имѣть

¹) Otto Stobbe. Die Juden in Deutschland, p. 154 и 155. ²) Пергаментный свитокъ (rotulus, Rodel), на которомъ писаны Моисеевы книги. ³) Otto Stobbe, p. 155.

на головѣ, и да стоитъ онъ на (свиной) шкурѣ, омоченной въ крови агнца" ([1]).

Еще болѣе комичнымъ сдѣлалъ присягающаго еврея слѣдующій обычай, требовавшій, чтобы въ этомъ шутовскомъ костюмѣ:

Еврей стоялъ на стулѣ о трехъ ножкахъ. Всякій разъ, когд онъ упадаетъ со стула, онъ платитъ пеню; если же онъ падаетъ въ четвертый разъ, онъ проигрываетъ свое дѣло ([2]).

Тутъ имѣлось, впрочемъ, въ виду дать присягающему шаткое положеніе, что напоминаетъ собою *ордаліи* тогдашняго времени.

Приведемъ хоть двѣ формулы *еврейской присяги*, извѣстной въ законодательной и ученой сферѣ подъ названіемъ „juramentum more judaico" или, сокращенно, „more judaico". Отъ этихъ формулъ вѣетъ чѣмъ-то въ родѣ заклинательныхъ рѣчей *шекспировскихъ вѣдьмъ.* Выборки изъ Ветхаго Завѣта о проказѣ и чесоткѣ, язвахъ и сверхъестественныхъ несчастьяхъ, постигшихъ того или другаго нечестивца; проклятія, вырвавшіяся у кого либо изъ библейскихъ страдальцевъ или писателей, и, наконецъ, таинственная каббалистическая абракадабра—все это вмѣстѣ образуетъ текстъ присяги для евреевъ.

Гаерскіе костюмы присягающаго и сумасбродное содержаніе самаго текста присяги лишили этотъ высокій актъ его торжественности и низвели его до жалкой, балаганной шутки, для потѣхи судей и толпы. Словомъ: это было уже не присяга, а *комедія* въ ея вульгарнѣйшемъ значеніи.

Изъ приводимыхъ нами ниже двухъ формулъ первая практиковалась во Франціи въ средніе вѣка, а вторая въ Германіи ([3]) въ *новѣйшее время*, именно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Послѣднюю мы приведемъ въ сокращеніи, боясь утомлять читателя: она длиною въ нѣмецкое герцогство.

Вотъ эти формулы:

1) Во Франціи судья обращался къ присягающему съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Клянешься ли ты Богомъ Отцомъ, Адонай? Богомъ Отцомъ всемогущимъ, который сказалъ: Азъ есмь Сый? Богомъ всемогущимъ Саваоѳъ, Богомъ Элоа, Богомъ, явившимся Моисею въ горящей купинѣ? Десятью заповѣдями Господними и семьюдесятью двумя именами? Закономъ, даннымъ отъ Бога рабу Его Моисею? Клянешься ли, что если ты виновенъ въ семъ дѣлѣ, и если ты во зло употребляешь имя Божье и Его законъ, чтобы Богъ послалъ на тебя смятеніе и лихорадку ежедневную и перемежающуюся черезъ три и черезъ четыре дня, слѣпоту глазъ и душевную скорбь? Чтобы враги пожрали твою прибыль? Чтобы Богъ низвергъ на тебя Свой гнѣвъ, чтобы ты былъ пристыженъ предъ глазами враговъ твоихъ; чтобы ты бѣжалъ, когда тебя никто не преслѣдуетъ? Что если измѣняешь таинствамъ Господа, чтобы Онъ сокрушилъ твои силы и твое могущество, опустошилъ твой домъ, послалъ на тебя дикихъ звѣрей и поставилъ тебя среди враговъ твоихъ? Чтобы Богъ навелъ на тебя мстящій мечъ Свой, язву, чтобы Онъ лишилъ тебя хлѣба подкрѣпленія, чтобы ты ѣлъ, но не до-сыта? Если ты клянешься лживо, чтобы ты ѣлъ плоть своихъ дѣтей, чтобы Господь разрушилъ твое тѣло и навелъ ужасную смертность на твоихъ дѣтей? Чтобы Господь обратилъ въ пустыню твое жилище и разрушилъ твое святилище, стеръ тебя съ земли живыхъ, чтобы твои враги обитали въ домѣ твоемъ, чтобы Богъ разсѣялъ тебя по землѣ и чтобы никто не хотѣлъ принять тебя? Чтобы тебя постигъ мечъ смертности, чтобы Господь послалъ скорбь и ужасъ въ твое сердце, чтобы ты трепеталъ какъ древесный листъ, какъ преслѣдуемый мечемъ? Чтобы ты былъ разсѣянъ между народовъ; чтобы ты умеръ на вражьей землѣ и чтобы земля пожрала тебя, какъ она пожрала и поглотила Даѳана и Авирама? Чтобы проказа овладѣла тобою, какъ она овладѣла Наамономъ сирійскимъ? Что если ты лжешь въ этой присягѣ, чтобы Господь отвергъ твое негодное и развращенное сердце, чтобы всѣ наказанія постигли твою голову и голову твоихъ отцевъ; равно какъ и всѣ проклятія, написанныя въ книгѣ законовъ Моисея и пророковъ ([1])"

На каждый вопросъ еврей долженъ былъ отвѣчать «клянусь», и при концѣ онъ долженъ былъ трижды сказать: «аминь, да будетъ тако!»

Но еще солиднѣе вторая формула.

2) „Именемъ Бога всевышняго и Господа всѣхъ небесныхъ воинствъ я заклинаю, проклинаю и предаю анаѳемѣ волею Божіею, сею священною Торою (пятикнижіемъ) и 613 заповѣдями, въ ней начертанными, и великимъ проклятіемъ, которымъ пророкъ Іисусъ Навинъ предалъ анаѳемѣ городъ Іерихонъ; проклятіемъ, которымъ Елисей предалъ анаѳемѣ юношей и раба своего Гіезія; проклятіемъ, которымъ Варухъ сынъ Маруза (?!)...; именемъ Бога, которымъ Моисей разсѣкъ море; именемъ Бога, явившагося Моисею въ купинѣ; именемъ Божьимъ, которое начертано было на Моисеевыхъ скрижаляхъ....; именемъ Бога, котораго святость покои-

[1]) Otto Robbe, p. 155. [2]) Ibid. [3]) Ее приводитъ писатель, жившій въ австрійскихъ владѣніяхъ, и намъ поэтому не извѣстно, употреблялась ли эта формула во всей Германіи, какъ это предполагать можно, или же только въ Австріи.

[1]) Depping. Les juifs dans le moyen age, p. 327.

лась на херувимахъ... всякаго мужчину и всякую женщину, которые.... — Проклятъ да будетъ этотъ преступникъ всемогущимъ Богомъ.... Если этотъ преступникъ родился въ мѣсяцѣ *Нисанъ*, когда щититъ и господствуетъ мѣсячный ангелъ Оріилъ, то онъ съ своею свитою да проклинаетъ его своими устами.... (Тутъ исчислены всѣ мѣсяцы съ ихъ ангелами). Проклятъ да будетъ онъ также и тѣми ангелами, которые управляютъ семью днями недѣли, равно и ангелами четырехъ временъ года.... Внезапно да постигнетъ его крушеніе, паденіе его да совершится скоро. Всемогущій Боже всѣхъ тварей и Господи всѣхъ сердецъ! Унизь его, истреби и уничтожь его! Да разразятся надъ этими злыми людьми вихрь и гнѣвъ Божьи о загубятъ ихъ. Ангелы-истребители да встрѣчаютъ ихъ всечасно.... Съ ужасомъ да улетитъ душа этого преступника, и скоропостижною смертью да умретъ онъ, и да не переживетъ онъ сего мѣсяца. Такой преступникъ да будетъ наказанъ стужей и зноемъ, чахоткой и опухолью.... Мечи да вонзятся въ грудь его; стрѣлы проколютъ его, и да станетъ онъ что плева, гонимая вѣтромъ.... Скорбь и ужасъ да овладѣютъ имъ. Тенета Божьи да будутъ простерты окрестъ его. Во тьму загонится онъ, и проклятіемъ да будетъ онъ изверженъ изъ міра. Очамъ его зрѣть скорбь и печаль; ядъ да будетъ его пища. Звѣри лѣсные да пожрутъ его. Богъ да оттолкнетъ его во вѣкъ и родъ.... Имя его да уничтожится изъ рода Израиля" [1].

И по такимъ чернокнижнымъ заклинаніямъ присягали люди, повторяемъ, почти вплоть до нашего времени!

Таково вкратцѣ отношеніе христіанскаго законодательства къ правоспособности евреевъ *быть свидѣтелемъ противъ христіанъ* и таково пресловутое *juramentum more judaico*. Отъ капающей кровью свиной шкуры до разнаго наименованія ангеловъ — все тутъ было направлено скорѣе на то, чтобы вызывать желчную улыбку, чѣмъ будить совѣсть, шевелить серьезную мысль и сосредоточить вниманіе присягающаго.

Разставаясь съ этимъ прискорбнымъ фактомъ, мы считаемъ нужнымъ остановить вниманіе нашихъ читателей на томъ, что онъ не имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *проявленіе случаевъ лжеприсяги* Отнюдь нѣтъ. Присяга, какъ мы увидимъ дальше, слишкомъ обезпечивалась религіей, слишкомъ была охраняема народнымъ понятіемъ о ея святости, чтобы евреи покушались злоупотреблять ею. Вся эта до крайности обидная обстановка присяги вмѣстѣ съ разными другими причинами вызвали въ евреяхъ такое отвращеніе къ суду нееврейскому, что они смотрѣли на своихъ единовѣрцевъ,

[1]) Hirsch B.Fassel, Das Mosaisch-Rabbinische Gerichts-Verfahren in civilrechtlichen Sachen. Gross-Kanizsa, 1858, p. 133—135.

прибѣгавшихъ къ государственной юстиціи, какъ на отступниковъ отъ вѣры. И это уклоненіе отъ государственной юрисдикціи было столько же общеизвѣстно, сколько оно въ свою очередь считалось естественнымъ и законнымъ протестомъ противъ тѣхъ недостатковъ, которыми въ это время страдалъ судъ вообще, и преимущественно по отношенію къ евреямъ.

Какъ невѣрно понята была Западною Европою задача юстиціи— творить судъ абсолютно правый и нелицепріятный, не справляясь ни съ цвѣтомъ волосъ, ни съ символомъ вѣры подсудимаго, можно судить по слѣдующему многознаменательному факту, относящемуся къ тому времени, когда грубые нравы уже немного благорастворены были *гуманизмомъ*—къ періоду наступленія реформаціи.

Вслѣдствіе ли того, что иные изъ судей положительно чувствовали угрызеніе совѣсти, когда въ тяжбѣ христіанина съ евреемъ они должны были оправдать послѣдняго, или по другому поводу, германскій императоръ Фридрихъ IV вынужденъ былъ обратиться въ римскую курію съ вопросомъ:

Можно ли въ тяжбѣ христіанина съ евреемъ рѣшить исковое дѣло въ пользу послѣдняго, т. е. еврея?

И папа Павелъ рѣшилъ:

Что это не грѣхъ! [1].

И негрѣшно было также со стороны евреевъ смотрѣть на государственныя судебныя вѣдомства, какъ на гнѣздилища неправды или какъ на *„западню“* [2], и всячески избѣгать ихъ [3].

[1]) Graetz, B. IX, p. 144, Anmerkung 3.

[2]) „Серна въ тенетахъ“, т. е. попавшая въ *западню* (to michmar) стало въ средневѣковой еврейской литературѣ спеціальнымъ терминомъ для еврея, имѣвшаго дѣло въ не-еврейскомъ судѣ.

[3]) Увѣренія г. Брафмана, будто талмудъ наложилъ безусловную анаѳему на государственныя судебныя учрежденія, — не вѣрно. Принципъ „*законъ государственный — законъ*“, такъ послѣдовательно проводится въ талмудѣ, что въ немъ мы встрѣчаемъ, напр., слѣдующую статью:

„Всѣ акты, поступающіе (совершаемые) въ не-еврейскія судебныя учрежденія, хотя подписавшіеся на нихъ (свидѣтели) не евреи, законны; исключая разводные акты и отпускные (какъ имѣющіе религіозный характеръ). Р. Симеонъ говоритъ: даже и сіи послѣдніе законны“ (Gittin 9, 6).

„Все по (юридическому) обычаю страны“ — было *основнымъ правиломъ* одного изъ древнѣйшихъ талмудистовъ, жившаго во второмъ столѣтіи. (Jost. Geschichte des Judenthums und seiner Sekten II, p. 114).

Столь же ложно положеніе г. Брафмана, что „имѣть свой судъ есть потребность, возникающая изъ чисто духовной почвы талмудическаго

Возвратимся-же къ нашему предмету.

Любопытно теперь узнать, какъ смотрятъ *евреи* на присягу; какіе обряды и формулы выработала для нея ихъ фантазія? Не оправдываются ли всѣ предосторожности да чрезвычайныя средства, принимавшіяся законодательствомъ для расположенія присягающаго еврея къ искренности и чистосердечію, не оправдываются ли онѣ, повторяемъ, тѣмъ, что еврейская религія относится слегка и небрежно въ этому нравственно-юридическому акту? Наконецъ, не существуютъ ли дѣйствительно у евреевъ на этотъ счетъ какія-то шуры-муры, въ родѣ молитвъ и обрядовъ, разрѣшающихъ отъ всякой присяги?

іудейства, и составляетъ одинъ изъ главныхъ догматовъ его ученія" (Книга кагала, p. XLI).

Потребность *имѣть свой судъ* явилась у евреевъ вовсе не вслѣдствіе *талмудическаго догмата* и еще *главнаго (!)*, а вслѣдствіе извѣстнаго порядка вещей, который привелъ и *караимовъ, рѣшительно отвергающихъ талмудъ*, къ одному знаменателю съ *раввинистами*—недовѣрію къ общимъ судамъ. Вотъ что говоритъ Веньяминъ Нагавенди (Nahawendi), одинъ изъ отцевъ названной секты, объ этомъ предметѣ:

„Запрещается принуждать израильтянина (караима) ни силою суда невреевъ, ни ихъ документами и рѣшеніями, ни ихъ свидѣтельскими показаніями, хотя бы они судили по законамъ еврейскимъ, — а только силою суда израильскаго... Нельзя ни обращаться самому, ни заставлять другихъ обращаться въ ихъ (не-евреевъ) судъ... Разрѣшается, однако же, обращаться къ нему за помощью, чтобы утвердить и укрѣпить законъ еврейскій противъ отступниковъ въ Израилѣ.

„Когда онъ (тяжущійся) не подчиняется закону Всемогущаго (приговору еврейскихъ судей), то мы должны исключить его изъ нашего общества. Тяжущихся приглашаютъ и вызываютъ въ судъ,—и три раза назначаютъ имъ срокъ для явки въ судъ. Когда онъ (одинъ изъ тяжущихся) знаетъ опредѣленные сроки, а не является, на него налагаютъ анаѳему въ судѣ... Когда онъ и тогда не является, надъ нимъ совершаютъ проклятіе въ судѣ въ продолженіи семи дней утромъ и вечеромъ по уставу. Какъ же обходиться (тогда) съ нимъ?—Нельзя здороваться съ нимъ, стоять при немъ, слушаться его и принимать отъ него подарокъ, а слѣдуетъ сторониться отъ него и считать его умершимъ, пока онъ не придетъ въ судъ. Если же послѣ всего этого онъ не явится и не подчинится закону Всемогущаго, его предаютъ государственному суду". (Massot Binjamin).

Точно такъ, какъ не талмудическимъ догматомъ была вызвана въ евреяхъ потребность *имѣть свой судъ*, такъ и не „подпольнымъ" проискамъ кагала слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что до французской революціи еврейскій самосудъ *признавался всѣми правительствами*. Это обстоятельство лежитъ въ долго господствовавшемъ принципѣ, по которому каждая корпорація, каждое сословіе въ Европѣ, были *обособлены въ судебномъ* *отношеніи* и имѣли *свой* судъ и *свои* органы правосудія. Признаніе за евреями самосуда носило на себѣ поэтому характеръ не *привиллегіи* или *уступки* еврейству, а чисто *юридически-соціальнаго права* (Stobbe, p. 140).

Поддерживая своимъ авторитетомъ еврейскую юрисдикцію, раввины не *вводили новаго начала:* оно вытекло прямо, какъ мы уже сказали, изъ *идеи сословности*, проникавшей всѣ общественныя учрежденія средневѣковаго періода. Мало того: нельзя даже видѣть въ постановленіяхъ раввиновъ-судей по данному предмету инстинктивнаго желанія эксплоатировать въ свою пользу этотъ порядокъ вещей, который былъ для нихъ очень выгоденъ. Раввинскій синодъ въ XII стол. (Graetz. VI, p. 215), запретившій евреямъ приглашать своихъ единовѣрцевъ въ судъ не-еврейскій, поступилъ, какъ вѣрно замѣчаетъ О. Штоббе, подобно христіанамъ въ римской имперіи, которые вѣдались исключительно судомъ епископскимъ.

(«So wie im heidnischen römischen Reich die Christen ihre Streitigkeiten von den Bischöfen schlichten liessen, so bestimmte im 12 Jahrhunderte eine Rabbinersynode in Frankreich, dass kein Jude seine Glaubensgenossen vor das Landgericht laden solle, es wäre denn, dass beide Parteien einverstanden seien, den christlichen Richter anzugehen, oder dass die beklagte Partei sich weigerte, dem jüdischen Gericht sich zu stellen». (Otto Stobbe, die Juden in Deutschland, p. 140).

Вспомнимъ кстати упрекъ, сдѣланный апостоломъ Павломъ современнымъ ему христіанамъ:

„Какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ"......

„Но братъ съ братомъ судится, и при томъ предъ невѣрными". (Къ Коринѳянамъ, гл. VI, ст. 1, 6).

Замѣчательный фактъ. Застывшіе на библейской буквѣ караимы, приверженцы Талмуда и поклонники Евангелія сошлись въ одномъ пунктѣ. Когда внѣшній міръ относился къ нимъ слишкомъ непріязненно и презрительно, они одинаково благородно и упорно протестовали противъ грубой силы, не давая ей доступа въ ту сферу, которая всего священнѣе для каждаго честнаго человѣка—въ сферу правосудія.

Дадимъ же высказаться о данномъ предметѣ самимъ источникамъ съ ихъ оригинальностью въ мысли и способѣ выраженія.

Вотъ одно мѣсто изъ кодекса Маймонида:

«Законы о присягѣ, гл. XI.

«§§ 15 и 16. Всякому, которому присуждается присяга... все равно—библейская или талмудическая, дѣлается внушеніе...Ему говорятъ:

«Вѣдай, что вся вселенная вздрогнула, когда Святый — благословенъ Онъ—сказалъ Моисею: *не произнеси имени Господа, Бога твоего, всуе.* При всѣхъ библейскихъ преступленіяхъ сказано: *И будетъ онъ прощенъ* (т. е. когда преступникъ понесетъ свою кару,

преступленіе прощается ему), тутъ же (при лжеприсягѣ) сказано: *не проститъ Господь того, кто произнесетъ имя Его всуе* [1]. По всѣмъ преступленіямъ противъ торы (закона) взыскивается съ него одного (съ преступника), тутъ же съ него и рода его... Мало того: онъ даетъ поводъ, чтобы кара постигла всего Израиля, ибо израильтяне въ солидарности между собою... По всѣмъ преступленіямъ противъ закона (нравственное возмездіе) отлагается до втораго или третьяго поколѣнія (въ предположеніи), что, быть можетъ, за преступникомъ найдется заслуга; тутъ же взыскивается съ него неотложно. Такъ гласитъ писаніе: Я пустилъ его (проклятіе), говоритъ Господь, и ляжетъ оно на домъ татя. . и на домъ клянущагося именемъ Моимъ во лжи, и водворится оно въ его домѣ, и истребитъ его, и дерева, и камни его [2]...

«§ 17. Если отвѣтчикъ говоритъ: я не буду присягать, то его освобождаютъ (отъ присяги), и удовлетворяетъ онъ истца. Тоже самое, когда истецъ говоритъ: я не желаю, чтобы онъ присягалъ, а прощаю его; тогда они уходятъ (изъ судилища).

«§ 18. Когда же отвѣтчикъ говоритъ: я буду присягать, а истецъ—я настаиваю на томъ, тогда присутствующіе произносятъ: *удалитесь отъ шатровъ этихъ людей-злодѣевъ и не имѣйте соприкосновенія съ ними, чтобы не погибнуть вамъ за всѣ грѣхи ихъ* [3].

«Глава XII.

«§ 1... Не освободиться присягающему во лжи отъ небеснаго возмездія, пока не взыскано будетъ съ него за профанацію имени Великаго (Господа)... Посему-то слѣдуетъ человѣку остерегаться этого преступленія болѣе всѣхъ другихъ преступленій.

«§ 2. Преступленіе сіе относится къ тяжкимъ... хотя оно не наказывается ни смертью отъ руки Божьей (Karet) [4], ни смертью судейскою (наказаніе, совершаемое свѣтскою властью по приговору суда), такъ какъ оно есть профанація святаго Имени, что составляетъ величайшее преступленіе».

Таково перешедшее въ кодексъ мрачное воззрѣніе евреевъ на «*тягчайшее*» злодѣяніе изъ группы *десяти заповѣдей*, — преступленіе, противъ котораго еврейское міросозерцаніе *не знаетъ ни*

[1]) Исходъ, гл. XX, 7. [2]) Захарія, гл. V, 4. [3]) Это слова, сказанныя Моисеемъ при возмущеніи Корея и его сообщниковъ. (Числа, гл. XVI, 26). [4]) За всѣ преступленія противъ религіи въ тѣсномъ смыслѣ, за исключеніемъ субботы, еврейское законодательство грозитъ *истребленіемъ отъ руки Божьей* (Karet) — терминъ, *невѣрно* принимаемый за смертную казнь въ обыкновенномъ смыслѣ. (Z. Frankel, der gerichtliche Beweis, p. 17).

искупленія, ни избавленія. Лжеприсяга единичной личности составляетъ, по еврейскому понятію, измѣну противъ всей націи, посягательство на спокойствіе совѣсти и благополучіе цѣлаго народа!

Кто хоть немного знакомъ съ духомъ еврейства, тотъ пойметъ, что совершеніе присяги «именемъ Великаго» достаточно для того, чтобы религія смотрѣла на нее во всѣ глаза, сосредоточила всю строгость свою и сдѣлалась безпощадною къ клятвопреступнику, его племени, роду и народу.

Соотвѣтственно народному понятію о присягѣ сложилась и правовая теорія объ этомъ актѣ, которой исходною точкою послужило сознаніе необходимости *удержать въ народѣ присягу на ей пристойной высотѣ*, не давать ей терять обаянія глубокой, такъ сказать, тихой святости. И, вѣрное своему характеру, іудейство не прибѣгало тутъ къ эффектнымъ, одуряющимъ чувство церемоніямъ, что вообще противно ему, іудейству, какъ колдовство и ворожба [1]. Оно не обставило присяги никакой внѣшней помпой и обрядностью, такъ что

1) Присяга совершается по простой формулѣ:

a) При библейской:

«*Я присягаю именемъ Господа-Бога въ томъ*, что...»

b) При талмудической или раввинской:

«*Я присягаю въ томъ*, что...» [2].

2) Древне-еврейскій языкъ не составляетъ необходимости присяги, *имѣющей рѣшительно одинаковую силу на какомъ бы нарѣчіи она не произносилась* [3]. Еще болѣе: совершеніе ея, напр., въ земляхъ магометанскихъ по формулѣ, выработанной исламомъ [4],

[1]) Маймонидъ хотѣлъ, для воздѣйствія на воображеніе присягающаго, ввести слѣдующій обрядъ:

„Чтобы приносящій прасягу становился предъ кивотомъ возлѣ носилокъ, употребляемыхъ для выноса мертвыхъ тѣлъ. Чтобы по обѣ стороны носилокъ клались пузыри, наполненные воздухомъ, какъ символъ тѣла, въ который вдунутъ духъ жизни. Далѣе, чтобы зажигались свѣчи, какъ символъ истины и души, а раввинъ или выборный общества далъ присягающему пятикнижіе, что составляетъ величайшую святыню евреевъ... Чтобы вслѣдъ за произнесеніемъ присяги прислужниками синагоги прокалывались пузыри, тушились свѣчи и звуки грозной для евреевъ трубы поражали слухъ присягающаго".

Но этотъ исполненный глубокаго смысла обрядъ не встрѣтилъ сочувствія у евреевъ и не вошелъ въ практику. [2]) H. B. Fassel, das Mosaisch-Rabbinische Gerichts-Verfahren, § 190. [3]) Маймонидъ, Законы о присягѣ, гл. XI, § 14. [4]) *Нѣтъ Бога кромѣ Бога.*

имѣетъ по еврейскому праву такую же законность и святость, какъ чисто-еврейская присяга (¹), и

3) Даже совершеніе ея въ синагогѣ *не обязательно*, а большею частію она производится „въ мѣстѣ засѣданія суда".

Словомъ, присяга не связана ни съ какою внѣшностью, исключая только то, что она совершается на предметѣ, имѣющемъ священный характеръ, какъ пятикнижіе или филактеріи (²).

Чтобы не ослабѣло въ массѣ благоговѣніе къ данному религіозно-юридическому акту, еврейское право старалось только придать ему значеніе *чрезвычайнаго средства* для добыванія истины. Съ этою цѣлію еврейское право съузило границы присяги тѣмъ, что оно:

1) Признаетъ лишь *два рода присяги:*

a) Библейскую, которя соотвѣтствуетъ *очистительной присягѣ* (juramentum purgatorium) и присуждается только отвѣтчику, и

b) *Талмудическую или раввинскую.* Она соотвѣтствуетъ *утвердительной присягѣ* (juramentum assertorium) и пріемлется большею частію истцомъ (³).

---

¹) Z. Frankel, der gerichtliche Beweis, p. 213. ²) Маймонидъ, законы о присягѣ, гл. XI, §§ 11, 12. ³) Не зная всей категоріи *обѣщательной присяги* (Juramentum promissorium), напр., на вѣрность *подданства, службы* и т. под., моисеево и талмудическое право не требуютъ также присяги *для подтвержденія свидѣтельскихъ показаній.* Такъ какъ *лжесвидѣтельство* столь же строго запрещено, какъ и *лжеприсяга*, и оба злодѣянія одинаково предусмотрѣны *декалогомъ*, то поэтому весьма понятно, что судъ не имѣетъ никакой гарантіи, чтобы человѣкъ, позволивши себѣ нарушеніе заповѣди: ,,Не произнеси ложнаго свидѣтельства на ближняго твоего", не позволилъ бы себѣ также нарушеніе другой заповѣди: ,,Не произнеси имени Господа, Бога твоего, всуе". Расположеніе свидѣтелей посредствомъ присяги *къ серьезности при своихъ показаніяхъ* еврейское право считаетъ тоже лишнимъ, такъ какъ по народному воззрѣнію показанія даются предъ лицемъ Бога, присутствующаго въ судейской коллегіи. Этого вполнѣ достаточно, чтобы свидѣтель взвѣшивалъ строго каждое слово свое и былъ правдивъ и искрененъ въ своихъ показаніяхъ. Кромѣ того, судебное слѣдствіе требуетъ очень тщательнаго допрашиванія каждаго изъ свидѣтелей порознь, отъ чего всякая фальшь большею частію дѣйствительно обнаруживается. Таковъ настоящій взглядъ еврейскаго права на этотъ предметъ.

Тѣмъ не менѣе практика въ этомъ пунктѣ не вездѣ одинакова. Такъ, въ земляхъ магометанскихъ, гдѣ господствующее право сходно съ еврейскимъ по данному предмету, раввинскій судъ остался вѣрнымъ основному взгляду еврейскаго права, и не допускаетъ допрашиванія свидѣтелей подъ присягой; въ земляхъ же христіанскихъ раввинскій судъ поддался влія-

2) Еврейское право требуетъ, чтобы присужденіе судьею присяги имѣло *юридическое основаніе*, въ противномъ случаѣ оно произвольно и противозаконно (¹), и

3) Оно возводитъ *склоненіе сторонъ къ миру* въ существенное условіе юрисдикціи.

Въ силу этого начала судъ обязанъ *всячески* склонять тяжущихся къ примиренію и полюбовной сдѣлкѣ.

Таковы коренныя причины, имѣвшія прямымъ послѣдствіемъ то, что присяга стала у евреевъ явленіемъ *рѣдкимъ* и случай совершенія ея получаетъ значеніе чуть ли не *событія*. Таковы настоящія причины того отраднаго явленія въ жизни евреевъ, что приносившій хоть разъ присягу, даже по чистой совѣсти, сильно роняетъ себя въ глазахъ общества и лишается общаго довѣрія. Вотъ почему еврей большею частію готовъ скорѣе понести самыя чувствительныя потери, чѣмъ исполнить присужденную судомъ присягу.

Мы только тогда поймемъ вѣрность самаго факта и на сколько онъ является слѣдствіемъ исключительно разумнаго такта еврейскаго права, недопустившаго присягѣ упасть до явленія вседневной, обиходной жизни, когда примемъ въ соображеніе, что именно размноженіе видовъ присяги (въ римскомъ правѣ она расплодилась чуть ли не до тридцати) и, главное, частое употребленіе ея какъ судебнаго доказательства неминуемо ведетъ къ частому *клятвонарушенію и лжеприсягѣ*, къ утратѣ кредита ея въ глазахъ народа и, наконецъ, самаго законодательства (²).

Мы не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ одно обстоятельство, не лишенное интереса.

Чрезвычайная рѣдкость лжеприсяги у евреевъ служитъ осязательнымъ доказательствомъ, что суровыя наказанія вовсе не ограждаютъ закона отъ нарушенія, не поддерживаютъ въ народномъ сознаніи, какъ обыкновенно полагаютъ, идеи права, и что легче

нію внѣшняго міра и *допускаетъ* санкціонированіе показаній присягой. (Z. Frankel, p. 212—213). ¹) Ibid, p. 314. ²) Такъ, напр., по русскому праву ,,дѣло, оконченное присягою, теряется безвозвратно". При такомъ, повидимому, безусловномъ довѣріи къ присягѣ русское право допускаетъ, однакожъ, изъятія изъ этого правила, и въ извѣстныхъ случаяхъ само признаетъ „несовершенство окончанія дѣлъ присягою". Критика права требуетъ, и весьма раціонально, возвести изъятіе въ норму и ,,сдѣлать общимъ для всѣхъ исковъ". (Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство" М. Филиппова, ,,Современникъ", т. LXXI, p. 214).

и разумнѣе *предупреждать* злодѣяніе, чѣмъ *карать* за его совершеніе.

Еврейское уголовное право, это нужно имѣть въ виду, *не полагаетъ за данное «тягчайшее» злодѣяніе никакой кары.*

Не менѣе безупречно отношеніе евреевъ къ присягѣ, присуждаемой судомъ государственнымъ ([1]).

Оставляя въ сторонѣ разныя цитаты изъ еврейскихъ книгъ, мы только приведемъ отзывъ лейпцигскаго юридическаго факультета отъ 1774 г., какъ доказательство, основанное на *фактахъ и опытѣ*.

Вотъ существенное содержаніе сказаннаго отзыва:

«. . . . Die Erfahrung lehret, dass gewissenhafte Juden sehr schwer an die Ablegung eines Eides zu bringen sind» ([2]).

(*Опытъ доказываетъ, что очень трудно склонять добросовѣстныхъ евреевъ къ принесенію присяги*).

Выяснившійся взглядъ евреевъ на разрабатываемый предметъ, равно и фактическія данныя приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію:

Во первыхъ, мнительность европейскихъ законодательствъ по отношенію къ присягѣ евреевъ была и есть неосновательное подозрѣніе цѣлой націи въ преступленіи, къ которому ея нравоученіе и міросозерцаніе относятся не менѣе строго, чѣмъ нравоученіе и міросозерцаніе любаго культурнаго народа.

Во вторыхъ, разрѣшеніе отъ присяги есть злостная выдумка, подвохъ въ самой смѣшной формѣ. Этому присягоразрѣшенію противорѣчатъ: религія, право и свидѣтельство ученыхъ корпорацій.

Итакъ, какой же настоящій смыслъ этой молитвы или обряда, отъ котораго «вся нравственная основа общественной жизни дѣйствительно рушится»?

Отрѣшимся сперва отъ присяги, судей и судбища, и перейдемъ въ совершенно другую область, именно къ проявленіямъ піетизма и религіознаго подвижничества, выражающихся въ *зарокахъ и обѣтахъ, клятвенныхъ обѣщаніяхъ и запретахъ.* Они то составляютъ предметъ извѣстной *формулы*, истолкованной нашимъ почтеннымъ авторомъ, по *невинной ошибкѣ*, разрѣшеніемъ или отреченіемъ отъ присяги.

[1]) ,,Касательно присяги не существуетъ никакого различія, дана ли она еврею или язычнику" (Д. Хвольсонъ, ,О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, p. 51). [2]) Z. Frankel, p. 496.

Тутъ умѣстно будетъ объяснить читателю, на чемъ основана эта невинная ошибка.

Въ древне-еврейскомъ языкѣ слово *шебуа*, какъ нѣмецкое *Schwur*, означаетъ:

a) *Клятвенное обѣщаніе, божбу, зарокъ, закаиваніе* ([1]) и

b) *Судейскую присягу* ([2]).

Въ сказанной формулѣ, гдѣ исчислены всевозможные виды *обѣта и клятвы*, находится также слово *шебуа*. И само собою разумѣется, что нашъ авторъ, выражаясь его степеннымъ, полнымъ внутренняго достоинства, слогомъ, «счелъ своею священною обязанностью»—ошибиться, забыть о всѣхъ значеніяхъ, связанныхъ съ даннымъ словомъ, и перевести вмѣсто «зарокъ»—*присягу* (хотя это вовсе не идетъ къ содержанію текста), чтобы ломать надъ евреями копье, лишая ихъ религіозной и юридической чести и честности.

Но о какихъ же обѣтахъ можетъ быть рѣчь въ еврействѣ, застывшемъ на торгашествѣ и возведшемъ базаръ въ храмъ и барышничество въ культъ...?

У евреевъ есть особый сезонъ покаянія и исповѣди, который носитъ названіе *серьезные дни* и соотвѣтствующій во многомъ великому посту предъ Свѣтлой недѣлей. Продолжаясь тридцать девять дней, онъ обнимаетъ собою весь послѣдній мѣсяцъ отходящаго и десять дней изъ наступающаго года еврейской эры ([3]), и замыкается *днемъ отпущенія*. Находясь на рубежѣ двухъ лѣтъ, истекающаго и наступающаго, эти *серьезные дни* ([4]) имѣютъ назначеніемъ быть нравственнымъ регуляторомъ жизни, заставить человѣка оглянуться на свое прошлое и призадуматься надъ своимъ будущимъ. По еврейскому міровоззрѣнію, новый годъ и день отпущенія—это время *суда для всего существующаго.* Этому суду подвергаются царства, народы и племена въ общности и каждый индивидуумъ въ частности. Тогда, какъ выражается религіозное творчество евреевъ, хорошіе и дурные поступки человѣка тщательно взвѣшиваются, и перевѣсъ въ ту или другую сторону опредѣ-

[1]) Маймонидъ Schebuot, гл. IV, § 8, гдѣ данное слово означаетъ: *закаиваться, зарекаться* (verschwören). [2]) Тамъ, гдѣ необходимо сдѣлать различіе между *присягою и зарокомъ*, напр. въ кодексѣ, первое обозначается словами: «Schebuat ha-dajanin», а второе «Schebuat bituj». [3]) Т. е. отъ сотворенія міра. [4]) Въ кодексѣ и молитвословѣ *серьезными днями* называются только *новогодіе и день отпущенія*; но народъ распространилъ это названіе на весь 39-ти дневный періодъ.

ляетъ его судьбу, его будущность. Словомъ, по народному вѣрованію, тогда рѣшается вопросъ *быть или не быть*.

Эта идея глубоко коренится уже въ древнѣйшихъ молитвахъ на означенные дни. Вотъ одна изъ такихъ молитвъ:

„Сей день (новаго года), первый въ бытіи, напоминаетъ о началѣ временъ... Въ сей день обрекаются страны: та на войну, а та на миръ; та на голодъ, а та на изобиліе; и отдѣльныя существа подвергаются въ этотъ день отчету, и провозглашаютъ о нихъ жизнь или смерть. Кого не поминаютъ въ этотъ день? Тебѣ (Господу) предлежитъ отчетъ о всякомъ твореніи: поступки человѣка и его назначеніе; дѣла и шаги смертнаго; намѣренія и помыслы сыновъ праха; побужденія и образъ дѣйствій каждаго".

Этотъ періодъ исповѣди ассоціируется особыми молитвами «О прощеніи». Въ нихъ сочетались глубоко прочувствованная религіозная скорбь съ глухимъ стономъ страданія, которые совокупно дали содержаніе этимъ памятникамъ синагогальнаго творчества, весьма, впрочемъ, слабымъ въ литературномъ отношеніи. Подобнаго рода мрачныя, заунывныя и щемящія сердце произведенія могло создать только гетто, въ которомъ все цѣпенѣло и глохло, въ которомъ люди до забвенія упивались религіей, столь же для нихъ спасительной, какъ вино для мучимаго горемъ. Эта тріодь дѣйствуетъ тѣмъ неотразимѣе на молящагося, что тутъ все неподдѣльно: отъ фактовъ, передаваемыхъ нерѣдко съ точностью лѣтописи, до лирическаго движенія, воплотившагося въ молитвѣ — все дышетъ правдою и искренностью. Не выходя изъ тѣснаго круга религіознаго міровоззрѣнія, эти молитвы оправдываютъ совершавшееся надъ евреями, какъ *заслуженное возмездіе и справедливую кару за грѣховность и отступничество*, и просятъ о прощеніи и отпущеніи. Коротко, онѣ проникаютъ насквозь и на долго оставляютъ гнетущее впечатлѣніе.

Какъ бы нарочно для того, чтобы усугубить это давящее уныніе, молитвы о прощеніи читаются въ ту пору, когда человѣкъ всего болѣе склоненъ къ грустному настроенію и религіозной медитаціи, когда онъ всего болѣе способенъ сосредоточиться и углубиться въ себя—въ глухую и темную ночь, далеко до пѣтуховъ [1].

[1] Заимствуемъ изъ классическаго сочиненія Л. Цунца „Синагогальная поэзія въ средніе вѣка" (p. 42) слѣдующій отрывокъ молитвы этого цикла:

. . . . . .

Unrein heissen wir, verkehrt,
Verwirrt, verirrte sonder Rast;
Bei den Völkern rund umher verhasst
Ist uns der Sinn verstört:
Geängstiget als rasten Leuen,
Wir die off'ne Strasse scheuen.
Die Rachedurstigen sich freuen
Nach Gelüst mit uns zu schalten;
Kinder, Frau'ngestalten
Liegen zerspalten.
Und Du, o Gott! kannst an Dich halten?

Meine Widersacher brüllen,
Die Fahne kündet ihren Willen;
Mit Speer und Spiessen ihre Buben
Mich rupfen, mich umrennen,
Das Gesicht mir brennen:
Meinen Schritten drohen Gruben,
Angstvoll lauf'ich ohne anzuhalten;
Ein Moor, der mich berge, wird mein Grab:
Es blickt von seinen hohen Stuben
Siegesstolz auf mich der Feind herab —
Und Du, o Gott! kannst an Dich halten?

Далѣе, народный обычай предписываетъ посѣщеніе кладбища въ данный періодъ покаянія. И по привязанности евреевъ къ семейству и по благоговѣнію къ памяти «святыхъ» или, вѣрнѣе *мучениковъ*—это посѣщеніе могилъ близкихъ родственниковъ и безсмертныхъ въ народной памяти угодниковъ крѣпко потрясаетъ каждаго. Это въ буквальномъ, но въ высокомъ смыслѣ rendez-vous живыхъ съ мертвыми. Предъ сими послѣдними изливается все гнетущее горе, все житейское бездолье да невзгодье, и въ горячихъ молитвахъ и слезахъ каждый проситъ о заступничествѣ въ день суда и прощенія.

Такова въ главныхъ чертахъ декорація этого періода, который завершается днемъ исповѣди и окончательнаго рѣшенія участи каждаго—днемъ, сочетавшимъ въ себѣ *изъ праздниковъ праздникъ* [1] съ строжайшимъ изнуреніемъ и постомъ, многократнымъ паденіемъ ницъ и, вдобавокъ, *похороннымъ костюмомъ*, дѣлающимъ блѣднолицыхъ постниковъ похожими на *шекспировскія тѣни*.

Легко догадаться, что эта ассоціація идей и душеспасительнаго упражненія впродолженіе почти шести недѣль доводитъ до экзальтаціи массу, не лишенную вообще ригоризма и, по цѣльности еврей-

[1] „Суббота субботъ", по библейскому выраженію (Левитъ, гл. XVI, ст. 31).

ской натуры, доходящую во всемъ до крайности. Подвиги угодничества получаютъ тогда нерѣдко характеръ отчаянія и одурѣнія,— что *положительно противно іудейству*. Кромѣ, напр., двухъ постовъ, установленныхъ за данный періодъ, многіе, и даже очень многіе, налагаютъ на себя сверхсмѣтные посты въ значительномъ количествѣ. Иные, болѣе закаленные характеры, соблюдаютъ *непрерывный* постъ впродолженіе *нѣсколькихъ сутокъ сряду* (¹). Нерѣдкость встрѣтить людей, проводящихъ послѣднія сутки исповѣди цѣликомъ въ синагогѣ, во всенощномъ бдѣніи, безпрерывной молитвѣ и, что особенно утомительно, *стоя на ногахъ*. Раздача милостыни, эта общерелигіозная панацея, производится въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и даже иногда такими лицами, которыя сами живутъ подаяніемъ. Были случаи, что люди жертвовали *всѣмъ своимъ имуществомъ* въ угоду, какъ они думали, Богу (²). Всякаго рода обѣты, клятвенныя обѣщанія, зароки и т. под. даются тогда евреями съ тѣмъ легкомысліемъ, которое возможно только въ минуты увлеченія, когда человѣкъ не способенъ соразмѣрнться съ своими физическими силами, когда онъ не въ состояніи соображаться съ обстоятельствами и взвѣшивать послѣдствія, которыя неминуемо долженъ повлечь за собою тотъ или другой запретъ, добровольно на себя наложенный.

Нужнымъ считаемъ, хоть и не кстати, обратить вниманіе читателя на то, что вообще давать обѣты необдуманно и съ увлеченіемъ составляло черту еще *библейскихъ евреевъ* (³).

О высокомъ религіозномъ настроеніи, особенно въ былые годы, когда народъ всецѣло заполоненъ былъ вѣрой, можно судить по слѣдующему:

За довольно значительный періодъ германскіе евреи торжествовали праздникъ отпущенія, вмѣсто установленнаго *однодневнаго* срока, *двое сутокъ*, т. е. они пребывали въ постѣ не двадцать шесть часовъ, какъ этого требуетъ канонъ, а *слишкомъ пятьдесятъ часовъ* (⁴).

Для читателя не-еврея стоитъ замѣтить, что поститься не зна-

---

¹) Намъ памятенъ случай пятисуточнаго непрерывнаго поста, отъ воскресенья еще до захода солнца до пятницы вечеромъ. ²) „Гаракмель", ежемѣсячный журналъ, годъ второй, выпускъ V (1873). Статья М. С. Плунгянскаго, р. 238. ³) С. И. Финъ, „Исторія евреевъ", часть I, 1871 года, р. 101, § 54. ⁴) Gvaetz. VII р., 184.

читъ у евреевъ воздержаться отъ одного скоромнаго, отказать себѣ въ томъ, безъ чего обойтись можно, а

Лишить себя того, безъ чего жизнь физіологически немыслима.

Безразлично запрещается тогда пища и питье въ дозѣ менѣе всякой данной величины.

Обречь себя добровольно, чуть ли не съ явною опасностью для жизни, на пятидесяти - часовой *еврейскій* постъ есть со стороны массы поступокъ, пожалуй, безразсудный, но во всякомъ случаѣ *подвигъ*, достойный изумленія. На подобнаго рода отрѣшеніе отъ жизни люди способны лишь въ моменты вдохновенія, да исключительнаго настроенія, когда человѣкъ, какъ говорится, самъ не свой.

По приведенному образчику не трудно представить себѣ, до чего экзальтація можетъ доходить въ исключительныхъ натурахъ, въ «особенныхъ людяхъ» съ непреклонными *вѣрой*, *убѣжденіемъ и волей*—что у евреевъ не рѣдкость. Не трудно, повторяемъ, представить себѣ, до какихъ дикихъ обѣтовъ можетъ довести такихъ людей убѣжденіе, что посредствомъ лишенія и самоизнуренія всего вѣрнѣе можно искупить свои собственныя прегрѣшенія и грѣхи міра.

Когда намъ выяснится фактическое отношеніе евреевъ къ обѣтамъ и взглядъ канона на этотъ же предметъ, тогда мы найдемъ неизвѣстное: мы поймемъ мотивъ этого разрѣшенія, которое на первый взглядъ имѣетъ неблаговидный характеръ хоть съ этической точки. Мы убѣдимся, на сколько оно *законно и необходимо* при данныхъ условіяхъ.

Оставляя нетронутыми многіе частные случаи, мы остановимся на одномъ фактѣ, имѣющемъ историческое значеніе. Онъ рѣзко опредѣлитъ намъ отношеніе евреевъ къ обѣтамъ.

Въ нынѣшнее время, говоря языкомъ источниковъ, т. е. при отсутствіи Законодательнаго Корпуса—Синедріона и по прекращеніи обряда посвященія въ судейскій санъ, евреи лишены по духу своего права *законодательной власти*, и всѣ новыя постановленія и учрежденія, совершаемыя въ еврействѣ, не имѣютъ правовой санкціи и, слѣдовательно, юридически *необязательны*. Между тѣмъ, еврейство фактически не превратилось въ мумію: оно развивалось, видоизмѣнялось, гибко приноравливаясь къ различнымъ обстоятельствамъ, и за все время, когда евреи пользовались автономіей, раввинскими синодами, равно какъ и представителями отдѣльныхъ общинъ и цѣлыхъ странъ, дѣлались распоряженія и учрежденія, чинимы были постановленія, принимались мѣры и т. под., которыя

на дѣлѣ исполнялись добросовѣстно. А нужно знать, что у евреевъ не было также и *карательной власти* для принужденія массы къ подчиненію этимъ постановленіямъ. Они почитались строго и честно единственно въ силу того обстоятельства, что

Всѣ эти постановленія, учрежденія и мѣры принимались въ качествѣ обѣта, клятвы, анаѳемы (херемъ) и прочихъ видовъ обѣта (¹).

Другаго болѣе надежнаго средства и не нужно было, чтобы держать народъ въ повиновеніи тому, что выработалось потребностью историческихъ условій и что необходимо должно было окристаллизоваться въ нѣчто «свято-ненарушимое» для народа.

Стоитъ только вспомнить установившійся у евреевъ *херемъ на многоженство*, чтобы получить конкретное представленіе объ уваженіи, какимъ пользуется названный видъ обѣта, въ который облеклась полная значенія юридически-бытовая перемѣна, коково уничтоженіе полигаміи.

И такъ, отношеніе евреевъ къ обѣтамъ есть въ полномъ смыслѣ *скрупулезное*. Неисполненіе обѣта считается у нихъ крупнымъ преступленіемъ, нарушеніемъ одного изъ важнѣйшихъ законовъ нравственности.

Перейдемъ же къ канону.

Одобряя все, что имѣетъ цѣлью «облагороживать образъ мыслей и поступки» человѣка, канонъ смотритъ неблагосклонно, если, даже это само по себѣ «похвальное» намѣреніе выражается обѣтомъ; обѣты же, исходящіе изъ грубаго суевѣрія и способные поддерживать только *языческое* въ религіи, положительно осуждаются имъ, канономъ. Лучше, чтобы ты не давалъ обѣтовъ, чѣмъ дать ихъ и не исполнить—говоритъ уже ветхозавѣтный философъ (²), а отцы синагоги дѣльнѣе и глубже посмотрѣли на этотъ предметъ, и, по своему положительному характеру, не ограничились голой сентенціей, а облекли свой взглядъ въ твердое положеніе. По ихъ мнѣнію: *лучше разрѣшить обѣтъ, чѣмъ оставить человѣка тяготиться имъ*

¹) Отсюда выраженіе: ,,сдѣлать постановленіе подъ херемъ'' (Graetz VII, p. 122).

Обѣтъ получаетъ названіе: ,,запретъ, анаѳема, клятва,'' и т. д., смотря по тому, чѣмъ онъ закрѣпляется. Такъ, напр., если одинъ далъ обѣтъ отправиться въ Палестину и закрѣпилъ этотъ обѣтъ клятвою, тогда обѣтъ называется ,,клятвою''. Если одинъ закаялся пить вино подъ выраженіемъ: ,,будь я анаѳема'', когда буду вино пить, тогда обѣтъ называется ,,анаѳемою'' (херемъ) и т. д. ²) Екклезіастъ, гл. V, ст. 4.

или самовольно нарушить его. Поэтому отцы синагоги узаконили, что *всякій обѣтъ можетъ быть разрѣшаемъ по установленному обряду*, хотя, какъ замѣчаютъ они сами, это разрѣшеніе не имѣетъ никакого основанія въ законѣ (¹).

Такимъ образомъ, подлежа по канону отмѣненію только со стороны религіи, клятва или зарокъ остаются въ своей святости въ глазахъ человѣка, который самъ невластенъ играть своимъ словомъ и въ тоже время онъ выводится изъ щекотливаго положенія, въ какое его поставила собственная опрометчивость.

Забѣгая немного впередъ, мы позволимъ себѣ высказать, что разрѣшеніе отъ обѣтовъ тождественно, по своей идеѣ и формѣ, съ христіанскою исповѣдью. Произносимое въ христіанствѣ *духовникомъ* миротворительное слово для возвращенія спокойствія совѣсти кающемуся, произносится въ еврействѣ, какъ это выяснится намъ дальше, большею частью *коллегіей изъ трехъ*.

Вотъ нѣкоторыя литературныя данныя, въ которыхъ этотъ взглядъ вполнѣ и ясно высказывается:

1) Формула исповѣди (²) гласитъ между прочимъ такъ:

«И я не каюсь въ совершеніи сихъ благихъ дѣлъ, а каюсь въ томъ, что принялъ на себя эти дѣла въ качествѣ обѣта».

Кающійся молитъ Бога снять съ добрыхъ дѣлъ, имъ творимыхъ, печать неодобряемаго религіей обѣта. Онъ выражаетъ намѣреніе оставаться неизмѣнно твердымъ въ благихъ дѣяніяхъ, не закабаливая себя никакимъ обязательствомъ.

2) Маймонидъ, законы о обѣтахъ, гл. IV.

«§ 5) Если кто либо далъ обѣтъ, и его взяло раздумье, то онъ долженъ обратиться къ ученому и тотъ разрѣшаетъ ему. И порядокъ разрѣшенія отъ обѣтовъ подобенъ порядку разрѣшенія отъ клятвенныхъ обѣщаній (³), именно: вправѣ разрѣшить только ученый, просвѣщенный или трое неученыхъ, когда ученаго нѣтъ.

«Гл. XIII.

«§ 23) Если кто либо далъ обѣтъ съ цѣлью облагороживать свой образъ мыслей и поступки свои, то онъ считается рачительнымъ (saris) и достоинъ похвалы. Такъ, напр., если одинъ былъ чревоугодникъ и закаялся употреблять мясо на годъ или на два

¹) ,,Разрѣшеніе отъ обѣтовъ летаетъ въ воздухѣ, и ему не на что опираться''. (Mischnah, Hagigah, I. § 9). ²) *Hatarat nedarim*. Эта формула исповѣди произносится предъ *треля* евреями. ³) Ibid., законы о клятвахъ. гл. VI. §§ 1. 5.

года; или если одинъ предавался вину (пьянству) и закаялся пить вино на долгое время или навсегда; или если одинъ гонялся за мздою, помѣшался на богатствѣ и закаялся принимать подарки... Также, если одинъ гордился своею красотою, и далъ обѣтъ *назарейскій* и т. под. — всѣ таковые обѣты имѣютъ характеръ религіозный...

«§ 24) И хотя они имѣютъ характеръ религіозный, человѣку не слѣдуетъ однакожъ часто давать обѣты-запреты (обѣты, закрѣпленные запретомъ) и упражняться въ нихъ; но слѣдуетъ отрѣшиться, отъ чего отрѣшиться нужно, не обѣтуя.

«§ 25) Мудрецы (отцы синагоги) рѣшили: кто даетъ обѣтъ—все равно что строитъ капище; если же одинъ совершилъ проступокъ, и далъ обѣтъ, онъ обязанъ просить разрѣшенія отъ своего обѣта».

Врядъ ли сильное выраженіе: «*все равно, что строитъ капище*» требуетъ еще толкованія. На современномъ нарѣчіи оно значитъ: *быть идолопоклонникомъ*.

Таково строгое осужденіе, какое еврейскій канонъ или этика произноситъ надъ изувѣрскимъ воздержаніемъ и «ревнительскимъ» подвижничествомъ по преимуществу. Это чрезмѣрное постничество, или непрошенное и безразсудное жертвованіе своимъ достояніемъ, это поползновеніе къ самоизнуренію и насилованію природы, этика отвергаетъ, какъ несбыточное или, еще хуже, какъ вредное и *языческое* (¹). И вполнѣ вѣренъ ея взглядъ, такъ какъ, давая то или другое неудобоисполнимое обѣщаніе, человѣкъ, если онъ принадлежитъ къ золотой срединѣ, только ставитъ себя въ положеніе, при-

¹) На сколько обѣты, вытекающіе, напр., изъ вѣрованія въ чудотворную силу усопшихъ, не терпимы іудействомъ, можно усмотрѣть изъ слѣдующаго казуса, заимствованнаго нами изъ собранія респонсовъ (Венеція, 1565 г., № 3) ерусалимскаго раввина Леви бенъ Хабиба.

Нѣкто Лазарь, сынъ Ефета, во время эпидеміи лишился отца, а вскорѣ потомъ онъ самъ занемогъ тяжкою и продолжительною болѣзнью. Это побудило его дать слѣдующій, по смыслу своему не ясный, обѣтъ: отправиться въ Ерусалимъ и жертвовать во имя пророка Самуила „четверть тѣла своего“ (четвертую часть его стоимости въ пользу бѣдныхъ). Но по крайней нищетѣ и болѣзни своей онъ не былъ въ состояніи предпринять дальнее путешествіе и исполнить свое обѣщаніе.

Вникая въ смыслъ этого дикаго обѣта, названный раввинъ рѣшилъ:

Будучи противнымъ духу религіи, такого рода обѣтъ не имѣетъ рѣшительно никакой обязательной силы и *не требуетъ даже разрѣшенія*, а давшій обѣтъ долженъ молить Бога о прощеніи ему такого проступка, „тогда, быть можетъ, онъ найдетъ исцѣленіе отъ своего недуга“.

нуждающее его измѣнить своему слову и нарушить клятву; если же онъ принадлежитъ къ «особеннымъ людямъ», онъ будетъ только напрасно подточивать свое здоровье, только безполезно налагать на себя руку. Словомъ, дающій обѣтъ неизбѣжно становится преступникомъ либо противъ *этики*, либо провитъ *физіологіи*.

Другаго исхода тутъ нѣтъ, такъ какъ бороться противъ натуры или даже противъ привычекъ, вошедшихъ въ нравственный складъ человѣка, или *опасно* или *напрасно*.

Тутъ кстати привести высказанное Маккіавели замѣчаніе:

Въ поступкахъ людей нельзя довѣряться никакимъ словамъ, никакимъ торжественнымъ обѣщаніямъ, если они не закрѣплены привычкой.

Тѣмъ болѣе, прибавимъ отъ себя, если они прямо *противны* натурѣ или прочно сложившимся привычкамъ.

Выразимъ же сжато условія, которыя мы должны имѣть тутъ въ виду. Съ одной стороны, евреи склонны къ обѣтамъ, въ особенности въ многознаменательный періодъ исповѣди, съ другой же стороны, религія относится какъ бы подозрительно къ этимъ непрошеннымъ клятвамъ и обязательствамъ и не допускаетъ также, чтобы человѣкъ относился, по выраженію кодекса, съ «легкою головою» (¹) къ своему слову, къ разъ принятому рѣшенію. Чтобы освободиться отъ подобнаго рода нравственнаго обязательства, религія требуетъ исполненія извѣстной формы и установленнаго обряда.

Изъ этихъ то условій какъ бы само собою вынырзетъ загадочное обѣторазрѣшеніе. Оно совершается въ два момента обозначеннаго нами горячаго времени: болѣе частнымъ образомъ *наканунѣ новаго года* и всенародно и торжественно *при наступленіи дня исповѣди*,—моменты, когда евреи находятся въ особенно экзальтированномъ настроеніи. Обусловливая собою прощеніе за *дѣйствительно уже нарушенные обѣты*, это разрѣшеніе имѣетъ еще другую, быть можетъ, болѣе важную цѣль. Чтобы въ будущемъ человѣкъ не былъ одержимъ страхомъ, не болѣлъ душой отъ могущаго случиться нарушенія клятвы или слова, такъ сказать, сорвавшагося у него въ пылу религіознаго рвенія, установлена формула (²), троекратно объявляющая:

Всѣ обѣты, запреты, зароки, анаѳемы (херемъ) и т. д. раз

¹) Т. е. легкомысленно (См. Маймонидъ, объ обѣтахъ, гл. II, § 13).

²) «Kal-nidre».

рѣшенными, упраздненными, несуществующими и обращенными въ ничто (1).

Для избѣжанія ложнаго толкованія словъ: *обѣты, анаѳемы* и т. под. въ смыслѣ *общественныхъ постановленій,* которыя облечены были въ эти формы, какъ мы видѣли выше, а равно, чтобы никто не понималъ еврейскаго слова «*шебуа*» въ значеніи *присяги*, приведенная формула имѣла въ старину слѣдующую вставку:

«*Исключая общественныя постановленія и судейскую присягу*» (2).

Такимъ образомъ, данное разрѣшеніе есть ни болѣе и ни менѣе, какъ успокоеніе совѣсти и разумное предохраненіе людей отъ напрасной траты силъ и достоянія на *подвиги*, которые никому не приносятъ пользы, а только явный вредъ самимъ *подвижникамъ*. Къ этимъ порывамъ чрезмѣрнаго благочестія, происходящимъ отъ большаго накопленія религіознаго чувства, іудейство, въ коренной основѣ своей, относится весьма неодобрительно. Не требуя отъ человѣка ни безбрачія и веригъ, ни самобичеванія и нищеты, *еврейская религія осуждаетъ все, что хоть сколько нибудь смахиваетъ на аскетство и факирство,* — все, что клонится къ порабощенію плоти духомъ. При объясненномъ нами разрѣшеніи отъ зароковъ, еврейская религія дѣйствуетъ въ силу *начала*, ею провозглашеннаго:

«*Чтобы человѣкъ жилъ заповѣдями, а не умеръ бы отъ нихъ*».

Т. е., какъ строго религія ни требуетъ исполненія заповѣдей, *она лишаетъ ихъ обязательной силы,* когда въ приложеніи къ жизни онѣ оказываются превышающими обыкновенный уровень людей и требуютъ отъ человѣка геройства, на которое не каждый способенъ. *Заповѣди даны для людей, а не для ангеловъ,* говоритъ одинъ изъ отцовъ синагоги, жившій во второмъ столѣтіи (3).

Дѣйствуя успокоительно на слишкомъ тревожную и щепетильную совѣсть, религія говоритъ въ данной формулѣ геніемъ пророковъ:

«Постъ четвертаго (мѣсяца), и постъ пятаго, и постъ седьмаго (день отпущенія) и постъ десятаго (мѣсяца) пусть будутъ для

1) Согласно требованію канона, чтобы разрѣшеніе совершалось *тремя* лицами, къ кантору присоединяются еще двое изъ молящихся, которые вмѣстѣ составляютъ третейскую коллегію для означенной цѣли. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что формула говоритъ въ первомъ лицѣ, отъ чего она получаетъ характеръ *предварительнаго заявленія* (объ этомъ см. Nedarim, 23, 6). 2) Ibid 23, 6. Tosafot. 3) Graetz. IV, p. 52.

дома Іуды радостью, и весельемъ, и свѣтлыми праздниками, лишь истину и миръ любите» 1).

Не въ подвигахъ самоизнуренія состоитъ, по воззрѣнію юдейства, нравственность человѣка, а лишь *въ добродѣтеляхъ общежитія, гражданской честности и общественной правдѣ!*

И. Шершевскій.

Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исправить вкравшіяся въ нашемъ сочиненіи «О книгѣ кагала» слѣдующія крупныя ошибки:

на стр. 96, строк. 11, напечатано:

«ничтожно—малую норму роста въ 1/2 процента въ мѣсяцъ»,

слѣдуетъ читать:

«уменьшилъ норму роста».

На стр. 106, § 54, напечатано:

(Еврей) пріобрѣтатель не-еврейскаго дома, находящагося въ арендѣ у еврея,

слѣдуетъ читать:

(Еврей) арендовавшій не-еврейскій домъ, въ которомъ еврей имѣетъ хазаку.

И. Ш.

Опечатка. Въ статьѣ «Присяга и ея разрѣшеніе», на стр. 107, строк. 4, снизу, между словами :«свидѣтелей» и «отвѣтчика», пропущено слово: «и».

---

1) Захарія VIII, 19. Собственно юдейство знаетъ только объ *одномъ* постѣ, именно *въ день отпущенія*; другіе же три поста, исчисленные въ настоящемъ библейскомъ текстѣ, суть *не религіозные*, а *историческіе*. Они установлены въ память великихъ историческихъ катастрофъ, испытанныхъ еврействомъ, въ родѣ разрушенія еврейскаго царства вавилонянами и т. п.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ, РАБСТВО, ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЪ.

Изъ лекцій А. Гейгера.

Ничто не рождается на свѣтъ безъ боли и мученій. Всякую новую идею, которая творчески, преобразовательно является въ умственный міръ, ожидаетъ трудная и упорная борьба со всѣми тѣми умственными силами, которыя опираются на традиціонныя права свои, чувствуютъ, что со стороны болѣе могущественной силы угрожаетъ имъ погибель. Противъ такой идеи, силы эти вооружаются всею необтесанностью и грубостью празднаго обладанья, всею рѣзкою надменностью умственной пустоты, такъ легко переходящей въ безпощадную жестокость. Идея, стремящаяся создать новую умственную жизнь, желаетъ, конечно, сражаться только духовнымъ оружіемъ, она носитъ въ себѣ ручательство вѣрной побѣды, въ ней есть нѣчто вѣчное, что въ состояніи преодолѣть всякія затрудненія, противуустоять всякимъ опаснымъ препятствіямъ. Но, хотя она и вступаетъ въ умственный міръ, легко окрыленная, однако, будучи въ постоянной борьбѣ, она вынуждена прибѣгать и къ грубому вещественному оружію и бронѣ, чтобы не быть подавленной уже съ самаго начала.

Молодой Давидъ вступаетъ въ славный бой и выходитъ изъ него побѣдителемъ. Саулъ, до котораго доходитъ слухъ о его смѣломъ предпріятіи, хочетъ надѣть на него шлемъ, панцырь и латы. Давидъ пытается идти въ нихъ, но потомъ бросаетъ ихъ. «Я не привыкъ къ такому вооруженію», говоритъ онъ. И онъ выступаетъ на бой съ Голіаѳомъ, вооруженный лишь своею пастушьей сумой и булыжникомъ — и побѣждаетъ. Увѣренность смѣлаго

юноши не терпитъ стѣсненія и не допускаетъ сковать свободное тѣло. Эта увѣренность въ побѣдѣ отражается въ юномъ пастухѣ, умъ котораго развился и окрѣпъ среди свободной природы. Но думаете ли вы, что Давидъ серьезно познавъ жизнь, также отказался бы отъ панцыря и шлема. Какъ только онъ глубже вникнетъ въ борьбу съ жизнью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ подчиняться и обычаямъ ея, какъ бы онъ ни былъ проникнутъ смѣлымъ юношескимъ духомъ.

Точно также и идея, чтобы осуществиться въ жизни, несмотря на умственную силу, которую она въ себѣ чувствуетъ, должна вооружиться и вступить въ кровавую борьбу, которая угрожаетъ ей со всѣхъ сторонъ.

И ученіе іудейства объ откровеніи не избѣгло этой борьбы. Силы отдѣльнаго человѣка закаливаются въ борьбѣ, возрастаютъ, такая борьба ему въ пользу, но иногда она оставляетъ на немъ свои пыльные слѣды. И іудейству, въ виду свѣта, необходима была такая борьба, но и къ нему пристала пыль и дымъ сраженія. Горсть кочевниковъ, только что вышедшихъ изъ погрязшаго въ идолопоклонствѣ государства, выступаетъ противъ цѣлаго міра, проникнутаго совершенно иными воззрѣніями. Имъ необходимо тѣсно сплотиться, чтобъ не быть подавленнымъ тяжестью внѣшняго міра. Этотъ маленькій народецъ, при помощи жившаго въ немъ божественнаго духа, хотѣлъ возвѣстить новую вѣру, охранять ее и доставить ей побѣду во всемъ мірѣ. Прекрасная, великая, благородная, но и трудная задача! Всякое соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ было западней; всякое слово обмѣненное съ внѣстоящимъ — соблазномъ; всякая дружественная встрѣча, всякая трапеза, раздѣленная съ нимъ было оскверненіемъ, такъ какъ она посвящена была идолопоклонству. Такимъ образомъ, всякое болѣе тѣсное соприкосновеніе съ внѣшнимъ мірамъ было преступленіемъ, борьбой, на которую вызывалъ ихъ этотъ внѣшній міръ. И развѣ можно предположить, чтобы въ средѣ Израиля не нашлось такихъ, которые жадно взирали на то, что окружало ихъ блестящаго и пышнаго? Слова нѣтъ, живой духъ, былъ въ цѣломъ, во всемъ народѣ—не только въ отдѣльныхъ лучшихъ носителяхъ идеи, служившихъ піонерами, чтобы побѣдоносно упрочить новыя воззрѣнія и придать имъ отвѣтственное выраженіе; да, духъ этотъ жилъ и во всемъ народѣ, хотя можетъ быть, и не въ такой сильной степени. Но развѣ

не было и много такихъ, которые соблазнялись чувственною пышностью и увлекались громаднымъ большинствомъ? Вся исторія Израиля въ эпоху существованія перваго храма,—слѣдовательно въ эпоху, въ которую собственно и возникла новая вѣра, представляетъ намъ массу примѣровъ отпаденія и энергической борьбы, которую истинно вдохновенные, великіе люди должны были вести съ погрязшими въ порокѣ.

Чѣмъ болѣе соблазнъ завладѣвалъ Израилемъ, тѣмъ болѣе возрастала опасность, чтобъ червь не подточилъ и здороваго ствола, тѣмъ больше энергіи требовалось со стороны лучшихъ людей, чтобы отдалить эту опасность. Они должны были выступить противъ этого вкоренявшагося зла, противъ всякой порчи, со всевозможною рѣшительностью, съ тѣмъ огненнымъ усердіемъ, которое не только воодушевляетъ къ лучшему, но и выжигаетъ зло. При такомъ положеніи, можно-ли удивляться, что здѣсь и тамъ находимъ проявленія рѣзкости, жесткости относительно другихъ народовъ если тамъ и сямъ проповѣдуется противъ нихъ неумолимая рѣшительность, которая иногда и осуществляется? Должны ли мы удивляться, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о странѣ какой нибудь, не о земномъ какомъ либо достояніи, а объ идеѣ, которая должна быть защищаема и которую нація считаетъ своимъ высшимъ благомъ, возвышающимъ ихъ надъ другими народами и предназначеннымъ для распространенія ею, какъ избранною для этого дѣло, по всему міру,—должны ли мы удивляться, что сильно горитъ въ этихъ людяхъ огонь, воспламеняетъ ихъ, что они иногда обнаруживаютъ чувства, непроникнутыя особымъ дружелюбіемъ къ тѣмъ, которые, какъ соблазнители, хотятъ лишить ихъ самаго дорогаго, самаго священнаго. Говорятъ и разсуждаютъ о великой идеѣ терпимости и совершенно забываютъ время и положеніе, совершенно забываютъ, что эта великая идея умѣстна лишь тамъ, гдѣ существуетъ осмысленное взаимное признаніе и познаніе, и что ею нельзя измѣрять эпоху, въ которую двѣ крайности боролись на жизнь и на смерть. Съ благороднымъ мягкосердечіемъ разсуждаютъ о каждомъ рѣзкомъ словѣ, говорятъ о національной враждѣ и національной гордости (которую впрочемъ, въ настоящее время обнаруживаютъ и при защитѣ гораздо менѣе драгоцѣнныхъ достояній) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ далеко не исключительно объ одной только народности, а о томъ, чтобъ охранить умственную свободу, защищать корень истины и сдѣлать безвредными всякія

ядовитыя вліянія. Нѣтъ, мы не должны удивляться, если встрѣчаемъ иногда въ это время какое нибудь враждебное выраженіе или враждебное предписаніе. Нѣтъ, мы скорѣе должны обратить наше вниманіе на духовную силу, присущую этому народу, на то, что въ этой борьбѣ все таки въ Израилѣ не исчезло сознательное стремленіе обнять все человѣчество и трудиться для него; что при взаимной враждѣ, которая необходимо должна была господствовать, все таки остается въ своей силѣ положеніе: вѣра эта возникла для всего міра, она должна обнять всю землю. Эта чистота и ясность взгляда не была вполнѣ затемнена, и это доказываетъ глубокую духовную жизненность іудейства. Возвышенное чувство овладѣваетъ нами, когда мы, не смотря на рѣзкіе призывы къ борьбѣ, вновь вдыхаемъ ту освѣжительную духовную влагу, которая истекаетъ изъ словъ пророка: „Пусть сынъ чужбины, присоединившійся къ Богу, не говоритъ: мой Богъ не допускаетъ меня къ себѣ и отдѣляетъ меня отъ своего народа, и—пусть евнухъ (мы должны вспомнить здѣсь о евнухахъ персидскаго двора) не говоритъ: вѣдь я изсохшій стволъ, Ибо такъ говоритъ Господь евнухамъ, чтящимъ мои праздники выбирающимъ мнѣ угодное и держащимся моего союза: Я даю имъ въ моемъ домѣ и въ моихъ стѣнахъ память и имя, лучшіе чѣмъ сыновья и дочери, вѣчное имя, которое не проходитъ. И сыновъ чужбины, присоединяющихся къ Богу, чтобы служить ему и любить его имя, чтобы чтить его праздники, не осквернять ихъ, крѣпко держаться моего союза, Я привожу на мои священныя высоты, предоставляю имъ въ моемъ домѣ радость молитвы, принимаю съ благоволеніемъ жертвы ихъ на моемъ алтарѣ, ибо домъ мой будетъ называться домомъ молитвы для всѣхъ народовъ. Не довольно мнѣ, говорится въ другомъ мѣстѣ, что ты одинъ будешь моимъ вѣрнымъ слугой; я сдѣлаю тебя свѣтомъ для народовъ. И изъ нихъ—говорится далѣе—я возьму себѣ священниковъ и левитовъ. Все человѣчество дожно быть обнято одной истиной.

Нелѣпо говорить, что іудейство проповѣдуетъ національнаго бога, бога, который принадлежитъ лишь одному народу. Такое утвержденіе совершенно дѣтское, въ виду тѣхъ постоянно повторяющихся изреченій, что въ будущемъ Богъ будетъ одинъ и имя ему будетъ одно. Правда, что здѣсь и тамъ прорываются выраженія, по которымъ можно думать, что идоламъ придается какое либо значеніе. Выше всѣхъ боговъ, Богъ нашъ, и т. п. Но какъ же и отзывается о нихъ пророкъ. Дунешь, и нѣсть ихъ.

И съ какой тонкой ироніей показываетъ онъ, какъ эти боги фабрикуются, какъ рабочіе стучатъ молотомъ и одинъ другому подаетъ руки и какъ одну часть матеріала употребляютъ для того, чтобы изготовить кушанье, а изъ другой — приготовляютъ бога! Какимъ образомъ здѣсь можетъ быть рѣчь о національномъ богѣ. Да, о Богѣ, который впервые познанъ былъ этимъ народомъ, познанъ имъ однимъ, но который есть одинъ Богъ всего міра, тронъ котораго—небо, а подножіе—земля. Это Богъ всего міра, Богъ, который духовно и пространственно все проникаетъ и наполняетъ собою, Богъ, котораго признаютъ всѣ народы. Мы замѣчаемъ здѣсь борьбу, при которой, правда, необходимо должны прорываться явленія, не вполнѣ соотвѣтствующія умственной высотѣ, но все таки постепенно достигается ясная чистота. Мы видимъ стараго Іакова, какъ онъ во тьмѣ ночной долженъ бороться, и сталкивается съ нимъ человѣкъ и онъ хромаетъ, онъ раненъ, но все таки побѣждаетъ, побѣждаетъ человѣчески и божественно и дѣлается благословеніемъ міра.

Но Іудейство не только должно было принести міру новую идею о божествѣ, оно въ тоже время должно было просвѣтить и облагородить всѣ человѣческіи отношенія. Мужи древности, которые говорили: сущность и основа ученія есть: ‹Что тебѣ не нравится того не дѣлай и другимъ›—вотъ основанія и корень ученія, все остальное есть лишь комментарій къ нему, ступай и учись; или: „Люби ближнаго какъ самого себя" — вотъ великій, всеобъемлющій принципъ ученія; или: ‹Вотъ книга рожденій человѣческихъ›, еще выше принципъ— быть человѣкомъ и повсюду признавать человѣка и его потомковъ равными и равноправными,— эти то мужи, каковы Гилель, Акиба и Бенъ-Зома, суть столбы и носители Іудейства и ихъ словамъ мы должны придавать значеніе. Такимъ образомъ Іудейство, говорю я, явилось въ свѣтъ не съ тѣмъ только, чтобъ дать ему новое понятіе о Богѣ, а съ тѣмъ еще, чтобъ просвѣтить человѣческія отношенія и облагородить понятіе о признаніи и достоинствѣ человѣка. Но именно въ отношеніяхъ между человѣкомъ и человѣкомъ и больше всего можетъ случиться, что идея должна съузиться и приспособиться къ даннымъ обстоятельствамъ, если она хочетъ достигнуть какого нибудь успѣха. И дѣятельность отдѣльнаго человѣка окажется безуспѣшною, если онъ, по высотѣ своего положенія, оторванъ отъ другихъ людей и не хочетъ снизойти къ ихъ интересамъ, къ ихъ цѣлямъ и

стремленіямъ; они, пожалуй, будутъ смотрѣть на него съ уваженіемъ и почтеніемъ, но они не поддадутся его вліянію. Если человѣкъ хочетъ дѣйствовать, достичь чего нибудь, то онъ долженъ сообразоваться съ данными обстоятельствами: необходимо установить взаимное приспособленіе. При идеѣ божества, конечно, не можетъ быть рѣчи о посредничествѣ, объ уступчивости: чистый духъ и чувственность не могутъ быть приведены во взаимное соотношеніе. Гдѣ рѣчь шла о самомъ высшемъ, тамъ Іудейство не могло явиться уступчивымъ, противорѣчіе должно было встрѣчать рѣшительный отпоръ. Совсѣмъ другое при отношеніяхъ людей между собою: тутъ идея можетъ, должна даже постепенно дѣйствовать просвѣтительно и мало по малу разлагать, раздробить твердую кору.

Древніе народы не могли себѣ представить свое существованіе безъ прочнаго утвержденія рабства, какъ неоспоримаго права. Свободный гражданинъ не долженъ былъ заниматься работой: послѣдняя исключительно падала на рабовъ. Рабъ былъ собственностью господина, товаромъ, вещью, которою владѣлецъ могъ располагать по своему произволу. Іудейство же приноситъ міру идею, что всякій человѣкъ призванъ работать: Богъ, хотя и поселяетъ перваго человѣка въ раю, въ саду Эдемскомъ, но и тамъ требуется, чтобы онъ работалъ и сторожилъ. Но вскорѣ затѣмъ наступаютъ уже болѣе реальныя отношенія, и ему говорится: Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой. Но по образу и по подобію Божьему, создано все человѣчество,—созданъ не только родоначальникъ того или другаго народа, а родоначальникъ всѣхъ народовъ, отъ котораго происходитъ все человѣчество, какъ *равное* и *равноправное*. Чтобы Іудейство совсѣмъ разрушило рабство и совершенно уничтожило бы его при самомъ своемъ появленіи въ исторіи—это, конечно, было бы совершенно не согласно съ природой и историческимъ развитіемъ человѣческихъ отношеній. Это начинаніе не принесло бы предполагаемыхъ благодѣтельныхъ результатовъ ни для самаго народа, ни для человѣчества вообще, которое должно быть воспитываемо постепенно и не можетъ быть пересоздано вдругъ, однимъ разомъ. Такимъ образомъ, рабство не было совершенно уничтожено, хотя оно, впрочемъ, продолжало существовать только по имени, безъ его внутренней сущности. Это было новое вино, влитое въ старые мѣха, отъ котораго мѣха эти должны были разлагаться. О рабствѣ въ самомъ еврейскомъ

племени не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ рабъ служилъ только шесть лѣтъ, а иногда освобождался и ранѣе, если юбилейный годъ наступалъ раньше; онъ тогда снова вступалъ въ гражданскія отношенія, какъ полноправный и равноправный. Но рабы чужаго племени, пріобрѣтеніе которыхъ допускалось, какъ смотрѣли на нихъ? Малѣйшее тѣлесное повреждение, нанесенное рабу, выбитый зубъ напр. считалось не поврежденіемъ вещи хозяина, а актомъ, дѣлавшимъ раба совершенно свободнымъ. Если же рабъ былъ убитъ, то хозяинъ его подвергался уголовному наказанію. И потомъ, какое прекрасное значеніе имѣетъ слѣдующее постановленіе, совершенно уничтожающее принципъ рабства: Ты не долженъ выдавать владѣльцу раба, который спасается у тебя отъ него; онъ долженъ жить у тебя въ одномъ изъ городовъ твоихъ, который самъ себѣ выберетъ. Не обманывай его!

Этими словами тысяча лѣтъ тому назадъ разрѣшенъ былъ вопросъ, который еще въ настоящее время наноситъ кровавыя раны цѣлой части свѣта *), и жители этой части свѣта исповѣдываютъ господствующую религію. Борьба, которая тамъ возгорѣлась, не идетъ даже о сущности рабства, о томъ, должно оно быть допущено или нѣтъ; одни, правда, для себя лично отвергли рабавладѣніе, но они, тѣмъ не менѣе находили вполнѣ въ порядкѣ, чтобы для одной части великаго государства рабство было признано основнымъ закономъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, долженъ ли рабъ, бѣжавшій въ другую часть государства, быть выданъ своему владѣльцу, не будетъ-ли воровствомъ—предоставленіе ему пріюта; не будетъ-ли этимъ нарушено право, затронуто понятіе о справедливости. Этотъ вопросъ щепитильной безрелигіозной совѣстливости, Іудейство разрѣшило уже три тысячи лѣтъ тому назадъ. И когда эти принципы вполнѣ осуществятся въ жизни, тогда этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ окончательно, истина и настоящее право, человѣчность и признаніе всякаго въ его человѣческомъ достоинствѣ побѣдоносно восторжествуютъ надъ тою мнимою справедливостью, которая тѣмъ болѣе звонитъ, чѣмъ она пустѣе.

Еще большее значеніе имѣетъ господствующій въ народѣ взглядъ на семейную жизнь. Глубокая тѣнь падаетъ на столь

*) Читано во время междуусобной войны въ Североамериканскихъ Штатахъ. *Издатель.*

богатоодаренный и великолѣпно развитый греческій народъ за то, что освященіе супружеской жизни такъ мало у него выдается, что интимныя семейныя отношенія такъ мало оттѣнены. Достоинство женщины, въ его настоящей сущности, не было, какъ слѣдуетъ, оцѣнено въ Греціи. Совершенно иное мы видимъ въ Іудействѣ. Съ перваго шага мы встрѣчаемся съ мыслью: Да оставитъ мужъ отца своего и мать свою, и соединится съ своею женою, и сдѣлаются они одною плотію, дѣйствительнымъ единствомъ. Почтеніе къ родителямъ, какъ ни глубоко оно вкоренено, какъ ни задушевно оно питаемо и поддерживаемо—должно уступить сердечнымъ отношеніямъ, которыя въ домѣ должны связывать мужа и жену. Жена должна послѣдовать за мужемъ: Къ нему твое влеченіе и ты будешь подчинена ему,—но все таки, какъ вполнѣ равноправная; онъ соединяется съ своей женой, и они становятся *однимъ* существомъ.

И какіе благородные женскіе образы мы встрѣчаемъ въ писаніяхъ еврейскихъ! Какія благородныя отношенія внутри семьи, какъ они просты, безпритязательны, но въ то же время, какъ велики и возвышенны! Прародительницы стоятъ почти на одной ступени съ праотцами; на нихъ послѣдующія поколѣнія смотрятъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и на праотцевъ. И какую жизнь мы встрѣчаемъ тамъ? Взглянемъ на Ревveку, какъ она впервые является въ своей наивной дѣвственности, любезною и внимательною и къ чужому, какъ она, по его просьбѣ, охотно начерпываетъ ему воду и заботится также о его верблюдахъ! Она приходитъ съ нимъ въ свой родительскій домъ, и оказывается, что онъ посланъ сюда отъ высокопочитаемаго родственника просить для него руки дочери. Спрашиваютъ Ревveку, ей предоставлена полная свобода выбора: Хочешь идти? — Сердце говоритъ ей, что тамъ то поприще, на которомъ оно благотворно разовьется, и она отвѣчаетъ: „Да, я пойду". Она отправляется въ путь; наивно смотритъ она кругомъ. И вотъ ей на встрѣчу идетъ тотъ, кому она назначена быть подругой на всю его жизнь, и она спрашиваетъ: Кто это? Слуга отвѣчаетъ: это сынъ моего господина, Исаакъ, который будетъ твоимъ товарищемъ въ жизни. Дѣвственный румянецъ покрываетъ ея щеки, и она опускаетъ свое покрывало „И онъ ввелъ ее въ шатеръ своей матери, и онъ полюбилъ ее".— И Іаковъ женился на Рахили, потому что онъ любилъ ее, онъ служилъ изъ за нея, и эти семь лѣтъ прошли для него „какъ

нѣсколько дней". Мы идемъ дальше; намъ разсказываютъ исторію великаго избавителя. Дѣтство его окружено серьезными опасностями. Моисей рождается на свѣтъ въ то время, когда надъ Израилемъ висятъ грозныя тучи. Его кладутъ въ ящикъ и опускаютъ въ береговой камышъ. Сестра Миріамъ отъ безпокойства не можетъ высидѣть дома, она отправляется на берегъ, чтобы узнать, что станется съ братомъ. Царская дочь приходитъ купаться, находитъ ящикъ, вскрываетъ его и видитъ мальчика. Дѣвушка (Миріамъ), вообще застѣнчивая и боязливая,— тутъ, когда дѣло идетъ о спасеніи брата, смѣло приближается и говоритъ: „Не хочешь-ли, чтобы я призвала тебѣ кормилицу изъ женщинъ еврейскихъ?" Маріамъ, уже въ первую свою молодость выступаетъ съ такою смѣлою преданностью, и потому насъ уже не удивляетъ, когда она впослѣдствіи является пророчицей, и безъ сомнѣнія прекрасны и истинны слова древнихъ мудрецовъ, которыя говорятъ о ней: Маріамъ была для Израиля чистымъ, освѣжительнымъ ключемъ, она соединила огненные порывы къ истинѣ съ задушевностью женскаго сердца. — Глубокое значеніе имѣютъ также слова мудрецовъ: заслугою женщинъ евреи освободились изъ рабства египетскаго. Мущины находились подъ гнетомъ, они должны были выполнять тяжкія работы, кто же сторожилъ домъ, охранялъ неиспорченный умъ дѣтей и поддерживалъ огонь нравственности? Это матери благотворно дѣйствовали внутри семьи, и ихъ заслуга, что Израиль оказался достойнымъ избавленія отъ окружавшихъ его опасностей. — Снова идемъ дальше и вступаемъ въ эпоху, которая, повидимому, превращается въ мрачный и темный героическій вѣкъ,—въ эпоху судей, когда все какъ будто разлагалось и подвергалось разрушенію. То здѣсь, то тамъ является судья и поддерживаетъ на время потухающій огонь. Но вотъ снова выступаетъ прекрасный женскій образъ, Дебора, пророчица и судья, храбрая, смѣлая женщина, вдохновенная предводительница, и все таки съ полнымъ сознаніемъ своей женственности. Она не хочетъ, какъ амазонка, идти въ войну, и она говоритъ Бараку: Тебѣ не доставитъ славы, если Богъ рукою женщины одержитъ побѣду. Но когда онъ безъ нея не хочетъ предпринять борьбу, она соглашается идти, побѣждаетъ и вдохновенными словами воспѣваетъ это событое, порицая и восхваляя, какъ истая, божественная пророчица. И послѣ, въ концѣ этой эпохи, когда наступили болѣе спокойныя отношенія, мы снова встрѣчаемъ женскую фигуру, предъ которой останавливаемся съ благоговѣніемъ. Это Хана, мать Самуила. Съ глубокимъ, истинно женскимъ чувствомъ горюетъ она о томъ, что Богъ не далъ ей дѣтей, и горячо прочувствованныя мольбы исходятъ изъ глубины ея сердца: «Ибо я женщина съ глубоко опечаленной душой». И Элкана, мужъ ея, утѣшаетъ ее: Хана почему плачешь ты, и почему душа твоя опечалена, развѣ я не дороже тебѣ, чѣмъ десять дѣтей? Сколько задушевной сердечности въ этихъ немногихъ словахъ! — А Руѳь, что это за милый, прелестный образъ! Отправился еврей на чужбину, гдѣ двое сыновей его берутъ себѣ двухъ женъ. Но онъ умираетъ, сыновья его умираютъ и не оставляютъ дѣтей. Мать ихъ Ноэмія возвращается на родину, и вторая ея невѣстка—одна изъ нихъ Орфа слишкомъ предана Моабитству, чтобы идти съ нею вмѣстѣ, и оставляетъ ее—Руѳь присоединяется къ Ноэми: Нѣтъ, говоритъ она, гдѣ ночуешь ты, тамъ проночую и я. Твой народъ—также и мой, твой Богъ—и мой, и—она слѣдуетъ за ней, какъ послушное дѣтя, остается ея дочерью, заботится о ней на старости лѣтъ и повсюду съ преданностью сопровождаетъ ее. Развѣ она не достойна быть праматерью царя Давида?

И все это изображается съ такою дѣтскою простотою, безъ всякихъ прикрасъ, потому что оно такъ глубоко коренится въ природѣ Израиля, что должно выступить наружу, хотя часто оно является намъ какъ бы совершенно незначительною побочною чертою. Должно-ли послѣ этого удивляться, что въ этомъ народѣ, въ которомъ — рѣдкій примѣръ въ древности — съ женщиной не обращались унизительно, а признавали ея истинное достоинство, должно ли удивляться, говоримъ мы, что у этого народа, не смотря на скудость его письменныхъ памятниковъ древности, посвященныхъ исключительно его религіозной жизни и историческому разсказу, все таки нашлась книга, которую называютъ: „пѣсня любви?"

И если мы въ этой книгѣ и находимъ нѣкоторые чувственные узоры, но за то какъ сильно и глубоко изображается въ ней высшее состояніе любви, какая задушевность лежитъ въ немногихъ словахъ: Я сплю, но сердце мое бодрствуетъ. Тутъ цѣлый міръ ощущеній. Кто съ чистымъ чувствомъ прочтетъ эту книгу, о которой мы здѣсь болѣе не можемъ распространяться, тотъ найдетъ, что глубокія ощущенія выражены въ ней въ истинно благородной формѣ. Весьма естественно также, что и

въ изреченіяхъ поэта позднѣйшей эпохи изображается славная женщина и что заключеніе практической мудрости посвящено восхваленію ея: Славная женщина, кто ее найдетъ! Дороже жемчуга стòитъ она! Подъ словами: «кто найдетъ ее» не подразумѣвается, что славную женщину едва ли можно найти, нисколько. Онъ изображаетъ такую женщину ясными чертами; но кто ее находитъ, тотъ нашелъ неоцѣненное достоинство. И заключаетъ поэтъ: Поднимаются сыновья ея и восхваляютъ ее, поднимается мужъ—и прославляетъ ее. Обманчива миловидность, красота проходяща, только богобоязненная женщина прославляется. Лишь кропочливый, мрачный Котелетъ, который среди тысячи мужчинъ едва находитъ одного сноснаго, среди тысячи женщинъ не находитъ ни одной безъ хитрости и лукавства. Но въ общемъ не эта мысль проповѣдуется Іудейством, и если тамъ и сямъ просвѣчиваютъ еще нѣкоторыя восточныя воззрѣнія, то все-таки основною идеей остается чистый взглядъ на женщину и нравственная высота супружеской жизни.

Іудейство проповѣдуетъ бракъ *одной* женщины и *одного* мужчины, моногамію. Если здѣсь и тамъ встрѣчаются исключенія, то они именно и суть исключенія, противъ которыхъ законъ не могъ выступить рѣшительно въ ту эпоху, когда кругомъ господствовалъ совершенно противуположный обычай. Но болѣе глубокой сущности Іудейства соотвѣтствуетъ лишь одна моноганія, сердечныя отношенія между мужемъ и женой. Весьма естественно поэтому, что въ позднѣйшее время, когда внѣшнія вліянія сдѣлались другими, въ Европѣ, напримѣръ, что въ позднѣйшую эпоху, говоримъ мы, явился учитель, который установилъ отлученіе надъ тѣмъ, кто нарушитъ естественный законъ Іудейства. И въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ полигамія, Іудейство все-таки устранило ее, и хотя она и не воспрещается закономъ, но обычай, живой духъ, который всегда господствовалъ въ Іудействѣ давно воспретилъ то, что допускалось закономъ.

Въ такихъ-то плодахъ обнаруживается глубокій корень Іудейства, въ которомъ всегда господствовали благородныя семейныя отношенія. Правда, Іудейство никогда не знало „дворовъ любви, никогда не знало также и игры въ любовь. Здорово и сильно, чисто и свѣжо постоянно билъ тотъ ключъ, который изъ семьи изливался на всѣ жизненныя отношенія. Чистота семейной жизни во всѣ эпохи поддерживала въ

Израилѣ силу и бодрость. И если эта чистота семейной жизни поднимала Израиля въ эпоху гнета и давленія, то она не оставитъ его и въ лучшія времена, и останутся истинными слова Билеама, произнесенныя имъ при видѣ еврейскаго лагеря, расположеннаго по колѣнамъ: Какъ прекрасны шатры твои, Іаковъ! жилища твои, Израиль!

А. Гейгеръ.

АВРААМЪ ГЕЙГЕРЪ

„Пальмовую вѣтвь и свѣжій лавровый вѣнокъ кладемъ мы въ умѣ нашемъ на только что закрывшуюся могилу. Пальмовая вѣтвь— неутомимому борцу за то̀, что̀ онъ носилъ въ душѣ своей, какъ сокровенное убѣжденіе, а вполнѣ заслуженный лавровый вѣнокъ— неустанному труженику на умственномъ и научномъ поприщѣ. Только въ этой борьбѣ и въ этой работѣ онъ находилъ свое удовлетвореніе. Онѣ однѣ наполняли всю его жизнь и отъ нихъ онъ нынѣ оторванъ, когда находился еще въ полной силѣ дѣятельности“.

Этими словами начинается одинъ изъ многочисленныхъ некрологовъ, появившихся въ иностранныхъ газетахъ по поводу кончины Авраама Гейгера.

Вся нѣмецкая печать, столичная и провинціальная, въ такихъ или имъ подобныхъ словахъ, съ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ оплакивала смерть и почтила память берлинскаго еврейскаго раввина и проповѣдника и представителя берлинской „Высшей школы для науки Іудейства“.

Чѣмъ же былъ этотъ еврейскій раввинъ, смерть котораго произвела такое всеобщее впечатлѣніе? можетъ быть, спроситъ читатель.

Въ немногихъ словахъ мы можемъ дать слѣдующій отвѣтъ: Авраамъ Гейгеръ былъ еврейскій раввинъ и проповѣдникъ, который съ неутомимою дѣятельностью и непоколебимою энергіей въ теоріи и на практикѣ, въ наукѣ и въ жизни, проводилъ и осуществлялъ реформу въ Іудаизмѣ.

Болѣе подробный отвѣтъ читатели найдутъ въ приводимой ниже статьѣ извѣстнаго нѣмецкаго писателя Бертольда Ауэрбаха.

Вотъ что говоритъ Бертольдъ Ауэрбахъ въ журналѣ „Gegenwart“ по случаю смерти Гейгера.

Вотъ скоро годъ, какъ я на этихъ страницахъ на скоро набросалъ нѣсколько словъ, въ знакъ памяти, на свѣжую могилу Давида Штрауса. Теперь, еще глубоко потрясенный извѣстіемъ о смерти моего товарища и друга дѣтства, я хочу попытаться посвятить такое-же воспоминаніе человѣку, который подвизался на томъ же самомъ умственномъ поприщѣ, но который, въ своей богатой дѣятельности, не доходилъ до крайнихъ абстрактныхъ выводовъ и строго держался историческаго сцѣпленія и непрерывности.

Авраамъ Гейгеръ неутомимо и строго служилъ свободѣ и истинѣ, но на автономію индивидуальнаго ума онъ смотрѣлъ не какъ на абсолютную, а какъ на обусловливаемую силами, стоящими выше индивидуальнаго и преходящаго, или вѣрнѣе, подчиняющими себѣ индивидуальное и преходящее. По своей природѣ и убѣжденіямъ, а также по преимущественно исторической подкладкѣ и направленію своего обширнаго ума, Гейгеръ, проникнуть горячею привязанностью къ своей религіи остался внутри ея. Вращаясь въ общей жизненной сферѣ и оставаясь на поприщѣ еврейской религіи, онъ стремился очистить ее извнутри. Задачей своего существованія и своей дѣятельности, онъ, свободно руководя собою, поставилъ себѣ: всѣми средствами научнаго изслѣдованія проникнуть историческое прошедшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить, также основаннымъ на исторіи и законнымъ требованіямъ и условіямъ современности, и такимъ образомъ продолжать непрерывную связь очищенной умственной и чувственной жизни — прежде всего на религіозномъ поприщѣ.

Я полагаю, что не буду преувеличивать, если скажу, что при раздѣленіи исторіи іудейства, новѣйшую эпоху ея можно озаглавить: отъ Моисея Мендельсона до Цунца и Гейгера. И старшій учитель пережилъ младшаго.

До сихъ поръ весьма мало и далеко недостаточно обращено вниманіе на тотъ историческій фактъ, что, со вступленіемъ германскаго духа въ представителей новѣйшей культуры, что вмѣстѣ съ Лессингомъ, появился и Мендельсонъ. Между тѣмъ, какъ до того времени, научность внутри іудейства преобладала и развивалась преимущественно у португальскихъ евреевъ, она, съ половины прошлаго столѣтія, съ появленіемъ Моисея Мендельсона, перешло къ евреямъ нѣмецкимъ.

Авраамъ Гейгеръ былъ человѣкъ преимущественно историческаго направленія, проникнутый въ тоже время филологическимъ образованіемъ. Уже первая его работа, которую онъ выполнилъ по побужденію извнѣ, обнаружила въ немъ ту основную черту, что онъ разсматриваетъ религіозныя формаціи не каждую отдѣльно, а въ ихъ взаимнодѣйствіи. Это своего рода солнечная система, въ которой одна планета дѣйствуетъ притягательно и отталкивающимъ образомъ на движеніе другой.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Боннскій университетъ назначилъ премію за сочиненіе: «Что Магометъ заимствовалъ изъ Іудейства?» Авраамъ Гейгеръ удостоился этой преміи. Онъ указалъ тѣ моменты изъ Талмуда и Мидраша, сказочное содержаніе которыхъ перешло въ Коранъ. Онъ тогда уже обнаружилъ основательное знаніе семитическихъ языковъ и еврейской литературы.

Не моя задача, разумѣется, прослѣдить научное, спеціально-религіозное—и при томъ часто полемическое—и гуманистическое развитіе въ многочисленныхъ монографіяхъ и систематическихъ сочиненіяхъ Гейгера. Для этого мнѣ недостаетъ необходимыхъ спеціальныхъ знаній; но еслибъ даже и обладалъ ими, то въ настоящую минуту, вполнѣ еще подавленный печалью объ умершемъ другѣ, не въ состояніи былъ бы это сдѣлать. Безъ сомнѣнія болѣе призванные выполнять эту задачу. Я же только хочу дать здѣсь нѣкоторыя указанія.

Историческое направленіе, выдвигающееся повсюду въ противоположность абстрактно раціоналистическому, нашло себѣ своихъ представителей и въ Іудействѣ, и главнымъ образомъ въ капитальныхъ сочиненіяхъ *Цунца*. Основываясь на нихъ, Авраамъ Гейгеръ, обширными трудами, проникнутыми новой точкой зрѣнія, образовалъ свою школу. Такъ называемая ортодоксія считаетъ все дошедшее до насъ (религіозное преданіе еврейства) незыблемымъ и ненарушимымъ. Гейгеръ же доказываетъ, что всякая историческая жизнь находится въ непрерывномъ созиданіи и не есть нѣчто на вѣки окаменѣлое. Именно, относительно *традиціи* онъ доказалъ что она—*продуктъ* и *средство дальнѣйшаго развитія*, и что такимъ образомъ духъ ея живой, а не заключенный въ мертвую букву. Это различало и отдѣляло его отъ ортодоксіи съ одной и отъ голаго раціонализма съ другой стороны.

Весною 1835 года Гейгеръ сталъ издавать «Научный журналъ еврейскаго богословія», начатый Цунцомъ, который велъ его только одинъ годъ. Онъ продолжалъ издавать этотъ журналъ въ Бреславлѣ, Франкфуртѣ и Берлинѣ. Это богатый репертуаръ научныхъ и практически религіозныхъ стремленій самаго Гейгера и его сотрудниковъ-современниковъ.

Я хочу здѣсь указать еще на два сочиненія. Одно называется: *„Подлинникъ и переводъ Библіи въ зависимости ихъ отъ внутренняго развитія іудейства“* и есть, такъ сказать, продуктъ центра гейгеровской силы—исторической и филологической—такъ какъ въ немъ подробно излагается обязанность и право свободнаго филологическаго и историческаго изслѣдованія на основаніи открытій, сдѣланныхъ въ новѣйшее время.

Спиноца—есть основатель библейской критики, которая въ новѣйшее время была развиваема извѣстными христіанскими учеными.

Авраамъ Гейгеръ есть, послѣ Ибнъ-Эзры и Спинозы, первый еврейскій ученый, притомъ раввинъ, который снова взялся за библейскую критику и доставилъ для этого богатый матеріалъ изъ еврейскихъ сочиненій, которыя до тѣхъ поръ были недоступны христіанскимъ ученымъ. Онъ неоспоримо доказалъ, что такъ называемый массоретскій текстъ вообще самый правильный, но что и этотъ текстъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени могъ подвергаться измѣненіямъ, и что тенденціозныя стремленія не только касались перевода, но даже и нѣкоторыхъ частностей подлинника.

Онъ доказалъ силу и сущность традиціи въ ея подвижности, возведя это до первобытнаго источника.

Между Библіей Ветхаго Завѣта и Библіей Новаго Завѣта есть бѣлая страница. Но развитіе религіозныхъ воззрѣній есть постоянное, историческое. Надо было пополнить эту бѣлую страницу, надо было, посредствомъ изслѣдованія среднихъ, переходныхъ ступеней, какъ ни бѣдны были иногда указанія, дополнить ее содержаніемъ.

Гейгеръ предпринялъ эту работу въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ и мелкихъ статьяхъ; и Тюбингенская школа, равно какъ и Ренанъ, признали важность этихъ работъ.

Въ своей „Исторіи Іудейства"—составленной изъ его лекцій—Гейгеръ доказываетъ, что вѣчный духъ не связывается ни извѣстнымъ періодомъ, ни извѣстнымъ текстомъ, а тѣмъ менѣе неправильнымъ пониманіемъ послѣдняго.

Въ этомъ сочиненіи нѣтъ еще изображенія нашихъ дней. Кто возьмется за это изображеніе, тотъ по неволѣ долженъ будетъ выставить и значеніе Гейгера въ его настоящемъ свѣтѣ.

Съ Гейгеромъ умеръ и одинъ изъ тѣхъ бойцевъ, которымъ приходилось бороться за гражданскую равноправность евреевъ. Въ исторіи этой борьбы благородная фигура Габріэля Риссера, который даже при борьбѣ съ грубымъ варварствомъ не выходилъ изъ своей этически-чистой и прекрасной пропорціональности, занимаетъ первое мѣсто. Но Авраамъ Гейгеръ, кромѣ того, поставилъ себѣ особой задачей—доказать, что его религія, внутри ея положительныхъ границъ, стоитъ не ниже другихъ вѣроученій относительно этическаго содержанія ея законовъ и постановленій для организаціи человѣческаго общества и познанія отношеній къ Богу.

Политическое право можно было установить обнародованіемъ закона; этическую же силу можно было доказать лишь осуществленіемъ ея въ жизни и исполненіемъ законовъ нравственности. Гейгеръ же постоянно напоминалъ объ этомъ и требовалъ соотвѣтственнаго измѣненія религіозныхъ формъ.

Съ 1828 г., я, въ различныхъ житейскихъ положеніяхъ находился въ неразрывной дружбѣ съ Гейгеромъ. Онъ былъ усердно преданъ своему призванію, но обладалъ на столько свободнымъ и гуманнымъ духомъ, чтобы относиться къ жизни и воззрѣніямъ, далеко отстоявшимъ отъ его собственной жизни и воззрѣній, не съ высокомѣрною терпимостью, а чтобъ признать за ними внутреннее право существованія. При всей своей научной серьезности, онъ постоянно былъ бодръ и веселъ, и при всей своей свѣжести и энергіи въ борьбѣ съ противниками, внутри своего круга и внѣ его, постоянно былъ склоненъ къ дружелюбію и благосклонности. Всякій замѣтный прогрессъ былъ для него торжествомъ. Онъ внимательно и терпѣливо выслушивалъ чужіе взгляды и былъ все-таки энергиченъ, возражая на нихъ. Онъ былъ благородный, задушевный человѣкъ.

Авраамъ Гейгеръ былъ свободномыслящій ученый и духовный пастырь. Онъ былъ раввиномъ, сперва въ Висбаденѣ, потомъ, болѣе 25 лѣтъ, въ Бреславлѣ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ своемъ родномъ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ.

Въ наши дни быть духовнымъ—обязанность тяжелая, въ особенности въ большомъ городѣ, гдѣ религія уже не составляетъ единственнаго средоточія высшей жизни. Держащіеся старыхъ формъ и обрядовъ, короче сказать, ортодоксы, презираютъ и отталкиваютъ всякія современныя формы, полагая, что съ новыми формами исчезаетъ содержаніе и прежняя задушевность. Такъ называемые просвѣщенные же и индиферентные и еще болѣе «вольнодумцы» вовсе не хотятъ знать религіознаго общества. Но есть также множество людей всякихъ вѣроисповѣданій, для которыхъ слова: духовный и ханжа — синонимы. Но развѣ можно допустить мысль о существованіи хоть на одинъ день общества, еслибъ представители его состояли исключительно изъ ханжей, и еслибъ среди нихъ не было такихъ мужей, которые искренно и вѣрно преданы тѣмъ идеямъ и формамъ, которымъ они служатъ? Авраамъ Гейгеръ строго держался религіи на томъ пунктѣ, гдѣ начинается загадка существованія и его разнообразныхъ сцѣпленій: „Онъ вѣрилъ въ будущность религіи и работалъ для религіи будущаго"—такъ писалъ мнѣ нашъ общій другъ, при извѣстіи о смерти Гейгера.

Однимъ изъ жизненныхъ идеаловъ Гейгера было основаніе высшаго учебнаго заведенія для науки іудейства, чтобы доказать ея равноправность съ другими науками и воспитать въ немъ новыхъ еврейскихъ пастырей съ систематическимъ образованіемъ. Лишь въ послѣдній годъ жизни этотъ идеалъ его осуществился и доказалъ его выдающуюся способность для научной каѳедры.

Всякій живетъ и дѣйствуетъ въ своемъ ограниченномъ мірѣ, и этотъ свой мірокъ онъ разсматриваетъ какъ весь міръ вообще, иначе невозможна была бы никакая послѣдовательная дѣятельность. Если и сознаютъ связь со вселенной, то участіе въ его жизни возможно только въ ограниченномъ кругѣ. Великое зданіе культуры есть организмъ, возведенный изъ безчисленныхъ клѣточекъ, и во всякой клѣточкѣ двигаются воодушевленіе, честь, борьба, и все вмѣстѣ образуетъ великое дерево жизни и познанія.

Въ «Еврейской улицѣ» въ Франкфуртѣ на Майнѣ, тамъ, гдѣ, въ теченіе многихъ столѣтій, испытано было столько горя и гнета

извнѣ и столько религіозной задушевности и выносливости, тамъ, наискосокъ того дома, гдѣ родился Лудвигъ Берне, — тамъ, въ 1810 году, увидѣлъ свѣтъ и Гейгеръ.

Въ Берлинѣ, на Розенталевской улицѣ, гдѣ шумная жизнь столицы находится въ постоянномъ движеніи, стоитъ большой домъ № 40, съ обширными строеніями во дворѣ, въ которыхъ ничего не слышно изъ уличнаго движенія. Во флигелѣ, изъ оконъ котораго открывается видъ на сады, на уединенное еврейское кладбище, на башню Софійской церкви и на куполъ еврейской синагоги—тамъ, 24 мая прошедшаго года, праздновали день рожденія Авраама Гейгера, въ кругу его сыновей, друзей и учениковъ.

Кто могъ тогда думать, что этотъ день рожденія празднуютъ въ послѣдній разъ, — видя, какъ виновникъ торжества, человѣкъ маленькаго роста, но крѣпкаго сложенія, съ густыми темными волосами, съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ, живой и разговорчивый — обнаруживаетъ полную силу человѣка въ лучшемъ возрастѣ, неудержимо стремящагося еще къ жизни и дѣятельности.

Трогательно и въ то же время восхитительно было видѣть, какъ воспитанники высшей школы обожали своего учителя. Теперь онъ мертвый. Тамъ, у Шенгаузенскихъ воротъ, гдѣ онъ столь часто произносилъ слова утѣшенія надъ свѣжими могилами — тамъ теперь покоится онъ самъ съ навѣки сомкнутыми устами. Но то, чѣмъ онъ былъ и что́ онъ совершилъ, будетъ успѣшно произростать въ великомъ цѣломъ всеобщей и отечественной культуры.

Бертольдъ Ауэрбахъ

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬѢ.

Въ настоящую минуту мы должны ограничиться этими бѣглыми замѣтками Ауэрбаха о личности покойнаго Гейгера, предоставляя себѣ впослѣдствіи возвратиться къ болѣе подробному анализу важнаго значенія Гейгера для реформы Іудаизма. Здѣсь можемъ развѣ еще перечислить только его сочиненія, а именно:

1) Уже указанное въ статьѣ Ауэрбаха: Was hat Muhammed aus dem Iudenthume aufgenommen? (Что Магометъ заимствовалъ изъ Іудейства?), за которое онъ получилъ премію отъ боннскаго университета. Боннъ, 1833 г.

2) Wissenschaftliche Zeitschrift für jüdische Theologie. (Научный журналъ еврейскаго богословія). 6 частей. Франкфуртъ на Майнѣ, 1835 — 1847 г.

3) Мело-Хофнаимъ имъ Гософотъ работъ у-меилотъ (Комментарій со многими полезными дополненіями) на еврейскомъ языкѣ. Берлинъ, 1840.

4) Lehr-und Lesebuch der Sprache der Mischna. (Книга для научнаго пониманія и чтенія Мишны). Бреславль, 1845.

5) Beiträge zur jüdischen Literaturgeschichte. (Къ исторіи еврейской литературы). Въ четырехъ статьяхъ. Бреславль, 1847.

6) Divan des Castilers Abul Hassan Iehuda Halevy. (Диванъ Кастильца Абуль-Гасана Іегуда Галеви). Бреславль, 1851.

7) Iitzchak Truki. Ein Apologet des Iudenthums am Ende des sechszehnten Iahrhunderts. Исаакъ Труки. Апологетъ Іудейства въ концѣ XVI столѣтія). Бреславль, 1853.

8) Parschandatha. Die Nordfranzösische Schule. (Паршандата. Еврейская поэзія сѣверофранцузской школы). Лейпцигъ, 1855.

9) Iüdische Dichtungen der spanischen und italienischen Schule. (Еврейскія поэтическія произведенія испанской и итальянской школы). Лейпцигъ, 1856.

10) Das Iudenthum und seine Geschichte. (Іудейство и его исторія) въ трехъ частяхъ. Бреславль. 1864—1871 г. Сочиненіе это уже упомянуто въ статьѣ Ауэрбаха и изъ него мы заимствовали помѣщенную выше статью: «Національность. Рабство. Положеніе женщинъ».

11) Salomo Gabirol und seine Dichtungen. (Соломонъ Габироль и его поэтическія произведенія). Лейпцигъ, 1867.

12) Седеръ Тефила дваръ іомъ бе-іома. (Порядокъ молитвы на каждый день) на еврейскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ переводомъ. Двѣ части. Бреславль, 1870.

13) Iüdische Zeitschrift für Wissentschaft uud Leben. (Еврейскій журналъ для науки и жизни). Бреславль, 1863—1874 г.

Въ своихъ сочиненіяхъ Авраамъ Гейгеръ преслѣдовалъ постоянно двоякую цѣль: съ одной стороны онъ защищалъ Іудаизмъ отъ несправедливыхъ нападокъ его противниковъ, какъ, напримѣръ, въ помѣщенной выше статьѣ его, а съ другой—стремился очистить его отъ излишнихъ наростовъ, отъ потерявшихъ въ настоящее время значенія разныхъ формальностей и обрядностей и привести его въ согласіе съ современными требованіями. Но все это—путемъ изслѣдованія и науки.

Какъ Гейгеръ относился къ практической жизни, какими мотивами онъ руководствовался при анализѣ современныхъ явленій, какъ онъ, въ эпоху самыхъ мрачныхъ событій, когда еврейская кровь лилась на улицахъ Придунайскихъ княжествъ, не упускалъ обращаться къ своимъ единовѣрцамъ съ напоминаніемъ, что спасеніе ихъ лежитъ внутри ихъ самихъ, что не воззваніями о внѣшней помощи они достигнутъ цѣли, а лишь внутреннимъ самоочищеніемъ и самообразованіемъ — объ этомъ читатели знаютъ уже изъ статьи нашей: „Вѣчно-новый вопросъ“, помѣщенной въ III томѣ «Еврейской Библіотеки».

Этимъ, собственно, и должно было окончиться наше надгробное слово великому усопшему. Но на насъ, какъ на *русскомъ* евреѣ, лежитъ еще нѣкоторая священная обязанность по отношенію къ покойному. Эта священная обязанность—отомстить за оскорбленіе, нанесенное памяти покойнаго *русскими* евреями.

Да, читатель! Русскіе евреи оскорбили память покойнаго Гейгера, память такого дѣятеля, въ которомъ они, русскіе евреи, нуждаются болѣе всѣхъ другихъ евреевъ, но котораго они, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обрѣли еще въ своей средѣ, да едва-ли скоро и обрѣтутъ, хотя нужда въ немъ крайняя и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивающаяся. Да, именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо, намъ нуженъ дѣятель, который бы съ одной стороны искусною рукою и энергическимъ словомъ отражалъ несправедливыя нападки, а съ другой—не менѣе энергически взялся бы за радикальную реформу внутренней еврейской жизни. А между тѣмъ русскіе-то евреи и оказались въ баснѣ лицами, лягнувшими въ умирающаго льва.

Объяснимся. Русскіе евреи переживаютъ теперь весьма печальную эпоху: Недовольно того, что извнѣ на нихъ смотрятъ аргусовыми глазами, слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, и малѣйшее ихъ движеніе истолковывается такъ, какъ бы мы жили во времена Торквемадо; къ такимъ явленіямъ евреи уже привыкли — но они еще, внутри себя, въ своей собственной средѣ, страдаютъ отъ такой напасти, которая прежде была имъ совсѣмъ незнакома и которая завелась у нихъ лишь очень немного лѣтъ тому назадъ. Эта напасть — стая потерявшихъ всякій стыдъ и срамъ ханжей-міроѣдовъ, именующихъ себя „стоящими на стражѣ закона“ (шомро-гадатъ), но стрегущихъ скорѣе карманъ своихъ бѣдныхъ, ослѣпленныхъ невѣжествомъ единовѣрцевъ, которыхъ они обираютъ всевозможными способами и неправдами. На всякое отрадное и прогрессивное явленіе въ умственномъ мірѣ евреевъ эти „стражи закона“ кидаются съ пѣною у рта, съ неимовѣрной злобой и неслыханнымъ нахальствомъ. Какъ у всѣхъ другихъ, такъ и въ еврейскомъ народѣ во всякую эпоху была партія консерваторовъ-артодоксовъ, строго державшихся всякихъ традицій и

ратовавшихъ за нихъ. Но это были люди дѣйствительно убѣжденные, а люди съ искреннимъ убѣжденіемъ всегда уважаютъ и убѣжденія другихъ и никогда не унижаются до наглой ругани и низкихъ клеветъ. При томъ, эти люди ратовали не за свое могущество и власть, не за личныя цѣли, а за дѣло, которое они считали священнымъ. Совсѣмъ другое—та стая ханжей-міроѣдовъ, о которыхъ мы упомянули выше. Они чувствуютъ, что съ каждымъ новымъ шагомъ, которое дѣлаетъ еврейство на пути къ просвѣщенію и реформѣ своей внутренней жизни, почва начинаетъ исчезать подъ ихъ ногами, что съ каждымъ новымъ прогрессивнымъ явленіемъ въ еврейской средѣ, пошатывается ихъ власть и могущество, а главное, пошатываются ихъ *личные* — и чтобы сказать прямо—ихъ карманные интересы. И вотъ, изъ чувства самосохраненія, они рѣшаются на все, на самыя крайнія средства. Имѣя своихъ тайныхъ агентовъ въ большихъ центрахъ, даже въ столицахъ, они, большею частью, поставили себѣ цѣлью дѣятельности небольшіе города и мѣстечки, гдѣ еврейское населеніе мало образовано и мало понимаетъ свои выгоды и потому легко вдается въ обманъ и считаетъ этихъ «темныхъ дѣятелей» своими благодѣтелями. Кромѣ того, въ этихъ захолустьяхъ они мало опасаются зоркихъ глазъ, которые могли бы слѣдить за ихъ преступною дѣятельностью и пропагандой противъ просвѣщенія и вообще противъ всякихъ здравыхъ идей. Занимаясь этой пропагандой, эти «стражи религіи» переѣзжаютъ изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, и обираютъ невѣжественныхъ своихъ единовѣрцевъ, увѣряя ихъ, что имъ нужны средства для противодѣйствія тѣмъ, которые желаютъ будто бы уничтожить еврейскую вѣру. Понятно, куда идутъ эти послѣднія крохи, выжимаемыя изъ бѣдныхъ, несчастныхъ тружениковъ, едва влачащихъ свое существованіе.

И вотъ эта-то стая міроѣдовъ теперь уже не удовольствуется тѣмъ, что обирала прежде и въ настоящее время обираетъ карманы своихъ единовѣвцевъ, — нѣтъ, она хочетъ обезпечить себѣ еще добычу и въ будущемъ. Съ этою цѣлью она, кромѣ устной пропаганды чрезъ своихъ агентовъ, проповѣдующихъ (въ буквальномъ смыслѣ) крестовый походъ противъ всякаго общаго образованія, противъ школъ и училищъ, противъ всякаго нововведенія, еще путемъ печати стала изливать свою грязную желчь противъ всякаго прогрессивнаго движенія и распространять всякаго рода

анонимные пасквили и безобразныя клеветы противъ прогрессивныхъ дѣятелей, живыхъ и мертвыхъ Но, кромѣ этихъ анонимныхъ брошюръ, они имѣютъ еще свой спеціальный органъ за границей, въ Майнцѣ. Это именно журналъ „Ливанонъ“, прежде издававшійся въ Парижѣ. Направленіе этого журнала читателямъ уже извѣстно изъ I и II томовъ «Еврейской Библіотеки», гдѣ о немъ говорилось въ „Обзорѣ современной еврейской литературы“. Въ этомъ-то журналѣ пріютились наши русскіе «стражи закона», онъ-то и служитъ ихъ органомъ, и въ немъ-то ратуютъ русскіе евреи противъ всякаго умственнаго движенія своихъ единоверцевъ. Да, кедрами этого «Ливана»—сотрудниками этой еврейской „Домашней Бесѣды“— суть почти исключительно русскіе евреи. Ихъ писанія—это настоящія epistolæ obscurorum virorum, это безпорядочная смѣсь самаго изумительнаго мракобѣсія и самыхъ гнусныхъ циническихъ выходокъ, клеветъ и пасквилей противъ всего живаго и современнаго. Но они не довольствуются живымъ и современнымъ, они не гнушаются также вызывать изъ гроба тѣни мертвыхъ и оскорблять и осквернять память усопшихъ.

И вотъ съ этого то «Ливана», вмѣсто свѣжихъ, благоухающихъ цвѣтовъ, на только что закрывшуюся могилу Гейгера посыпались всякаго рода грязныя плевелы. Каждый новопоявляющійся листъ этой газетки изрыгаетъ все новыя грязныя выходки противъ памяти покойнаго и противъ всѣхъ тѣхъ, которые выразили свою скорбь и свою печаль при его кончинѣ.

Бертольдъ Ауэрбатъ при смерти Гейгера восклицаетъ:

Гейгеръ умеръ. «Но то, чѣмъ онъ былъ и что онъ совершилъ, «будетъ успѣшно произростать въ великомъ цѣломъ всеобщей и «отечественной культуры».

А эти «стражи закона», эти люди мрака изъ русскихъ евреевъ, при смерти Гейгера воскликнули:

«Онъ умеръ. Да искоренится душа его!»

Вотъ до какой низости, мерзости и гадости могутъ дойти эти люди мракобѣсія, вліянію которыхъ, къ невыразимому прискорбію нашему, подчиняется еще значительная часть русскихъ евреевъ!...

Но пусть не воображаютъ эти наглецы, что они дѣйствительно оскорбили память Гейгера. Даже тѣ, которые въ ослѣпленіи своемъ еще считаютъ ихъ своими оракулами, съ отвращеніемъ отвернутся отъ этихъ проклятій противъ умершаго, совершенно противорѣчащихъ духу еврейской религіи. Нѣтъ, люди тьмы! Вы, вашимъ

сквернословіемъ, не оскорбили память покойнаго, а поставили ему лучшій надгробный памятникъ. Ибо: ваша ругань—хвала, ваша брань — слава, ваше проклятіе — возвеличеніе для тѣхъ, кого вы браните, ругаете и проклинаете.

Къ позорному столбу васъ, люди мрака, спекулирующіе невѣжествомъ и ослѣпленіемъ своихъ единовѣрцевъ.

А. Л.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕВОДА „НАТАНА МУДРАГО".

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга. Переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова. Съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. С.-Петербургъ, 1875.

Не смотря на сильное распространеніе у насъ нѣмецкаго языка, немногіе читаютъ нѣмецкихъ классиковъ въ подлинникѣ. Отъ этого-то, нельзя не считать большой заслугой, передъ нашимъ обществомъ, труда, предпринятаго г. В. Крыловымъ. Полюбивъ повидимому со страстью знаменитую драму Лессинга, онъ пристально, съ горячимъ одушевленіемъ изучалъ ее впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (какъ мы узнаемъ изъ предисловія его книги), и наконецъ передалъ ее въ русскомъ переводѣ, прекрасными стихами. Переводъ его напечатанъ въ ‹Вѣстникѣ Европы›—1868 года.

Но, смѣло можно сказать, драма Лессинга (а значитъ и переводъ ея) имѣютъ для каждаго еврея, еще большее значенія, чѣмъ для остальныхъ читателей. Никогда, ни въ какія времена, даже между самыми евреями, не возставало болѣе могучаго, болѣе энергическаго, болѣе талантливаго защитника ихъ правъ, чѣмъ Лессингъ. Вся жизнь этого великаго человѣка прошла въ борьбѣ съ предразсудками, насѣвшими на жизнь народовъ, словно громадные полипы какіе-то, и здѣсь-то особенно великую роль играло заступничество его за евреевъ. Не разъ филистеры и всякіе другіе темные люди заподозрѣвали его въ подкупѣ со стороны евреевъ и печатно высказывали эти гнусныя, безсмысленныя клеветы свои. Такъ странно, такъ невѣроятно казалось въ XVIII вѣкѣ заступничество

за евреевъ. Вѣдь самъ Вольтеръ, этотъ великій боецъ за права человѣчества, еще съ презрѣніемъ и ненавистью относился къ еврейскому племени и не хотѣлъ понять, что евреи — такіе же люди, какъ всѣ другіе (*). Но Лессингъ былъ сложенъ иначе: у него умъ способенъ былъ идти глубже и дальше своихъ современниковъ, даже самыхъ геніальныхъ, и начиная еще съ юношескихъ лѣтъ, онъ принялся за дѣло той проповѣди, которая для всѣхъ другихъ была тогда еще немыслима. Ему было всего 20 лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ драму «Евреи», гдѣ впервые выступилъ на защиту преслѣдуемаго и притѣсняемаго племени. Четверть столѣтіе спустя, Лессинъ снова взялся за ту же тему, и написалъ «Натана Мудраго», самое крупное свое художественное произведеніе, гдѣ еще разъ и съ новою силою выступилъ за равноправность евреевъ съ другими народами во всѣхъ жизненныхъ сферахъ. Германія, а за нею и вся Европа, признали громадное значеніе и всю талантливую силу этого творенія, и, съ конца прошлаго столѣтія, сотни книгъ написаны для доказательствъ этого и провозглашенія величiи Лессинга. Но вотъ изумительный фактъ: пробѣгая обширный библiографическій списокъ всего писаннаго о «Натанѣ», тщательно составленный г. Крыловымъ, невольно подумаешь, что тамъ, гдѣ всѣ лучшіе умы проникнуты мыслями, пущенными въ ходъ Лессингомъ, тамъ навѣрное давнымъ-давно уже совершился переворотъ въ общемъ мнѣніи, и правыя понятія утвердились твердо, несокрушимо. Но, взглянувъ на дѣло, убѣдишься, что все это фантасмагорія, нѣчто въ родѣ литературной игры, гдѣ слова красивы и талантливы, но дѣла имъ не соотвѣтствуютъ. Прочтите то, что писали Гейне и Бёрне, въ своемъ добровольномъ изгнаніи изъ Германіи, ставшей невыносимою для ихъ правдиваго и глубоко-возмущеннаго духа. Что они говорятъ про положеніе евреевъ въ 30—40-хъ годахъ, среди той самой Германіи, которая такъ горячо и радостно аплодировала великодушнымъ освободительнымъ рѣчамъ Лессинга? Все тѣже преслѣдованія, все то же незаслуженное презрѣніе и ненависть, основанныя на однихъ только безсмысленныхъ средневѣковыхъ традиціяхъ, все тоже униженіе человѣческаго достоинства въ лицѣ угнетателей и гонителей!

Какъ медленно двигается родъ человѣческій, даже тамъ, гдѣ

*) См. „Евр. Библ." Т. IV, статью „Вольтеръ и Евреи". *Изд.*

раздается громовая рѣчь геніяльныхъ, свѣтлыхъ личностей! Какъ тихъ и мелокъ шагъ даже наиобразованнѣйшихъ поколѣній, когда дѣло доходитъ до приложенія идей къ практикѣ, и какъ часто эти поколѣнія готовы, при первой же оказіи, отступаться на этой практикѣ отъ лучшихъ завоеваній ума и мысли! По счастью, какъ тихо ни иди дѣло, все таки оно идетъ, и заслуга такихъ людей, какъ Лессингъ, все-таки не умаляется.

Критическій разборъ г. Крыловымъ драмы Лессинга вѣренъ и правдивъ, онъ разсматриваетъ всѣ характеры одинъ за другимъ, и конечно, останавливается всего долѣе на евреѣ Натанѣ, какъ центрѣ всей пьесы, и коренномъ идеалѣ Лессинга — человѣкѣ правды и терпимости, человѣкѣ, котораго вся жизнь направлена къ энергическому возвышенію и просвѣтлѣнію своихъ собратій. А чтобъ дать моимъ читателямъ понятіе о вѣрномъ историческомъ взглядѣ г. Крылова и его пониманіи момента, когда дѣйствовалъ Лессингъ, я приведу слѣдующія строки его вступленія:

«Раздробленность пошла нѣмецкому народу на пользу. Къ Германіи, въ этомъ отношеніи, можно до нѣкоторой степени примѣнить то, что Огюстъ Контъ говоритъ о раздробленномъ состояніи древней Греціи, выставляя его причиной народнаго развитія. Разумѣется, слишкомъ большое количество мелкихъ государствъ, мелкихъ дворовъ и администрацій тягостно ложилось на благосостояніе народа, но, съ другой стороны, чему же, какъ не этому отсутствію единства правительства, во дни зарождающейся общественной образованности, въ значительной мѣрѣ Германія обязана первыми успѣхами своей цивилизаціи? Исторія умственнаго движенія Германіи въ XVIII столѣтія переполнена фактами, какъ иного профессора или писателя преслѣдуютъ въ одномъ государствѣ, а въ другомъ онъ встрѣчаетъ раскрытыя объятія, слушателей и менѣе стѣснительный типографскій станокъ. Отсюда только и могла родиться какая нибудь здравая полемика и совѣстливость распоряжавшихся властью и конкурренція университетовъ. Куда бы дѣвались эти энергическіе дѣятели мысли, еслибъ Германія въ те время имѣла единую администрацію? И не должны-ли нѣмцы благословлять свою раздробленность, всегда дававшую имъ возможность выбирать мѣсто дѣятельности, не стѣсняясь ни языкомъ, ни національностью? Не въ этомъ лежала причина безучастности германской литературы въ политическихъ вопросахъ почти до того времени, когда на западѣ разразился громъ фран-

цузской революціи, тутъ виною былъ вообще слишкомъ низкій уровень развитія націи. Только что проведя почти полстолѣтія въ безпрерывной войнѣ, нація еще не привыкла думать иначе, какъ мозгомъ начальника, глядѣть иначе, какъ глазами приказывающаго. Нѣмецкіе князьки и ихъ придворные либеральничали передъ французскими энциклопедистами, съ жадностью слѣдили за каждымъ новымъ сочиненіемъ Вольтера, Дидро̀ и даже ихъ далеко не всегда талантливыхъ подражателей: но они обращали это только въ предметъ моднаго разговора. Талантливый, хотя и безпутный сатирикъ того времени, Шубартъ, за очень невинныя колкости, направленныя противъ одного изъ князьковъ, былъ недостойнымъ образомъ схваченъ и просидѣлъ 10 лѣтъ въ тюрьмѣ, изъ коихъ первые годы на цѣпи, на хлѣбѣ и водѣ. Какое могло быть тогда понятіе о вопросахъ политическихъ? Оно было не по силамъ часто даже людямъ передовымъ. Писатели того времени старались, гдѣ можно было, возбуждать ненависть общества къ дурнымъ князьямъ, любовь къ хорошимъ—и выставляли хорошихъ въ примѣръ; но о какомъ лучшемъ порядкѣ вещей думали до конца 80-хъ годовъ весьма немногіе, и кто и думалъ, берегся высказывать. Чтобы общество привыкло оглядываться на свою жизнь, надо было прежде всего вообще перевоспитать его. Именно это и было главною задачею, цѣлью жизни Лессинга».

Можно было бы упрекнуть г. Крылова въ томъ, что онъ придаетъ слишкомъ много собственно »художественнаго« значенія драмѣ Лессинга, но какъ не простить ему этого, когда сами нѣмцы, въ лицѣ лучшихъ своихъ критиковъ, почти цѣлыхъ 100 лѣтъ сряду твердятъ, что созданіе это—достойный соперникъ и родной братъ Фауста Гете. Гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобъ познакомить массу съ однимъ изъ глубочайшихъ и человѣчнѣйшихъ произведеній поэтическаго творчества, имѣвшихъ громадное вліяніе на развитіе людскихъ поколѣній, излишекъ энтузіазма и любви никогда не повредитъ.

В. Стасовъ.

ЗНАЧЕНІЕ ЛЕССИНГА ДЛЯ ЕВРЕЕВЪ.

Когда Лессингъ въ 1779 году окончилъ своего „Натана"—этотъ, по выраженію Гетнера, „монументальный итогъ всего вѣка пресвѣщенія",—то онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявилъ, что пьеса эта едва-ли чрезъ сто лѣтъ будетъ поставлена на сценѣ, т. е. Лессингъ полагалъ, что идеи, которыми проникнута его драма, едва-ли даже чрезъ сто лѣтъ сдѣлаются общимъ достояніемъ. Лессингъ ошибся. Но ошибка эта—чисто внѣшняя: драму его поставили на сценѣ гораздо раньше, но идеи, въ ней проповѣдуемыя, до сихъ поръ еще не сдѣлались общимъ достояніемъ, а у насъ, въ Россіи, менѣе, чѣмъ гдѣ либо. Нѣтъ: эти сто лѣтъ еще не миновали; надо еще хорошенько изучать „Натана", чтобы проникнуться идеями, воодушевлявшими автора въ то время, когда онъ начерталъ свои фигуры.

Поэтому, намъ кажется, недостаточно съ нашей стороны будетъ ограничиться краткою рецензіей о достоинствѣ труда г. Крылова. Для насъ, русскихъ евреевъ, это чудное произведеніе имѣетъ еще громадное значеніе, и мы считаемъ далеко нелишнимъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ, по выраженію другаго нѣмецкаго критика Гиллебранда, „духовномъ завѣщаніи" Лессинга. Мы воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить читателей съ появившимся нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франкфуртѣ на Майнѣ сочиненіемъ *Модлингера* подъ названіемъ: Lessings Verdienste um das Judenthum. (Заслуги Лессинга предъ еврействомъ).

Первая четверть восемнадцатаго столѣтія давно минула. Нѣмецкій народъ съ гордостью взиралъ на возведенное, за его

ученіе о равныхъ и въ тоже время неравныхъ субстанціяхъ, въ дворянское достоинство Лейбница, который весьма ловко съумѣлъ охарактеризовать признававшаго единную субстанцію голландскаго еврея Спинозу хорошимъ оптикомъ.

Въ наукѣ одно занятіе еврейскимъ буквоѣдствомъ считалось уже высшей ученостью. Этимъ путемъ достигали немаловажнаго титула доктора теологіи. И какъ же должны были гордиться своей наукой сами евреи! И они дѣйствительно гордились ею и ежедневно обогащали ее пудовыми фоліантами, разъяснявшими Талмудъ, Библію и Каббалу, что̀ чрезвычайно затрудняло нееврейскихъ буквоѣдовъ, которые съ выпученными глазами смотрѣли на эту колоссальную литературу.

Одинъ Гейдельбергскій профессоръ даже вздумалъ облегчить свою душу и также написалъ толстую книгу — противъ евреевъ, которая нѣкоторое время оставалась не безъ вліянія. Но евреи издѣвались надъ нимъ и были увѣрены, что настанутъ лучшія времена.

Такъ смотрѣли тогда на хорошій вкусъ, на евреевъ и на науку въ протестантской Германіи. Въ католической Франціи достигшій тридцатипятилѣтняго возраста Вольтеръ старался возстановить хорошій вкусъ и въ тоже время приготовлялся нанести евреямъ такой ударъ, отъ котораго они, по его мнѣнію, едва-ли когда либо оправятся. Вольтеръ сдѣлался впослѣдствіи для писаннаго закона евреевъ тѣмъ, чѣмъ Эйзенменгеръ былъ для устнаго ихъ права. Какъ Эйзенменгеръ въ Талмудѣ, такъ Вольтеръ въ Библіи откапывалъ такія мѣста, которыя развѣ доказываютъ лишь, что люди—не боги и могутъ не рѣдко ошибаться. Но въ методѣ ученаго француза eo ipso заключалась необходимость, нападая на іудейство, нападать въ тоже время и на христіанство, вслѣдствіе чего Вольтеръ скорѣе оказалъ евреямъ пользу, нежели вредъ.

Въ Германіи же этотъ новый методъ Вольтера не нашелъ себѣ приверженцевъ. Тамъ хотѣли оставаться при старомъ и исключать изъ общества евреевъ, какъ послѣдователей Талмуда. И хотя царствовавшій тогда Фридрихъ считался въ народѣ свободомыслящимъ, однако положеніе евреевъ далеко еще не улучшалось, ибо выше Вольтера не могъ подняться и самъ великій Фридрихъ.

Въ это то время пасторская семья маленькаго городка Каменца увеличилась мальчикомъ, который призванъ былъ реставрировать, или, вѣрнѣе, вновь создать въ Германіи хорошій вкусъ, ввести критику во всѣ отрасли литературы, а въ философію—незнакомаго еще тогда Германіи Спинозу. Словомъ, въ это то время, 22 января 1729 года, родился Готгольдъ Эфраимъ *Лессингъ*, который, протестуя противъ всего неразумнаго и неосмысленнаго, возставалъ также и противъ укоренившагося взгляда на евреевъ, внушилъ нѣмецкому народу лучшее о нихъ мнѣніе, а самихъ евреевъ ввелъ въ общую равноправную семью народовъ.

Въ изданіи театральныхъ произведеній Лессинга первымъ является драма «Евреи» (Die Iuden), съ объясненіемъ, что пьеса эта написана въ 1749 г., т. е., когда Лессингу было всего только еще двадцать лѣтъ и онъ еще сидѣлъ на университетской скамьѣ. Что подало молодому Лессингу поводъ сдѣлать евреевъ предметомъ своихъ юношескихъ думъ и размышленій — объясненія тому мы не находимъ ни у одного біографа Лессинга. Въ ранней молодости онъ не былъ знакомъ съ евреями; пасторскій домъ и изученіе теологіи тоже не могли ему внушить особенной симпатіи къ евреямъ. Что же могло побудить его выступить въ защиту этого народа?

Лессингъ очень рано развился и уже на ученической скамьѣ его товарищи-дѣти называли его чуднымъ Лессингомъ. Онъ уже тогда возставалъ противъ всякаго педантства и выказывалъ презрѣніе ко всякимъ неразумнымъ мнимо-религіознымъ стремленіямъ. Въ Лейпцигѣ онъ познакомился съ весьма талантливымъ, просвѣщеннымъ и свободно-мыслящимъ человѣкомъ, по имени Христлобъ Миліусъ. Этотъ Миліусъ считался, въ то время, ужаснымъ вольнодумцемъ, и Лессингу даже подъ угрозою лишенія стипендіи предписано было его отцемъ и университетскими властями прервать съ нимъ всякое знакомство. Но Лессингъ не только не прервалъ знакомства съ Миліусомъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ самые пріятные часы, но внезапно даже послѣдовалъ за нимъ въ Берлинъ, когда тотъ переселился туда изъ Лейпцига.

Въ Берлинѣ Лессингъ, въ 1749 г., написалъ свои двѣ пьесы, «Евреи» и «Вольнодумецъ», которыя обратили на себя тѣмъ большее вниманіе, что никто не могъ ожидать такихъ произведеній отъ двадцатилѣтняго юноши. Своей комедіей «Евреи», сыгранной странствующей труппой актеровъ, молодой Лессингъ съ одной стороны имѣлъ въ виду нѣсколько подорвать высокое мнѣніе, которое имѣли о себѣ христіане, а съ другой — выставить евреевъ, не смотря на то, что противъ нихъ господствовали всевозможные предразсудки, не только не достойными пре-

зрѣнія, но еще и въ извѣстной степени достойными уваженія. Но чтобы изъ за этого мнѣнія о «противникахъ христіанской религіи» не слыть вольнодумцемъ, какого эпитета онъ для себя въ то время не добивался, Лессингъ въ то же время написалъ своего «Вольнодумца» (Der Freigeist), въ которомъ дѣльный христіанскій богословъ выставляетъ въ крайне смѣшномъ свѣтѣ человѣка, поверхностно разсуждающаго о религіи. Онъ хотѣлъ доказать этимъ, что свободу ума, въ силу которой онъ опровергалъ предразсудки христіанъ противъ евреевъ, вообще нельзя смѣшивать съ вольнодумствомъ, и что можно возставать противъ предразсудковъ, вовсе не будучи вольнодумцемъ.

И такъ первой пьесой, въ которой Лессингъ выступилъ противъ упомянутыхъ предразсудковъ, и была драма «Евреи».

Положеніе племени, которымъ сынъ Камнецкаго пастора такъ человѣчески и живо интересовался, въ послѣднее время значительно улучшилось, и именно съ тѣхъ поръ, какъ Лессингомъ данъ былъ этому дѣлу первый толчекъ. Но совсѣмъ иное оно было въ то время, которое отстоитъ отъ насъ болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе.

Въ христіанскомъ мірѣ въ то время нерѣдко случалось, да и теперь иногда случается, что преступленіе, совершенное неевреями, приписывалось евреямъ, вслѣдствіе чего цѣлыя общины лишались крова, лишались своего имущества и достоянія, а иногда и — жизни. Случись гдѣ нибудь грабежъ или убійство, и вблизи живущіе евреи лишались своего спокойствія.

Все это Лессингъ затронулъ въ своемъ сочиненіи «Евреи», содержаніе котораго состоитъ въ слѣдующемъ:

Нѣмецкій баронъ предпринимаетъ небольшую поѣздку по своимъ владѣніямъ. На пути на него нападаютъ разбойники. Его спасаетъ случившійся тутъ проѣзжій. Разбойники — двое христіанъ, замаскировавшихся евреями. Проѣзжій — еврей, который при безконечныхъ изліяніяхъ благодарности барона, не тотчасъ обнаруживаетъ свое происхожденіе, не потому, чтобы онъ стыдился своей религіи, говоритъ Лессингъ, а изъ опасенія, чтобъ это не лишило его дружбы нѣмецкаго барона, которою онъ дорожилъ изъ чисто человѣческаго чувства.

Пробывъ два дня въ домѣ барона, проѣзжій открываетъ, что двое замаскированныхъ евреями христіанъ — служащіе самаго барона, которыхъ онъ кормитъ своимъ хлѣбомъ и къ которымъ онъ питаетъ безграничное довѣріе. Однако еврей не сразу рѣшается обличить ихъ. Лессингъ заставляетъ его внутренно бороться: „И своимъ подозрѣніемъ не слѣдуетъ никого оскорблять", восклицаетъ онъ. Затѣмъ еврей отказывается отъ всякаго вознагражденія, такъ какъ то, что онъ сдѣлалъ, онъ считаетъ обязанностью всякаго человѣка, и за это никакой награды не слѣдуетъ.

Баронъ, очарованный этимъ благородствомъ, предлагаетъ проѣзжему руку своей молодой прелестной дочери, и въ приданое — все свое состояніе. Благодарность барона достигаетъ, такимъ образомъ, высшаго предѣла, и тутъ Лессингъ заставляетъ проѣзжаго заявить о своемъ происхожденіи. «Я еврей», говоритъ онъ твердымъ голосомъ, и хотя молодая, неопытная барышня восклицаетъ: «Вздоръ, что-жъ изъ этого?» но на барона это производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, которое выражается его словами: «жестокая судьба!»

Въ заключеніе еврей говоритъ барону: *Вмѣсто всякой награды, прошу у васъ только, чтобы вы на будущее время судили о моемъ народѣ не такъ строго и не такъ обще*, на что баронъ отвѣчаетъ: *Я стыжусь своего поступка* — и этимъ объясненіемъ драма достигаетъ своей цѣли.

Но авторъ имѣлъ въ виду не одно только высшее общество: онъ имѣлъ въ виду и массу. Гуманному Лессингу хотѣлось, чтобы и весь народъ — не одно только дворянство — бросилъ свои предразсудки относительно евреевъ и устыдился своего обращенія съ ними. Съ этою цѣлью онъ выводитъ на сцену христіанскаго слугу еврея, презрѣніе котораго къ своему господину напоминаетъ Шекспировскаго Ланцелота въ „Венеціанскомъ Купцѣ". На всѣ грубыя выходки своего слуги еврей отвѣчаетъ вѣжливостью и благодѣяніями. Тоже самое мы видимъ и на Дайѣ въ „Натанѣ Мудромъ".

Въ 1754 году Лессингъ былъ представленъ жившему тогда при берлинскомъ дворѣ Вольтеру. Послѣдній былъ тогда обжалованъ въ судѣ однимъ берлинскимъ евреемъ, и, не особенно симпатизировавшій евреямъ французскій ученый, поручалъ Лессингу переводить его возраженія на взводимыя на него обвиненія. Лессингъ, такимъ образомъ, имѣлъ случай теоретически и практически познакомиться съ враждебными воззрѣніями прославленнаго Вольтера. Тѣмъ не менѣе, онъ остался вѣренъ своимъ предначертаніямъ и продолжалъ обнаруживать свое сочувствіе къ евреямъ и еврейству. Въ томъ же году онъ искренно подружился съ Мои-

сеемъ Мендельсономъ и тогда же напечаталъ свою драму «Евреи», которая до сихъ поръ была знакома публикѣ лишь потому, что она одинъ разъ дана была на сценѣ.

Появленіе этой драмы въ печати вызвало нѣкоторую бурю. Г. Михаэлисъ, писавшій о Моисеевомъ правѣ и вообще много занимавшійся еврействомъ, нашелъ нужнымъ протестовать противъ воззрѣній Лессинга и въ «Гетингскихъ Ученыхъ Запискахъ» помѣстилъ статью, въ которой заявлялъ, что характеръ проѣзжаго въ сочиненіи Лессинга невѣроятенъ, ибо еврейскій народъ не въ состояніи произвести такой характеръ. Лессингъ отвѣтилъ на эту статью въ своей „Театральной Библіотекѣ", чрезвычайно, впрочемъ, сдержанно, и заявилъ только, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такіе характеры въ еврейскомъ народѣ возможны, и въ доказательство привелъ письмо *одного еврея* — въ которомъ нельзя не узнать слога Мендельсона — трактующее о драмѣ и о рецензіи на нее. Не надо только — замѣчаетъ между прочимъ Лессингъ — представлять себѣ всѣхъ евреевъ такими, какими мы воображаемъ себѣ еврейскую чернь, шляющуюся по ярмаркамъ. Впослѣдствіи Лессингъ получилъ другое мнѣніе и объ этой черни, такъ какъ его *Натанъ* принадлежитъ къ торговому сословію.

Изъ черни, шляющейся по ярмаркамъ, Лессингъ очевидно не взялъ своего «проѣзжаго». Тогдашнее ученое талмудическое сословіе германскихъ евреевъ тоже не могло служить ему образцомъ, такъ какъ между вышедшими изъ талмудическихъ академій учителями и раввинами тогдашняго времени едва ли былъ одинъ, котораго съ перваго раза по внѣшнему виду нельзя было признать за еврея, а тѣмъ менѣе кто нибудь изъ нихъ допустилъ бы, чтобы его хоть на одну минуту принимали за не-еврея. Откуда же Лессингъ заимствовалъ фигуру своего проѣзжаго? Мендельсона, а равно и еврейскихъ врачей Киша и Гумперца — единственныхъ тогда евреевъ въ Германіи, которые могли бы служить ему моделью, Лессингъ не зналъ еще тогда, когда онъ писалъ свою драму. Его братъ и біографъ сообщаетъ, что типы своихъ первыхъ драматическихъ произведеній Лессингъ бралъ изъ книгъ. Это подаетъ поводъ думать, что образцомъ для Лессингова еврея служилъ Спиноза. Слѣдующіе признаки говорятъ въ пользу этого предположенія.

1) Слуга проѣзжаго говоритъ: *мы пріѣхали изъ Голландіи* Голландія — какъ извѣстно, родина Спинозы.

2) *Мой баринъ — дворянинъ.* Спиноза называлъ себя Барухъ или Бенедиктъ *фонъ* Спиноза.

3) Слуга говоритъ проѣзжему: *Ваша философія лишаетъ васъ дыханія.* Рѣчь идетъ здѣсь такимъ образомъ о философѣ, вся поклажа котораго — какъ разсказывается въ драмѣ — состоитъ изъ однѣхъ только книгъ.

4) Спиноза, какъ извѣстно, отказывался отъ предлагаемыхъ ему жалованья и богатства, какъ бы значительны они ни были.

5) Извѣстно также, что Спиноза, изъ за своего еврейства, какъ и проѣзжій Лессинга, не хотѣлъ жениться на любимой имъ христіанской дѣвушкѣ.

Въ испанско-еврейскомъ мірѣ было много такихъ личностей, которыхъ строгая нравственность и рыцарскіе поступки еще и въ настоящее время возбуждаютъ удивленіе самыхъ высшихъ классовъ общества. Но во времена Лессинга, никто изъ нихъ, за исключеніемъ Спинозы, не былъ на столько извѣстенъ въ Германіи, чтобы біографія его могла служить источникомъ для поэта.

Но Спиноза—скажутъ — былъ исключеніемъ, и за его исключительность евреи отказались отъ него; характеръ его, такимъ образомъ, не можетъ быть поставленъ въ заслугу еврейскому народу. Однако, такой писатель, какъ Лессингъ, разсматривалъ общество не по его внѣшнему виду, который подвергается частому измѣненію, а по его внутреннему и неизмѣнному принципу. Рано созрѣвшій умъ Лессинга съумѣлъ подняться надъ неподвижнымъ эмпиризмомъ того времени и предугадывать будущее. Что Лессингъ не ошибся, это доказываетъ уже отчасти современное состояніе умственнаго развитія евреевъ въ Европѣ, а будущее безъ сомнѣнія, представитъ намъ еще болѣе осязательныя доказательства.

Но заслуга Лессинга собственно еще заключается не въ томъ одномъ, что онъ выставляетъ благородную фигуру еврея. Послѣдній, собственно говоря, не есть даже главное дѣйствующее лицо въ драмѣ, которая вовсе не изъ за этой личности названа: «Евреи». Она также могла бы называться тогда и «Нѣмецкій баронъ», ибо и этотъ послѣдній обнаруживаетъ въ драмѣ не совсѣмъ обыденныя добродѣтели. Но дѣло въ томъ, что главный эффектъ драмы сосредоточивается на двухъ служащихъ у барона, на *Фогтѣ* и *Шульцѣ*. Они то собственно и суть дѣйствую-

щія, а не аргументирующія только лица. Всякое ихъ слово производитъ впечатлѣніе. Эти два, до корня испорченныя, существа суть христіане, пользующіеся господствующими относительно евреевъ предразсудками, чтобы на ихъ счетъ совершать всякія мерзости. Ничего лучшаго авторъ не могъ придумать для ослабленія самомнѣнія, которое питали о себѣ приверженцы господствующаго исповѣданія во вредъ приверженцамъ исповѣданія угнетаемаго, какъ только выставить пороки первыхъ и добродѣтель послѣднихъ.

Если послѣ этого допустить даже, что мнѣніе Михаэлиса справедливо, и что такой характеръ, какимъ выставляется проѣзжій, въ средѣ евреевъ невѣроятенъ, то во всякомъ случаѣ онъ не оспариваетъ вѣроятности существованія среди христіанъ такихъ характеровъ, какъ Фохтъ и Шульце, и этимъ цѣль драмы уже достигнута и названіе ея—«Евреи»—вполнѣ оправдано. Смотрите—говорится этой драмой—кто *ваши евреи* и каковы настоящіе евреи!

Духъ, которымъ проникнута драма Лессинга напоминаетъ три повѣсти изъ «Декамерона» Боккачіо, имѣющія еврейское содержаніе. Въ то время какъ всѣ остальныя 97 повѣстей, неимѣющихъ никакого дѣла съ еврействомъ, проникнуты сатирой или, по крайней мѣрѣ, юморомъ, эти три повѣсти составляютъ апологію или даже панегирикъ евреевъ. Вотъ ихъ содержаніе:

I) Еврея Мелхиседека требуютъ къ султану Саладину, спрашивающему его, которая изъ извѣстныхъ трехъ религій есть истинная. Еврей, не зная какъ отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ, быстро придумываетъ сказку о трехъ кольцахъ, разсказываетъ ее султану и такимъ образомъ, счастливо избѣгаетъ поставленной ему западни. (Декамеронъ. Первый день. Повѣсть 2).

II) Еврея Абрагама изъ Парижа преданный ему христіанинъ Джіанното де Чивиньи, желая ему всего лучшаго и будучи озабоченъ спасеніемъ его души, старается склонить принять христіанство. Послѣ долгаго упрямства еврей рѣшается наконецъ отправиться въ Римъ, чтобы прежде посмотрѣть, какъ живетъ папскій дворъ. Увидѣвъ распущенность римскихъ прелатовъ и испорченность духовенства, онъ возвращается въ Парижъ и принимаетъ христіанство (Декамеронъ. День первый. Повѣсть 3).

III) Еврей Натанъ пользовался необыкновенною славою. Митриданосъ, завидуя его добродѣтели, усердно подражаетъ ей. Но такъ какъ онъ все таки не можетъ возвыситься до нея, то рѣшается убить Натана и самъ отправляется въ его замокъ, съ

намѣреніемъ собственной рукой совершить это убійство. Прибывъ въ замокъ, онъ прямо попалъ на самаго Натана, котораго лично не зналъ и который представляется ему недовольнымъ слугой богатаго Натана. Митриданосъ вскорѣ открываетъ ему свое намѣреніе и спрашиваетъ его совѣта. Натанъ указываетъ ему рощу и говоритъ, что здѣсь онъ очень легко въ состояніи будетъ справиться съ своей жертвой. Натанъ затѣмъ является въ рощу на указанное мѣсто и говоритъ Митриданосу, уже занесшему надъ его головой смертоносное оружіе: вотъ то, чего ты добивался. Митриданосъ пораженъ и тронутъ этими словами, узнаетъ Натана по голосу и бросается къ его ногамъ. Они дѣлаются друзьями. (Декамеронъ. День послѣдній. Повѣсть 3).

Въ этихъ трехъ разсказцахъ евреи и еврейство выставляется знаменитымъ итальянскимъ писателемъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ на нихъ смотрѣли въ то время. Лессингъ, безъ сомнѣнія, уже при сочиненіи своихъ «Евреевъ» имѣлъ предъ собою образецъ Боккачіо.

Неизвѣстно, сколько времени прошло у Боккачіо между сочиненіемъ первой и второй его новеллы о евреяхъ. У Лессинга между первымъ и вторымъ его произведеніями о евреяхъ прошло тридцать лѣтъ.

Моисей Мендельсонъ, еврей, философъ, другъ Лессинга, пріобрѣлъ себѣ также дружбу извѣстнаго цюрихскаго пастора Лафатера, до котораго дошла слава о его добродѣтели. Этотъ новый другъ, второй Джіаннато ди Чивиньи, былъ чрезвычайно озабоченъ спасеніемъ души своего еврейскаго пріятеля. Изъ одной пріязни, желая ему всякаго добра, Лафатеръ предложилъ Мендельсону отказаться отъ религіи своихъ предковъ и присоединиться къ его собственному вѣроисповѣданію. Отказъ Мендельсона навелъ почтеннаго пастора на мысль перенести на почву гласности то, о чемъ они трактовали между собою въ частной перепискѣ. Онъ обнародовалъ посланіе къ Мендельсону, въ которомъ требовалъ отъ него, или чтобъ онъ принялъ христіанство, или же, чтобы онъ печатно опровергъ эту религію. Лессинга чрезвычайно возмутило это дружеское предложеніе.

Весьма естественно, что Лессингъ увидѣлъ въ этомъ поступкѣ повтореніе нападокъ Giovanni di Civigni на Abramo Giudeo. Лесингу, должно быть, было очень любопытно узнать—пойдетъ ли еврей Моисей по слѣдамъ еврея Абрагама, котораго Баккачіо

надѣляетъ достаточнымъ знаніемъ еврейской религіи и который только потому принимаетъ христіанство, что оно устояло противъ всей испорченности римской куріи. Къ такому заключенію не могъ придти философъ Мендельсонъ. Его отвѣтъ Лафатеру, заключая въ себѣ рѣшительный отказъ, въ то же время составленъ такъ, что освобождалъ его отъ непосредвеннаго опроверженія религіи, къ которой онъ отказался пристать *). Вслѣдствіе этого отвѣта, исторія эта перешла со ступени новеллы Abrama Giudeo на ступень второй вышеприведенной Боккачіевой новеллы, названной Melchizedeck Giudeo.

Лессингъ, такимъ образомъ, не могъ имѣть лучшаго случая убѣдиться въ моральномъ значеніи этихъ двухъ разсказовъ.

И онъ воспользовался ими, равно какъ и третьимъ разсказомъ, которые всѣ отражаются въ его „Натанѣ".

Изъ первой повѣсти онъ заимствовалъ дидактическую басню о трехъ кольцахъ, изъ второй — аксіому, что достоинство религіи слѣдуетъ оцѣнивать по моральной силѣ, присущей ея послѣдователямъ. Изъ третьей — личность Натана, которую онъ въ своей драмѣ выставилъ представителемъ іудейства. Роли, которыя въ этой драмѣ выпадаютъ на долю христіанства и ислама, равно какъ хорошо придуманная развязка разсказа о семействѣ Фильнекъ-Штауфенъ, повидимому принадлежатъ собственной фантазіи автора. Сущность программы пьесы заключается въ слѣдующемъ:

Мусульманинъ Асадъ, братъ завоевателя Саладина, въ одно прекрасное утро выѣзжаетъ изъ дому безъ провожатаго и больше не возвращается. Онъ слѣдуетъ за прибывшей на Востокъ съ крестоносцами христіанкой въ Германію, гдѣ онъ подъ именемъ *Вольфа* фонъ *Фильнека* принимаетъ христіанство, и у него отъ этой христіанки рождается сынъ, *Левъ* фонъ *Фильнекъ*. Послѣдній принадлежа по матери своей къ рыцарскому роду, очень рано вступаетъ въ орденъ тампльеровъ, принимаетъ фамилію своей матери и называетъ себя *Конрадъ* фонъ *Штауфенъ*. Вольфъ фонъ Фильнекъ, прежній мусульманинъ Асадъ, вмѣстѣ съ своей христіанкой, возвращается на Востокъ въ новомъ крестовомъ походѣ, чтобъ сражаться противъ прежнихъ своихъ единоверцевъ и—противъ своего роднаго брата. Прибывъ на Востокъ, жена рождаетъ ему дочь и умираетъ. Борьба становится жестокою. Многочисленная еврейская семья падаетъ жертвой христіанскаго религіознаго и боеваго усердія. Вольфъ спасаетъ жизнь старику, представителю этой семьи, и сводитъ съ нимъ тѣсную дружбу. Борьба закипаетъ вновь, и Вольфа затрудняетъ его двухнедѣльная дочь. Онъ призываетъ своего конюха, отдаетъ ему дочь, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее его другу еврею; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передаетъ ему и свой служебникъ, въ которомъ находилось все, что тотъ имѣлъ. Вольфъ падаетъ въ сраженіи. Слуга передаетъ еврею дочь Вольфа, служебникъ оставляетъ у себя для молитвъ, а самъ дѣлается ***монастырскимъ служкой.***

*) См. Mendelsohn's Sämmtliche Werke. Schreiben an Lavater.

Объ этомъ событіи кормилица ребенка сообщаетъ своей пріятельницѣ по имени *Дайа*. Дайа отправляется къ еврею и говоритъ ему, что совѣсть не позволяетъ ей молчать объ этомъ. При помощи подарковъ, еврей успокаиваетъ ея совѣсть; такъ какъ эта женщина при томъ вдова и безъ средствъ, то онъ беретъ ее къ себѣ въ домъ, чтобы она ходила за дѣвочкою. Воспитаніе же онъ даетъ ребенку самъ. Совѣсть бѣдной женщины по временамъ все таки возмущается, и еврей всегда подарками успѣваетъ успокоивать ее въ надлежащей мѣрѣ. Еврей, вмѣстѣ съ своей пріемною дочерью и ея надзирательницей, поселяется въ Іерусалимѣ, резиденціи Саладина, но часто по своимъ торговымъ дѣламъ уѣзжаетъ въ дальніе края.

Новый крестовый походъ прибываетъ на Востокъ, и среди крестоносцевъ на этотъ разъ находится и молодой храмовникъ, сынъ Вольфа, т. е. Асада. Взятый въ плѣнъ, онъ въ числѣ двадцати другихъ храмовниковъ, нарушившихъ заключенное съ Саладинамъ перемиріе, присуждается къ смерти.

Саладинъ присутствуетъ при совершеніи казни. Уже палачь поднялъ смертоносную сѣкиру надъ головою нашего молодаго рыцаря, какъ Саладинъ, внимательно всмотрѣвшись въ его лице, узнаетъ въ немъ черты своего пропавшаго брата Асада. Саладинъ прощаетъ его и даетъ ему свободу. Зная свое настоящее происхожденіе и обязанный султану своей жизнью, молодой рыцарь даетъ себѣ слово никогда больше не сражаться противъ ислама, а тѣмъ менѣе противъ своего дяди, султана Саладина. Онъ, впрочемъ, никому не довѣряетъ своей тайны и, угрюмый и скучный, блуждаетъ по Іерусалиму.

Горѣлъ домъ отсутствовавшаго изъ Іерусалима еврея. Отъ нечего дѣлать молодой храмовникъ поспѣшилъ на пожаръ. Крикъ

отчаянія проникаетъ въ толпу изъ объятаго пламенемъ дома. Это дочь еврея кричитъ о помощи. Никто не рѣшается рискнуть жизнью, и дѣвушка считается погибшею. Въ нашемъ рыцарѣ возбуждается человѣколюбіе, онъ бросается въ огонь и спасаетъ молодую дѣвушку отъ мучительной смерти. Съ дѣвушкой на своихъ сильныхъ рукахъ онъ снова является въ толпѣ. Оба невредимы, лишь плащъ его пострадалъ отъ пламени. Совершенно естественно, что между молодымъ храмовникомъ и дочерью еврея возникаетъ любовь со всѣми ея атрибутами, доходящая до предложенія о бракѣ, при чемъ набожная Дайа является чрезвычайно усердною свахой. Еврей, возвратившись домой, нисколько не задумывается выдать своего пріемыша за христіанина, хочетъ даже дать все свое состояніе въ приданое; но предварительно считаетъ необходимымъ узнать подробнѣе происхожденіе сватающагося храмовника.

Когда онъ узнаетъ, что храмовника зовутъ Куртъ (Конрадъ) фонъ Штауфенъ, у него рождается сомнѣніе, что женихъ можетъ быть въ такомъ близкомъ родствѣ съ его воспитанницею, которое не допускаетъ брачнаго союза между ними. Не сообщая никому о зародившемся сомнѣніи, онъ пока холодно принимаетъ сватовство храмовника и не даетъ положительнаго отвѣта.

Храмовникъ и надзирательница теряютъ терпѣніе. Въ особенности у послѣдней такъ сильно возмущается совѣсть, которую постоянно успокаивали подарками въ теченіе почти двадцати лѣтъ, что она уже болѣе не можетъ удержаться. Она рѣшается насильно вырвать изъ рукъ еврея его мнимую дочь и возвратить ее религіи, къ которой она принадлежитъ по рожденію.

И что же? На еврея доносятъ христіанскому духовенству Іерусалима, и патріархъ этого города приходитъ къ знаменитому заключенію: *сжечь еврея.* По счастью это происходитъ въ государствѣ, гдѣ духовенство не особенно поддерживается правительствомъ, и гдѣ, такъ называемое папско-императорское право не имѣетъ такого могучаго вліянія, вслѣдствіе чего приговоръ патріарха, ссылающагося на это право, остается гласомъ въ пустынѣ.

Храмовникъ, разочарованный въ своемъ ожиданіи и отчасти раскаиваясь уже за свои сношенія съ патріархомъ, отправляется къ султану съ намѣреніемъ открыться ему и, при его посредствѣ, хотя бы и силою, вырвать у еврея его пріемыша. Лишь только султанъ снова увидѣлъ черты своего брата *Ассада*, онъ все обѣщаетъ заранѣе, и храмовнику вовсе не нужно открыться ему. Дѣвушку приводятъ во дворецъ султана.

Еврей, который между тѣмъ, вслѣдствіе столкновенія съ духовенствомъ, добылъ молитвенникъ отца храмовника и свой пріемной дочери отъ превратившагo въ монастырскаго служку конюха, чтобы предупредить кровосмѣшеніе, спѣшитъ къ султану. Положеніе дѣлъ выясняется, и братъ и сестра узнаютъ другъ друга. Еврей называется *Натанъ*; его сказка о трехъ кольцахъ есть только эпизодъ къ цѣлому, расчитанный болѣе на дидактическую сторону этого драматическаго стихотворенія, чѣмъ на историческій ходъ его.

Кромѣ этихъ происшествій, которыя собственно должны быть предпосланы драмѣ въ видѣ пролога, и частная жизнь дѣйствующихъ лицъ представляетъ интересъ. Во дворцѣ султана много играютъ въ шахматы, стараются соблюдать экономію и спекулируютъ, что причиняетъ много хлопотъ министру финансовъ Саладина, хорошему пріятелю Натана. Въ кружкахъ монастыря много занимаются политикой, а въ домѣ еврея—гуманизмомъ и просвѣщеніемъ.

Такимъ образомъ въ этой драмѣ дѣйствуютъ, не только въ области взаимнаго обмѣна мыслей, но и въ событіи практической жизни, три извѣстнѣйшія, знаменитѣйшія и всеобщія религіи, которыя на этомъ фактѣ обнаруживаютъ присущую имъ нравственную силу.

Въ концѣ драмы авторъ влагаетъ въ уста Рэхи слѣдущія многознаменательныя слова, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на основу всей драмы:

Бѣдняжка, —
Какъ я тебѣ сказала, - христіанка,
И мучить изъ любви должна.
Она изъ тѣхъ мечтательницъ, которымъ
Вообразилось, что они узнали
Единственный и вѣрный, общій путь
Къ престолу Бога...
И чувствуютъ они необходимость
По этому пути направить всѣхъ,
Кто миновалъ его.—Едва-ли могутъ
Онѣ иначе дѣлать, потому-что —
Коль точто вѣренъ только этотъ путь -
Нельзя имъ видѣть равнодушно, друга,
Идущаго инымъ путемъ на гибель,
На вѣчныя мученья.

(Дѣйствіе V, явл. 6).

Болѣе ясный намекъ на поступокъ Каспара Лафатера противъ друга Лессинга Моисея Мендельсона, въ видѣ возобновленной сцены еврея Авраама съ Джіованни ди-Чивиньи, въ драмѣ былъ бы неумѣстенъ. Сама Дайа, о которой здѣсь рѣчь идетъ, не можетъ, конечно, изображать Лафатера, но за то ея супругъ, по ея словамъ, *швейцарецъ* напоминаетъ *швейцарскаго* пастора.

Теперь намъ остается еще посмотрѣть, какимъ возображенъ Натанъ, служащій опроверженіемъ этому заблужденію.

Представители трехъ религій изображаются дѣйствующими совершенно честно, и если еврей превосходитъ ихъ, то тѣмъ не менѣе и они типично благородны и справедливы. Мусульманинъ до крайности добръ и великодушенъ. Христіанинъ не безъ самопожертвованія спасаетъ изъ пламени вовсе незнакомую ему еврейскую дѣвушку. Кромѣ того, онъ обнаруживаетъ убѣжденія, которыя могутъ служить образцомъ благородства Доносъ на еврея патріарху, который онъ старается смягчить умолчаніемъ Натана, можетъ быть оправданъ любовью къ спасенной имени Натана, можетъ быть оправданъ любовью къ спасенной имъ дѣвушкѣ, его особеннымъ настроеніемъ. Служка монастырскій, эта добрѣйшая душа (die gute Haut), безъ сомнѣнія, неспособенъ наносить человѣку ни малѣйшаго вреда. Даже преданная предразсудкамъ Дайа измѣняетъ своему благодѣтелю вовсе не по злобѣ, и вполнѣ увѣрена, что поступаетъ честно; она ежеминутно ссылается на совѣсть, которая можетъ ошибаться, но не можетъ внушить злобныхъ поступковъ. Патріархъ выставляется собственною партіей въ невыгодномъ свѣтѣ, но драма, очевидно, вовсе не то хотѣла доказать. Вникая въ характеры дѣйствующихъ лицъ, не трудно подмѣтить, что въ то время, какъ поступки храмовника рѣзко отличаются отъ его религіознаго сознанія, и великодушіе мусульманина совпадаетъ случайно съ благородною историческою личностью султана Саладина, поступки Натана представляются неразрывно связанными со всѣмъ его міровоззрѣніемъ, убѣжденіями и образомъ мыслей. Натанъ благороденъ и великодушенъ потому, что его убѣжденія и образъ мыслей побуждаютъ его дѣйствовать такъ, а не иначе, и его религіозное сознаніе никогда не становится въ противорѣчіе съ его поступками. Вслѣдствіе этого образа мыслей и внутренней причинной связи между поступками и убѣжденіями, Лессингъ назвалъ свою драму дидактической и приэтомъ замѣтилъ, что онъ самъ всегда раздѣлялъ убѣжденія Натана.

Еврейская дидактика образуется слѣдующимъ образомъ: Въ отсутствіи старика, дѣвушка, сотрясенная до глубины души смертельнымъ страхомъ погибнуть въ пламени и внезапно смѣнившеюся радостью при спасеніи, и въ особенности подстрекаемая фантастическими соображеніями своей няни, впадаетъ въ крайнюю мечтательность. Въ своемъ спасеніи она видитъ что-то сверхестественное, чудесное; ея спаситель, думается ей, ангелъ съ распростертыми бѣлыми крыльями. Всѣ эти мысли на руку нянѣ. Этимъ восторженнымъ настроеніемъ дѣвушки поэтъ воспользовался, чтобы заставить Натана высказать свое мнѣніе о мечтательности, чудесахъ и ангелахъ—составныхъ частяхъ разныхъ религіозныхъ системъ.

Право,
Разсудокъ съ сердцемъ тутъ должны бороться.
Что побѣдитъ? Унынье и печаль?
Иль ненависть къ людскому роду?—Часто
Ни то не побѣждаетъ, ни другое,—
Въ борьбу вмѣшается воображенье—
И явится мечтательность, въ которой
То голова порой замѣнитъ сердце,
То сердце голову.- Плохой обмѣнъ!

(Дѣйствіе I, явл. 1).

Дальше онъ говоритъ о томъ же:

Пойми же,
На сколько легче набожно мечтать,
Чѣмъ поступать и честно, и разумно!
Такъ вялый, неразвитый человѣкъ
Съ любовью набожно мечтаетъ—только
Чтобъ не посмѣть,—подчасъ не сознавая
Причины этой самъ,-чтобъ не посмѣть
На дѣлѣ быть хорошимъ человѣкомъ.

(Дѣйствіе I, явл. 2).

Объ ангелахъ:

Повѣрь мнѣ:—человѣкъ для человѣка
Милѣе ангела.

(Дѣйствіе I, явл. 1).

Далѣе въ своемъ разговорѣ съ Рехой:

Но еслибъ даже
Тебѣ услугу эту оказалъ
Обыкновенный человѣкъ, какими

Насъ каждый день природа надѣляетъ.—
То для тебя онъ ангелъ.—Такъ должно быть,
Такъ было бы...

(Дѣйствіе I, явл. 2).

О чудесахъ Натанъ выражается слѣдующимъ образомъ:

Чудо величайшее ужъ въ томъ,
Что истинно чудесное и можетъ,—
Да и должно обыкновеннымъ быть.
Безъ этого всеобщаго-то чуда
Наврядъ бы мыслящій чудеснымъ назвалъ,
Что чудомъ звать одни должны бы дѣти,
Которыхъ только новость поражаетъ,
Необычайность случая.

Далѣе:

Взгляни: вотъ черепъ, такъ иль такъ построенъ,
Вотъ носъ, очерченъ больше такъ, чѣмъ этакъ;
Вотъ брови на кости тупой, иль острой,
Вотъ пятнышко, изгибъ, одна морщинка:—
Ничтожная черта въ лицѣ суровомъ
У европейца—въ Азіи тебя
Изъ пламени спасаетъ!—Развѣ это
Не чудо?

(Тамъ же).

Объ откровеніи Рэха, говоря о Моисеѣ, замѣчаетъ:

Гдѣ онъ стоялъ, тамъ онъ стоялъ предъ Богомъ.

(Дѣйствіе III, явл. 2).

Она же о поэзіи въ религіи:

Ну если-бы отецъ мой это слышалъ?
Что сдѣлалъ онъ тебѣ?—Зачѣмъ всегда
Какъ можно дальше отъ него ты ищешь
Мнѣ счастья?—Что тебѣ онъ сдѣлалъ, Дайа,
Что ты мѣшаешь съ сорною травой—
Съ цвѣтами родины твоей любезной—
То сѣмя разума, которымъ въ душу
Такъ чисто сѣялъ мнѣ отецъ мой? Дайа,
Дружокъ ты мой, онъ наконецъ не хочетъ,
Чтобъ пестрые цвѣты твои росли
На почвѣ моего разсудка.—Знаешь,
И я сама должна тебѣ признаться,
Что хоть они блестящи и красивы,
Но истощаютъ силы молодыя—
И запахъ ихъ удушливъ и тяжелъ.

(Дѣйствіе III, явл. I).

О религіи говоритъ Натанъ:

Тебя онъ (Богъ) тоже любитъ—
И для тебя и для тебѣ подобныхъ
Свершаетъ ежедневно чудеса,
Свершилъ ихъ даже до начала вѣка
Для насъ . . . .
Господь за добродѣтели земныя
И награждаетъ на землѣ.

(Дѣйствіе I, явл. 2).

Очевидно, что Лессингъ рѣзкимъ намекомъ на чудеса человѣческой физіогноміи имѣетъ въ виду богослова въ родѣ Лафатера, который основываетъ свою вѣру на чудесахъ.

Отрицаніе всего чудеснаго и сверхестественнаго и мысль, что всѣ чудеса сводятся къ одному первобытному чуду, не чужды еврейству, какъ извѣстно всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ литературою раввиновъ изъ такъ называемой школы мыслителей. Ничего новаго подъ луною! восклицаетъ экклезіастъ, книга котораго вошла въ составъ Библіи. Ортодоксальная Мишна совершенно открыто говоритъ тоже самое: „Десять предметовъ созданы наканунѣ субботы въ сумеркахъ"—и при этомъ въ ихъ числѣ считаетъ такія чудеса, которыя преданіе относитъ къ позднѣйшей исторіи евреевъ. Считая ихъ противными природѣ вещей, раввины сочли нужнымъ отнести ихъ обратно къ эпохѣ созданія міра, чтобы такимъ образомъ свести въ нѣкоторомъ родѣ всевозможныя чудеса къ одному первобытному, только разъ имѣвшему мѣсто чуду. (Число десять здѣсь представляется круглой цыфрой). Конечно, это слишкомъ схоластическое мнѣніе для насъ теперь никакой цѣны не имѣетъ, но оно указываетъ на то, что уже въ древности евреи вносили разумную критику въ религіозныя сужденія. Новѣйшіе писатели еврейскіе стараются объяснять всѣ библейскія чудеса на основаніи естественныхъ явленій, своевременно не понятыхъ. Мнѣніе Лессинга, что буква не духъ, а писаніе — не религія, находитъ полное подтвержденіе въ іудействѣ. Новѣйшая критика полагаетъ, что Библія не древнѣе Эздры, законописателя; еврейство же существовало за тысячу лѣтъ до Эздры, и основою его былъ тотъ же духовный, невидимый, только разумомъ постигаемый Богъ. Даже тѣ, которыя создателемъ писанія считаютъ одного Моисея, допускаютъ, что еврейство существовало и до него. т. е. до Библіи, что Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ и его братья, если уже не основатели еврейской

школы Шемъ и Эберъ, были евреями, которые и до появленія Библіи признавали господство духа, оживляющаго еврейство. Такимъ образомъ, Лессингъ съ спокойною совѣстью могъ заставить своего Натана — еврея говорить и дѣйствовать, какъ мыслитель, не урѣзывая ничего изъ его еврейства, такъ какъ оно вовсе не исходитъ отъ одного извѣстнаго, опредѣленнаго, окончательно совершившагося и непреложнаго факта и основывается на вѣчно развивающемся сознаніи. Эта мысль неоднократно высказывается Талмудомъ, который, не стѣсняясь библейскимъ изрѣченіемъ о превосходствѣ Моисея надъ всѣми бывшими послѣ него пророками, сравниваетъ съ нимъ другихъ дѣятелей еврейской науки и исторіи (напр. Эздру, Гиллеля Вавилонскаго и др.). Народъ же и на этомъ не остановился, и при появленіи великаго человѣка и впослѣдствіи не переставалъ сравнивать его съ великимъ законодателемъ. Такъ, во времена Маймонида, котораго тоже звали Моисеемъ, существовала ходячая поговорка: «отъ Моисея до Моисея, не было подобнаго Моисею»—поговорка, которая часто повторялась во времена третьяго Моисея—Мендельсона.

Міровоззрѣніе Натана заимствовано непосредственно изъ Богословско-Политическаго трактата Спинозы. Не смотря на исключительное положеніе этого философа въ еврейской средѣ, Лессингъ сознавалъ, что его міровоззрѣніе могло вырости только на еврейской почвѣ. Удаленіе евреевъ отъ него и его отъ нихъ объясняется историческими обстоятельствами, которыя повсюду неблагопріятны для выдающихся геніальныхъ людей. Не только Маймонидъ и Мендельсонъ, но самъ Моисей встрѣчалъ между евреями много недовольныхъ, и ему не разъ, по разсказамъ Библіи, приходилось усмирять народныя волненія. Даже это трудное примиреніе массы съ новѣйшими открытіями въ области мысли слѣдуетъ приписать привычкѣ относиться критически ко всему новому и нежеланію воспринимать его на вѣру въ безошибочность генія: только время и разумъ придаютъ надлежащую санкцію новизнѣ и отмѣняютъ устарѣвшія воззрѣнія.

Подобно Спинозѣ, Натанъ смотритъ на явленія жизни и природы трезво и просто, не предполагая въ нихъ ничего особенно чудеснаго въ обыкновенномъ смыслѣ и, при всей своей глубокой вѣрѣ въ силу предержащаго духа, онъ не хочетъ вмѣшивать его въ житейскія дѣла, идущія опредѣленной чредой. О своей пріемной дочери, Рэхѣ, Натанъ говоритъ:

Ничѣмъ я не владѣю съ большимъ правомъ.
Все остальное даръ *природы, счастья,*
Но тутъ я *добродители* обязанъ.

(Дѣйствіе I, явл. 1).

Природа и случай, совпаденіе благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ, счастье или несчастье играютъ большую роль въ житейскомъ мірѣ, но они неспособны надолго поработить развитый умъ. Натанъ не пренебрегаетъ богатствомъ, онъ человѣкъ торговый и по пути въ Іерусалимъ „собираетъ долги", но богатство для него важно какъ орудіе для добра. Съ другой стороны несчастіе, обрушившееся на его семейство только на время вызываетъ его ропотъ:

Въ Гатѣ христіане
Предъ этимъ незадолго всѣхъ евреевъ,
Съ дѣтьми и женщинами, истребили.
..........въ томъ числѣ погибли
Моя жена и семь цвѣтущихъ, бодрыхъ,
И много обѣщавшихъ сыновей, —
Что въ домѣ брата, гдѣ я ихъ припряталъ,
Они всѣ вмѣстѣ были сожжены...
Три дня, три ночи я въ золѣ, во прахѣ
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ.—Плакалъ!
Я Бога укорялъ!—въ негодованьи,
Въ ожесточеньи проклиналъ себя
И цѣлый міръ!—Я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти!..

Понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ пріятно
Шепнулъ мнѣ: „все-таки есть Богъ, и все,
Что сдѣлано—его опредѣленье.
Итакъ, иди, свершай, что ты постигъ
Давно; что совершить, когда захочешь,
Навѣрно не труднѣе, чѣмъ постичь.
Возстань!"—И всталъ я, къ Господу взывая:
Хочу! хочу!—была бы только воля
Твоя на то, чтобъ я хотѣлъ.

(Дѣйствіе IV, явл. 1).

Состояніе отчаянія продолжается недолго: онъ очнулся, онъ встаетъ изъ праха, и духъ его пробуждается съ полнымъ сознаніемъ, что цѣль человѣческой жизни—добродѣтель, которой ничто не можетъ и не должно препятствовать и передъ которой еврей, христіанинъ, мусульманинъ и парси—всѣ равны, всѣ люди, и всѣ не безгрѣшны. Человѣкъ, исповѣдующій религію, пророкъ кото-

рой заставляетъ своего Бога назвать себя. «Я—буду, который буду», не спрашиваетъ никого какъ и что онъ думаетъ о Богѣ.

Христіане Лессинга представляютъ собою нѣсколько иное начало — начало догмата, котораго они никогда не упускаютъ изъ виду. Изъ ихъ числа храмовникъ, который представляетъ собою начало внутренней борьбы и развивающейся критики, не имѣетъ собственнаго имени, его называютъ просто храмовникомъ по имени ордена, который въ началѣ XIV вѣка вслѣдствіе обвиненія въ ереси печально кончилъ свое существованіе. Онъ наполовину вѣрующій, наполовину философъ; но эти начала не легко уживаются въ немъ вмѣстѣ. Онъ не можетъ побороть въ себѣ ненависти и презрѣнія къ иновѣрцу, которыя совмѣщаются въ его душѣ съ самымъ священнымъ догматомъ человѣколюбія. Натана онъ встрѣчаетъ съ насмѣшками потому, что онъ принадлежитъ къ народу, считающему себя лучше и выше всѣхъ другихъ народовъ, не замѣчая, что самъ впадаетъ въ туже ошибку. Только послѣ того, какъ поступокъ Натана затрогиваетъ его чувства, онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы пробудить въ себѣ начало гуманности и терпимости. Онъ великодушенъ по природѣ и, не задумываясь, бросается въ огонь, чтобы спасти человѣка, но еслибы кто нибудь удержалъ его насмѣшкой надъ поджаривающейся жидовкой, онъ, можетъ быть, и самъ непрочь былъ бы посмѣяться, если бы какъ разъ въ эту минуту онъ былъ бы въ такомъ стихѣ. Вообще онъ дѣйствуетъ скорѣе подъ вліяніемъ возбужденныхъ страстей и отличается всѣми добрыми качествами молодости, воина и человѣка уже пытавшагося мыслить. Когда страсть наталкиваетъ его на недоброе дѣло, онъ хотя и поддается ей, но находитъ въ себѣ довольно силы остановиться во время. Онъ нѣсколько мизантропъ, потому что считаетъ себя чуть-ли не неудачникомъ: цѣль, которая привела его въ Палестину, кажется ему самому безумствомъ, и хотя подобная мысль давно уже возникала въ его душѣ, но очевидно выросла и созрѣла только въ послѣднее время, когда онъ, пощаженный Саладиномъ, на досугѣ имѣлъ возможность обдумать свое положеніе:

Когда-жъ и гдѣ въ такомъ ужасномъ видѣ,
Какъ здѣсь, какъ въ наше время, проявлялось
Благочестивое безумство—думать,
Что Бога лучшаго мы почитаемъ—
И потому навязывать его,
Какъ лучшаго, насильно всей вселенной.

(Дѣйствіе III явл. 5).

Но и тутъ, сознавая все безумство этихъ благочестивыхъ стремленій, онъ не можетъ не оправдать его тѣмъ, что оно представляется ему законнымъ наслѣдствомъ, доставшимся другимъ религіямъ послѣ того еврейскаго народа, который впервые называлъ себя богоизбраннымъ, забывая притомъ, что этотъ народъ никогда не имѣлъ ни крестовыхъ походовъ, ни миссіонеровъ. Какъ искусный адвокатъ Лессингъ поражаетъ противниковъ евреевъ ихъ же собственною логикой...

Впрочемъ храмовникъ больше воинъ, чѣмъ служитель вѣры: солдатъ испортилъ въ немъ монаха и въ его душу закралась уже и ересь:

Я не мало предразсудковъ
Отбросилъ здѣсь, въ прославленной землѣ;—
За что и самъ готовъ ее прославить.
Что нужно ордену?—Храмовникъ умеръ.
Для ордена я умеръ съ той минуты,
Какъ плѣнникомъ попался Саладину —
И голова, подаренная имъ,
Не прежняя. Ей чуждо все, что прежней
Отъ дѣтства натолковано насильно,
Что прежнюю стѣсняло.—Эта лучше —
И родственнѣй отеческому небу.
Я это чувствую:—вѣдь здѣсь впервые
Я начинаю мыслить, какъ отецъ мой
Когда-то мыслилъ здѣсь,

Смутное воспоминаніе о томъ, что отецъ его мусульманинъ, бросившій народъ свой и вѣру ради любви къ христіанкѣ, примиряетъ его съ страшною мыслью — любить еврейку:

Любовь-ли это? — Да, — храмовникъ любитъ —
И дочь еврея любитъ—христіанинъ.

Патріархъ думаетъ, больше чѣмъ говоритъ; онъ въ пьесѣ является только разъ, чтобы учинить нѣкоторыя вылазки противъ разума, и вообще, чтобы произнести характерное изрѣченіе:

Thut Nichts—der Iude wird verbrannt!

Впрочемъ мы знакомимся съ его думами и дѣятельностью при посредствѣ его органа, монастырскаго служки, который при всемъ своемъ благодушіи не можетъ удержаться отъ саркастическихъ скобокъ, въ которыя онъ заключаетъ свой „думаетъ патріархъ“, «говоритъ патріархъ».

За аккуратную доставку письмеца —
Такъ патріархъ сказалъ - Господь на небѣ
Вѣнцомъ особеннымъ посланца наградитъ.
И только вы, по мнѣнью патріарха,
Того вѣнца высокаго достойны.

Когда же храмовникъ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе убить изъ засады Саладина, которому онъ самъ обязанъ своею жизнью и называетъ такой поступокъ неслыханною подлостью, посланецъ патріарха, предвидѣвшій подобный отзывъ, объясняетъ:

Что подло у людей, (считаетъ патріархъ)
То далеко не подло передъ Богомъ....
А Саладинъ—говоритъ патріархъ—
Христіанства врагъ и другомъ вашимъ
Онъ права не имѣетъ быть.

За то съ какой отрадой встрѣчаешься съ бѣднымъ, добрымъ, честнымъ конюхомъ, превратившимся на старости лѣтъ въ монаха и доживающаго свои дни монастырскимъ служкой. При своемъ уваженіи къ патріарху, онъ незамѣтно для себя самаго является его казнителемъ. Онъ никогда не думалъ о дѣлахъ вѣры, но его вѣра чиста и далека отъ предразсудковъ; онъ безъ дальнихъ словъ признаетъ въ Натанѣ единомышленника, и только потому, что онъ не умѣетъ ближе опредѣлить такихъ людей, онъ его называетъ христіаниномъ. Для честнаго человѣка всѣ честные люди вѣруютъ въ одного и того же Бога, Бога правды и милосердія и если бы Натанъ помѣнялся ролями съ монастырскимъ служкой, онъ съ такимъ же восторгомъ воскликнулъ бы: „У васъ еврейское сердце!"

Между этими лицами патріархъ съ своей чисто-іезуитской жестокостью стоялъ бы совершенно одинокій, если бы онъ не находилъ себѣ въ лицѣ няни Дайи подходящей къ его идеалу вѣрующей особы. Дайа, пріемная мать и няня Рэхи, которая случайно узнала тайну ея рожденія, женщина добрая, по своему честная; она душевно предана Натану, любитъ безгранично свою питомицу, но она ни на минуту не задумалась бы предать Натана въ руки палача за то, что онъ принялъ въ свой домъ христіанскую дѣвочку и воспиталъ ее какъ свою дочь. Какъ только ей представляется случай, она сейчасъ же измѣняетъ своему благодѣтелю, сейчасъ выдаетъ тайну его, вовсе не думая о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ имѣть ея измѣна для Натана. Для чести ея нужно

сказать, что она можетъ быть и пожалѣла бы Натана, если бы по ея извѣту его повели на костеръ, но она скоро утѣшилась бы сознаніемъ, что она сдѣлала доброе дѣло, и если патріархъ подписалъ смертный приговоръ Натану, то ужъ вѣрно онъ былъ бы правъ, а впрочемъ, вѣдь Натанъ все таки жидъ...

Вы думаете,

говоритъ она храмовнику,

Вы думаете, не цѣню я
Свое достоинство, какъ христіанка?
Не то мнѣ на роду написано было,
Не для того пришлось тащиться мнѣ за мужемъ
Что-бъ въ Палестинѣ дочь жида кормить.

Храмовникъ, который не разъ уже слышалъ отъ нея, что ея любезный мужъ, благородный конюхъ въ войскѣ императора Фридриха, швейцарецъ родомъ, имѣлъ счастье и честь въ одной рѣкѣ съ его величествомъ, — оцѣниваетъ ее, точно также какъ монастырскій служка патріарха: онъ не особенно церемонится съ нею; но она въ своемъ религіозномъ рвеніи не обращаетъ вниманія на его грубости и пристаетъ къ нему съ предложеніемъ, въ случаѣ надобности, насильно похитить Рэху у Натана.

Совершенно въ другомъ свѣтѣ являются въ драмѣ Лессинга представители Ислама. О мусульманской догматикѣ въ драмѣ и помину нѣтъ, и эта третья религія, третье кольцо, играетъ въ драмѣ роль тѣни на картинѣ. Личность Саладина привлекательна въ драмѣ, но она также привлекательна въ исторіи. Извѣстно, что Саладинъ ежедневно расходовалъ на бѣдныхъ всю свою наличную кассу, и не былъ покоенъ, пока послѣдній динарій не переходилъ въ карманъ бѣдняка. Это явленіе объясняется скорѣе характеромъ даннаго лица, чѣмъ принципами религіи, въ которой онъ воспитанъ: въ ученіи о милосердіи всѣ три религіи сходны, онѣ всѣ одинаково проповѣдуютъ любовь къ ближнему, но истинное человѣколюбіе на дѣлѣ, въ практической жизни рѣдко истекаетъ изъ религіозныхъ мотивовъ, которые никого еще не удержали отъ преслѣдованія иновѣрныхъ. Равнодушіе дервиша къ мірскимъ благамъ скорѣе цинизмъ, чѣмъ исламизмъ, и онъ не можетъ быть противопоставленъ патріарху: для этого ему бы нужно было быть муфти нетолько по имени, но и по характеру этого званія,— но тогда онъ едва ли во многомъ отличался бы отъ нашего патріарха: и муфти въ жизни исламистскихъ народовъ не играютъ

роли овцы въ баснѣ... Но если исламизмъ, какъ таковой, въ драмѣ не является во всей своей наготѣ, чтобы служить pendent-омъ для другихъ, за то Лессингомъ удѣлено большое мѣсто исторіи, дѣйствительной исторіи, которая тоже умѣетъ краснорѣчиво говорить. Саладинъ драмы и въ исторіи съ отвращеніемъ отвернулся бы отъ того, кто присовѣтывалъ бы ему для своего обогащенія ограбить мирныхъ подданныхъ, хотя бы они были не болѣе какъ евреи; а его современникъ Филиппъ Красивый Французскій, который для войны съ Саладиномъ установилъ особый сборъ подъ названіемъ dime Saladin, не считалъ нужнымъ прибѣгать къ хитрымъ вопросамъ о религіозныхъ предметахъ, когда ему нужны были деньги: онъ не ждалъ пока евреи ему разскажутъ сказку о трехъ кольцахъ, и безъ дальнихъ околичностей ограбилъ ихъ, отнялъ все ихъ достояніе и прогналъ изъ предѣловъ государства. Это легче и проще— даже нѣсколько проще тѣхъ средствъ, которыя въ наше время прелагаетъ „Голосъ". Правда, тотъ же Филиппъ Красивый, годъ спустя послѣ изгнанія евреевъ, поступилъ еще хуже съ орденомъ храмовниковъ, которыхъ онъ для той же цѣли, что бы овладѣть ихъ имуществомъ, сжигалъ на кострѣ и наконецъ совсѣмъ уничтожилъ орденъ,—но это только подтверждаетъ старую истину, что гдѣ дѣло коснется денегъ,—и еврей и храмовникъ могутъ играть роль вола въ баснѣ Крылова „Моръ Звѣрей".

Какъ Саладинъ, историческое изреченіе котораго: «мечь, одежда, Богъ—вотъ все, что мнѣ нужно» — нашло себѣ мѣсто въ драмѣ Лессинга, такъ и сестра его Зитта вѣрна исторической Зиттѣ. Она пригодилась Лессингу для многихъ цѣлей. Онъ заставляетъ ее содержать тайно отъ брата своими средствами весь дворъ брата, и такъ какъ онъ вѣчно въ безденежьи и слишкомъ честенъ, чтобы подражать своему врагу Филиппу, Лессингъ заставляетъ Зитту уговорить его прибѣгнуть къ позволительной въ жизни хитрости для того, чтобы достать у Натана нужныя деньги. Въ особенности же она страстная ревнительница въ дѣлѣ смѣшанныхъ браковъ: съ первыхъ словъ она рѣшительно становится на сторону влюбленнаго храмовника и храбро обѣщаетъ ему, во что бы то ни стало, женить его на дочери еврея, если только, кромѣ религіозныхъ мотивовъ, не окажется другихъ какихъ либо препятствій. Этотъ пунктъ—больное мѣсто ея собственнаго сердца. Она женственно цѣломудренно относится къ плану брата о бракѣ ея съ братомъ Ричарда; но интриги посредниковъ и условія sine

qua non, чтобы она приняла христіанство, заставляютъ ее воскликнуть съ горечью:

Ты христіанъ не знаешь,
. . . Ихъ гордость въ томъ, чтобы только
Быть христіанами, а не людьми.
И даже то, что отъ Христа осталось
Имъ человѣчнаго въ ихъ суевѣрьи,
Они взлюбили не за человѣчность,
А потому, что такъ Христосъ училъ ихъ,
Такъ поступалъ Христосъ. И благо имъ,
Что былъ еще онъ добрымъ человѣкомъ,
И что его слова и добродѣтель
Они на вѣру могутъ взять. Да что!
Какая добродѣтель—имя! имя
Его должно распространяться всюду,
Должно уничтожать, должно позорить
Всѣ имена другихъ людей хорошихъ.
Объ имени, вѣдь, только и хлопочутъ.

(Дѣйствіе II, явл. 1).

Имя, ярлыкъ великое въ жизни дѣло; и не только въ жизни, но и въ исторіи они играли величайшую роль. Цѣлыя столѣтія человѣчество, боролось изъ-за именъ, борется еще теперь и долго еще будетъ бороться, пока идеи, высказанныя Лессингомъ, не войдутъ въ плоть и кровь народовъ. А что эти идеи, несмотря на то, что они часто повторяются, далеко еще не сдѣлались достояніемъ племенъ и народовъ, не вошли въ ихъ плоть и кровь, не усвоены ихъ разумомъ—это могутъ подтвердить ежедневно совершающіяся на нашихъ глазахъ событія. Такъ называемая религіозная терпимость, которая хвастаетъ тѣмъ, что не прямо преслѣдуетъ иновѣрцевъ только и исключительно изъ-за ихъ вѣры, но при этомъ вовсе не стѣсняется отыскивать въ иновѣрцахъ, именно потому, что они иновѣрцы, всякаго рода недостатки, —далеко еще не религіозная свобода. Въ наше время рѣдкій человѣкъ осмѣлится высказать сужденіе въ родѣ тѣхъ, которыя высказываетъ въ драмѣ Лессинга патріархъ; въ наше великое время и костры отмѣнены. Но тѣ же сужденія, только подъ другимъ облаченіемъ, подъ другою фирмою, высказываются, живутъ и дѣйствуютъ въ наше время, какъ во время оно, какъ въ доброе старое время... Недаромъ Лессингъ говорилъ, что драма его появилась на цѣлое столѣтіе преждевременно. Если онъ ошибся относительно того или другаго государства, той или другой страны,

если онъ ошибся во внѣшнихъ частностяхъ, то въ цѣломъ,— онъ не ошибся, и черезъ четыре года, въ 1879 г. когда столѣтiе, о которомъ говорилъ Лессингъ, канетъ въ вѣчность, мы далеко еще не посмѣемъ сказать его великой тѣни, что живой Лессингъ въ 1779, когда появилась его драма, ошибался: тѣже евреи, адвокатомъ которыхъ онъ былъ въ концѣ прошлаго столѣтiя, изъ среди которыхъ онъ вызвалъ Натана, чтобы онъ со сцены проповѣдывалъ цѣлому мiру свободу мысли, свободу совѣсти, скажутъ ему, что его столѣтiе далеко еще не миновало!

А. Л.

ЕВРЕИ ВЪ ВѢНѢ *)

Нигдѣ мнѣ не случалось встрѣтить такой ожесточенной злобы противъ евреевъ какъ въ Вѣнѣ. Здѣсь приходится слышать отъ самыхъ образованныхъ людей относительно евреевъ отзывы, мнѣнiя, пожеланiя, напоминающiе среднiе вѣка и чуть ли не времена испанской инквизицiи. Австрiйцы, въ особенности вѣнцы, очень любятъ *кокетничать* своимъ «либерализмомъ», и мнѣ кажется по этому только въ самомъ парламентѣ не заявляются требованiя объ уничтоженiи равноправности евреевъ. Ненависть къ нимъ должна быть очень сильна, если она высказывается такъ искренно и прямо, не смотря на пламенное желанiе вѣнцевъ слыть либералами. Причина этого противорѣчiя объясняется просто: дѣло идетъ о *борьбѣ за существованiе.*

Въ Вѣнѣ проживаютъ въ настоящее время около 90,000 евреевъ—цифра сама по себѣ огромная, если сообразить что въ Вѣнѣ, въ самомъ городѣ, всего 610,000 жителей, а вмѣстѣ съ предмѣстьями (гдѣ евреи очень рѣдко селятся) 825,000. Но сила и могущество

*) Мы заимствуемъ эту статью изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и печатаемъ ее безъ всякихъ измѣненiй и комментарiй. На нашъ взглядъ она весьма характеристична, съ одной стороны потому, что въ ней ясно выставляется источникъ всякой вражды къ евреямъ, а съ другой стороны— что не смотря на самые краснорѣчивые факты, наши публицисты никакъ не могутъ помириться съ мыслью, что дѣло въ окружающихъ обстоятельствахъ, а не въ самомъ еврействѣ. Авторъ настоящей статьи самъ же приводитъ многочисленные факты, объясняющiе тѣ черты еврейства, которые ему кажутся непривлекательными, а все-таки не можетъ отказаться, чтобы не взвалить ихъ на „расу". Повторяемъ, мы приводимъ статью цѣликомъ, безъ комментарiевъ, и надѣемся, что читатели уже сами съумѣютъ отличить настоящiй плодъ отъ ненужныхъ плевелъ и наростовъ. *Изд.*

здѣшней еврейской колоніи не зависятъ отъ одной ея численности. Теперь въ Европѣ вообще евреи образованныхъ классовъ, живущіе въ большихъ городахъ, ничѣмъ особенно не выдѣляются отъ прочихъ жителей; они легко сливаются съ общею массой остальнаго населенія. Здѣсь, хотя они и заявляютъ себя австрійскими патріотами, но составляютъ настоящій *status in statu*. Обыкновенно, евреи, отъ великосвѣтскихъ Ротшильдовъ до литовскихъ шинкарей въ долгополыхъ кафтанахъ, захватываютъ главную торговлю и банкирскія дѣла въ свои руки. Но въ Вѣнѣ, кромѣ этого, почти исключительно въ ихъ рукахъ адвокатура, медицина и печать—одни только духовныя лица, занимающія вліятельное положеніе, могутъ не страшиться, что оно будетъ отнято у нихъ евреями. Понятно что при подобныхъ условіяхъ «либеральныя убѣжденія», какъ бы ни была велика на нихъ мода, не въ состояніи уничтожить вѣковую вражду къ евреямъ.

Интересно вспомнить разныя превратности судьбы, которымъ, со временъ основанія Вѣны, евреи подвергались въ этомъ городѣ. Въ прежніе вѣка существовало довольно распространенное преданіе, что Вѣна была основана евреями. Можетъ быть, преданіе это и подкрѣпляетъ здѣшнихъ евреевъ въ ихъ стараніяхъ всячески и совершенно завладѣть Вѣной, и возбуждаетъ въ нихъ мысль основать здѣсь «новый Іерусалимъ», какъ ужь теперь многіе называютъ Вѣну... Достовѣрно то, что уже въ 906 году евреи въ большемъ количествѣ населяли Вѣну и пользовались особеннымъ покровительствомъ герцога Язомирготa, а въ 1224 году герцогъ Фридрихъ даровалъ имъ привилегіи, не только предоставившія имъ всѣ права христіанъ, но даже обезпечившія имъ нѣкоторыя преимущества надъ христіанскимъ населеніемъ. Напримѣръ, въ судебныхъ дѣлахъ свидѣтельство христіанина противъ еврея считалось недѣйствительнымъ; грабежъ или убійство, совершенные надъ евреемъ, наказывались гораздо строже, нежели тѣ же преступленія, совершенныя надъ христіаниномъ и т. д. Эти гуманныя распоряженія, доходившія до несправедливости относительно его христіанскихъ подданныхъ, не были конечно слѣдствіемъ убѣжденій герцога Фридриха и стоили очень дорого евреямъ... Они платили огромныя подати и, кромѣ того, еще обязаны были доставлять во дворецъ разную мебель, платить за угощеніе пріѣзжихъ гостей герцога, и т. д. Дворянство, жившее въ маленькихъ городахъ и въ своихъ помѣстьяхъ, также собирало

всевозможныя подати съ евреевъ, и поэтому не противодѣйствовало дарованію имъ правительствомъ разныхъ льготъ. Но огромныя денежныя жертвы, приносимыя евреями, доставляли имъ спокойное существованіе. Ожесточенные, фанатическіе декреты, выходки противъ нихъ католическаго духовенства, оставались безъ всякихъ результатовъ, и евреи безпрепятственно продолжали обогащаться, эксплуатируя всячески христіанское населеніе, съ тою геніальною находчивостью и спокойною безсовѣстностью, которыя объясняются отчасти наклонностями и свойствами ихъ расы, отчасти присущимъ имъ сознаніемъ что только въ деньгахъ имъ спасеніе—сознаніемъ такъ рѣзко выраженнымъ мощнымъ словомъ Шекспира въ его *Венеціанскомъ Купцѣ*.

Но, по мѣрѣ увеличенія богатства и имущества евреевъ въ Вѣнѣ, стали возрастать ненависть и злоба противъ нихъ, подстрекаемыя еще наущеніями духовенства. Золото и драгоцѣнности уже не предохранили ихъ отъ поражавшихъ ихъ все чаще и чаще жестокихъ преслѣдованій и гоненій. Нерѣдко городскіе обыватели безнаказанно нападали на ихъ жилища, грабили, отнимали у нихъ имущество. Правительство отказывалось уже защищать ихъ, и всеобщее настроеніе разразилось наконецъ страшною катастрофой 1421 года, въ которой само правительство приняло участіе. Катастрофа эта менѣе извѣстна нежели *Варѳоломѣевская ночь* и *Сицилійскія вечерни*, но по своему характеру смѣло можетъ соперничать съ ними.

Извѣстная нелѣпая сказка (возникающая нерѣдко даже и въ наше время) о похищеніи евреями на Пасху христіанскаго ребенка для употребленія его крови при печеніи пасхальныхъ хлѣбовъ, послужила и тогда предлогомъ къ страшной катастрофѣ. Въ одинъ день, *всѣ* проживающіе въ Австріи евреи были схвачены и заключены въ тюрьмѣ. Послѣ продолжительнаго и тяжкаго заключенія, бѣднѣйшіе изъ нихъ были высланы „на вѣчныя времена“ изъ края, а богатые оставлены въ заключеніи «до произнесенія надъ ними судебнаго приговора». Предвидя ожидающую ихъ участь, многія еврейки сами лишали жизни своихъ дѣтей и самихъ себя. Онѣ завязывали дѣтямъ глаза и открывали имъ жилы, и когда видѣли, что ихъ малютки истекаютъ кровью, испускаютъ послѣдній вздохъ, онѣ еще разъ прижимали къ груди трупы своихъ дѣтей, потомъ скручивали свои длинныя покрывала и спѣшили ими удавить себя. Плачъ и вопли раздавались въ

еврейскихъ семьяхъ. Жизнь ихъ проходила въ страшной тоскѣ, въ ожиданіи роковой развязки. И вотъ 12 марта 1421 года, съ балкона ратуши громогласно было объявлено народу рѣшеніе. подписанное герцогомъ: «чтобы всѣ находящіеся въ его краяхъ евреи были подвержены смертной казни, посредствомъ сожженія огнемъ». Въ этотъ же день въ одной Вѣнѣ погибло на кострѣ нѣсколько сотъ евреевъ. Не были пощажены ни женщины, ни дѣти. Зола, оставшаяся послѣ сожженныхъ, была брошена въ рѣку. Ихъ дома и имущество были отданы въ пользу казны и города.

Ничто не можетъ вѣрнѣе характеризовать безграничную ненависть, царствовавшую тогда противъ евреевъ, какъ то обстоятельство, что герцогъ Альбрехтъ V, извѣстный своими благими дѣяніями и нѣкоторыми для того времени истинно-просвѣщенными распоряженіями, могъ произнести подобный приговоръ...

Нельзя не дивиться живучести евреевъ при испытываніи самыхъ ужасныхъ гоненій и бѣдствій. Казалось бы, что послѣ катастрофы 1421 года, ихъ никакими силами нельзя будетъ заманить опять въ Австрію, но напротивъ. Вскорѣ послѣ того, вѣнскій *Гетто* (образовавшійся уже въ концѣ XVI вѣка) началъ снова населяться, и безпрестанно стали появляться новыя правительственныя распоряженія и декреты объ удаленіи евреевъ изъ Вѣны, и жалобы городскихъ обывателей, что, несмотря на эти запрещенія, число проживающихъ въ Вѣнѣ евреевъ все увеличивается. И дѣйствительно, униженія, оскорбленія, гоненія, физическія и нравственныя истязанія, ничуть не препятствовали имъ множиться, забирать въ свои руки всю торговлю, и своимъ возрастающимъ богатствомъ какъ бы мстить христіанскому населенію за перенесенныя ими преслѣдованія.

При изученіи исторіи евреевъ въ Вѣнѣ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаешься на личности Самуила Опенгеймера. Этотъ «придворный еврей» (оригинальный титулъ, дарованный ему императоромъ) занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ исторіи Австріи. Трудно понять, какъ въ тогдашней средѣ вѣнскихъ евреевъ, въ этой атмосферѣ униженія и низости, корыстолюбія, обмана и пронырства, могъ образоваться подобный характеръ, исполненный благороднаго достоинства, рѣдкаго безкорыстія, высокаго патріотизма и всепрощающей доброты. Въ 1675 году, когда война съ Франціей, возстаніе въ Венгріи, внутренніе раздоры, голодъ, довели Австрію до гибели, когда «австрійскіе народы» на правительственныя воззванія къ нимъ о помощи оставались глухи и нѣмы, и ничто, казалось, не могло болѣе отвратить грозившаго странѣ распаденія, явился простой еврей Опенгеймеръ и предложилъ свою помощь. «Австрія должна быть спасена», сказалъ онъ. «У меня большое состояніе — я отдамъ все, что имѣю. У меня большой кредитъ — въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ, постараюсь найти помощь и у своихъ соплеменниковъ». И началъ онъ свои странствованія изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, и вскорѣ имъ были доставлены требуемыя огромныя суммы и весь нужный для войска провіантъ. Опенгеймеръ отказался принять отъ правительства письменное удостовѣреніе въ томъ, что этотъ долгъ будетъ ему отданъ. «Когда Австрія поправится», сказалъ онъ. «мнѣ будетъ отдано что слѣдуетъ, а до тѣхъ поръ объ этомъ и рѣчи быть не можетъ». «Безъ еврея Опенгеймера Австрія и вся Германія принадлежали бы теперь Турціи!» воскликнулъ принцъ Евгеній Савойскій,—замѣчательныя слова въ устахъ величайшаго полководца своего времени...

Опенгеймеру были дарованы разныя льготы, дворъ обласкалъ его; но городское населеніе не перестало враждебно относиться къ нему: онъ былъ еврей... И несмотря на всѣ жертвы, принесенныя имъ въ пользу края. несмотря и на то, что, снова разбогатѣвъ, онъ щедро надѣлялъ своими благодѣяніями христіанъ равно какъ и евреевъ, правительство принуждено было приставить къ его дому стражу, чтобы предохранить его отъ оскорбленій и грабежа. Но даже эта мѣра оказалась недостаточною. Воспользовавшись первымъ представившимся поводомъ (посторонній еврей, стоявшій у окна въ домѣ Опенгеймера и глядѣвшій на игру мальчишекъ на улицѣ, громко засмѣялся, что провозгласилось оскорбленіемъ христіанъ), народъ съ бѣшенствомъ ворвался въ домъ «придворнаго еврея» и сталъ грабить и жечь все, что тамъ находилось. Толпа грабителей росла все болѣе и болѣе, и смѣло вступила въ борьбу съ присланнымъ на защиту Опенгеймера отрядомъ войска. Самъ Опенгеймеръ успѣлъ скрыться въ подвалѣ. Чтобы спасти его и семью его отъ грозившей имъ смерти, правительство принуждено было выставить противъ его дома шесть пушекъ. и объявить разъяренной толпѣ что если всѣ тотчасъ же не разойдутся, пушки начнутъ дѣйствовать.

Несмотря на строгія правительственныя распоряженія, чтобы все похищенное у Опенгеймера имущество было ему возвращено,

это нападеніе довело его почти до разоренія. Года полтора послѣ этого, въ 1701 году, опять настало критическое время для Австріи — испанская война, а финансы были въ совершеннѣйшемъ истощеніи. Опенгеймеръ испросилъ аудіенцію у принца Евгенія Савойскаго. Герой Австріи, приведенный ея положеніемъ въ глубокое отчаяніе, при видѣ Опенгеймера окончательно упалъ духомъ.

— Вы приходите, сказалъ онъ, требовать наконецъ отдачи выданныхъ вами суммъ... (Послѣ двадцати лѣтъ можно было дѣйствительно этого ожидать...)

— Вы ошибаетесь, принцъ, отвѣчалъ еврей.—Счастье ли это или уменье—не знаю, но Господь помогъ мнѣ скоро оправиться послѣ потерь, понесенныхъ мною при сожженіи народомъ моего дома. Я снова богатъ и пришелъ предложить услуги моему отечеству... Принцъ со слезами бросился ему на шею. Выйдя съ нимъ въ другую комнату, гдѣ дожидались выхода принца разныя высокопоставленныя лица, онъ обратился къ Опенгеймеру съ извѣстными словами: «Я спасъ Германію и христіанство моимъ мечомъ: вы сдѣлали тоже вашимъ честнымъ, благороднымъ сердцемъ...»

Съ тѣхъ поръ много произошло перемѣнъ то къ лучшему, то къ худшему въ судьбѣ евреевъ въ Австріи. И вотъ теперь уже много лѣтъ они пользуются безпрепятственно равноправностью со всѣми остальными жителями. Въ противоположность другимъ странамъ, они здѣсь не стыдятся своего происхожденія. Многія изъ первѣйшихъ магазиновъ въ Вѣнѣ по субботамъ закрываются. На нѣкоторыхъ элегантныхъ кафе красуются надписи по еврейски. Большая часть дворцовъ на Рингѣ принадлежатъ евреямъ. Ихъ храмъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ городѣ. Евреи здѣсь главные представители денежной аристократіи и интеллигенціи. Они первенствуютъ, и ненависть христіанскаго населенія къ нимъ растетъ. Многіе были бы даже искренно рады содѣйствовать повторенію и нынѣ *Auto dafé* 1421 года.

Л. И. ЛИПКИНЪ.

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ.

Державинъ.

9 февраля 1875 г. въ 6 часовъ вечера, въ Александровской сыпной больницѣ въ С.-Петербургѣ, на 34 году жизни, скончался отъ оспы, послѣ семидневной болѣзни, высоко-одаренный математическими способностями и всецѣло преданный наукѣ, *Липманъ Израилевичъ Липкинъ*, докторъ философіи Іенскаго университета и магистрантъ здѣшняго.

Имя Липкина сдѣлалось извѣстнымъ въ математическомъ мірѣ съ того времени, когда онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ заграницы, ознакомилъ нашихъ ученыхъ съ изобрѣтеннымъ имъ въ 1868 г., (будучи еще ученикомъ Берлинской Академіи Ремеслъ) механизмомъ для точнаго преобразованія прямолинейнаго движенія въ круговое и обнародовалъ его въ журналѣ нашей Академіи наукъ—Melanges mathematiques de l'Academie Imperiale á St.-Pétersbourg 1870. Ueber eine Gelenkgeradeführung von L. Lipkin). Извѣстно, что надъ рѣшеніемъ этой знаменитой кинематической задачи, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, трудились многіе ученые, въ томъ числѣ и знаменитый Уаттъ (Watt) (изобрѣтатель паровой машины). Первое приближенное рѣшеніе этой задачи придумано упомянутымъ Уаттомъ; весьма интересное аналитическое и наиболѣе близкое рѣшеніе ея, около 30 лѣтъ

тому назадъ, далъ нашъ извѣстный академикъ и профессоръ П. Л. Чебышевъ. Но впослѣдствіи этотъ ученый пытался даже доказывать невозможность точнаго преобразованія прямолинейнаго движенія въ круговое, пока изобрѣтеніе *Липкина* не доказало противное. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться и подробно описать изобрѣтенный покойнымъ весьма остроумный и простой механизмъ, основанный на одной геометрической теоремѣ; спеціально интересующіеся этимъ изобрѣтеніемъ найдутъ его описаніе въ новѣйшихъ руководствахъ, изданныхъ какъ на русскомъ, такъ и на другихъ европейскихъ языкахъ (какъ напр. Traité de Mecanique, Cinematique, par Collignon. Paris 1873 г.), гдѣ оно помѣщено подъ названіемъ: „*Параллелограмъ или механизмъ Липкина*".

На сколько важно это изобрѣтеніе можно заключить изъ сообщенія извѣстнаго математика Сильвестра, сдѣланнаго въ засѣданіи Королевскаго Британскаго Института, 23 января 1874 г. и напечатаннаго въ журналѣ „Proceedings of the Royal Institution of Great Britain № 60, April 1874". Въ своей статьѣ англійскій ученый, описывая механизмъ Липкина, указываетъ безконечно-разнообразныя и плодотворныя приложенія его. «Имя изобрѣтателя—заключаетъ Сильвестръ,—перейдетъ въ потомство, какъ благодѣтеля рода человѣческаго». Къ сожалѣнію англійскій математикъ дѣлаетъ неизвинительную ошибку, называя это изобрѣтеніе именемъ французскаго инженера Поссилье, (Peaussillier); между тѣмъ какъ онъ самъ, въ другомъ мѣстѣ своей статьи, говоритъ, что изобрѣтеніе новаго механизма для точнаго преобразованія движеній сдѣлано Липкинымъ и Поссилье и что второй изъ нихъ помѣстилъ эту кинематическую задачу лишь въ *видѣ вопроса* во французскомъ журналѣ «Annales de mathematiques» 1864 г. Это обстоятельство, а также и то, что французскій математикъ Collignon, (который, безъ сомнѣнія, не могъ бы игнорировать работы своего соотечественника Поссилье), называетъ новый механизмъ именемъ Липкина (въ изданномъ имъ въ 1873 г. руководствѣ по механикѣ), представляетъ явное доказательство, что честь этого изобрѣтенія должна быть приписана Липкину. Подтвержденіемъ такому мнѣнію можетъ служить еще и то, что и самъ англійскій математикъ Сильвестръ, какъ видно изъ его приведенной статьи, до 1873 г., не слыхалъ вовсе о математическихъ работахъ по этому предмету ученаго сосѣдней страны и узналъ объ открытіи Липкина и трудѣ

Поссилье отъ нашего академика П. Л. Чебышева, при свиданіи ихъ въ Лондонѣ въ томъ же 1873 г.

Модель механизма Липкина находилась на Вѣнской всемірной выставкѣ, а потомъ пріобрѣтена отъ покойнаго музеемъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія.

Вотъ краткій очеркъ жизни покойнаго.

Онъ былъ уроженецъ Ковенской губерніи, Тельшовскаго уѣзда, м. Салантъ, сынъ раввина и проповѣдника, извѣстнаго по имени Израиля Салантскаго, пользующагося особымъ почетомъ и популярностью въ массѣ своихъ единовѣрцевъ. Первоначальное воспитаніе и образованіе Л. И. Липкина заключалось, по обыкновенію, въ изученіи библіи, талмуда и другихъ подобныхъ религіозныхъ книгъ. Съ ранней уже молодости въ немъ обнаружилась наклонность къ научнымъ занятіямъ, особенно къ матиматикѣ. Не зная ни одного изъ европейскихъ языковъ, молодой Липкинъ долженъ былъ удовлетворять своей любознательности изъ сочиненій, писанныхъ на древне-еврейскомъ языкѣ. При всемъ несовершенствѣ подобныхъ учебниковъ и при отсутствіи всякихъ указаній. Липкинъ съумѣлъ, однако, благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, посредствомъ этихъ книгъ основательно познакомиться не только съ элементарными науками, но и со многими отраслями высшей математикѣ; въ то же время онъ самоучкою сталъ заниматься и новыми языками, особенно нѣмецкимъ и французскимъ, которые должны были открыть ему доступъ къ болѣе полнымъ и систематическимъ руководствамъ по математикѣ Обладѣя изобрѣтательнымъ умомъ, онъ тогда уже совершенно самостоятельно доказывалъ много теоремъ изъ Евклидовой и циркульной геометрій, въ то время ему совсѣмъ еще неизвѣстныхъ. Такія работы послужили ему отличною рекомендаціею, когда, неудовлетворившись запасомъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ изъ случайныхъ руководствъ, которыми онъ занимался въ родительскомъ домѣ въ маленькомъ мѣстечкѣ, онъ отправился въ Германію и представился профессору Ришело въ Кенигсбергѣ, такъ что былъ допущенъ, безъ затрудненія, къ слушанію лекцій и къ занятіямъ въ университетѣ. Покойный всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ ученомъ, умѣвшемъ заинтересовать и пріучать своихъ учениковъ къ самостоятельнымъ математическимъ трудамъ. Спустя нѣсколько времени, Липкинъ поступилъ въ берлинскую Академію Ремеслъ (Gewerb Academie), по окончаніи курса которой защи-

щалъ въ 1870 г. въ Іенскомъ университетѣ диссертацію, подъ заглавіемъ: „Ueber die raümlichen Straphoiden", за что былъ удостоенъ степени доктора философіи. Въ томъ же году Липкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и профессора математическаго факультета нашего университета, убѣдившись въ его необыкновенныхъ способностяхъ и обширныхъ познаніяхъ, признали возможнымъ допустить его прямо къ экзамену на степень магистра математики, не смотря на то, что онъ не только не имѣлъ необходимой для сего степени кандидата, но и вообще не посѣщалъ никакого учебнаго заведенія въ Россіи и даже не былъ еще твердъ въ знаніи отечественнаго языка. Осенью 1873 г. Липкинъ съ успѣхомъ выдерждѣжалъ зѣсь свой магистрскій экзаменъ и затѣмъ сталъ заниматься приготовленіемъ своей диссертаціи: *о преобразованіяхъ дифференціальныхъ уравненій и приложеніи ихъ къ одному картографическому вопросу*, трудность котораго признана была уже знаменитымъ французскимъ геометромъ Лагранжмъ. Диссертація эта, въ которой изложены самостоятельные и почтенные труды автора въ области высшей математики, какъ намъ извѣстно, была уже почти окончена и была бы представлена имъ къ публичной защитѣ, не позже весны текущаго года, еслибы смерть не поразила молодаго математика въ то самое время, когда онъ уже такъ близко былъ къ цѣли.

Какъ намъ достовѣрно извѣстно, одинъ изъ профессоровъ кіевскаго университета, чрезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, въ прошломъ году наводилъ справки о мѣстѣ пребыванія Л. И. Липкина (тогда отсутствовавшаго изъ нашего города) съ цѣлію приглашенія его на одну изъ вакантныхъ каѳедръ по математическому факультету того университета.

Насколько свѣтла была умственная жизнь и дѣятельность покойнаго Липкина настолько существованіе его представляется печальнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Лишенный всякой денежной поддержки со стороны своихъ бѣдныхъ родителей и посвятившій все свое время исключительно наукѣ, Липкинъ съ самой ранней молодости долженъ былъ испытывать постоянныя лишенія и даже нужду; какъ единственное средство къ существованію ему представлялась лишь стипендія частныхъ благотворителей, полученіе которой, по словамъ покойнаго, въ большей части случаевъ, въ германскихъ городахъ бываетъ сопряжено съ особаго рода непріятностію, состоящей въ томъ, что стипендіатъ

въ началѣ каждаго мѣсяца долженъ обходить всѣхъ своихъ меценатовъ для собиранія отъ каждаго изъ нихъ жертвуемаго талера. По пріѣздѣ покойнаго въ Петербургъ съ ученою степенью доктора философіи Іенскаго университета, ему приходилось не только бороться опять съ матеріальною нуждою, но какъ еврею, испытать еще затрудненіе въ полученіи права на пребываніе въ столицѣ. Только благодаря ходатайству просвѣщенныхъ профессоровъ математическаго факультета здѣшняго университета, эти затрудненія были устранены, и Липкину назначена была даже стипендія изъ суммъ такъ называемаго свѣчнаго съ евреевъ сбора. По выдержаніи покойнымъ своего магистерскаго экзамена, осенью 1873 г., стипендія эта была прекращена министерствомъ народнаго просвѣщенія, не смотря на вторичное ходатайство петербургскаго университета о необходимости продолженія ея до окончанія Липкинымъ своей диссертаціи. Такимъ образомъ въ послѣднее годы жизни покойный опять очутился безъ матеріальныхъ средствъ и, какъ оказывается теперь, обреченъ былъ на многія лишенія, хотя, по свойственной ему скромности, переносилъ ихъ безъ жалобъ и сѣтованій на судьбу.

Незавидны были условія жизни нашего математика и печальна была обстановка его кончины. Одержимый опасною прилипчивою болѣзнію, оспою, онъ вдругъ оставленъ былъ почти всѣми своими знакомыми и друзьями. Не позаботились даже помѣстить заболѣвавшаго въ такой больницѣ или лечебницѣ, гдѣ можно было бы ожидать лучшаго за нимъ ухода. Похороны Л. И. Липкина, какъ и все теченіе его жизни, совершились тихо и лишь четыре, пять человѣкъ провожали его на вѣчный покой.

Печально и грустно становится на душѣ, всякій разъ, когда смерть похищаетъ какого нибудь общественнаго дѣятеля или труженика науки, сослужившаго уже обществу или наукѣ свою посильную службу. Но еще грустнѣе и печальнѣе, когда прекращается молодая жизнь много обѣщающая, но не успѣвшая дать обществу и наукѣ то, что отъ нея ожидали. Л. И. Липкинъ умеръ именно въ тотъ моментъ, когда сила и дѣятельность его только что начинали развиваться, когда, запасшись всѣми необходимыми данными, онъ сталъ самостоятельно дѣйствовать для науки. Вотъ почему преждевременная смерть его должна особенно поразить насъ, особенно если вспомнить какихъ усилій, какой борьбы стоило покойному дойти до этого момента. Авторъ некролога говоритъ только

о матеріальной нуждѣ покойнаго Липкина. Но что это въ сравнении съ тѣми нравственнными страданіями, съ тою нравственной пыткой, которыя приходилось переносить покойному. Предавшись наукѣ, онъ долженъ былъ разорвать связь не только съ своимъ прежнимъ воспитаніемъ, — а эта ломка чего нибудь да стоитъ — но и со всѣмъ тѣмъ, что человѣку такъ дорого—съ своей семьей, съ своими родными, которые знать не хотѣли о какой либо другой наукѣ, кромѣ талмуда, и которые вмѣсто любви и поддержки на его многотрудномъ поприщѣ, выказывали ему ненависть и презрѣніе... И послѣ всего этого, перенесши всѣ эти жертвы, быть такъ близкимъ къ цѣли и—умереть не достигнувъ ея, умереть въ такой печальной обстановкѣ въ такомъ страшномъ одиночествѣ... Больно, невыразимо больно...

И больно, невыразимо больно вспомнить, что Липкинъ не единственный примѣръ, что это участь многихъ и очень многихъ еврейскихъ юношей, молодыя силы которыхъ надламываются и погибаютъ еще прежде, чѣмъ успѣваютъ даже дойти до того момента, до котораго дошелъ Липинъ...

Неужели это еще долго продолжится?!!

А. Л.

ЦИРКУЛЯРЪ КІЕВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

(ИЗЪ 12 №. „КІЕВСК. ГУБ. ВѢД.", 1875).

Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ симъ объявляетъ всѣмъ евреямъ, что по Высочайшему повелѣнію, въ непродолжительномъ времени будетъ произведена общая перепись всего мужскаго еврейскаго населенія въ краѣ.

Перепись будутъ производить особо командированные для того чиновники, снабженные открытыми листами. Всѣ евреи мужскаго пола обязаны сообщать этимъ чиновникамъ правдивыя свѣдѣнія о своемъ званіи, занятіяхъ, лѣтахъ, имени, отчествѣ, составѣ семейства и другія, которыя чиновникъ сочтетъ нужнымъ отъ нихъ потребовать, для исполненія возложеннаго на него порученія. За уклоненіе отъ сообщенія чиновникамъ требуемыхъ для составленія переписи свѣдѣній, за дачу ложныхъ показаній, а тѣмъ болѣе за сопротивленіе законнымъ требованіямъ чиновниковъ или произведеніе какихъ-либо безпорядковъ, виновные будутъ подвергнуты законной отвѣтственности.

Генералъ-губернаторъ надѣется, что всѣ евреи, проживающіе въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, *такъ успѣшно исполнившіе свои обязанности по послѣднему воинскому призыву*, не только не будутъ дѣлать затрудненій къ производству переписи, но съ своей стороны окажутъ также полное содѣйствіе къ исполненію настоящаго правительственнаго распоряженія. Генералъ-губернаторъ полагаетъ, что настоящая перепись, долженствующая облегчить еврейское населеніе правильнымъ опредѣленіемъ возраста для призыва новобранцевъ, равно какъ и обращеніе его къ евреямъ юго-западнаго края, будутъ встрѣчены ев-

198

рейскимъ населеніемъ, какъ новый знакъ заботливости и довѣріи къ нимъ правительства.

Подробныя требованія по производству переписи будутъ обращены къ еврейскимъ обществамъ непосредственно отъ губернаторовъ.

Циркуляръ этотъ не былъ перепечатанъ ни «Кіевляниномъ» и ни однимъ изъ повременныхъ изданій, выходящихъ въ Россіи, не былъ перепечатанъ потому, что оффиціально заявленное генералъ-губернаторомъ трехъ наиболѣе густо населенныхъ евреями губерній *усиьшное исполненіе имп обязанновти по посльдлему воинскому призыву*, опровергло бы всѣ ихъ разглагольствованія объ уклоненіи евреевъ отъ воинской овязнотти. Циркуляръ этотъ можетъ служить матеріаломъ для бугущаго безпристрастнаго историка по этому вопросу и цотому мы даемъ ему мѣсто въ «Еврейской Библіотеки».

А. Л.

БИБЛІОГРАФІЯ

ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ, СЪ 1855 ПО 1874 ГОДЪ*.

Составилъ В. И. Межовъ.

V. ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ СЪ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ТОЧЕКЪ ЗРѢНІЯ.

1. Политическая экономія; торговля, ремесла, земледѣліе.—Соціальное положеніе евреевъ.

Опытъ современной осмотрительной реформы въ области юдаизма въ Россіи. Размышленія о внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ русскихъ евреевъ. Сочиненіе *І. Тарнополя.* Одесса 1868.

Очеркъ современной исторіи юдаизма. (О положеніи еврейскаго вопроса на западѣ). *А. И. Георгіевскій.* Русское Слово, 1860, № 3. Отд. 1; стр. 1—58.

Критика. Очеркъ современной исторіи юдаизма. А. И. Георгіевскаго. (Русское Слово, мартъ 1860.). *І. Гальберштадтъ.* Разсвѣтъ, Органъ русск. евреевъ. 1860. №№ 9 и 10.

Журнальные вопросы (По поводу статьи Георгіевскаго, „Очеркъ современной исторіи юдаизма"). Статья *П. Щебальскаго.* Наше Время, 1860. № 25.

Слово истины. Статья *Я.* Разсвѣтъ, Орг. рус. евр. 1870. № 18.

Здѣсь говорится о меламдахъ и хедерахъ. По поводу ст. А. И. Георгіевскаго „Очеркъ соврем. исторіи юдаизма".

Взглядъ на экономическій бытъ русскихъ евреевъ. *Ил. Оршанскій.* День, Орг. русск. евр. 1869. № 14 и 15

Значеніе евреевъ въ экономическомъ бытѣ Бѣлоруссіи. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 37.

Очерки экономическаго положенія евреевъ въ Россіи. *Ил. Оршанскій.* День, Орг. русск. евр. 1869. №№ 21, 22, 23, 24. 25, 26, 30, 31 и 30. 1870. № 12, 11 и 12.

Женскій трудъ у евреевъ. День, Орг. русск. евр 1869. № 23,

Значеніе труда, по воззрѣніямъ талмуда. *С. Розенбергъ.* День. Орг. русск. евр. 1869. № 13.

Трудъ и его значеніе у древнихъ евреевъ. Прилож. къ Гакармелю. 1866. №№ 26 и № 27.

Бѣглый взглядъ на улучшеніе быта евреевъ за послѣднее время. *П. Лякубъ.* Одесск. Вѣстникъ. 1860. № 22.

*) См. „Евр. Библіотеку" Т. IV. въ концѣ книги.

Экономическое значеніе евреевъ. Варш. Дневн. 1866. № 245.

Экономическій антагонизмъ. *М. Филиппов*. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1871. №№ 22 и 23.

По поводу соч. г. Янсона. Стат. изслѣдов. о хлѣбн. торговлѣ въ одесск. районѣ.

Нѣсколько словъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія еврейскихъ ремесленниковъ. День, Орг. рус. евр. 1869. №№ 7, 11 и 12.

О правахъ евреевъ съ соціальной точки зрѣнія. Одесскій Вѣстникъ. 1865. № 61.

По поводу статьи: „Эмансипація евреевъ". (Биржев. Вѣдом. 1866. № 73). *Н. Чугаевичъ*. Кіевскій Телеграфъ. 1866. № 47.

Что такое солидарность и замкнутость евреевъ. Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1872. № 10.

О замкнутости евреевъ. *Ил. Оршанскій*. Прилож. къ Гакармелю. 1866. №№ 9 и 10.

Еще примѣръ еврейской исключительности. *Фармацевтъ*. День. Органъ русск. евреевъ. 1869. № 25.

Мѣры, предпринимавшіяся противъ замкнутости и фанатизма евреевъ. (Перед. ст.). Голосъ. 1872. № 114.

Сознаніе собственнаго религіозно-національнаго достоинства въ евреяхъ Англіи. Сіонъ, Органъ русск. евреевъ. 1862. № 39.

Іудеизмъ въ отношеніи къ жизни. Прилож. къ Гакармелю. 1860. №№ 7, 8, 9, 13, 16, 33, 34 и 37.

Космополитизмъ еврейскаго племени. П. *Лякубъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 43.

Почему усвоеніе евреями господствующей народности идетъ у насъ въ Россіи несравненно труднѣе, чѣмъ въ прочихъ государствахъ Европы. Кіевлянинъ. 1864. № 61.

Общественная жизнь евреевъ и ихъ отношеніе къ христіанамъ. Новгород. Губ. Вѣд. 1867. №№ 40—51 и 1868. №№ 2—4.

Воспринимаютъ-ли евреи русскую гражданственность? Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1872. № 1.

Объ отношеніяхъ евреевъ къ государству и къ господствующему населенію Россіи. День (Аксакова). 1862. № 19.

Обрусѣніе евреевъ. Изъ Минска. Корресп. *К. У.* Виленскій Вѣстникъ. 1867. № 122. О томъ же № 129—131.

Обрусѣніе поляковъ и евреевъ. *Н. Сушковъ*. Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1866. № 3 и Домашняя Бесѣда. 1867. № 44.

Обрусеніе евреевъ и раввинскій вопросъ. (Перед. ст.). С.-Петербургскія Вѣдомости. 1869. №№ 16, 25, 42 и 43.

Евреи и обрусеніе. Статья *Х—ва*. Вѣсть. 1869. № 198.

Нѣсколько словъ къ вопросу объ обрусеніи евреевъ. *Левъ Фаерманъ*. Новороссійскій Телеграфъ. 1869. № 12.

О новомъ движеніи въ средѣ русскихъ евреевъ. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 2.

О русскомъ движеніи въ еврейской средѣ. *Л. Леванда*. Виленскій Вѣстникъ. 1867. № 11.

О возможности внутренняго сближенія евреевъ съ русскимъ народомъ. Сіонъ. Органъ органъ русск. евреевъ. 1861. № 29.

О недопущеніи евреевъ въ Одессѣ въ благородное собраніе. *Н. Шишковскій*. Сіонъ. Органъ русск. евреевъ. 1862. № 34.

О первоначальномъ населеніи евреевъ въ южныхъ и юго-западныхъ частяхъ нынѣшней Россіи. *К. Гаузнеръ*. Вѣстникъ Русск. Евреевъ. 1872. №№ 7—9.

Къ вопросу о переселеніи евреевъ. Статья *А. Г—ча*. Минскія Губ. Вѣд. 1869. № 44.

Общество трезвости между евреями, въ 1851 году. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 7.

Кіевъ и Харьковъ—ихъ отношеніе къ евреямъ. Статья Z. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 20.

Краткій очеркъ выселенія евреевъ изъ Бессарабіи. Статья *Н. К.* День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 8.

Евреи и бессарабскіе поселяне. (Перед. ст.). Голосъ. 1868. № 281.

О евреяхъ—арендаторахъ корчемъ на Волыни и о вредномъ вліяніи ихъ на благосостояніе крестьянъ. Волынскія Губернскія Вѣдом. 1867. № 39.

Отношеніе евреевъ къ царанамъ Бессарабской области. Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 159.

Западнорусскіе очерки. *П. Шпилевскаго*. Иллюстр. 1858. Т. II. №№ 43 и 44.

Литературный протестъ (на статью Шпилевскаго). С.-Петер. Вѣдом., 1858. № 258.—Тоже Моск. Вѣд. 1858. Лит. отд. № 142.—Отвѣтъ *Вл. Зотова*. Спб. Вѣд. 1858. № 262.—Тоже Сѣв. Пчела. 1858. №№ 262 и 266. — Протестъ противъ отвѣта Влад. Зотова. Сѣв. Пчела. 1858. № 272.

Изъ воспоминаній послѣ поѣздки въ деревню. О вредномъ вліяніи жидовъ на нравственность сельскихъ жителей. Статья *А. П—ча*. Подольск. Епарх. Вѣд. 1866. № 6.

Къ вопросу о присоединеніи евреевъ къ сельскимъ обществамъ. Статья *И. Л.* День, органъ русск. евреевъ, 1869. № 16.

Крестьянское сословіе и евреи въ Польшѣ. Журн. Общеполезн. Свѣд. 1858. № 11.

Очеркъ современнаго положенія еврейскихъ колоній Новороссійскаго края. *И. Шмаковъ*. День, 1869. №№ 9, 10 и 11.

По поводу отмѣненія откуп. системы. *С—тъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 49.

Благотворительность и нищенствующая братія у евреевъ. *О. Гольденфудимъ*. Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 14.

Нѣсколько словъ объ уменьшеніи у насъ нищенства. *И. Красносельскій*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ, 1860. № 17.

О бѣдномъ сословіи русскихъ евреевъ. Источники этой бѣдности и всевозможное ея облегченіе. *І. Тарнополь*. Одесса 1858.

О прекращеніи среди гродненск. еврейск. общества бродячаго нищенства. Статья *Г.* Прилож. къ Гакармелю 1869. № 35.

Письмо въ редакцію. *А. Пумпянскій*. Прил. къ Гак. 1869. № 39.

По поводу предыдущей статьи.

Благотворительность у евреевъ. *И. Соловейчикъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860, № 19.

Благотворительность новгородск. евреевъ. *А. Алексѣевъ.* Новгородскія Губ. Вѣд. 1869. № 1.

О благотворительности. *О. Воль.* Прил. къ Гакарм. 1861. № 2.

Уставъ общества взаимн. вспомощ. учителей евреевъ Новороссійск. края и Бессарабск. области, утвержд. г. Министромъ Внутр. Дѣлъ 7 сент. 1866 года. Прил. къ Гакармелю. 1866. № 29.

Отчетъ о дѣйствіяхъ ковенскаго еврейскаго комитета для пособія бѣднѣйшимъ евреямъ Ковенской губ., со времени учрежденія по 24 марта 1869 года. Прил. къ Гакармелю 1869, №№ 44 и 45.

Извлеченіе изъ отчета комитета общества взаимнаго вспомоществованія прикащиковъ-евреевъ г. Одессы, за второй годъ его существованія. Приложеніе къ Гакармелю 1865. № 37.

Отчеты того же комитета за 1869 г. „День", 1870. № 7; за 1870 г. „День". 1871. № 15.

Отчетъ правленія общества «Трудъ», для распространенія ремесленныхъ знаній между евреями въ Одессѣ, за время съ 31 іюля 1864 по 1 января 1867 г., читанный секретаремъ правленія *Б. В. Бертензономъ*, въ общемъ собраніи членовъ общества, бывшемъ 19 февраля 1867 г. Прилож. къ Гакармелю 1867 г. №№ 40 и 42. Тоже за 1868—7 г. Одесса 1870 г.

Отчетъ комитета общества взаимнаго вспомоществованія прикащиковъ-евреевъ г. Симферополя, за 1870 — 71 гг. Таврическія губ. вѣд. 1871 г. №№ 54 и 56.

Еврейскія братства въ городахъ зап. Россіи. Статья *Г. В.* «Виленскій Вѣстникъ» 1867 г. №№ 135 и 137. Тамъ же перед. ст.

Еврейскія братства, мѣстныя и всемірныя. *Я. Брафманъ.* Вильно. 1869 г.

1) „День", органъ русск. евреевъ. 1869. №№ 27 и 28. (Рец.) и 1870. №№ 20, 21, 32, 33 и 37. (Перед. ст.).
2) „Заря". 1870. № 11 (Рец. *В. К.*).
3) „Вилен. Вѣстн." 1870. № 25. (Статья *Ф. Ветлугина*).
4) „Кіевлянинъ". 1870. № 35.

О еврейскихъ братствахъ: «Хевресъ». Бывшій военный учитель изъ евреевъ *А. Алексѣевъ.* Дух. Бесѣда. 1869 №№ 17, 18 19, 22, 23, 24, 25.

Еврейскія братства. (Перед. статья). „Голосъ" 1870, № 185.

Еврейскія братства. *Нѣкій.* „День", орг русск. евр. 1869. № 27.

Какъ относятся еврейскія братства въ Россіи къ ассимиляціи Евреевъ. *М. Гурвичъ.* „Вил. Вѣст." 1868, №№ 56—58.

Еврейскія братсва въ Россіи и отношенія ихъ къ ассимиляціи евреевъ. *Н. Гурьевъ.* „Домашняя Бесѣда" 1869. № 7.

Свѣдѣнія о могилевск. евр. благотв. братствахъ. „Мог. Губ. Вѣз." 1886. № 47.

Русско-еврейское общество въ Житомірѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 9.

Нѣсколько словъ объ еврейскихъ обществахъ въ Волынской губ., подъ названіемъ Хебра-Кадиша. *А. Хевреманъ.* „Волынскія Губ. Вѣд." 1867. № 25 и „Кіевлянинъ". 1867. № 30.

Ессеи и Фарапевты (еврейскія общества). *П. Лебедевъ.* „Духъ Христіанина". 1862. Кн. IV и V (декабрь и январь).

„Конкордія" общество русскихъ евреевъ въ Берлинѣ. «День», органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 9.

Возникновеніе общества «Конкордія» и отличіе его отъ «Амициціи». «День», органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 15.

Отчетъ и воззваніе общества „Конкордія". День. 1871. № 23.

Какъ устроить приходорасходныя статьи еврейскаго общества Варшавы по уничтоженіи кошернаго налога. Прил. къ Гакармелю. 1862. № 22.

По поводу мѣръ относительно еврейскихъ общинъ въ сѣв.-зап. губ. (Передов. ст.) „Москва". 1867. № 143.

Изъ записокъ хлѣбопашца-еврея. Земледѣлецъ-еврей. Сіонъ органъ русск. евреевъ. 1861. № 5.

Еврей-земледѣлецъ. *О. Воль.* Гакармель. 1860. № 12, 15.

Евреи-земледѣльцы въ Палестинѣ. Отчетъ благотворительн. учр. въ Іерусалимѣ. Сіонъ, орг. русск. евр. 1862. № 33.

Быть или не быть евреямъ земледѣльцами? Вѣст. Русск. Евреевъ. 1871. № 2.

О евреяхъ-земледѣльцахъ. Рижскій Вѣстникъ 1873. № 239.

О ерреяхъ-земледѣльцахъ. Правит. Вѣстникъ. 1869. № 237.

Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи. *В. О. Леванды.* Еврейская Библіотека. 1872. Т. II.

Евреи-землевладѣльцы въ Россіи. *А. Думашевскій.* Вѣстн. Имп. русск. географ. общества, ч. 27. отд. 2, стр. 61—89.

Еврейское землевладѣніе въ западномъ краѣ. *Ил. Оршанскій.* День, орг. русск. евр. 1870. №№ 6, 7, 8 и 9.

Краткій историческій взглядъ на положеніе земледѣлія у евреевъ. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 23.

Евреи соперники русскихъ промышленниковъ. С.-П. Вѣд. 1859. № 10.

Матеріалы для характеристики еврейской торговли. *Ил. Оршанскій.* День, орг. русск. евр. 1870. №№ 48, 49 и 50.

Переполохъ между евреями. Кіевлянинъ. 1872. № 131.

Промышленность еврейскими религіозными предметами въ Витебскѣ. *А. Сементовскій.* Витебскія Губ. Вѣд. 1864. № 1.

Торговля и ремесла въ Іерусалимѣ. Статья *Т. Тоблера.* Промышл. 1861, т. II, кн. 2 и 3.

Шелководство евреевъ въ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Правит. Вѣстникъ. 1873, № 169.

Женскій вопросъ и жена раввина Гольдсмита въ Лейпцигѣ. *Ф. Мизесъ.* Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 13.

О состояніи рабовъ у евреевъ по закону Моисея. Воскресное чтеніе. 1859. № 14.

Мысли образованной еврейки о современномъ женскомъ вопросѣ. *Ф. Мизесъ.* Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871, № 17.

Положеніи женщины у евреевъ. (По *Каро*), статья *Н. П.* Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 15.

Положеніе женщины у древнихъ и у современныхъ евреевъ. (Взглядъ евреевъ на женщину въ ихъ литературѣ и въ ихъ современномъ быту). *А Думашевскій*. Библ. для Чт. 1862. № 2.

Положеніе женщины у древнихъ евреевъ. *О. Гурвичъ*. Приложеніе къ Гакармелю 1862. №№ 47 и 48.

Положеніе евреевъ въ Европѣ. Журналъ общепол. свѣдѣній, 1859, № 7. Тоже въ приб. къ Харьк. губ. вѣд. 1859, № 92.

Нѣсколько словъ о направленіи современнаго іудаизма въ зап. Европѣ и въ Россіи. *О. Гурвичъ*. Вил. Вѣстн. 1867. № 16.

Вопросы внутренняго благосостоянія въ лондонскомъ еврейскомъ обществѣ. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 16.

Нравственное и религіозное состояніе еврейскихъ женщинъ въ Англіи. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 29.

Государственная благотворительность въ Англіи и еврейскій попечительный совѣтъ о бѣдныхъ. Сіонъ, 1861, № 19.

Благотворительныя и образовательныя учрежденія лондонскаго еврейскаго общества. Сіонъ, 1861. № 5.

Евейское общество для построенія образцовыхъ училищъ для бѣдныхъ. въ восточн. части Лондона. Сіонъ, 1861. № 27.

Заложеніе новаго зданія для лондонской еврейской богадѣльни. Сіонъ, 1861. № 11.

Евреи въ Австріи. Вопросъ объ эманципаціи ихъ въ Венгріи. Сіонъ, 1861. № 3.

Успѣхи Австріи въ дѣлѣ еврейской эманципаціи. Сіонъ, 1862. № 36.

Отношеніе евреевъ къ различн. національн. партіямъ и къ правительству въ Австрійск. имперіи. Сіонъ, 1862. № 41.

Положеніе евреевъ въ Венгріи. Сіонъ, 1861. № 26.

Венгерская національность и евреи. Сіонъ, 1861. № 10.

Преслѣдованіе евреевъ въ Прагѣ. Сіонъ, 1861. № 7.

Литературныя письма о состояніи іудейства въ Германіи. Сіонъ, 1862. №№ 42 и 43.

Положеніе евреевъ въ германскихъ земляхъ. Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 28.

Новый еврейскій всеобщій союзъ въ Германіи. *Фабій Мизесъ*. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 18.

Настоящее положеніе евреевъ въ Сѣверной Германіи и Пруссіи. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 24.

Жидобоязнь въ Германіи. Сынъ Отечества. 1872. № 20.

Эманципація евреевъ въ Виртембергѣ. Прил. къ Гак. 1862. № 32.

Дѣло евреевъ въ Виртемберг. королевствѣ. Прил. къ Гак. 1861. № 16.

Вопросъ о евреяхъ въ прусской палатѣ. Прил. къ Гак. 1862. №№ 7 и 8.

Корреспонденція изъ Берлина. Новый ремесленный уставъ и еврейскій вопросъ въ Пруссіи. Статья *К.* Вѣстн. Европы 1869 № 7.

Предложенія въ прусской палатѣ депутатовъ по еврейскому вопросу. Сіонъ, 1862. № 38.

Прусская конституція и теоріи ученыхъ прусскихъ министровъ. Сіонъ, 1862. № 40.

Значеніе евреевъ во Франціи. *П. Лякубъ*. Приложеніе къ Гакармелю 1861. №№ 16 и 17.

Историческій очеркъ эманципаціи евреевъ во Франціи. *М. Гитисъ*. Сіонъ. 1862. №№ 38 и 40.

Французскіе евреи и ихъ общественныя учрежденія. *Н. Горнбергъ*. Сіонъ. 1861. № 28.

Евреи въ государственномъ сеймѣ Швеціи. Прил. къ Гакармелю. 1863. № 28.

Положеніе евреевъ въ Швейцаріи. Сіонъ, орг. русск. евр. 1861. № 8.

Медлительность швейцарскихъ властей въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса. Сіонъ. 1861. № 27.

Обращеніе евреевъ Валахіи къ совѣту депутатовъ отъ англійскихъ евреевъ. Сіонъ. 1861. № 23.

Объ эманципаціи евреевъ въ Румыніи. Сіонъ. 1861. № 4.

Посланіе корфуанскаго митрополита. Сіонъ. 1861. № 7.

Евреи въ Корфу и нетерпимость грековъ. Сіонъ. 1861. № 5.

Перемѣны къ лучшему въ положеніи евреевъ на Іонійскихъ островахъ. Сіонъ. 1861. № 18.

Еврейское женское благотворительное общество въ Константинополѣ. *Б. Бертензонъ*. Разсвѣтъ, орг. русск. евр. 1860. № 2.

Торговое значеніе евреевъ въ Калифорніи. Сіонъ, 1861. № 15.

Годовая отчетность общества для вспоможенія бѣдныхъ и нищихъ евреевъ Гродн. губ. Гродн. губ. вѣд. 1872. № 3, 20 и 39.

Отчетъ комитета для призрѣнія бѣдныхъ евреевъ г. Бѣлостока за 1871 г. Гроненскія губ. вѣд. 1872. №№ 4, 9, и 12.

Частный пріютъ для присоединенія къ православной церкви евреевъ. Вѣдомости Спб. Город. Полиціи. 1872. №№ 258 и 259.

2) Собственно такъ называемый еврейскій вопросъ.

Полемика по еврейскому вопросу.

Русскіе евреи. По поводу статьи объ нихъ въ „Иллюстраціи" *М. Горвицъ*. Атеней. 1858. № 42.

Вопросы объ евреяхъ. Статьи гг. *Пирогова*, *Герсеванова и Мандельштама*. Современникъ. 1858. Т. LXIX, стр. 254—269.

Вопросъ о евреяхъ и „Иллюстрація". *Н. Ф. Павловъ*. Русск. Вѣстникъ. 1858. Совр. Лѣт. 1858, стр. 125—129.

Въ защиту евреевъ. *Л. Мандельштамъ*. Спб. 1858.

По поводу разбора статьи г. Пирогова. Спб. Вѣдом. 1858. № 81.

Нѣсколько словъ о евреяхъ вообще и русскихъ евреяхъ въ особенности. *Л. Мандельштамъ*. Русскій Инвалидъ. 1859. № 58.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Мандельштама: Въ защиту евреевъ. *А. Корева*. Виленск. Вѣстникъ. 1860. № 20.

Кое что еще объ евреяхъ. По поводу статьи Корева. Статья *О. Валя*. Виленскій Вѣстникъ. 1860. №№ 26 и 27.

Нѣсколько словъ объ евреяхъ по поводу статьи Корева. Статья *І. Вармана*. Виленск. Вѣстникъ. 1860 № 42.

Отвѣтъ г. Соловейчику. *А Корева*. Вил. Вѣстн. 1860. № 76 и 77.

„Иллюстрація" и вопросъ о расширеніи гражданскихъ правъ евреевъ. *И. А. Чацкинъ*. Русск. Вѣстн. 1858. Т. XVII. Соврем. Лѣт. 1858, стр. 132—144.

Отвѣтъ на эту статью. Иллюстрація. 1858. Т. II. № 42.

Кое что о евреяхъ. *И. Кретовичъ*. Экон. Указ. 1858. № 103.

Нѣчто о евреяхъ. Спб. 1858.

Устарѣлые взгляды при дневномъ свѣтѣ. Апологія. *О. Рабиновичъ*. Русск. Инвал. 1858. № 83.

Вопросъ о евреяхъ. Статья *В. И. Веселовскаго*. Виленскій Вѣстникъ. 1859. № 14—18, и Московскія Вѣдомости 1859. № 63.

Письмо къ редактору (Дополнительная замѣтка г. Веселовскаго). Московскія Вѣдомости. 1859. № 91.

Добрый совѣтъ евреямъ. *М. Серебряковъ*. Вит. губ. вѣд. 1859. №№ 14 и 15.

Замѣчаніе на эту статью. *Ф. Березкинъ*. Од. Вѣс. 1859. № 73.

Одинъ изъ современныхъ вопросовъ. Дом. Бѣс. 1859. № 14.

Еще о жидахъ. Домашняя Бѣс. 1859. № 6.

Предубѣжденіе противъ евреевъ. Статья *Н—ва*. Кіевскій Телеграфъ. 1859. №№ 1, 2, 15, 17 и 18.

Сѣверная Пчела и русскія евреи. *А. Пассоверъ*. Моск. Вѣд. 1859. № 90.

Еврейскій вопросъ. *Щебальскаго*. Мог. губ. вѣд. 1860. № 57—59.

О дилетантизмѣ въ спорахъ за и противъ евреевъ. *А. Пассоверъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евр. 1860. № 25.

Письмо къ редактору. *П. Пироговъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 27.

Замѣчанія на статью подъ буквою W., помѣщ. въ № 83 Вил. Вѣстн. 1860 г. *Г. Вербловскій*. Прил. къ Гакарм. 1860. № 21.

Отвѣтъ г. W. на его возраженіе, помѣщ. въ № 95 Вил. Вѣстн. 1860 г. *Г. Вербловскій*. Прил. къ Гакарм. 1861. № 29.

Еще отвѣтъ г. И. Горовицу. *Г. Бараць*. Разсвѣтъ, 1860. №№ 23 и 24.

Голосъ изъ Литвы. *А. Гордонъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 35.

Нѣсколько словъ по поводу письма изъ Гродна отъ 7 окт. 1860 г., помѣщен. въ 100 № Вил. Вѣстн. *А. Гордонъ*. Прил. къ Гакарм. 1861. № 30.

Нѣсколько словъ о евреяхъ. *А. Ландау*. Черниг. Лист. 1861. № 6.

Благожеланія «Одесскаго Вѣстника» къ новому году. Сіонъ. 1861. № 28.

Бѣглый взглядъ. *А. Пумпянскій*. Прил. къ Гакарм. 1861. № 35.

Еврейская параллель. *А. П.* Прил. къ Гакар. 1861. № 46 и 47.

Идемъ ли мы впередъ. *В. Капланъ*. Сіонъ. 1861. № 12.

Лицевая сторона и изнанка. Сіонъ. 1861. № № 4, 9 и 16.

Нѣсколько искреннихъ словъ о евреяхъ. *П. Лякубъ*. Одесск. Вѣстникъ. 1861. № 123.

Сила привычки. *І. Роткисъ*. Русск. Инвалидъ. 1861. № 250.

Уманское чернилопролитіе. Сіонъ. 1861. № 23.

Письмо въ редакцію. *П. Лякубъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 41.

Странный взглядъ на вещи. *В. Каганъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 44.

Іудеямъ. *Н. Костомаровъ*. Основа. 1862. № 1.

Еще замѣтка объ іудеяхъ. *Н. Костомаровъ*. Основа. 1862. № 5.

Недоразумѣніе по поводу слово жидъ. *В. Бѣлозерскій*. Основа. 1861. № 6.

Передовые жиды *П. Кулишъ*. Основа. 1861. № 9.

Евреи и современный вопросъ о народностяхъ. Русская Рѣчь. 1861. № 102.

„Основа" и вопросъ о національностяхъ. Сіонъ. 1861. № 10.

О народѣ, который называютъ у насъ: евреями, іудеями (жидами) и израильтянами. *К. Страшкевичъ*. Кіев. Тел. 1862. № 51.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Костомарова: „Іудеямъ" *Б. Ландау*. Наше Время. 1862. № 58.

О жидахъ, называющихъ себя евреями. *Странникъ*. Кіевскій Телеграфъ. 1862. № 42.

Отвѣтъ Страннику. *Гехтманнъ*. Кіев. Телеграфъ. 1862. № 74.

Рецензія. *М. Быховскаго*. Кіевскій Курьеръ. 1862. № 40.

Отвѣтъ на статью: «О христіанахъ, называющихъ себя странниками». Кіевскій Телеграфъ. 1862. № 54.

По поводу статей о евреяхъ въ газетѣ «День» *Аксакова*. *И. Живаревъ*. Московскія Вѣдомости. 1862. № 95.

«День» и евреи. *П. Щебальскій*. Наше Время. 1862. № 48.

Отвѣтъ „Сіона" редактору «Дня». и два слова объясненія къ отвѣту «Сіона». Статья *Р. С. Т.* День (*Аксакова*) 1862. № 33.

Овѣтъ на татьи о евреяхъ, помѣщенныя въ «Днѣ» (*Аксаковъ*). *Ад. Рубинштейнъ*. Русск. Инвалидъ. 1862. № 102.

Нощь въ день преложихъ. *Іосифъ Зейберлингъ*. Сѣв. Пчела. 1872. № 149 и Прил. къ Гакармелю. 1862. № 4.

Двоякіе вѣсы и двоякая мѣра. *Г. Барацъ*. Прил. къ Гакарм. 1862. № 7.

Евреи въ Россіи. *Н. Мельгуновъ*. Наше Время. 1862. № № 88 и 89. Тоже Таврич. Губ. Вѣд. 1862. № № 20 и 23.

Неумѣстная практичность. Сіонъ. 1862. № 34.

Объясненіе становаго пристава. *И. Григоровича*. Сіонъ. 1862. № 36.

«Современное Слово» о евреяхъ. Р. Л. 1862. №№ 47 и 48.

По еврейскому вопросу. *К.* Русск. Лист. 1862. №№ 28 и 29.

Нѣсколько словъ еврея о евреяхъ. Еврей Подольской губ. Сѣв. Пчела. 1862. № 28 и тоже Минск. Губ. Вѣд. 1862. №№ 8—10.

Положеніе евреевъ въ Россіи. Иллюстр. Газ. 1863. № 24.

Замѣтки на статью энциклопедическаго словаря, подъ названіемъ: Евреи. *Г. В. Хитровъ*. Дух. Вѣстн. 1863. №№ 10 и 11.

Еврейскій вопросъ. Полит. проповѣдь *Маколея*. Спб. 1863.

Вопросъ о евреяхъ, по отзывамъ журналовъ 1862 г. Кіевскія епарх. вѣд. 1863. № 2.

Евреи въ статьѣ г. Покровскаго. Вильно, Рига, Псковъ, въ №№ 319 и 321. «Сѣв. Пчелы». *А. Ландау.* Сѣв. Пчела. 1863. № 336.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. Голосъ. 1863. №№ 132, 135, 142, 174, 188 и 189.

По еврейскому вопросу. *И. Гулакъ.* Бирж. Вѣд. 1863. № 143.

Пренія по вопросу о евреяхъ. *Кристи.* Бес. обл. вѣд. 1863. №№ 5 и 6.

Еврейскій вопросъ въ Россіи. *Е. Карновичъ.* Спб. 1864.

Еврейскій вопросъ въ отношеніи къ пастырямъ церкви. *А. Громаковскій.* Руководство для сельскихъ пастырей. 1864. № 52.

Къ вопросу о евреяхъ. *А. Гордонъ.* Русск. Вѣстн. 1864. № 6.

Къ еврейскому вопросу. Кіевлянинъ. 1864. № 73.

Нѣсколько словъ по поводу статьи о евреяхъ. Кіевскій Телеграфъ. 1864. № 126.

Еврейскій вопросъ въ Россіи (Перед. ст.). Московскія Вѣдомости. 1864. №№ 45, 97, 148 и 160. 1866. №№ 53, 143 149 и 175.

Письма о евреяхъ. *А. Ландау.* Библ. для чтенія. 1864. № 12.

Замѣтки о петербургскихъ евреяхъ. Статья А. Б. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1864. № 45.

Взглядъ на положеніе евреевъ въ нашемъ обществѣ. *Г. Палеологъ.* Вѣстникъ Зап. Россіи. 1865. №№ 4 и 5.

Еще нѣсколько словъ о сближ. евре. съ русск. Учитель. 1865.

Къ еврейскому вопросу. Вѣсть. 1865. № 2.

По вопросу о евреяхъ. *Троцкій-Шохаръ.* Кіев. Тел. 1865 №№ 14 и 32.

Наши евреи. Гродненскія губ. вѣд. 1865. № 2.

Еще замѣтка о нашихъ евреяхъ. Гродн. губ. вѣд. 1865. № 6.

Другая сторона еврейскаго вопроса. *Минскій Еврей.* Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 155.

Еврейскій вопросъ (Передовая статья). Голосъ. 1866. № 247.

Еврейскій вопросъ (Перед. ст.). Совр. Листокъ. 1866. № 59.

Еврейскій вопросъ въ его дѣйствительномъ видѣ. *С. Правдинъ.* Виленскій Вѣсникъ 1866. №№ 164, 166, 171, 174 и 192.

Евреи у насъ и заграницею. Русскій Инвалидъ. 1866. № 267.

Жидъ или еврей. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 5.

Къ вопросу о евреяхъ. *Ижица.* Виленскій Вѣстн. 1866. № 92.

Къ вопросу о евреяхъ. *Е. Арнольдъ* Народн. газета. 1866. № 41.

Къ вопросу о евреяхъ. Минскія. губ. вѣд. 1866. № 36.

Къ еврейскому вопросу. *А. Владиміровъ.* Вил. В. 1866. № 145.

Къ еврейскому вопросу. *Братчиковъ.* Вол. губ. вѣд. 1866. № 48.

Нѣсколько словъ о нашихъ евреяхъ. Сынъ Отеч. 1866. № 45.

О евреяхъ. Отвѣтъ г. *Петраченко.* Кіев. Тел. 1865. № 30 и 31.

Письма о евреяхъ. *А. Ландау.* Недѣля. 1866. №№ 36—38.

Наши евреи въ мѣстечкѣ. Гродненскія губ. вѣд. 1866. № 7.

Вопросъ еврейскій. Биржев. Вѣдомости. №№ 18, 67, 56.

Еврейскій вопросъ. *М. Юзефовичъ.* Кіевл. 1867. №№ 21 и 91.

Еврейскій вопросъ (Перед. ст.). Голосъ. 1867 №№ 26, 64 и 289.

Еврейскій вопросъ (Перед. ст.). Письмо еврея о евреяхъ. Гласный судъ. 1867. №№ 231, 252, 259 и 264.

Еврейскій вопросъ. Перед. ст. и ст. *Л. Леванды.* Вил. Вѣстн. 1867. №№ 5, 83.

Еврейскій вопросъ. Статья *Зетъ.* Варш. Дн. 1867. №№ 15 и 16.

Еврейскій вопросъ. (Перед. ст.). Народный Голосъ. 1867. №№ 4, 28, 34, 35, 49, 64, 65 и 66.

Недоразумѣніе по еврейск. вопросу. Вар. Днев. 1867. № 116.

Поворотъ мнѣній по еврейск. вопросу. Вар. Дн. 1867. № 129.

По еврейскому вопросу (Перед. ст.). Москва. 1867. № 84.

Отвѣтъ еврея „Москвѣ". Виленскій Вѣстникъ. 1867. № 106.

Евреи объ евреяхъ. *Г. Левинъ.* Москва. 1867. № 182.

Еврейство въ городахъ юго-зап. края. *Чугаевичъ.* Москва. 1868. № 17.

Заявленіе (по вопросу о евреяхъ). *М. Ф.* Пет. Газ. 1868. № 155.

Заявленіе г. А. Д. на статью г. Кельсіева о евреяхъ. (Въ Голосѣ 1868. № 128). С.-Петербургскія Вѣдомости. 1868. № 149.

Неловкій защитникъ евревъ. *В. Кельсіевъ.* Голосъ 1868. № 128.

Къ вопросу о евреяхъ. *А. Ландау.* Новое Время. 1868. № 19.

Нѣсколько словъ по поводу замѣтки г. Ландау. *М. Гурвичъ.* Голосъ. 1868. № 152.

Къ еврейскому вопросу *П—на.* Вар. Дн. 1868. № 168.

Къ еврейскому вопросу. Еврей миссіонеръ. *Братчиковъ.* Волынскія губ. вѣд. 1868. № 14.

Нѣкоторыя данныя для рѣшенія еврейскаго вопроса. Русскій. 1868. №№ 36—38.

Еврейскій вопросъ съ русской точки зрѣнія. *Петръ Чугаевичъ.* Кіевъ. 1869.

Жидовство въ Европѣ. По Вагнеру. *В. С.* День. 1869. № 18.

Изъ писемъ къ редактору. *П. Леви.* День. 1869. № 30.

По поводу виленской коммиссіи по еврейскому вопросу.

Кто изъ евреевъ агитируетъ за евреевъ. Кіевл. 1869. № 99.

Къ еврейскому вопросу. *М. Сакеръ.* День. 1869. № 24.

По поводу статьи въ 89-мъ № „Голоса" къ еврейскому вопросу. Баронъ *Ф. Клебекъ.* Петербургская Газета. 1869. № 59.

По поводу корреспонденціи изъ Минска. Голосъ. 1869. № 235.

Къ еврейскому вопросу. *Іоселевичъ.* Од. Вѣстн. 1869. №№ 143, 145 и 184.

Новыя попытки рѣшенія еврейск. вопроса. Кіевл. 1869. № 64—66.

Къ еврейскому вопросу. *Зигельманъ.* День. 1869. № 33.

По еврейскому вопросу. Бирж. Вѣд. 1869. №№ 179, 196 и 214.

Къ еврейскому вопросу въ Привислянскомъ краѣ. *А. Паперна.* День. 1869. № 13.

Къ разъясненію еврейскаго вопроса. *Ем. Соловейчикъ.* День. 1869. № 6.

Письмо въ ред. День. *П. Н. С.* День. 1869. № 15.

Еврейскій вопросъ. (Перед. ст.). Вѣсть. 1869. № 170.

Мнѣніе газеты «Вѣсть» о еврейскомъ вопросѣ въ Россіи. Прилож. къ Гакармелю. 1869. № 47.

День и Евреи. Статья *И.* Варш. Дневн. 1869. № 135.

Ошибочность общественнаго мнѣнія относительно евреевъ. Статья *Я. Ш......ба.* Терскія Вѣдомости. 1869. № 30.

Что намъ дѣлать съ евреями. День. орг. рус. евр. 1869. № 12.

Изъ Польши. *М. Капустъ.* День, ор. рус. евр. 1870. № 24.

Къ еврейскому вопросу. *Слонимскій.* День. 1870. № 50.

Евреи-людоѣды. День. орг. рус. евр. 1871. № 9.

Еврейскій воп. на провинціальной почвѣ. Воронежск. Тел. 1871· №91 и 92.

Еврейскій у насъ вопросъ. *М. Юзефовичъ.* Кіевъ. 1871.

Мысли христіанскаго священника о евреяхъ. *М. В—скій.* Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. № 39.

Нашъ мѣстный (одесскій) еврейскій вопросъ. *А. Галка.* День, орг. рус. евр. 1871. №№ 6 и 7.

О еврейскомъ народѣ. *І. Цедербаумъ.* В. Р. Е. 1871. № 20.

Письмо къ редактору. Д—ръ *Филипсонъ.* В. Р. Е. 1871. № 16.

Письмо къ редактору. Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. № 21.

Что такое еврей? *М. Гутманъ.* Евр. Библіотека. 1871. Т. I.

По еврейскому вопросу. *Пумпянскій.* Риж. Вѣст. 1871. № 271.

По еврейскому вопросу. С.-Петерб. Вѣд. 1871. № 150.

О евреяхъ. (Перед. ст.). Кіевлянинъ. 1872. № 74.

Давно рѣшенный вопросъ. Вѣстн. Рус. Евреевъ. 1872. № 11.

Еще о евреяхъ. (Перед. ст.), Голосъ. 1872. № 191.

Къ еврейскому вопросу. *Э. Т—бича.* Нов. Тел. 1872. № 260.

Новыя вылазки «Голоса» противъ евреевъ. В. Р. Е. 1872. № 9.

Въ отвѣтъ «Голосу.» *О. Н. Штейнбергъ.* В. Р. Е. 1872. № 25.

Audialur et altera pars! Вѣст. Рус. Евр. 1872. № 20.

Еще въ отвѣтъ Голосу. Вѣст. Рус. Евреевъ. 1872. № 21.

Кишиневскіе публицисты и евреи. В. Р. Е. 1872. № 3.

Къ еврейск. дѣлу. *Кардо-Сысоевъ.* Р. Міръ. 1982. № 97 и 105.

О еврейскомъ вопросѣ въ Россіи. С.-Пет. Вѣд. 1872. № 103.

Письмо Н. А. Некрасову. *М. Хволосъ.* В. Р. Е. 1872. № 24.

Письмо въ редакцію. *І. Тарнополь.* Нов. Тел. 1872. № 254.

Факты односторонности и пристрастія нашихъ обличителей. Вѣстн. Руск. Евреевъ. 1872. №№ 8 и 10.

Что такое евреи въ Россіи (Перед. ст.). Голосъ. 1872. № 104.

Еще къ евр. вопр. наканунѣ воен. реформы. Дѣят. 1872. № 12 и 19.

Отношеніе къ еврейскому вопросу еврейскихъ публицистовъ. Статья *Ф. Ф.* Кіевлянинъ. 1872. № № 111 и 112.

По поводу соч. И. Оршанскаго: Евреи въ Россіи.

Мнѣніе американцевъ о евреяхъ. Голосъ. 1873. № 314.

По вопросу о правѣ жительства евреевъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Бессарабіи. (Перед. ст.). Голосъ. 1873. № 154.

Еврейскій вопросъ. (Перед. ст.). С.-Пет. Вѣд. 1873. № 93.

Вѣчно-новый вопросъ. (Посвящается русскимъ евреямъ и нѣкоторымъ русскимъ публицистамъ). Статья *А. Л.* Еврейск. Библіотека. 1873. Т. I; стр. 398 - 420.

Поневолѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ Голосъ. *Левъ Гордонъ.*- Евр. Библіотека. Т. IV; стр. 284—291.

Своеобразное положеніе еврейскаго вопроса въ русск. журналистикѣ. Статья *А. Л.* Евр. Библіотека. Т. IV; стр. 292—301.

Политическая безтактность или нѣчто хуже (противъ „Голоса"). *Берне* изъ Бердичева. Дѣло. 1873. № 1

Нѣчто изъ азбуки цивилизаціи (письмо въ ред.). *Берне* изъ Бердичева. Дѣло. 1873. № 8.

Петербургскія письма *Гамаббита.* День. 1869 №№ 5, 8, 10, 12, 16, 19, 22, 23, 24, 29, 30. 1870. №№ 1, 8, 12, 31, 32, 34, 38, 43, 47, 48, 51 и 52. 1871. №№ 5, 7, 9 и 12.

Письма къ редактору газеты „День". *Д. Фейнбергъ.* День. орг. рус. евр. 1870. № 17.

По поводу писемъ изъ Петербурга Гамаббита.

Печальныя событія въ Одессѣ. Вѣстн. рус. евр. 1871. № 14.

По поводу одесскихъ событій. Статья X. День. 1871. № 15.

Отвѣтъ моск. обществен. раввину, З. Минору, на статью его, помѣщ. въ № 80. „Моск. Вѣдомостей", по поводу бывшихъ въ Одессѣ безпорядковъ въ дни св. Пасхи 1871. Одесса. 1871. № 10.

Письма изъ Варшавы *Б—ъ.* День. 1871. №№ 8, 15, 20, 21, 22 и 23.

Распространеніе просвѣщенія между евреями. Голосъ. 1873. № 164.

Комментарій на „дѣятельность бывшей виленской делегаціи". День. 1870. №№ 7—8.

О дѣятельности бывшей виленской делегаціи. *Ех-депутатъ.* День. 1870. №№ 2, 4, 11 и 21.

По поводу министерскаго предписанія объ изгнаніи евреевъ изъ селенія Валахіи. Сіонъ. 1861. № 18. О томъ же Прил. къ Гакар. 1861. № 4.

Прощаніе бердичевскаго общества съ Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. *Н. Горнбергъ.* Разсвѣтъ. 1861. №52. Прил. къ Гакармелю 1861. №№ 45—47.

Прощальный обѣдъ П. А. Безсонову. Прил. къ Гакармелю. 1865, №№ 40.

II. ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ.

1. Исторія евреевъ вообще. Древняя исторія евреевъ. Исторія евреевъ въ разныхъ государствахъ Европы (исключая Россіи) и на востокѣ.

Библейское государство *Л. І. Мандельштамъ.* Еврейская Библіотека. 1871. Т. I; стр. 102—134.

Древняя исторія еврейскаго народа отъ сотворенія міра до сооруженія втораго храма. Изд. 2-е. *И. Варшавскій.* Одесса. 1872.

Исторія евреевъ въ библейскій періодъ (для евреевъ). *А. Воль* и *О. Гурвичъ.* Вильно. 1871.

Исторія евреевъ отъ сотворенія міра до построенія втораго храма. *П. Беeръ.* Т. I и II, перев. на русск. языкъ *Б. Сегаль.* Варшава. 1870 и 1872. Ц. 32 коп.

День, ор. рус. евр. 1870, № 41. *Н. Варшавскаго.*

Исторія евр. народа въ библ. періодъ *Сегалъ.* Варшава 1869.

Исторія еврейскаго народа въ библейскій періодъ. *Н. Варавскій.* День., орг. рус. евр. 1870. № 38.

Исторія еврейскаго народа. *Х. В. Маргольевъ.* Кіевъ. 1872.

Исторія еврейскаго народа въ библейскій періодъ. *Б. Сегаль.*

Исторія еврейскаго народа въ библейскій періодъ. *Б. Сегаль.* Варшава. 1870. Съ прил. географіи и карты Палестины. Варшава. 1870.

1) Учитель. 1870. № 24. 2) День. орг. рус. евреевъ. 1870. № 38.

Исторія Израиля отъ сотворенія міра до возвращенія израильтянъ изъ вавилонскаго плѣненія. *П. Бееръ.* Перевелъ и дополнилъ Авраамъ Солоновичъ. Варшава. 1870. ц. 40 к.

Рецензіи: 1) День, 1870. № 41, ст. И. Варшавскаго 2) Журналъ Минист. Народ. Прос. 1871. № 1.

Обозрѣніе иностранной богословской литературы. Новѣйшія сочиненія по исторіи еврейскаго народа со времени плѣна вавилонскаго до разрушенія Іерусалима. Свящ. *К. Кустодіевъ.* Правосл. обозрѣніе. 1870. №№ 3 и 4.

Объ идолопоклонствѣ евреевъ въ періодъ судей. *Я. Б.* Православный Собесѣдникъ. 1871. № 8.

О значеніи родословной народовъ въ X гл. кн. Бытія въ ряду другихъ подобн. документовъ. *А. Гаркави.* В. Р. Е. 1872. № 5.

Основы древне-еврейскаго государства. *М. Шайкевичъ.* Вѣст. Рус. Евр. 1872 г. № 1-й.

Опытъ исторіи библ. женщины. *К. Кустодіевъ.* СПБ. 1870.

Правосл. Обозрѣніе. 1871. № 2.

Очеркъ исторіи еврейскаго народа отъ заключенія библіи до нашихъ временъ. *Э. Гехтъ.* Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми исправленіями. С.-пб. 1866. ц. 1 р.

1) Книжный Вѣстникъ. 1865. № 24.
2) Отеч. Записки. 1866. № 15.

Состояніе исторіи ветхозавѣтной церкви въ современной протестантской литературѣ. *Ф. Елеонскій.* Хр. чт. 1870. № 10.

Судьбы еврейскаго народа отъ паденія Маккавеевъ по нынѣшнее время. *Грановскаго.* 1856.

Суэзскій каналъ и переходъ евреевъ черезъ Чермное море. *З. С.* День. 1870. № 3.

Исторія занятія евреями Ханаанской земли. (Изъ чтеній свящ. И. *Побѣдинскаго-Платонова*). Душ. чт. 1872. № 1—3.

Исторія израильскаго народа при Самуилѣ. (Изъ академическихъ чтеній *И. Побѣдинскаго-Платонова*). Душ. чт. 1872. № 7.

Талмудическія сказанія о храмѣ іерусалимскомъ и о богослуженіи, соверш. нѣкогда въ немъ. *А. Алексѣевъ.* Духовная Бесѣда. 1872. №№ 45, 49 и 50.

Отвѣтъ Іосифа-Флавія Аппіону. Перевелъ раввинъ А. Пумпянскій. Прилож. къ Гакармелю. 1860. № №2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 28 и 29.

Титъ подъ стѣнами Іерусалима. Сіонъ. 1861. № 31.

Іудейскій народъ и іудейство въ періодъ образованія Талмуда (съ 70 по 500 г. по Р. Х.). *А. В—новъ.* Труды Кіев. Духовн. Академіи. 1868. № 2.

Страницы изъ исторіи евреевъ. День. 1870. № 25.

Очерки изъ историческаго и юрид. быта евреевъ. Кіевъ. 1866.

Воспоминанія прошлаго. Прил. къ Гакармелю. 1863. № 28.

Библейскій Іерусалимъ. Иллюстрація. 1860. №№ 112 и 113.

Раззореніе Іерусалима. Изданіе шестое. СПБ. 1860.

Высшее берлинское общество и евреи. Статья *К. Гильбранда.* Еврейск. Библ. 1873. Т. III; стр. 238—285.

Очеркъ исторіи Хазаръ. *Михельсонъ.* Прил. къ Гак. 1867. № 33.

Біографическіе очерки нѣкоторыхъ знаменитыхъ еврейскихъ писателей древности. *А. Лурье.* Прил. къ Гакармелю 1861. № 13.

Гиллель (изъ исторіи іуд. царства). Прил. къ Гак. 1868. № 4.

Іефоай. (Эпизодъ изъ евр. исторій). Калейд. 1862. № 7.

Маттафія, священ. іудейскій. Воск. чтеніе. 1857. № 18.

О вліяніи Оранскаго племени на судьбу семитическихъ народовъ. Опытъ приложенія этнологическаго взгляда къ разработкѣ древней исторіи. *А. Куникъ.* Жур. мин. нар. просв. 1856. № 5.

Было издано и отдѣльно.

Борьба гуманитарныхъ началъ въ іудаизмѣ новыхъ вѣковъ. *По Гейгеру.* Статья *П. Э.* Вѣстн. Рус. Евр. 1871. № 29.

Вольтеръ и евреи (По Гретцу). Евр. Библ. Т. IV.

Ренанъ, о задачѣ еврейской націи. День. 1870. № 2.

Христіанство и рабство. (У древнихъ грековъ, римлянъ и евреевъ, и вліяніе христіанства на положеніе рабовъ). *В. Михайловскій.* Духовная Бесѣда. 1861. № 16.

О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индо-европейцевъ и хамитовъ. *А. Я. Гаркави.* Спб. 1872, ц. 1 р. 50 к.

1) Голосъ 1872, № 177. 2) Russ. Revue, 1872.

Докторскій диспутъ г. *Гаркави.* Вѣст. Рус. Евр. 1872. № 17.

Характеристика семитическихъ народовъ. *Д. А. Хвольсонъ* Русскій Вѣстникъ. 1872. № 2.

Судьба евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ по настоящее время. *А. Крестина.* Перепеч. изъ Русск. Инвал. 1858 г. съ прибавленіемъ статьи: Талмудъ и его начало. Москва. 1860.

Русское Слово, 1860; № 1, Разсвѣтъ, 1860 г., № 12.

О преслѣдованіяхъ евреевъ въ средніе вѣка. Живописный Сборникъ. 1869. вып. 10.

О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ (Историческое изслѣдованіе по источникамъ). *Д. А. Хвольсона.* Спб. 1861. (Изъ Библ. для чтенія, 1861, №№ 2—5.)

Рец. 1) Н. Б. Сіонъ 1861 № 17 и 18.
2) 31-е присужд. Демидовскихъ наградъ, стр. 170—177.

Восемнадцати-вѣковые предразсудки (противъ евреевъ). *Л. Голендерскій.* перев. съ франц. Д. Дубелиръ. Спб. 1870; ц. 40 к.

Голосъ 1870 г. № 113 (библ. зам.).

Причины преслѣдованія евреевъ (изъ Saturday Review). Кіевскій Листокъ объявленій. 1872. № 60.

Судьбы евреевъ въ южной Европѣ. *О. Рабиновичъ.* Разсвѣтъ. 1860. №№ 9, 11, 13 и 15.

Нѣчто о гласныхъ и прочихъ еврейскихъ представителяхъ. *Перельцвейгъ.* Прил. къ Гакармелю. 1861. №№ 1 и 2.

Декреты великаго синедріона, собиравшагося въ Парижѣ, въ февралѣ 1807 г. Кіевъ. 1871.

Подрядчики французско-прусской войны. *І. Г. Раппопортъ.* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 40.

Кардиналъ Маштей предъ судомъ общественнаго мнѣнія. Прил. къ Гакармелю. 1863. № 28.

Бреславское Ауто-Де-Фе. Г. *Кона.* В. Р. Е. 1871 № 20.

Исторія евреевъ въ Венгріи. Прил. къ Гак. 1862. №№ 23. 26 и 27.

Auto-de-fé въ Лиссабонѣ въ 1746, М. *Идельсонъ.* В. Р. Е 1871 № 38.

Обзоръ Востока въ религіозномъ отношеніи предъ появленіемъ Мохамеда (Русское Слово. 1860, май, статья А. К. Каземъ-Бека). Рец. *Ю. Бардаха.* Разсвѣтъ. 1860, № 25.

Евреи Палестины и недавнія распри между ними. Сіонъ. 1861, № 14.

Еврей-министръ монгольскаго хана. День, 1870. № 9.

Иностранная лѣтопись. Вѣстникъ русс. евреевъ. 1871 г.

Печаталась въ продолженіе всего года.

Новый мессія. Статья П. К. Русскій Міръ. 1873. № 146.

Этотъ мессія родомъ еврей и дѣйствуетъ въ Аравіи.

2) Исторія евреевъ въ Россіи и Польшѣ.

Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. *А. Гаркави.* Вѣст. русск. евр. 1871. №№ 20, 22 и 23.

Евреи въ русской исторіи и поэзіи. *А. Гатцукъ.* Сіонъ. 1861, №№ 1, 10, 11 и 38.

Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи. *И. Г. Оршанскій.* еврейская Библіотека. 1872. Т. II.

Козары или старинное еврейское царство на низовьяхъ Волги. Истор. очеркъ по Гретцу. *А. Пумпянскій.* Рпж. Вѣст. 1873, № 140.

Старинные акты. Публикація о высылкѣ изъ Россіи евреевъ 1744 года. *И. Голышевъ.* Владимірскія Губ. Вѣд. 1871. № 51.

Представленія и резолюціи о курляндскихъ евреяхъ при Павлѣ І. *З. Миноръ.* Еврейская Библіотека. Т. IV.

Апологія евреевъ витеблянъ (на инвентарь г. Витебска, напечатанный въ неоф. час. № 11 Витеб. губ. вѣд., съ приложеніемъ документовъ). *Б. Фогельсона.* Вит. губ. вѣд. 1858. №№ 29—32.

Опровержение такъ называемой Апологіи евреевъ витеблянъ. *К. Говорскаго.* Витеб. губ. вѣд. 1858. № 37.

Бѣдствія временъ. Въ память бѣдствій, постигшихъ евреевъ въ 408 и 409 гг. (1648 и 1649 гг., въ Украйнѣ, Подоліи, Литвѣ и Бѣлоруссіи), отъ соединенныхъ бунтовщиковъ (подъ начальствомъ Богдана Хмѣльницкаго). Составлено Егошіею, сыномъ львовскаго раввина, праведника Давида (изъ Замостья), печатано въ Венеціи 416 (1656 г.), по повелѣнію коммисара *Виндраминскаго.* Переведено *М. Берлинымъ.* Чтенія въ общ. истор. и древн. россійск. 1855. кн. I. Отд. оттиск. Москва. 1859.

Рѣзня на Украйнѣ во время Богдана Хмельницкаго. *В. Гинстингъ.* Прил. къ Гакармелю 1861. № 33.

Избіеніе въ Могилевѣ евреевъ въ 1655 г. (По лѣтописи Трубницкаго). *С. Соколовъ.* Могилевскія губ. вѣд. 1859. № 40.

Къ исторіи западно русскихъ евреевъ. *А. Л.* (Изъ соч. Соломона *Беннетта*). Еврейская Библіотека. Т. IV.

Эпизодъ изъ отечественной войны 1812 года. *Ганаіоры.* День. 1870. № 40.

О западно-русскихъ евреяхъ (по поводу ст. г. К-скаго въ №№ 40, 42, 99 и 101 Виленск. Вѣстн.). Статья *М. Р.* Гакармель. Годъ 6. №№ 11, 12, 14, 19, 20, 22, 23, 24 и 25.

Воспоминанія винницкаго старожила. Статья *С.* Вѣстн. русск. евр. 1871. №№ 33—34.

Воспоминанія еврея. Гродненскія губ. вѣд. 1866. № 20.

Матеріалы для исторіи водворенія евреевъ на жительство въ городѣ Кіевѣ. *Б. Р. Ц.* День. 1870. №№ 19, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28 и 29.

Сто лѣтъ тому назадъ. Изгнаніе евреевъ изъ Курляндіи и Лифляндіи въ 1770 г. Статья *И. О.* День. 1871. № 4.

Къ исторіи евреевъ въ Лифляндіи. День. 1871. № 9.

Переписка князя М. С. Воронцова съ М. Монтефіоре. День. 1871. № 5. Тоже Кавказъ. 1871. № 22.

Переписка по дѣлу обвиненія евреевъ г. Сурама въ убіеніи христіанскаго мальчика.

Письмо къ редактору газеты День. *С. Фогельсонъ, И. Леви* и *М. Соломоновъ.* День. 1870. № 8.

По поводу статьи ех-депутата виленской делегаціи.

Дѣло Ципки Мендакъ. Прил. къ Гакармелю. 1862. №№ 15 и 16.

Дѣло о нападеніи на домъ Ципки Мендака крестьянъ и уведеніи ими дочери его.

Нѣкоторыя мѣстныя условія дѣла о Ципкѣ Мендакъ. (Очеркъ характера крестьянъ-жмудиновъ и евреевъ въ Литвѣ). *В. Веселовскаго.* Сѣв. Пчела. 1861. № 128.

Поясненіе къ статьѣ г. Веселовскаго «Нѣкоторыя мѣстныя условія дѣла о Ципкѣ Мендакъ», помещенной въ „Сѣверн. Пчелѣ" 1861. № 128. Сіонъ. 1861. № 2.

Дѣло Ципки Мендакъ. Разсвѣтъ. 1861. № 38.

Гоненія на евреевъ въ Одессѣ. *М. Д—а.* Рус. Вѣстн. 1859. № 9. Совр. Лѣт. стр. 50—59. Од. Вѣст. 1859. № 70.

Нѣчто изъ исторіи евреевъ въ Польшѣ. *П. Лякубъ.* Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 48.

Политическое значеніе евреевъ въ Польшѣ. *Ил. Оршанскій.* День. 1870. №№ 1—5.

Изъ замѣтокъ въ календарѣ шляхтича. День. 1871. № 11.

Евреи въ Варшавѣ во время послѣдняго польскаго мятежа. Вѣстникъ зап. Россіи. 1868. №№ 6, 11 и 12.

Участіе евреевъ въ послѣднемъ польскомъ движеніи. Кіевлянинъ. 1868. № 34.

Прошедшій бытъ евреевъ въ Польшѣ и юго-зап. Россіи, на основаніи конституціи и распоряженій польскаго правительства. *Ф. Корнаковскій.* Волынскія губ. вѣд. 1863. №№ 21—23.

3) Еврейскія: хронологія, палеографія, археологія и нумизматика.

Времясчисленія христіанскаго и языческаго міра, съ изложеніемъ календарей: китайскаго, японскаго, народовъ Индо-Китая, египетскаго, древне-греческаго, римскаго, юліанскаго и григоріанскаго, *еврейскаго* и магометанскаго. *М. Лалошъ.* Спб. 1867.
Вѣстникъ Европы. 1867. № 4. (Новости русской исторіи).

Изслѣдованіе библейской хронологіи. Сочиненіе студента кіевской духовной академіи Ивана *Спасскаго.* Кіевъ. 1857.
См. разборъ въ Кіевскихъ губ. вѣд. 1857. № 17.

Краткая библейская хронологія, составленная по лѣтосчисленію православной восточно-каѳолической церкви. Спб. 1857.

О достовѣрности предсказаній еврейскихъ календарей. *З. Слонимскій.* Сіонъ. 1861. № 8.

Общая формула для вычисленія еврейскаго календаря. *З. Слонимскій.* Сіонъ. 1862. № 33.

Новооткрытый памятникъ Моавитскаго царя Меши (Mescha, Моса), современника іудейскаго царя Іосафата. *Д. А. Хвольсонъ.* Христіанское чтеніе. 1870. №№ 7 и 8.

Объ историческомъ значеніи надписи Моавитскаго царя Меши (IX. стол. по Р. Хр.). *А. Я. Гаркави.* Спб. 1871.

Записка о надгробныхъ камняхъ, найденныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, близъ ст. Сѣнной. Вѣстн. Руск. Евр. 1871. № 9.

Еврейскія надписи въ Алеппо, списанныя *И. Н. Березинымъ*, перевед. *Д. Хвольсономъ.* Труды Восточн. Отд. И. Археолог. Общ. Тоже Записки. И. Археолог. Общ. Т. 13.

Историческія свѣдѣнія о евреяхъ въ древнихъ надписяхъ. Статья д-ра *М. А. Леви.* Сіонъ. 1861. №№ 6 и 7.

Восемьнадцать еврейскихъ надгробн. надписей изъ Крыма. *Д. И. Хвольсона.* СПБ. 1866. Сборн. статей по евр. исторіи, кн. 1.
— 1) въ „Вѣстникѣ Европы“ 4; 2) „Голосѣ“ № 152.

Надгробные камни, найд. въ Майнцѣ. Разсвѣтъ. 1860. № 21.

Краткое описаніе математ., астроном. и астролог. еврейск. рукописей изъ коллекціи Фирковичей, хранящ. въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ Спб. *І. Гурляндъ.* Труды Восточ. Отд. Им. Русск. Арх. Общ. ч. 14; Гакармель. 1866. № 18.

Еврейская коллекція и непремѣн. секретарь Академіи Наукъ. *В. Ламанскій.* Голосъ. 1866. №№ 77 и 78.

Объясненіе. *Д. Хвольсона.* Голосъ. 1866. № 81.

По поводу статьи „Еврейская коллекція и непремѣнный секретарь Акад. Наукъ. Г. *Фирковичъ.* Голосъ. 1866. № 93.

Отвѣтъ г. Г. Фирковичу. *Д. Хвольсонъ.* Голосъ. 1866. № 104.

Нѣсколько словъ о коллекціи древнихъ рукописей гг. Фирковичей. П. *Диккеръ.* День. 1870. № 8.

О новомъ пріобрѣтеніи Имп. Публичной Библіотеки (О древнееврейскихъ и караимскихъ рукописяхъ, собранія Фирковичей). С.-Пететерб. Вѣдомости. 1862. № 280. Тоже Сѣв. Пчела. 1862. № 352, и Прил. къ Гакармелю. 1863. № 24.

Древній письменный памятникъ. Вѣст. Рус. Евр. 1872. № 6.

О еврейской монетѣ. Разсвѣтъ. 1861. № 46.

Письма къ редактору. Левъ *Гордонъ.* День. 1869. № 27.
О еврейскихъ древнихъ монетахъ.

Объ одной еврейской монетѣ 1645 г. *И. М. Биншток*ъ. День. 1870. № 28. Отвѣтъ на эту статью И. *Вейсъ.* День. № 31.

По поводу замѣтки въ 8 № Дня, о Мозырской монетѣ. *К. Мысовскій.* Виленскій Вѣстникъ. 1870. № 77.
О древней христ. монетѣ съ еврейскою надписью.

4) Біографія знаменитыхъ и извѣстныхъ людей еврейскаго происхожденія.

Пантеонъ знаменитостей еврейскаго происхожденія, съ послѣдней половины XVIII до второй половины настоящаго столѣтія. *Ал. Волковичъ* и *М. Дорнеръ.* Кіевъ. 1862.
Сіонъ 1862. № 39.

Галлерея депутатовъ еврейскаго вѣроисповѣданія: 1) І. Якоби, 2) Г. Риссеръ, 3) Исаакъ Мангеймеръ, 4) Д—ръ Моргенштернъ, 5) Д—ръ Ад. Фишговъ. День. 1871. №№ 1—7 и 16—17.

Абарбанель. *О. Воль.* Прил. къ Гакармелю. 1860. №№ 2—4.

Аксенфельдъ и его сочиненія. Выдержки изъ брошюры „Критическій разборъ появившихся недавно на еврейско-нѣмецкомъ жаргонѣ сочиненій И. Аксенфельда и направленіе ихъ вообще. *О. Лернеръ.* Одесса. 1868 г. Прил. къ Гакар. 1868. №№ 18, 19, 21 и 22.

Автобіографія христіанина изъ евреевъ. *А. Алексѣевъ,* Новг. губ. вѣд. 1868. №№ 7, 9, 13, 15—19, 21, 23 и 24.

Давидъ Алрупъ. *Е. Г—ъ.* Прил. къ Гак. 1862. № 35.

Бертольдъ Ауэрбахъ. *И. Я.* Вѣст. рус. евр. 1871. № 14.

Ауэрбахъ и его романы. Отеч. записки. 1858. № 2.

Тикъ и Ауэрбахъ. Библ. для чтенія. 1857. Т. 143.

Эдуардъ Бендеманъ (художникъ-еврей). *П. Лякубъ.* Прил. къ Гак. 1861. № 44.

Менасе Бенъ-Израиль. Біогр. очеркъ. *Н. Б.* Сіонъ. 1861. №№ 2—3.

А. Бернштейнъ. Біогр. очеркъ. День. 1870. № 44.

Аронъ Бернштейнъ. С. Г-на. Прил. къ Гак. 1863. № 25 и 27.

Бертензонъ. *Некрологъ.* День. 1871. № 18.

Отрывокъ изъ дневника Берне. *П. И. Вейнбергъ.* Русское слово. 1863. №№ 11—12.

Л. Берне. *П. И. Вейнбергъ.* Современникъ. 1864. № 1—2.

Первый нѣмецкій публицистъ. *Н. Шелгуновъ.* Дѣло. 1870. № 8.

Л. Берне (1786—1837). „Свѣточь“. 1861. № 4.

Быкъ. Некрологъ. *М. Петриковскій.* День. 1870. № 8.

Вамбери. *О. Гурвичъ.* Прил. къ Гак. 1866. № 29.

Галеви. Сѣв. Почта. 1862. № 58.

Галеви и его сочиненія. Совр. Лѣтоп. Русск. Вѣст. 1862. № 46.

Гейне по новымъ источникамъ. *М. М.* Илл. Газета. 1869. № 14.

Новые матеріалы для біографіи и характеристики Гейне. *П. И. Вейнбергъ.* Русское Слово. 1863. № 10.

Г. Гейне и его жизнь. *Л. Полонскій.* Вѣст. Европы. 1868. № 9.

Г. Гейне въ Парижѣ. Л. *Полонскій*. Вѣст. Европы 1869. №11.
Гейне и Бёрне. *В. Зайцева*. Русское Слово. 1863. № 9.
Г. Гейне *Фонъ Видертъ*. Отеч. зап. 1856. №№ 2, 3 и 5.
Послѣднія минуты Генриха Гейне. Рус. Инв. 1856. № 129.
Гернихъ Гейне. Письмо въ редакцію «С.-Петерб. Вѣд.» *Фонъ Видертъ* Спб. Вѣд. 1856. № 59.
Генрихъ Гейне († 17 февр. 1856 г.). *Мих. Михайловъ*. Русскій Вѣстникъ. 1856. № 6.
Смерть Генриха Гейне. С.-Петерб. Вѣд. 1856. № 49.
Поэтъ Гейне. † 1856 г. Живопис. рус. библ. 1857. № 24.
Генрихъ Гейне и Мейеръ-Беръ. *М. К.* День. 1870. № 30.
Германъ Гольдшмидтъ. *И—на*. В. Рус. Ев. 1871. № 3.
Профессоръ Гретцъ и его „Исторія евреевъ". *Ф. Мизесъ*. Вѣстн. рус. евр. 1871. №№ 33 и 40.
Михаилъ Гудшо. Біографическій очеркъ. День. 1870. № 48. Тоже Прил. къ Гак. 1863. № 36.
Михаилъ-Іосифъ Гузиковъ. Біографическій очеркъ. *Д. Фридманъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 49.
Богумилъ Дависонъ. Русскій Вѣстникъ. 1872. № 2. Тоже Вѣстн. рус. евр. 1872. № 13.
Біографія Іосифа-Соломона Дельмедиго. *К. Тауберъ*. Прил. къ Гак. 1867. №№ 46 и 47.
Соломонъ Зульцеръ. *М. Иссерсъ*. Прил. къ Гак. 1866. № 25.
Д-ръ І. М. Іостъ. Разсвѣтъ. 1860. № 30. Тоже Прил. къ Гак. 1862. №№ 22 и 23.
Отзывъ Верморелля о Кремье. *М. Z.* День. 1870. № 51.
Адольфъ Кремье (Біографическій очеркъ). *М. В—скій*. Вѣст. Рус. Евр. 1871. №№ 20—24.
Геройская смерть Гастона Кремье. Вѣстн. рус. евр. 1871. №41.
Г. С. Каценеленбогенъ. Прил. къ Гак. 1868. № 13.
Эдуардъ Ласкеръ. Біогр. очеркъ. В. Р. Е. 1871. №1—2.
Михе-Іосифъ Лебенсонъ. *Б. Цапкинъ*. Сіонъ. 1861. № 5.
И. Б. Левензонъ. *К. Гаузнеръ*. Разсвѣтъ. 1860. № 19.
Матерьялы для біографіи И. Б. Левензона. *Гаузнеръ*. Сіонъ. 1861. №№ 9, 11, 15 и 16. Тоже ст. *Диккера*. Прил. къ Гак. 1862. №№ 6 и 8 и ст. *Гаркави*. 1865. № 35.
Карлъ Леве. Вѣст. Русск. Евр. 1872. №№ 10 и 12.
Письмо А. фонъ-Гумбольдта къ д-ру Еммилю Леви. Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 24.
Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Главы I — XVIII. Еврейская Библіотека. 1871. Т. I и II.
Маймонидъ. *К. Гаузнеръ*. Разсвѣтъ. 1860. №№ 11 и 25.
Мендельсонъ-Бартольди. Статья *Б. Дамке*. С.-Петербургскія Вѣдом. 1855. №№ 259—260. 1856. №№ 48, 50, 84 и 85.
Авраамъ Мапу. *С. Станиславскій*. Прил. къ Гак. 1868. № 18.
Мейерберъ. Біогр. очеркъ. Русск. Инв. 1856. № 113.
Кое-что изъ жизни Мееръ-Гирша. Прил. къ Гак. 1861. № 9.
Статуя Мендельсона-Бартольди въ Лондонѣ. Иллюстрація. 1861. Т. V; № 118, съ рисункомъ.

Изъ двухъ писемъ Мендельсона-Бартольди къ Эдуарду Девріенту. Литерат. Прибавл. къ Нувелисту. 1861. № 12.
Мендельсонъ-Бартольди. Библ. для Чт. 1858. № 2.
Мендельсонъ-Бардольди. Ласточка. 1860. № 3.
Путевыя письма Феликса Мендельсона-Бартольди, за время 1830—1832 г., изд. Павломъ Мендельсономъ-Бартольди. Лейпцигъ. 1861. Библ. для Чт., 1862. № 3.
Мендельсонъ († 4 ноября 1847 г.). Русск. Инв. 1857. № 173.
Воспоминаніе объ учителѣ Мельманѣ. *Шевичъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 23.
Изъ воспоминаній о Мендельсонѣ-Бартольди. Литер. Приб. къ Нувелисту. 1862. № 10.
Очеркъ жизни и сочиненій еврейско-германскаго философа XVIII ст. Моисея Мендельсона. *Я. Гурлянда*. Полтава. 1865.

1) Книжный Вѣстникъ. 1866. №№ 14—15.
2) Сборн. мнѣній Учен. ком. Мин. Нар. Просв. Спб. 1869.

Очерки изъ жизни Мендельсона. *І. Гурвичъ*. Прил. къ Гак. 1861. № 31.
О Мендельсонѣ. По Фридлендеру. *Н. Пейкаръ*. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 6.
Вечеръ у Мендельсона. Прил. къ Гак. 1862. № 32, 33 и 35.
Миссъ Ада Менкенъ. Прил. къ Гак. 1867. № 48.
Жюль Миресъ, французскій банкиръ. Вѣкъ. 1861. № 16 и 17.
Миресъ. Его жизнь и дѣятельность. С.-Петерб. Вѣдомости. 1861. № 60. Тоже Русск. Міръ. 1861. № 22.
Дѣло Миреса. Спб. 1861.
Процессъ Миреса. Акціонеръ. 1861. № 8.
Сэръ Моисей Монтефіоре. *Исерсъ*. Прил. къ Гак. 1866. №№ 30 и 31.
Давидъ Тевелевичъ Нефталинъ и Моисей Нахмановичъ Корнфельдъ (некрологи). *Левъ Гордонъ* и *У. Розенцвейгъ*. День. 1870. № 6.
Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Монтефіоре. Вѣстн. Русск. Евр. 1872.
Мошелесъ. Музык.-біогр. очеркъ. Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 16 и 1872 №№ 7 и 8.
Ученые труды профессора С. Мунка. *І. Гурляндъ*. Прил. къ Гакармелю. 1867. № 40.
Донъ Іозефъ Нази, герцогъ Наксосскій. *Б. Гуровичъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 47.
Миссъ Грація Огилярь. Біогр. очеркъ. *В. Виленкинъ*. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 25. О ней же. Прил. къ Гак. 1861. № 41 и 50.
Профессоръ Оллендорфъ. *А. Кайданъ*. Прил. къ Гак. 1865. № 32. Тоже Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 4.
Профессоръ Оппенгеймъ. *Герцбергъ*. Прил. къ Гак. 1867. №43.
Оріенталистъ Юліюсъ Опперетъ. *А. Пахманъ*. Прил. къ Гак. 1867. № 34.
Оробіо. *А. Брикъ*. Разсвѣтъ. 1861. № 37.
Жакъ Оффенбахъ. *С. С—скаго*. День. 1870. № 40. Тоже Одесск. Вѣстн. 1861. № 128.

Ошеръ Беръ. *О. Воль.* Прил. къ Гак. 1861. № 37.

Яковъ-Родриго Перейра. (Біогр. очеркъ прошл. столѣтія). Прил. къ Гак. 1862. №№ 9—11, и В. Р. Е. 1871. №№ 5—6.

Іосифъ Перель (Біогр. очеркъ). Прил. къ Гак. 1861. № 19—21.

Біографическій очеркъ С. Пинскера. День. 1869. №№ 4—5. О томъ же № 10.

Эдуардъ Плеенеръ. *П. Л—бъ.* Прил. къ Гак. 1861. № 30 и 31.

Письмо въ редакцію «Дня». *О. Рабиновичъ.* День. 1869. № 7.

Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ. Некрологъ. День. 1869. № 24.

Нѣсколько словъ объ О. А. Рабиновичѣ. *Л. Леванда.* День. 1869. № 28.

Некрологъ О. А. Рабиновичъ. Статья *Я. Вейнберга.* Одесскій Вѣстникъ. 1869. № 235. Тоже *А. Ландау.* Спб. Вѣд. 1869.

Панихида по О. А. Рабиновичѣ. Од. Вѣстн. 1869. № 241.

Біографія О. А. Рабиновича, составлен. *И. Вахтелемъ.* Одесскій Вѣстникъ. 1869. № 243.

О. А. Рабиновичъ. Статья *А. Ковнера.* Новоросійск. Вѣдомости. 1869. №№ 30, 35 и 37.

Самуилъ Райзъ. Некрологъ. Прил. къ Гак. 1868. № 28.

Рашель. Некрологъ. Отеч. записки. 1858. Т. CXVI.

Рашель. (Письмо изъ Парижа къ одному изъ издателей Сѣверной Пчелы). *де-Б.....* Сѣв. Пчела. 1858. № 11.

Рашель. Біографическій очеркъ. *Д. Сѣрова.* Театр. и Музык. Вѣстн. 1858. №№ 4, 7 и 11.

Послѣднія минуты Рашель. Театр. и Музык. Вѣстн. 1858. № 35.

Г-жа Рашель († 4 янв. 1858 г.). Театр. и Музык. Вѣст. № 3.

Королева трагедіи. *Г. В.* День. 1870. №№ 38 и 39.

Воспоминаніе объ артисткѣ Рашели. Жив. библ. Т. 4.

Рашель. Изъ записокъ доктора Верона. Литературное Попури. 1857.

Дебюты Рашель. Ст. *А. Ландау.* Русск. Сцена. 1865. № 5.

Ротшильдъ на островѣ Цейлонѣ. Прил. къ Гак. 1865. № 42.

Франкфуртскій еврейскій кварталъ и семейство Ротшильдовъ. Прил. къ Гакармелю. 1865. №№ 42—44.

Еврейскій теологъ и экзегетъ X столѣтія, Гаонъ Саадія. *И. Михельсонъ.* Прил. къ Гак. 1867. №№ 36, 37, 41 и 42.

Саодъ Аддаула. Еврей, министръ у монгольскаго хана. *В. Гинстлингъ.* Прил. къ Гак. 1862. №№ 20 и 21.

Антоній-Іосифъ да Сильва. Прил. къ Гак. 1862. № 44.

Симонъ Слижголь или Кафтанъ. Прил. къ Гак. 1865. № 25.

Спиноза и спинозизмъ. *Тарнополь.* В. Русс. Евр. 1871. № 30.

Спиноза. Статья *Д. Г. Льюиса.* Отеч. Записки. 1866. № 16.

Значеніе и жизнь Спинозы. Изъ исторіи новой философіи Куно Фишера. *Н. Страховъ.* Свѣточь. 1861. № 9. О томъ же Прил. къ Гак. 1866. № 46.

Бенедиктъ Спиноза. *Гинстлингъ.* Прил. къ Гак. 1861. № 36.

Донъ Мануэль Тейксейра. Министръ-резидентъ шведской королевы Христины. Д-ра *М. Кайзерлинга.* Сіонъ. 1861. № 26.

Густавъ Филипсонъ. День. 187[illegible]. № 15.

Филонъ (Біогр. очеркъ). *А. Л.* Прил. къ Гак. 1863. № 37.

Семидесятилѣтній юбилей д-ра З. Франкеля. *А. Драбкинъ.* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 39.

Франкль. *И. Михельсонъ.* Прил. къ Гак. 1866. № 30.

Миреле Френкель. *И — на.* День. 1869. № 27.

Максъ Фридлендеръ. Вѣст. Рус. Евр. 1872. № 5.

Объ ученыхъ трудахъ профессора Д. А. Хвольсона. *К. А. Косовичъ.* Журналъ Минист. Народ. Просв. 1869. № 1.

Шабатай-Цви. *П. Лякубъ.* Разсвѣтъ. 1860. №№ 21—22.

Г. Шацкесъ, комментаторъ аллегорическихъ разсказовъ, содержащихся въ Талмудѣ. День. 1870. № 16.

Авраамъ Штернъ. (Біогр. очеркъ). *Л. С.* День. 1870. №№ 19—20.

Яковъ Моисеевичъ Эйхенбаумъ. Канва для біографіи. Баронъ *Тарнеголь.* Разсвѣтъ. 1861. №№ 51—52.

Исаакъ Эртеръ. *С. Станиславскій.* День. 1869. №№ 15, 17 и 20.

Д—ръ Іоганъ Якоби. (Біогр. очеркъ). День. 1870. № 42.

Израилъ Якобсонъ. *М. Новоселицкій.* Разсвѣтъ. 1861. № 43.

VII. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ и СТАТИСТИКА.

1) Мѣстности, обитаемыя евреями.

а) Разселеніе еврейскаго племени по всѣмъ частямъ свѣта и государствамъ (исключая Россіи).

Евреи во Франціи. День. 1870. № 49.

Уцѣлѣвшіе предразсудки противъ евреевъ въ Англіи. Сіонъ. 1861. № 22.

Евреи въ Австріи, Франціи и Румыніи. Вѣст. Русск. Евр. 1872. №№ 4, 7, 9, 10, 15 и 25.

Евреи въ Швейцаріи. Германіи, Румыніи, Испаніи, Италіи и Америкѣ. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 39. 1872. №№ 12, 13, 17, 20, 21, 22, 23 и 24.

Евреи въ Даніи и „Берлинское Обозрѣніе". Сіонъ. 1862. № 42.

Евреи въ Швейцаріи, Мекленбургъ-Шверинѣ и Тиролѣ. Прил. къ Гак. 1861. № 25.

Евреи въ Цюрихѣ. Прил. къ Гак. 1862. № 32.

Евреи въ Италіи, и вопросъ объ обязанностяхъ гражданина и еврея. Сіонъ. 1862. № 43.

Евреи въ Римѣ. Прил. къ Гак. 1862. № 24.

Гетто, еврейскій кварталъ въ Римѣ (изъ записокъ французскаго живописца и писателя Эдмонда *Абу. П. Лякубъ.* Таврич. Губ. Вѣд. 1861. №№ 16 и 17.

Мысли о первоначальномъ возникновеніи «Гетто». Статья *Н. С.* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. №№ 20 и 21.

Евреи въ римскомъ „Гетто". День. 1871. №№ 18 и 19.

Римское Гетто. Разсвѣтъ. 1861. № 37.

Португальскіе евреи. *Л. Данъ.* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 12.

Изъ Вѣны (письмо русскаго туриста). *І. Алферьевъ.* Вѣстн. Русск. Евр. 1872. № 14.

Путешествіе по Галичинѣ. (Іереи и евреи). *В. И. Кельсіевъ.* Голосъ. 1868. №№ 69, 88, 89, 99, 106 и 149.

См. зам. на эту статью въ Спб. Вѣд. 1868. № 122. (Статья *А. Д.*).

Евреи въ Босніи. *К. П-нъ.* День. 1870. №№ 26 и 28.

Константинопольскіе евреи. *Б. Бертензонъ.* Разсвѣтъ. 1860. № 14.

Турція и евреи. Сіонъ. 1861. № 9.

Изъ путешествія Веніамина II по Азіи. Сіонъ. 1862. № 36.

Берегъ Палестины — Бейрутъ. (Изъ путешествія д-ра А. А. *Франкля* въЕрусалимъ). *Д. Фр—нъ.* Разсвѣтъ. 1860. №№ 27 и 28.

Палестина. *С. Гольденвейзеръ.* Разсвѣтъ. 1860. № 30.

Вѣсти съ востока. *Г. Цедербаумъ.* Вѣст. Рус. Евр. 1871. № 11.

О евреяхъ въ Іеменѣ. *Ар. Л — ъе.* Сіонъ. 1861. № 8. Тоже Прил. къ Гак. 1863. №№ 32—33.

Евреи въ Самаркандѣ. *Радловъ.* Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общ. 1869. Т. 5. № 6. День. 1869. № 32. Вѣст. Рус. Евр. 1871. № 1.

Евреи въ Китаѣ. Московск. Вѣдом. Литер. отд. 1858. № 80.

Евреи въ Остъ-Индіи и Авганистанѣ. Вил. Вѣст. 1857. № 93.

Евреи въ Китаѣ. Соломонъ *Баскинъ.* Прил. къ Гак. 1869. №№ 38, 39, 40, 43 и 45. Тоже Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 32.

Евреи въ отдален. странахъ свѣта (Китай). Сіонъ. 1862. № 37.

Еврейскій городъ въ Китаѣ. *А. Геллеръ.* В. Р. Е. 1871. № 36.

Евреи въ Америкѣ. *М. Я. Гольдштейнъ.* Прилож. къ Гак. 1868. №№ 3, 7, 9, 10, 11 и 13.

Сѣверо-Американскіе Штаты и еврейскіе полковые священно-служители. Сіонъ. 1861. № 27.

Евреи — не евреи (въ Мексикѣ). Прил. къ Гак. 1863. № 28.

Египетскіе іудеи. М. *К—скаго.* Хр. Чт. 1870. № 7.

Фалаши — абиссинскіе евреи. *Д. Дубелиръ.* Вѣст. Русск. Евр. 1871. №№ 9 и 10.

б) *Евреи въ Россіи и Польшѣ. Караимы.*

Евреи въ Россіи. Очерки и изслѣдованія. *И. Оршанскій.* Спб. 1872. Ц. 1 р.

1) Библіотека дешевая. 1872. № 79, стр. 1 — 30. (Статья подъ загл. 2×2=5. С. С. Окр—па).
2) Вѣстникъ Европы. 1872, № 8. т. 4. (Рец. на обертке).
3) Сіяніе. 1872, т. 2, № 36; стр. 163.
4) Кіевлянинъ. 1872. № 111 и 112.

Евреи въ Россіи. (Этнологическій очеркъ). *Южанинъ.* День (Аксакова). 1864. № 46.

По поводу статьи въ № 123 Одесскаго Вѣстника: „Новая сторона польскаго вопроса".

О евреяхъ въ Россіи. Статья *С. Е.* Кіев. Телегр. 1860. № 6.

Евреи въ Россіи. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1865. № 178.

Евреи въ Малороссіи. Современ. Слово. 1862. № 140.

Евреи въ запад. краѣ Россіи. Посвящается правосл. церковному братству при Пустынскомъ Успенскомъ Монастырѣ Могилевской епархіи. Спб. 1869.

Изъ сѣв.-зап. края. IV. Положеніе евреевъ. Статья *Д. М—скаго.* Бесѣда. 1872. № 3.

Евреи и Сѣверо-Зап. край. *Смолякъ.* Вил. Вѣст. 1866. № 152.

Къ вопросу о евреяхъ въ зап. краѣ. *Л. Леванда.* Вильно. 1866.

Евреи въ зап. краѣ. (Перед. ст.). Москов. Вѣдом. 1866. № 32.

Къ вопросу о евреяхъ въ зап.-русскомъ краѣ. *М. Оксманъ.* Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 155. (Прибавленіе).

Къ вопросу о евреяхъ въ зап. краѣ. *D. Z.* Вѣсть. 1868. № 29.

Объ евреяхъ запад. губ. Марія *Сакеръ.* День. 1869. № 7.

Евреи бѣлорусскіе. Живописная Русск. Библіот. 1857. № 4.

О евреяхъ въ западномъ краѣ. Голосъ. 1865. № 230.

Евреи въ западномъ краѣ. Сѣверная Почта. 1865. № 18.

О евреяхъ западн. губерній. Жур. Общ. Свѣд. 1858. № 1.

Изъ Атенея, 1858, ч. 5. № 12.

Западно-русскіе жиды и ихъ современное положеніе. Иллюстрація. 1858. № 35.

Нѣсколько словъ о зап.-русск. евреяхъ. Кіевл. 1864. № 36.

Очерки изъ быта евреевъ сѣверозападнаго края. Статья *А. Г.* Минскія Губ. Вѣдомости. 1869. № 47.

О западно-русскихъ евреяхъ. Статья *М. Р.* Прилож. къ Гак. 1866. №№ 11, 12, 14, 19, 20, 22, 23, 24 и 25.

Замѣтка о евреяхъ сѣверозападнаго края. *Лурье.* Прил. къ Гак. 1868. № 1.

Нѣсколько словъ о евреяхъ западнаго края Россіи. Л. Л. Разсвѣтъ. 1860. № 1.

Возраженіе на эту статью. *Желѣзоградъ.* Разсвѣтъ. 1860. № 10.

Евреи въ зап. Россіи. Русскій. 1867. №№ 25—26.

Евреи западно-русскаго края. Статья *В. Т. Ч.* Сынъ Отечества. 1867. №№ 102. 104 и 105.

Еврей-литовецъ. *М. Данцигъ.* Одесса. 1870.

Евреи Виленской губерніи. *А. К. Корева.* Памятная Книжка Виленской губ. на 1860 г., ч. 2, стр. 37—38.

Рец. Ем. Соловейчика. Разсвѣтъ. 1860. №№ 7 и 8.

О еврейскомъ населеніи въ Виленской губ. Извѣстія Русск. Геогр. Общ. 1873. № 4.

Изъ Минска. *О. Гурвичъ.* Прил. къ Гак. 1862. № 37.

Нѣсколько словъ о минскихъ евреяхъ. Виленскій Вѣстникъ. 1871. № 48.

Письма о ковенскихъ евреяхъ. *А. Ландау.* Сѣверная Пчела. 1863. № 152.

Евреи въ Ковенской губерніи. Ковен. Губ. Вѣд. 1866. № 41.

Записка о евреяхъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и вообще въ зап. краѣ Россіи. 2 ч. Соч. *Н. Г.* Спб. 1870.

Нѣсколько словъ о евреяхъ г. Могилева. Могил. губ. вѣд. 1870. № 35.

Изъ жизни могилев. евреевъ. Мог. губ. вѣд. 1868. № 9 и 10.

Изъ Могилева. *Н. Корнгольдъ.* В. Р. Е. 1871. № 16—18.

Нѣчто о Шкловѣ. *А. Магидовъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 44.

Евреи въ Бобровѣ. День. 1872. № 89.

Къ вопросу о евреяхъ въ юго-зап. краѣ. *К. К—вскаго.* Виленскій Вѣстникъ. 1866. №№ 99 и 100.

Евреи въ юго-западномъ краѣ. *Горжалчинскій.* Кіевлянинъ. 1865. №№ 20—23.

Нѣсколько словъ о евреяхъ юго-западнаго края. *С. Петраченко.* Кіевскій Телеграфъ. 1866. №№ 17 и 18.

По поводу предъидущей статьи. *П. Чугаевичъ.* Кіевскій Телеграфъ. 1866. № 16.

Изъ Кіева въ Бердичевъ. Путевыя впечатлѣнія *Г. В—ра.* День. 1870. № 35.

Евреи въ Волынской губ. Вол. губ. вѣд. 1867. №№ 31, 41, 42, 49, 51, 57, 60, 63, 65 и 66.

Вѣсти изъ Подоля. *Я. Руденскій.* Вѣст. Рус. Евр. 1871. № 18.

Евреи въ Кіевѣ. *Д. Флисфедеръ.* Кіевскій Телеграфъ. 1872. №№ 128—130.

Изъ Кіева. Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 4.

Мѣстечко Тальное. Свящ. *В. Антоновъ.* Кіевскія губ. вѣд. 1857. №№ 39 и 40.

Евреи въ Ковенской губ. День. 1871. № 14.

Изъ с. Дубровинецъ, Кіевской губ. Евреи въ селѣ. Свящ. *Іоаннъ Туркевичъ.* Другъ Народа. 1869. № 29.

Письма бердичевскаго старожила. Письмо третье. *Н. Г—съ.* Разсвѣтъ. 1860. № 5.

Евреи въ южной Россіи. *К. Р — кій.* Русскій Міръ. 1873. №№ 293, 295, 297, 300, 302, 304, 307, 309, 311 и 313.

См. также перед. ст. № 293.

Евреи въ южной Россіи. Статья *Русскаго.* Спб. Вѣд. 1873. № 111.

Евреи въ Бессарабіи. Соврем. Слово. 1863. № 70.

Петербургскіе евреи. *Бенъ-Хаимъ.* Виленскій Вѣстникъ. 1867. № 75.

Евреи въ Москвѣ. Кіевлянинъ. 1872. № 48.

Чѣмъ и какъ живутъ московскіе евреи? *Исаакъ Оршанскій.* День. 1870. № 43.

Евреи въ селахъ Новороссійскаго края. Статья *К. Стук.* Сынъ Отечества. 1868. № 14.

Панорама керченскаго еврейскаго общества. Прил. къ Гак. 1867. № 47.

Керченскіе очерки. Керченскій еврей. День. 1871. № 8.

Община турецкихъ евреевъ въ Крыму. *И. Шмаковъ.* День. 1869. № 14.

Два слова о симферопольскихъ евреяхъ. *П. Лякубъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 43.

Изъ Чернигова. *Праводлюбовъ.* Прил. къ Гак. 1863. № 41.

Еще нѣсколько словъ о евреяхъ Черниговской губ. Статья *Р. И-з-на.* Черниг. Листокъ. 1861. № 8.

Новгородсѣверскъ. *Я. Гольдвугъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 47.

Евреи въ Харьковѣ. *П. Лякубъ.* Прибавл. къ Харьк. губ. вѣд. 1863. № 6.

Евреи въ Одессѣ. Новорос. Телеграфъ. 1872. №№ 226 и 227.

По поводу корресп. въ 160 № „Голоса" 1872.

Изъ Одессы. Vox. Вѣст. Русск. Евр. 1871. №№ 8 и 11.

Кавказскіе евреи. *Кавказецъ.* Прил. къ Гакармелю. 1862. №№ 2, 3 и 34.

Кавказскіе евреи. *И. А. Сливицкій.* Особое прибавл. къ газ. Кавказъ. 1868. Вып. 1; стр. 21—35. Тоже прилож. къ Гакармелю. 1868. №№ 16 и 17.

Начало этой статьи помѣщено въ 15 № газ. „Кавказъ" 1853 г.

Горскіе евреи. *Іуда Я. Черный.* Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. 3; стр. 1—44.

Краткія историческія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ Терской области. Терскія вѣдомости. 1869. № 3.

Изъ Иркутска. *Д. Фридъевъ.* Вѣст. Рус. Евр. 1871. № 5.

Изъ Сибири. *Л. Блюммеръ.* День. 1869. №№ 9, 10 и 18.

Изъ Сибири. Статья N. Вѣст. Рус. Евр. 1871. № 16.

Описаніе еврейскихъ колоній Лабендзь и Ксаверовъ, находящихся въ Пинчовскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губерніи. Кѣлецкія губ. вѣд. 1872. № 51.

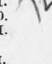
Здановъ, бывшая еврейская колонія при Замосцѣ. Прил. къ Гак. 1862. № 46.

Сморгонская еврейская колонія. *И. Клейнъ.* День. 1871. № 12.

О евреяхъ въ колоніи Романовкѣ. *О. Лернеръ.* Кіевскій Телеграфъ. 1865. № 130.

Еврейская колонія Моргуновка. *Х. Леванда.* Разсвѣтъ. 1860. № 22.

Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской колоніи, 1837—1847 г.). *М. Кулишеръ.* Еврейск. Библіот. Т. IV; стр. 91—113.



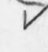
Польскіе евреи. *С. Громека.* Современникъ. Т. LXX, отд. I.

Крит. *Х. Розенблата.* „Отеч. Зап." 1858, т. CXX, отд. III, стр. 69—80. Вынужденное объясненіе. *С. С. Громеки.* Русск. Вѣстн. 1858, т. XVII. (№ 17, сент. кн. 1-я). Соврем. Лѣтоп. 1858, стр. 90—95.

Польскіе евреи. Этнографическіе разсказы, очерки и картины. *Герцбергъ-Френкель.* Спб. 1868. Ц. 1 р.

1) Всемірный Трудъ. 1868. № 8, стр. 570; 2) Гакармель. 1868—69, № 31. (Библіогр. извѣстія. С. Станиславскаго). 3) Спб. Вѣд. 1869. № 131 и 133. (Библ. зам. А. Л.); 4) Сынъ Отечества. 1868. № 177. (Разборъ *В. Кельсіева*).

Польскіе евреи. (По поводу книги „Польскіе евреи". Этногр. разсказы. Спб. 1868). Статья *А. Л.* Спб. Вѣд. 1869. № 131 и 133.



Внутренняя жизнь польскихъ евреевъ. Варш. Дневникъ. 1866. №№ 51, 54, 57, 61, 72, 89, 91, 132, 137, 148, 149, 155, 160, 163, 180, 182, 186, 199, 203, 207, 210, 219 и 239.

Евреи въ Ц. Польскомъ и въ зап. Россіи. Кіевскій Телегр. 1872. № 93.

Евреи въ Варшавѣ. Всемірн. Путешественникъ. 1871. № 10.

Письма изъ Варшавы. *Б.* День. 1870. № 49, и Вѣстн. русск. евр. 1871. № 33.

Правда о русскихъ и такъ называемыхъ польскихъ евреяхъ. *А. Алексѣевъ.* Духовная Бесѣда. 1870. № 4 и 7.

Отъ Москвы до Лейпцига. *И. Бабетъ.* (Изъ «Атенея»). Москва. 1859.

Въ первомъ письмѣ помѣщены свѣдѣнія о варшавскихъ евреяхъ.

Крымчаки. *П. Лякубъ.* Разсвѣтъ. 1860. № 13.

Внутренній и общественный бытъ крымчаковъ. *П. Лякубъ.* Прил. къ Гак. 1866. №№ 48—50.

Внутренній и общественный бытъ крымчаковъ. *П. Лякубъ.* Голосъ. 1866. № 42.

Историч. замѣтки по поводу этой статьи. Прил. къ Гак. 1866. №№ 2 и 3.

Еще о крымчакахъ. *Гаркави.* Голосъ. 1866. № 85.

Гаркави: „Еще о крымчакахъ". *П. Лякубъ.* Голосъ 1866. №182.

Голосъ въ защиту караимовъ. *С. Б. Мангуби.* Одесскій Вѣстникъ. 1859. № 15.

Евреи-ли караимы? *И. Казасъ.* Прибавленіе къ № 63 Новороссійскаго Телеграфа. 1869.

Караимы въ Виленской губерніи. *А. Корево.* Памятная книжка Вилен. губ. на 1861 г., ч. II, стр. 115—129.

Караимы. Живописная русская библіотека. 1856. № 48.

Караимы, ихъ обряды и ученіе. Таврич. губ. вѣд. 1869. № 8.

Новѣйшій отзывъ еврея о караимахъ. Одесса. 1872.

Нѣсколько словъ о караимахъ. Новороссійскія Вѣдомости. 1870. №№ 37, 38 и 55.

Караимамъ. Новоросс. Вѣд. 1870. №№ 65 и 66.

О караимахъ въ имперіи и Царствѣ Польскомъ. (Дополненіе къ Чацкому). *Н. Мухлинскій.* Прил. къ Гак. Годъ 2. № 38.

О сектѣ караимовъ. *Н. Рузи.* Одесскій Вѣстникъ. 1855. № 126.

Отвѣтъ караима на статью г. Лякуба. („Нѣсколько словъ о западно-русскихъ евреяхъ"), помѣщенную въ № 139 „Одесск. Вѣстника" за 1858 г. *Н. С. Исаковичъ.* Одесск. Вѣст. 1859. № 20.

Нѣсколько словъ объ общественномъ положеніи евреевъ. (Сообщено). Одесскій Вѣстникъ. 1859. № 16.

Литературное возраженіе (на предъидущую статью). Статья *Е. Р.* Одесскій Вѣстникъ. 1859. № 26.

Прощальное слово караиму-хазарину. *О-ій.* День. 1871. № 4.

Своевременная метаморфоза. *С. Б.* День. 1870. № 52.
Торжественное отреченіе караимовъ отъ еврейства и превращеніе въ хозаръ.

Слово защиты. *И. Казасъ.* Новорос. Телегр. 1869. № 9 и 10.
По поводу статьи „Евреи и караимы" въ Одесск. Вѣстникѣ 1868. № 266.

Тааръ Гасоферъ. Краткій трактатъ о караимахъ. *И. Левинзонъ.* Перевелъ съ еврейскаго *Ф. Березкинъ.* Одесса. 1863.
Книжн. Вѣстн. 1863. № 16; стр. 274—275.

Тааръ-Гасоферъ. Трактатъ о караимахъ (соч. И. Бенъ-Левинзона. Одесса. 1863). Статья *К. Гаузеръ.* Одес. Вѣст. 1863 № 103.

2) Этнографія Еврейскаго народа.

Еврейскіе обряды и обычаи въ нѣкоторыхъ главныхъ моментахъ жизни. *А. Е. Ландау.* Современ. Лист. 1864. №№ 27—29, 32, 33 и 36—40.

Шадхонимъ. Статья *Д. Фридманъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 40.

Свадьба у евреевъ. Вилен. Вѣстн. 1869. № 110.

Еврейская свадьба въ Гибралтарѣ. Изъ путев. замѣтокъ имп. Максимиліана. Бирж. вѣд. 1867. № 214.

Еврейскія похороны. Картина Карчевскаго. Иллюстр. газета. 1869. № 18.

О праздникѣ рошъ-гашана (новый годъ) и объ обрядѣ трубленія въ рогъ. *Брафманъ.* Вилен. Вѣст. № 95—96. (См. также Никол. Вѣст. № 74).

Новый годъ. (О праздновании новаго года у древнихъ евреевъ, римлянъ и у насъ въ Россіи). Священ. Василія *Лебедева.* Душеполезн. Чтен. 1861. Ч. I; стр. 1—3.

Юридическая пословица. *Александръ Звенигородскій.* Разсвѣтъ. 1861. № 46.

Мертвый арендаторъ. Еврейская народная сказка. Сіонъ. 1861. № 3.

Два легендарныя преданія у евреевъ: 1) 10 мучениковъ. 2) Рабби Амнонъ, обработ. и перелож. съ древнихъ еврейскихъ писаній на русскій языкъ *М. Кагано*мъ. Николаевъ. 1869.

Еврейскія легенды. Разсвѣтъ. 1861. № 33.

Нѣчто о предразсудкахъ и вѣрованіяхъ евреевъ. Новгор. губ. вѣд. 1868. №№ 24, 26, 27 и 28.

О суевѣріяхъ и предразсудкахъ евреевъ. *А. Алексѣевъ.* Духовная Бесѣда. 1868. №№ 16 и 18.

Простонародныя пѣсни русскихъ евреевъ. *Ил. Оршанскій.* Прил. къ Гак. 1866. №№ 31 и 32.

Какъ далеко слѣдуетъ идти въ вопросѣ о еврейск. костюмахъ. Бирж. Вѣд. 1871. № 85.

О собственныхъ именахъ евреевъ. *О. Рабиновичъ.* Новорос. Литер. Сборн., стр. 274—312.

О народномъ имени русскихъ евреевъ. *Русскій.* Прил. къ Гак. 1866. № 4.

Нѣсколько словъ о меіухесахъ (аристократахъ). Освальдъ *Лихтенштадтъ.* Сіонъ. 1861. № 6.

Евреи-арендаторы. *Ф. Симохинъ.* Кіевлянинъ. 1869. № 23.

Евреи-арендаторы въ Могилевской губ. Могилев. губ. вѣд. 1864. № 46.

Евреи-арендаторы. Статья *А.* Вилен. Вѣст. 1866. № 130.

Факторство и мишурничество (въ югозап. краѣ). Кіевлянинъ. 1866. № 127.

Новый родъ еврейскаго факторства. Кіевлянинъ. 1869. № 20.

Фармацевты-евреи. *А. Абрамовъ.* Одес. Вѣст. 1869. № 242.

Евреи хасидимы. *А. К....о.* С.-Пет. Вѣд. 1873. № 26.

Очерки этнографіи еврейскаго народонаселенія въ Россіи. *М. Берлинъ.* Спб. 1861. Ц. 75 к. (Изъ „Этногр. Сборн." вып. 5).
1) Сіонъ. 1861. №№ 10 и 11.
2) Современникъ. 1861. № 8.
3) С.-Петерб. Вѣд. 1861. № 286 и 288.

Еврейское племя по талмудическимъ и еврейско-нѣмецкимъ поговоркамъ и пословицамъ. День. 1869. №№ 27, 28 и 32.

Еврейское племя, этнографическіе этюды. Д-ръ *Ад. Іелинекъ*. Въ приложеніи: Столѣтіе эмансипаціи евреевъ. Исидоръ *Каимъ*. Перев. съ нѣм. Изд. А. Е. Ландау. Спб. 1870. Ц. 1 р. 25 к.
1) С.-Петерб. Вѣдом. 1870. № 15 (Библіогр. зам.).
2) Новое время. 1870. № 15. (Библ. зам.).
3) Одесск. Вѣстн. 1870. № 104. 4) День. 1870. № 12.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ. (Евр. племя Іелинека). Кіевлянинъ. 1872. № 134.

Загнанное и гонимое племя. Кіевлянинъ. 1872. № 63.

О народномъ характерѣ евреевъ. *Герсевановъ*. Сѣверная Пчела. 1859. №№ 63 и 64. (Было изд. отд. Одесса. 1860. Ц. 1 р.).

Сѣверная Пчела и русскіе евреи. *А. Пассоверъ*. Московскія Вѣдомости. 1859. № 90.

Отвѣтъ г. Пассоверу. *Герсевановъ*. Моск. Вѣд. 1859. № 219.

Отвѣтъ на отвѣтъ г. Герсеванова. *А. Пассоверъ*. Москов. Вѣд. № 59. № 219.

Бытъ евреевъ въ Сибири. Изъ записокъ еврейск. старожила. *Гудовичъ*. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. №№ 29 и 30.

Воспоминаніе о недалекомъ прошломъ. (Картины изъ еврейскаго быта). Кое что впередъ. *Л. М. Капустъ*. Вѣстникъ зап. Россіи. 1867. №№ 7 и 12.

Изъ быта бѣлорусскихъ евреевъ. *М. Либаковъ*. Русскія Вѣдомости. 1865. № 151.

Изъ быта ветхозавѣтнаго племени (въ Россіи). *Новозавѣтный*. Кіевскій телеграфъ. 1865. № 70.

Изъ вседневной жизни нашихъ евреевъ. Гродненскія губ. вѣд. 1866. № 5.

Изъ еврейскаго быта. Статья *Ш. Х-на*. Вѣстникъ зап. Россіи. 1869. №№ 9 и 11.

Изъ четырехъ стѣнъ еврейскаго семейнаго быта. Живописный Сборникъ. 1869. № 2.

Кое что изъ быта евреевъ. *Борухъ Любашинъ*. Кіевскій Телеграфъ. 1872. № 42.

Къ вопросу о западно-русскомъ еврействѣ. *К. Щукинъ*. Волынскія губ. вѣд. 1867. № 34.

Къ исторіи еврейскихъ нравовъ. *М. Шапиро*. День. 1870. № 51.

Общественная жизнь евреевъ, ихъ нравы, обычаи и предразсудки. *А. Алексѣевъ*. Новгородъ. 1868. Ц. 75 к. (Было помѣщено въ Домашн. Бесѣдѣ. 1872).
Церковная Лѣтопись (Духовной Бесѣды) 1868. № 50.

Одна изъ характеристическихъ чертъ еврейскаго племени. *І. Алферьевъ*. Вѣстн. русск. евреевъ. 1872. № 16.

О національной слабохарактерности евреевъ. *А. Гаркави*. Сіонъ. 1862. № 38.

Опытъ очерка жизни мѣстныхъ евреевъ. *И. Готлибъ*. Бассарабскія. обл. вѣд. 1871. № 1.

Очерки быта древнихъ евреевъ. Пособіе къ объясненію св. писанія. *Н. Зайцевъ*. Кіевъ. 1869.
1) Руководство для сельск. пастырей. 1869. № 19 (Статья Х. О.).
2) Христ. Чтеніе. 1869. № 6; стр. 978—1022.

Очерки изъ жизни евреевъ. *Г. И. Неводничанскій*. Современ. Медицина. 1869. №№ 4—6.

Перекрещенецъ. Изъ еврейскаго быта. *В. Левинкій*. Москва. 1870.

Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства. *Д. Слонимскій*. Еврейск. Библіотека. Т. III, стр. 179—228.

Религіозная и общественная жизнь евреевъ въ зап. областяхъ Россіи. Архіеп. *Анатолій*. Странникъ. 1862. № 8.

Семейный бытъ древнихъ евреевъ. Прибавл. къ Калуж. епарх. вѣд. 1862. № 7.

Уѣздные евреи. Одесскій Вѣстникъ. 1864. № 59.

Численность еврейскаго племени въ настоящемъ и будущемъ. (Перед. ст.). Голосъ. 1866. № 258.

Еврейское народонаселеніе. *А. Ломачевскій*. Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 162.

Живучесть еврейскаго племени. (Данныя для сравнительной статистики евреевъ). *Н. Запольскій*. Недѣля. 1867. № 6.

Статистическія свѣдѣнія о евреяхъ. Кіевскій Телеграфъ. 1872. № 57.

Статистическія свѣдѣнія о евреяхъ. Прил. къ Гак. 1866. №№ 11 и 12.

Статистика размноженія еврейскаго племени. *Д. Буденъ*. Вѣстн. Русск. Евр. 1872. № 1.

Движеніе еврейскаго населенія въ Россійской имперіи. Вѣстн. Русск. Евр. 1872. № 14.

Статистическій очеркъ смертности евреевъ въ 16-лѣтній періодъ съ 1851—1866. *И. Кулишеръ*. Волынскія губ. вѣд. 1867. №№ 35 и 36.

Къ цифрѣ общаго населенія Одессы и процентнаго отношенія къ нему еврейскаго населенія. Одесскій Вѣстникъ. 1872. № 235.

По поводу записки М. И. Финкеля: О причинахъ, замедляющихъ собираніе свѣдѣній о движеніи населенія одесскихъ евреевъ. *К. Гаузнеръ*. Одесскій Вѣстникъ. 1864. № 136.

Изъ Одессы. (О счисленіи еврейскаго народонаселенія). Голосъ. 1866. № 62.

Протоколъ засѣданія отдѣленія статистики сѣверо-западнаго отдѣла Имп. геогр. общества, 23 окт. 1871 г. В. Русс. Евр. № 41.

Критика и библіографія: Евреи. Отрывокъ изъ статистическаго описанія Виленской губерніи А. Корево. *М. Соловейчикъ*. Разсвѣтъ. 1860. №№ 7 и 8.

Взглядъ на состояніе и значеніе евреевъ въ Гродненской губ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Гродненская губ. Сост. *П. Бобровскій*. Ч. I. стр. 845—866.

Нѣсколько статистическихъ свѣдѣній о евреяхъ. Кіевскія губ. вѣд. 1867. №№ 21 и 23.

О числѣ евреевъ въ Родомысльскомъ уѣздѣ. (Перед. ст.). Сообщ. *г. Щукинымъ*. Кіевлянинъ. 1867. № 131.

Историческая замѣтка о составѣ народонаселенія Ковенск.

губ., помѣщенная въ «Памятной книгѣ Ковенской губ. за 1861 г.». *Г. Шапиръ*. Сіонъ. 1861. № 15.

Число евреевъ въ Полтавской губ. въ 1860 г. Полтавск. губ. вѣд. 1861. № 44.

Число евреевъ въ Полтавской губерніи. Полтавскія губ. вѣд. 1865. № 43.

Смертность между христіанами и евреями въ мѣстечкѣ Ласкѣ въ Царствѣ Польскомъ. Архивъ Судебной Медицины. 1867. № 4.

Къ статистикѣ евреевъ въ Европѣ. День. 1870. № 6.

Статистика евреевъ въ Австріи. *И. И. Кауфманъ*. Еврейск. Библіотека. Т. IV; стр. 272—183.

Статистическія свѣдѣнія о евреяхъ въ Гамбургѣ и въ Альтонѣ. Сіонъ. 1861. № 31.

VIII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.—ДРЕВНЕ-И НОВО-ЕВРЕЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.—ХАЛДЕЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.—ОБУЧЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ РАЗНЫМЪ ПРЕДМЕТАМЪ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Полный курсъ еврейской грамматики, для систематическаго изученія языка ветхаго завѣта, его исторіи, этимологіи и синтаксиса. *О. Н. Штейнбергъ*. Вильно. 1871.

Учебникъ халдейскаго языка ветхаго завѣта и его толкователей, съ разборомъ образцовыхъ мѣстъ. *О. Н. Штейнбергъ*. Вильно. 1872. Ц. 50 к.

Месилашъ Галимудъ или руководство къ начальному изученію еврейскаго языка. *Л. Бенъ-Зеевъ*. Ч. I. Перев. на русск. яз. А. Паперна. Варшава. 1871.

Руководство къ изученію языка Мишны. *А. Гейгеръ*. Перев. съ нѣмецк. и дополнилъ *Ю. Бардахъ*. Одесса. 1871. Ц. 1 р. 25 к.

Еврейская грамматика. Пунктуація и словопроизведеніе. *И. Бейлинъ* и *Немзеръ*. Изд. 2-е. Вильно. 1870. Ц. 25 к.

Учебникъ древне-еврейскаго языка для караимскихъ школъ. *П. Казасъ*. 2 ч. Одесса. 1869. Ц. 1 р. 75 к.

Языкъ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ, встрѣч. у еврейскихъ писателей. Изъ изслѣдованій объ исторіи евреевъ въ Россіи. *Я. А. Гаркави*.

1) Вѣстн. Европы. 1866. № 4; стр. 31. 2) Виленскій Вѣстникъ. 1867, № 134 (Статья II—ча).

Письмо къ ред. *А. Гаркави* и отвѣтъ Кольда. Петерб. Листокъ. 1866. №№ 20 и 23.

По поводу разбора въ 16-мъ № соч. Гаркави: „О языкѣ евреевъ".

Библіографія. Прилож. къ Гакармелю. 1860. № 1.

Разборъ книги: Kurzgefasstes Lehrbuch der hebr. Sprache für israel. Schulen. Leipzig. 1859.

Для филологовъ. *Ю. Бардахъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 9.

Древне-еврейскій языкъ у русскихъ евреевъ. *Л. Гордонъ*. Сіонъ. 1861. № 17.

Древне-еврейскій языкъ какъ средство къ образованію. *М. Л. Лиліенблюмъ*. Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. №№ 17 и 18.

Національный и характеристическій взгляды на значеніе древне-еврейскаго языка. День. 1869. №№ 3 и 5.

На сколько евреи знаютъ свой языкъ. Статья *И. С.* Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 143.

О еврейскомъ языкѣ. *I. Вилковиръ*. Прил. къ Гак. 1869. № 40.

О значеніи древне-еврейскаго языка для русской филологіи. *М. Шапиро*. День. 1871. №№ 3, 5, 8 и 10.

О старинномъ языкѣ южно русскихъ евреевъ. *А. Пумпянскій*. Рижскій Вѣстникъ. 1873. № 156.

О еврейскомъ склоненіи. *С. Пинскеръ*, перевелъ съ нѣмецк. *Ю. Бардахъ*. Одесса. 1868.

О преподаваніи еврейскаго языка въ частныхъ одесскихъ пансіонахъ и въ гимназіи. *С. Шайкевичъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 21.

Изъ Минска. (Объ изученіи евреями русскаго языка). *Н. Виноградовъ*. Московскія Вѣдомости. 1866. № 16.

Историческая замѣтка. *А. Гаркави*. Прил. къ Гак. 1866. № 7.

По поводу употребленія русскаго языка въ Литвѣ въ началѣ XII в. Г. Гаркави ссылается на еврейскіе источники.

Кое-что о преподаваніи еврейскихъ предметовъ на отечественномъ языкѣ. *М. Юфа*. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 36.

Къ исторіи введенія русскаго языка въ преподаваніе еврейскихъ предметовъ въ виленскомъ раввинскомъ училищѣ. Прилож. къ Гак. 1869. №№ 31—33.

Мнѣніе о преподаваніи русскаго языка въ еврейскихъ училищахъ. *А. Экъ*. Учитель. 1861. №№ 11 и 12.

Мнѣніе педагогическаго совѣта виленскаго раввинскаго училища о печатаніи русскихъ книгъ еврейскимъ шрифтомъ. Прил. къ Гак. 1868. № 29.

Русская грамматика, составленная *М. Гурвичемъ*. Вильно. 1866.

Русскій языкъ и рижская еврейская община. Рижскій Вѣстникъ 1873. №№ 81 и 83.

Русскій языкъ и евреи. *А. Воль*. Вил. Вѣстн. 1867. № 42.

Полезно-ли первоначальное преподаваніе еврейскихъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ. *Грунинъ*. Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 28.

За и противъ. (По поводу предыд. статьи). *Пирусъ*. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 37.

О распространеніи русскаго языка между евреями. *I. Зейберлингъ*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1862. № 7.

Нѣсколько словъ о семъ, о томъ (объ обученіи на русскій яз.). *Минскій купецъ*. Прил. къ Гак. 1861. № 25.

„Московскія Вѣдомости" о распространеніи русскаго языка между евреями. Прил. къ Гак. 1866. № 16.

IX и X. ВРАЧЕБНОЕ ИСКУСТВО ЕВРЕЕВЪ.—ЕВРЕЙСКІЯ БОЛЬНИЦЫ.—ИСКУСТВА У ЕВРЕЕВЪ.

Историческій очеркъ врачебнаго искусства у евреевъ. *А. Я. Гаркави*. Прил. къ Гак. 1866. № 30.

Еврейскіе медики въ Италіи. Д-ра *Ливія Фюрста*. Перев. *Б. Ц.* День. 1871. №№ 11, 12, 13 и 15.

Физіологическій взглядъ на жизнь русскихъ евреевъ. *Л. Гельбакъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 19.

Замѣтка на статью: „Физіологическій взглядъ на жизнь русскихъ евреевъ" г. Гельбака. *Э. Трубичъ*. Разсвѣтъ. 1860. № 31.

Взглядъ на общественную гигіену у евреевъ. *О. Гурвичъ*. Прил. къ Гак. 1866. №№ 21 и 22.

Взглядъ на бытъ евреевъ съ медико-гигіенической точки зрѣнія. Виленскій Вѣстникъ. 1869. № 50.

Замѣтка члена совѣта кишиневской еврейской больницы, *Г. Жидовецкаго*. Новорос. Телеграфъ. 1872. № 153.

Правила объ учрежденіи въ Кіевѣ больницы для неимущихъ евреевъ. Сіонъ. 1862. № 33.

Еврейская больница въ Кіевѣ. Прил. къ Гак. 1862. № 47.

Постройка новой еврейской больницы въ г. Ковно. *Г. Каганъ*. Прил. къ Гак. 1862. № 8.

Бердичевская еврейская больница. Прил. къ Гак. 1865. № 38.

Замѣтка о бердичевской общественной еврейской больницѣ. *К. В—ръ*. Разсвѣтъ. 1861. № 52.

Симферопольская еврейская больница. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1860. Ч. XLIV (кн. 9).

Отчетъ одесской еврейской городовой больницы за десять лѣтъ съ 1851 по 1860 годъ. Составленъ смотрителемъ больницы *I. Рошкусомъ*. Прил. къ № 23 Сіона 1861.

Освященіе новаго отдѣленія одесской еврейской больницы. Сіонъ. 1861. № 15.

Отчетъ херсонской еврейской больницы. Херс. Г. В 1871. № 7.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ по херсонской еврейской больницѣ и богадѣльнѣ въ 1871 году. Херс. Губ. Вѣд. 1872. № 23.

Новая русская статуя. Статья *В. С.* (Иванъ Грозный, М. Антокольскаго). Спб. Вѣд. 1871. № 50.

Иванъ Грозный. Статуя М. М. Антокольскаго. Статья *И. П—ва*. Нива. 1871. № 19.

Еврейское возмездіе (по поводу статуи Антокольскаго). *А. Гаркави*. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 10.

Петръ Великій. Статуя М. М. Антокольскаго. Статья *П.* Всемірная Иллюстрація. 1873. № 240.

Древнееврейская музыка и пѣніе. *Олесницкаго*. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1871. № 12.

Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства. *В. Стасовъ*. Еврейск. Библіотека. 1873. Т. III, стр. 286—322.

По поводу открытія (по механикѣ) г. Липкина. *З. Слонимскій* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 17.

XI. ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ СЛОВЕСНОТИ; ЕВРЕЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Очеркъ исторіи и литературы евреевъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Д-ръ *С. Левенсонъ*. Сіонъ. 1861. №№ 12, 13, 14, 20 21. 32, 33 и 34.

Канканъ Халашъ Мале Іашанъ или критическій обзоръ еврейской литературы, древней и новой, соч. *А. Паперны*. Вильно 1867. Статья *И. Михельсона*. Прил. къ Гак. 1867. № 37.

Очеркъ постепеннаго развитія еврейской литературы вообще въ послѣднее время и труды польскихъ евреевъ въ особенности. С.-Петерб. Вѣдомости. 1862. № 37.

О древнееврейской священной поэзіи. Статья *Н. Е.* Чтеніе въ Общ. любит. дух. просв. 1872. №№ 6 и 7.

Сатира и юморъ въ еврейской литературѣ. *А. Паперна*. Прилож. къ Гак. 1867. №№ 40, 43, 44 и 47.

Обзоръ современной еврейской литературы. Л. *Гордона* Евр. Библіотека. т. I и II.

Книги у древнихъ евреевъ. Статья *С. Ц.* Воскресное Чтеніе. 1869 № 43.

Молодая Палестина. Изъ книги: «Жизнь и сочиненія Гейне» *А. Штродтманъ*. Еврейск. Библіотека Т. I.

Литературные этюды. *А. Гаркави*. Прилож. къ Гак. 1865. № 35, 39, 41, 45, №№ 47 и 48.

Литературныя письма. *І. М. Іоста*. Разсвѣтъ. 1860. №№ 16, 18, 20. 22, 23 и 27.

Корреспонденція (о еврейскихъ публицистахъ). Статья *Л. С.* Новое Время. 1869. № 117.

Премiи за лучшія сочиненія въ еврейской литературѣ. *Шохоръ-Троцкій*. Сіонъ. 1861. № 14.

Знаменитые еврейскіе писатели передъ судомъ русской критики. Время. 1861. № 3.

Новые матеріалы для исторіи еврейской литературы XV столѣтія. *І. Гурляндъ*. Спб. 1866.

Новые памятники еврейской литературы въ С.-Петербургѣ. Книжка II. *І. Гурляндъ*. Спб. 1866.

Нѣсколько мыслей о «Посланичествѣ Моисея» Шиллера. *П. Лякубъ*. Прил. къ Гак. 1865. № 36—38.

Памятники древней Вавилонской письменности. *Д. А. Хвольсонъ*. Русскій Вѣстникъ. 1859. №№ 9—11.

Современная еврейская биллетристика. *А. Г. Ковнеръ*. Еврейская Библіотека. Т. IV; стр. 248—272.

Предисловіе Мендельсона къ сочиненію «Спасеніе евреевъ» раввина Менасе-бенъ-Израиль. Прил. къ Гак. 1860. №№ 17, 19, 20. 22, 23 и 24.

Библіографія еврейскаго вопроса въ Россіи, съ 1855 по 1873 г. 1-я половина. Сост. *В. И. Межовъ*. Евр. Библіотека. Т. IV.

Библіографія. (Здѣсь идетъ рѣчь о соч. Гахозе хезіонатъ, т. е. видѣнія). Вѣстн. Русск. Евр. 1872. № 20.

Библіографическія замѣтки *М.* День. 1870. № 36.

Библіографическія извѣстія. *О. Лернеръ.* Одесскій Вѣст. никъ. 1868. № 184; 1869. № 24.

Варшава. (О еврейскомъ театрѣ). День. 1870. № 47.

Еврейская журналистика въ Россіи. *Р. Гольденвейзеръ.* Московскія вѣдомости. 1861. № 97.

Одинъ изъ современныхъ еврейскихъ вопросовъ. *Ю. Гольдендахъ* По поводу предъидущей статьи). Сіонъ. 1861. № 6.

Новогреческая поэзія и евреи. *М. Моргулисъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 49.

М. Вальтухъ и его итальянскія трагедіи. *Э. Трубичъ.* Прил. къ Гак. 1862. № 15.

О новыхъ еврейскихъ изданіяхъ въ Берлинѣ. День. 1870. № 2.

Обзоръ иностранной еврейской журналистики. Статья А. Г. Разсвѣтъ. 1860—1861. №№ 1—52.

Обзоръ иностранной еврейской журналистики. Вѣстн. Русск. евр. 1871. №№ 3 и 4.

Изъ иностраной еврейской журналистики. Сіонъ. 1861. №№ 21, 23, 24, 27 и 30.

Еврейскіе журналы. Кіевскій Телеграфъ. 1864. № 69.

Поворотъ въ русско-еврейской публицистикѣ. *Дм. Гирсъ.* Новое Время. 1872. № 104.

Литературное обозрѣніе. *Невскій критикъ.* Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 27.

1) Записки еврея. Отеч. Зап. 1871. 2) Еврейскій у насъ вопросъ. М. Юзефовичъ. Кіевъ 1871. 3) Собраніе рѣчей А. Пумпянскаго. Рига. 1870.

Нуженъ-ли журналъ для евреевъ, въ настоящее время, и на какомъ языкѣ долженъ онъ издаваться. *А. Думашевскій.* Руской Инвалидъ. 1859. № 75.

Значеніе журнала «Гакармель». *С. І. Финъ* Прил. къ Гак. 1860. № 1.

О новомъ еврейскомъ журналѣ при житомірскомъ раввинскомъ училищѣ. *А. Брикъ.* Сіонъ. 1861. № 19.

Къ издателю Гакармеля. *М. Х. Зигильманъ.* Прил. къ Гак. 1861. № 1.

Нѣсколько словъ о «Разсвѣтѣ», органѣ русскихъ евреевъ. Статья *М. Н.* Вѣкъ. 1861. № 25.

Газета «Гамелицъ». Одесскій Вѣстникъ. 1864 № 85.

Новая газета (Гацефира) на евр. языкѣ. Сіонъ. 1861. № 27.

Старая инсинуація или новая безсмыслица. День. 1871. №15. По поводу „Записокъ Еврея".

„Кегалъ Рефаилъ", т. е. собраніе мертвецовъ, фантазія *М. Л. Лиліенблюма.* Одесса. 1870 г. День. 1870. № 25.

Апрѣльская журнальная и библіографическая лѣтопись. Вѣстн. Русск. Евр. 1871. № 13.

1) Записки еврея. Отеч. Зап. 2) Евр. дѣло. Вопросы дня 1871 № 1.

Майская журнальная и библіографическая лѣтопись. Вѣстникъ Русск. Евреевъ. 1871. № 22.

1) Записки Еврея. Отеч. Зап. 2) Органич. жизнь языка. 3) Еврейская Библіотека, т. І.

Прототипъ Лессингова „Натана". День. 1870. 3 и 4.

Перестановка лицъ въ трагедіи „Венец. купецъ". Вѣст. Русск. Евр. 1871. № 41.

Шейлокъ. Ст. *Диккера.* Прил. къ Гак. 1866. № 7.

Еврей Шейлокъ въ драмѣ Шекспира: Венеціанскій купецъ. Ст. *А. Г.* Сіонъ. 1861. № 21 и 22.

Шекспиръ и наши публицисты. Марія *Сакеръ.* День. 1869. № 33.

Римскій закладъ (о Шейлокѣ). Фонъ *Ш.* День. 1870. № 3.

Полемическій случай съ ‹Основой› и „Сіономъ". Время. 1861. № 12.

„Сіонъ" и „Основа" предъ судомъ русской журналистики. Сіонъ. 1862. № 37.

Образцы провинціальной діалектики. (О Новорос. Телеграфѣ). День. 1870. № 40.

Русская журналистика и евреи. Ст. *И. О.* День. 1871. № 21.

Еврейская Библіотека. Историко-литературный сборникъ. Т. І, 2, 3, и 4. Изданіе *А. Е. Ландау.* Спб. 1871—1873.

1) Вѣстникъ Европы. 1871. № 8. (Библ. замѣтка на оберткѣ). 2) Дѣло. 1871. № 8; стр. 88—103 (Рец 1-го т. А. К—ра). 1872. № 7; стр. 69—80. (Рец. 2-го т.). 3) Отеч. Записки. 1871 № 6. 4) С.-Петербургскія Вѣдомости. 1871. № 51 и 138. (Библ. зам. о 1-мъ т.). 1872. № 72. (Библ. зам. о 2-мъ т.)—1873. № 96. (Библ. зам. о 1-мъ т.). 5) Современ. лѣтопись. 1871. № 39. (Библ. зам. о 1-мъ т.). 6) Всемірн. Трудъ. 1872. № 3; стр. 49—58. (Рец. 2-го т.). 7) Новое Время. 1872. № 104. (Статья Д. Гирса о 1-мъ и 2-мъ тт.). 8) Кіевлянинъ 1872. № 111 и 112. (Ст. Ф. Ф.). 9) Новор. Телеграфъ. 1872. № 55, 57, 63 и 80).

Нѣсколько словъ о значеніи еврейскихъ газетъ. Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 41.

Будни и праздникъ Янкеля Дворкина и его семейства. (Очеркъ еврейскаго быта). *Г. Рѣшетникова.* (От. Зап.) 1869. іюнь). Религіозныя секты евреевъ отъ паденія Іерусалима до нашихъ временъ. и описаніе ихъ религіозныхъ обрядовъ. По Іосту. Изд. А. И. Манухина. Москва. 1864 года. *Г. Варшаверъ.* День. 1869. № 10.

Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ, издаваемый Общ. для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Книга 1-я. Спб. 1866.

С.-Пет. Вѣд. 1866. Рец. Бенъ-Хаима.

Сборникъ статей по еврейскому вопросу. Вып. І. *Моргулисъ.* Кременчугъ. 1869. Ц. 75 к.

С.-Пет. Вѣд. 1869. тоже Кіевлянинъ. 1869. № 100. (Рец.).

Открытое письмо къ г. Цедербауму, редактору газеты „Коль-Мевассеръ". *Г. Люлька.* День. 1870. № 50.

Questions et desirs. (Желанія, высказанныя по поводу изд. „Дня“). Письмо къ редактору „Дня“. *А. Ландау.* День. 1869. № 1.

По поводу еврейской газеты „День“. Перед. ст. Биржев. Вѣдомости. 1869. № 162.

Гакеховимъ (звѣзды) или литературное періодическое изданіе, изд. *І. М. Вольманомъ.* 1-й вып. Вильно. 1868.

Тикунъ-мешалимъ. Басни *И. А Крылова* въ 9-ти книгахъ, переведенныя на еврейскій языкъ. *М. Д. Рейхерсономъ.* Вильно. 1860. Разсвѣтъ. 106 №1. 39.

XII. РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.

Нахумъ Ишъ-Гамзу. (Талмудическая легенда). *Д. Минаевъ.* Евр. Библіотека. Т. IV.

Пуримъ. Шутка (коли хотите). *А. Гинзбургъ.* Прилож. къ Гак. 1868. № 35.

Хвала Царю. Стих. *Б Лебенсона.* Прил. къ Гак. 1860. № 19.

Ночь въ синагогѣ. (Опытъ еврейской баллады). *К. Скурховичъ.* Прилож. къ Гак. 1869. № 33.

Шева-Бенъ-Бихрей. (Баллада) *К. Скурховичъ.* Прил. къ Гак. 1869. № 44.

Девора. Драма въ 4-хъ д. *Мозенталя.* Перев. съ итальянскаго. Спб. 1861.

Еврейскому племени. Вѣст. Русс. Евреевъ 1872. № 14.

Гагба. (Изъ Габріэля *Риссера*). Разсвѣтъ. 1860. № 27.

Отрывокъ изъ поэмы «Жидъ». *А. Гинзбургъ.* Прил. къ Гак. 1869. №№ 172—173.

Мѣсяцъ и собака. *Т. Розенцвейгъ.* Прил. къ Гак. 1841. № 48.

Братьямъ. (Изъ еврейскихъ народныхъ стихотвореній. *Л. О. Гордона*). Д. М. Евр. Библіотека. Т. III.

Принцесса Саббатъ. (Изъ еврейскихъ мелодій. *Гейне*). *Н. Луговской.* Разсвѣтъ. 1860. № 18.

Еврейскія мелодіи. *Р. Ильишъ.* Спб. 1866.

Три басни не для маленькихъ дѣтей. *В. Каганъ* Сіонъ. 7861. № 17.

Дочь Іеффая. А. *де-Виньи.* Перев. *Дм. Минаева.* Евр. Библіотека. Т. IV.

11 августа 1860 г. *Ш. Д. Каценеленбогенъ.* Прил. къ Гак. 1860. № 10.

Арфа Давида. *Ш. Д. Каценеленбогенъ.* Прилож къ Гак. 1870. № 4.

Агасферъ, вѣчный жидъ. Поэма. *В. А. Жуковскаго.* Москва. 1070.

Шейлокъ, венеціанскій жидъ. Драма въ 5 д. *Шекспира.* Перед для сцены Ап. Григорьевымъ. Спб. 1860.

Моисей. Восточная поэма. (Альфреда де-*Виньи*). Перев. *Дм. Минаева* Евр. Библ., т. III.

Цвѣта Іудеи. (Изъ Франкеля). Стих. *Дм. Минаева.* Евр. Библіотека Т. II.

Субботняя пѣсня. (Изъ Л. Франкеля). *Дм. Минаева.* Евр. Библіотека. Т. III.

Еврейская пѣсня. (Изъ Барри *Корнуэля*). *Дм. Минаева.* Евр. Библіотека. Т. III.

Подслушанное. Изъ посмертныхъ стихотвореній *Гейне П. И. Вейнбергъ.* Евр. Библіотека. Т. I.

Еврей и христіанинъ. Стих. *П. И. Вейнберга.* Евр. Библ. Т. I.

Гаазину. Предсмертная пѣснь Моисея. *Л. І. Миндельштамта.* Евр. Библіотека. 1871. Т. I.

Колыбельная пѣснь Гитэли. Стих. *Л. І. Мандельштама.* Евр. Библіотека. 1871. Т. I.

Еврейскія мелодіи. (Изъ *Байрона*). Стих. Иллюстр. Газета. 1872. Т. II. № 17.

Еврейскія мелодіи лорда *Байрона.* Перев. *П. Козлова.* Спб. 1860. Ц. 75 к.

1) Свѣточь. 1860. № 3; стр. 91–94. 2) Голосъ. 1764. № 107.

Изъ евр. мелодій *Байрона* «The wild gazelle». Перев. *А. Плещеева.* Отеч. Записки. 1872. № 8.

Элегія воспоминанія евреями разрушенія Іерусалима. *О. Гурвичъ.* Гродненскія Губ. Вѣд. 1870. № 31.

Рахиль, повѣсть. (Посвящается моимъ класснымъ товарищамъ. Ш. *Эфронъ.* Вѣстникъ западн. Россіи. 1870. Кн. 9 и 10. 1871. № 1.

Декретъ Наполеона I отъ 17 марта 1808. (Разсказъ Александра *Вейля*). Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 13.

Ханжа. (Быль 1858 года). *Розенблюма.* Разсвѣтъ. 1860. № 28.

Герръ Гооллендеръ великій человѣкъ. (Очеркъ изъ еврейскаго быта). *П. О. Трофимовъ.* Сынъ Отечества. 1872. № 40, 41 и 42 (воскр. №)

Ребъ Шлемка Танцеръ. (Очеркъ еврейскаго быта). *Н. О. Трофимовъ.* Русс. Міръ. 1872. № 283.

Первые шаги повѣсть. *Д. Л. Слонимскаго.* Вѣст. Русс. Евр. 1872. №№ 1, 2, 3, 4, 6. 8, 9 и 10.

Наслѣдственный подсвѣчникъ. Картины прошлаго. *О. Рабиновича.* Разсвѣтъ. 1860. № 1—8.

Съ натуры. *К. Пумпянскій.* Прил. къ Гак. 1868. № 30.

Палермскій врачъ. Сицилійская хроника XIV вѣка. Вѣст. Русс. Евр. 1872. № 11—26.

Вѣкъ пережить — не поле перейти. (Изъ разсказовъ отставного солдата). *В. Н. Никитина.* Евр. Библіотека. Т. IV.

На вѣчныя времена. День. 1871. № 5.

Сцена изъ романа *Л. Мюльбахъ.* „Фридрихъ Великій и его дворъ“. День. 1871. № 11—12.

Другъ дѣтства. *А. Монастырскій.* Вѣст. Р. Евр. 1871. № 16.

Еврейская семья. Драм. повѣсть. *Л. І. Мандельштамъ.* Изд. 3-е. Спб. 1872.

Мое пребываніе въ Испаніи. Вѣст. Русс. Евр. 1872. № 4.

Листки изъ дневника Іерусалимскаго дворянина. Duc de Icrusalem. День. 1870. № 16.

Историческая картина изъ XVIII вѣка. Д-ра Макса *Леттериха.* Перев. Л. Трахтенбергъ. Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 15.

Блудный сынъ. *П. Л—бъ.* Прил. къ Гак. 1861. № 39.

Маккавеи. Трагедія. Отто *Лудвига.* Всеміp. Иллюстрація. 1869. № 38.

Самуилъ Гимпельсъ. Повѣсть изъ еврейскагобыта. *Л. О. Леванды.* Вильно. 1868.

По поводу этой повѣсти. Биргеръ. Прил. къ Гак. 1869. № 49.

Очерки прошлаго. I. Л. *Леванда.* День. 1870. № 6—11.

Очерки прошлаго. II. Пэйси моего меламда. *Л. Леванды.* День. 1870. № 13—17.

Изъ повѣсти „Частный урокъ". *Л. О. Леванды.* Прил. къ Гак. 1861. № 22.

Другъ-Бернардъ. Разсказъ. *Л. О. Леванды!* Сіонъ. 1861. № 8—10.

Депо бакалейныхъ товаровъ (картины еврейскаго быта). *Л. О. Леванды.* Разсвѣтъ. 1860. №№ 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 42, 44 и 45.

Горячее время. Романъ. *Л. О. Леванды.* вр. Библіотека. Т. I, II, III.

Шмуль-Дѣвка. Разсказъ. Эдуардъ *Кульке.* День. 1870. № 29—37.

Куда ни кинь—все клинъ. Маркусъ *Оксманъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 49.

Пѣвица. Повѣсть Леопольда *Комперта.* День. 1869. № 1—14.

Какъ тогда женились. Разсказъ Леопольда *Компертъ.* День. 1870. № 41—42.

Годовщина. (Разсказъ Леопольда *Комперта*). Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 1—7.

Моя юность. Александра *Вейля.* День. Орг. Русс. Евр. 1891. №№ 4, 6, 7, 8, 16, 17, 18, 1., 20, 21 и 23.

Ледергерцъ. (Изъ воспоминаній священника). День. Орг. Русс. Евр. 1870. № 28.

Юношеская любовь. *Берне.* Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 2 и 3.

Оффиціозный этнографъ. *Д. Гирсъ.* Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 11—12.

Фейгеле-Маггидъ. Картины еврейскаго быта. *А. Бернштейнъ.* Перев. *Д. Фридмана.* Сіонъ. 1861. № 28—36.

Еврейское кладбище въ Прагѣ и совѣтъ представителей двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. Спб. 1872. (Изъ романа Редклифа: До Седана).

Безъ позволенія. Повѣсть Леопольда *Комперта.* (Перев. съ нѣмецк. *Фридмана*). Сіонъ. 1861. № 12—17.

Антипаторъ. Историческій разсказъ. *С. Капланъ.* Прил. *зесъ.* Вѣст. Русс. къ Гак. 1860. № 27, 28 и 32.

Илау. (Очеркъ современной жизни въ Галиціи). *Исаакъ Мизесъ.* Вѣст. Русс. Евр. 1872. № 17—19 и 21—33.

Преступное желаніе. (Изъ записокъ учителя). День. 1869. № 33.

Еврейское дѣло. Романъ *—ова.* Вопросы дня. 1871. № 1 и 2.

Дочь Раввина. (Сцены изъ еврейской жизни). Воскресный Досугъ. 1869. № 318 и 319.

Двѣ принцессы. Украинская быль. День. 1869. № 20—23.

Двѣ легенды и одна мысль. День. 1870. № 47 и 48.

Глухой солдатъ. День. 1871. № 13.

Давидъ и Сура Либерманы. *Д. Гирсъ.* Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 34 и 35.

Геръ Цедекъ. Быль XVIII вѣка. Евр. Библіотека. Т. III.

Волшебный фонарь. *Ал. Гаццофе.* Сіонъ. 1861. № 4 и 13.

Агасферъ въ Римѣ. Поэма въ 6 пѣсн. *Р. Гамерлингъ.* Отеч. Записки. 1872. № 9 и 10.

Врачь умалишенныхъ. День. 1871. № 3.

Возникновеніе г. Сѣченовки. Очеркъ еврейскаго быта. Нива. 1872. № 28.

Эскизы. *Л. Владиміровъ.* Разсвѣтъ. 1861. № 41 и 50.

Сцены изъ евр. быта. Іоська и Грицько. Москва. 1870.

Сцены изъ евр. быта. *А. А. Гулевичъ.* Москва. 1870.

1) Всеобщая Газета. 1870. № 58 и 65. (Статья X. и С. Ф.). 2) Современная Лѣтопись. 1870. № 16. (Библ. зам. В. Неона).

Сцены изъ евр. быта. Павелъ *Вейнбергъ.* Спб. 1870.

1) Дѣло. 1870. № 7. 2) Сынъ Отеч. 1870. № 7 и 167. 3) Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 2.

Разлука разсказъ. *М. В—скаго.* Вѣст. Русс. Евр. 1871. № 36.

Мордхе Кизовичь. Разсказъ. *М. Д. Брандштетеръ.* Евр. Библіотека. Т. III.

Борьба. День. 1870. № 45 и 46.

Пойманникъ. Быль. *Г. Богровъ.* Евр. Библіотека. Т. IV.

Записки еврея. *Г. Богрова.* 1871. № 3, 5, 8, 11.

Царскій поцалуй. Разсказъ *Ауэрбаха.* День. 1870. № 1 и 2.

Еврей на часъ. *Ауэрбаха.* День. 1871. № 18.

За двумя зайцами. Разсказъ. *Аксенфельда.* Вѣст. Русс. Евр. 1872. № 17—21.

Отцы и дѣти. (Изъ еврейскаго быта). Романъ. Соч. *Ш. Я. Абрамовича.* Передѣлалъ *Л. Бинтокъ.* Спб. 1868.

1) Всемірный Трудъ. 1868. № 6; 2) Женскій Вѣстникъ. 1868. № 1: (Статья Н. Арова). 3) Отеч. Записки. 1868. № 2. 4) Прил. къ Гак. 1868. № 5—9. 5) День, А. Ковнера. 1869. № 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Содержаніе первыхъ ЧЕТЫРЕХЪ томовъ

„ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ III-го ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ IV-го ТОМА.